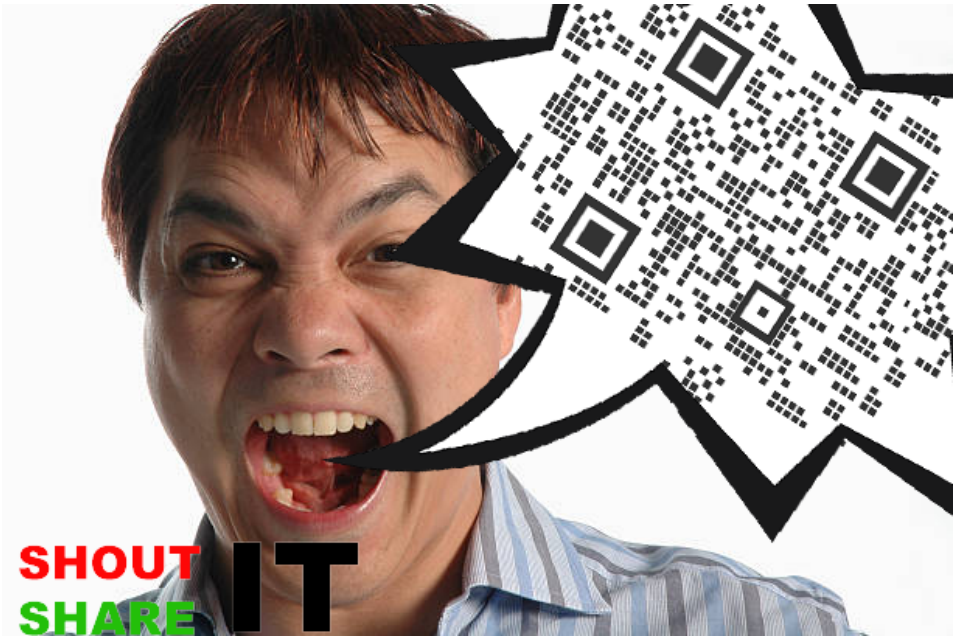
Н. МОЛЧАНОВ

ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

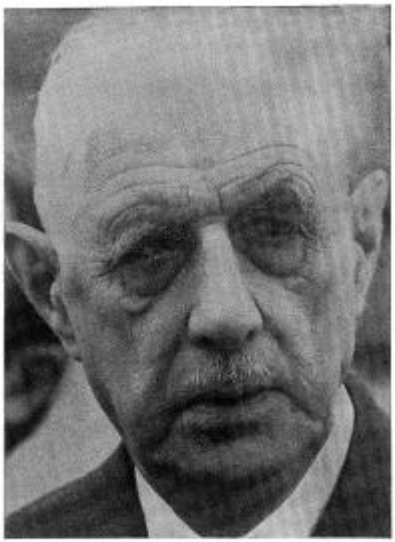
Книга профессора Н. Н. Молчанова посвящена жизни генерала де Голля — выдающегося государственного деятеля Франции, одного из руководителей антигитлеровской коалиции. В Советском Союзе помнят и высоко ценят большой вклад де Голля в развитие отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Францией.

Для читателей, интересующихся историей и современным политическим положением Франции.

http://fb2.traumlibrary.net

- Николай Николаевич Молчанов
  -
  - Генерал де Голль
    - «Орленок»
    - Сен-Сир
    - Огонь
    - Капитан
    - Шпага
    - Танки
    - Разгром
    - 18 июня
    - Сопротивление
    - Алжир
    - Освобождение
    - «Спасение»
    - Фарс
    - Пустыня
    - 13 мая
    - Расплата
    - Монарх
    - Величие
    - Крушение
  - Выходные данные
- notes
  - 1

Николай Николаевич Молчанов
Генерал де Голль

Генерал де Голль

«Орленок»

Поздней осенью 1900 года по одной из аллей Люксембургского сада мимо холодных статуй и уже потерявших листву деревьев проходил высокий, немного сутулый, седеющий мужчина, весь в черном. Преподаватель философии коллежа иезуитов на улице Вожирар Анри де Голль время от времени бросал то суровый, то мягкий взгляд на шагавшего рядом с ним сына Шарля, которому в этот день исполнилось десять лет. Они возвращались из театра Сары Бернар. Мальчик дождался, наконец, обещанного подарка, в руке он держал программу «Орленка», спектакля Эдмона Ростана. В последние месяцы Шарль столько слышал о нем! О Ростане говорили, что стоит ему захотеть, и завтра он будет королем Франции, так велика его слава!

Она засияла еще три года назад, после постановки знаменитой героической комедии «Сирано де Бержерак». Ростан воскресил старинное искусство стихотворной романтической драмы. Его главный герой Сирано заставлял плакать и смеяться одновременно. Отважный, благородный, остроумный гасконец, со смешным огромным носом, казалось, воплощал самые лучшие качества типичного француза. Новая пьеса «Орленок» была несравненно слабее. Злосчастная судьба сына Наполеона, так называемого Римского короля, оказавшегося после падения императора фактическим пленником австрийского королевского двора, вообще мало походила на ее изображение в пьесе. Ростан невольно подтвердил справедливость слов Наполеона о том, что от великого до смешного— один шаг. В «Орленке» трагедия смешалась с дешевой опереттой и, несмотря на блестящие александрийские стихи, великолепную игру актеров, пышное оформление пьесы, получилась банальная мелодрама. И все же «Орленок» затмевал успех действительно замечательной пьесы «Сирано де Бержерак» и производил Фурор. Впрочем, пьесы, как и книги, имеют свою судьбу в зависимости от головы читателя или зрителя!

А французы в дни, когда начинался новый век, оказались необычайно восприимчивы к напыщенной риторике на тему о Родине, Величии, Франции. Если речь заходила об унижении национальной святыни, об имени Наполеона, а об этом и напоминал Ростан в «Орленке», возмущенное патриотическое чувство доходило до экстаза. Уже тридцать лет французы болезненно переживали позор поражения во франко-прусской войне 1870–1871 годов Франция познала тяжкое горе

побежденных: у нее отняли Эльзас и часть Лотарингии, заставили платить огромную пятимиллиардную контрибуцию. Франции, как заявил Бисмарк, оставили лишь глаза, чтобы оплакивать свои несчастья…

Три десятка лет не только не ослабили чувства унижения, но превратили его в жажду отмщения. Франция вновь стала сильной. На Всемирной парижской выставке 1900 года она демонстрировала свои богатства, достижения и таланты. Теперь боль от старых ран стала невыносимой. Французы ничего не забыли, статуя захваченного врагом Страсбурга на площади Согласия неизменно покрывалась траурным крепом, а ее подножие утопало в цветах. Дух реванша, грозно созревая, выражался в самых неожиданных вещах. В моду вошли матросские береты для мальчиков с надписями вроде «Мститель», «Бесстрашный», «Неукротимый». Такая золотая надпись украшала и голову десятилетнего Шарля де Голля, возвращавшегося с представления «Орленка» как!во сне: настолько его потрясла пьеса. Взгляд блуждал по сторонам, а в ушах не умолкали великолепные, звенящие стихи Ростана. Тирады старого наполеоновского солдата Фламбо, страдания несчастного «белокурого Бонапарта», игравшего на сцене в солдатики, любимое занятие маленького Шарля, — все волновало его. Слова сына Наполеона отдавались в сознании ребенка звучным эхом: «О царственная слава! Имперский трон, порфира и орлы!» Глаза наполнялись слезами, когда он вспоминал раннюю смерть Римского короля, покидавшего мир с очередной звонкой фразой: «Скорей коня, к отцу спешить я должен…»

Словом, Ростан безраздельно и надолго завоевал сердце Шарля. Видно, не зря мать еще раньше завивала и причесывала ему локоны под Римского короля, а вокруг его тонкой шеи обычно лежал туго накрахмаленный воротничок, подобный тому, в каком великий актер Коклен исполнял роль Сирано.

Правда, тогда все французские дети, выраставшие в атмосфере националистического психоза, легко поддавались обаянию барабанного боя, пушечной канонады, сверкания оружия и трепета боевых знамен. Но юный Шарль де Голль оказался особенно восприимчивым ко всей этой патриотической бутафории. Культ восторженного патриотизма, давних традиций, страстной национальной гордости безраздельно царил в семье, где он воспитывался. Здесь часто с грустью говорили о поражении Франции во франко-прусской войне. Ка всю жизнь запомнится Шарлю де Голлю рассказ матери об отчаянии, которое она испытала однажды в детстве, увидев своих родителей, горько плакавших при известии о капитуляции в 1870 году армии

маршала Базена. О горестных днях поражения особенно часто напоминал отец Шарля, участник злосчастной войны. Лейтенант мобильной гвардии Анри де Голль сражался против пруссаков, осадивших Париж, был ранен в бою около местечка Стен. Он не раз возил своих детей на бывшее поле битвы и показывал им памятник погибшим с изображением сломанного меча и эпитафией, которую они с волнением читали: «Меч Франции, разбитый в доблестных руках павших, будет снова выкован их потомками».

Анри де Голль часто водил детей на прогулки по историческим местам Парижа и его окрестностей, рассказывая по пути о самых славных эпизодах истории Франции. Юный Шарль де Голль восторженно проникается чувством патриотической гордости. О самых сильных впечатлениях своего детства он напишет много лет спустя: «Ничто так не поражало меня, ребенком попавшего в Париж, как символы нашей славы: Собор Парижской богоматери, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, трофейные знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов».

Анри де Голль показывал детям исторические памятники с таким же видом, с каким он давал им потрогать свою военную медаль 1870 года. Ведь эти памятники тоже были своего рода фамильной гордостью. Уже в раннем детстве Шарль де Голль узнал о своих предках, на протяжении веков помогавших королям «создавать» Францию.

Далеко не каждый из его сверстников, происходивших из старинной французской знати, мог похвастаться тем, что еще в 1210 году славный король Филипп-Август пожаловал Ришару де Голлю ленное владение в Эльбеже.

Особенно заметный след оставил участник Столетней войны храбрый шевалье мессир Жеан де Голль, правитель Орлеана. В 1406 году с отрядом арбалетчиков он переправляется через Сену и штурмует Шарантон, в 1413 году король поручает ему защиту ворот Сен-Дени, которые осаждал герцог Бургундский, а через два года он участвует в знаменитом сражении при Азенкуре, окончившемся поражением французов. Когда англичане захватывают Нормандию, Жеану де Голлю предлагают перейти на службу к английскому королю. Подобно своему далекому потомку, он отказывается стать коллаборационистом, теряет свои владения и обосновывается в Бургундии; король Франции вознаграждает его за верность и наделяет владением в Кьюзери…

Генеалогическое древо де Голлей дает новые ветви, и на страницах истории упоминается то один, то другой

представитель рода, носившего имя, столь созвучное с названием древней Галлии, на земле которой возникла Франция. К началу XVIII века предки Шарля де Голля превращаются из представителей «дворянства шпаги» в «знать мантии». Наместники, советники парламентов, судебных учреждений, адвокаты, прокуроры сменяют друг друга в фамильном списке.

Но вот наступает Великая французская революция, и советник парижского парламента Жан-Батист-Филипп де Голль, как и все дворяне Франции, ощущает на себе ее железную руку. Он разорен, а при Конвенте посажен в тюрьму. Контрреволюционный переворот 9 термидора спасает его; на другой день он уже на свободе, а затем постепенно приспосабливается к новым временам. К концу правления Наполеона он становится директором военной почты Великой армии. А его сын Жюльен-Филипп де Голль соединяет уже порядком высохшую ветвь дворянского рода с промышленной буржуазией севера. Он женится на Жозефине Мэйо из семьи владельцев табачной фабрики в Дюнкерке. И у нее был хотя и более скромный, но приличный список предков. Один из Мэйо в XVIII веке строил по приказу Вобана укрепления Лилля.

Два полуразрушенных рода — один аристократический, другой буржуазный — дали не совсем обычную поросль, которую можно назвать консервативной интеллигенцией. Жюльен-Филипп де Голль оставил после себя несколько исторических сочинений, например «Новую историю Парижа и его окрестностей» или «Жизнеописание пейзажиста г-на Бидо». Но особенно активную духовную деятельность развила бабушка Шарля — Жозефина Мэйо. Она написала немало книг, в частности биографию Шатобриана, поклонником которого станет ее знаменитый внук. Она издавала также журнал «Семейная переписка». Ревностная католичка, она тем не менее проявляла необычную широту взглядов. В своем журнале Жозефина напечатала одобрительные комментарии к некоторым сочинениям социалиста Прудона и даже произведения будущего коммунара Жюля Валлеса.

В этой семье было три сына. Шарль стал историком, написавшим труд «Кельты в XIX веке». Второй сын — Жюль тоже пошел в науку, но совсем иную. Он приобрел известность как энтомолог своим «Каталогом перепончатокрылых Франции», в котором описал пять тысяч видов ос и пчел. Судьба третьего сына — Анри, родившегося в 1848 году, сначала была неопределенной. Участник войны с Пруссией, допущенный в военно-инженерную Политехническую школу, он отказался от карьеры офицера, предпочел должность мелкого чиновника в префектуре департамента Сена. Здесь он тоже не задержался, подав в

отставку в знак протеста против несправедливости по отношению к одному из его коллег. В конце концов, он стал преподавателем «свободной», то есть религиозной, школы. Он обучал литературе, философии, математике учеников иезуитского коллежа Непорочного зачатия на улице Вожирар.

В 1886 году Анри де Голль женился на своей кузине Жанне Мэйо: так род де Голля еще раз породнился с промышленной буржуазией севера. 22 ноября 1890 года у супругов родился второй сын. Если первого они назвали Ксавье, то второму удачно досталось звучное имя Шарль, очень подходящее для будущего политического деятеля. Он появился на свет в строгом двухэтажном особняке солидного буржуазного квартала города Лилля, вдали от его шумных промышленных районов. Но нет нужды особенно останавливаться на описании Лилля; семья жила в Париже и двое старших сыновей родились здесь только потому, что мадам де Голль хотела родить в доме своей матери.

Многие считали, что Шарль де Голль по своему характеру был вылитым портретом матери: та же чувствительность, скрытая под ледяной маской невозмутимости, тот же темперамент, в котором смешивались уравновешенность и нервозность, та же внезапная вспыльчивость. Что же касается мировоззрения, культуры, манеры мышления, то он — явно сын своего отца. Разумеется, все эти проявления врожденной наследственности — дело темное и напоминают извечные разговоры о том, от кого из родителей сын унаследовал цвет глаз, форму носа или походку. Важнее восстановить духовную атмосферу, в которой рос и воспитывался человек, вступавший в жизнь.

Север Франции, откуда ведет свое происхождение семья Шарля де Голля, всегда считался центром национализма в сочетании с католицизмом. Однако церковь выражает здесь несколько иной дух, чем, например, в западных районах Франции, где многое застыло в формах феодальных времен. На севере католики склонны больше прислушиваться к новым веяниям. Это в какой-то степени свойственно и части промышленной буржуазии северных департаментов. Здесь, вблизи скрещения главных европейских торговых путей и промышленных районов, нельзя было выдержать конкуренции без особой предприимчивости, без умения приспосабливаться к новым обстоятельствам и требованиям рынка и, конечно, без экономии и неустанного труда. Север — главное средоточие деловой энергии тогдашней французской буржуазии, что отражалось во всем ее пуританском облике, в образе жизни и нравах. Дворянство здесь тоже, в отличие от юга и запада, более современное, особенно близкое к новой буржуазии. К тому же

среди населения севера росло число рабочих, которые по-своему вынуждали местную буржуазию понимать требования времени. Что касается национализма, то его сильное влияние объясняется тем, что на протяжении веков этот район Франции был полем битв и путем вражеских вторжений.

Вообще, атмосфера человеческих отношений, быт, нравы на севере отличались значительно более суровым колоритом, чем на средиземноморском юге, в Лангедоке или Провансе. Еще Бальзак писал, что весь характер уроженцев этих мест «в двух словах: терпение и добросовестность… которые делают нравы страны столь же скучными, как ее широкие равнины, как ее пасмурное небо». Но оставим север, поскольку Шарля де Голля еще ребенком увезли в Париж, а несколько поколений его предков по линии отца были парижанами.

Жанна де Голль, женщина набожная, создавала в доме жизнь, полную благочестия. Хорошая жена и заботливая мать, она была властной и непримиримой в отношении религии и нравов. Под стать ей был и муж; не зря же он преподавал в религиозном учебном заведении.

Не говоря уже об обязательном посещении мессы, ничего не делалось без молитвы. Тоска по прошлому, и особенно по монархии, надежды на восстановление которой безнадежно рухнули, создавала в семье настроение некоторой отчужденности от окружающей жизни. 14 июля — день взятия Бастилии — почти не признавался законным торжеством. Национальным праздником считали больше день памяти Жанны д'Арк.

События политической жизни встречали одобрение только в том случае, если речь шла о каком-либо намеке на возрождение «истинного величия» Франции. С восторгом отнеслись родители Шарля к приезду в Париж в 1896 году русского императора Николая II. Союз с Россией обещал успех в назревавшей войне с Германией. В Париже хотя бы внешне возродилась видимость монархической атмосферы в ходе разных официальных церемоний вроде торжественной закладки первого камня в мост Александра III. Семья непременно отправлялась на военные парады на ипподром в Лоншане, чтобы любоваться стройными рядами солдат, своим видом напоминавших о былой воинской славе. Правда, Анри де Голль, называвший себя «тоскующим монархистом», предпочел бы видеть не трехцветные республиканские знамена, а королевские лилии на белых стягах. Только два института французского общества считались в семье Анри де Голля достойными всяческого уважения и доверия — армия и церковь. Но с тем большей горечью следили здесь за ожесточенной борьбой против этих столпов тысячелетней

истории Франции. Последнее десятилетие XIX века было наполнено непримиримыми распрями, в центре которых оказалось знаменитое «дело Дрейфуса». Судьба невинно осужденного за мнимый шпионаж офицера-еврея возмутила совесть Франции. Страна оказалась на грани гражданской войны. Раскрылась гнусная цепь подлогов, лжи, мошенничества, к которым прибегала верхушка французской армии, чтобы спасти свое лицо в позорном для нее «деле Дрейфуса».

Жанна де Голль (урожденная Мэйо), Анри де Голль

Родители Шарля де Голля были уязвлены в своих сокровенных чувствах: обожаемая ими армия, эта национальная святыня, покрыла себя грязью невиданного позора. Оказалась запачканной и сама святая апостольская Церковь, выступавшая на стороне клики, столь нелепо состряпавшей «дело Дрейфуса», чтобы сокрушить ненавистную Республику. Преступные махинации военщины и клерикалов убедительно и бесстрашно разоблачали Жан Жорес и Эмиль Золя. Но люди консервативных убеждений вопреки очевидным фактам обычно становились все же на сторону антидрейфусаров. И здесь-то проявилось благородство, интеллектуальная честность Анри де Голля. Он не только считал Дрейфуса невиновным, но даже открыто заявил об этом на службе. И где? В иезуитском коллеже! Это серьезно повредило его карьере.

Впрочем, консервативные убеждения, националистическая гордость, монархические мечты и клерикальные симпатии родителей Шарля оставались вопреки всему непоколебимыми.

Они лишь замыкались в одиночестве, еще раз убеждаясь, что все, чем может гордиться семья, связано с прошлым Франции, с ее историей.

С раннего детства Шарлю внушали, что по воле счастливого случая он — продолжатель столь славного в прошлом, хотя ныне увядшего генеалогического древа рода де Голлей. Естественно, каждый раз речь заходила о Столетней войне и событиях, ей подобных. Детям говорили, что людям такого происхождения никогда не следует изменять своей исторической миссии, состоящей в том, чтобы хранить высокий духовный облик нации, быть опорой патриотизма и католической веры. Вот к чему сводилось семейное воспитание будущего генерала! Он рано осознал свою принадлежность к подлинной элите, призванной самим богом быть солью земли и составлять когорту избранных носителей французского духа. Конечно, признавались и заслуги промышленной и коммерческой буржуазии, однако подчеркивалось неизмеримое превосходство над этим разрядом людей, обреченных на вечную низменную погоню за деньгами.

Видимо, здесь и лежат истоки того, что де Голль никогда, до конца своих дней, не признавал своей принадлежности к буржуазии. Забегая вперед, приведем слова, сказанные им в 1962 году: «Буржуа? Я им никогда не был. Буржуазия — это богатство, стремление к доходам, к собственности. Моя семья и я, мы всегда были бедны… Я никогда не чувствовал себя связанным с интересами и стремлениями этого класса».

Как мы еще будем иметь возможность убедиться, генерал де Голль имел весьма своеобразное представление о классовой структуре общества.

Вернемся, однако, к дням его нежного детства, когда ему внушали убеждение в его принадлежности не столько к буржуазному классу, сколько к самой выдающейся, самой высшей общественной группе — к дворянству, причем к его особой, избранной касте, той, которая не просто сражалась за короля, но обладала знаниями, правом судить, управлять, просвещать, поучать людей. Он приобретал не обычное гордое сознание дворянина, но особое патрицианское чувство. Им всегда отличались представители наследственной магистратуры, дворянства «мантии», к которому принадлежали многие предки Шарля де Голля.

Конечно, сама по себе дворянская приставка «де» уже практически мало что значила. Тем более, как говорили в старину во Франции, «нет сеньора без земли». А земли, как и богатства, не было, если не считать маленького семейного владения Ла Лижери в Дордони, где дети проводили лето. Однако сознание своего

благородного происхождения психологически ведет к тому, что человек хочет быть знатным и стремится к власти. Он проникается чувством отличия от других и инстинктивно приобретает некоторую чопорность языка и манер, даже, как это было с де Голлем, если он и не кичится открыто своей знатностью. Ведь родители наряду со всем прочим воспитывали в нем на свой лад хорошие манеры., хороший вкус, хороший тон.

Уже в раннем детстве в его поведении порой проявлялись признаки веры в свою особую судьбу. Однажды десятилетний Шарль но обычаю мальчиков его возраста, забавляясь, съезжал по перилам лестницы, но, не удержав равновесия, упал и больно ушибся. Его подняли и участливо спросили: «Ты не испугался?» «Испугался? — гордо ответил он. — Разве я родился не под счастливой звездой?»

Мальчик очень рано обнаружил отнюдь не покладистый характер. Никто не называл его простодушным или тем более послушным. С опущенными глазами его лицо выражало какую-то надменность, а когда он смотрел вперед, его взгляд исподлобья одним казался отважным, другим — заносчивым. Иногда он погружался в долгое мрачное молчание. Но гораздо чаще он был непоседливым и задиристым, горячим и резким. С азартным увлечением Шарль устраивал игру в войну вместе с сельскими мальчишками. В комнате мальчиков именно он подымал невыносимый шум, устраивая из книг, тетрадей и игрушек беспорядочную свалку. «Если появляется Шарль, — говорили в семье, — покой исчезает».

Мать надеялась на школу; в 1900 году Шарль начал учиться в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Иезуиты славились искусством внушать уважение к священному принципу власти и воспитывать беспрекословное послушание. Пассивное повиновение — высшая из всех христианских добродетелей и величайшая заслуга перед богом. Развитию этой добродетели и посвящали иезуиты свои главные усилия. Руководствуясь учением Святого Бернарда, они требовали беспрекословного повиновения любым приказаниям свыше, даже если эти приказы покажутся отвратительными и ужасными. Рассуждать о целесообразности или справедливости приказания — тяжкий грех. «Как труп в руках начальства» — таким должен быть христианин согласно учению основателя Ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

Все, что отдавало противоположными идеями и духом, естественно, решительно отвергалось. Преподаватели в коллеже Непорочного зачатия сурово поносили Реформацию во всех ее проявлениях, и особенно XVIII век — век французского просвещения. Руссо, Вольтер, энциклопедисты безоговорочно

осуждались. Да и как могло быть иначе, если, например, Монтескье в знаменитой книге «Дух законов» в корне подрывал доктрину пассивного повиновения? «Абсолютное повиновение, — писал великий мыслитель, — предполагает невежество того, кто подчиняется, оно предполагает также невежество и того, кто повелевает».

Особенно яростные проклятия иезуиты обрушивали на Великую французскую революцию и ее деятелей. Вот что могли прочитать дети в своих учебниках: «Дантон был очень уродлив. Он напоминал разъяренного бульдога. Он был очень жесток. Он был бесчестен»; «Марат был ужасной личностью. Говорят, он напоминал жабу…»; «Робеспьер страдал безумной гордостью. Он считал себя всегда правым и хотел казнить всех, кто думал иначе, чем он». Понятно, почему как раз в те годы, когда Шарль де Голль учился в иезуитском коллеже, республиканцы, демократы и социалисты Франции упорно добивались принятия закона, который запретил бы религиозным конгрегациям, особенно иезуитам, заниматься обучением детей, запретил бы воспитывать их врагами Республики, демократии и прогресса.

Но все это происходит в ином мире, от которого юного Шарля де Голля прочно ограждают идеи, усвоенные в семье и в школе. Очень многое за стенами дома и коллежа для него совершенно непонятно, чуждо и необъяснимо. И хотя юный ум развивается и познает, а духовный горизонт расширяется, так остается надолго. Устойчивость, незыблемость однажды приобретенных представлений — одна из важных особенностей его личности. Тем более важно проследить процесс формирования мировоззрения юного де Голля.

Отцы-иезуиты не преуспели в обуздании характера Шарля. Надежды на то, что коллеж упорядочит, смирит, дисциплинирует его, не оправдались. Мальчик обнаружил весьма неподатливую натуру. Речь не идет о том, что он отвергал глубоко консервативную, а точнее, реакционную идейную сущность образования, даваемого иезуитским коллежем. Иного идейного мира он просто не знал и не мог даже вообразить возможной альтернативы тому изощренному мракобесию, которое иезуиты выдавали за божественное откровение. Не вызывала протеста и религиозная сторона — обязательные мессы, молитвы до и после занятий, занятие апологетикой, катехизисом, духовным чтением и прочими благочестивыми «науками» и Церемониями. Религия уже стала для него привычкой; и, отнюдь не обладая фанатизмом в вере, он выполнял все положенное, подобно умыванию по утрам.

Дело состояло в том, что система мелочной дотошной

регламентации, не обоснованной никакой логикой, необходимость безропотного подчинения всему, что предписано, оказались для него непереносимыми.

Стать «трупом в руках начальства» Шарль де Голль не мог. Его натура отвергала необходимость пассивного повиновения, во всяком случае для него самого. И он сохранит свой характер, побуждавший его в наиболее значительные моменты жизни проявлять именно активное неповиновение, что и сделает его человеком выдающимся.

Шарль возмущался принудительными школьными порядками. Часто ему указывали на его недисциплинированность, на небрежность в занятиях. Много лет спустя, будучи президентом Республики, генерал неожиданно признался своим внукам и внучатым племянникам: «В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому примеру не следует подражать!»

Он отнюдь не был ленивым и проявлял исключительное прилежание, но лишь тогда, когда делал то, что ему нравилось, что волновало его воображение. Но вот, например, уроки немецкого языка вызывали у него отвращение. Родители пытались всеми способами утихомирить его причудливую натуру. Так, мать настояла, чтобы он брал уроки фортепьяно у мадемуазель Монтей. Но результаты оказались более чем посредственными. «Шарль очень беспокоит меня, — говорил его отец, — он весьма способный и далеко пойдет, но ему так не хватает умеренности и здравого смысла… Боже! Сделай так, чтобы все было хорошо…»

Впрочем, родительские опасения оказались напрасными. Вскоре Шарль начинает соперничать со старшим братом Ксавье, успехи которого ему постоянно ставили в пример. Природная одаренность брала свое. К тому же семья воспитала в нем вкус к культуре. Он с удовольствием слушает по вечерам отца, читавшего Расина или Сенеку, хотя в те годы он отдавал предпочтение Ростану. Он выучил наизусть всю пьесу «Сирано де Бержерак».

Трон и алтарь, сабля и кропило — вот идеалы, стоявшие в центре обучения в коллеже Непорочного зачатия. Однако воспитанникам давали основательные знания античной и классической французской литературы. Разумеется, усвоение латинской культуры мало способствовало пониманию окружающей действительности. Но несомненно, что Шарль де Голль получил серьезную литературную подготовку на традиционной классической базе. На всю жизнь он сохранит тот стиль речи, языка, который он приобрел в детстве. Его

выступления всегда будут отличаться цицероновским стилем, своеобразным эпическим характером, так же как и краткостью, ясностью, четкостью терминов. В сочетании со смелостью лексикона, образностью мышления все это поможет ему выработать эффектное и одновременно доходчивое красноречие.

Вкус к литературе не только пробуждает в нем не ослабевавшую никогда страсть к чтению, но и стремление испытать свои силы на соблазнительном литературном поприще. Увидев в одном журнале объявления о литературном конкурсе, он пишет, естественно в стиле Ростана, небольшую пьесу в стихах «Дурные встречи». Говорили, что ее довольно банальное содержание заимствовано у известного шансонье Гюстава Надо. Во всяком случае, ему присуждают первую премию: он мог по своему выбору либо получить 25 франков, либо опубликовать свое произведение. Юный литератор предпочел публикацию. К чести начинающего автора следует отметить, что в дальнейшем он не пытался писать стихи.

Навсегда сохранившиеся у него литературные наклонности все же отступают на второй план перед рано пробудившимся интересом к истории. Если литература способствовала приобретению де Голлем формы, манеры, стиля в выражении мыслей и взглядов, то его мировоззрение формировалось главным образом изучением истории. Французы вообще очень любят историю и гордятся не без основания великим прошлым своей страны. Шарль де Голль отдавался изучению истории самозабвенно, забывая даже в праздничные дни ради чтения исторических книг игры, забавы и развлечения. Эта страсть зародилась еще в кругу семьи. В школе история становится любимым предметом Шарля де Голля, и он приобретает обширные исторические познания, хотя и довольно односторонние. Ведь историю в коллеже иезуитов преподавали так, что она состояла исключительно из перечисления войн, сражений, описания деяний полководцев и королей. «Сорок королей создали Францию» — этот знаменитый принцип определял сущность той философии истории, которую внушали воспитанникам коллежа. В этой истории не оставалось места для народных масс, Для борьбы классов. Над всем царили божественное провидение и гений властителей.

Но даже из такого архаичного и консервативного изложения истории Шарль де Голль постепенно извлекает идею, которая помогает ему выработать цельное мировоззрение, основанное на абсолютном приоритете национального фактора. Нация в его представлении служит извечным элементом жизни, сохраняющимся в неприкосновенности под покровом меняющейся

действительности.

В представлении де Голля время как бы течет обратно, к прошлому. Конечно, это странное понимание истории, хотя иногда возвращение к прошлому может означать движение вперед. Он проникался сознанием, что высшей целью истории, ее смыслом и содержанием является существование и укрепление французской нации. Все должно служить величию Франции. Молодой де Голль приходит к твердому убеждению, что этому должна быть подчинена и его собственная жизнь. «Еще в коллеже он знал, — скажет через много лет его младший брат Пьер, — что ему предстоит спасать Францию…»

Вот так молодой человек XX века осваивал культуру, состоявшую из понятий и представлений XVIII столетия. Франция, к которой устремлялись все его помыслы, в его сознании была застывшей социальной формой, тогда как в действительности она в эти годы представляла собой бурно клокочущий, кипящий котел ожесточенных политических страстей. В первом десятилетии XX века снова усилилась классовая борьба между буржуазией и пролетариатом. Забастовки не прекращались. Мостовые промышленных городов Франции все чаще обагрялись кровью пролетариев. Каждые выборы неизменно увеличивали число социалистических депутатов в парламенте. Левобуржуазные партии, и прежде всего радикалы, завоевывали большинство мест в парламенте. Правые, клерикалы и монархисты теряли влияние. Эти три главных политических течения сталкивались в ожесточенной борьбе за власть. Правительства быстро сменяли одно другое. Парламент превратился в арену непрерывных политических схваток. Ни одна из политических партий не была единой, и внутри них соперничали левые, правые, умеренные и крайние. Это была одна из самых драматических страниц политической истории Франции, раздираемой непримиримыми классовыми противоречиями.

Вспоминая годы юности, Шарль де Голль писал об этом времени: «Меня интересовала и вместе с тем возмущала драма, непрерывно разыгрывавшаяся на арене политической борьбы. Я восторгался умом, энтузиазмом и красноречием участников этой драмы. В то же время меня удручало, что столько талантов бессмысленно растрачивалось в результате политического хаоса и внутренних распрей, тем более что в начале XX века стали появляться первые предвестники войны».

Бурная политическая жизнь Франции казалась молодому де Голлю бессмысленной, поскольку для него смысл политики сводился лишь к идее единства нации, которая в

действительности совершенно не соответствовала реальной структуре общества. Как ни благотворна эта идея в исключительные моменты внешней опасности, она не могла, конечно, отменить суровую неизбежность глубокого раскола французской нации на антагонистические социальные классы и группы. Де Голль всегда с возмущением, притом совершенно искренним, думал о том, как все было бы ясно и просто, если бы «демоны» яростных внутренних раздоров и «злой дух» раскола не ослабляли Францию! Он до конца своих дней будет возмущаться таким противоестественным, по его мнению, положением. Его негодование вызывают все проявления «раскола», кто бы ни был их инициатором: правые или левые. Ему казалось, что он сохраняет политический нейтралитет и стоит выше распрей. Это была лишь иллюзия. Под знаменем национализма неизменно выступали правые. И это столь близкое сердцу де Голля знамя влекло его к ним. Между тем социалисты провозглашали идею интернационализма, представлявшуюся де Голлю уже в юные годы чем-то граничащим с национальной изменой. Так крайняя приверженность к патриотическому идеалу нации, прочно усвоенному де Голлем с детства, неизменно вела его в правый, консервативный, реакционный лагерь. Однако она не заводила его настолько далеко, чтобы утратить чувство реальности. Он не симпатизировал крайним клерикалам и монархистам, все еще слепо надеявшимся на восстановление монархии и всевластия церкви. Однажды мать де Голля, слушая, как хвалят ее сыновей, с грустью заметила: «По правде говоря, я сама нахожу у них прекрасные качества… Несмотря на это, они заставляют меня страдать… Они республиканцы…» Молодой де Голль рано понял иллюзорный характер монархических надежд своих родителей и поверил в прочность республиканского строя. Правда, ему хотелось, чтобы Республика была иной: единой, сохраняющей традиционные устои в виде церкви и армии; словом, Республика, в которой царил бы «порядок». Поэтому его отнюдь не радовали успехи демократов и республиканцев в борьбе с клерикальной реакцией. Тем более что события такого рода непосредственно затрагивали его личную судьбу.

Сен-Сир

Уныние воцарилось в семье Анри де Голля в один из июльских дней 1904 года. Случилось то, чего здесь с тревогой ждали уже несколько лет: парламент принял закон, запрещавший религиозным конгрегациям преподавание в школах. До сих пор еще была какая-то надежда, что сопротивление церкви антиклерикальному законодательству увенчается успехом. Святые отцы разжигали яростный фанатизм и поднимали шумное движение в защиту «свободной» школы. В самых отсталых департаментах, вроде Финистера, дело доходило до вооруженных схваток между одурманенными католиками и полицией, изгонявшей монахов из школ. Но основная масса населения не поддержала «черную партию». И вот теперь закрытие иезуитского коллежа Непорочного зачатия, как и других заведений подобного рода, было лишь вопросом времени. Где же будут учиться Шарль и его три брата? Более того, благополучие всей семьи оказалось в опасности: ведь ее глава в это время заведовал учебной частью коллежа на улице Вожирар.

Между тем Шарль уже успешно закончил класс риторики. Но он еще слишком молод, и ему рано сдавать экзамены на бакалавра; чтобы не терять времени, его записывают и в класс философии. Однако закончить учебу в Париже ему так и не удалось. Республика неумолима: преподавательская деятельность иезуитов отныне запрещена. Разумеется, Шарль де Голль мог бы продолжать учебу в каком-нибудь светском коллеже. Однако его родители презирают эти республиканские заведения. Отец посылает сына в 1907 году учиться за границу, в Бельгию. Сюда перебрались парижские иезуиты и основали коллеж Святого Сердца. Он разместился в Антуане, вблизи Турнэ, совсем рядом с французской границей. Шарль де Голль продолжает учебу недалеко от знаменитого поля сражения при Фонтенуа, ныне засаженного свеклой. Не так далеко отсюда и легендарные холмы Ватерлоо. Это снова привилегированное учебное заведение; многие из его учеников носят имена с дворянской приставкой и обращаются друг к другу только на «вы». Не зря коллеж занял бывший замок принца де Линя, кирпичный фасад которого возвышается над рекой Эско.

Шарль де Голль занимается в специальном математическом классе и обнаруживает большие способности к математике. Преподаватели советуют ему поступить после окончания коллежа в Политехническую школу. Но Юноша, который одно время мечтал стать миссионером, уже сделал окончательный выбор

своего пути. Он хочет быть офицером и намерен поступить в военное училище Сен-Сир. Отнюдь не случайно появилось у него стремление к карьере профессионального военного. Сказалось прежде всего обычное для молодого человека дворянского происхождения, воспитанного в иезуитском коллеже и в консервативной семье, предубеждение против всех республиканских институтов, кроме традиционных «устоев общества»: церкви и армии. Но такое простое объяснение далеко не исчерпывает мотивов, побудивших молодого де Голля избрать военное поприще. Этот выбор является результатом длительных размышлений о судьбе родины и своем жизненном пути, закономерным плодом его духовного развития, завершавшегося в сложной напряженной и противоречивой интеллектуальной атмосфере Франции начала нынешнего века.

Позднее сам де Голль опишет эту атмосферу, как она представлялась ему в годы юности: «Появление Бутру и Бергсона в области философии, обновивших французскую духовную жизнь, таинственное очарование Пеги, ранняя зрелость молодежи, чувствовавшей приближение кровавой жатвы, влияние Барреса в литературе, прививавшего элите сознание вечных национальных ценностей, объединявших ее с предками…»

Собственно, в этом кратком перечислении имен, течений, явлений — ключ к пониманию духовного мира молодого де Голля, тех влияний, которым он подвергался в возрасте 15–20 лет, того образа мыслей и мироощущения, который он в основном сохранит на всю жизнь. В окружавшей его духовной среде чувствовались страх, замешательство перед крушением многих представлений: интеллектуальный кризис охватил буржуазную интеллигенцию, отражая кризис всего общества. Укоренившиеся за предшествующие десятилетия взгляды механистического материализма, особенно ярко отразившиеся в различных течениях философии позитивизма, терпели банкротство перед лицом новейших открытий в физике, биологии, психологии и других науках. Прежнее почтение перед ними сменилось глубоким разочарованием, скептицизмом, бегством в-мир иррационального, мистического, теологического представления о жизни, обращением к самым отсталым, устаревшим, реакционным политическим идеям. Только марксистский диалектический материализм оказался способным объяснить сущность мнимого «всеобщего» духовного кризиса и показать, что это кризис лишь буржуазной мысли, отражающий загнивание капитализма, вступившего в эпоху своего окончательного распада. Но идеи марксистов для той среды, где воспитывался де Голль, оставались книгой за семью печатями. Здесь выхода из

кризиса искали не путем более глубокого познания действительности, а удалением от нее, вернее извращением этой действительности в интересах господствующих социальных сил. Классовый страх выражался в клевете на науку.

Эмиль Бутру, первый, кого упомянул де Голль среди своих духовных наставников, развивал теории о случайности, несовершенстве, недолговечности законов природы. Бутру пытался согласовать развитие науки с идеализмом, с решающим значением духовного начала.

Однако несравненно большее воздействие на де Голля имела философская теория Анри Бергсона, считавшегося одно время учеником Бутру, но ушедшего значительно дальше своего учителя. Очень трудно ответить на вопрос: куда он ушел, в каком направлении? Теории Бергсона крайне сложны и противоречивы. В них есть положения, близкие к пониманию объективной диалектики жизни. Но еще больше у Бергсона идеалистических взглядов. Эклектичность бергсонизма позволяла интерпретировать его по-разному в зависимости от интеллектуальных и социальных склонностей.

Несомненно все же, что знакомство с Бергсоном помогло Шарлю де Голлю укрепить некоторые сильные особенности его мышления. Бергсон понимал универсальность изменчивости и трактовал процесс развития как постоянное возникновение качественно нового. Он призывал к пониманию необходимости действия, к проявлению творческой энергии. И это весьма импонировало де Голлю, который не раз цитировал, например, такое положение Бергсона: «…ни одна из категорий нашего мышления не применяется в точности к явлениям жизни. Напрасно мы стараемся втиснуть живое в ту или иную из наших рамок; все они трещат, они слишком тесны, слишком негибки, особенно для того, что мы хотели бы туда заключить. Наше рассуждение, столь уверенное, когда оно касается инертных явлений, стеснено на этой почве». И мы увидим в дальнейшем, как Шарль де Голль, не доверяя ценности каких-то старых, привычных идей, будет часто выдвигать неожиданные, смелые, оригинальные решения.

Но чем же они должны быть продиктованы? Для ответа на этот вопрос надо сказать о бергсоновской теории интуиции и разума. Бергсон считал, что интуиция намного превосходит интеллект. Де Голль всегда будет руководствоваться интуицией, принимая практические решения в ситуациях, содержащих в себе много неясного. При этом де Голль, в отличие от Бергсона, отнюдь не умалял значения интеллекта. «Нужно, — писал он, — чтобы человеческий разум приобрел интуицию, сочетая инстинкт

с умом».

Склонность к бергсоновскому интуитивизму хорошо сочеталась у де Голля с его основной, генеральной идеей: с приматом понятия нации, ее величия как высшей ценности. В самом деле, разве патриотизм, как и национализм (категории отнюдь не однозначные, но все же родственные), не является порождением не только рассудка, интеллекта, но и врожденного инстинкта, чувства, интуиции?

Де Голль подпал под обаяние Бергсона — причем на всю жизнь — не в последнюю очередь, видимо, из-за великолепной литературной формы произведений этого философа. Не случайно позже Бергсону присудили Нобелевскую премию по литературе. А склонность именно к литературному, образному восприятию идей — характерная черта де Голля.

Наконец, следует сказать, что Шарль де Голль не получил какого-либо специального философского образования. Ведь нельзя же принимать всерьез класс философии в коллеже иезуитов! Что касается впечатления, производимого Бергсоном на читателей, особенно в годы юности нашего героя, то нельзя не учитывать, что весь стиль философии Бергсона с ее декларациями о свободе Духа и необходимости творчества оказался ближе всего к уровню людей, склонных «философствовать», не утруждая себя серьезным изучением философии. Возможно, именно так и обстояло дело с Шарлем де Голлем.

Однако его духовный горизонт еще далеко не очерчен. Другой звездой, излучавшей на него «таинственное очарование», было творчество знаменитого поэта и публициста Шарля Пеги. Это очень яркая, талантливая, противоречивая и сложная фигура. Пеги родился в простой крестьянской семье, фанатично преданной католической церкви, но уже в молодости оказался среди крупнейших представителей прогрессивной интеллигенции. В эпопее «дела Дрейфуса» он выступал в рядах республиканцев и социалистов против милитаристов, клерикалов и шовинистов. Пеги некоторое время был близок к Жану Жоресу и Ромену Роллану. Но затем он стал жертвой духовного кризиса, поразившего буржуазную интеллигенцию, и одним из проповедников национализма и католицизма. Если в 90-х годах прошлого века он яростно выступал против Бергсона, отвергая его сомнения в ценности разума и науки, то теперь он становится страстным поклонником этого философа.

Пеги был талантливым поэтом, и под его пером даже реакционный национализм представал в облагороженной форме. Он страстно романтизировал прошлое Франции, особенно Жанну д'Арк, преклонялся перед солдатами Великой французской

революции и гвардейцами Наполеона. Он создавал мистический, окутанный религиозным экстазом облик матери-родины, романтический образ Франции с ее особой, возвышенной судьбой. Естественно, что его произведения не могли не встретить отклика в душе молодого Шарля де Голля, который был подготовлен к этому с детства, озаренного патриотической романтикой Эдмона Ростана.

Влияние Шарля Пеги ясно чувствуется во многих произведениях и выступлениях де Голля, не говоря уже о тех случаях, когда он прямо цитировал стихи любимого поэта юности. Его образы, его мысли он пронесет через всю жизнь. Их отзвук ясно слышится в первых строчках «Военных мемуаров» де Голля, которые появятся почти через полвека после описываемых лет: «За годы моей жизни я составил себе собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувствами. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы, но не гений нации».

Поскольку сейчас речь идет о годах юности, когда де Голль определял свой жизненный путь, нельзя пройти мимо одной из сторон творчества Пеги-его страстного преклонения перед армией, воинской честью, военной славой Франции. Облик солдата в произведениях Пеги связан с самыми высокими идеалами и чувствами. Не зря Андрэ Моруа писал, что Пеги «надо читать в темпе марша». Его проза напоминает полковые песни. Война не только не пугала его; он мечтал о ней как о средстве возвеличения Франции.

Но еще более громким барабанным боем отдавались в сознании де Голля произведения другого талантливого писателя националистического направления — Мориса Барреса. В отличие от Пеги, он уже в период «дела Дрейфуса» прочно стоял в строю крайней реакции. Но, подобно первому, он в изощренной литературной форме придавал понятию нации мистический характер и разрабатывал националистическую доктрину воспитания патриотического духа путем бережного сохранения исторических традиций отдельных областей Франции, особенно Лотарингии, откуда Баррес был родом. Националистический дух произведений Барреса приобретал шовинистический характер,

когда он отстаивал идею реваншистской войны против наследственного врага — Германии.

Идейное влияние Барреса на де Голля оказалось не менее сильным и в сфере внутренней политики, в которой Баррес, будучи депутатом, активно участвовал. Он беспощадно и справедливо бичевал разлагавшийся парламентский строй Третьей республики, коррупцию, политиканство и цинизм правящей элиты. Но его антипарламентаризм носил реакционный характер, поскольку он мечтал заменить тогдашний строй хотя и не монархией, Но какой-либо формой республиканской «сильной власти», националистической диктатурой.

Позднее один из самых компетентных биографов Де Голля, Жан-Раймон Турну, приводя высказывание Барреса, в котором концентрируется его политическая философия, о том, что «национализм правит вселенной», подчеркнет: «Это очень точно соответствует мыслям генерала».

В дни молодости де Голля кроме Бергсона, Пеги, Барреса и другие духовные кумиры кружили головы буржуазной молодежи. Среди них надо назвать хотя бы Шарля Морраса, шумно и претенциозно рекламировавшего свой «интегральный национализм». Многие взгляды Морраса совпадали с идеалами, уже приобретенными тогда де Голлем. Однако он совсем не разделял, хотя и не без сожаления, убеждения Морраса в жизненной необходимости для интересов Франции восстановления монархии. Де Голль понимал, что этот архаичный роялизм еще больше углубит внутренние конфликты французского общества. К тому же в своей ненависти к демократии Моррас доходил до крайних эксцессов мракобесия, которое компрометировало националистическую идею. В будущем Моррас закономерно окажется официальным философом Петэна, то есть во враждебном де Голлю лагере. Тогда-то генерал и бросит фразу: «Моррас имел столько ума, что стал сумасшедшим». Но как бы там ни было, нельзя не отметить сходства некоторых политических идей де Голля со взглядами Морраса, с его предпочтением политики и волюнтаризма.

Между прочим, позднее, выпустив свою первую книгу «Раздор в стане врага», де Голль пошлет ему экземпляр с дарственной надписью: «Шарлю Моррасу с почтительным уважением — 24 марта 1924 — III. де Голль».

В связи с влиянием Шарля Пеги, Мориса Барреса и других писателей, вдохновлявшихся патриотическими идеалами, говорят, что на военное поприще де Голля звала поэзия, а не военная труба грубого шовинизма. Действительно, де Голль далек от вульгарно-шовинистических, расистских взглядов «Лиги

патриотов», возглавлявшейся полупомешанным фанатиком Полем Деруледом, самым крайним из всех поборников реваншистской войны. Нет, его идея нации, родины по-своему возвышенна и поэтична. И он искренне верит в нее, как и в то, что во Франции именно армия больше всего хранит и культивирует столь дорогие его сердцу традиции прошлого. Но все это не только не исключает, но, напротив, подчеркивает социальную обусловленность его позиции, определявшуюся происхождением, средой, воспитанием. Националисты всегда очень умело присваивали себе монополию на благородство, бескорыстие, героические доблести. Тому, что в действительности было корыстным и низким соперничеством капиталистических государств, они придавали вид сентиментальных идеологических конфликтов.

Конечно, де Голль по своим взглядам стоит выше примитивного шовинизма «Лиги патриотов». Но не заключается ли вся разница в уровне образованности, в том, что он принадлежал лишь к интеллигентной части буржуазии, обладавшей более или менее высокой культурой? К тому же он воспринял исключительно консервативный, реакционный ее аспект. А ведь в годы молодости Шарля де Голля французскую культуру блестяще представляли, например, и такие люди прогресса, как Жан Жорес в политике, Ромен Роллан и Анатоль Франс в литературе. Они были ничуть не меньшими патриотами, чем Пеги или Баррес. Однако их патриотизм носил прогрессивный, гуманный, народный характер. Он сочетался с действительно благородными стремлениями к справедливому социальному переустройству французского общества. Не поэтому ли они и оказались бесконечно далекими от того пути духовного развития, каким шел де Голль и многие молодые люди его возраста, выросшие и воспитанные в буржуазном окружении? А среди них уже глубоко укоренились настроения и взгляды, неуклонно развивавшиеся после франко-прусской войны и теперь резко усилившиеся в связи с возрождением мощи Франции и угрозой новой войны в Европе, особенно ощутимой на фоне непрерывных конфликтов во франко-германских отношениях.

Ромен Роллан в знаменитом романе «Жан Кристоф» прекрасно показал развитие националистических и милитаристских настроений среди тогдашней буржуазной молодежи Франции. Он пишет: «Этим детям, знавшим войну только по книгам, ничего не стоило приписать ей несвойственную красоту. Они стали агрессивными. Пресытившись миром и отвлеченными идеями, они прославляли „наковальню сражений“, на которой им предстояло окровавленным кулаком выковать

когда-нибудь французское могущество».

Ромен Роллан был великим реалистом и в своих произведениях создавал типичные образы и ситуации. И это подтверждает, в частности, пример де Голля. Вот что он пишет в мемуарах, вспоминая молодость: «Должен сказать, что в ранней юности война не внушала мне никакого ужаса и я превозносил то, чего мне еще не пришлось испытать. Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что интерес жизни состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность».

…Летом 1908 года, успешно закончив в Бельгии коллеж Святого Сердца, Шарль де Голль возвращается в Париж. Его решение стать офицером было одобрено родителями, так же как и выбор военного учебного заведения. Специальная военная школа Сен-Сир, наравне с Политехнической школой, открывала свои двери далеко не всем. Здесь, как и раньше, воспитываются сыновья «приличных семейств», прежде всего дворянских. Другие военные школы, вроде Сен-Мексанской и Сомюрской, предназначались для выходцев из мелкой буржуазии. Молодому человеку, окончившему Сен-Сир, уже одно только это обстоятельство открывало путь к успешной карьере. Поэтому поступить туда было не так-то просто. Но отец Шарля де Голля был спокоен за своего сына. Иезуиты издавна контролировали набор в Сен-Сир; туда попадали почти исключительно их воспитанники, составлявшие потом элиту армии. Правда, сейчас иезуиты официально изгнаны. Но тайно, обходными путями они сохраняли свое влияние. Поэтому Шарль де Голль не удивился, когда, войдя в подготовительный для поступления в Сен-Сир класс коллежа Святого Станислава, он встретил среди преподавателей людей, хорошо знакомых ему по учебе в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Здесь и его отец заведует учебной частью.~

А через год, в августе 1909 года, Шарль де Голль успешно сдает вступительные экзамены в Сен-Сир. Для него эти экзамены, о трудности которых ходили легенды, оказались легкими. Но не потому, что у него была хорошая учебная подготовка. Дело здесь заключалось кое в чем другом. Еще до экзаменов надо было пройти специальную комиссию, составленную из офицеров и, как правило, бывших воспитанников иезуитов. Комиссия определяла «общую пригодность», которая зависела от происхождения, семейных связей, репутации. Только «благонадежные», только «благонамеренные» могли успешно пройти испытание. Это был хорошо налаженный механизм социального отбора, который

обеспечивал безупречную реакционность офицерской касты. Данные Шарля де Голля позволяли без труда обнаружить «общую пригодность», и его приняли.

Итак, мечта сбылась! Открыт путь в армию — великую носительницу национальной чести и славы!

Так и думали многие из тех счастливцев, которые, подобно де Голлю, оказались принятыми в Сен-Сир. Все это была отборная молодежь, с точки зрения шовинистов реакционеров. Среди них раздавались речи, подобные тем, которые вкладывал в уста одного своего литературного героя, молодого офицера-дворянина Поль Бурже, писатель-шовинист, подобно Морису Барресу, прославлявший войну: «В настоящее время во Франции для человека нашего положения существует только одна достойная карьера: военная… До тех пор пока наша страна будет в руках всякой сволочи и пока остается задача побить Германию, наше место в единственном незапятнанном уголке, который еще остался: в армии…»

В действительности в «незапятнанном уголке» просто уже не было места для пятен; то была сплошная грязь. Почти век после Наполеона французская армия не одерживала каких-либо действительно славных побед. Зато бессмысленных кровавых преступлений и авантюр накопилось на ее счету немало. Несмываемым пятном лежало на ней позорное поражение в войне 1870 года, символизируемое словом «Седан». А потом кровавая чудовищная расправа над парижскими патриотами-коммунарами сделала армию палачом народа. Правда, было захвачено немало колоний в результате «побед» над безоружными туземцами. «Дело Дрейфуса» раскрыло гнусную картину разложения военной верхушки. Армия брала реванш лишь в уличных столкновениях с французскими рабочими. Традиционное для Франции обожание армии, мундира, знамени сменилось недоверием и презрением. Не случайно в конце века ежегодное число кандидатов в Сен-Сир составляло около 2000, а в 1908 году их было только 700. Немногие, подобно Шарлю де Голлю, сохранили веру и надежду. «Когда я поступил на военную службу, — вспоминает он, — армия занимала очень большое место в жизни народов. Подвергаясь нападкам и оскорблениям, она спокойно и с тайной надеждой ждала, что настанут дни, когда все будет зависеть от нее».

А в ожидании этих дней ему второй раз в жизни пришлось на своей личной судьбе почувствовать неудобства республиканской демократии. В первый раз из-за изгнания иезуитов ему пришлось заканчивать коллеж в Бельгии. Теперь предстояло новое неприятное испытание. В марте 1905 года республиканцы, чтобы

как-то заполнить пропасть, разделявшую во французской армии офицерскую касту и массу рядовых солдат, добились принятия закона, по которому каждый молодой человек, принятый в Сен-Сир, обязан в течение года служить рядовым солдатом.

Шарль де Голль — курсант Сен-Сира

Де Голль считает весьма сомнительной систему, согласно которой, чтобы научиться командовать, надо научиться подчиняться. Он более склонен к мысли о том, что судьба наделяет каждого достойной его участью. Поэтому он ненавидит предстоящее испытание и отрицает его разумность. Но у него есть и сознание необходимости подчиняться неизбежному.

И вот Шарль де Голль снова на севере, в старинном городке Аррасе, ныне центре департамента Па-де-Кале, служит солдатом в 33-м пехотном полку. Этот долговязый пехотинец, затянутый в форму, с тяжелой винтовкой Лебеля в руках, безропотно, но угрюмо выполняет свой долг. Караулы, учения, строевая подготовка, подметание обширного двора и тяжелая,

непривычная обстановка мрачной казармы. Незнакомые, грубые и простые люди, с их мечтами о воскресном отпуске и бутылке картофельной водки, сальные шутки, брань, грубость сержантов, непривычная солдатская еда; словом, все, что полагается в провинциальном гарнизоне.

В немногие свободные минуты досуга рядовой Шарль де Голль мог утешаться чтением одного из своих любимых авторов — знаменитого Альфреда де Виньи, так проникновенно писавшего об участи солдата. Ведь произведения этого страстного проповедника любви к воинской славе, воспевавшего высокие понятия чести и доблести, оказали немалое влияние на решение Шарля де Голля пойти в армию. Но сейчас внимание молодого пехотинца привлекают больше те места в книге де Виньи «Неволя и величие солдата», где он, человек военный до глубины души, высказывает суровые истины о солдатском ремесле: «Армия есть нация в Нации: это одно из зол нашего времени… это как бы живое существо, отторгнутое от большого тела Нации, а существо это похоже на ребенка, до такой степени не развит его ум, до такой степени ему запрещено развиваться. Современная армия, стоит ей вернуться с войны, считается чем-то вроде жандармерии. Она как бы стыдится собственного существования и не ведает ни того, что творит, ни того, чем она является в действительности».

Разве это могло не зародить семена сомнений, которые неизбежно прорастут в будущем? Молодой человек со смешанным чувством соглашается с тем, что солдат — «самый горестный пережиток варварства среди людей, но что вместе с тем нет ничего более достойного заботы и любви со стороны Нации, чем эта семья обреченных, приносящая ей порою такую славу».

Но вот и место, которое больше всего необходимо ему было в его положении: «Все то возвышенное, что может внести благоразумный человек в ремесло солдата, заключается, как мне кажется, не столько в ратной славе, сколько в умении достойно и безропотно переносить лишения и неуклонно выполнять свои обязанности, подчас ненавистные».

Альфред де Виньи надолго останется одним из любимых авторов де Голля, и он будет его цитировать, если Даже и не учиться у него… Но в тот момент речь шла лишь о том, чтобы пройти через испытание, что ему и Удается. К тому же его участь в конце концов оказалась Не такой уж тяжелой. Ведь на рукаве у него была особая нашивка, свидетельствующая, что он — кандидат в офицеры и в казарме временный гость. Таких, как он, во многом приравнивали к унтер-офицерам, поэтому служилось им значительно легче, чем простым солдатам. А главное, впереди желанное будущее. И хотя Шарль де Голль держится еще более

отчужденно и надменно, чем всегда, свои скромные обязанности он выполняет подчеркнуто безупречно. Его начальство спрашивали, почему образцовое поведение солдата не отметят повышением? На это капитан Тюньи отвечал: «Неужели вы хотите, чтобы я назначил сержантом парня, который находит для себя подходящей роль главнокомандующего?»

Капитан знал, о чем говорил. Хотя его солдат, а вернее стажер, старательно нес службу рядового, вряд ли он мечтал лишь о сержантских нашивках. В Аррасе Шарль де Голль вновь ощутил столь опьянявшее его дуновение истории. Когда-то этот город осаждал Ришелье. Потом Тюренн победил здесь великого Конде, воевавшего тогда вместе с испанцами против французского короля. Многое другое напоминало в Аррасе о прошлом и давало де Голлю пищу для размышлений. Он значительно меньше думал о жизни современной Франции, чем о ее истории. Да и как могло быть иначе, если стены казармы прочно ограждали солдат Республики от всего, что волновало страну. Им не рекомендовалось читать газеты. Если бы офицер увидел в руках у рядового социалистическую «Юманите» Жореса, это произвело бы эффект разорвавшейся бомбы. Правда, чтение шовинистической «Аксьон франсэз» Морраса, конечно, не запрещалось.

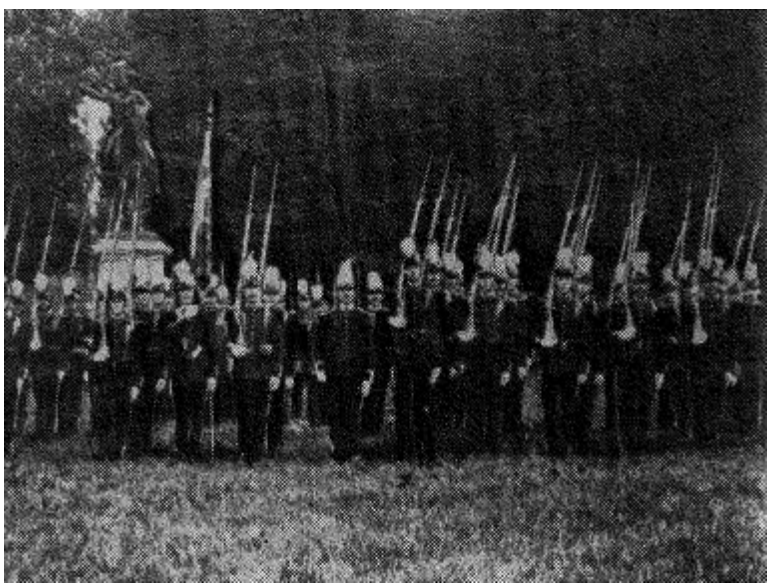
А как же жила Франция? Еще в конце 1905 года окончательно прошел закон об отделении церкви от государства. Постепенно затихал шум схваток вокруг изгнания религиозных конгрегации. По выражению одного из красноречивых министров, небесные огни, отвлекавшие внимание тружеников от земных дел, окончательно погасли.

Но зато огонь битвы между рабочим классом и капитализмом полыхал все ярче. Только в 1909 году, в том самом, когда Шарль де Голль поступал в Сен-Сир, во Франции произошло 1025 забастовок. Классовая борьба превращалась в гражданскую войну. Солдат все чаще выводили из казарм, заставляя стрелять в рабочих. Правда, летом 1907 года солдаты одного из полков французской армии повернули оружие в другую сторону. Но об этом в казармах не осмеливались говорить даже шепотом. Здесь многое представлялось иначе, чем в жизни. Забастовки рабочих почт или железных дорог солдатам объясняли происками иностранных шпионов. Кстати, в начале октября 1910 года, когда Шарль де Голль, окончив свою солдатскую службу, отправлялся в Сен-Сир, разразилась всеобщая забастовка железнодорожников. Началась она именно на северных дорогах, которые связывали Аррас с Парижем. Не хватало только того, чтобы он опоздал явиться к указанному сроку! Судьба уберегла его от этой

неприятности; ведь в далеком будущем на его долю и так выпадет много злоключений из-за этих «бессмысленных» забастовок.

Итак, в октябре 1910 года он уже полноправный «си-рар»: так на военном жаргоне называли сен-сирцев. В то время, как свидетельствует его портрет, Шарль де Голль в свои без малого 20 лет был великолепен. Красивый мундир с блестящими пуговицами и бляхой на поясе облегает его длинное и тогда еще очень стройное тело. На плечах роскошные красные эполеты. Шея стянута высоким воротником с золотым шитьем. На голове (как полагалось, остриженной под машинку) блестящая каска с пышным бело-красным плюмажем. Руки в белых перчатках уверенно опираются на эфес сабли. В его прямом взгляде уверенность и твердость.

А вот он в строю с винтовкой на плече. Он стоит в первом ряду первого взвода, первый справа. Ведь мальчик, который десять лет назад был маленьким восторженным зрителем «Орленка», теперь достигает почти двух метров роста! Когда раздается команда «Рав-няйсь!», только он остается неподвижным; все остальные в шеренге мгновенно поворачивают головы и устремляют глаза на его профиль. Когда строй марширует, от него — правофлангового — зависит четкость и точность Движения. Не вспомнил ли он опять о своей особой, «счастливой звезде»?

Шарль де Голль (х) в строю

Впрочем, «двухметровый Шарль», как его сразу прозвали, совсем свой парень, не правда ли? Так говорили его товарищи. В

самом деле, спрятав свою холодную гордость, он безропотно подчиняется цуканью или, как говорят французы, «бизютажу». Эту процедуру «старики» проделывают с каждым новичком в любом учебном заведении Франции до сих пор. Что они придумали для него? Стоило взглянуть на его весьма выдающийся нос… Конечно, его заставили забраться на стол и продекламировать знаменитый монолог о носах из «Сирано де Бержерака». Зная Ростана наизусть, он, ни разу не споткнувшись, прочитал этот длинный текст. Из-под самого потолка раздавалось: «Пик, мыс, утес — нет, полуостров целый…»

Теперь он получает еще и прозвище «Сирано». Неужели он меняется и обнаруживает веселый и открытый характер знаменитого героя Ростана? Иногда казалось, что это так, поскольку он не отставал от других в мальчишеских проделках. В одном из самодеятельных спектаклей он с успехом играет роль жениха на деревенской свадьбе, что и зафиксировал сохранившийся снимок. В Другой раз ему поручают роль клоуна. Что ж, в дальнейшей жизни ему придется играть и не такие роли… В конце концов, многие скоро поняли, что это лишь сознательная дань товариществу. Его надменный характер, замкнутый и заносчивый, не мог не проявиться, чем он и заслужил еще одно прозвище: «Петух».

Учебная программа и распорядок дня в сен-сирской школе были довольно напряженными. Аудиторные занятия по военной истории, географии, топографии, администрации и праву, фортификации и артиллерии сочетались практикой в поле, с усиленной физической подготовкой. фехтование, гимнастика, верховая езда, стрельба в тире конечно, неизменные (а кое для кого и «низменные») обязанности по чистке оружия, обмундирования, обуви, уборке. От утренней трубы до отбоя все рассчитано. Правда, были и «окна»: свободные час-два. Шарль де Голль, как всегда, много читает или отправляется на прогулку с друзьями. Вернее, это не друзья, а собеседники, С юности и до конца дней своих он будет близок только с самим собой. У него не было каких-либо особых контактов с учившимися вместе с ним будущими маршалом Жуэном и генералом Бетуаром, судьба которых соприкоснется через много лет с его жизнью. Более или менее постоянными его спутниками оказались Сийес, Меннера и Дит. Рассуждая и споря, молодые люди гуляют под кленами и вязами около Сен-Сир-Эколь, как называлось местечко, расположенное недалеко от Версаля. Они идут мимо старинного павильона, где некогда Людовик XIV встречался со своей фавориткой маркизой де Ментенон, основавшей в 1686 году в Сен-Сире школу для дворянских девиц, в помещении которой при

Наполеоне разместилось военное училище.

Поводов для бесед было достаточно. Не очень-то подготовленные к тому, чтобы понять существо новых политических конфликтов, раздиравших Францию, они с горечью осуждали республиканских политиков, суетившихся вокруг формирования без конца сменявших друг друга кабинетов. Они негодовали по поводу антимилитаристской пропаганды социалистов, о которой могли иметь лишь весьма искаженное представление под влиянием националистических газет, приравнивавших интернационализм к национальной измене.

Разумеется, военные вопросы оказались особенно близки будущим офицерам. Угроза войны становилась все ощутимее. Европа уже раскололась на враждебные военные коалиции — страны Антанты, то есть Франция, Англия, Россия, с одной стороны, Германия, Австро-Венгрия, Италия — с другой. Оба лагеря усиленно вооружались, готовясь к войне за передел мира. Особенно громко бряцала оружием кайзеровская Германия. Считая себя обделенным при разделе колоний, германский империализм алчно взирал на соседнюю Францию, сумевшую, несмотря на разгром 1870 года, создать огромную колониальную империю. Как раз в первое десятилетие XX века Франция боролась за господство над Марокко.

1 июля 1911 года в гавань марокканского порта Агадир внезапно вошла германская канонерская лодка «Пантера», а вскоре вместо маленького судна появилась грозная тень крейсера «Берлин». Германская пресса горячо приветствовала эту операцию. «Ура! Мы действуем!» — писала одна из газет. В воздухе запахло порохом. Однако до войны дело не дошло, поскольку еще не все державы Антанты подготовились к ней. Но все понимали, что это лишь отсрочка. Агадирский кризис раскрыл глаза на близость войны даже крайним оптимистам.

Шарль де Голль, как и большинство его товарищей по Сен-Сиру, не испытывал страха перед войной. Эти молодые националисты мечтали о том времени, когда победоносная Франция отвоюет Эльзас и Лотарингию, расширит свою территорию до естественной границы — Рейна, увеличит свое колониальное могущество, превратится силой своего оружия в самую могущественную державу Европы. Вопрос для них заключался главным образом в том, каким должно быть это оружие, как должна быть организована и оснащена французская армия. Будущие офицеры спорили в первую очередь о роли тех или иных родов войск, о новой военной технике, о разных проектах реформы французской армии. Горячие дебаты вызвало, например, утверждение генерала Жоффра: «Авиация? Это спорт.

Для армии она представляет ноль!»

1 октября 1912 года Шарль де Голль закончил Сен-Сир, получив звание младшего лейтенанта. Своими успехами он завоевал 15-е место в выпуске, состоявшем из 211 человек, что было весьма почетно. Но из-за своего характера он уже приобрел недоброжелателей. Один из преподавателей дал ему такую характеристику: «Отличается средними данными во всех отношениях, за исключением роста». По иронии судьбы будущий крупнейший политический деятель Франции XX века при получении офицерского звания дал традиционную клятву, что он никогда не будет заниматься политикой.

Огонь

Лучшим выпускникам Сен-Сира предоставлялось право выбора назначения. Шарль де Голль также получил это право, и перед ним встал вопрос, где начать свою службу? Наибольшим престижем традиционно пользовалась кавалерия, а на самом последнем месте, как и везде, стояла многострадальная пехота. И вот, как ни странно на первый взгляд, наш младший лейтенант выбрал; именно неблагодарную участь пехотинца. Более того, он решил служить в том же 33-м пехотном полку в Аррасе, где он проходил солдатскую муштровку. Но неожиданностью своих поступков Шарль де Голль будет удивлять всегда. Однако его решение было не таким необдуманным, как это могло показаться на первый взгляд. Эффектная кавалерия в эпоху массового применения пулеметов неизбежно теряла свою былую славу, артиллерия же считалась во Франции своего рода вспомогательным родом войск, а пехота оставалась главной ударной силой, призванной свершать те действительно великие подвиги, о которых мечтал Шарль де Голль. Были, правда, еще и особенно модные флот и зарождавшаяся авиация. Но для службы в них требовалась специальная сложная подготовка.

Уроженца Лилля, связанного с севером происхождением матери и бабки, тянуло к местам, где он решил служить. По своему характеру, темпераменту он близок традициям, духу жителей северных провинций, резко отличавшихся от южан. Шарль де Голль жил под обаянием истории Франции, в основном истории военной, а ведь именно на севере происходили великие сражения, которые он знал так, будто сам в них участвовал. Он был Убежден, что предстоящие вскоре битвы неизбежно развернутся здесь.

Наконец, Шарль де Голль не мог не знать, что командиром 33-го полка назначен полковник Филипп Петэн, известный в армии не только строптивым характером и трениями с начальством, что сказывалось на его карьере, но также критическим отношением к официальной военной доктрине. Петэн был крайне консервативен. Не считаясь с новым законом отделения церкви от государства, он открыто поощрял офицеров, регулярно посещавших мессу. Во всяком случае он сумел приобрести репутацию умного, энергичного, требовательного командира, у которого можно научиться воинскому ремеслу.

И вот свежеиспеченный юный офицер, блестя новенькими эполетами, докладывает своему полковнику о прибытии к месту службы. 22-летний младший лейтенант очень высокого роста с

черными глазами и 56-летний полковник, встретивший его ироническим взглядом блекло-голубых глаз, впервые стоят лицом к лицу. Люди столь разные по чинам и возрасту тем не менее обнаружили взаимную склонность. Судьба де Голля долгое время будет связана с Петэном…

Молодой офицер, которому предстояло многие годы служить под началом тогда полковника, а потом и маршала Петэна, будет испытывать большое уважение к своему патрону. Интересно, что даже после позорного конца Петэна, ставшего предателем Франции, де Голль сохранит что-то от этого чувства. В своих мемуарах он напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника».

Итак, де Голль вступил в самостоятельную жизнь. Однако нельзя сказать, чтобы его воспитание закончилось. Офицерская служба усиливает и углубляет некоторые черты его характера. Профессиональные военные составляют особый мир не только по отношению к нации, но даже по отношению переменного состава армии: призывников— солдат и офицеров резерва. В то время кастовый дух был исключительно силен во французское армии, сохранившей в основных чертах структуру и традиции монархической армии, несмотря на многократные попытки Республики демократизировать ее. Если роль церкви удалось резко ограничить, то-этот институт старого режима оказался непоколебимым. Армия официально строила свою жизнь на основе закона 1832 года, принятого при Луи-Филиппе. Даже после разоблачений в ходе «дела Дрейфуса» ничего не изменилось: армия оставалась государством в государстве. Офицерам внушалось презрение к штатским вообще, к депутатам, парламенту, правительству в особенности. Это презрение странным образом усиливалось оттого, что военные не имели избирательных прав и формально были вне политики. Но это лишь укрепляло своеобразную оппозицию офицеров ко всему гражданскому. Нетрудно заметить, насколько эта тенденция совпадала с антипарламентаризмом молодого де Голля.

Само положение профессионального командира, отдающего приказы, решающего в крайних обстоятельствах даже вопрос о жизни и смерти подчиненных, прерогативы дисциплины, не допускающей обсуждения приказов, исключающей право на дискуссию со стороны нижестоящих, — все это не может не усилить авторитарных сторон характера человека. А у де Голля они и без того уже были весьма заметны. Если и раньше он с трудом шел на сближение с людьми, то офицерская служба способствовала дальнейшему признанию одиночества как

явления естественного. Военная служба особенно сильно деформирует человека, усиливая спесь, надменность, гордость, если он и до этого, как было в данном случае, предрасположен к проявлению подобных качеств.

Маленький чин и маленькая должность не мешали де Голлю относиться к службе с исключительным рвением и серьезностью. Унтер-офицеры невзлюбили педантичного молодого командира. Они находили, что Шарль де Голль своей дотошностью только мешает им. Зато начальству нравилась такая преданность служебному долгу. В 1913 году полковник Петэн дал ему такую аттестацию: «С самого начала проявил себя в качестве действительно достойного офицера, внушающего самые большие надежды на будущее». Петэн писал тогда же: «Очень способный. Блестяще показал себя как в огневой подготовке, так и в учебных занятиях». В октябре 1913 года де Голль получает звание лейтенанта.

При этом он, как тогда, так и позже, не проявлял угодливости по отношению к начальству. Напротив, он по-прежнему обнаруживает свой характер. Правда, речь не идет о какой-то безрассудной строптивости. Стоит упомянуть об одном любопытном эпизоде. Однажды полковник Петэн проводил занятия с молодыми офицерами. Он рассказывал им об осаде Арраса в 1654 году, о маневрах Конде, теснившего королевские войска, обходя Роканкур. Неожиданно юный лейтенант де Голль прервал полковника: «Но Тюренн был там и дал знать о себе громом своих пушек. Аррас был спасен!» Внешне это выглядело, конечно, бестактно, но дело в том, что Петэн давно выступал против официальной доктрины, основанной на преобладании движения, штыка и атаки, и отстаивал первостепенное значение артиллерийского огня. Поклоннику артиллерии поэтому не показалось неприятным замечание (каким бы оно ни было по форме) о решающей роли пушек. Молодой офицер обнаруживал таким образом не только самоуверенность, но и ловкость, не говоря уже об отличном знании военной истории.

Размеренная, однообразная полковая жизнь не уменьшает интеллектуальной любознательности де Голля. В его полевой сумке можно увидеть экземпляры журнала Пеги «Двухнедельные тетради». У одних это вызывает недоумение, у других — подозрительность. Ведь Пеги, даже превратившись в ярого националиста, сохраняет репутацию чужого и опасного для армии человека. Ему не могут простить близости с социалистами и особенно участия в «деле Дрейфуса» на стороне противников армии. Даже сейчас он продолжает в своем журнале печатать огромный роман антимилитариста Ромена Роллана «Жан

Кристоф». В буржуазных домах Арраса, где иногда бывал лейтенант де Голль, хозяев шокирует, когда они видят в руках офицера газету «Тан», вполне умеренную и весьма буржуазную. Но здесь и эту газету считают «слишком» республиканской. В выборе чтения де Голль проявляет широту взглядов, явно необычную для людей его круга. Но они могут быть спокойны. Ведь прочитав «Новую армию» Жана Жореса, великого антимилитариста и вождя социалистической партии, он остался совершенно чужд к содержавшимся в этой книге планам создания подлинно народной армии, которая могла быть мыслима только в социалистической Франции. Кстати, многое в оригинальной книге социалиста Жореса, там где он обращается к истории, совпадает с мыслями нашего непоколебимого молодого консерватора. Жорес с восхищением писал о любимых героях де Голля, о легендарных полководцах Конде, Тюренне, Карно.

Появление книги Жореса «Новая армия» в 1911 году было далеко не случайным. Великий пацифист взялся за, казалось бы, неожиданную для него военную тему, потому что эта тема прочно встала в центре всей жизни Франции. Хотя конфликт между Францией и Германией из-за Марокко был как будто улажен, напряженность в отношениях двух стран не только не ослабла, но время от времени еще более усиливалась. Балканы, где одна за другой вспыхивали, как говорят теперь, локальные войны, превратились в пороховой погреб Европы. Здесь каждую минуту мог произойти взрыв.

Так, в декабре 1912 года Европа оказалась на грани всеобщей войны. В это время война Сербии, Болгарии, Греции против Турции как будто шла к концу. Константинополь оказался под угрозой, и турки согласились на перемирие. Но Австро-Венгрия продолжала проводить мобилизацию. В связи с этим Россия держала на границе с Австрией огромные силы. Русские задержали в войсках солдат, отслуживших срок, запретили экспорт лошадей. франция еще недавно сдержанно относилась к балканским конфликтам, но возглавлявший в этот момент французское правительство Раймон Пуанкарэ, представитель тех кругов, которые решительно вели дело к войне, испытывал сильное искушение. Французские генералы внушали ему, что если Австрия выступит против России, в защиту Турции, а русские обрушатся на Берлин, то откроется дорога на Эльзас и Лотарингию. Однако на этот раз здравый смысл взял верх. Россия твердила, что она еще не готова. Не готова была и сама Франция.

Она имела в это время под ружьем 480 тысяч человек. Но германская армия насчитывала 830 тысяч. Разница составляла 350 тысяч! Что касается подготовленных резервов, то и здесь

сравнение было не в пользу Франции. И все же ее правящие круги вели дело к войне. «Сорок лет мира — это слишком много!» — кричали шовинисты. Главный политический выразитель этого курса Пуанкарэ в январе 1913 года был избран президентом Республики. А его невозможно было заподозрить в миролюбии. Когда уходивший в отставку президент Фальер покидал Елисейский дворец, некоторые слышали, как он пробормотал: «Я уступил место войне».

В марте 1913 года принимается закон об увеличении срока военной службы во Франции с двух до трех лет. Таким путем надеялись сократить разрыв в численности французской и германской армий. Однако применение нового закона увеличило бы французскую армию лишь на 157 тысяч человек. Разрыв все равно оставался очень большим. Разумеется, рассчитывали на союзников, на знаменитый британский флот и особенно на неисчислимые людские ресурсы России, на прославленную стойкость и доблесть русского солдата.

Но главным образом уповали на французскую армию, вернее, слепо верили заверениям стоявших во главе ее Генералов, твердивших, что это лучшая армия, полностью подготовленная к войне вплоть до последней пуговицы у последнего солдата. Словом, происходило как раз то, что уже наблюдалось накануне франко-прусской войны. Все было забыто. И генеральская каста, полностью унаследовавшая самые архаичные из королевских и бонапартистских традиций, ревниво оберегая свои привилегии на невмешательство гражданских властей в ее дела, пользовалась слепым доверием. Порочность основных принципов ведения близкой войны бросалась в глаза многим, но любая критика только укрепляла самоуверенность верхушки армии.

Что же представляла собой французская военная доктрина, объявленная абсолютно непогрешимой? Она была основана на решающей роли кадровой армии и пренебрежении по отношению к резервам, которые должна была дать мобилизация, то есть к основной части войск. Совершенно не учитывалось, что предстояла война небывало массовых армий. В 1913 году председатель комитета пехотных войск заявил: «Идеал состроит в том, чтобы начать кампанию без резервистов». В отношении тактики все основывалось на теории наступления любой ценой, в любых условиях. В регламенте полевой службы 1913 года сознательно игнорировалась техника траншей и вообще использование местности для создания прочных позиций. Что касается военной техники, то французская доктрина открыто пренебрегала ее новинками, считая их слишком сложными. В 1909 году представитель генерального штаба заявил, что

отсутствие тяжелой артиллерии — благо для армии. Накануне войны артиллерийские технические службы решительно сопротивлялись осуществлению программы организации тяжелой артиллерии. В 1910 году командующий пехотными войсками заявил, что пулеметы — пустое дело. О пренебрежении к авиации уже упоминалось…

Лейтенант Шарль де Голль и сам видел отдельные пороки в политике генерального штаба. К тому же и полковник Петэн, авторитет которого был для него в то время непререкаем, критиковал генеральный штаб за пренебрежение артиллерией. Даже при столь скромном положении младшего офицера де Голль смог понять кое-какие тревожные обстоятельства. Он видел, что боевая подготовка солдат почти весь год ведется на казарменном плацу и только две недели в году войска учатся в поле, на маневрах. Сами по себе очень эффектные внешне, стройные колонны французских войск напоминали картину далекого прошлого. Солдаты и офицеры носили форму, почти не изменившуюся со времен второй империи; знаменитые ярко-красные штаны окажутся вскоре великолепной мишенью для немцев и их догадаются сменить уже во время войны. И ему не могла не прийти в голову крылатая фраза о том, что снова самая лучшая французская армия отстает на одну войну!

Но что стоили эти тревожные сомнения молодого лейтенанта по сравнению с воспитанной в нем твердой верой в мудрость генералитета? Возможно, он просто многого не знает? А главное — выполнить свой долг при любых обстоятельствах. В то время он вкладывал совершенно определенный смысл в это дорогое его сердцу понятие. Сущность воинского долга — дисциплина, повиновение, слепая вера. Поэтому он по-прежнему не только не боится войны, но ждет ее с интуитивной надеждой на созданную его воображением особую, необычайную судьбу франции, на ее национальный гений, на всемогущее провидение, которое пробудит у всех французов единую, всесокрушающую волю к победе.

Увы, здесь-то его и терзали особенно тяжкие сомнения. Хотя националистическое движение не ослабевает и, например, похороны главаря «Лиги патриотов» Поля Деруледа, умершего в январе 1914 года, превратились в огромную шовинистическую манифестацию, происходят события совсем иного рода. Закон о трехлетней военной службе вызвал сильное движение протеста. В нескольких городах на демонстрации вышли даже солдаты, недовольные тем, что по новому закону им придется служить лишний год. Могучий голос Жореса, протестовавшего против войны, гремел над всей Францией. И это не только не подрывало

позиций социалистов, но, напротив, укрепляло их. На выборах весной 1914 года социалисты получили 1,5 миллиона голосов и число их представителей в парламенте возросло с 72 до 102. Социалисты решили ответить на войну всеобщей забастовкой, при условии если Интернационал примет решение о такой забастовке и в других странах, в первую очередь в Германии.

Шарль де Голль с тревогой следит за этими событиями. Неужели перед лицом смертельной национальной Угрозы Франция окажется расколотой? Ведь это будет означать, что его твердое убеждение в неизмеримом превосходстве национальной идеи, интересов нации над всеми Классовыми, идеологическими, политическими, религиозными разногласиями — убеждение, лежавшее в основе всего мировоззрения де Голля, ошибочно! Неужели нация не реальная движущая сила истории, как считал де Голль, а просто наследие или пережиток истории?

Но вот наступают события, которые одни лишь и могли дать ответ на вопросы, волновавшие молодого поборника абсолютного превосходства и силы национальной идеи. После убийства 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда возник небывалый общеевропейский кризис, завершившийся 3 августа началом первой-мировой войны. Произошло то, что де Голль истолковал как полное подтверждение правильности его идеи о нации как решающем и все определяющем факторе истории. Франция, которую вот уже 40 лет терзали внутренние конфликты, буквально в несколько дней и даже часов оказалась единой! Даже социалисты, после того как Жорес, единственный честный человек среди всех их лидеров, был 31 июля подло убит, немедленно стали патриотами. Возник «священный союз» всех французских политических партий. Не пришлось даже, как предполагалось, арестовывать противников войны, включенных заранее в секретный «список Б». Впрочем, социалисты других стран, и прежде всего Германии и Австрии, поступили так же и поддержали свои империалистические правительства.

Сам де Голль так описывал возникновение «священного союза»: «Франции достаточно обнажить свой меч, чтобы все противоречивые страсти слились в единстве. Из толпы индивидуумов Франция превращается в единый всесокрушающий порыв. Все, что способствует объединению — патриотизм, религиозная вера, ненависть к врагу, — сразу вдохновляется всеобщим энтузиазмом. Одновременно обнаруживается безжизненность теорий, которые, казалось, воспрепятствуют этому объединению. Не нашлось ни одной группировки, выступавшей против мобилизации. Ни один профсоюз и не подумал помешать национальному делу забастовкой. В

парламенте ни один голос не был подан против кредитов на войну. Доля уклоняющихся от военной службы, которая, как официально предполагалось, составит 13 процентов призывников, не достигла и 1,5 процента. 350 000 добровольцев осаждали мобилизационные пункты. Французы, живущие за границей, брали штурмом поезда и пароходы, чтобы присоединиться к родине. Подозрительные, включенные в „список Б“, умоляли направить их в огонь. Побуждаемые чувством долга к участию в войне из-за границы явились 3000 лиц, дезертировавших в мирное время».

Да, именно так выглядела Франция в начале августа 1914 года. Наконец-то ее облик оказался именно таким, каким его всегда видел в своем воображении Шарль де Голль! Несколько дней и даже, быть может, несколько недель искренний патриотический подъем действительно волновал страну. Но его вызвал не столько поистине мистический порыв, ярко описанный де Голлем, сколько многие вполне реальные причины. Присоединение социалистов к «священному союзу» явилось логическим итогом оппортунистического перерождения II Интернационала, а массовый патриотический психоз — естественным следствием многолетней националистической пропаганды, подогревавшей воспоминания о национальном унижении 1870 года. К тому же война на первый взгляд, казалось, носила оборонительный характер, поскольку непосредственно нападающей стороной в августе 1914 года была все же Германия. При этом Германия монархическая, юнкерско-прусская, что давало повод говорить о возобновлении революционной войны против феодализма. Французы тем более охотно верили в высокие и благородные цели войны, что им обещали быструю и легкую победу в результате прогулки на Берлин под звуки «Марсельезы». Словом, в первые дни августа 1914 года французы действительно с легким сердцем шли на войну и солдатские ранцы были до отказа набиты патриотической романтикой, а у Шарля де Голля был в нем еще и маршальский жезл: ведь он не забывал о своей «счастливой звезде».

Но доказывает ли национальный подъем августа 1914 года, что идея нации является движущей силой истории, что она отодвигает на второй план все социальные и политические конфликты и противоречия? В действительности война в небывалой степени обострила и углубила их. Сам де Голль позднее признал в своих мемуарах, что Франция вышла из войны «потрясенная до основания в своей социальной структуре». Конечно, мысли и чувства молодого де Голля, вызванные войной, его убеждения в высшей ценности нации отнюдь не были

совершенно беспочвенными иллюзиями. Родина, нация, патриотизм — все эти понятия соответствуют реальным явлениям. Идея родины — не ложная идея. Но это идея ограниченная, далеко не охватывающая всю сложность Жизни. Кроме нее есть и другие, не менее реальные и осязаемые факторы истории. Однако Шарль де Голль предпочитал не замечать их гораздо более значительной роли.

Быть может, трагические перипетии мировой войны, перевернувшие многие привычные представления и понятия в сознании сотен миллионов людей, повлияют и на взгляды Шарля де Голля? Попробуем проследить его путь по дорогам войны, который он прошел с честью и достоинством настоящего солдата, приняв на себя нелегкую долю бедствий великой трагедии. Спустя тридцать лет, слушая рассказ своей племянницы Женевьевы о ее пребывании в одном из гитлеровских лагерей смерти, он заметил, что испытания первой мировой войны означали для него нечто подобное…

Уже в первые дни войны лейтенант де Голль, которому не минуло еще 24 лет, принял боевое крещение. Французское командование, не очень считаясь с силами и намерениями противника, как и со своими возможностями, предприняло в соответствии с заранее разработанным «планом XVII» наступление сразу на нескольких участках фронта: в направлении Эльзаса, Лотарингии, Бельгии. 1-й батальон 33-го полка 2-й пехотной дивизии, в составе которой был де Голль, перешел бельгийскую границу и двинулся в район Намюра. Он оказался как раз на том участке фронта, на который обрушился главный удар немцев. Вступил в действие «план Шлиффена», разработанный еще в 1905 году и хорошо известный французскому командованию, которое самоуверенно игнорировало его. Германские армии вторглись в Бельгию, чтобы оттуда проникнуть во Францию на наиболее удобном и слабозащищенном участке границы. Развернулось так называемое «пограничное сражение».

Лейтенант де Голль еще не нюхал пороха. Ему предстояло впервые в жизни увидеть то, в чем он находил свое призвание, — настоящую войну. Сначала все происходило, как на маневрах. Потом картина резко изменилась. В книге «Франция и ее армия» де Голль так излагал впечатления от первого настоящего боя: «Внезапно огонь противника становится метким и концентрированным. Град пуль и гром пушечных залпов усиливаются с каждой секундой. Тот, кто еще уцелел, бросается вниз, прижимаясь к земле. Они лежат вперемешку со стонущими ранеными и безмолвными трупами. Напускное спокойствие

офицеров, которые хотят умирать стоя, упорно не опускающиеся в отдельных местах штыки винтовок, трубы, издающие сигналы атаки, отдельные героические перебежки — все это не имеет здесь никакого значения, иногда кажется, что вся доблесть мира бессильна против огня».

Де Голль держится под огнем уверенно, во всяком случае внешне. Но высокая фигура, столь эффектная в парадном строю, представляет собой очень удобную мишень. Он получает первую рану 15 августа 1914 года, когда вместе со своим батальоном защищает мост через реку Мезе у бельгийского городка Динана. Рана неопасна, но достаточно серьезна, чтобы его отправили в госпиталь в Аррас. Через город с севера на юг сплошным потоком двигаются беженцы и солдаты. Немцы успешно наступают, отбрасывая французские войска все дальше в глубь страны. События развиваются стремительно. фронт неумолимо приближается к Аррасу, лежащему на пути в Париж. Де Голль не хочет попасть в руки к немцам в первые же недели войны. Он уезжает из Арраса и один отправляется в Париж, а затем в Лион, чтобы там залечить свою рану.

А немцы уже подходят к пригородам Парижа. 2 сентября правительство бежит в Бордо. Неужели снова предстоит осада Парижа, как в 1870 году? Нетрудно представить себе настроение де Голля и других французов, которые месяц назад направлялись в поход на Берлин. Пресловутая французская военная доктрина и основанный на ней «план XVII» обанкротились в первые же недели войны. Ее применение стоило Франции дополнительно полмиллиона убитых. Спасло Францию только то, что военное командование оказалось вынужденным действовать в духе, совершенно противоположном его прежним замыслам. Организуется оборона, и после кровопролитного сражения на Марне немцы вынуждены отступить. Хотя некоторые генералы, вроде Галлиени, проявляли смелую инициативу, успех на Марне не был закреплен. И все же эта грандиозная битва во многом предопределила исход войны. Франция смогла выдержать испытания первых недель потому, что немецкому командованию пришлось перебросить крупные силы с запада на восток для защиты Пруссии от наступавших русских войск. В 1944 году генерал де Голль скажет по этому поводу: «Когда в 1914 году Германия и Австро-Венгрия перешли в наступление, русское продвижение в Пруссии значительно способствовало нашему восстановлению на Марне».

Первый боевой опыт не забывается никогда. За несколько недель де Голль увидел многое, что навсегда останется в его памяти. Между тем здоровье лейтенанта восстановилось, и через

два месяца после первого ранения он возвратился в строй. Его полк в это время находился на фронте в Шампани. Теперь главные боевые действия переместились на восточный фронт, где русские с трудом сдерживали натиск германской армии. Французское командование использует затишье на западном фронте в 1915 году, для того чтобы компенсировать свою неподготовленность к войне усиленным вооружением и разными организационными мерами. Война из маневренной превращается в позиционную, армии зарываются в землю. В основном проводятся лишь операции местного значения. Де Голль активно участвует в них. В январе 1915 года он упомянут в приказе по 2-й дивизии, что по традиции считается во французской армии большим отличием. Де Голль был отмечен «за проведение в крайне опасных условиях ряда операций по разведке позиций противника и получение ценных сведений». Командовавший полком подполковник Кладель назначает серьезного и смелого молодого офицера своим помощником.

В начале марта военные действия в Шампани активизируются. Французы предпринимают несколько наступательных операций. 10 марта под Мениль-лез-Юрль де Голль получает вторую рану. Только в июне 1915 года он смог вернуться в полк. 3 сентября ему присваивают звание капитана, а 30 октября назначают командиром 10-й роты.

В начале 1916 года германское командование решило перенести центр боевых действий снова на западный фронт и начать здесь мощное наступление на ключевой пункт французской обороны — Верден. Штурм, которым лично командовали кайзер Вильгельм II и кронпринц, начался 22 февраля артиллерийской подготовкой невиданной мощности. Это был ураган огня. Французские войска не выдержали и начали отступать. За пять дней ожесточенных боев немцы продвинулись на семь километров.

На помощь Вердену бросили 1-й армейский корпус, в который входил 33-й полк. Капитан де Голль прибыл ночью со своими солдатами на грузовиках к форту Дуомон, только что занятому немцами. Наступил как раз тот момент сражения, когда обе стороны хотели лишь перевести дух. Командир полка поручил де Голлю организовать замену солдат на передовой линии вновь прибывшими подкреплениями. Свою роту он разместил у самого Форта. Утро следующего пасмурного дня, осветившее перепаханную снарядами землю, покрытую множеством неубранных трупов, вопреки ожиданию не привело к возобновлению боя. Передышка, во время которой капитан де Голль напряженно ждал атаки, продолжалась 48 часов. Внезапно

относительная тишина сменилась адским грохотом. На французов обрушилась лавина огня и стали. Потери были ужасны, но не успели подсчитать их, как немцы пошли в атаку. Пулеметный огонь французов не мог остановить их. Положение становилось отчаянным. Вдруг раздалось: «Капитан, смотрите, к нам идут подкрепления!» Де Голль обернулся: то были немцы, сменившие свои остроконечные каски на плоские французские, снятые ими с убитых. Остатки 10-й роты оказались в окружении. Де Голль попытался организовать круговую оборону, но кольцо сжималось все теснее. Тогда, собрав горстку оставшихся у него солдат, он повел их на прорыв в штыковую атаку. В момент яростной рукопашной схватки капитан внезапно почувствовал сильный удар и, теряя сознание, повалился на землю.

С французских линий видели уничтожение остатков 10-й роты, видели падение ее командира. Полковник Будор сообщил обо всем семье де Голля. За свой подвиг капитан был награжден орденом Почетного легиона. В приказе, подписанном генералом Петэном, который вместе с генералом Кастельяно руководил обороной Вердена, говорилось: «Капитан де Голль, командир роты, известный своими высокими интеллектуальными и моральными качествами, в момент, когда батальон подвергся ожесточенному обстрелу и нес большие потери, когда противник вел наступление на его роту со всех сторон, поднял своих людей и повел их в яростную атаку, завязав жестокий рукопашный бой. Это было единственное решение, соответствующее его понятию воинской чести. Он пал в схватке. Это был во всех отношениях несравненный офицер».

«Тот, кого сочли умершим, проживет дольше всех» — говорят французы. В самом деле, де Голль был тяжело ранен штыком в бедро и в бессознательном состоянии попал в плен. Когда он пришел в себя и открыл глаза, то Увидел, как он рассказывал потом, среди окружавших его немцев тех, с кем он дрался в недавней яростной схватке.

Начался плен, который тянулся почти три года, точнее — 32 месяца. За это время он побывал в тюрьмах и лагерях в Щецине, Розенбурге, Фридберге, Магдебурге, Людвигсхафене, Ингольштадте. С первого и до последнего дня плена его неотступно терзает мысль о побеге, о том, чтобы вернуться во Францию и продолжать сражаться. Он совершил пять попыток побега. Однажды, добыв форму немецкого солдата, он переоделся в нее и покинул лагерь. Но брюки едва покрывали колени, а рукава доходили только до локтей. Несмотря на трагизм ситуации, можно себе представить комизм этой картины; естественно, что все обращали на него внимание и беглец был

быстро водворен обратно в лагерь. В другом случае ему удалось добраться до самой границы, но здесь его схватили; высокий рост снова подвел его. Но он упорно продолжал отыскивать новые способы побега. Вместе с де Голлем в плену был известный летчик Ролан Гарро, в 1913 году он первым перелетел Средиземное море. Вдвоем они решили вырыть подземный ход. Копали долго и упорно, но в конце концов наткнулись на скалу, к тому же немцы обнаружили подкоп. За это Шарль де Голль был переведен в лагерь для неисправимых и «рецидивистов», то есть для тех офицеров, которые совершили несколько попыток побега. Это был Форт IX в Ингольштадте, в Баварии.

Для человека активного нет ничего тяжелее отрыва от деятельности. Поэтому годы, проведенные в плену, — мрачные годы де Голля. Но в некоторых отношениях они оказались очень плодотворными. В лагерных условиях, впрочем не слишком суровых, он жил интенсивной духовной жизнью, много размышлял, читал все, что попадало под руку. Когда было нечего читать, он повторял в уме произведения классиков, древних и французских, которых хорошо знал. По немецким газетам он внимательно следил за ходом войны. Он часто делал какие-то записи. Впоследствии из них родилась его первая книга «Раздор в стане врага».

Пленники, как могли, разнообразили свою скучную жизнь не только игрой в карты, песнями, нескончаемыми беседами. Де Голль, например, регулярно делал доклады о ходе военных действий, благо эти действия становились все более успешными для Франции. Оказавшийся там же бывший профессор истории читал лекции. Пленные офицеры устраивали дискуссии о стратегии и тактике, об опыте войны и ее возможных последствиях.

Среди товарищей по плену оказалось немало таких, с кем Де Голль еще встретится в будущем. Здесь, кроме французских, содержались также английские и русские офицеры. Среди всех пленников выделялся красивый, энергичный, дерзкий 23-летний русский офицер Тухачевский, мечтавший только о побеге и возвращении на родину. Де Голль нередко беседовал с ним, учил его французскому языку. Спустя много лет де Голль будет вспоминать о Тухачевском.

Что касается самого де Голля, то он производил сильное впечатление на товарищей по плену своей необычайной памятью, знанием военной истории, умом, страстью к чтению. Не укрылись от них, естественно, и особенности его характера, безапелляционный тон его высказываний, стремление всегда быть правым, его гордая отчужденность, а подчас и заносчивость. Ему

дали прозвище «Коннетабль», то есть главнокомандующий короля. Странное дело, разные люди, в разное время и в разных обстоятельствах, независимо друг от друга называли его этим словом. Значит, было что-то в его облике такое, что ассоциировалось со старинным образом королевских военачальников.

Однажды, после очередной политической дискуссии, один из пленных французских офицеров, который до войны был преподавателем университета, обратился к де Голлю с таким вопросом: «Почему бы вам не заниматься политикой?» «Если бы я не был военным, возможно…» — ответил де Голль и добавил: «Единственное-средство формирования политика — опыт». Характерно, что он не исключал для себя еще тогда возможности политической деятельности.

Впрочем, де Голль далеко не до конца исчерпал и карьеру военного. Он особенно остро почувствовал это в ноябре 1918 года, когда война закончилась поражением Германии и пленных отпустили домой. Де Голль возвратился во Францию, в Дордонь, в семейное владение ла Лижери. Весной 1919 года там собралась вся семья. Три брата де Голля тоже воевали, имели ранения, получили награды и все остались живы. Редкая, счастливая судьба для французской семьи!

Участие в войне Шарля де Голля отмечено орденом Почетного легиона, Военным крестом и тремя упоминаниями в приказе. Но он — всего лишь капитан без всякой Должности, в то время как некоторые его сверстники Достигли большего в войсках или особенно в штабах.

Разумеется, речь шла не о зависти. Де Голль никогда не сравнивал себя с другими. У него должна быть особая судьба. Но годы плена сделали его участие в войне каким-то неполноценным; он словно получил полуотставку. Поэтому капитан мрачен и замкнут более обычного, как будто в чем-то обделен судьбой.

Конечно, Франция благодаря помощи союзников и ценой огромных потерь все же одержала победу, она возвратила себе Эльзас и Лотарингию. Но в каком состоянии она оказалась сама? Он с грустью сравнивал атмосферу националистического подъема, предшествовавшего 1914 году, когда дух Пеги и Барреса опьянял сознание молодежи, с апатией и безразличием, царившими теперь. «Священный союз», который так радовал де Голля в августе 1914 года, оказался эфемерным. Все прежние конфликты, все «бессмысленные» распри возобновились уже в ходе войны в небывало резкой форме. Политические интриги, закулисные махинации, лицемерие и ложь политиканов, оргия

наживы на войне — все это приобрело в мрачном свете военных бедствий особенно тягостный характер. Социальные противоречия в условиях войны еще больше усилились, вопреки заклинаниям националистов о единстве нации. В 1917 году бастовало 300 тысяч рабочих. Самым тревожным было то, что измученная войной армия оказалась на пороге революционного восстания. Дело дошло до применения артиллерии против восставших солдат.

Де Голль писал в своих мемуарах, что Франция, «обессиленная от потерь и разрушений, потрясенная до основания в своей социальной структуре и выведенная из морального равновесия, вновь пошла неуверенным шагом навстречу своей судьбе, в то время как ее режим, принимая свой прежний облик и отвергая Клемансо, отказывался от политики величия и возвращался к хаосу».

И в этом «хаосе» де Голль находил для себя лишь незаметное место пехотного офицера в каком-нибудь захолустном гарнизоне, в армии, обреченной на мир. «Война, это ужасно, — сказал как-то де Голль в частном разговоре, — но мир, надо прямо сказать, это так скучно». И здесь ему представилась неожиданная возможность продолжать войну, и притом войну против Германии. Дело в том, что польский генерал Юзеф Геллер вербовал среди французских офицеров добровольцев для борьбы в рядах польской армии против большевиков. Но какое это имело отношение к Германии? Ответ на этот вопрос можно найти, если представить ту слепую ярость, с какой французская буржуазия отнеслась к Великой Октябрьской революции. Разумеется, о главном, то есть об облигациях займов, размещенных царской Россией во Франции, об утраченных капиталовложениях, о потерянных русских рынках и т. п., предпочитали говорить меньше. И де Голль вообще с презрением относился к экономическим и социальным делам. Поэтому глубинная сущность явлений часто ускользала от него. Нация как некая мистическая общность традиций, психологии, мысли и чувства — вот что он принимает в расчет в первую и в последнюю очередь.

Негодование против большевиков как раз и облекалось в возвышенную форму заботы о французских национальных интересах. Ведь большевики толкнули Россию на заключение «сепаратного» мира и тем самым нанесли «удар» союзникам, и прежде всего Франции. Французский посол в России Нуланс заявил в январе 1919 года, что с помощью большевиков Россия стала добычей Германии, которую она неизбежно использует для подготовки новой войны против Франции.

В начале 1919 года, когда де Голль только что вернулся из

плена, такие выступления сливались в сплошной хор. Французская буржуазия охотно развязала бы открытую войну против Советской России, если бы не сопротивление народа. Как раз в это время вспыхнуло восстание на французских военных кораблях в Одессе и их пришлось оттуда увести. Но французские правящие круги стремились использовать все возможные средства косвенной интервенции. Поэтому, например, поощрялась вербовка офицеров в белопольскую армию. И лейтмотивом антибольшевистской истерии служил тезис о том, что большевики и Германия неразрывно связаны и, следовательно, борьба против большевиков является борьбой против Германии, борьбой за интересы Франции. Де Голль предпочел бы воевать непосредственно с немцами, но шансов на это в ближайшее время не было, а его неутоленная жажда военной деятельности была так велика, что он решил ехать на восток.

В мае 1919 года де Голль уже находится в Силлеле-Гийоме, маленьком городке департамента Сарт, где стояла 5-я польская егерская дивизия. Он ведет занятия по тактике с польскими офицерами. Затем он отправляется на Вислу и там продолжает обучать польских офицеров. Ему присваивают звание майора польской армии. Правда, во французской армии это звание недействительно, и после возвращения он снова капитан. Но в Польше он носит в качестве майора две звезды на кепи, как во Франции бригадный генерал. Де Голль участвует в боевых действиях против Красной Армии на Волыни и под Варшавой, командуя смешанным пехотно-танковым отрядом. За это он был отмечен в приказе главы французской военной миссии генерала Вейгана.

В феврале 1921 года де Голль завершает свою карьеру наемного солдата и возвращается во Францию с польским крестом Святого Венцлава на груди. Так заканчивается эта, по выражению нескольких биографов, «польская авантюра» Шарля де Голля. Сам он в «Военных мемуарах» посвящает пребыванию в Польше только пять слов.

Капитан

Шарлю де Голлю 30 лет. В этом возрасте мужчина должен обзавестись семьей. Так принято в кругу порядочных католиков, к которому по происхождению и воспитанию принадлежит капитан. Но у него нет никаких личных привязанностей. Да и могли ли они быть у человека столь строгой, даже пуританской добродетели, каким всегда был Шарль де Голль? Правда, в некоторых сочинениях о де Голле пишут, что во время пребывания в Польше у него были очень милые отношения с молодой и очаровательной полькой Четвертинской, с которой он якобы встречался в кафе Бликле, славившемся лучшими в Варшаве пирожными. Но это более чем сомнительная история. У де Голля вряд ли могли быть случайные истории такого рода. Не зря же он порицал даже столь уважаемого им тогда Филиппа Петэна за чрезмерную слабость к прекрасному полу,

Вопрос о личной судьбе Шарля де Голля уже не раз обсуждался его матерью и другом дома, крестницей отца Шарля, мадам Данкен. Она происходила из одного солидного семейства города Кале и знала в этом городе всех девушек на выданье, разумеется из определенного круга. Именно ей и пришла в голову мысль об Ивонне Вандру, дочери владельца кондитерских фабрик в Кале, а также в Дуэ и Дюнкерке. Со стороны отца семья происходила из Голландии, где ее предки Ван Дроог некогда занимались выращиванием и продажей табака. Обосновавшись во Франции, они завели фабрику по производству сигар, но после национализации табачной промышленности переключились на изготовление бисквитов. Один из предков Ивонны Вандру по матери был полковником, который участвовал в войне за независимость Соединенных Штатов вместе с Лафайетом. Семья Вандру владела в Арденнах замком Сетфонтэн. Словом, с происхождением предполагаемой невесты все обстояло в высшей степени благополучно.

Девушке только что исполнилось 20 лет, она хороша собой, скромна, из солидной семьи и прекрасно воспитана. Ивонна училась в женском коллеже Святой Агнессы, основанном монахами-доминиканцами. Там воспитывались дочери крупной буржуазии северных департаментов. Правда, девушка однажды заявила, что не выйдет замуж за военного. Но мадам Данкен была уверена, что стоит ей увидеть блестящего капитана, как она немедленно откажется от своего твердого решения.

«Случайная» встреча молодых людей состоялась в: осеннем Салоне 1920 года. Они остановились у картины, изображавшей

маленького сына Эдмона Ростана. Разумеется, капитан не ударил лицом в грязь; ведь он знал всего Ростана наизусть! В тот же день в час вечернего чая обе семьи под руководством мадам Данкен встретились в кондитерской на Елисейских полях. Ивонну и Шарля, естественно, посадили рядом. Барышня была покорена серьезным, сдержанным, но исключительно любезным и образованным кавалером с двумя боевыми орденами на груди. Правда, вернувшись домой, она сказала: «Мама, я думаю, что он находит меня слишком маленькой для себя». Нет, он этого не находил, и события развивались форсированным темпом. На следующей неделе Ивонна и ее брат Жак были приглашены на большой бал Политехнической школы в Версаль. Там к ним сразу подошел Шарль де Голль и, приветствуя Жака Вандру, попросил разрешения пригласить его сестру на танец. До конца бала он ее уже не отпускал. После шестого вальса Ивонна сказала своему брату: «Капитан де Голль только что сделал мне предложение. Я согласилась». Через несколько дней было объявлено о помолвке. Все произошло очень быстро, без потери времени на ухаживание. Тем не менее, а быть может и поэтому, брак оказался удачным; Ивонна будет верной подругой Шарля де Голля до конца его дней, и между ними не будет размолвок.

Как и полагается, молодые обвенчались через полгода в старинной церкви Нотр-Дам-де-Кале, украшенной статуями Карла Великого и Святого Людовика. История непрерывно смотрела на Шарля де Голля. В доме Вандру состоялся свадебный обед. Молодые супруги поселились в Париже на площади Сен-Франсуа-Ксавье, на левом берегу Сены, рядом с Дворцом инвалидов. Летние сезоны они проводили в замке родителей Ивонны в Арденнах, пока не обзавелись собственным домом в деревне Коломбэ-ле-дез-Эглиз. Таким образом, личные связи Шарля де Голля с промышленной буржуазией севера еще более укрепились. Вспомним, что его дед, а потом и отец женились на девушках, происходивших из этой же социальной и географической среды. Все в жизни де Голля связано с севером; сюда его всегда тянуло; ведь он сам выбрал местом службы Аррас. Это был край суровой жизни на фоне равнинных пейзажей. На протяжении всей жизни он будет отождествлять всю Францию с севером, невольно перенося особенности, нравы, традиции жителей этого пасмурного края на всех французов, хотя, например, марсельцы или гасконцы отличаются совсем иными качествами.

После окончательного возвращения из Польши де Голль был назначен 1 октября 1921 года заместителем профессора военной истории в Сен-Сире. Перед ним новое, по существу, поприще; ведь доклады перед пленными в Ингольштадте и даже занятия с

польскими офицерами, проходившие с помощью переводчика, дали ему слишком специфический опыт. Свой предмет, то есть военную историю, он знает великолепно. Но этого мало, чтобы завоевать внимание и доверие учеников. Его огромная, несколько несуразная фигура, размашистые жесты, какой-то необычный гортанный голос — все это могло и затруднить контакт со слушателями. Ведь странное, непривычное во внешности, манерах преподавателя становится объектом насмешек учеников. Тем более что этот внешне хладнокровный человек свои лекции читал очень темпераментно. Он буквально впадал в экстаз, а это самое опасное для преподавателя, ибо малейшая потеря чувства меры вызывает немедленную ироническую реакцию. Высокую патетику может позволить себе только действительно очень хороший оратор. И Шарль де Голль оказался именно таким оратором.

Вот характерный момент одной из лекций капитана Де Голля, как он был запечатлен в записях его ученика Лекока. Речь шла о злосчастной для Франции войне 1870 года, и в частности о сражении при Фрешвиллере. Из-за бездарных генералов, которые запутались в пере-Движении своих войск, 35 тысяч французов сражались здесь против 135 тысяч немцев. Французские солдаты проявили стойкость и мужество, но были разгромлены. Де Голль так закончил рассказ об этом трагическом эпизоде французской военной истории: «И вот, господа, маршал Мак-Магон плача идет среди своих солдат. Вдруг один старый сержант-пехотинец обращается к нему с вопросом: господин маршал, неужели мы испугались смерти?»

В этот момент де Голль ударяет кулаком правой руки по кафедре и продолжает внезапно зазвеневшим голосом: «Нет, они не испугались смерти! Встаньте, господа, чтобы почтить память людей, удрученных несчастьем, но не потерявших ни достоинства, ни мужества!»

Его слушали, затаив дыхание, лица учеников то бледнели, то краснели, на глазах у некоторых выступали слезы. Необычайная суровая сентиментальность, даже напыщенность, казалась в его устах естественной и производила какое-то гипнотическое действие на слушателей. В данном случае, как, впрочем, и всегда, он придает истории больше возвышенного, чем его было на самом деле. Но, может быть, только в таком виде история и выполнит свою великую роль magistra vitae (лат. — наставницы жизни)?

Вообще-то восторженные панегирики в адрес французской армии не очень отвечали духу времени. Конечно, была одержана победа в великой войне, армия блистала на парадах, на

многочисленных церемониях по поводу открытия памятников погибшим. 11 ноября 1920 года под Триумфальной аркой на площади Звезды были торжественно захоронены останки Неизвестного солдата, погибшего под Верденом, и зажжен вечный огонь. Могила Неизвестного солдата стала как бы алтарем французского патриотизма. Многие не без основания думали, что вряд ли этот солдат принадлежал к кадровой армии, возглавляемой реакционной милитаристской кастой, позорно обанкротившейся в самом начале войны. Резервисты, то есть массы народа, влившиеся в армию в результате мобилизации, решили исход войны. «Гражданские люди выиграли войну», — говорил в палате один из депутатов. Вот почему кадровая армия, несмотря на недавнюю победу, пользовалась невысоким престижем. К тому же опасность войны на ближайшее время была устранена. Версальский договор строго, как казалось тогда, ограничивал численность и вооружение германской армии. Поэтому в 1922 году парламент проголосовал за сокращение срока военной службы с 3 лет до 18 месяцев. Казалось, все в армии приходило в упадок. Материальное положение офицеров резко пошатнулось. К 1925 году цены во Франции из-за инфляции выросли в 4,5 раза по сравнению с довоенными, а жалованье офицерам повысили незначительно.

И все же Шарль де Голль не мыслил для себя иной карьеры, кроме военной. Занимаясь преподаванием военной истории в Сен-Сире, он одновременно готовится к конкурсным экзаменам в Высшую военную школу, учебное заведение, аналогичное академиям генерального штаба в других странах. В ноябре 1922 года он начинает учебу в этой школе, продолжавшуюся два года.

Занятия здесь значительно отличались от того, что было в Сен-Сире. В Высшей военной школе готовили потенциальных генералов, способных руководить штабами и командовать крупными соединениями войск. И хотя де Голль снова в положении ученика, это уже другой уровень. Да и сам он стал на десять лет старше; за плечами у него опыт войны, ранения, плен. Может быть, этот уже сложившийся человек, успевший обзавестись семьей, становится в проторенную колею армейской карьеры и оставляет мечты о подвиге во имя величия Франции, надежды на свою особую миссию? Напротив, он еще больше укрепился в сознании какого-то еще неясного, но несомненно необычного предназначения. Один из его товарищей по Высшей военной школе, будущий генерал Шовен, однажды сказал де Голлю: «Я чувствую, что вы предназначены для великой судьбы…»

Любой другой на месте де Голля ответил бы на такое заявление шуткой или смехом. Но он твердо и медленно произнес

тоном непоколебимой уверенности: «Да, я тоже это чувствую…»

Интересный портрет де Голля тех времен нарисовал в своей книге «Пехотинец из Гаскони» другой его товарищ по учебе, в то время тоже капитан, а в будущем генерал Лафарг. Он пишет об отсутствии у де Голля уравновешенности, о пренебрежении к реальной обстановке, о его немыслимом упрямстве: «Он держался необыкновенно прямо и ходил, выдвигая грудь, словно он перемещал свою собственную статую».

Однако при необычности такого поведения он сохранял достоинство, чувство меры и такт, внушая уважение даже тем, кто его недолюбливал. Тот же Лафарг, высказав немало критики в адрес Шарля де Голля, признает: «Превосходя нас своим высоким ростом, он нисколько не казался высокомерным и склонным властвовать. Более молчаливый и менее экспансивный, конечно, чем большинство из нас, он всегда оставался общительным, умеющим сказать свое слово, часто с оригинальностью и юмором».

Однажды в Высшую военную школу приехало несколько офицеров из Испании: В их честь устроили вечер, в программе которого было и пародийно-шутливое изображение боя быков, этого национального увлечения испанцев. Учащиеся школы — французы в большом зале, где обычно служили мессы, изображали тореадоров, быков, лошадей и всадников. «Де Голль двигался посреди этой кутерьмы как большой молчаливый призрак, — пишет Лафарг, — не участвуя в разыгрывании корриды, но не теряя из виду ни одной детали. В один момент, галопируя и неся на спине товарища, я двигался вблизи де Голля и слышал, как он произнес своим гортанным голосом: „В любом объединении двух людей один всегда везет на себе другого“». Своеобразная острая ирония де Голля, его юмор с оттенком презрения к людям всегда будут его отличительной чертой.

Разумеется, веселые сцены, подобные только что описанной «корриде», отнюдь не свидетельствовали о каком-либо духе демократизма в Высшей военной школе. Напротив, здесь царила реакционная, консервативная атмосфера кастовой преданности наиболее архаичным, во многом монархическим традициям французского офицерства. Изменение политического климата во Франции после войны, характерное резким усилением антимилитаризма, ростом влияния левых сил, совершенно не коснулось армии, во всяком случае ее кадрового офицерского состава. Поскольку побежденная Германия пока опасности не представляла, главным врагом в глазах реакционного офицерства стал враг внутренний в лице революционных сил Франции. В 1920 году происходит историческое событие — рождается

Французская коммунистическая партия, постепенно превращающаяся во все более серьезный фактор политической жизни Франции. С подозрением, тревогой, неприязнью следили за этими событиями в таких учреждениях, как Высшая военная школа. В соответствующем духе воспитывались и учащиеся этой школы.

Для характеристики окружения де Голля в это время интересны фигуры трех его товарищей по школе, таких же, как и он, капитанов, которых он каждую неделю принимал у себя дома и вел с ними длительные беседы. Это были Жорж-Пико, сын академика, Бридо, сын генерала, и Лустано-Лако, занявший первое место в выпуске. Интересна их дальнейшая политическая судьба, в которой отразились их взгляды и настроения, сформировавшиеся же в те далекие годы учебы. В 1940 году генерал Жорж-Пико откажется присоединиться к де Голлю и предпочтет служить правительству Виши. Бридо будет военным министром этого «правительства» и получит за предательство смертный приговор в 1945 году, когда де Голль возглавит правительство. Лустано-Лако будет тоже вишистом, хотя и не долгое время.

Но уж если речь зашла о Виши, то нельзя не сказать о том, что в то время де Голль сохранял близкие отношения с маршалом Петэном. Маршал приглашал его домой и подолгу беседовал с офицером, на которого он возлагал большие надежды, считая его исключительно способным. В декабре 1921 года у Шарля де Голля родился сын, получивший в честь маршала имя Филипп. Петэн по этому случаю подарил де Голлю свой портрет с надписью, в которой он выражал пожелание, чтобы маленький Филипп унаследовал блестящие качества отца.

И все же, хотя в те годы Шарль де Голль говорил на одном языке с людьми вроде Жоржа-Пико, Бридо или Лустано-Лако, уже тогда его отделяла от них определенная грань, которая была, видимо, следствием не столько разницы убеждений, сколько различия характеров. Дело в том, что, будучи несомненно консервативным в своих политических взглядах, де Голль не был конформистом. Именно во время учебы в Высшей военной школе обнаружилось впервые совершенно явно это стремление говорить и действовать в соответствии со своими убеждениями. Пожалуй, это можно назвать принципиальностью, обходившейся де Голлю довольно дорого. Не случайно он будет на протяжении 12 лет оставаться в звании капитана.

В школе безраздельно господствовала тактическая Доктрина, которую де Голль сразу расценил как догматическую. Руководитель кафедры тактики полковник Муаран, знающий, но

крайне педантичный преподаватель, был главным выразителем этого господствующего и официального направления. Он рьяно отстаивал так называемую тактику a priori (заранее определенную). Она исходила из опыта войны 1914–1918 годов, интерпретированного таким образом, что оборонительная тактика является самой выгодной, что всякое движение, маневрирование крайне опасно, что все решает мощь огня. Согласно этим идеям, необходимо заранее выбрать поле боя, создать там превосходство огневой мощи и ждать, когда противник подставит себя под огонь. При этом заранее разработанные принципы действия не должны изменяться ни при каких обстоятельствах. Де Голль считал такой образ действий смертельно опасным и в противовес ему выдвигал тактическую теорию боевых действий в зависимости от обстоятельств, которые заранее предвидеть невозможно. Он мыслил вполне в духе своего духовного наставника Анри Бергсона, конечно, так, как он его понимал.

На протяжении первого года учебы де Голль держался осторожно, хотя порой и ставил преподавателей в тупик неожиданными вопросами, которые сразу показывали их ограниченность. Но на официальную доктрину он открыто не нападал, чтобы, как он говорил смеясь, быть допущенным «к причастию». Но вот, наконец, этот момент наступил. Учеба завершалась тем, что учащиеся школы должны были на маневрах, командуя реальными соединениями, показать свою тактическую подготовку. 17 июня 1924 года на маневрах в Лотарингии, на подступах к Вар-сюр-Об ему было поручено командовать армейским корпусом «синих». Де Голль начал решительно действовать вопреки всем правилам полковника Муарана. Неожиданными решениями, необычными маневрами он привел в ярость этого педанта, который тщетно пытался поставить на место самонадеянного капитана. Между ними, например, состоялся такой весьма типичный для де Голля диалог. Полковник Муаран внезапно спрашивает де Голля: «Где находятся обозы левого полка вашей правой дивизии?» Повернув голову к офицеру, исполнявшему роль начальника штаба, де Голль говорит: «Шатеньо, ответьте». Полковник взрывается: «Я вам задал этот вопрос, де Голль!» На это следует совершенно правильный по существу, но крайне дерзкий ответ: «Мой полковник, вы доверили мне ответственность за командование армейским корпусом. Если мне кроме этого надо брать на себя обязанности подчиненных, то моя голова будет слишком занята, чтобы выполнять свою миссию. De minimis non curat praetor… (лат. — Претор не занимается мелочами) Шатеньо, ответьте же

полковнику…»

Полковник Муаран, который считал, что лучше потерпеть поражение, чем нарушить правила, хватался за голову, видя неожиданные, оригинальные, смелые действия капитана, с презрением отбросившего все, чему он его учил. Муаран кричал о кощунстве! На это де Голль отвечал: «Но я же выиграл бой!»

Многие говорили, что лучше бы он его проиграл, ибо Муаран постарался испортить ему карьеру. Вот какую аттестацию он дал де Голлю: «Интеллигентный, образованный и серьезный офицер; показал блестящие способности и большие перспективы будущего роста. К несчастью, его бесспорные высокие качества снижаются его чрезмерной самоуверенностью, его нетерпимостью к мнениям других, его позой короля в изгнании…»

В результате де Голля назначили не в генеральный штаб, что, как правило, ожидало лучших выпускников, а лишь в штаб Рейнской оккупационной армии в Майнце. Во время прощальной церемонии по случаю очередного выпуска школы де Голль был мрачен, думая о мелочности и мстительности Муарана и других корифеев этого учебного заведения. Его товарищ Шовен сказал по поводу характеристики, — которую получил де Голль: «Вы воткнули им за два года столько бандерилий, чтобы заслужить этот Смертный приговор…» Де Голль с бешенством ответил: «Я поступил в эту дыру не только для того, чтобы быть майором!»

Итак, он снова в Германии, на этот раз не в роли пленного, а в качестве офицера оккупационной армии. Но, как и в самом начале войны, ему опять довелось испытать чувство унижения за Францию и за ее армию, хотя на этот раз в мирных условиях. Дело в том, что в январе 1923 года правительство Пуанкаре из-за задержки поставок репараций, которые должна была Германия Франции по Версальскому договору, ввело в Рурскую область пять французских дивизий вместе с двумя бельгийскими. Непосредственная цель этой сенсационной операции состояла в том, чтобы заставить Германию платить аккуратно. Но главное заключалось в том, что французский крупный капитал и его политические представители лелеяли заветную мечту взять под свой контроль шахты и заводы Рура, источник несметных доходов. В этой затее оказалось, однако, слишком много алчности и слишком мало политического реализма. Вчерашние союзники — США и Англия — поддержали не Францию, а Германию, ибо видели в ней главный оплот против большевизма. В конце концов Франция стала получать репа-Раций еще меньше, чем раньше, а свои войска обязалась Увести. Унизительный финал рурской авантюры вызвал У Де Голля самые горькие чувства. В связи с выводом Французских войск он провел в Германии всего три

месяца. Во всяком случае, ему вновь представилась возможность непосредственно увидеть Германию, в которой нельзя было не заметить роста шовинизма и почти явной подготовки реванша. Германия всегда вызывала у де Голля раздумья, сомнения и опасения. Как раз в 1924 году выходит в свет первая книга де Голля, посвященная именно Германии: «Раздор в стане врага».

Идея этой книги зародилась давно, когда он еще был в плену и там, за стенами крепости Ингольштадт, делал выписки из немецких газет. Все последующие годы он обдумывал и по частям писал эту книгу, а главным образом решал, целесообразно ли вообще выступать с этой книгой перед общественностью. Ведь это было явным нарушением традиций французской армии. Офицер, да еще младший, не может выносить на суд гражданских людей военные проблемы, в которых ведь те все равно ничего не понимают. Так считалось всегда, и в этом, в свою очередь, отражался дух кастовой замкнутости кадрового офицерства. Но как можно иначе выйти из безвестности при том весьма скромном и тягостном для него положении, которое занимал де Голль? Как он может иначе оказать свое личное воздействие на ход событий? Особых надежд на продвижение по служебной лестнице де Голль не питал. Оставалась, таким образом, журналистика, на которую в армии смотрели очень косо.

Выступление в печати содержало в себе явный риск с точки зрения нормальной, хорошей карьеры. Но де Голля совершенно не привлекала и никак не могла удовлетворить обычная ординарная карьера. Все или ничего — вот его принцип в отношении места в жизни. Поэтому он и идет на сознательный риск.

Говорят, что с помощью журналистики можно достичь многого, если ее вовремя бросить. Но это относится к профессиональной работе в печати. Другое дело, если это дополнительное средство для продвижения какой-либо идеи в жизнь. Здесь журналистика действительно может помочь сделать многое, если это дело не бросать и терпеливо добиваться распространения своих идей. Именно так и будет с де Голлем. Его литературная деятельность станет неотъемлемой и очень важной частью его карьеры, хотя в течение многих лет она останется незамеченной. В самом деле, долгое время диалог де Голля с общественностью больше походил на монолог, а вернее на глас вопиющего в пустыне. Это в особенности относится к его первой книге, которая разошлась всего в тысяче экземпляров и не вызвала почти никаких откликов. Тем не менее это одна из самых любопытных его книг, особенно с точки зрения характеристики духовной эволюции де Голля.

В пяти главах книги «Раздор в стане врага» рассказывается о том, как недисциплинированность и самоуправство генерала фон Клюка, который командовал германскими войсками, подошедшими в августе 1914 года к Парижу, играли на руку французам, а затем и помогли их победе в сражении на Марне, как ожесточенная и успешная борьба адмирала Тирпица против канцлера Бетман-Гольвега за объявление неограниченной подводной войны толкнула Соединенные Штаты к вступлению в войну на стороне Антанты. В книге рассказывается также о неспособности Германии создать единое командование армий всех своих союзников, несмотря на реальную возможность этого дела, о кризисе германского правительства в 1917 году, вызванного интригами Людендорфа, стремившегося установить свою диктатуру и сумевшего отстранить от власти Бетман-Гольвега. Описывая деятельность военных руководителей Германии — Гинденбурга, Людендорфа и Тирпица, которые навязывали правительству свои решения в самые критические моменты войны, де Голль показывает, что именно в этом — важнейшая причина поражения Германии.

Однако книга «Раздор в стане врага» — не просто исторический труд. Тем более что в этом качестве она не выдерживает критики. Автор не касается важнейших процессов в общественном сознании немецкого народа, причин назревания революционного взрыва, порожденного отнюдь не верхушечной борьбой за власть между военными и гражданскими, а самой войной, обострившей социальные противоречия. Его почти не интересует и такой фактор поражения Германии, как огромное превосходство над ней стран Антанты в материальных и людских ресурсах. Поэтому в смысле выяснения истории поражения Германии книга имеет ограниченное значение. Ее смысл в другом: исторические события в Германии были для Де Голля лишь поводом для выдвижения некоторых идей И принципов, весьма крамольных с точки зрения руководящей французской военной верхушки. Если ее представители всегда восхищались организацией и деятельностью германского генерального штаба, то де Голль совершенно развенчивает его, показывая пагубные последствия его действий для национальных интересов Гер-Мании. Важнейшая мысль книги состоит в том, что военные власти даже во время войны, и, пожалуй, особенно во время войны, должны подчиняться гражданской власти, государству, что только они, а не командование армии могут выражать и формулировать национальный интерес, военную политику и стратегию. Она показывает крайнюю опасность давления военных на государство, поскольку они все подчиняют оперативной

необходимости, тогда как военные действия, их методы и цели должны исходить из более общих и широких взглядов политической власти.

Все эти мысли решительно противоречили взглядам и делам французских военных руководителей, которые на протяжении десятков лет ревностно боролись за превращение армии в нечто не подлежащее государственному контролю. Они отвергали все попытки республиканских властей оказывать влияние на армию. Более того, она стремилась стоять над государством. В начале войны так и получилось. Парламент, правительство, полиция, разведка, судебные учреждения — все оказалось подчиненным генеральному штабу во главе с Жоффром. Только после ожесточенной борьбы и острого кризиса эта диктатура военных была свергнута в декабре 1916 года. Но и впоследствии военное командование постоянно боролось за свое преобладание, что выразилось, например, в столкновении между Фошем и Клемансо.

Правда, в книге де Голля речь шла о Германии. Но это был именно тот случай, когда, согласно немецкой поговорке, бьют по мешку, имея в виду осла. Да и сам де Голль, обращаясь к французскому читателю, довольно прозрачно говорит о всеобщем значении выводов, которые он извлекает из немецкого опыта. Книга де Голля явилась началом его борьбы против взглядов официальной военной верхушки. Исходя из принципов, выраженных в этой книге, Шарль де Голль развернет впоследствии активную деятельность за реформу французской армии.

В книге отразились некоторые другие идеи де Голля, в частности те самые, которые послужили основой его разногласий с полковником Муараном. Он отрицает догматизм, косность, рутину в военной тактике, подчеркивая значение эмпиризма, интуиции, гибкости ума. Уже на ее первых страницах он заявляет: «За исключением нескольких основных принципов, для войны не существует универсальной системы: есть только обстоятельства и личности».

Все это совершенно не означает, что первая книга де Голля носит какой-то ниспровергательский или даже революционный характер. Нет, это абсолютно лояльная оппозиция, направленная на укрепление французского государства в целом. Де Голль лишь пытался преодолеть узость взглядов военной верхушки, ее кастовую ограниченность во имя более тонко понятых интересов буржуазного государства в целом.

Между тем в июле 1925 года де Голль был назначен в кабинет маршала Петэна, вице-председателя Высшего совета национальной обороны, фактического главы французской армии,

поскольку председателем числился президент Республики. И вот де Голль обосновывается в доме 46 на бульваре Инвалидов. Отныне в окне комнаты, где он работает, свет гаснет только тогда, когда все здание уже погружается в темноту.

Маршал не забыл своего бывшего младшего лейтенанта, служившего у него в Аррасе. Петэн выражал удивление и возмущение по поводу того, что после окончания Высшей военной школы столь способный офицер получил незначительную должность. Он называл это чудовищной ошибкой и решил ее исправить, используя свое высокое положение. Он слышал и о споре между капитаном де Голлем и полковником Муараном. «Де Голль прав», — сказал тогда Петэн. Это как будто говорило о том, что перед де Голлем открывается, наконец, путь к блестящей карьере. Но все оказалось не так-то просто. Осложнения начались сразу, когда де Голлю поручили подготовить доклад о роли крепостей и других оборонительных сооружений в защите границ Франции.

Задание входило в программу исследований, призванных обосновать строительство оборонительных сооружений на северной и восточной границах Франции. Этот план обсуждался в военных и правительственных кругах с 1920 года. Сторонники плана рассуждали таким образом: война показала выгодность оборонительной тактики, Франция, после возвращения Эльзаса и Лотарингии, не намерена добиваться расширения своей территории, ей необходимы лишь надежные средства защиты, поэтому и надо построить неприступную линию укреплений, которые навсегда гарантируют ее безопасность. При этом совершенно не думали о таких элементарных вещах, как стремительное развитие военной техники. Не учитывали также, что Франция, создавая оборонительную линию, заранее сообщает противнику о том, какими методами она будет действовать в будущей войне, давая ему возможность задолго подготовить контрмеры. Вся эта затея была плодом косности, рутины, дряхлости мысли военных кругов Франции. Как бы то ни было, после длительных дебатов в декабре 1929 года парламент принял закон о строительстве грандиозной системы оборонительных сооружений стоимостью в 3,5 миллиарда франков, которые вошли в историю под названием «линии Мажино». Она явилась, естественно, основой всей стратегии французского генерального штаба. Нетрудно заметить, что идея «линии Мажино» полностью соответствует тактическим теориям полковника Муарана, против которых де Голль решительно выступал. Но вся сложность заключалась в том, что сторонником строительства линии оборонительных сооружений был сам маршал Петэн, покровитель

де Голля! Капитан оказался в крайне неприятной ситуации, ибо ему предстояло доказывать правильность идей, которые он категорически отвергал.

Де Голль в течение месяца выполнил задание, и в декабре 1925 года в «Ревю милитер франсэз» появляется его статья: «Историческая роль французских укреплений». Начав свою статью с характеристики исторических и географических факторов вопроса, де Голль изложил свою точку зрения на проблему безопасности Франции, резко отличавшуюся от благодушного тона, с каким официальные представители Франции говорили тогда о нерушимости мира, якобы обеспеченного Лигой наций и политикой «примирения» с Германией, которое гарантировал сам германский канцлер Штреземан.

«В ходе недавней войны, — писал де Голль, — несмотря на исключительные военные приготовления Франции и беспримерное в истории национальное единение, ее слабые границы на севере и востоке оказались нарушенными. Французы услышали гром вражеских пушек под стенами своей столицы спустя восемь дней после первых сражений. Победа совершенно не в состоянии рассеять глухое беспокойство, которое внушает им будущее. Несмотря на ослабление в данный момент ее главного врага, временную защиту Рейна, возвращение Меца и Страсбурга, союз с Бельгией, добрую волю Люксембурга, а также основание и развитие международных институтов, Франция сохраняет слишком тяжелое и глубокое воспоминание о частых нашествиях, жертвой которых она была, чтобы забыть о невыгодности ее границ или пренебрегать этим обстоятельством. Пагубная слабость границ является, впрочем, особенностью нашей родины. При-пода гораздо лучше защищает Англию, Германию, Италию, Испанию, Россию. Эта абсолютная и относительная уязвимость Франции во все времена вызывала тревогу ее правительств, которые пытались компенсировать ее в зависимости от времени, обстоятельств или доктрин расширением территории, союзами, международными соглашениями или строительством укреплений. После недавних испытаний Франция отказалась от территориального расширения, она заключила союзы и стремится к развитию некоторых международных институтов. Но должна ли она укреплять свои границы?»

Де Голль в соответствии с установкой своего начальства отвечает на этот вопрос утвердительно. Однако он сопровождает эту уступку такими оговорками, которые явно идут вразрез с официальной линией. Он утверждает, что нельзя строить всю французскую военную доктрину на использовании только линии сильных оборонительных сооружений, ибо это заранее обрекает

армию на пассивность. Намечая линии фортификаций, он считает укрепленные пункты лишь базой для динамичных маневренных операций войск. Таким образом, де Голль пошел на компромисс, но отказался уступить в самом главном. В атмосфере угодничества, окружавшей персону маршала, довольно неортодоксальная статья де Голля вызвала немало разговоров. Де Голль понял, что он, возможно, поступил опрометчиво, связав вопрос об укрепленных линиях с общей военной доктриной. Ему становится ясно, что покровительство маршала имеет и отрицательные стороны, ибо ограничивает его самостоятельность. Действовать же в согласии с мнениями Петэна ему становится все труднее, ибо человек, некогда критиковавший косность официальных стратегических установок, теперь, в 70-летнем возрасте, сам превращается в оплот отсталых представлений о характере будущей войны. Позднее Де Голль скажет, что маршал был «мертв уже в 1925 году».

Тем не менее внешне между де Голлем и Петэном сохраняются прежние отношения и маршал пока продолжает ему покровительствовать. Де Голль воздерживается от каких-либо демонстративных выступлений с изложением своих особых взглядов по вопросам стратегии и тактики. Этому способствовало и то, что де Голль с головой погрузился в работу. По совету Петэна он начал писать историческое исследование о французской армии. В конце 1926 года наконец-то он дождался повышения: его включают в список офицеров, выдвигаемых на должность командира батальона и к присвоению звания майора, Майор Люсьен Нашен, который в эти годы становится постоянным собеседником де Голля, поздравляет его. В ответ де Голль пишет: «Продвижение приятно, но вопрос в том, даст ли это возможность отличиться?»

Вскоре благодаря маршалу Петэну такая возможность неожиданно представилась. Петэн поручил ему прочитать три лекции в Высшей военной школе о роли и качествах военного руководителя. Тщеславный старик надеялся, что его подчиненный нарисует образ самого маршала, «победителя под Верденом». Частично так и получилось, хотя де Голль не унизился до прямого восхваления. Выступление в Высшей школе, где еще недавно полковник Муаран испортил ему карьеру, могло быть своеобразным реваншем. На лекции собрали учащихся двух выпусков, весь преподавательский состав. Более того, Петэн лично представил де Голля слушателям в выражениях, которые многих повергли в изумление: «Послушайте, господа, капитана де Голля… Слушайте его внимательно, ибо настанет день, когда признательная Франция обратится к нему…»

Но эффект лекций оказался весьма сомнительным. Патетический, напыщенный тон, непривычный, даже неожиданный для аудитории, настроил ее враждебно к лектору. Это настроение усилилось еще больше ревнивым недоброжелательством, вызванным демонстративным покровительством маршала Петэна, первого лица в армии, этому безвестному, но крайне самоуверенному капитану. Правда, когда де Голль вскоре повторил свои лекции в Сорбонне для гражданской и более интеллигентной аудитории, то результат оказался иным. Здесь публика тепло отнеслась к оратору, который произвел впечатление своей культурой, оригинальностью, смелостью мыслей и темпераментной формой их изложения. Во всяком случае, эти лекции сыграли свою роль; они оказались толчком, побудившим де Голля затем написать книгу, вышедшую спустя несколько лет под интригующим названием: «На острие шпаги».

В 1927 году де Голль получает свою четвертую нашивку, теперь он майор. Его назначают командиром 19-го мотопехотного батальона, входящего в состав французских войск, оккупирующих в Германии Рейнскую область. Батальон стоит в древнем городе Трире, который некогда служил центром военных операций римлян на Рейне. Поскольку иностранцам (а тем более немцам) всегда показывают лучшие войска, то и батальон де Голля принадлежит к отборным подразделениям французской армии.

Майор де Голль, познакомившись с батальоном, нашел, что это «отличное подразделение». Ему понравились молодые офицеры, получившие военное образование уже после войны и поэтому не зараженные ненавистью к войне характерной для многих, испытавших ее на своем опыте. Ему, правда, не пришлись по вкусу некоторые слишком культурные офицеры. Характерно, что, будучи сам офицером-интеллигентом, он предпочитал иметь среди подчиненных людей, не предающихся абстрактным размышлениям, образованность которых, по его мнению, выражалась в претенциозной беспомощности. Он пишет по этому поводу Люсьену Нашену: «Марс не отличался большим умом, но зато был сильным, красивым и смелым».

Де Голль суров, иногда даже жесток по отношению к самому себе, и поэтому он считает себя вправе быть требовательным к другим. Этот пунктуальный, энергичный командир, занимаясь всецело своим батальоном, хочет довести его до полного совершенства. Но он и заботится о своих людях. В 1927 году на Мозеле выдалась суровая зима; от морозов пострадали знаменитые виноградники, а во французских войсках вспыхнула эпидемия гриппа. В Трире умерло больше 30 солдат. Сведения об

этом дошли до Парижа, кто-то из недовольных напряженным ритмом боевой подготовки в 19-м батальоне послал жалобу в парламент. В результате в Трир прибыла высокая парламентская комиссия, в которой оказалось немало видных политиков (члены комиссии — Эррио, Даладье, Гуэн, Рамадье в разное время возглавляли правительства). Комиссия смогла убедиться, что в 19-м батальоне дело поставлено образцово, и об этом доложили палате депутатов. Докладчик сообщил о любопытном эпизоде. В разгар эпидемии умер солдат Гуро, у которого не осталось никаких родственников, ни матери, ни от-Па. Тогда командир батальона майор де Голль решил сам носить знак траура по умершему.

Палата депутатов, выслушав рассказ об этом, разразилась бурными аплодисментами, а сидевший на правительственной скамье премьер-министр Пуанкарэ откликнулся весьма одобрительной репликой. Кстати, де Голль в своей жизни непосредственно общался с народом только в армии. Народ всегда представал перед ним в облике солдата, призванного к безусловному повиновению и поэтому заслуживающего внимания и уважения. Такую психологическую позицию, приобретенную жизненным опытом, навсегда сохранит де Голль по отношению уже не к солдатам, а ко всем французам.

Энтузиазма, вызванного новым назначением, хватило у де Голля не надолго. Разве могла удовлетворить его деятельность в масштабе батальона, пусть даже самого образцового? Его духовный горизонт охватывает по крайней мере всю Францию. Казалось, можно не волноваться за ее. судьбу, ибо, за редкими исключениями, у французских политиков во все эти годы на языке только «божественный цветок — мир» (слова Эдуарда Эррио). Но вскоре, после того как прозвучали столь прекрасные слова, президентом Германии стал фельдмаршал Гинденбург, человек вовсе не склонный довольствоваться ароматом «божественного цветка».

В октябре 1925 года подписаны соглашения в Локарно, гарантирующие западные границы Германии, но одновременно ликвидирующие разницу между победителями и побежденными. Красноречивого министра иностранных дел Франции Аристида Бриана провозглашают «отцом мира». Начальник его кабинета Леже говорит: «Франция добилась наконец обеспечения своей безопасности на Рейне… Войны больше не будет». Но вскоре статс-секретарь Вильгельмштрассе фон Шуберт заявляет: «Как только Германия сможет, она постарается отвоевать Эльзас и Лотарингию».

В сентябре 1926 года Германию принимают в Лигу наций.

Бриан охвачен энтузиазмом. А Штреземан в это же время говорит: «Реабилитация Германии является фактом… Союзники ответственны за войну». В эти же дни Бриан тайно встречается в Туари со Штреземаном и за обедом договаривается о полном франко-германском примирении и об окончательной дружбе двух стран. Ну, а Германия требует эвакуации французских войск из Рейнской области.

27 августа 1928 года подписан пакт Бриана-Келлога. Война объявлена вне закона. Бриан ликует. Газеты сообщают о церемонии подписания: «Празднование духовной свадьбы Бриана и мира». Спустя год Бриан выдвигает план пан-Европы якобы в качестве верного средства абсолютно исключить возможность войны. А в Германии уже маршируют отряды штурмовиков со свастикой на рукавах. Молодой Гитлер уверенно рвется к власти. Хозяева Рура как раз ищут «сильного человека»; тайное перевооружение уже не удовлетворяет их. Де Голль своими глазами видит, как бурно усиливается в Германии шовинизм и реваншизм. Поэтому он вполне согласен с мнением Андрэ Тардье, заявившего в палате депутатов: «Ваша политика, господин Бриан, — это политика дохлой собаки, которую несет по течению».

Де Голль совершенно не разделяет розовых надежд тех, кто был убаюкан сладкоречивыми разговорами Бриана о вечном мире. Блаженный оптимизм в отношении согласия и примирения с Германией раздражает и возмущает его. Будущее представляется ему в мрачном свете. В 1928 году он пишет в одном из писем Люсьену Нашену:

«Ход событий силой обстоятельств разрушит все существующие в Европе, согласованные и столь дорогие барьеры. Нельзя не видеть того, что аншлюс близок, затем Германия силой или другим способом вернет все, что было вырвано у нее в пользу Польши. После этого от нас потребуют Эльзас. Мне кажется это ясным как божий день».

С растущим негодованием наблюдает он за тем, как высшие военные руководители, самодовольно считавшие себя творцами победы 1918 года, ревниво оберегают свой опыт, свои методы, препятствуя осуществлению любой новой мысли. Они надеются, что французская армия в будущей войне сможет отсидеться за укреплениями, на строительство которых идут огромные средства, в то время как на техническое оснащение армии остаются крохи. Правда, спустя много лет де Голль напишет в своих мемуарах об этом времени: «Военная служба давала огромное удовлетворение моему сердцу и уму. В армии, пребывавшей в состоянии бездействия, я видел силу,

предназначенную для великих свершений в ближайшем будущем».

Видимо, время стерло в его памяти многое, ибо никакого «удовлетворения» не чувствуется, например, в его Письме Люсьену Нашену от 20 июня 1929 года: «Ах, как тягостно тащить на себе этот хомут. Однако это необходимо. Чтобы спасти родину, через несколько лет за наши фалды будут цепляться… и прежде всего этот сброд»[1].

В это же время на Шарля де Голля обрушилось личное несчастье. 1 января 1928 года у него родилась вторая дочь, которую назвали Анна. Вскоре выяснилось, что ребенок страдает врожденным заболеванием, проявляющимся в глубокой интеллектуальной недоразвитости. Но из своих троих детей именно Анну, прожившую всего 20 лет, де Голль особенно и мучительно любил. Ивонна де Голль писала одной своей подруге: «Шарль и я отдали бы все, все, здоровье, состояние, успех, карьеру, лишь бы Анна была такой же девочкой, как и другие.» Де Голль скрывал свое горе под ледяной маской хладнокровия…

В конце 1929 года де Голль по его просьбе был направлен в штаб французских войск в Сирии и Ливане. После распада Оттоманской империи Франция в 1920 году получила мандат Лиги наций на управление этими странами. Численность французских войск в районе Ближнего Востока доходила порой до 100 тысяч человек. Ведь здесь был один из главных очагов национально-освободительного движения народов французской колониальной империи. За два года до приезда де Голля в Бейрут французам с большим трудом удалось подавить национальное восстание сирийского народа. Здесь де Голль впервые увидел в действии методы французской колониальной политики, сочетавшей беспощадные репрессии с вынужденными политическими уступками. Во время пребывания на Востоке в жизни де Голля не произошло значительных событий. Но он смог многое увидеть и приобрести знания, которые в будущем ему придутся весьма кстати. Де Голль побывал в Каире, Багдаде, Дамаске, Алеппо, Иерусалиме. Везде он с любопытством всматривался в экзотическую обстановку Востока и сумел быстро понять, насколько нереальны надежды на сохранение здесь французского господства. Через полгода пребывания в Леванте он писал Люсьену Нашену: «Вот уже десять лет мы находимся в этих странах. У меня такое впечатление, что мы не очень укоренились здесь и что по-прежнему наши люди остаются иностранцами для местных жителей, как и они для нас. Ради пребывания здесь мы поддерживали в этой стране наихудшую систему, восстанавливая этих людей против себя… Мы никогда ничего не создали для них,

ни каналов Нила, ни акведуков Пальмиры, ни римских дорог, ни оливковых рощ… Думаю, что наша судьба в том, чтобы уйти отсюда…»

Нельзя не заметить, что Шарль де Голль весьма трезво и проницательно оценивает шансы Франции на Ближнем Востоке. Еще бы, жизнь уже многому его научила. Последнее десятилетие его жизни, если не считать удачной женитьбы и повышения, впрочем запоздалого, в чине, было для него тяжелым. Мечты и замыслы де Голля остались неосуществленными. Попытки обратить внимание на свои идеи не имели успеха. Конечно, итогом этих десяти лет был приобретенный им опыт. Но он ничем не обнадеживает его.

Шпага

«Все хорошо, прекрасная маркиза!» — песенка с таким рефреном стала самой популярной во Франции в те годы, когда Шарль де Голль в мрачном одиночестве взирал на мир, видя везде «печать упадка». В своем пессимизме он оказался действительно одиноким, ибо для буржуазии Франции в 1926–1930 годы наступило время эйфории — радостного, повышенного настроения. В самом деле, после многих лет катастрофической инфляции благодаря реформам Пуанкарэ франк стал одной из самых прочных валют. На смену господству старого ростовщического капитала, изрядно потрепанного в катаклизмах мировой войны, поднимался новый промышленный капитал. Производство во Франции с 1920 по 1929 год возросло на 31 процент, тогда как по всей Европе оно увеличилось только на 18 процентов.

Непоколебимой казалась гегемония Франции в Европе, обеспеченная Версальским договором. Бриан навевал пацифистские золотые сны, обещал эру бесконечного мира. Правда, в хор беззаботных голосов иногда врывался грозный рев подымавшегося в Германии фашизма. Но ведь Германия пойдет воевать на восток против большевиков! Разве не заключен Локарнский договор, гарантирующий только западные границы Германии? В кабачках на Монмартре распевали такую песенку: «Локарно… Локарно… Все прекрасно!» Когда один шансонье изменил последние слова и пропел: «Все напрасно!», его освистали. О какой войне может идти речь, если даже металлургические фирмы разных стран объединяются? В 1926 году возник Стальной картель Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга, символизирующий, казалось, начало конца международной экономической конкуренции. А «пан-Европа», которая превратит европейский конгломерат народов в дружную семью, как уверял Бриан?

Нет, все хорошо, очень хорошо, прекрасная Маркиза! Жюль Ромэн выпустил новый роман «Люди доброй воли», где нарисовал безмятежно оптимистическую картину тогдашнего буржуазного общества. А живопись! Стоило посетить Салон, чтобы тревожные предчувствия рассеялись. Матисс в серии «Одалисок» и портретов создавал изумительный светлый колорит, свою знаменитую гармонию цветов, сводя рисунок к нескольким простым линиям и заливая полотно ярким светом. Все тона радовались и у Брака. Марке утверждал простую и непосредственную поэзию жизни.

Нет, все прекрасно, раз «весь Париж» каждый вечер

безмятежно предается удовольствиям. Ресторанное дело процветало. Буржуазная молодежь увлекалась нахлынувшими из США новыми танцами под звуки возбуждавшего кровь заокеанского джаза, совершавшего триумфальное шествие по Европе. Не многие догадывались, что пляшут на вулкане, грозные силы которого все чаще давали о себе знать. Ведь «процветание» выросло на почве небывало интенсивной эксплуатации рабочего класса, который теперь все яснее сознавал смысл своего положения, ибо активно действовала молодая Французская коммунистическая партия. На парламентских выборах в апреле 1928 года коммунисты получили свыше миллиона голосов, на 200 тысяч больше, чем на предыдущих выборах!

А потом как гром среди ясного неба осенью 1929 года прозвучало сообщение о «черной» пятнице на Уолл-стрите. Начинался великий мировой экономический кризис капитализма. Но Франция больше года чувствовала себя «счастливым островом». Благодаря широкому внутреннему рынку и стабилизации франка, облегчившей экспорт, она держалась дольше всех. Увы, весной 1930 года настала и ее очередь. Французское производство упало за год на 33 процента, возникла массовая безработица. Всего в «процветавшем» капиталистическом мире без работы оказалось 30 миллионов человек, а производство сократилось на 40 процентов. Это была небывалая катастрофа, тем более драматическая для буржуазии, что она наступила в разгар пресловутой эйфории.

Де Голль с мрачным удовлетворением наблюдал, как сбываются его пророчества о неустойчивости современного мира. Он, естественно, игнорировал вопрос о том, что кризис всей своей силой подтвердил истину марксизма о неискоренимых противоречиях капитализма, и подходил к кризису, как всегда, со своей исходной позиции, состоящей в том, что в истории доминирует национальный элемент, предопределяющий органическую неизбежность вечного противостояния наций и периодических кровавых столкновений между ними. Он считал, что все государства, охваченные кризисом, будут искать решения своих трудностей во внешней экспансии за счет других стран. Они возведут протекционистские крепостные стены экономического национализма и превратят рынки в поле экономического боя. Более сильные попытаются переложить тяготы на слабых. Кризис — это лишь очередная фаза борьбы всех против всех, в которой выживут сильные и беспощадные. А экономический национализм является всего лишь прелюдией к национализму политическому, ведущему только к войне!

А о ней де Голль думал всегда. В те тоскливые годы неудач,

окруженный стеной непонимания, он как бы вел и вторую жизнь, находя средство самовыражения в размышлениях о войне и в литературном творчестве. Правда, его первую книгу «Раздор в стане врага» сразу забыли, а десяток его статей не вызвал почти никакого отклика. Но горькие неудачи не обескураживали де Голля. Характер сильного, уверенного в себе человека помогал ему упорно продолжать свое дело, даже не встречая никаких признаков поощрительного внимания общества, не желавшего нарушить свой покой мрачными, угрожающими пророчествами о неотвратимой войне.

В 1932 году Берже-Левро, товарищ де Голля по плену в Ингольштадте, который стал издателем военной литературы, выпустил его новую книгу «На острие шпаги». Содержание этой книги о войне довольно неопределенно, как и ее эффектное название. Стиль очень претенциозный, а смысл сводится к своеобразной компиляции идей, подчас весьма старых. Поскольку, как известно, все новое есть основательно забытое старое, то нетрудно найти много источников вдохновения де Голля. Разумеется, неизменным остается влияние его юношеских оракулов, хотя Пеги погиб на фронте еще в 1914 году, а Баррес умер в 1923 году. На Бергсона же де Голль прямо ссылается и цитирует его. Многие места наводят на мысль о влиянии Морраса, и не только в отношении стиля, но и суждений де Голля о роли выдающейся личности. Ведь мысль Морраса о том, что «народ нуждается в вожде так же, как человек нуждается в хлебе», всегда будет близка и понятна де Голлю.

В книге «На острие шпаги» явно ощущается терпкий привкус откровенно реалистических, если не циничных, политических принципов Макиавелли. Что касается Ницше, на которого де Голль обрушился в книге «Раздор в стане врага» за то, что тот оказал пагубное воздействие на германских военных руководителей, то его влияние невозможно не заметить в рассуждениях де Голля об отношениях вождя и массы. Он откровенно исходит также из идей Клаузевица о полководце. Многие указывают на явную близость де Голля к идеям французского военного теоретика прошлого века Ардана дю Пика, писавшего о роли «моральных сил» в войне. Находит отклик, конечно, и романтик печального и почетного солдатского ремесла Альфред де Виньи.

Перечисление всех этих идейных предшественников де Голля отнюдь не лишает книгу оригинальности, если иметь в виду постановку вопроса о войне, армии и полководце в конкретный момент и в специфической форме. Вообще же о серьезном научном ее значении по существу трактуемых в ней вопросов

говорить особенно не стоит, поскольку, например, коренную причину войн де Голль видит в природе человека. Найти в книге большую научную ценность можно было бы при условии ее издания по крайней мере лет на двести раньше.

И все же книга «На острие шпаги» имеет совершенно исключительное значение в главном для нас вопросе об эволюции личности Шарля де Голля. Это поразительный автобиографический документ, хотя автор, видимо, совершенно не рассматривал ее в качестве такового. Мало кто заметил выход этой книги. Но спустя много лет, в свете последующей грандиозной карьеры ее автора, она приобрела совсем иное звучание.

Книга де Голля — это не какой-то случайный отклик на злобу дня. Она выражает его мысли, накопленные за много лет. Об этом говорит сама ее структура. Первые три главы: «О военной деятельности», «О характере», «О престиже», представляют собой обработанные тексты лекций, прочитанных де Голлем в 1927 году в Высшей военной школе и в Сорбонне. В основу главы «О доктрине» легла статья, опубликованная им еще в 1925 году подзаголовком: «Доктрина a priori, или доктрина обстоятельств». Специально для книги, совершенно заново де Голль написал введение и последнюю, пятую главу «О политике».

Хотя книга звучала резким диссонансом на фоне основных направлений буржуазной политической мысли эпохи «процветания» и эйфории, это не значит, что де Голль игнорировал действительность. Напротив, он все время имеет ее в виду и откровенно изливает чувство горечи, в котором отражается его личная неудовлетворенность своей судьбой и сознание несправедливости приниженного положения французской армии вообще в эру брианowского пацифизма. При этом он анонимно полемизирует с апологетами тогдашней международной «стабильности».

«Неустойчивость, — пишет он, — характерна для нашей эпохи. Сколько правил, предсказаний, доктрин опровергнуто, сколько испытаний, потерь, разочарований, а также сколько взрывов, ударов, неожиданностей, поколебавших установленный порядок. Преобразившим мир армиям остается лишь страдать и оплакивать свои утраченные надежды. Можно считать эту меланхолию военных в периоды мира, несомненно, классическим явлением. Но военные люди не могут без боли воспринимать контраст между фиктивной деятельностью армии в мирное время и ее скрытой мощью».

Де Голль считает понятным, что военные и их заботы отодвинуты на второй план в условиях всеобщего стремления

народов к миру. В свою очередь, это стремление он находит вполне естественным результатом тяжких испытаний недавней войны. Но надежду на то, что войны не будет только потому, что она ужасна, он считает беспочвенной иллюзией. Де Голль с сарказмом пишет о появлении какой-то мистической веры в невозможность войны, объяснимой исключительно страстным желанием избежать ее. По его мнению, эта мистическая вера совершенно лишена логических и вообще любых реальных оснований. Таким образом, он как бы выражает понимание чувства наивной уверенности в невозможности войны, но лишь для того, чтобы показать его беспочвенность. «Вид больного, — пишет он, — который грозит кулаком смерти, не может никого оставить бесчувственным».

Войну нельзя окончательно предотвратить потому, что она служит проявлением фактора силы, являющейся главным содержанием жизни, природы, самого человека. Но это неизбежное явление не только пагубно, но и благотворно одновременно. Де Голль считает, что говорить об этом надо откровенно, прямо и резко, ибо речь идет о самом ужасном в жизни человечества — о войне как следствии объективно необходимого содержания жизни, немыслимой без насилия.

«Можно ли представить себе жизнь без фактора силы? — пишет де Голль. — Пусть помешают рождению нового, обесплодят умы, заморозят души, усыпят нужды; вот тогда, несомненно, сила исчезнет из застывшего в неподвижности мира. Иначе никто не может сделать немыслимым существование силы. Сила — средство мысли, инструмент действия, условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса Сила — это щит мудрецов, оплот тронов, таран революций; порядок и свобода, в свою очередь, обязаны ей своим существованием. Сила — колыбель городов, скипетр империй, могильщик пришедшего в упадок; она дает законы народам и определяет их судьбу».

Эта апология силы понадобилась де Голлю, для того чтобы, показав неизбежность войны и ее благотворность, доказать необходимость существования армий. Более того, он стремится убедить читателя в том, что, поскольку без фактора силы немыслима жизнь в любой форме, без армий невозможен прогресс человеческого общества. Он знает и учитывает антимилитаристские настроения, обвинительные аргументы против армий. И чтобы опровергнуть их и доказать не только необходимость военного ремесла, но его прогрессивное значение, он хочет выглядеть объективным. Он даже как будто соглашается со всеми обвинениями по адресу вооруженных сил; он сам

повторяет их. Но де Голль делает это только для того, чтобы показать их беспредметность. Из неизбежного зла армии превращаются у него в решающую силу развития мировой цивилизации. Очевидно, что де Голль таким образом обосновывает правомерность милитаризма.

«Армии, — пишет он, — во все времена были инструментом варварства… Из глубин сердец армии поднимают грязь низменных инстинктов. Они превозносят убийство, питают ненависть, возбуждают алчность. Они подавляли слабых, возносили недостойных, поддерживали тиранию. Их слепая ярость губила лучшие замыслы, подавляла самые благородные движения. Непрерывно они разрушают порядок, уничтожают надежды, предают смерти пророков. Однако если такое применение находит им Люцифер, то они бывают и в руках Архангела. Какими добродетелями обогатили они моральный капитал людей! Благодаря их существованию, мужеству, преданности величие души достигло вершин… Распространяя идеи, проводя реформы, прокладывая пути религиям, армии разносили по вселенной все, что ее обновило, Улучшило или утешило. Только благодаря их кровавым усилиям в мире появились эллинизм, римский порядок христианство, права человека и современная цивилизация».

За широкими абстракциями отступает все — разница между войнами справедливыми и несправедливыми, между армиями революционными и армиями реставрации, между армиями агрессии и обороны. Армия превращается в некий символ, в чистую идею, с помощью которой, естественно, реабилитируется любой милитаризм, ибо ответственность за его преступления падает на все человечество, поскольку оно существует. «Позорная и величественная история армий есть история людей», — пишет де Голль.

Итак, де Голль показал роль и место армий в истории, поднял их значение до уровня ее главной движущей силы, заключив утверждением, что «меч — это ось мира». Сравнив затем свой идеал с реальным положением армии во Франции, де Голль призывает добиваться возвращения армии достойного ее миссии места. Для этого, по его мнению, надо, чтобы элита армии, кадровые офицеры требовали такого места и чтобы, осознав свою роль, они гордились принадлежностью к армии — защитнице национального величия и безопасности родины.

«Воинский дух, — пишет де Голль, — искусство солдата, его достоинства являются неотъемлемой частью человеческих ценностей. Настало время, когда военная элита должна вновь проникнуться сознанием своей первостепенной роли и

сконцентрироваться на своей цели, которая состоит в войне. Военная элита должна поднять голову и устремить взгляд к вершинам. Чтобы придать острие шпаге, настало время восстановить философию, присущую положению военной элиты».

Для выработки этой философии необходимо прежде всего понимать сущность войны и принципы ее ведения. По мнению де Голля, в этом деле не может быть каких-то раз и навсегда установленных рецептов и закономерностей, ибо на войне, как и в жизни, может случиться все. И здесь он вновь развивает свою военную доктрину «обстоятельств», которую он еще и раньше противопоставлял официальным военным теориям. Действия армии должны направляться такими руководителями, которые готовы ко всему и способны правильно действовать даже в совершенно немыслимой ситуации, где непригодны никакие военные доктрины и где выручить может только интуиция. И вот здесь де Голль обратится к Бергсону, возводя военное дело в ранг высоки философии и искусства.

«Бергсон показал, — пишет де Голль, — что для установления прямого контакта с действительностью человеческий разум должен обрести интуицию, сочетая инстинкт с разумом… Инстинкт является способностью, более всего связывающей нас с природой. Благодаря ему мы постигаем глубочайший смысл явлений и открываем их скрытую гармонию… С военным руководителем происходит нечто аналогичное тому, что отличает деятельность артиста. Он не пренебрегает разумом. С его помощью он опирается на науку, навыки, знания. Но творчество как таковое возможно только путем применения способности инстинкта, вдохновения, без которого невозможен прямой контакт с природой. О военном искусстве можно сказать то, что Бэкон говорил о других искусствах: это человек в соединении с природой».

В рассуждениях о первостепенном значении для военного, офицера или полководца интуиции, инстинкта, вдохновения, чутья, таланта, гениальности и т. п. нет ничего особенно нового. Еще Наполеон говорил, что военное искусство — это «дитя смертного и богини». Де Голль лишь связывает эту идею с философией Бергсона, в своем понимании, естественно. Таким путем он подводит читателя к главной проблеме книги: роль полководца и необходимые ему качества. Совершенно очевидно, что раз речь идет об интуиции как важнейшем качестве военного руководителя, то им должен быть человек необыкновенный, одаренный самой природой чудесным даром все постигающего инстинкта, способный действовать в самых грозных обстоятельствах войны. Каким же он должен быть, этот человек

действия? И здесь-то де Голль начинает рисовать портрет, который невозможно не узнать, ведь это его собственная персона! «Сильные личности, — пишет он, — созданные для борьбы, испытаний, великих событий, не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, приятную в повседневной жизни. Выдающиеся характеры обычно суровы, неуживчивы, иногда Жестоки. Если даже стоящая внизу масса признает их превосходство и невольно воздает им должное, то очень Редко случается, чтобы их любили и им покровительствовали. При решении вопроса о продвижении выбор охотнее останавливают на тех, кто нравится, а не на тех, кто этого заслуживает».

Возмущение офицера, которого 12 лет держали в чине капитана из-за его слишком самостоятельного характера и образа мыслей, явно слышится в этих словах. Но он не обескуражен, как об этом свидетельствует само появление его книги. Он тщательно описывает образ человека действия, тот самый образ, в который он всю жизнь будет стремиться воплотить самого себя. Впрочем, многими чертами, личными качествами он уже соответствует своему идеалу. Словом, в книге «На острие шпаги» де Голль лепит собственную статую.

Вот как он описывает этого человека действия, вождя, который рассчитывает только на самого себя и на ход событий: «Далекий от того, чтобы укрываться под покровом иерархии, скрываться в бумагах, прятаться за отчетами… он решительно становится хозяином действий, ибо, если он вмешивается в них, они подчиняются ему. Если он находится на высоте положения, то добивается успеха, если даже ему не удается выиграть, он берет на себя все тяготы, перенося их не без некоторого горького удовлетворения. Короче говоря, это борец, который находит в самом себе источник своей энергии и свою точку опоры, игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство: без него — тягостная участь раба; благодаря ему — божественная игра героя…»

Человек действия не только не боится трудностей; они привлекают его, «ибо, борясь с ними, он добивается самовыражения. Только от него самого зависит, выйдет ли он победителем или потерпит поражение… Что бы ни произошло, только на его долю выпадает суровая радость ответственности».

Де Голль неоднократно возвращается к мысли, что сильная личность неизбежно имеет качества, которые в повседневной жизни вызывают недовольство и непонимание. Вышестоящих раздражает его надменность, подчиненных — педантичная

требовательность. «Но лишь только события приобретают грозный характер, — продолжает де Голль, — опасность приближается и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, твердости; все меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он обретает всю свою ценность, Естественно, ему поручается труднейшая задача, главная роль, решающая миссия. Рассматривается все, что он предлагает, принимается все, что он требует. Впрочем, с момента, когда его призвали, он не злоупотребляет доверием и проявляет себя добрым гением. Спаситель не догадывается о своем реванше, ибо действие поглощает его целиком».

В главе «О престиже» де Голль дает сводку конкретных рецептов поведения великого человека. Они станут для него железными правилами, и он будет стремиться никогда не отступать от них. Главное из этих правил сводится к поддержанию престижа всеми средствами, вплоть до публичного актерства и комедиантства.

«Престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, в проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других. То, что интригует, волнует, держит в напряжении. Подобная сдержанность души обычно невозможна без сдержанности в жестах и словах. Возможно, это лишь видимость, но именно на основании этой видимости множество людей составляют свое мнение… Среди тех, кто командует, люди незначительные держатся просто и откровенно перед войсками, тогда как действительно великие тщательно заботятся о своих выступлениях. Они делают из этого искусство, которое Флобер очень хорошо определил, когда он в „Саламбо“ нарисовал эффект, произведенный на колеблющихся солдат рассчитанным появлением Гамилькара. Каждая страница „Комментариев“ Цезаря показывает нам, каким образом он продумывал свои публичные жесты. Известно, как заботился Наполеон о том, чтобы всегда показываться, поражая воображение…

Сдержанность, характер, величие — эти условия престижа необходимы для осуществления усилий, которые не очень нравятся большинству. Самыми тайными фибрами души сильная личность чувствует непрерывное напряжение, постоянный риск. В результате такого состояния человек, принуждающий себя к этому напряжению, испытывает внутреннюю борьбу, в зависимости от темперамента более или менее острую, которая

не перестает ни на мгновение терзать ему душу подобно тому, как власяница раздирает при каждом шаге тело кающегося грешника. Этим объясняется причина непонятных отставок; люди, преуспевшие во всем, пользующиеся доверием, часто сбрасывают с себя тяжелую ношу. Кроме того, находясь на расстоянии от других, вождь лишается возможности непринужденных отношений с людьми, он отказывается даже от сладостной дружбы. Он обрекает себя на чувство одиночества, которое, по выражению Фагэ, „является нищетой великих людей“. Состояние удовлетворения, внутреннего мира, размеренной радости, то есть всего того, что соответствует понятию счастья, исключено для вождя… Меланхолия неотделима от всего величественного, будь то люди или вещи. Перед древним и благородным памятником кто-то сказал Бонапарту: „Это печально!“ и он ответил: „Да, это. печально, как величие!“».

Некоторые суждения де Голля о нормах поведения человека действия, вождя вызывают удивление и наводят на мысль о цинизме. Так, он пишет, что «человек действия почти не мыслит себя без некоторой дозы эгоизма, надменности, сомнения, хитрости». В другом случае он говорит, что «политический деятель пускает в ход все свое мастерство, для того чтобы соблазнить толпу, скрывая до времени свои истинные цели и обнаруживая их лишь в подходящий момент. Чтобы стать господином, он прикидывается слугой».

В книге «На острие шпаги» де Голль рассматривает много других вопросов, таких как подготовка вооруженных сил и их использование государством, проблема взаимоотношений между правительством и командованием, различные аспекты «философии действия» и т. п. Во всем этом много милитаризма, национализма, своеобразного культа личности. В книге нет и следа демократизма, ибо народ в ней фигурирует лишь в роли пассивной толпы, нуждающейся в руководстве со стороны сильного человека. Во всяком случае, содержание книги продиктовано самыми лучшими намерениями, тревогой за судьбу Франции в будущей войне, заботой о ее безопасности. Книга пронизана от начала до конца легко читаемыми между строк честолюбивыми притязаниями автора на нечто еще ему самому не ясное, но обязательно великое, исключительное. Характерен подбор эпиграфов, которыми де Голль украсил как свое произведение в целом, так и каждую главу в отдельности. Книге предпосланы слова шекспировского Гамлета: «Быть великим — значит вести великую битву». Предоставлено место и Фаусту Гёте: «Сначала было слово? Нет, сначала было дело!» А главу «О престиже» украшает девиз из Вилье де Лиль-Адана: «В своей

груди нести собственную славу».

Де Голль явно преисполнен решимости вступить в великую битву, делать великое дело и добывать великую славу, тем более что теперь у него в руках созданное им пособие, ясно указывающее, как надо действовать, чтобы стать де Голлем…

Вот отзыв известного английского историка и журналиста Александра Верта об этой книге: «Очерк „На острие шпаги“ ясно обнаруживает огромную эрудицию де Голля, его редкий классический литературный стиль и высокий ум. Но этот очерк также отражает твердое сознание собственного превосходства де Голля и его незыблемую веру в себя как в человека, ниспосланного судьбой. И всем весьма ясно объяснено за восемь лет до того, как это случилось, почему де Голль „взбунтовался“ в 1940 году. Сильный характер, авторитет и вера являются, по мнению де Голля, тремя главными элементами, создающими великого полководца и вождя. Во всех трех главах мы находим места, раскрывающие перед нами работу „таинственного“ ума де Голля».

Вернемся, однако, к конкретным обстоятельствам его жизни, от которой нас несколько отвлекла (а быть может, и приблизила к ее пониманию) книга «На острие шпаги». В 1932 году де Голля переводят из штаба в Бейруте снова в Париж. В отличие от Бонапарта, который, вернувшись некогда из этих же мест, совершил переворот 18 брюмера, де Голль занял скромное место секретаря Высшего совета национальной обороны — постоянного органа при премьер-министре, занимавшегося подготовкой государства к войне. Но это все же повышение, новый шаг в карьере де Голля, тем более что вскоре, в 1933 году, он получил чин подполковника.

Теперь де Голль по своему положению оказался гораздо ближе к людям и учреждениям, решавшим судьбу Франции. Он получает возможность судить о государственных мероприятиях по обороне страны не только на основании газетных сведений или разговоров с коллегами; теперь ему доступны важнейшие секретные документы, планы, решения. Все это представляло для него огромный интерес, и он полностью отдается новому делу. В Высшем совете национальной обороны он работает с 1932 по 1937 год, за исключением непродолжительного периода пребывания в Центре высших военных исследований, который в армии называли «школой маршалов».

Де Голль занимается изучением различных политических, технических и административных проблем обороны страны. Ему поручают разработку мероприятий по мобилизации администрации, промышленности, коммунальных служб на

случай войны. Он даже участвовал в разработке планов разоружения и безопасности, которые Франция вносила в Лигу наций. Известно, с каким скептицизмом, если не презрением, относился он к этим планам. Особенно много времени и сил у него ушло на проект закона об организации государства во время войны. Ему пришлось переделывать этот проект десятки раз. «Выполнение этих обязанностей, — вспоминал де Голль, — участие в совещаниях, общение с различными политическими деятелями позволили мне убедиться в огромных возможностях нашей страны, но в то же время и в немощи ее государственного аппарата».

История подготовки закона об организации страны во время войны особенно многому научила де Голля; он занимался этим делом больше шести лет. А впервые проект этого закона был составлен еще в 1923 году. В марте 1927 года палата депутатов одобрила его, но сенат внес поправки. Закон вернулся опять в палату, где получил одобрение, и вновь сенат внес поправки. Проект был похоронен. И вот де Голлю предложили обновить проект, что он и сделал. Однако в разгар экономического кризиса никто не хотел им заниматься. Тогда де Голль решил прибегнуть к своему обычному способу и привлечь внимание общественности. В январе 1934 года он опубликовал в журнале «Ревю милитер франсэз» статью «Экономическая мобилизация за границей». Но понадобилось еще полтора года всевозможных согласований, чтобы можно было внести проект в парламент, который после долгих проволочек одобрил его только в 1938 году, всего лишь за 18 месяцев до начала войны…

Но это был еще исключительно удачный исход дела по сравнению с полной безрезультатностью всех попыток подготовить французскую армию к той войне, которую, как становилось все очевиднее, ей неизбежно придется вести. Теперь, когда де Голль мог с близкого расстояния наблюдать действие (вернее, бездействие) французского военного аппарата, он с горечью убеждался, что Франция снова отстает на одну войну. Военные руководители мыслили исключительно понятиями войны 1914–1918 годов, тем более что они носили с гордостью лавры победителей. Состав французского генерального штаба оставался стабильным с 1919 года. Во главе армии все еще находились дряхлые полководцы прошлой войны. Маршал Петэн был вице-председателем Высшего военного совета до 1931 года, потом его сменил Вейган, а после него вплоть до разгрома 1940 года этот пост занимал Гамелен. Живя только воспоминаниями о прошлой войне, они совершенно произвольно формулировали ее уроки. Тщательно скрывалась цена, в которую обошлась Франции

победа; книги о войне подвергались особой цензуре. Например, мало кому было известно, что французская пехота потеряла убитыми и ранеными 70 процентов своего состава, тогда как германская — 40 процентов. Прошлую войну французская армия встретила с лозунгом «наступление любой ценой». Теперь она готовилась к «обороне любой ценой». Внешне все выглядело усвоением уроков прошлой войны. Но это была фикция, ибо условия резко изменились. И та и другая тактика оказалась гибельной для Франции. Де Голль справедливо полагал, что нет ничего более опасного для нации, чем боязнь свободного обсуждения итогов последней войны.

С 1921 года Петэн упорно и успешно добивался строительства линий укреплений вдоль северо-восточной границы Франции. Но границу с Бельгией не укрепляли. Когда в 1934 году Петэн стал военным министром в правительстве Думерга, он немедленно приказал прекратить работы по строительству некоторых укреплений на франко-бельгийской границе. Арденны непроходимы, уверял старый маршал.

Любое предложение оснастить армию новейшей техникой отвергалось. Даже простая моторизация объявлялась вредной. Генеральный инспектор кавалерии и член Высшего военного совета генерал Брекар назвал план механизации двух дивизий «опаснейшей утопией». Авиация создавалась в расчете на оборону. Почти не строили бомбардировщиков, а о штурмовиках и не думали. Танки считали пригодными только для поддержки пехоты. Они были распылены по разным частям, тихоходны и вооружены слишком легкими пушками. Артиллерия могла действовать лишь с заранее подготовленных позиций и не годилась для маневренных и наступательных действий. Не заботились о самом элементарном. В начале войны обнаружилась нехватка револьверов, обуви, одеял. Армия могла быть готова к войне только в 1942 году.

Поскольку до 1939 года Франция не выходила из жестокого финансового кризиса, все правительства одобряли бездействие генералов: ведь так армия требовала меньше денег. Да и те средства, которые отпускались, расходовали самым непостижимым образом. 66 процентов шло на жалованье офицерам, 10 процентов — на содержание солдат и только 24 процента использовалось на обеспечение армии вооружением и прочим.

Петэн, Вейган и другие обшитые золотыми галунами старцы представляли себе будущую войну в виде спокойного выжидания неминуемого краха Германии от блокады и истощения. Французской армии, укрывшейся за бетоном «линии Мажино»,

придется лишь выдержать неприятную скуку терпеливого наблюдения за развалом Германии. Главное — драться как можно меньше.

Такая военная доктрина обрекала на пассивность и изоляцию дипломатию Франции. Ее союзники на востоке— Польша, Чехословакия, Югославия и другие, — как становилось все яснее, обречены были стать первой жертвой Германии. Но поскольку Франция заявляла, что не собирается выводить свои войска в будущей войне за пределы собственных границ, то на какую помощь со стороны Франции могли они рассчитывать? «Малая Антанта» рушилась. Стратегия политической и военной пассивности содержала в себе еще одну, особенно роковую для Франции ошибку, которую сразу почувствовал де Голль. «Мне казалось, — вспоминал он позже, — что тем самым мы отдаляем Россию от союза с нами…»

Работа в качестве секретаря Высшего совета национальной обороны позволяла де Голлю все это увидеть и понять. Но что касается возможностей действовать, то при скромном служебном положении подполковника они были очень ограничены. Разумеется, удавалось немного улучшить тот или иной проект, несколько ускорить его продвижение, как это было с законом об организации государства во время войны. Но подобные мелкие успехи, не касавшиеся главного, что волновало де Голля, не могли удовлетворить его. Он мечтал о делах совсем иного размаха. Ясно, что надо было действовать. Ведь до сих пор в своих статьях, книгах он лишь выдвигал идеи, притом самого общего характера, шла ли речь о французской военной доктрине или о сущности и роли войны, армии, полководца, как в книге «На острие шпаги». Даже если бы к де Голлю прислушивались внимательнее, немедленных реальных последствий этих довольно абстрактных замыслов ожидать было трудно. Де Голль сознавал неотложную необходимость выдвижения иных, более конкретных практических предложений. Но каких? Ответ на этот вопрос невозможно было получить от людей, окружавших его на службе. Вокруг маршала Петэна и ему подобных царила атмосфера угодничества. Их взглядами, которые де Голль совершенно не разделял, полагалось только восхищаться.

Но с 1932 года, когда де Голль вернулся в Париж, он получил возможность общаться с людьми иного круга. Подполковник Люсьен Нашен, симпатию и доверие которого он уже приобрел давно, познакомил его с одним странным, но очень интересным человеком. Это был 80-летний отставной офицер Эмиль Мейер. Когда-то он учился в одном лицее с Жоффром, а его товарищем по Политехнической школе был Фош. Но если они стали

маршалами и попали в разряд великих полководцев, то Мейер остался до конца дней скромным подполковником. Это было вполне закономерно, ибо Мейер отличался оригинальностью взглядов, необычайной образованностью и честностью. Свою карьеру он начал «портить» еще в 1895 году, когда открыто заявил, что не верит в виновность Дрейфуса. А вскоре этот офицер опубликовал брошюру «Довольно армий, довольно войн!» Нетрудно представить, как отнеслось начальство к его выходкам. В 1917 году он попытался выручить своего друга Люсьена Нашена, попавшего в плен к немцам, и написал письмо начальству немецких лагерей для военнопленных, в котором просил освободить Нашена. Чтобы польстить немцам, он в своем письме превозносил «величие души немецкого народа». Французская военная цензура, конечно, письмо задержала, и Мейер снова имел неприятности. Вот так он «делал» свою военную карьеру. Но этот человек жил в сфере духовных интересов. В молодости его другом был один из видных представителей французской буржуазной мысли XIX века — Ипполит Тэн. Он поддерживал близкие отношения с крупнейшими писателями, политическими деятелями. С ним переписывался, например, Роже Мартен дю Гар, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Человек необычайной интеллектуальной любознательности, он стал военным теоретиком и журналистом. Множество статей вышло из-под его пера, и некоторые из них отличались поразительной прозорливостью. В 1903 году, когда официальная французская военная мысль вынашивала планы наступления любой ценой, он предсказал, что война будет позиционной и мощь огня сделает очень трудными активные наступательные операции. Не от него ли Петэн и заимствовал свое преклонение перед превосходством артиллерии? В свое время именно благодаря таким взглядам будущий маршал внушил уважение молодому де Голлю.

Де Голль произвел на Мейера сильное впечатление своим твердым характером, непоколебимостью убеждений, принципиальностью и стремлением к действию. Старик сразу привязался к этому необычному офицеру, резко выделявшемуся из военной среды независимостью суждений и поведения. Люсьен Нашен познакомил де Голля и с другими интеллигентами, военными и гражданскими. Образовался кружок, душой которого был Эмиль Мейер, а его центром постепенно становился де Голль. Вот так появились, можно сказать, первые голлисты.

Вся эта компания собиралась каждый понедельник в кафе Дюмениль, напротив вокзала Монпарнас. Де Голль часто

приглашал их к себе на улицу Сен-Франсуа-Ксавье. Долгие беседы велись в салоне зятя Мейера Гринбаум-Баллена в его квартире на бульваре Босежур. Это общество на протяжении шести лет будет своеобразным духовным убежищем де Голля. Здесь он проверял верность своих мыслей, делая их предметом обсуждения, узнавал много нового. Особенно большое значение для него имело его общение с Эмилем Мейером, который, по мнению Жана Лакутюра, явился, «быть может, единственным, кроме Андрэ Мальро, кто оказал прямое влияние на сознание и жизнь Шарля де Голля». Лаку-тюр утверждает также, что именно в беседах Мейера и де Голля родилась идея создания профессиональных бронетанковых вооруженных сил, идея, которая станет вскоре боевой программой де Голля.

Вообще-то мысль об этом носилась в воздухе. Оснащение армий новой техникой и в связи с этим революционные изменения в тактике, оперативном искусстве и в самой стратегии были неизбежным следствием промышленного развития и новых технических достижений. Де Голль хорошо знал военную историю и мог назвать множество сражений далекого прошлого, в которых рыцарская конница творила чудеса. Высокая степень неуязвимости делала ее всесокрушающим тараном. Теперь вместо лошади есть мотор, а вместо лат и шлемов — броня. Танки — вот оружие, призванное сыграть решающую роль. Именно они спасут Францию.

Де Голль давно понял, что Франция не сможет соперничать с будущим противником, то есть с Германией, количеством войск, поскольку ее население значительно меньше. Более того, именно в 30-х годах Франция перевивала невиданный демографический упадок. Перед первой мировой войной рождалось 830 тысяч человек в год, а в 30-х годах — 620 тысяч. Умирать стало больше людей, чем рождалось. Если век назад французы составляли одну шестую населения Европы, то теперь — одну шестнадцатую. Необходимо компенсировать этот трагический упадок французских людских ресурсов. Словом, какие бы стороны проблемы безопасности Франции ни обсуждали де Голль и Эмиль Мейер, они неизменно приходили к выводу о необходимости создания мощной, подвижной, ударной, но немногочисленной армии. Все подводило к мысли о танках.

Де Голль внимательно следил за военной литературой, за практикой разных армий. И всюду он находил подтверждение правильности своей гипотезы. Еще в первой мировой войне англичане успешно использовали отдельный танковый корпус. Английский генерал Фуллер и военный теоретик Лиддел Гарт уже в те годы активно выступили за самостоятельное

использование крупных бронетанковых соединений.

Попытки такого же рода предпринимались и во Франции, несмотря на пренебрежительное отношение к танкам со стороны военного руководства. Генерал Этьен 17 апреля 1917 года направил впереди пехотных батальонов специально созданное им танковое соединение. После войны в 1920 году генерал Этьен предложил создать армию в 100 тысяч человек, способную проходить 80 километров за одну ночь. Ударной силой этой армии должен был служить корпус в составе 4 тысяч танков и 20 тысяч человек. Генерала Этьена называли в армии «отцом танков». В 1928 году генерал Думенк предложил высшему командованию проект создания бронетанковой Дивизии. Он не был принят. Правда, в 1933 году в лагере Сюип собрали из разных частей ядро легкой танковой Дивизии. Но она была предназначена лишь для разведки и охранения.

Однако о широком и самостоятельном использовании танковых соединений французское верховное командование не хотело и слышать. Составленная в 1921 году под руководством Петэна «Временная инструкция по тактическому использованию крупных соединений» действовала до сих пор. В этом боевом наставлении говорилось, что пехота является главной ударной силой, что ее наступлению должен «предшествовать, поддерживать его и сопровождать огонь артиллерии при возможной помощи со стороны танков и авиации». Категорически приказывалось рассматривать танки лишь в качестве силы, поддерживающей пехоту. Это была тактика войны 1914–1918 годов.

Между тем в Германии подходили к делу совершенно иначе. Германские боевые уставы предусматривали самостоятельные действия танковых соединений, которые должны полностью использовать свое преимущество в скорости передвижения и в огневой мощи.

Де Голль считал, что медлить с проведением в жизнь его новых идей недопустимо, ибо он с каждым днем все больше убеждался в близости войны. И он энергично берется за разработку своих замыслов. Понимая, что предлагать их в рамках военной иерархии было бы наивно, он решил открыто выступить перед общественностью. В своих «Военных мемуарах» он пишет: «В январе 1933 года Гитлер стал полновластным хозяином Германии. С этого момента события неизбежно должны были развиваться в стремительном темпе. Так как не нашлось никого, кто бы предложил что-либо, отвечающее сложившейся обстановке, то я счел своим долгом обратиться к общественному мнению и изложить свой собственный план. Но поскольку это

могло повлечь за собой определенные последствия, надо было ожидать, что наступит день, когда на меня будет обращено внимание общественного мнения. Не без колебаний я решил выступить после двадцати пяти лет подчинения официальной военной доктрине».

Заметим, что это «подчинение» он уже давно переносил скрепя сердце. Ну, а его «колебания» были очень недолгими. Ведь он питал надежду, что на него, наконец, будет «обращено внимание»…

Танки

Шарль де Голль вступает в свое первое настоящее сражение. Некоторые участники встреч в кафе Дюмениль предупреждают, что он должен выбирать между карьерой и своей «миссией». «Коннетабль» предпочел быть человеком идей, а не золотых галунов. Не колеблясь, в одиночку он повел наступление. Его противники — Гитлер и… французский генеральный штаб!

Де Голль садится за новую книгу, в которой он намерен изложить свой план и свои идеи. Но время не ждет, и он сначала публикует 10 мая 1933 года статью, причем на этот раз не в военном официальном журнале, а в «Ревю политик э парлемантэр».

Жизнь развивается стремительно, пишет он, сейчас преступно растрачивать время на пребывание людей в казармах. Современная техника возвращает качеству прежнее превосходство над количеством. Отныне и на земле, так же как на море и в воздухе, отборный персонал, извлекающий из могучего оружия максимум возможного, может уже в самом начале войны добиться превосходства над врагом. Он подчеркивает, что выделение лучших, ударных войск — давняя традиция французской армии со времен великого короля Филиппа-Августа. Суть своего замысла де Голль выражает словами поэта Поля Валери: «Специально отобранные люди, Действуя группами в неожиданном месте в неожиданный момент, в кратчайший срок произведут сокрушающий эффект».

Де Голль заканчивает такими словами: «Прогресс и традиция требуют от Франции ради общего блага воссоздать элиту. Подобное усилие обойдется, конечно, не Дешево, ибо этот корпус должен всегда отвечать требованиям изменений в технике. Однако его обновленная мощь, его юный престиж щедро компенсируют затраты. Ведь столетнему дереву терпкий сок несет не только обещания, но и тревогу. Увы, разве можно достичь обновления без самоотречения? В бессмертной музыке Грига мы слышим глухую меланхолию, прорывающуюся в фанфарах радости чудесного весеннего пения».

Все, что выходит из-под пера де Голля, обязательно носит отпечаток личных эмоций. И здесь требование «самоотречения» явно адресовано им прежде всего самому себе…

Ровно через год, в мае 1934 года, Берже-Левро выпускает в свет книгу де Голля «За профессиональную армию». Посвященная вопросам стратегии и тактики, многочисленным техническим деталям формирования танковой профессиональной армии,

книга тем не менее написана с обычным для ее автора литературным блеском. Хорошо зная цену художественного слова, де Голль предпочитает приводить в тексте или в эпиграфах не скучные формулы военных теоретиков, а слова поэтов, писателей, философов. Среди них литераторы Анатоль Франс, Морис Метерлинк, Жан Ришпен, Альбер Самэн, Жорж Дюамель; мыслители Блез Паскаль, Франсуа Ларошфуко, Георг Гегель. Но это не только не заслоняет сурового, даже грозного смысла книги, но усиливает ее своеобразный драматизм.

В первой главе «Заслон» де Голль, ссылаясь на мысль Наполеона о том, что «политика государства заключается в его географии», прежде всего характеризует географическое положение Франции. «Грозная брешь» на ее северо-восточной границе открывает удобные пути вторжения, на которых отсутствуют какие-либо географические препятствия. Де Голль предсказывает, что в предстоящей войне территория Бельгии будет использована для вражеского нашествия. Затем он сравнивает национальную психологию и традиции «двух рас»: галлов и германцев, показывая причины неудержимой экспансии Германии и обычной неподготовленности Франции, которую война всегда застает врасплох. Он считает, что в будущей войне судьба Франции может решиться одним трагическим для нее ударом. Из всего этого де Голль делает следующий вывод: «Настало время, когда наряду с армией, комплектуемой за счет массы резервистов и призывников, составляющей основной элемент национальной обороны, но требующей много времени для сосредоточения и введения в действие, необходимо иметь сплоченную, хорошо обученную маневренную армию, способную действовать без промедления, то есть армию, находящуюся в постоянной боевой готовности».

Во второй главе «Техника» де Голль описывает закономерность и необходимость механизации армии. Ее эффективное использование требует профессиональной подготовки солдат, аналогичной подготовке инженеров и техников в передовых отраслях промышленности. Однако, такая подготовка невозможна в условиях существовавшего тогда во Франции одногодичного срока военной службы. К тому же, как с горечью замечает де Голль, «уже говорят о сроке службы в восемь месяцев, ожидая в дальнейшем его сокращения до шести или четырех.». Он делает вывод, что при существующей системе невозможно научить солдата владеть новейшей техникой. Он характеризует далее боевые возможности техники, особенно восторженно отзываясь о танках. Эта глава, включающая основные положения опубликованной им ранее статьи,

показывает, что эффективность техники требует высокой квалификации тех, кто ею управляет, а следовательно, их многолетней службы в армии.

Третья глава «Политика» раскрывает неразрывную связь между внешней политикой и военной организацией. Хотя Франция не намерена добиваться территориальных приобретений, защиту ее национальных интересов нельзя обеспечить только оборонительной техникой. Армия должна быть способна оказывать поддержку союзникам в любой части Европы. «Сколько крови и слез, — пишет де Голль, — стоила нам ошибка Второй империи, допустившей разгром Австрии при Садовой и не двинувшей свою армию на Рейн!.. Следовательно, мы должны быть готовы действовать за пределами нашей страны и в любых обстоятельствах. Создание профессиональной армии, предназначенной для превентивных и репрессивных действий, — необходимое условие проведения успешной внешней политики, торжества принципов коллективной безопасности, которая может быть обеспечена только при опоре на силу».

Сравнивая затем экономический и промышленный потенциал Франции и Германии, он показывает превосходство последней. Точно так же обстоит дело и с людскими ресурсами. «На одного француза в возрасте от 20 до 30 лет приходится два немца, два итальянца, пять русских… Предстоящие французские победы еще долго не будут победами больших батальонов». Следовательно, необходимо компенсировать относительную слабость Франции специальной организацией ее армии.

Четвертая глава «Состав» содержит детальную конкретизацию идеи профессиональной армии. Эта армия численностью в сто тысяч человек состоит из семи дивизий, до предела оснащенных техникой, особенно танками. Де Голль подробно разработал структуру армии, распределение ее личного состава, организацию различных вспомогательных служб. Армия должна быть укомплектована добровольцами, срок службы которых составил бы шесть лет. В дальнейшем эти отборные кадры могут быть использованы в качестве младших офицеров в основной части армии, состоящей из призывников.

В пятой главе «Использование» де Голль излагает свои планы практических действий его идеальной армии для прорыва прочной обороны противника. Он рисует картину стремительной переброски в течение одной ночи больших танковых соединений, одновременное наступление 3000 танков на фронте шириной в 50 километров, взаимодействие ударных сил с вспомогательными частями мотопехоты, с авиацией и артиллерией. Темп наступления— 50 километров за день боя. После прорыва

обороны, пишет де Голль, «откроется путь к великим победам, которые по своим далеко идущим последствиям сразу же приведут к полному разгрому противника… Таким образом тактика перерастает в стратегию, что некогда являлось конечной целью военного искусства и верхом его совершенства…»

В последней, шестой главе «Командование» де Голль анализирует изменения в управлении войной в связи с созданием профессиональной ударной армии. Личность командира приобретает теперь несравненно большую роль. Если раньше он мог руководить боем, находясь в надежно укрытом командном пункте, то теперь он должен быть впереди, в гуще борьбы. Только так он может руководить боем, темпы которого приобретают небывало стремительный характер. Здесь встречаются положения о роли личности, перекликающиеся с мыслями, высказанными де Голлем в книге «На острие шпаги». Вообще книгу в целом отличает ее преемственность с идеями, которые и раньше выдвигал де Голль.

Но кто же должен осуществить предложенную реформу? Де Голль ясно дает понять, что он не возлагает никаких надежд на руководство самой армии в связи с его косностью, отсталостью, с его глубокой враждебностью ко всему смелому и новому. Де Голль категорически заявляет, что преобразование армии — задача государства. И вот здесь начинается неопределенность. Если в отношении организации будущей профессиональной армии он рассчитал все, вплоть до роли каждого батальона, то в вопросе реализации его проекта много неясного. В самом деле, он не обращается ни к одной из существовавших тогда во Франции многочисленных политических партий, ни к одному из видных политических деятелей. Он надеется на государство вообще. Между тем именно государство де Голль считал тогда ответственным за упадок армии, за ее неподготовленность к войне. g своих «Военных мемуарах» он пишет, что «командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства, оказались во власти рутины». Резко критикуя тогдашнюю военную доктрину пассивности, он подчеркивает, что она «соответствовала самому духу режима». Как же можно было надеяться, что этот режим, который де Голль считал глубоко порочным, сможет провести столь серьезную реформу? Де Голль, правда, добавляет, что для этого понадобился бы еще и человек, подобный Лувуа или Карно.

Лувуа, министр Людовика XIV, вошел в историю как организатор коренной военной реформы, создатель регулярной армии, которую он снабдил новейшим оружием. Он, в частности, сформировал отборные ударные полки, вооруженные вместо

старых мушкетов более скорострельными ружьями. Его имя связано также с «драгонадами», с расправами над протестантами. Лазарь Карно — необыкновенно талантливый и энергичный организатор, полководец и ученый времен Великой французской революции и Наполеона. В годы революции его легендарная деятельность принесла ему почетную репутацию «организатора победы».

Причем успех деятельности Лувуа обеспечивала абсолютная власть Людовика XIV. Карно же опирался на могучие народные силы, пробужденные революцией. Во Франции середины 30-х годов нашего века ничего подобного не было. К тому же нет никаких признаков того, чтобы де Голль считал кого-либо из современных ему политических или военных деятелей способным сравниться по своим личным качествам с Лувуа или Карно. Пожалуй, допустимо предположение, что де Голль намекал на самого себя.

Наконец, в книге «За профессиональную армию» содержалось нечто такое, что выходило далеко за пределы разбираемого в ней конкретного вопроса, что может рассматриваться в качестве первого откровенного и ясного Намерения де Голля добиваться не только реформы армии, но и преобразования всего французского государства. Он заявлял, что военная реформа — лишь часть, элемент перестройки политической системы страны. «Вполне естественно, — писал он, — что национальное обновление следовало начать с реорганизации армии. В упорных усилиях по обновлению Франции ее армия служила бы ей подспорьем и примером. Ибо меч — это ось мира, и величие страны неотделимо от величия ее армии».

Неопределенные фразы об «обновлении» государства выглядели довольно загадочно. Дело в том, что третья книга де Голля вышла в момент общего авторитарного поветрия и возникновения фашистского движения во Франции. Тяготы экономического кризиса породили массовое недовольство городской и сельской мелкой буржуазии. На этой социальной почве ожили старые и расплодились новые организации фашистского типа, вдохновлявшиеся успехами аналогичных движений в Германии и Италии. Среди многочисленных профашистских групп, лиг, организаций, союзов и т. п. наибольшим влиянием пользовались «Боевые кресты» полковника де ла Рока, старая «Аксьон франсэз» Шарля Морраса, а также движение бывших фронтовиков.

6 февраля 1934 года они пытались захватить Бурбонский дворец, где заседала палата депутатов. Произошли кровавые столкновения между фашистами и полицией. Но главной силой,

остановившей фашизм, был рабочий класс во главе с компартией. Фашистская опасность толкнула социалистов к сотрудничеству с коммунистами. Острейшая борьба между фашистами и левыми продолжалась вплоть до войны, воплотившись затем в дуэль между Виши и Сопротивлением.

Распространяются идеология яростного антипарламентаризма, стремление «обновить» государство и трескучий шовинизм. Эти идеи в определенные моменты звучали явно в унисон с настроениями де Голля, отразившимися в его последней книге. Собственно, еще предыдущая работа «На острие шпаги» вызвала положительные отклики со стороны деятелей «Аксьон франсэз», этих поборников «интегрального национализма», так напоминавшего национализм де Голля. Однако некоторое сближение с организацией Шарля Морраса оказалось значительно слабее его недоверия к ее громогласному «патриотизму». К тому же де Голль стремился к политической независимости и не хотел связываться с какой-либо партией или группировкой.

Это не значит, что он предпочитал все более влиятельные левые партии. Коммунисты, социалисты, радикалы, составившие коалицию Народного фронта, на парламентских выборах 1936 года получили абсолютное большинство депутатских мандатов. К власти пришло правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом. Трудящиеся добились серьезных социальных уступок, таких, например, как 40-часовая рабочая неделя и оплаченный отпуск. Буржуазия, естественно, реагировала на это крайне нервозно. Что касается де Голля, то он тоже отрицательно отнесся к Народному фронту. Интересно, что в своих мемуарах он не высказывает ни слова осуждения фашистских групп типа «Боевых крестов». Однако Народный фронт он с неприязнью именует «комбинацией». Де Голль считал, что социальные реформы замедлят военное производство, ослабят усилия по подготовке к войне, усилят раскол, противоречия внутри нации. Консервативный социальный инстинкт всегда будет сказываться в его поведении не менее сильно, чем убежденность в доминирующем значении национального фактора.

Итак, политическая линия де Голля в момент острейшего внутриполитического кризиса оказалась несомненно правой, хотя и независимой от каких-либо определенных партий и группировок. В очень общей форме она отразилась в книге «За профессиональную армию», где невозможно обнаружить какие-либо демократические тенденции. Словом, не принимая идей какой-либо политической партии, де Голль в политике постепенно вырабатывал взгляды, которые в будущем получат

название голлизма, Во всяком случае, он отрицательно относился к фашизму, крайности которого его шокировали. Тем более что нацизм в облике Германии ассоциировался тогда с угрозой безопасности Франции, что для него важнее всего. В конечном итоге он не считал важным, какая партия, какие деятели будут проводить в жизнь план создания профессиональной бронетанковой армии.

Пока план существует на бумаге, правда уже в виде небольшой книги, напечатанной в нескольких тысячах экземпляров. Продано было только 750. «Моя книга „За профессиональную армию“, — пишет де Голль, — вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма». Да, во Франции случилось именно так. По злой иронии судьбы книга, однако, имела успех там, где Де Голль добивался его меньше всего, — в Германии. Там книгу быстро перевели, и она нашла гораздо больше читателей, чем на родине автора. Советники Гитлера доложили ему о книге, и он ознакомился с ней. Книгу с большим вниманием прочитали и извлекли из нее практические выводы германские генералы Кейтель, Браухич и особенно генерал Гейнц Гудериан, самый активный поборник массового применения танков, автор известной книги «Внимание, танки!». Правда, нельзя сказать, что книга де Голля оказалась для немцев неожиданным открытием. Ее основные идеи высказывались разными людьми и раньше. Де Голль лишь систематизировал их в применении к конкретным условиям и изложил в очень впечатляющей форме. В это время вышла книга австрийского генерала фон Эймансбергера «Война бронированных машин», которая во многом перекликалась с книгой де Голля и также привлекла внимание в гитлеровской Германии. Немцы собирались воевать всерьез и энергично готовились к этому, не пренебрегая ничем. Кстати, забегая вперед, следует отметить, что разработанная де Голлем организация танковой дивизии в основном совпадает с методами комплектования типичных танковых соединений времен второй мировой войны.

Филипп Баррес (сын писателя Мориса Барреса, о котором речь уже шла) в книге о де Голле, рассказывая о своей беседе с Риббентропом в конце 1934 года, приводит такой диалог: «Что касается линии Мажино, — откровенничал гитлеровский дипломат, — то мы прорвем ее с помощью танков… Наш специалист генерал Гудериан подтверждает это. Я знаю, что такого же мнения придерживается ваш лучший технический специалист». «А кто наш лучший специалист?» — спросил Баррес и услышал в ответ: «Голль, полковник де Голль. Это верно, что он

так мало известен у вас?»

Действительно, нет пророка в своем отечестве! Если книга де Голля и была здесь замечена, то сразу же и отвергнута. Через месяц после ее выхода в свет, 15 июня 1934 года, в палате депутатов в связи с утверждением военных ассигнований выступил Эдуард Даладье, который был военным министром в четырех кабинетах. Влиятельный лидер партии радикалов имел репутацию крупного знатока военных вопросов. Не называя прямо де Голля и его книгу, он явно полемизировал с ней. Указав на опыт 1914 года, он решительно отверг идею каких-либо наступательных действий и превозносил достоинства оборонительной тактики, опирающейся на «линию Мажино». «Наш выбор, — говорил Даладье, — сделан давно, и он состоит в том, что мы предпочитаем организовать оборону в бетоне, с мощной системой автоматического оружия, грозную эффективность которого для атакующих войск показала война».

Затем на страницах журнала «Ревю де де монд» против де Голля выступил и генерал Вейган, занимавший до января 1935 года пост начальника генерального штаба. Считая, что план де Голля ведет к разделению армии на две части, он заявил: «Две армии? — Ни в коем случае!» По его мнению, уже существующие средства армии достаточны: «Мы имеем механизированный, моторизованный и кавалерийский резерв. Заново создавать нечего, ибо все уже имеется». Фактически Франция имела тогда только одну легкую моторизованную дивизию в Реймсе.

Позднее, выступая на конных состязаниях в Лилле, генерал Вейган говорил: «Я думаю, что французская армия обладает сейчас такими замечательными качествами, каких она никогда не имела в своей истории: она владеет оружием высшего качества, первоклассными укреплениями, великолепным моральным духом и замечательным высшим командованием… Если от нас потребуют добиться новой победы, мы ее добьемся…»

В свою очередь, генерал Гамелен, сменивший Вейгана на посту начальника генерального штаба, утверждал: «Я не верю в теории полковника де Голля. Эти теории не отличаются мудростью. Они не реалистичны… Они подобны мгновенной вспышке сухой соломы».

В момент выхода новой книги де Голля военным министром в правительстве Думерга был его давний покровитель маршал Петэн. Как же он отнесся к плану создания ударной бронетанковой армии? Ведь его позиция могла иметь решающее значение для успеха или неудачи де Голля. Но за годы, прошедшие с тех пор, когда младший лейтенант восхищался самостоятельностью взглядов своего начальника, многое

изменилось. Стал Другим Петэн. Видимо, не зря в его личной карточке в отделе учета кадров еще до 1914 года была сделана такая запись: «Не продвигать выше бригадного генерала».

Уже в начале 20-х годов де Голль убедился в ограниченности и косности маршала. Правда, хорошие отношения между ними пока сохранялись, хотя они становились все менее доверительными и сердечными. После 1927 го-Да де Голль перестал бывать в доме Петэна. Однако его назначение в 1932 году в Высший совет национальной безопасности не обошлось без протекции Петэна.

Выход в свет книги «За профессиональную армию» возмутил Петэна, и именно он инспирировал выступления видных военных против теорий де Голля. Правда, подполковника еще приглашали на обеды, которые маршал устраивал в «Кафе де Пари». Причем они все больше отдалялись друг от друга не только из-за расхождений по чисто военным вопросам. Маршал на старости лет ударился в политиканство самого дурного пошиба. Он заигрывает с французскими фашистами, встречается с полковником де ла Роком, который одно время служил под его началом. Фашисты открыто называют Петэна своим кандидатом в диктаторы. Кроме того, используя разные официальные церемонии, он устанавливает связи с видными гитлеровцами, явно выражает симпатии фашистским диктаторам. Что касается де Голля, то патриотические настроения побуждают его, вопреки его консервативным взглядам, сближаться с антифашистами.

Окончательный разрыв с Петэном произошел из-за истории с новой книгой де Голля «Франция и ее армия», вышедшей в 1938 году. Книга, отразившая специфическое понимание де Голлем истории и роли армии, показывала, что армия на протяжении веков воплощала душу Франции и ее будущее. «Это было, — пишет де Голль в мемуарах, — моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы». Основой книги послужили материалы по истории французской армии, подготовленные де Голлем еще в 1925 году по указанию Петэна. Получив предложение издательства опубликовать работу, де Голль написал Петэну, спрашивая его разрешения на публикацию труда, написанного некогда под эгидой маршала. Тщеславный старик соглашался на это только при условии, если он будет фигурировать либо соавтором, либо главным вдохновителем книги. Это вполне соответствовало давней традиции, существующей не только во Франции, по которой!высокое начальство считает естественным присваивать себе литературные лавры за произведения, вышедшие из-под пера подчиненного. Но

в данном случае коса нашла на камень, которым оказался характер Шарля де Голля. Существует несколько версий этого конфликта. Например, ла Горе, один из самых авторитетных биографов де Голля, пишет: «Петэн потребовал права подписать книгу в качестве ее автора. Де Голль, написавший ее один, не согласился с этим и отказался от посвящения, в котором он хотел благодарить Петэна, позволившего ему предпринять этот труд. Специальная комиссия исторической службы армии рассматривала спор и признала правым де Голля».

Маршал Петэн с бешенством говорил о «неблагодарности», «бессердечии» де Голля, демонстративно отказывался с ним разговаривать во время разных официальных встреч. Впрочем, де Голль не оставался в долгу. В это время как раз шли разговоры о формировании нового правительства, в котором военным министром намечался Петэн. Де Голлю предлагали место статс-секретаря в этом же министерстве. Резко отклонив предложение, он сказал о Петэне: «Не доверяйте ему, этот двуличный человек опасен…»

С 1934 года и вплоть до войны маршал Петэн резко возражал против предложений де Голля. В предисловии к книге генерала Шовена «Возможно ли еще вторжение?» он объявлял вражеское вторжение невозможным: «Укрепленный фронт по линии Мажино делает более прочным европейское равновесие». Что касается бронетанковых сил, то Петэн писал: «Что могло бы произойти в случае продвижения большой массы танков в парижский район?.. Войск, переброшенных на грузовиках, и нескольких танков будет достаточно для предотвращения возможного вторжения германских бронированных соединений». Он утверждал также, что «прямое участие вражеских воздушных сил в сражениях является иллюзией».

Де Голль отчетливо понимал, что подобное ослепление высшего военного руководства грозит Франции страшной катастрофой. Поэтому он с таким упорством и вел свой крестовый поход за создание ударной танковой армии. Де Голль уже давно испытывал презрение к таким институтам французской политической жизни, как парламент и депутаты, правительство и министры и, конечно, пресса и журналисты. И вот теперь он обивает пороги у этой публики. Огромная фигура «Коннетабля» маячит в грязных коридорах редакций, он терпеливо ждет приема у редакторов, приглашает журналистов на завтраки и обеды, просит посмотреть его рукописи и даже молча выслушивает высокомерные поучения. Не раз он наталкивался на грубые отказы, подвергался унижениям, особенно болезненным для такого человека, как он. Но ради своей цели он шел на все, лишь

бы Франция была спасена!

В конце концов де Голлю удалось заинтересовать своими идеями нескольких журналистов, которые начали активно пропагандировать его планы. Так, Андре Пиронно, редактор «Эко де Пари», — опубликовал 40 редакционных статей, разъяснявших идеи де Голля. В газете «Тан» их активно защищал его бывший товарищ по плену в Ингольштадте Реми Рур. Статьи в поддержку создания бронетанковой армии появились в «Журналь де деба», «Ордр», «Об» и в других газетах. Разумеется, верные единомышленники Люсьен Нашен и Эмиль Мейер тоже не жалели своих сил и напечатали немало статей в разных журналах. Де Голлю удалось добиться поддержки даже со стороны некоторых генералов, таких как Баратье, Кюньяк, Дюваль, также выступивших в печати.

Но поклонники «линии Мажино» отнюдь не складывали оружия. Контрнаступление проводилось гораздо более широким фронтом, поскольку оно опиралось на официальную поддержку. «Фигаро» печатала, например, такие статьи: «Танки не являются непобедимыми», «Слабость танков». «Меркюр де Франс» писал: «Немцы с присущим им наступательным духом, естественно, должны иметь танковые дивизии. Но миролюбивая Франция, перед которой стоят оборонительные задачи, не может быть сторонницей моторизации». Некоторые газеты и журналы превратили де Голля в мишень для насмешек и издевательств. Его сравнивали с королем Юбю, персонажем сатирической комедии, олицетворявшим эгоизм и тупость. Вот как это выглядело на страницах одного солидного журнала: «Стремясь оставаться в рамках учтивости, весьма затруднительно оценить идеи, которые граничат с безумием. Скажем прямо, господин де Голль с его современными идеями имеет предшественника в лице короля Юбю, который, также будучи великим стратегом, уже давным-давно предвосхитил его мысль. „Когда мы вернемся из Польши, — говорил он, — мы благодаря нашим познаниям в области физики изобретем ветряную машину, способную перевозить всю нашу армию“».

План де Голля подвергся нападкам не только со стороны слепых защитников официальной военной доктрины. Его резко критиковали и в лагере левой оппозиции. Заявление де Голля в книге «За профессиональную армию» о том, что армия должна стать орудием обновления государства, а также неопределенность названия книги давали некоторое основание для подозрений. Широко распространилось мнение, что план де Голля может привести к созданию своего рода преторианской гвардии, способной превратиться в орудие реакции, мечтающей о

фашистской диктатуре. Многие истолковывали его план в том смысле, что речь идет о ликвидации массовой армии из представителей народа и замене ее кастой наемников, хотя де Голль имел в виду сохранить обычную массовую армию из призывников, лишь усилив ее отборным ударным корпусом в 100 тысяч военных, получивших профессиональную подготовку. Лидер социалистической партии Леон Блюм в конце 1934 года опубликовал в газете «Попюлер» серию статей, проникнутых подозрениями и тревогой. Среди них фигурировали статьи: «Нужна ли нам профессиональная армия?», «Долой профессиональную армию!».

Однако газетная полемика практически ничего не давала, поэтому де Голль мечтал приобрести поддержку в парламентских кругах. Но как проникнуть в этот совершенно чуждый для него мир, скрытый за колоннами Бурбонского дворца? Такие возможности все же представились благодаря тому же Эмилю Мейеру. В июне 1934 года на квартире у его зятя Гринбаум-Баллена де Голль познакомился с молодым человеком по имени Жан Обюртен, который был сыном одного из многочисленных друзей хозяина дома и имел связи в политических кругах. Уже в первой беседе де Голль сумел убедить Обюртена в преимуществах своего плана. Собеседники пришли к заключению, что в этом же надо убедить кого-нибудь из известных политических деятелей. Решили, что таким деятелем может быть Поль Рейно. Обюртен взялся вручить ему экземпляр книги «За профессиональную армию» с дарственной надписью автора и договориться о том, чтобы он принял подполковника де Голля.

Поль Рейно, способный адвокат, выходец из богатой семьи, видный член парламента, сидевший на правых скамьях «умеренных», считался специалистом по финансам. Он был уже членом нескольких кабинетов и показал себя энергичным и способным политиком, часто выступавшим сторонником активной внешней политики, направленной на укрепление позиций Франции. Правда, ему не хватало решительности, последовательности и самостоятельности. Он никогда не мог противостоять, например, влиянию своей любовницы графини ла Порт, энергичной дамы со связями, простиравшимися от финансовых кругов до сторонников фашизма. Во всяком случае де Голлю Поль Рейно казался политиком с большим будущим. Этот юркий человек с лицом восточного типа, известный под кличками «Мышонок Микки», «Комар» и т. п., восполнял свой маленький рост огромным политическим честолюбием. Де Голль произвел на него впечатление, и он сразу обещал ему свою поддержку. В книге «Военная проблема Франции» Рейно пишет о

де Голле: «Когда он пришел ко мне в 1935 году и изложил свой проект бронетанкового корпуса, я почувствовал вдруг зарождение надежды на спасение Франции». Все заставляет предполагать, что чувства Рейно носили несколько более практический характер; проект де Голля можно было эффектно использовать для своей политической карьеры. А де Голля интересовал лишь вопрос о судьбе его плана, и он охотно взял на себя труд написать для Рейно текст его речи в парламенте.

15 марта 1935 года во время дебатов по вопросу об увеличении срока военной службы до двух лет Поль Рейно выступил в палате депутатов с изложением проекта де Голля. Его речь была пересказом основных идей и аргументов, содержавшихся в книге «За профессиональную армию». «Французская проблема, — говорил опытный оратор, — заключается в том, чтобы создать специализированный корпус, способный дать сокрушительный отпор всякому нападению. У нас есть политика; мы должны иметь армию для этой политики. А эта политика выражается во взаимопомощи и международном сотрудничестве. Уж не думают ли, что взаимопомощь может ограничиться пассивной обороной нашей территории, в то время когда господин Гитлер будет прогуливаться вдоль и поперек Европы?»

Речь имела успех, и вскоре Рейно внес проект закона о «Немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб». Эта армия должна комплектоваться за счет личного состава, поступающего на службу по контракту, и должна быть полностью приведена в готовность не позднее 15 апреля 1940 года.

Законопроект передали, как полагается, в комиссию палаты депутатов по-вопросам вооруженных сил. Эта комиссия, после обычных проволочек, естественно, захотела узнать мнение компетентных и ответственных военных органов. Вследствие этого в докладе по внесенному законопроекту появилось сокрушающее утверждение, что реформа армии «бесполезна, нежелательна и противоречит логике и истории». Законопроект был похоронен. Такой исход дела нетрудно было предвидеть, ибо еще 15 марта 1935 года, когда Поль Рейно поставил в палате вопрос о создании ударной бронетанковой армии, военный министр Морэн в ответ на это заявил: «Как можно думать о наступательной тактике, если мы израсходовали миллионы на строительство укрепленного барьера? Надо быть сумасшедшим, чтобы выйти за пределы этого барьера и ввязаться в немыслимую авантюру».

Собственно, в высших военных кругах на де Голля и смотрели как на сумасшедшего, если не хуже. Маршал Петэн, генералы Вейган, Морэн, а также генералы Жорж, Претела, Дюфью, то есть все высшее руководство армии, относились к нему с откровенной педантичной злобой. Их раздражала его начинавшаяся известность, его независимость. «Журналист», «политикан», «интриган» — говорили по его адресу. Однажды на заседании Высшего совета национальной безопасности генерал Морэн заявил: «Прощайте, де Голль! Там, где нахожусь я, вам больше не место!» Морэн собирался отправить де Голля служить на остров Корсику. Однако, как вспоминает де Голль, «генерал Морэн лишь пугал меня громом; у него хватило великодушия не поражать меня ударами молний».

Но де Голлю от этого «великодушия» было не легче, ибо его план формирования ударной армии нисколько не приблизился к осуществлению. Это казалось ему тем более возмутительным, что события с роковой методичностью подтверждали его наихудшие опасения.

Не прошло и года со дня захвата власти Гитлером, как его агрессивная программа, откровенно изложенная в «Майн кампф», начинает осуществляться. В октябре 1933 года Германия демонстративно уходит из Лиги наций.

В 1934 году начинается подготовка к захвату Австрии. В июле фашистами убит канцлер Дольфус. В октябре в Марселе под пулями фашистского убийцы пали французский министр иностранных дел Барту, пытавшийся оживить планы коллективной безопасности, и югославский король Александр. Заменивший Барту Лаваль начинает открыто помогать фашистским лидерам Германии и Италии готовить мировую войну. В январе 1935 года он способствует передаче Гитлеру Саарской промышленной области, находившейся по Версальскому договору под французским контролем. Власть Гитлера внутри Германии и его международные позиции укрепляются. В марте 1935 года он восстанавливает всеобщую воинскую повинное il. В октябре Муссолини, заручившись согласием Лаваля, нападает на Эфиопию. В марте 1936 года германские войска занимают рейнскую демилитаризованную зону силами всего лишь нескольких батальонов. Стоило Франции, на что она имела полное право, послать хотя бы одну дивизию, и гитлеровская авантюра кончилась бы крахом, в результате которого Гитлер вряд ли удержался бы у власти. Но Франция не пошевелила пальцем, ограничившись печально знаменитым заявлением Альбера Сарро: «Мы не оставим Страсбург под прицелом германских пушек». Был упущен благоприятный момент

предотвратить новую войну. Де Голль считал, что будь у Франции танковые дивизии, то одного лязга их гусениц и гула моторов было бы достаточно, чтобы поставить крест на этой и всех будущих авантюрах Гитлера.

Но грозные события следуют одно за другим нарастающей лавиной. Мятеж Франко в Испании ставит под угрозу тыл Франции. В ущерб своим очевидным национальным интересам Франция предает Испанию и позволяет Франко с помощью Гитлера и Муссолини уничтожить Испанскую республику. В 1938 году следует аншлюс Австрии, затем Мюнхен и выдача Гитлеру на растерзание союзника Франции — Чехословакии. Не оказывая никакого противодействия агрессорам, Франция приближалась к катастрофе.

А де Голль находится в положении пророка, которому откликнулись события, тогда как люди остались глухими. Но он упорно продолжает свой крестовый поход за танки, как ни ничтожны его шансы на успех. Он все время старается подталкивать Поля Рейно, для которого идеи де Голля стали важным средством усиления политического влияния. Из других правых депутатов его план активно защищает ле Кур Гранмезон, член парламентской комиссии национальной обороны. Известные политики Александр Мильеран, Жозеф Поль-Бонкур, Камил Шотан склоняются к поддержке плана де Голля.

Вопреки своим консервативным политическим симпатиям де Голль ищет поддержки левых, правда отнюдь не самых левых, деятелей. Он хотел, чтобы мелодия звучала «на разные голоса», лишь бы они были погромче. Левый католик, антифашист, сторонник Народного фронта Филипп Серр произносит в парламенте пламенные речи в защиту профессиональной армии. Социалист Лео Лагранж также становится ее сторонником. Де Голль особенно рассчитывал на способности бывшего социалиста Марселя Деа. Но он превратился вскоре в самого отъявленного гитлеровца.

Правда, сторонники военной реформы подчас связывали с ней идеи, абсолютно чуждые де Голлю. Филипп Серр вдохновенно говорил о создании одновременно «армии Жореса и армии Лувуа». Лувуа, да, но при чем здесь Жорес, мечтавший о народной армии социалистической Франции? Все же де Голль идет на сближение с антифашистскими силами. Патриотизм объединяет его с ними. Незадолго до войны он становится членом кружка «Друзья, Тан презан», левого католического издания антифашистского направления. Разумеется, это отнюдь не означает, что он усваивает гуманистические и пацифистские элементы идеологии своих союзников слева. Поставив перед

собой задачу спасения Франции, он считает возможным использовать для ее достижения любые средства. Во всяком случае, связи де Голля с его политическими союзниками, их выбор вызывают резкую критику со стороны многих его военных коллег, находившихся под влиянием «Аксьон франсэз».

Де Голль со скептической неприязнью отнесся к социальному и политическому подъему, выдвинувшему Народный фронт. Но он заметил и оценил его динамизм и антифашистскую природу. «В этой обстановке, — вспоминал де Голль, — наличествовал, как мне казалось, определенный психологический элемент, позволявший покончить с пассивностью. Вполне естественно было предположение, что в условиях торжества национал-социализма в Берлине, господства фашизма в Риме, наступления фалангизма на Мадрид Французская республика пожелает перестроить как свою социальную структуру, так и свою военную организацию».

Сторонники де Голля, прежде всего Эмиль Мейер, сумели устроить так, что в октябре 1936 года его пригласил Леон Блюм, лидер социалистов и глава правительства Народного фронта.

В этот день де Голль испытывал чувство горького удовлетворения: сбылось еще одно из его мрачных пророчеств. Бельгийский король, поняв, что надеяться на Францию нельзя, объявил о разрыве союза с нею. А ведь Петэн, уповая на этот союз и бельгийские укрепления, не допустил продления до моря «линии Мажино». Правда, Гитлер дал королю новую «гарантию» неприкосновенности его границ, которая, по выражению одного французского депутата, больше всего «походила на смертный приговор».

И вот де Голль входит в кабинет премьера. Навстречу ему поднимается, вздрагивая обвисшими седыми моржовыми усами, высокий (правда, не такой, как сам де Голль), тощий старик в очках. Что касается впечатления Блюма о де Голле, то он описывал его так: «Я вижу человека, входящего со спокойной непринужденностью, даже невозмутимостью, рост, фигура, широкие плечи которого выражали что-то гигантское. Манера, с какой он представился и пристально рассматривал меня в упор, его медленный и размеренный голос — все говорило о том, что он мог быть охвачен только одной идеей, одной верой, поглощавшей его до конца так, что все остальное уже не принималось в расчет… Клемансо является крайним выражением темперамента этого типа; мизантропия не мешала ему думать о полезных результатах какой-либо деятельности, от которой ничто не может его отвратить, поскольку она жизненно необходима для него…»

Блюм своим тонким, каким-то детским голосом сразу стал

уверять де Голля, с каким большим интересом он относится к его планам. «Однако, — резко ответил де Голль, — вы против них боролись». «Когда становишься главой правительства, — объяснил Блюм, — взгляд на вещи меняется». Затем речь зашла о том, что будет делать Франция, когда Гитлер двинется в Австрию, Чехословакию, Польшу. «Очень просто, — с сарказмом говорил де Голль, — в зависимости от обстоятельств, мы призовем людей либо из резерва первой очереди, либо из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуры укреплений, будем безучастно созерцать, как порабощают Европу».

«Как! — с испугом воскликнул Блюм. — Разве вы сторонник того, чтобы мы направили экспедиционный корпус в Австрию, в Бельгию, в Польшу?»

«Нет! — отвечал де Голль. — Но если вермахт будет наступать вдоль Дуная или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии принять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. И наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к действию. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?»

Социалистический лидер, известный своей «стратегией синтеза», то есть примирения непримиримого, любезно соглашался: «Было бы, конечно, прискорбно, если бы нашим друзьям в Центральной и Восточной Европе пришлось стать жертвами вторжения. Однако в конечном счете Гитлер ничего не добьется, до тех пор пока не нанесет поражения нам. А как он может это сделать? Вы согласитесь с тем, что наша система, мало пригодная для наступательных действий, блестяще приспособлена для обороны… Во всяком случае, наша оборонительная линия и фортификационные сооружения смогут обеспечить безопасность нашей территории».

«Нет ничего более сомнительного, — отвечал де Голль. — Уже в 1918 году не существовало непреодолимой обороны. А ведь какой прогресс достигнут с тех пор в развитии танков и авиации! В будущем массированное использование достаточного количества боевых машин позволит прорвать на избранном участке любой оборонительный барьер. А как только брешь будет проделана, немцы смогут при поддержке авиации двинуть в наш глубокий тыл массу своих быстроходных танков. Если мы будем располагать танками в равном количестве, все можно исправить, если же нет — все будет проиграно».

Леон Блюм заявил де Голлю, что приняты решительные меры и на создание самолетов и танков отпущены дополнительно большие средства. Де Голль объяснил Блюму, что танки предназначены для сопровождения пехоты и таким образом огромные средства не дают главного — самостоятельной отборной танковой армии. Поэтому деньги летят на ветер. «Как используются кредиты, ассигнованные военному министерству, — заявил премьер-министр, — это дело Даладье и генерала Гамелена». «Несомненно, — отвечал де Голль. — Однако я позволю себе заметить, что за состояние национальной обороны отвечает правительство».

Хотя во время беседы де Голль только и делал, что опровергал мнение премьера, Блюм все же любезно сообщил ему, что был бы рад видеть его в ближайшем окружении военного министра. Блюм не успел уточнить свое предложение, как де Голль резко отверг его, сославшись на то, что он уже назначен в Центр высших военных исследований и что в течение срока его стажировки там он не может принять другого назначения. Видимо, перспектива служить под непосредственным началом Даладье, этого ярого противника Военной доктрины де Голля, совсем ему не улыбалась.

Беседа сурового подполковника и премьер-министра продолжалась долго. Одновременно Блюм то и дело хватал трубку и отвечал на телефонные звонки. Раз десять его отрывали для решения каких-то мелких парламентских и административных дел. Прощаясь с де Голлем, Блюм безнадежно махнул рукой и устало сказал: «Судите сами, легко ли главе правительства придерживаться вашего плана, если он и пяти минут не может сосредоточиться на одном и том же!»

Глава правительства показался де Голлю беспомощным, задерганным человеком, не способным на решительные действия, что, в сущности, было абсолютно верно. Ведь хотя Блюм на этот раз и выразил сочувственное отношение к планам де Голля, он ровно ничего не смог сделать, чтобы преодолеть сопротивление противников этих планов. Де Голль давно разочаровался в тех, кто возглавлял военную иерархию, поняв непреодолимость их тупого упорства в защите своих устаревших представлений. Теперь, познакомившись с миром высокой политики, он не перестал презирать профессиональных политических деятелей с их нерешительностью, страхом за карьеру, безответственностью и беспринципной изворотливостью. Однако среди них попадались люди, сумевшие понять обоснованность его планов и даже готовые поддержать их, в то время как французская армия в лице ее прославленных полководцев отвергала с порога явно

целесообразные с военной точки зрения предложения. Интересно, что Блюм, попав в фашистскую тюрьму после разгрома Франции, написал мемуары, в которых он признал своей большой ошибкой то, что он не поддержал в свое время де Голля. «Возможно, — писал он, видимо, переоценивая и его план, и свою ошибку, — войны удалось бы избежать, если бы была осуществлена система де Голля».

Она не была осуществлена. Де Голль ничего не добился. Упрекать его самого за провал плана бронетанковой ударной армии нельзя; он делал все, что можно, и даже многое из того, что в его положении согласно обычному представлению делать нельзя. Когда, по всеобщему мнению, у него уже не оставалось никаких шансов на успех, он все же продолжал борьбу с упорством и верой Дон Кихота. Видно, не зря карикатуристы изображали его верхом на Россинанте. Своей высокой тощей фигурой де Голль внешне действительно напоминал традиционный образ знаменитого рыцаря. Но только ли внешне? С одной стороны, он нашел во многом очень верное средство укрепления безопасности Франции, он ясно предвидел ход событий, проявив при этом исключительную трезвость, глубину мысли и чувство реализма. Но его прозорливость в военных делах, в оценке внешнеполитических перспектив Франции сочеталась с удивительной на первый взгляд слепотой в понимании характера и смысла того официального военно-политического курса, который служил препятствием на пути создания бронетанковой ударной армии.

Он объяснял этот курс «слепотой политического режима, занятого всякими пустяками», «обстановкой невероятной апатии» и «глубочайшим национальным самоотречением». В действительности «слепота», «апатия», «самоотречение» были лишь внешним покровом глубоко классового характера буржуазной политики. Петэн, Вейган и другие люди устарелых военных взглядов гораздо лучше выражали эту политику, чем самоуверенный малоизвестный подполковник с его новыми и смелыми идеями. Поэтому он совершенно закономерно оказался изолированным от родственной ему социальной среды, в которой националистический дух начала века окончательно уступил место классовому страху, затемнявшему разум. Может быть, де Голлю следовало энергичнее добиваться поддержки в другом лагере, среди левых, выражавших теперь патриотические и антифашистские настроения народа? Но в тех условиях это оказалось невозможным для человека столь консервативного склада. Только какие-то совершенно исключительные обстоятельства могли заполнить пропасть, отделявшую его от

народа. А для этого время еще не наступило.

В безуспешной борьбе де Голля за военную реформу впервые обнаружился смысл драмы его жизни. Он часто будет одиноким, изолированным даже от тех, кому он не только не изменял, но, напротив, служил необычайно верно. Пока это приносило ему лишь разочарование и горечь поражений. Другой повернул бы к конформизму, сулившему успешную карьеру, но, конечно, исключавшему особую судьбу, без которой де Голль не видел для себя смысла в жизни. Вот почему неудача в борьбе за танки не поколебала его решимости оставаться самим собой.

Разгром

Еще в 1934 году во время поездки в один из пограничных восточных гарнизонов де Голль остановился на полпути от Парижа, недалеко от Шомона, в деревне Коломбэ-ле-дез-Эглиз, расположенной среди равнин и невысоких холмов, покрытых перелесками. Его внимание привлек довольно простой двухэтажный дом, окруженный небольшим парком. Дом и участок земли принадлежали одной американской семье, которая хотела продать это небольшое поместье. Мадам де Голль давно мечтала о загородном доме в тихом сельском месте. К тому же мягкий, прохладный климат департамента Верхняя Марна, по мнению врачей, был бы очень полезен для больной Анны. Де Голль покупает «Буассери», как называется дом с парком, который будет его любимой резиденцией до конца дней. Семья поселяется здесь, и он при малейшей возможности уезжает в Коломбэ. В сельской глуши, созерцая широкие пустынные горизонты, он отдыхал от парижской напряженной жизни, размышлял, как всегда, много читал и писал.

Шарль де Голль — командир 507-го танкового полка

Пятое десятилетие в жизни де Голля не было для него ни легким, ни приятным, ни успешным в карьере. Напротив, окружающая обстановка не радует его. В 1932 году он похоронил своего отца. В 1937 году, за правкой рукописи книги де Голля «Франция и ее армия», скончался Эмиль Мейер. Незаживающей

раной оставалась болезнь дочери Анны. Атмосфера на службе — осложнялась по мере того, как де Голль все решительнее критиковал официальную военную политику. Хотя борьба против нее принесла ему некоторую известность и давала сознание мрачной удовлетворенности тем, что он вопреки всему выполняет свой долг, она обходилась ему недешево. В 1936 году его вычеркнули из списка офицеров, представляемых к присвоению звания полковника. Только после пребывания в Центре высших военных исследований в конце 1937 года ему присваивают чин полковника, да и то благодаря хлопотам Поля Рейно, просившего об этом военного министра Даладье. А между тем Жуэн вместе с ним окончивший Сен-Сир, в 1938 году уже получает генеральские дубовые листья.

Профессиональная бронетанковая ударная армия оставалась мечтой, а война неотвратимо надвигалась. Де Голль возмущается «глупостью ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию». Он был одним из немногих, кто сознавал близость войны. Ну что же, надо к ней готовиться! Тем более что в июле 1937 года полковник де Голль назначен командиром 507-го танкового полка в Меце. Он снова становится требовательным и пунктуальным командиром, доводящим до совершенства подготовку своей воинской части. В тужурке и шлеме танкиста полковник, несмотря на свой огромный рост, умудряется влезать в тесный танк. Водители, механики, стрелки, радисты изнемогают от напряженных усилий, но зато 507-й полк становится образцовым, а де Голль получает прозвище «полковник Мотор». На параде 14 июля 1938 года командующий корпусом генерал Жиро поздравляет полковника де Голля. Впрочем, генерал Жиро, типичный армейский служака, мыслящий положениями Уставов, не жалует де Голля, ибо знает о его расхождениях с высоким начальством. Однажды на маневрах дивизии де Голль предлагает бросить его танковый полк в самостоятельную атаку, что решительно противоречит инструкциям. Генерал Жиро резко обрывает его: «Пока я жив, милейший де Голль, вам не удастся навязать здесь свои теории…»

Между тем в сентябре 1939 года начинается война, и германские танковые дивизии за две недели разгромили Польшу, действуя именно в духе подобных теорий. Франция же, как и предвидел де Голль, безучастно наблюдает за крахом союзника, не высовывая носа за «линию Мажино». Говорили, что Франция уподобилась старой черепахе, втянувшей голову в свой панцирь. В дополнение к этому панцирь-то оказался не прочнее яичной скорлупы. А между тем немцы оставили на своей западной границе лишь слабый заслон, который нетрудно было бы

прорвать, если бы Франция имела ударную бронетанковую армию.

За день до начала войны де Голль назначен командующим танковыми войсками 5-й армии в Эльзасе, в Вангенбурге. Это повышение не доставило де Голлю большого удовольствия. «На мою долю выпало, — говорил он, — играть роль в ужасной мистификации… Несколько десятков, легких танков, которыми я командую, — это всего лишь пылинка… Мы проиграем войну самым жалким образом, если не будем действовать».

Но действовать никто не собирался. Французская армия, совершенно не подготовленная к современной войне, оставалась все в том же состоянии. Официальные лица произносили успокаивающие речи на тему о несокрушимой оборонительной мощи «линии Мажино». Это была так называемая «странная война», во время которой французское военное командование питало фантастическую надежду на то, что до настоящей войны дело вообще не дойдет.

В январе 1940 года де Голль был в Париже. Поль Рейно, в то время министр иностранных дел, пригласил его на завтрак. Здесь был также и Леон Блюм, который спросил де Голля, как он представляет себе развитие событий. «Весь вопрос теперь в том, — отвечал де Голль, — нанесут ли немцы удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве». Такое заявление де Голля очень удивило Блюма: «Вы так думаете? Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязать в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бессильны против линии Мажино!»

Что касается Поля Рейно, то он слушал де Голля, не произнося ни слова, и одобрительно кивал головой. Полковник и Леон Блюм вместе молча вышли из здания министерства финансов, где происходила встреча. У выхода на площадь Курсель де Голль остановил Блюма такими словами: «Если вы в состоянии действовать вместе с Полем Рейно, то действуйте, я вас заклинаю…»

Де Голль понял, что в Париже очень смутно представляют себе военную и политическую обстановку. Такое же впечатление произвела на него беседа с президентом Лебреном, посетившим 5-ю армию и осмотревшим с уверенным видом устаревшие танки, которыми командовал де Голль. Лебрен тоже не ожидал со стороны немцев каких-либо сюрпризов.

Еще в ноябре де Голль направил в генеральный штаб записку об уроках, которые следует извлечь из операций вермахта в Польше. Он подчеркнул высокую эффективность бронетанковых и моторизованных сил и крайнюю неустойчивость оборонительных

линий поляков. Записка не имела никаких последствий. Генерал Дгофьо ограничился пренебрежительным замечанием: «Эти выводы при нынешнем состоянии вопроса должны быть отклонены».

В случае войны французские танковые соединения по-прежнему обязаны были действовать в соответствии с «генеральной инструкцией» от 12 августа 1936 года. Генерал Эймансбергер в немецком журнале «Милитервохенблатт» в мае 1937 года писал о ней: «Предлагаемое в этой инструкции тактическое применение танков свидетельствует о потрясающем незнании действительности».

Де Голль предпринял еще один, совершенно беспрецедентный для армейского полковника шаг. 21 января 1940 года он направил 80 наиболее крупным военным и политическим деятелям меморандум, в котором вновь писал о крайне опасном положении Франции и о необходимости немедленных энергичных мер. Де Голль предупреждал о неизбежности большого наступления немцев с применением огромных бронетанковых и механизированных сил при поддержке авиации. Он предсказывал, что французский фронт может быть в любой момент прорван и тогда разгром неминуем. Он требовал немедленно свести в один кулак все распыленные по разным соединениям танки. Де Голль ясно видел будущее. Ссылаясь на опыт боевых операций в Польше, де Голль писал: «Быть инертным в нынешнем конфликте, значит оказаться побежденным… Французский народ ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной доктрины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапности атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом… Не следует заблуждаться! Начавшаяся война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю. Породивший ее политический, экономический, социальный и моральный кризис носит столь глубокий и всеобъемлющий характер, что он неизбежно приведет к коренному перевороту в положении народов и в структуре государств. В силу непостижимой гармонии вещей орудием этого переворота, вполне соответствующим его гигантским масштабам, становится армия моторов. Уже давно пора Франции сделать из этого вывод».

Гласом вопиющего в пустыне остался и этот крик души полковника де Голля. В Париже же происходило нечто невероятное. О войне против Германии как будто забыли, хотя германского вторжения можно было ожидать в любой момент. Кое-что, правда, делали. В начале 1940 года наконец-то сформировали одну танковую дивизию, оснастив ее устаревшими машинами образца 1925 года. Дивизия получила 120 таких танков, тогда как, по расчетам де Голля, полностью оправдавшимся практикой войны, их должно было быть 500.

Зато лихорадочная деятельность развернулась в другом направлении. В это время шла война между Финляндией и СССР. Решено было ввязаться в эту войну на стороне Финляндии. Началась бешеная подготовка так называемой «белой Марны», как, по безумной аналогии с боями на Марне в 1914 году, называли авантюристический план антисоветской войны. Хотя французская армия, против которой стояли готовые к бою огромные силы гитлеровцев, крайне нуждалась в самом необходимом, в Финляндию срочно направили 175 самолетов, 500 орудий, 5000 пулеметов и автоматов и другое снаряжение. 8 января Даладье отдал приказ о формировании специальной альпийской бригады для отправки в Финляндию. Приказ был выполнен за 20 дней. 19 января последовало указание подготовить план операции по уничтожению нефтяных промыслов в Баку. На Ближний Восток направили для подготовки наступления на Кавказ генерала Вейгана. Только окончание в марте 1940 года советско-финской войны предотвратило осуществление этих грандиозных по своей нелепости замыслов. Генерал де Голль так описывает в своих «Военных мемуарах» тогдашнюю обстановку во Франции: «Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией… Что касается совершенно дезориентированной массы, чувствовавшей, что ничто и никто во главе государства не в состоянии руководить событиями, то она находилась в состоянии сомнения и неуверенности. Ясно было, что серьезное испытание вызовет в стране волну отчаяния и ужаса, которая может погубить все».

20 марта 1940 года разразился правительственный кризис, кабинет Даладье ушел в отставку. После прорыва «линии Маннергейма» Красной Армией и заключения перемирия обнаружилась бессмыслица планов антисоветской войны, которую Даладье превратил в главную задачу своего

правительства. Формирование нового кабинета поручили Полю Рейно, зарекомендовавшему себя в качестве сторонника ведения серьезной войны против Германии или, как говорили тогда, «французского Черчилля». Не последнюю роль в приобретении такой репутации играло то, что Рейно ловко использовал с 1935 года идеи де Голля, которые он громко провозглашал.

Рейно немедленно вызвал в Париж де Голля и поручил ему написать правительственную декларацию. Полковник быстро составил яркий и краткий текст, целиком одобренный новым премьером. Де Голль впервые становится непосредственным свидетелем процедуры формирования кабинета и видит этот клубок интриг, сделок, взаимный обман и жонглирование парламентской арифметикой. Он видит игру интересов, тщеславия, корыстных расчетов. Казалось, все забыли, что идет война, что над Францией нависла смертельная опасность. На де Голля все это производит впечатление чудовищного фарса.

Распределяя должности министров, Рейно учитывал не способности того или иного человека, а то, сколько это даст голосов депутатов. Так, он поручил важный пост военного министра Эдуарду Даладье, бывшему премьеру, с которым у него были самые плохие отношения. Все знали, что нормально работать вместе они не смогут. Но Рейно нужны были голоса радикалов. Новый премьер назначил министрами 11 представителей этой партии, а при голосовании из 116 депутатов-радикалов он получил от них только 33 голоса. Чтобы заручиться поддержкой крайне правых, открыто требовавших скорейшего мира с Гитлером, он назначил на ответственный пост генерального директора Индокитайского банка Поля Бодуэна, друга Лаваля и отнюдь не противника фашизма. Иначе говоря, чтобы вести войну с Гитлером, Рейио сделал министром прогитлеровца. Впрочем, в кулуарах палаты говорили, что на этом назначении настояла графиня ля Порт, любовница Рейно.

Де Голль сидел в ложе для публики в зале Бурбонского дворца во время обсуждения правительственной декларации. Это заседание показалось ему ужасным. Он так описывает прения: «В ходе их выступили представители группировок и отдельных лиц, считавших себя обойденными в результате очередной министерской комбинации. Опасность, переживаемая родиной, необходимость усилий со стороны нации, содействие свободного мира — все это упоминалось только для того, чтобы облечь в парадные одежды свои претензии и свое озлобление».

Но вот наступает момент утверждения полномочий нового премьер-министра. И даже собственная партия Рейно — демократический альянс — голосует против! Это был какой-то

хаос, где перепуталось все. В итоге Рейно собрал 268 голосов при 156 против и 111 воздержавшихся. Большинство в один голос! Если бы это было так! Де Голль слышал, как в кулуарах открыто говорили о подтасовке подсчета голосов.

Де Голль и раньше крайне отрицательно относился к парламентской системе. Но картина, представшая перед ним в эти тяжелые для Франции дни, настолько потрясла его, что он на всю жизнь сохранит отвращение к парламенту и будет проявлять его даже в ситуациях, которые вовсе не оправдывали такое чувство.

Кроме всего прочего, выяснилось, что он, собственно, совершенно напрасно приезжал в Париж. Поль Рейно предлагал назначить его секретарем вновь избранного военного комитета, Призванного координировать все усилия страны для войны. Де Голль считал, что комитет будет играть очень важную роль и от него многое могло зависеть. Однако Даладье, занявший пост военного министра в правительстве Рейно, заявил: «Если сюда придет де Голль, я оставляю этот кабинет, спускаюсь вниз и передаю по телефону Рейно, чтобы он посадил его на мое место».

Де Голль уже собирался возвращаться на фронт, как его вызвали в Венсеннский замок, где находилась резиденция главнокомандующего генерала Гамелена. Здесь царило спокойствие. Гамелен был очень способным военным чиновником, всегда любезным, но крайне бездеятельным. Слабо связанный с действующей армией, он предавался размышлениям, считая, что события должны разворачиваться только так, как было заранее намечено. Во всяком случае, в отличие от Петэна и Вейгана, он не был связан с фашистскими заговорщиками, уже превратившимися в «пятую колонну» Гитлера. Гамелен, давний противник идей и планов де Голля, любезно сообщил ему о решении назначить его командиром 4-й танковой дивизии. Это было лестное назначение для полковника. Правда, дивизия еще не существовала; ее предполагалось сформировать лишь к 15 мая. Де Голль поблагодарил, но высказал свои опасения по поводу бездействия французской армии и близости германского наступления. «Я понимаю ваше удовлетворение, — сказал Гамелен. — Что же касается вашего беспокойства, то для него, по-моему, нет никаких оснований».

Беседа с командующим не избавила де Голля от сознания обреченности французской армии. Через пять недель его худшие опасения оправдались самым ужасным образом.

В начале мая Гамелен приказал направить лучшие силы французских и английских войск далеко в глубь Бельгии. 10 мая немцы внезапно нанесли страшный удар в брешь,

образовавшуюся между основными силами союзников и французскими оборонительными линиями. 10 бронетанковых и 6 моторизованных дивизий устремились на запад, легко пройдя Арденны, которые Петэн считал непроходимыми. Это был всесокрушающий натиск бронированной лавины, движение которой очень напоминало описанные де Голлем в книге «За профессиональную армию» действия ударных танковых сил. Да, все происходило именно так, только делали это не французские, а германские войска. На четвертый день наступления немцы пересекли французскую границу. Танковый корпус генерала Гудериана 14 мая форсировал реку Маас и, повернув вправо, устремился к Ла-Маншу. 20-го он достиг побережья, перерезав коммуникации основных сил союзников, оставшихся в Бельгии. Немцы, потеряв всего 60 тысяч своих солдат, захватили в плен свыше миллиона человек и заставили британскую армию в панике эвакуироваться.

«Можно сказать, — писал де Голль, — что в течение недели судьба войны была предрешена. Армия, государственный аппарат, вся Франция теперь уже с головокружительной быстротой покатились вниз по наклонной плоскости, на которой мы очутились уже давно в результате допущенной роковой ошибки… Но в сражении, даже и проигранном, солдат уже не принадлежит себе. В свою очередь, и я оказался целиком во власти событий».

26 апреля де Голль получил приказ принять командование 4-й бронетанковой дивизией, которую спешно формировали из разрозненных частей. 15 мая начальник штаба генерал Думенк изложил де Голлю боевое задание: он должен был со своей дивизией действовать самостоятельно в районе Лаона, немного севернее Реймса, так, чтобы дать возможность соединиться дивизиям 6-й армии для прикрытия Парижа. Де Голль спросил: «Почему вы не объедините четыре дивизии в один блок?» «Потому, — ответил скорбно Думенк, — что я располагаю только вашей дивизией, да и то если она сможет сформироваться вовремя».

Затем де Голля принял командующий северо-восточным фронтом генерал Жорж, который также был в подавленном состоянии. «Приступайте к делу, де Голль! — сказал он. — Для вас, уже давно высказывавшего идеи, которые осуществляет противник, представляется возможность действовать».

Уходя, де Голль чувствовал, что «надежда иссякает и что пружина уже лопнула». Он устремляется в Лаон, сразу изучает местность, располагает свой командный пункт и собирает разрозненные подразделения, прибывающие в его распоряжение. Все происходит в обстановке невероятной сумятицы,

замешательства, беспорядка. Жизнь страны уже нарушена, дороги запружены беженцами, дезорганизованными толпами французских солдат. Это был разгром. «При виде охваченных паникой людей — вспоминал де Голль, — беспорядочно отступающей армии, слыша рассказы о возмутительной наглости врага, я почувствовал, как растет во мне безграничное негодование. О, как все это нелепо! Война начинается крайне неудачно. Что ж, нужно ее продолжать. На земле для этого достаточно места. Пока я жив, я буду сражаться там, где это потребуется, столько времени, сколько потребуется, до тех пор, пока враг не будет разгромлен и не будет смыт национальный позор. Именно в этот день я принял решение, предопределившее всю мою дальнейшую деятельность».

Это было 16 мая 1940 года. Де Голль принял решение любыми средствами начать на другой день наступление на северо-восток от Лаона в направлении Монкорне, чтобы перерезать узел дорог и не дать противнику подойти к позициям, которые должна была занять 6-я армия. На рассвете де Голль получил подкрепление — три танковых батальона. Присоединив их к остальным частям, де Голль двинул свою дивизию вперед. Опрокидывая немцев, она продвинулась на 20 километров и подошла к Монкорне. Но взять город путем форсирования реки Сер де Голлю не удалось. Его дивизия подверглась жестокому артиллерийскому обстрелу. «Юнкерсы» непрерывно атаковали и бомбили ее. Однако боевая задача прикрытия была выполнена, и в ночь с 18 на 19 мая де Голль отводит войска обратно к Лаону. Его наспех организованная дивизия испытывает острый недостаток во всем. Нет артиллерийского прикрытия, нет поддержки с воздуха, нет радиосвязи и приходится по старинке использовать связных. И тем не менее на рассвете 19 мая полковник де Голль снова бросает дивизию в наступление, теперь уже на север от Лаона. Де Голль подходит к реке, на другом берегу которой были главные силы немцев с тяжелой артиллерией. Они легко уничтожали французские танки, пытавшиеся подойти к переправам. Без поддержки артиллерии, авиации и пехоты перейти водный рубеж было нельзя. Дивизия де Голля оказалась на фланге танкового корпуса генерала Гудериана, повернувшего после прорыва французского фронта к морю. «В эти минуты, — пишет де Голль, — я не мог не думать, на что способна механизированная армия, о которой я так долго мечтал. Если бы я располагал сейчас такой армией… сразу было бы остановлено продвижение немецких танковых дивизий, их тылы оказались бы охвачены смятением… Однако наши силы в районе севернее Лаона крайне ничтожны».

Судьба столкнула Де Голля почти лицом к лицу с генералом Гудерианом, считавшимся в Германии энтузиастом массового применения танков. Он написал книгу «Внимание, танки!», которая явилась как бы немецким вариантом, впрочем самостоятельным, книги де Голля «За профессиональную армию». А ведь между двумя поклонниками танков могла бы, произойти, своего рода личная дуэль! Увы, как ни мечтал де Голль, такого поединка не получилось. У него была слишком короткая шпага, чтобы помешать Гитлеру вонзить германский меч в самое сердце Франции.

Генерал Гудериан в своих «Мемуарах солдата» пишет: «Мы были информированы о присутствии 4-й бронетанковой дивизии генерала де Голля, который давал о себе знать с 16 мая… Де Голль не уклонялся от боев и с несколькими отдельными танками 19 мая прорвался на расстояние двух километров от моего командного пункта… Я пережил несколько часов неуверенности».

Немецкие танки, самоходные орудия и пехота при поддержке артиллерии и авиации перешли через реку Сер и начали наступать на дивизию де Голля. Во второй половине дня, когда 6-я армия уже успела развернуться, де Голль получил приказ об отступлении. С тяжелыми боями, неся большие потери, он отходит и располагает дивизию на ночь с 19-го на 20-е около Лаона. На другой день он движется дальше к югу, пробиваясь среди наступавших немецких частей.

Действия де Голля в боях под Лаоном не могли, естественно, оказать большого влияния на ход событий. Тем не менее можно констатировать, что в качестве командира дивизии полковник де Голль оказался на высоте положения. Большего достичь было просто невозможно. Очень любопытно свидетельство противника. Немецкий генерал Типпельскирх в своей фундаментальной «Истории второй мировой войны» пишет: «Активные действия войск генерала де Голля в районе Лаона представляли собой единственную попытку выступить с юга навстречу прорвавшимся немецким войскам».

Но после отступления дивизия 22 мая двинулась на запад и вела там новые бои. За пять суток она прошла 180 километров и заняла позиции к юго-востоку от города Абвиля, расположенного на реке Сомме, вблизи побережья Ла-Манша. Опираясь на Абвиль, немцы создавали плацдарм для дальнейшего наступления. Де Голль получил приказ ликвидировать укрепленный район Абвиля. В 6 часов вечера 27 мая дивизия в составе 20 тысяч человек, имея 140 танков и шесть пехотных батальонов, при поддержке шести артиллерийских дивизионов, пошла в атаку. С наступлением ночи был взят первый рубеж обороны противника.

Немцы отступили, бросив большое количество техники и снаряжения. Вместе со своими офицерами генерал де Голль обедал в поспешно оставленном немцами замке Юпи. На столе вместо скатерти было расстелено германское знамя со свастикой. Но эта победоносная обстановка лишь сильнее подчеркивала трагизм ситуации. Все понимали, что достигнут мелкий успех местного значения, являющийся случайностью на мрачном фоне разгрома Франции.

На рассвете 28 мая, в день, когда де Голль был произведен в чин бригадного генерала, 4-я дивизия возобновляет наступление. С правого берега Соммы по войскам де Голля ведет ожесточенный огонь тяжелая артиллерия, их непрерывно бомбит немецкая авиация. Потеряно около сорока танков, много сотен людей. «И несмотря на все, — вспоминает де Голль, — над полем сражения витал дух победы. Каждый высоко держал голову. Даже раненые улыбались. Казалось, что и орудия стреляют весело. В результате упорного боя немцы не выдержали и отступили». Дивизия де Голля отбросила немцев на 5 километров и находилась теперь на расстоянии 7 километров от Абвиля.

29 мая в 4 часа утра генерал де Голль бросает дивизию на штурм высоты Мон-Кобер, господствовавшей над районом Абвиля. Удалось ценой больших потерь занять склоны высоты, но ее гребень по-прежнему оставался в руках немцев. Правда, две их контратаки были успешно отбиты. За три дня тяжелых боев дивизия оттеснила противника на 14 километров. От абвильского плацдарма у немцев осталась одна четверть его прежней площади. Но дивизия понесла страшные потери. В строю оставалось только 34 танка.

В ходе всех этих боев генерал де Голль держался в точном соответствии с теми нормами поведения военачальника, которые он изложил в книге «За профессиональную армию». Это значит, что он не сидел, укрывшись на командном пункте, а непрерывно находился в Центре боя. Не выпуская изо рта сигарету, не склоняясь под огнем, одетый в тужурку рядового танкиста без знаков отличия, он был виден отовсюду. С холодным спокойствием генерал руководил сражением, хорошо сознавая всю его бессмысленность. «Увы! — пишет де Голль в мемуарах. — Удастся ли в этой битве за Францию, думал я тогда, захватить еще что-нибудь, кроме этой полоски земли глубиною в 14 километров?»

1 июня 1940 года де Голль явился в замок Монтри к новому главнокомандующему генералу Вейгану, сменившему отстраненного 20 мая Гамелена. Энергичный маленький генерал с крепко сжатыми тонкими губами, которого де Голль знал еще со

времен польской кампании 1920 года, выглядел озабоченным. Он поздравил де Голля с успехом абвильской операции и спросил его мнение по поводу использования еще оставшихся у французов 1200 современных танков. Де Голль предложил объединить их в две ударные группы, которые смогли бы наносить эффективные удары по наступавшим немцам. Но Вейган не выразил энтузиазма в отношении этого плана. Указав, что против французов действуют в два раза больше дивизий, он заявил, что считает положение безнадежным. Генерал перечислил затем ряд совершенно невыполнимых условий, при которых могли бы быть шансы на успех. «В противном случае!..» — добавил Вейган и замолчал, не желая произносить вслух слово «капитуляция». Но де Голлю и так все стало ясно. В подавленном состоянии он ушел от Вейгана, думая о том, что, назначив главнокомандующим этого человека, никогда не имевшего опыта командования, «пошли на самый отчаянный риск за всю нашу военную историю».

В своих мемуарах де Голль подробно размышляет о недостатках Вейгана как военачальника, об отсутствии у него решительности, самостоятельности, особой страстности и т. п. Ни слова не говорит он только об одном, что в сущности было самым главным: о лютой ненависти Вейгана к народу и его симпатиях к фашизму, о его патологическом страхе перед революцией. Поэтому Вейган предпочитал выдать Францию врагу, но не допустить перехода руководства в борьбе с фашизмом в руки демократических и революционных сил. А это могло быть весьма вероятным ходом событий. Вместе с Петэном, который 18 мая был введен в состав правительства Рейно, Вейган стремился предотвратить их, даже ценой позорной капитуляции и утраты независимости Франции.

5 июня немцы возобновили наступление. Рейно в связи с этим проводит новую перетасовку своего кабинета, в результате которой позиции сторонников прекращения войны еще более укрепляются. Однако изворотливый Рейно хотел на всякий случай иметь в своем кабинете и представителей противоположной тенденции. Поэтому на пост заместителя военного министра был назначен генерал де Голль. Ему сообщил об этом инспектор танковых войск генерал Делестрен, услышавший новость по радио. Получив официальную телеграмму, подтверждавшую назначение, де Голль немедленно выехал в Париж.

Знаменательно, что назначение де Голля на один из незначительных постов в совете министров вызвало, тем не менее, отклики даже в иностранной печати. Крупнейшая английская газета «Тайме» писала: «Наиболее интересным

новшеством г-на Поля Рейно является назначение генерала де Голля, известного в военных кругах своими книгами… Этот человек правых тенденций является сильным теоретиком, пророком массового использования танков. Он обладает ясным и проницательным умом, одновременно воплощая в себе человека действия и мечты».

Была уже ночь, когда, прибыв в столицу, де Голль явился в военное министерство на улице Сен-Доминик, где ночевал премьер-министр. Маленький Рейно в цветной пижаме и огромный де Голль в кожаной форме танкиста беседовали почти до рассвета.

Генерал спросил, почему Петэн, явный сторонник прекращения войны, введен в состав правительства. «Лучше уж иметь его внутри, чем снаружи», — ответил Рейно, повторяя старый софизм Жюля Фавра, сказанный в 1870 году по поводу включения Рошфора в правительство «национальной обороны», оказавшееся вскоре правительством национальной измены. Только последнее в этой аналогии и оказалось верным…

«Боюсь, как бы вам не пришлось изменить точку зрения… — говорил де Голль. — Вам лучше, чем кому-либо, известно, до какой степени в правительственных кругах сильны пораженческие настроения. Это создает благоприятные условия для Петэна…» Новый член правительства предложил свой план продолжения войны, опираясь на североафриканские владения Франции, и выразил готовность заняться разработкой необходимых мероприятий. Рейно согласился и предложил де Голлю как можно скорее отправиться в Лондон, чтобы убедить Черчилля в намерении французского правительства продолжать борьбу любой ценой, даже за пределами метрополии. Де Голлю поручено было также добиваться продолжения участия английской авиации в защите Франции, перевооружения и возвращения на континент английских войск, эвакуированных из Дюнкерка. Других средств усиления борьбы с врагом не предусматривали. Вообще в эти роковые для Франции дни происходило много странного и чудовищного. Сторонников поражения и капитуляции, то есть предателей, включали в правительство, в то время как коммунистов держали в тюрьмах. Чтобы отвлечь внимание от подлинной «пятой колонны», действовавшей в самом правительстве, развернули жестокую травлю коммунистов. А это еще больше подрывало способность Франции к сопротивлению захватчику. Ведь даже в армии каждый десятый солдат был коммунистом. И эти солдаты, не помышляя о капитуляции, умирали за Францию. В то время как правительство уже считало войну проигранной, народ думал иначе. В конце концов до 5

июня немцы заняли лишь самый северный угол страны, примерно одну пятнадцатую часть ее территории, значительно меньше, чем в 1914 году. Трудящиеся Франции справедливо считали, что война еще только начинается. Огромные силы народа еще не были исчерпаны, когда немцы начали наступать на Париж. 6 июня 1940 года руководство подпольной Французской коммунистической партии вручило правительству Рейно свои предложения об организации обороны Парижа путем вооружения народа и превращения Парижа в неприступную крепость. Партия предлагала изменить характер войны, превратив ее в национальную войну за независимость и свободу; освободить коммунистических депутатов и активистов, а также десятки тысяч рабочих, посаженных в тюрьмы или интернированных; немедленно арестовать вражеских агентов, которыми кишит палата, сенат, министерства и даже генеральный штаб. Компартия считала, что эти первые мероприятия вызвали бы народный подъем и позволили бы провести всенародное ополчение.

Рейно утаил от общественности содержание этого патриотического призыва. Его правительство помышляло о другом, хотя сам Рейно, используя де Голля и других патриотически настроенных членов кабинета, делал вид, что он за продолжение войны. В действительности, сохраняя Петэна в правительстве, а Вейгана на посту главнокомандующего, он фактически помогал им хоронить Францию. Они, уже совершенно не стесняясь, говорили о своих намерениях. 8 июня генерал де Голль снова встретился с Вейганом. Вот как он воспроизвел разговор с ним, который «глубоко запечатлелся в его памяти», в своих мемуарах: «Как видите, — сказал мне главнокомандующий, — я не ошибался, когда несколько дней назад говорил вам, что немцы начнут наступление на Сомме б июня. Они действительно наступают. В настоящее время они переходят Сомму. Я не в состоянии им помешать.

— Ну что ж, и пусть переходят. А дальше?

— Дальше последует Сена и Марна.

— Так. А затем?

— Затем? Но ведь это же конец!

— Конец? А весь мир? А наша империя?

Генерал Вейган горестно рассмеялся.

— Империя? Это несерьезно! Что же касается остального мира, то не пройдет и недели после того, как меня разобьют, а Англия уже начнет переговоры с Германией. — И, посмотрев мне прямо в глаза, главнокомандующий добавил: — Ах! Если бы я только был уверен в том, что немцы оставят мне достаточно сил

для поддержания порядка…»

Генерал де Голль, считая бесполезным спорить с Вейганом, заявил, что взгляды командующего не соответствуют планам правительства, которое решило не прекращать борьбы. Вейган на это ничего не ответил и любезно попрощался с де Голлем. Пожалуй, он лучше знал о намерениях правительства. И действительно, когда де Голль после этого разговора предложил Рейно отстранить Вейгана, поскольку он примирился с мыслью о поражении, премьер-министр ответил, что сейчас этого сделать нельзя, но надо подумать о замене…

Де Голль сам не пренебрегал заботой о сохранении «порядка». Однако он считал, что это можно совместить с продолжением войны, которая может только способствовать преодолению противоречий внутри французского общества. «У нас есть народ, — думал де Голль, — который хотя и станет неизбежно жертвой вторжения, но тем не менее, верный своим республиканским принципам, не откажется от сопротивления: тяжкое испытание породит в нем дух единства».

«Могильщики» Франции от Вейгана до Рейно, в разной степени, естественно, были убеждены в опасности продолжения войны для сохранения социальной устойчивости. Де Голль в отличие от них не сомневался, что капитуляция ослабит позицию правящей элиты, подорвет социальную структуру, усилит возмущение народа, породит революционный подъем. Де Голль хорошо знал историю и помнил, что капитуляция перед пруссаками в начале 1871 года способствовала возникновению Коммуны. По мнению де Голля, продолжение войны против захватчика могло возродить в какой-то форме «священное единение» 1914 года.

Де Голль готовит план переброски в Северную Африку всего того, что оставалось у Франции для продолжения войны. Можно было рассчитывать на 500 тысяч солдат, внушительные остатки авиации, даже на несколько сот танков и особенно на военный флот, который насчитывал десятки первоклассных военных кораблей. Для переброски войск и снаряжения у Франции не хватало судов общим водоизмещением 500 тысяч тонн, то есть 50 крупных транспортных судов. Только Англия могла их предоставить.

9 июня генерал де Голль вместе со своим адъютантом Жоффруа де Курселем и начальником дипломатической канцелярии главы правительства Роланом де Маржери прилетел в Лондон. После Франции, охваченной сражениями, паникой, дымом пожарищ, со всей ее трагической обстановкой разгрома, облик воскресного Лондона, еще не затронутого войной, поражал

покоем и безмятежностью. В тот же день де Голля принял премьер-министр Великобритании Черчилль. Это была их первая встреча. В глазах де Голля, делавшего свои первые шаги на большой политической арене, Черчилль выглядел гигантом. Де Голль рассказывал об этой встрече: «Впечатление от нее укрепило мое убеждение в том, что Великобритания, руководимая таким борцом, как он, никогда не покорится. Черчилль показался мне человеком, которому по плечу самые трудные задачи, только бы они были при этом грандиозными… Таковы были мои первые впечатления. Впоследствии они подтвердились».

Позднее де Голлю придется испытать немало тяжких переживаний по воле этого, как говорил де Голль, «великого поборника великого дела и великого деятеля великой истории». И тогда из уст де Голля будут вырываться совсем иные характеристики знаменитого британского государственного деятеля.

Собственно, уже первый контакт де Голля с Черчиллем ничего не дал ему, кроме разочарования. Британский премьер явно скептически отнесся к заверениям о решимости Франции продолжать войну. Он категорически отказался послать ей на помощь основные силы английской авиации. Обещав кое-какие мелочи, Черчилль ясно дал понять, что в данный момент Англия не может вести совместные военные действия с Францией. Таким образом, миссия де Голля не имела успеха, да и не могла его иметь, ибо трудно было ожидать, чтобы Англия бросила свои силы на помощь союзнику, который сам не хотел сражаться.

Вечером того же дня де Голль вернулся в Париж. Аэродром Бурже, на котором приземлился его самолет, только что бомбили немцы. Ночью де Голль был у Поля Рейно и узнал, что немцы непрерывно наступают, а Парижу угрожает окружение. Де Голль, естественно, снова предложил свой план переезда в Северную Африку, но его слушали не очень внимательно. В правительственных кругах Парижа царили замешательство и паника. «…Государственная машина крутилась в обстановке полнейшего хаоса… все это производило впечатление какой-то бессмысленной, никому не нужной фантасмагории… 10 июня наступила предсмертная агония. Правительство должно было выехать из Парижа вечером. Отступление на фронте ускорилось. Италия объявила нам войну. Теперь неизбежность катастрофы не вызывала сомнения. Однако руководителям государства вся эта трагедия казалась тяжелым сном. Временами создавалось впечатление, что падение Франции с высоты исторического величия в глубочайшую бездну сопровождается каким-то демоническим смехом».

10 июня около 6 часов вечера де Голль сидел у Рейно, когда в кабинет премьера буквально ворвался Вейган со словами, что он имеет важное сообщение. После этого он выложил на стол свою записку, смысл которой сводился к тому, что, по его мнению, сражение проиграно и надо капитулировать, иначе Франции угрожает «советизация». «Но ведь есть и другие возможности», — заметил де Голль. Вейган с иронией спросил его: «Вы хотите что-то предложить?» «Правительство не предлагает, а приказывает. И я надеюсь, что оно прикажет», — ответил резко де Голль. Увы, приказывать было некому, ведь де Голль был всего лишь заместителем министра, тогда как премьер Рейно пустил все на самотек.

Шли последние часы пребывания во французской столице французского правительства. Де Голль требовал оборонять столицу и предлагал назначить начальником гарнизона решительного человека. Он назвал кандидатуру генерала Делаттра, недавно отличившегося в боях.

Однако Вейган объявил Париж «открытым городом», а правительство Рейно, согласившись с этим, готовилось бежать. Единственное, что его тревожило, это опасность народных волнений. Поэтому спешили как можно быстрее отдать великий город немцам, чтобы те обеспечили «порядок».

Около полуночи 10 июня де Голль и Рейно сели в машину и выехали из Парижа. Дороги были забиты беженцами и отступавшими войсками. Только на рассвете приехали в Орлеан и из городской префектуры позвонили главнокомандующему, находившемуся в Бриоре. Оказалось, что Вейган срочно просил приехать к нему Черчилля. «Как? — возмутился де Голль, обращаясь к Рейно. — Вы позволяете, чтобы главнокомандующий по собственной инициативе вызывал английского премьер-министра? Разве вы не видите, что генерал Вейган занят отнюдь не осуществлением оперативного плана, а проведением в жизнь политики, которая расходится с политикой вашего правительства? Неужели вы намерены оставить его на прежнем посту?» Рейно согласился и заявил, что он смещает Вейгана и немедленно едет к его преемнику генералу Хюнтцигеру. Но когда подали машину, премьер раздумал ехать и сказал, что лучше де Голлю поехать одному. С большим трудом, двигаясь по забитым дорогам в необычно густом тумане, де Голлю удалось найти Хюнтцигера, получить его согласие и добраться до Бриора, где Рейно ждал Черчилля. Де Голль сообщил премьеру о выполнении своей миссии, но тот дал понять, что теперь он уже не намерен смещать Вейгана…

Выходя от Рейно, де Голль встретился впервые с 1938 года с

маршалом Петэном. «Вы уже генерал! — сказал ему Петэн. — Не могу вас с этим поздравить. К чему при поражении чины?!» «Но ведь и вас же, господин маршал, — ответил де Голль, — произвели в генералы во время отступления 1914 года? А спустя несколько дней мы одержали победу на Марне». «Не вижу ничего общего!» — буркнул Петэн. Действительно, о победе он думал меньше всего.

Прибыл Черчилль, и начались трехчасовые бесполезные переговоры. Вейган требовал прекращения бессмысленного сопротивления. Петэн его решительно поддерживал, а Рейно твердил, что Франция не прекратит борьбы, давая одновременно понять, что он не намерен расставаться с Вейганом и Петэном. Черчилль в ответ на просьбы о помощи заявил, что «если французская армия сможет продержаться до весны 1941 года, то 20–25 английских дивизий будут снова находиться в ее распоряжении». Поскольку судьба Франции решалась в ближайшие дни, то, как заметил Рейно, обещание Черчилля прозвучало подобно предложению умирающему от жажды в центре Сахары подождать дождя. В конечном счете выяснилось, что Черчилля интересует только вопрос о судьбе французского флота и французских колоний после прекращения сопротивления Франции.

Затем все вышли в салон, ожидая, когда накроют стол. В этот момент де Голль подошел к Черчиллю и заговорил с ним. Когда пригласили к столу, Черчилль громогласно объявил, что у него с де Голлем был очень интересный разговор и что генерал должен сесть рядом с ним. Разговор между ними продолжался. О чем же шла речь? Де Голль в своих мемуарах по этому поводу пишет: «Я оказался рядом с Черчиллем. Наш разговор укрепил мое убеждение в том, что это человек непреклонной воли. Черчилль, в свою очередь, несомненно, понял, что обезоруженный де Голль не стал от этого менее решительным».

Последняя загадочная, но вместе с тем многозначительная фраза позволяет в свете последующих событий предполагать, что за обедом в замке Мюге произошел очень важный, быть может исторический, обмен мнениями.

12 июня де Голль провел в замке Бове за разработкой плана эвакуации в Северную Африку. Очутившись впервые за последнее время в уединении, де Голль мог поразмыслить над последними событиями, над тем, что разрабатываемый им план, видимо, и не потребуется. Закончив работу, де Голль отправился в Шиссе, где была резиденция Рейно. Премьер вернулся в 11 часов вечера после заседания совета министров в Канже, на которое — де Голль не был приглашен.

В эти четыре дня, с 10 по 14 июня, никто во Франции толком не знал, где же находится правительство, которое разбрелось по разным замкам Турени, разбросанным в долине Луары на десятки километров друг от друга. Министры пользовались случайными средствами связи, вплоть до уличных автоматов, телефонов в кафе. Часто правительственные машины плутали по незнакомым дорогам. Никакой точной информации министры не получали и не знали о главном, то есть о том, как идут сражения. Вейган лишь дезинформировал правительство своими докладами. Ясно было только, что поражение неминуемо, что вопрос лишь в том, каким путем идти к нему и где спустить флаг Франции. Государственный корабль шел ко дну в кромешной тьме.

Только в 11 часов вечера 12 июня де Голль дождался Рейно, приехавшего вместе с Бодуэном, одним из единомышленников Петэна и Вейгана. Сели ужинать, и де Голль немедленно завел речь о переезде в Северную Африку. Но его собеседники желали говорить только о переезде правительства в Бордо или в Кемпер, в Бретань. Де Голль еще раньше высказывался за Кемпер, ибо поддерживал идею «бретонского бастиона». Дело в том, что немцы все равно должны были занять Бретань и тогда правительству пришлось бы бежать в Англию или Северную Африку, то есть продолжать войну. Но Петэн, Вейган и Бодуэн настаивали на Бордо. Этот вариант означал капитуляцию. Утром 13-го решили ехать в Бордо. Надежды де Голля на продолжение борьбы исчезали у него на глазах.

Он вернулся в замок Бове, и тут ему позвонили и сообщили, что через некоторое время в Туре в здании префектуры состоится новое совещание между Рейно и Черчиллем, который снова прилетит во Францию. Почему Рейно, с которым он провел несколько часов, умолчал об этом, хотя связи с Англией были в непосредственном ведении де Голля? Он немедленно выехал в Тур.

Де Голль прибыл как раз в тот момент, когда французские министры ждали ответа на свой вопрос о том, согласна ли Англия освободить Францию от обязательства не заключать сепаратного перемирия. И вот английские министры вошли, Черчилль опустился в кресло, и наступила минута тяжелого молчания. Британский премьер, как всегда с сигарой в зубах, медленно и грустно заговорил по-французски о том, что он понимает положение Франции, что Англия в любом случае не прекратит борьбы, даже если останется одна. Но условием своего согласия на сепаратное перемирие он поставил категорическое требование: не передавать французский флот немцам. Ему немедленно обещали это…

Совершенно подавленный де Голль возвратился в Бове. Ясно, что правительство идет к капитуляции. Де Голль решил направить Рейно просьбу об отставке. В этот момент его вызвал министр внутренних дел Жорж Мандель, которого предупредили о намерении генерала де Голля. Этот бывший сотрудник Клемансо был сторонником продолжения войны, и он в крайне серьезном тоне советовал де Голлю подождать, ибо события еще могут принять неожиданный оборот. «Во всяком случае, — говорил Мандель, — мировая война только начинается. Вам, генерал, еще предстоит выполнить большие задачи. Причем среди всех нас вы имеете преимущество человека с безукоризненной репутацией. Стремитесь лишь к тому, чтобы действовать в интересах Франции, и помните, что, если к этому представится случай, ваша нынешняя должность сможет вам многое облегчить».

Генерал де Голль решил подождать с отставкой, ибо то, что говорил опытный и умный политик, подтверждало правильность его собственных намерений и планов. До сих пор де Голль, несмотря на свой довольно скромный пост в кабинете, упорно пытался оказать влияние на события, добиваясь от Рейно продолжения борьбы, отказа от курса на капитуляцию, которой добивались Вейган и Петэн. Теперь уже не было сомнений в неудаче его усилий. Но он продолжает действовать с еще большей целеустремленностью и, что особенно важно, с большей самостоятельностью. Теперь он уже ни на кого не рассчитывает. Он надеется на себя.

14 июня 1940 года де Голль, по примеру других членов правительства, едет, вернее пробирается с трудом, по забитым дорогам в Бордо. Как раз в это время военный губернатор Парижа Денц по приказу правительства сдает столицу немцам. Главное — обеспечить порядок. Жителям с утра 14 июня в течение 48 часов запрещено выходить из своих домов, пока немецкие войска не закончат оккупацию города. Начинается парадное прохождение победителей по центру города. У Триумфальной арки фашистские генералы принимают парад отличившихся частей вермахта. Над палатой депутатов, сенатом, министерствами, Ратушей, над Триумфальной аркой и могилой Неизвестного солдата подняты огромные флаги со свастикой…

На боевом корабле

Вечером 14-го де Голль добирается до Бордо, где Царила чудовищная неразбериха, усиливаемая бомбежками немецкой авиации. Генерал заявляет Полю Рейно: «Если вы останетесь здесь, то вас захлестнет волна поражения. Необходимо как можно скорее эвакуироваться в Алжир. Готовы вы к этому или нет?» «Да!» — говорит Рейно. «В таком случае я лично должен срочно направиться в Лондон, чтобы договориться с англичанами о… транспортировке. Я отправляюсь туда завтра. Где я найду вас по возвращении?» «В Алжире», — отвечает премьер, продолжая шахматную игру на двух досках. А де Голль? Он уже явно не верит ни одному слову Рейне… Решено, что де Голль выедет в Бретань, чтобы выяснить состояние средств переправы, а оттуда в Англию.

Перед отъездом де Голль вместе с адъютантом наспех обедает в ресторане отеля «Сплендид». Здесь он последний раз видит Петэна и молча приветствует его. В ответ маршал, не говоря ни слова, пожимает руку де Голлю. Ночью, по дороге в Бретань, де Голль размышляет о судьбе маршала, которого некогда он так высоко ценил. Ему приходит на ум аналогия: Петэн поступает точно так, как действовал Тьер, который после поражения Франции в 1870 году с помощью пруссаков расправился с Коммуной. Главная причина роковой судьбы 84-летнего маршала, по мнению де Голля, в том, что годы подточили его: «Старость — это крушение. И раз уж нам суждено было испить чашу до дна, старость маршала Петэна должна была символизировать крушение Франции».

В Бретани де Голль встречается с префектами, адмиралами, генералами и выясняет возможности обороны этого района и условия для эвакуации морем. Затем он едет в Карантек, где находилась его семья: жена, сын Филипп, дочери Элизабет и Анна. Он провел с ними лишь несколько минут и сказал мадам де Голль: «Дела очень плохи. Я отправляюсь в Лондон, возможно, мы будем продолжать борьбу в Африке. Однако, я думаю, более вероятно, что все рухнет. Я предупреждаю вас, чтобы вы были готовы уехать по первому сигналу».

Во второй половине дня де Голль уже на борту миноносца «Милан», который должен доставить его в Плимут. В море вышли ночью. Де Голль молча стоял на мостике рядом с командиром и вдруг задал удивленному моряку странный вопрос: «Вы согласились бы сражаться под британским флагом?»

16 июня де Голль прибыл в Лондон и остановился в гостинице «Гайдпарк». Скоро пришли Корбэн, посол Франции в Лондоне, и Жан Моннэ, коньячный фабрикант, миллионер и инициатор всевозможных проектов совместной международной деятельности банков и крупнейших фирм. Утром этого дня де Голль принимает первое самостоятельное решение без ведома правительства. Из Америки в Бордо шел пароход «Пастер» с грузом оружия. Генерал де Голль приказал изменить маршрут судна и направить его в один из британских портов.

Затем Жан Моннэ изложил ему свой проект слияния Англии и Франции в одно государство с общим правительством, парламентом, гражданством, армией, флотом и т. п. Трудно было вообразить что-либо более противоречащее взглядам де Голля на нацию как высшую ценность. Но поразмыслив, де Голль решил предложить фантастический план Черчиллю, чтобы тот официально выдвинул его. Де Голль сделал это во время завтрака с Черчиллем в «Карлтон Клаб». Британский премьер согласился, хотя не верил в эту затею. А вдруг? Англия приобрела бы тогда одним махом огромные французские колонии и флот, поскольку оккупированная немцами Франция их не удержит.

Вечером де Голль, находясь на Даунинг-стрит, в резиденции премьера, по телефону диктует Рейно грандиозное британское предложение, которое тот должен передать на рассмотрение французского совета министров. Де Голль объяснял все это впоследствии как попытку оказать моральную поддержку Рейно, помочь ему продолжать войну. Объяснение, по меньшей мере, странное, ибо правительство Рейно встало перед дилеммой: либо принять английское предложение, то есть отдать все Англии — колонии, флот, даже флаг Франции (территория метрополии при этом, естественно, будет оккупирована немцами), либо принять

предложение Петэна и Вейгана о перемирии, в результате которого Франция сохранит формально самостоятельное существование, колонии, даже основную часть территории метрополии. Ясно, что условия второй капитуляции даже легче! «Моральная поддержка» резко усилила шансы Вейгана и Петэна.

Между тем многое по-прежнему оставалось неясным. Конечно, уже существовала принципиальная договоренность с Черчиллем о том, что де Голль в случае капитуляции Франции останется в Англии. Позднее генерал признался в одном интервью, что между ним и британским премьером «согласие было достигнуто сразу, сначала в Лондоне, затем в Бриоре и после в Туре». Но ничего нельзя было предпринять, не зная намерений правительства Рейно. Вдруг он все же надумает уехать в Лондон, как он обещал? Приходилось снова лететь в Бордо.

В половине десятого вечера самолет приземлился на аэродроме «Мариньяк» в Бордо. Де Голля встретили два сотрудника его канцелярии и тут же сообщили ему об отставке Поля Рейно и о поручении маршалу Петэну сформировать правительство. Многое прояснилось, но необходимо еще было встретиться с Рейно и получить документы для выезда семьи.

Поль Рейно, который избавился от ответственности, пустив по ветру независимость, честь, достояние Франции, произвел на де Голля впечатление человека, почувствовавшего облегчение. Тем проще было де Голлю сообщить Рейно о своем решении уехать (вернее, бежать) в Лондон. Бывший премьер, которому уже нечего было терять, пока еще не передал своих полномочий Петэну, и он охотно выдал де Голлю 100 тысяч франков из секретных фондов. В Карантек семье де Голль немедленно выслал документы, необходимые для отъезда в Англию.

После разговора с Рейно де Голль встретился в отеле «Монтре» с английским послом Кэмпбеллом и генералом Спирсом. Де Голль сообщил послу, что он немедленно летит в Лондон. Вмешался Спирс и заявил, что самолет, на котором де Голль прилетел в Бордо, может быть использован только с его ведома. Де Голль вспоминал впоследствии: «Он хотел изобразить дело так, что самолет прибыл к нему… Это была наглая ложь». Пришлось звонить Черчиллю. В конце концов вылет назначили на утро следующего дня.

Спирс был руководителем Интеллидженс сервис во Франции, и ему Черчилль поручил подобрать и перебросить в Англию политического деятеля, которого можно было бы использовать как руководителя эмигрантского правительства свободной Франции. Он, естественно, уже знал о намерениях де Голля. Но эта кандидатура не нравилась Спирсу, ибо он считал де Голля

недостаточно авторитетным и предвидел трудности, которые возникнут из-за слишком претенциозного поведения генерала. Держа де Голля в резерве, Спирс искал более солидную кандидатуру. Поэтому, когда де Голль, после разговора с Рейно, потребовал немедленного отлета, Спирс под разными предлогами постарался задержаться в Бордо. Он настоял на том, что вылет состоится только на другой день. Ночью Спирс отправился к министру внутренних дел Жоржу Манделю, активному противнику перемирия. Он горячо уговаривал его лететь в Лондон. Мандель соглашался в принципе, но не хотел, чтобы его отъезд походил на бегство, и обещал добраться до Англии самостоятельно через несколько дней.

Что касается де Голля, то ему предстояло провести в Бордо целую тревожную ночь. Необходимо было соблюдать крайнюю осторожность, ибо Петэн и Вейган, уже получившие власть, вряд ли отпустили бы его в Лондон. Опасаясь ареста, он даже думал ночевать на борту английского крейсера. В полночь он появился в университете, где разместилась его канцелярия. Де Голль не спал всю ночь, напряженно обдумывая свое решение. Он шел на полный разрыв с прошлым и собирался действовать наперекор традициям и нормам, обычным для людей его происхождения и среды. Ведь завтра его назовут перебежчиком, дезертиром, бунтовщиком. Но он надеялся на историю: она произнесет окончательный приговор. Все зависит от того, кто победит в мировой войне. Он был уверен в неизбежности поражения Германии и победы Англии, к которой наверняка присоединятся Америка и Россия… В ночных сумерках де Голль стоял между колоннами префектуры Бордо с одним из своих сотрудников. Неожиданно, как бы разговаривая сам с собой, он уверенно произнес: «Все совершенно ясно, немцы проиграли войну. Надо возобновить битву».

Наконец наступило утро. Де Голль с лейтенантом Курселем и английским генералом Спирсом прибыли на аэродром. Последние напряженные минуты на французской земле. Но вот самолет в воздухе. Стоило де Голлю задержаться еще на несколько часов, и его судьба могла бы быть иной. Вейган, получив власть военного министра, первым делом спросил, где де Голль. Он пришел в ярость, когда узнал, что генерал улетел в Лондон. Вейган приказал арестовать его, но самолет уже пересек Ла-Манш.

«Мы пролетели над Ла-Рошелью и Рошфором, — вспоминал де Голль. — В этих портах горели суда, подожженные немецкими самолетами. Мы прошли над Пемпоном, где находилась моя тяжело больная мать. Лес был окутан дымом: это горели

взорвавшиеся склады боеприпасов. Сделав остановку на острове Джерси, после полудня мы прибыли в Лондон… Я, одинокий и лишенный всего, чувствовал себя в положении человека на берегу океана, через который он пытается перебраться вплавь».

18 июня

Де Голль прилетел в Лондон через два часа после того, как радио передало из Бордо выступление маршала Петэна: «С болью в сердце я говорю вам сегодня о том, что надо прекратить борьбу. Сегодня ночью я обратился к противнику, для того чтобы запросить его, готов ли он искать вместе со мною как солдат с солдатом, после борьбы и сохраняя честь, средства положить конец военным действиям».

Это была самая позорная в истории Франции капитуляция. Одряхлевший маршал, который, как с восторгом свидетельствовали его поклонники, сохранял в течение нескольких часов в день, особенно утром, «совершенно ясный ум», призвал бросить оружие и бежать с поля битвы в то время, когда враг наступал и с ним еще не было заключено никакого соглашения об условиях прекращения огня. Этот старец однажды сказал Лавалю: «По-настоящему я любил в жизни две вещи: пехоту и любовные утехи». Не удивительно, что он так легко бросал Францию под ноги Гитлеру, писавшему в «Майн кампф», что «Франция должна быть уничтожена».

Если до этого де Голль и мог испытывать какие-то колебания, то теперь для них не оставалось места. Он окончательно утвердился в своем решении отвергнуть принцип дисциплины, повиновения, почтения к законной иерархии, то есть все то, что служило основой прочности, незыблемости французского государства. Де Голль следовал велению своей совести, говорившей ему, что все это отныне превратилось в фикцию. Если раньше он видел выполнение долга в подчинении людям, являвшимся носителями власти государства, то теперь своим долгом он считал отказ от этого подчинения. Человек, который с юных лет полагал, что «смысл жизни состоит в том, чтобы свершить во имя Франции выдающийся подвиг», который верил, что наступит день, когда ему «представится такая возможность», дождался своего часа на пятидесятом году жизни. Он оказался единственным французским генералом, единственным членом последнего законного правительства, который открыто, решительно, бесповоротно осудил предательство и стал бороться против него.

Никакая самая пристрастная критика де Голля, никакой самый критический анализ его действий и их мотивов не могут заслонить того факта, что для человека его происхождения, воспитания, среды и свойственных ей предрассудков он совершил выдающийся подвиг, который сразу превратил его в личность, из

ряда вон выходящую. При этом он, конечно, не отрекался от своего класса, от своей социальной среды, от ее интересов. Нет, он лишь проявил исключительно глубокое и дальновидное понимание этих интересов. Он также нашел форму их соединения с национальными интересами, тогда как глубоко родственные ему по природе, по духу люди ради сохранения своего классового господства в замешательстве совершенно порвали с ними. Тем самым они создали еще большую угрозу своему господству.

Глубинная сущность поведения де Голля заслонялась сложнейшей путаницей обстоятельств, случайностей, расчетов, противоречий. Практически, в своем повседневном облике его действия чаще всего были не очень-то близки к тем возвышенно романтическим фразам, в которые он облекал их в своих речах, а впоследствии в «Военных мемуарах». В них гораздо легче обнаружить холодный расчет, цинизм, интригу, личные притязания, компромиссы отнюдь не принципиального характера, а главное — классовую пристрастность. Тем не менее деятельность де Голля в глазах большинства французского народа выглядела на фоне глубочайшего морального падения Виши своеобразной реабилитацией класса, представителем которого он был. Она создала де Голлю возможность небывалого взлета, принесла ему исключительный авторитет и влияние. Но это не пришло к нему само по себе. Он должен был проявить много личного мужества, терпения, выдержки, напряжения, упорства, целеустремленности. Та самоуверенность, с которой он решительно взял в свои одинокие руки национальное знамя Франции, многим показалась вначале какой-то нелепой трагикомедией. Но она приобрела совсем иное значение, после того как он сумел пронести его сквозь ураган борьбы, трудностей, препятствий, непонимания и вражды.

Для роли, которую он избрал, Шарль де Голль был подготовлен всеми особенностями своей личности и своей биографии: от первых проявлений мальчишеской самоуверенности и наивной веры в свою «счастливую звезду» до глубокого убеждения в своей способности быть человеком действия, портрет которого он нарисовал в книге «На острие шпаги», утверждался своеобразный и сильный характер. Он выражался в многолетней борьбе против господства официальной военной доктрины, в отказе от примитивного конформизма, от банальной карьеры, в способности презреть преходящие личные успехи ради туманной возможности продвижения к вершинам власти и действия. Такие личные качества, как расчетливая смелость, широта взглядов, уверенность в себе, холодный, трезвый ум в сочетании с экзальтированной страстью к великому

действию, сделали его исключительно пригодным для исполнения роли выразителя интересов буржуазной Франции в один из самых критических моментов ее истории. Это сумел уловить своим изощренным умом и редкостным чутьем такой выдающийся руководитель и вождь британского империализма, каким был Уинстон Черчилль. Он сказал о де Голле во время встречи в Туре: «Вот коннетабль Франции!» Он пренебрег мнением чиновников из Форин оффис и Интеллидженс сервис, которые встретили де Голля отнюдь не с распростертыми объятиями. Они не хотели обострять отношений с правительством Бордо и считали, что если уж создавать французское правительство в изгнании, то из более солидного материала. Ведь они привыкли иметь дело с «законными» эмигрантскими правительствами, которых много собралось в лондонских отелях. Безвестный генерал с весьма странными манерами совсем не напоминал им любезных французских министров обычного типа. Они предпочитали более покладистых партнеров. Значительно выше котировались кандидатуры Манделя, Рейно, Даладье, французского губернатора в Марокко Ногеса, адмирала Дарлана и других.

18 июня 1940 г. у микрофона лондонского радио

Судьба избавила де Голля от соперников. Разные причины помешали кому-либо из крупных французских деятелей прибыть в Лондон, а большинство их просто-напросто уверовали в неизбежность победы Гитлера. Всем им не хватало решительности, не говоря уже об авантюрно-романтической

наклонности к рискованным экспериментам. Они были слишком беспринципны, чтобы Действовать ради принципов, и слишком недальновидны, чтобы видеть перспективу событий. Привыкшие к «нормальной» политической деятельности, они были трусливы. А здесь предстояло нечто исключительное, и малейший элемент косности, рутины грозил свести на нет усилия по созданию иной, независимой Франции в противовес Франции Петэна.

Черчилль, в отличие от своих чиновников, хорошо понял, какой находкой для британской политики является де Голль с его незапятнанной репутацией. В то время как Спирс продолжал рассматривать де Голля в качестве своего рода квартирмейстера правительства Манделя-Рейно, Черчилль считал возможным для пробы дать де Голлю самостоятельную роль. Во второй половине дня 17 июня 1940 года он принял де Голля на Даунинг-стрит и разрешил ему поднять боевое знамя, используя для этого мощные радиопередатчики Би-Би-Си.

Утром 18 июня 1940 года де Голль написал текст своего выступления. А в 8 часов вечера он сидел перед микрофоном и читал свое обращение, написанное на двух страницах мелким размашистым почерком. Сначала его голос звучал глухо, хотя и твердо, затем несколько нерешительно и нервно, но от начала до конца странно ритмично и грозно:

«Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство. Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу… Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!.. Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока!.. Эта война не ограничивается лишь многострадальной территорией нашей страны. Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война… И хотя мы сейчас подавлены механизированными силами, в будущем мы сможем одержать победу при помощи превосходящих механизированных сил… Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории… к инженерам и рабочим, к специалистам по производству вооружения… с призывом установить контакт со мной. Что бы ни произошло, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет».

Легендарный призыв 18 июня 1940 года служит важнейшим рубежом в биографии де Голля. Он завершает карьеру офицера и начинает жизнь государственного деятеля. «По мере того как в

микрофон летели слова, от которых уже нельзя было отречься, — вспоминал де Голль, — я чувствовал, что я заканчиваю одну жизнь, ту, которую я вел в условиях твердо стоящей на ногах Франции и единой армии. В 49 лет я вступил в неизвестность, как человек, которому судьба указывала необычный путь».

Очень мало французов услышали выступление де Голля. Своим содержанием оно не походило на политическую программу и все свое значение приобрело задним числом из-за последовавших затем событий. Призыв, обращенный только к французам, находившимся в Англии, не звал к чему-либо население самой Франции, ему оставалось ждать развития мировой войны и надеяться. Де Голль едва затронул причины разгрома Франции и почти обошел молчанием политику правительства Петэна. Все это можно понять, поскольку в тот самый момент, когда передавалось выступление де Голля, еще только начинались переговоры о перемирии. Неопределенность Положения Франции и самого де Голля отразилась в этой краткой пятиминутной речи. Главное ее значение заключалось в том, что нашелся человек, который на французском языке сказал французам, что судьба их родины еще не решена. В рукописи призыва 18 июня содержалась фраза: «Франция проиграла сражение. Но она не проиграла войну». Де Голль почему-то не прочитал ее перед микрофоном, и она появилась лишь в тексте обращения, напечатанного в виде листовки, расклеенной на стенах домов английской столицы, а затем посыпавшейся с самолетов на французскую землю. А между тем именно эта фраза особенно ярко выражала суть дела. Во всяком случае, впервые прозвучало слово «Сопротивление». И хотя это было лишь слово и притом в очень специфическом понимании, оно выразило смысл, который вскоре начинает приобретать само существование Франции и ее народа.

A TOUS LES FRANÇAIS

La France a perdu une bataille!
Mais la France n'a pas perdu la guerre!

Des gouvernants de rencontre ont pu capituler, cédant à la panique, oubliant l'honneur, livrant le pays à la servitude. Cependant, rien n'est perdu!

Rien n'est perdu, parce que cette guerre est une guerre mondiale. Dans l'univers libre, des forces immenses n'ont pas encore donné. Un jour, ces forces écraseront l'ennemi. Il faut que la France, ce jour-là, soit présente à la victoire. Alors, elle retrouvera sa liberté et sa grandeur. Tel est mon but, mon seul but!

Voilà pourquoi je convie tous les Français, où qu'ils se trouvent, à s'unir à moi dans l'action, dans le sacrifice et dans l'espérance.

Notre patrie est en péril de mort.
Luttons tous pour la sauver!

VIVE LA FRANCE!

JUIN 1940 GÉNÉRAL DE GAULLE

Листовка с текстом призыва Шарля де Голля. 18 июня 1940 г.

Уже во втором выступлении, 19 июня, де Голль поясняет свои намерения и обращается с более точным и более широким призывом. «Перед лицом охватившего французов смятения умов, перед фактом ликвидации правительства, ставшего прислужником врага, и ввиду невозможности восстановить действие наших институтов я, генерал де Голль, французский солдат и командир, с полным сознанием долга говорю от имени Франции.

От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение Сопротивления.

Сдача оружия, оставление участка фронта, согласие на передачу какой бы то ни было части французской земли под

власть противника будут преступлением против родины.

Солдаты Франции, где бы вы ни находились, подымайтесь на борьбу!»

22 июня, когда де Голль уже узнал об унизительных условиях перемирия, он формулирует свои принципы Сопротивления: «Большинство французов не согласны на капитуляцию и порабощение, исходя из принципов, которые называются: честь, здравый смысл и интересы родины. Я говорю честь, ибо Франция обязалась не прекращать борьбы без согласия союзников… Я говорю здравый смысл, ибо абсурдно считать борьбу проигранной… Я говорю о высших интересах родины, ибо это война не только франко-германская, которая может решиться одним сражением. Это мировая война…»

24 июня он торжественно обещает, что придет день, когда французская армия вместе с союзниками вернет родине величие…

Итак, кое-что сказано гораздо яснее. Де Голль призывает к борьбе французских солдат, где бы они ни находились. Он обвиняет правительство Петэна в предательстве. И все это украшено пышным орнаментом волнующих, величественных, но все же туманных слов: честь, родина, величие, долг и т. п.

Де Голль часто упоминает о себе, уверенно, твердо говоря от имени Франции. Призыв объединяться вокруг него самого высказывается с каким-то эпическим пафосом и очень напоминает возгласы коннетаблей и полководцев феодальных времен, которые вели в бой своих вассалов и солдат с криком; «За мной, за Валуа!», «За мной, за Шатийоном!» Эти исторически точные формулы сменились затем, по мере укрепления абсолютизма, призывом: «За короля!» Де Голль не видит посредников между собой и Францией, собственно, он отождествляет себя с ней.

Такой необычный тон резко контрастирует с напускной скромностью современных де Голлю политических деятелей, считавших правилом хорошего тона изображать себя слугой нации. Обычно за этими ужимками скрывается непомерное тщеславие выскочки. Генерал де Голль не опускается до подобного лицемерия и демонстративно наделяет себя функциями вождя и повелителя, получившего полномочия от судьбы, провидения! Такая манера не могла не шокировать, особенно в те дни, когда долговязый французский генерал ходил по лондонским улицам и на него никто не обращал внимания. Слишком много там было полководцев, президентов и королей в изгнании, носивших гораздо более известные имена.

Но этот человек, ездивший нередко в мрачной и темной

лондонской подземке, зажатый в давке переполненных вагонов, сохранял непоколебимое сознание своей особой исторической миссии. Очень много написано о так называемом «патологическом честолюбии» де Голля, о его откровенных претензиях на исключительное место в истории. Эта черта генерала чаще всего осуждается и высмеивается. Однако случай де Голля таков, что он заставляет прислушаться к характеристике честолюбия выдающегося человека, которую дает Томас Карлейль в пресловутой книге «Герои, почитание героев и героическое в истории»: «В каждом человеке заложено неискоренимое стремление высказываться в полную меру сил, данных ему природой; стремление высказывать вовне и осуществлять вовне все, чем наделила его природа. Стремление справедливое, естественное, неизбежное; мало того, это обязанность, даже сущность всех вообще обязанностей человека. Весь смысл человеческой жизни здесь, на земле, можно сказать, состоит в том, чтобы развивать свое „я“, делать то, к чему человек чувствует себя пригодным. Таков основной закон нашего существования, сама необходимость… Поэтому мы скажем: чтобы решить вопрос о честолюбии, решить, низменное ли честолюбие говорит в человеке или нет, необходимо принять в расчет два условия — не только вожделение, подталкивающее человека добиваться известного положения, но также и его способность действительно занимать это положение. В этом весь вопрос. Быть может, положение, которого человек ищет, принадлежит действительно ему; быть может, он не только вправе, но даже обязан искать его».

Но как же совместить притязания де Голля на единоличное руководство Сопротивлением с его обращениями к крупным политическим и военным деятелям, которым он предлагал возглавить борьбу?

Был ли он искренним? Споры по этому поводу не прекращаются, и можно с уверенностью сказать, что, приветствуя появление в Лондоне «любого французского деятеля, пожелавшего возглавить постоянное французское движение Сопротивления», де Голль не упустил бы возможности в соревновании с ним показать, кто чего стоит. Не нашлось, однако, ни одного претендента на руководство движением, которого еще не существовало. Де Голль пока оставался со своим верным лейтенантом Курселем, с крайне ограниченным запасом английских слов и с поддержкой только одного англичанина. Правда, имя его — Уинстон Черчилль. А это значило, что на него можно положиться только в той степени, в какой он считал генерала де Голля пригодным для достижения целей большой

политики правительства Его Величества короля Великобритании…

В Лондоне де Голль сначала поселился в небольшой трехкомнатной квартире на Сеймор-плас, недалеко от Гайд-парка. 19 июня приехала мадам де Голль с детьми и гувернанткой Маргаритой Потель. Им удалось отплыть из Бреста на последнем английском пароходе. Стоявшее рядом польское судно было потоплено на их глазах немецкими самолетами. Первое время семья жила в Лондоне, но это было очень неудобно из-за больной Анны. В свои 12 лет она с трудом ходила и сохранила ум и речь трехлетнего ребенка. В кругу семьи несчастная девочка чувствовала себя прекрасно, но ее надо было оберегать от посторонних. Поэтому сразу в пригороде сняли коттедж. Здесь генерал проводил все воскресенья, подолгу играя с больной дочкой, заливавшейся радостным младенческим смехом, слушая пение отца, тянувшего заунывным басом старинную песенку: «В моей табакерке добрый табачок!»

Сын Филипп вскоре поступил в морскую школу, а дочь Элизабет — на курсы медицинских сестер. Все рабочие дни недели де Голль проводил в Лондоне. Он снимал номер в отеле «Коннэт». Это был пансион в духе старой Англии, где обычно жили пасторы и чопорные старые девы. Здесь, в мрачной комнате, де Голль писал свои речи и перечитывал классиков, прислушиваясь к разрывам немецких бомб и стрельбе зенитных орудий. Осенью 1940 года шла воздушная «битва за Англию». По субботам де Голль ехал в автобусе за город, к семье. Он не знал никакой светской жизни, никаких развлечений, театров, клубов и т. п. Кроме необходимых для его дела контактов, де Голль не имел никаких связей и вел крайне замкнутый образ жизни.

Мать его осталась во Франции. Она жила в Бретани, в Пемпоне, поскольку там служил, охраняя военный склад, старший брат генерала Ксавье. Когда он попал в плен к немцам, мать осталась с дочерью брата Женевьевой де Голль, впоследствии отправленной немцами в лагерь Равенсбрюк. Мать узнала о выступлении сына 18 июня от сельского кюре, который слушал лондонское радио. Старушка сказала при этом: «Так должно и быть, я узнаю Шарля, это именно то, что он должен делать». Де Голль рассказывал: «Она умерла через несколько недель, говоря, что возлагает свои упования на успех моего предприятия». Мать скончалась 16 июля 1940 года, и де Голлю скоро прислали фотоснимок ее покрытой цветами могилы. Между прочим, генерал при всей своей холодной отчужденности проявлял порой неожиданную и странную для него чувствительность. Он был очень растроган, например, когда,

после сообщения в газетах о том, что суд Виши приговорил его к смертной казни и конфискации имущества, десяток вдов прислали ему свои обручальные кольца, чтобы золото пошло на поддержку его дела…

А это дело подвигалось туго. Де Голль, по его собственным словам, оказался перед лицом «почти всеобщего отказа крупных французских деятелей присоединиться» к нему. Французский посол в Лондоне Корбэн сказал, что он слишком стар для этого. Жан Моннэ, автор проекта слияния Англии и Франции, неожиданно проникся заботой о независимости и заявил, что ничего нельзя делать под покровительством Англии. Крупный финансист и политический деятель Рене Мейер сообщил о своем намерении вернуться во Францию, чтобы разделить судьбу своих еврейских единоверцев. Писатель Андрэ Моруа, журналисты де Керилис и Анри Боннэ сказали, что они будут полезнее в США. В результате де Голлю пришлось отложить создание Французского национального комитета, о чем он слишком поспешно объявил.

Свою безоговорочную поддержку де Голлю предложил Пьер Кот, крупный деятель партии радикалов, последовательный антифашист, бывший министр правительства Народного фронта. «Пьер Кот, — пишет де Голль, — потрясенный событиями, умолял меня использовать его на какой угодно работе, „хоть подметать лестницу“. Но его взгляды были достаточно известны, чтобы его было возможно использовать». Этим весьма знаменательным жестом де Голль сразу резко подчеркнул свой правый политический курс. В борьбе с фашизмом он отказался использовать поддержку наиболее последовательных противников фашизма.

История организации, которую создавал де Голль в Лондоне, в тесном помещении Стефенс-хауз на набережной Темзы, где стояло лишь несколько столов и стульев, очень запутанна и противоречива. Вокруг этой истории возникло немало легенд. Согласно одной из них, первым, кто явился на призыв де Голля, был рабочий одного французского автомобильного завода. Имя его не называется в многочисленных исторических сочинениях о зарождении «Свободной Франции». Зато есть точные сведения о первых, малоизвестных тогда сотрудниках де Голля, причем сведения очень любопытные. Дело в том, что их политические и социальные физиономии в миниатюрной форме странным образом напоминали социальные портреты коллаборационистов из Виши.

Однако здесь нет ничего странного, если иметь в виду социальное происхождение и духовное формирование самого вождя «Свободной Франции». Во всяком случае, это ничуть не

более удивительно, чем то обстоятельство, что главным идеологом Виши стал теоретик «интегрального национализма» Шарль Моррас, многие идеи которого были так близки де Голлю. Именно Моррас объявил разгром Франции «божественным сюрпризом». В идеологическом арсенале Виши нашлось место для Жанны д'Арк, для Мориса Барреса и Шарля Пеги. Правда, не для Бергсона, ведь он был евреем. Псевдонационалистическая идеология Виши была чудовищным, противоестественным извращением идей самого де Голля. — У него-то в вопросах патриотизма слова не расходились с делами. Но, как бы опасаясь, что в соперничестве с Виши движение де Голля могут принять за чужеродное Франции явление, он стремился окружить себя людьми из старой политической обоймы Третьей республики, разложившейся еще до ее официальной ликвидации.

Правда, по мере того как стала проясняться демократическая, революционная природа движения Сопротивления в самой Франции, лондонская «Свободная Франция» стала леветь. Здесь появились видные социалисты, а в конце концов даже и коммунисты. Но это была позднейшая ветвь, привитая к деголлевскому дереву, к которому она так и не приросла. Корни же его уходили в почву иного характера.

Среди первоначального лондонского окружения де Голля можно встретить немало честных, искренних патриотов. Но погоду делали люди совершенно определенного социального и политического облика, которые все вместе как бы воспроизводили структуру правящей верхушки прежней, довоенной Франции, воплощали преемственность лондонского Сопротивления с системой Третьей республики.

Непосредственным представителем старого режима был Гастон Палевский, который занимался политическими делами «Свободной Франции». Этот сорокалетний щегольски одетый господин был старым знакомым де Голля. Бывший начальник кабинета Поля Рейно, это он представил в 1934 году подполковника своему шефу. Подобно ему, этот отпрыск солидной буржуазной семьи был тесно связан с финансовыми кругами и имел давние и прочные знакомства в Лондоне. Анри Деваврен, взявший своим псевдонимом название парижской станции метро Пасси, олицетворял довоенные фашистские организации, поскольку он некогда состоял в террористических отрядах кагуляров, получавших деньги и оружие от немецких и итальянских фашистов. Он происходил из семьи текстильных фабрикантов севера Франции, среди его родственников были владельцы банков. Он примкнул к де Голлю будучи капитаном и вскоре стал полковником, возглавив Центральное бюро

осведомления и действия (БСРА), в руках которого оказалась вся оперативная деятельность «Свободной Франции».

Католическая церковь также имела своих людей в «Свободной Франции», хотя ее официальная иерархия безоговорочно поддерживала режим Петэна. Опорой католиков был морской штаб де Голля. Тогда капитан III ранга, а впоследствии адмирал, Тьери д'Аржанлье выступал ревностным поборником апостольской римско-католической церкви. Этот бывший монах (в монашестве отец Людовик) возил с собой походный алтарь. По его предложению эмблемой «Свободной Франции» стал Лотарингский крест, средневековый христианский и геральдический символ. Будущий адмирал Обуано представлял орден доминиканцев. Морис Шуман, занимавшийся в Лондоне информацией, был связан с левыми католическими организациями.

Естественно, что особенно широко оказался представленным офицерский корпус французской армии. Пожалуй, одним из самых крупных лиц, присоединившихся к де Голлю с самого начала, был губернатор Индокитая генерал Катру, который некогда вместе с де Голлем находился в плену в Ингольштадте. Интересно, что англичане, воспользовавшись отъездом де Голля в Африку в сентябре 1940 года, предложили Катру занять его место. Бригадного генерала с неутвержденным званием хотели заменить генералом армии, обладавшим, в отличие от де Голля, покладистым характером. Но Катру отказался и сам рассказал де Голлю об этой истории. Среди крупных военных оказался также адмирал Мюзелье, присоединившийся к де Голлю из-за конфликта с вишистским командующим флотом адмиралом Дарланом. Примкнулг к де Голлю и генерал Лежантийом, командовавший французскими войсками в Сомали. Но в целом в первые недели после 18 июня на призыв де Голля откликнулось очень мало офицеров и тем более генералов французской армии. «Вначале я имел в своем распоряжении лишь незначительное количество офицеров, почти исключительно младших», — писал де Голль.

Видный биограф де Голля ла Горе пишет о «Свободной Франции», что в результате выступления против Виши «Сопротивление приняло революционный характер». Факты говорят о другом. Сопротивление действительно революционного характера возникло во Франции, среди ее народа. 10 июля 1940 года руководители компартии — Торез и Дюкло — призвали его к объединению для борьбы за независимость и возрождение родины.

Итак, офицеры и журналисты, ученые и монахи, кагуляры и

левые католики, офицеры Иностранного легиона и чиновники государственного аппарата; де Голль охотно брал на службу «Свободной Франции» всех, за исключением людей крайне левых убеждений. Требовалась лишь безусловная личная преданность генералу. Причем, он не отдавал предпочтения какому-либо одному политическому направлению или социальной категории. Он использовал их всех, оставаясь независимым. В Лондоне впервые очень ясно обнаруживается исключительная способность де Голля опираться на различных, подчас несовместимых людей, ничем в угоду им не жертвуя. Это одно из тех поразительных качеств, которые в значительной мере объясняют всю легендарную карьеру де Голля.

Что касается людей из ближайшего лондонского окружения де Голля первых недель существования «Свободной Франции», то подавляющее большинство их объединялось вокруг него вовсе не из-за личной приверженности к генералу. Почти все они вообще не знали его раньше и, будь на его месте другой деятель, они присоединились бы и к нему. Они просто разделяли убеждение де Голля в том, что Германия неизбежно потерпит поражение. А де Голль постоянно напоминал об этом. 30 июня 1940 года, беседуя с Морисом Шуманом, только что прибывшим в Лондон, де Голль говорил: «Я думаю, что Россия вступит в войну раньше Америки, но в конечном счете оба эти государства примут участие в ней… Гитлер мечтает об Украине. Он не сможет удержаться от искушения решить судьбу России, и это будет началом его гибели… В общем, война — это страшная проблема, но все же разрешимая. Необходимо вернуть Францию в лагерь, который победит».

Опираясь на это необычайное чувство исторической перспективы, де Голль строит всю свою практическую деятельность. Чтобы «вернуть Францию» в лагерь тех, кто победит, де Голль разрабатывает и терпеливо проводит в жизнь весьма расчетливую, дальновидную, хотя внешне и крайне экстравагантную политику. В отличие от многих эмигрантских правительств, он не хочет пассивно ждать поражения Германии. Он делает все, чтобы оказаться среди победителей, которые в будущем получат право решать судьбы мира. Для этого он стремится объединить вокруг себя наибольшее число французов, создать вооруженные силы «Свободной Франции», приобрести территориальную базу в колониях, завоевать поддержку и уважение великих держав. Вот основные направления его политики, с помощью которой он мечтал вернуть Франции положение великой державы. И для достижения этой грандиозной цели у него не было ничего, кроме кучки случайных

приверженцев и весьма условной поддержки Черчилля. Даже большая карта Франции, которая висела в лондонском кабинете де Голля, как свидетельствует фотография тех времен, была на английском языке.

22 июня де Голль объявил о создании комитета «Свободная Франция», а 28 июня произошло нечто более существенное, в Лондоне было опубликовано следующее коммюнике: «Правительство Его Величества признает генерала де Голля главой всех свободных французов, которые, где бы они ни находились, присоединяются к нему для защиты дела союзников».

Де Голль сразу вступил в переговоры, в ходе которых он добивался более конкретных обязательств и обещаний Англии. После длительных и довольно острых дискуссий 7 августа 1940 года было подписано соглашение. Правительство Великобритании обязалось обеспечить после победы «полное восстановление независимости и величия Франции». Однако де Голлю не удалось добиться никаких обязательств в отношении территориальной целостности Франции и ее владений. В секретном письме Черчиллю по этому поводу де Голль с сожалением писал: «Надеюсь, что события позволят английскому правительству рассмотреть в будущем эти вопросы с меньшей осторожностью».

Де Голль сохранил командование французскими силами, признавая лишь «общие директивы» английского правительства. Расходы на содержание этих сил брала на себя Англия, но речь шла лишь об авансе, который был возвращен еще в ходе войны. Хотя соглашение от 7 августа дало вишистской пропаганде повод говорить о де Голле как о «британском агенте», оно создавало кое-какую видимость законности для существования «Свободной Франции» в качестве зародыша государства. По мнению юристов, комитет «Свободная Франция» стал «частичным правительством де-факто».

Но такое мнение сложилось позднее, а в конце июня 1940 года сообщения о де Голле, появившиеся на задворках газетных страниц, вызывали лишь недоумение. Черчилль недовольно говорил Спирсу: «В международном плане де Голль неизвестен. Надо, чтобы его знали». В ответ на это генерал Спирс просил выделить 1000 фунтов и гарантировал, что менее чем через шесть месяцев о де Голле заговорят все газеты мира. Черчилль дал 500 фунтов, и Спирс поручил дело агенту по рекламе Ричмонду Тамплю, который прислал к де Голлю фотографа. Генерал встретил его с раздражением. «Меня выпускают в продажу как кусок туалетного мыла», — говорил он своим сотрудникам. Тем

не менее он согласился на эту рекламу, ибо так надо было для его «частичного правительства», которому еще предстояло приобрести самое главное: население, территорию и, конечно, армию, ибо шла война. Де Голль прилагает огромные, даже отчаянные усилия, чтобы сколотить подобие своих вооруженных сил из французских частей, оказавшихся в Англии. Там находились остатки войск, эвакуировавшихся вместе с англичанами из Дюнкерка, подразделения французского Иностранного легиона, в портах стояли французские военные и торговые суда, в госпиталях лежали раненые французы. Далеко не все они примкнули к де Голлю. Так, из 2000 раненых присоединились только 200 человек. Но какой-то зародыш французских вооруженных сил удалось создать. У де Голля появился свой флот: один тральщик и две подводные лодки. 14 июля, в день национального праздника, устроили парад французских частей. 21 июля несколько французских летчиков участвовали в бомбардировке Рура. За первые три месяца численность войск «Свободной Франции» достигла 7000 человек. По сравнению с гигантскими масштабами событий, это было нечто микроскопическое.

Обширной территориальной базой и неисчерпаемым источником людских и материальных ресурсов могли бы быть колониальные владения Франции. Де Голль больше всего рассчитывал на них. Еще 24 июня, на другой день после предательской капитуляции Петэна, де Голль обратился к «проконсулам», к командующим французскими войсками и губернаторам французских колоний с призывом присоединиться к «Свободной Франции». Откликнулись только двое: генерал Кениг и генерал Лежантийом. Но повести за собой управлявшиеся ими территории — Индокитай и Сомали — они не смогли, и те остались под властью Виши. Де Голль направляет в колонии своих самых энергичных помощников, развертывает пропаганду, наконец, сам едет в Африку. Ценой напряженных усилий, а иногда и благодаря счастливым случайностям, у де Голля появляется «своя» территория. На сторону «Свободной Франции» переходят основные части Экваториальной Африки: Чад, Камерун, Среднее Конго. К де Голлю присоединяются французские владения в Океании и небольшие территории, принадлежавшие Франции в Индии. Но главные французские владения: Алжир, Тунис, Марокко, страны Леванта, Французская Западная Африка, Мадагаскар остаются под властью Виши.

Вновь де Голль оказался в парадоксальном положении, во многом схожем с его деятельностью до войны. Тогда ему пришлось ради подготовки Франции к войне с Германией

бороться против французского генерального штаба. Сейчас, в борьбе против Виши, противником оказалась союзная Англия, и в первую очередь его покровитель Черчилль.

На протяжении всей войны, и особенно в первое время после создания «Свободной Франции», судьба де Голля в решающей мере зависела от Черчилля. Признание «главой свободных французов», как выяснилось буквально через несколько. дней, не означало готовности Черчилля постоянно содействовать де Голлю. Отношения между ними резко колебались между дружбой и ненавистью, часто доходя до грани разрыва. Ведь находясь в сильной зависимости от Черчилля, де Голль проводил самостоятельную политику. К тому же в англофранцузском браке по расчету обнаружилось полное несходство характеров. А поскольку сталкивались два сильных, очень властных характера, то конфликтам не было конца. Позиции Черчилля были неизмеримо сильнее, и сознание этого отнюдь не побуждало его считаться с де Голлем, в котором он, потомок знаменитого аристократического рода, признанный крупный политический деятель, самоуверенный и властный, всегда видел выскочку. Что мог противопоставить не имевший ничего за душой, никому не известный французский бригадный генерал британскому могуществу, которое так ярко воплощал Черчилль? Ничего, кроме упорства, целеустремленности и надменной гордости. Но это еще больше раздражало Черчилля. Правда, уже после войны, так сказать задним числом, Черчилль отдавал должное особым качествам строптивого французского партнера, продолжая, впрочем, подчеркивать, что из всех крестов, какие он нес на себе в войну, самым тяжелым был Лотарингский крест. В четвертом томе своих мемуаров о второй мировой войне Черчилль писал: «Эти страницы содержат суровую критику, основанную на событиях того момента, по адресу генерала де Голля, и, несомненно, у меня были с ним непрерывные разногласия и много резких столкновений. Однако в наших отношениях был один доминирующий элемент… Я знал, что он не был другом Англии, но я всегда признавал в нем дух и идею, которые навсегда утвердят слово „Франция“ на страницах истории. Я понимал его и, негодуя, одновременно восхищался его высокомерным поведением. Эмигрант, изгнанный с родины, приговоренный к смерти, он находился в полной зависимости от доброжелательности сначала английского правительства, а затем правительства Соединенных Штатов. Немцы захватили его родину. У него нигде не было настоящей точки опоры. Тем не менее он противостоял всему. Всегда, даже тогда, когда он поступал наихудшим образом, он, казалось, выражал

индивидуальность Франции — великой нации со всей ее гордостью, властностью и честолюбием. О нем говорили в насмешку, что он считал себя живым воплощением Жанны д'Арк. Это не казалось мне таким нелепым, как выглядело».

С первых дней пребывания на английской земле де Голль столкнулся с таким отношением англичан к своему делу, которое, казалось, полностью противоречило заявлению о признании его «главой свободных французов». 29 июня 1940 года де Голль отправился в Трентем-парк, где разместились французские воинские части, прибывшие из Норвегии. Ему удалось привлечь на свою сторону несколько сотен солдат и офицеров. Но как только он выехал из лагеря, английские офицеры собрали французов и предупредили их, что, присоединяясь к де Голлю, они становятся бунтовщиками против своего законного правительства. А на следующий день, 30 июня, де Голль отправился в лагеря Эйнтри и Хейдок, где находилось несколько тысяч французских матросов. Его встретил английский адмирал и заявил, что он не может разрешить ему встречу с французами, поскольку это нарушает «порядок». Глава «Свободной Франции» вынужден был уехать ни с чем. Повсюду английские власти предпочитали, чтобы французы поступали на службу в британские вооруженные силы, а не присоединялись к де Голлю. Так происходило не только в Англии, но и в Африке, на Ближнем Востоке. Но особенно жестокий удар нанесла де Голлю «Катапульта», так называлась операция, предпринятая Черчиллем 3 июля 1940 года.

Еще в середине июня, когда под ударами германских войск рушилась французская оборона, Черчилль в переговорах с правительством Рейно больше всего беспокоился о судьбе огромного, еще не тронутого войной французского военного флота. Если бы он попал в руки Гитлера, то судьба Англии повисла бы на волоске. Слабая английская сухопутная армия не смогла бы отразить вторжение гитлеровцев на Британские острова. Черчилль получил тогда заверения, что флот не будет выдан немцам. Это обещали адмирал Дарлан и сам маршал Петэн. Однако можно ли было надеяться на обещания этих людей?

И тогда британский кабинет решает, что лучше уничтожить французский флот, чем оставить его судьбу в неопределенном состоянии. О намеченной операции, получившей условное название «Катапульта», де Голлю ничего не сообщили.

4 июля он узнал по радио, что накануне английский флот напал на стоявшую у берегов Алжира в Мерс-эль-Кебир французскую эскадру. Многие французские суда, застигнутые

внезапным огнем, пошли ко дну. Англичане потопили новый мощный линкор «Дюнкерк». Одновременно английские войска напали на стоявшие у берегов Англии французские корабли и захватили их. Здесь также не обошлось без кровопролития. Британские корабли торпедировали и серьезно повредили стоявший у Дакара линкор «Ришелье». Правда, до уничтожения основных сил французского флота было еще далеко. Но кто мог знать планы английского адмиралтейства? В яростном негодовании де Голль приказал своему командующему флотом адмиралу Мюзелье заявить англичанам: «Если вы немедленно не прекратите огонь, все французские добровольцы покинут Англию и отправятся в Пондишери или Сен-Пьер и Микелон». Речь шла о небольшом французском владении в Индии с населением в 20 тысяч человек или о затерянных в Атлантическом океане островах, где проживало около 5 тысяч французов.

Легко понять первую бурную реакцию де Голля на неожиданные действия Англии. Ведь пропаганда Виши теперь получит возможность утверждать, что Англия стала врагом Франции, а де Голль является прислужником этого врага. Итак, Франция Виши на службе Гитлера, а Франция де Голля на службе Черчилля! Ясно, что приток добровольцев в «Свободную Францию» резко замедлится, авторитет де Голля пошатнется. Генерал говорил полковнику Пасси: «О, эти слабоумные англичане, эти преступники! Они проливают французскую кровь. Они снова льют воду на мельницу капитулянтов!»

Генерал де Голль оказался перед мучительной проблемой, как объяснить Франции эти события? Безоговорочно осудить действия Черчилля как действия врага он не мог, ибо во всем зависел от него. Одобрить их также было невозможно, учитывая реакцию французов. Или сделать вид, что ничего не произошло? Такое поведение де Голль считал совершенно невозможным и решил специально выступить по радио. Текст своего выступления в первый и в последний раз де Голль показал предварительно английскому министру информации: ведь в выступлении содержалось осуждение действий англичан.

Вечером 8 июля де Голль был у микрофона Би-Би-Си. Он назвал нападение на французские корабли, хотя и находившиеся под властью Виши, чрезвычайно прискорбным событием. «Я буду говорить об этом прямо, без всяких уверток, ибо в этот драматический период, когда на карту поставлена жизнь каждого народа, необходимо, чтобы смелые люди имели мужество смотреть правде в лицо и высказывать ее со всей прямотой. Прежде всего я заявляю следующее: нет ни одного француза, который не почувствовал бы боли в сердце и гнева, узнав, что

корабли французского флота потоплены нашими союзниками. Эта боль, этот гнев поднимаются у нас из глубины души». Де Голль осудил затем попытки англичан изобразить все в качестве своей военной победы, поскольку нападение было внезапным. «Французские корабли, — сказал он, — уничтожены не в честном бою».

Но затем, обращаясь к французам, он просил их проанализировать события с точки зрения перспектив войны, победы и освобождения. Возможно, что корабли были бы выданы врагу, который использовал бы их против Англии, против французской империи. И в этом случае, заявил де Голль, «пусть они лучше будут уничтожены!» Поскольку поражение Англии увековечит порабощение Франции, союз с Англией не может быть поставлен под сомнение даже в связи с этим «отвратительным и достойным сожаления событием». Решение остается незыблемым, закончил де Голль, — «сражаться до конца».

История с «Катапультой» оказалась далеко не последней в полосе злоключений де Голля, которые еще только начинались. Вскоре ему пришлось испытать одну из самых тяжелых неудач всей его жизни. Укрепившись в Экваториальной Африке, де Голль сразу же задумался о распространении власти «Свободной Франции» на огромные территории Французской Западной Африки. Ключом к ней служил Дакар — порт, крепость, военная база на западной оконечности Африки в районе островов Зеленого мыса. Этот пункт соблазнял также и Черчилля, поскольку в ожесточенной битве за Атлантику Дакар, находящийся в руках врага, представлял большую угрозу британским коммуникациям. С начала августа 1940 года Черчилль и де Голль обсуждали проблему взятия Дакара. Британский премьер считал, что с помощью «Свободной Франции», возможно, удастся установить контроль над Дакаром без больших военных усилий. В свою очередь, де Голль понимал, что со скромными военными силами «Свободной Франции» самостоятельно он вряд ли сможет вырвать у Виши этот важный опорный пункт.

6 августа в своем огромном кабинете на Даунинг-стрит Черчилль с присущим ему красноречием развивал перед де Голлем план соблазнительной операции: «Однажды утром жители Дакара проснутся в печальном и подавленном настроении. И вот они видят в лучах восходящего солнца, вдали в море, множество кораблей. Огромный флот! Сотни военных или грузовых кораблей! Корабли медленно приближаются, направляя дружественные послания городу, военно-морским силам и гарнизону. На некоторых кораблях поднят трехцветный флаг».

Затем следуют переговоры с губернатором, который, конечно, в конце концов уступит де Голлю, и тогда, заключил Черчилль, «вечером он отужинает вместе с вами и выпьет за окончательную победу».

31 августа из Ливерпуля отплыла эскадра в составе двух линкоров, четырех крейсеров, одного авианосца, нескольких эсминцев, многих вспомогательных и транспортных судов под флагами разных союзных стран. Де Голль находился на борту голландского судна «Вестерланд». «Качаясь на океанских волнах среди безбрежных водных просторов, — вспоминал де Голль, — в беспросветной тьме, небольшой иностранный корабль, без орудий, с потушенными огнями, увозил с собой судьбу Франции».

Что касается «судьбы Франции», то есть де Голля, то на середине пути он узнал, что семь крейсеров Виши прошли через Гибралтар и находятся теперь в этих водах, что Дакар готовится к обороне. Черчилль решил отказаться от операции, но де Голль настоял на ее продолжении «несмотря ни на что». По пути генерал де Голль и английский командующий адмирал Кеннингем затеяли жаркий спор из-за того, кто же будет всем командовать. Но в конце концов 23 сентября эскадра подошла к Дакару, и сразу начались неприятности. Запланированный Черчиллем эффектный спектакль с появлением на горизонте могучей союзной армады не состоялся. Густой туман покрывал море, и не было видно ни зги.

Де Голль обратился по радио к населению Дакара, *к* берегу отправился катер с парламентерами, которые должны были вручить письмо де Голля губернатору Буассону, ярому вишисту. Вскоре катер вернулся с двумя серьезно ранеными деголлевскими офицерами, а береговые батареи и стоявший на рейде линкор «Ришелье» открыли огонь по эскадре. Увидев, что крепость готова оказать яростное сопротивление, де Голль попытался высадить десант вблизи Дакара, но и здесь ему, не повезло. На другой день завязалась артиллерийская дуэль между английскими кораблями и укреплениями Дакара, не давшая никаких результатов. Перестрелка продолжалась и на третий день, несколько английских кораблей получили повреждения. Экспедиция бесславно провалилась. Английская эскадра ушла в море, а небольшая группа судов «Свободной Франции» повернула к Дуале, главному порту Экваториальной Африки, основные территории которой контролировались сторонниками де Голля.

В Лондоне разразилась буря гнева, в Вашингтоне де Голля высмеивали, а в Виши торжествовали победу. Пагубные последствия дела Мерс-эль-Кебир теперь казались мелкой неприятностью по сравнению с плачевным исходом дакарской

операции. Получилось так, что де Голль, поднявший знамя Сопротивления против немцев, фактически вступил в войну с французами. «Для меня, — пишет де Голль, — наступили тяжкие дни. Я испытывал то, что может испытывать человек, когда подземный толчок резко потрясает его дом и с крыши на голову градом сыплется черепица».

До середины ноября де Голль не показывался в Лондоне, предпочитая залечивать свои синяки в Африке. Здесь ему удалось несколько восстановить свой престиж захватом Габона. Теперь «Свободная Франция» контролировала всю Французскую Экваториальную Африку. Де Голль проводит огромную работу по подготовке прямого участия своих сил в войне против Италии в Эритрее и Ливии. Правда, в далеком Лондоне Черчилль в это время подумывал о замене де Голля генералом Катру. Англия вступила в тайные переговоры с Виши. Однако Катру отказался от соперничества с де Голлем, а Виши после встречи Петэна с Гитлером в Монтуаре 24 октября пошло на открытое и тесное сотрудничество с Германией. Это создавало для «Свободной Франции» благоприятную атмосферу, ибо усиливалась ее роль центра притяжения всех французских патриотов. Дакарская неудача забывалась, и де Голль снова проникался надеждами на успех своего предприятия. 27 октября он издает в Браззавиле манифест, в котором объявляет о создании совета обороны империи и в небывало самоуверенном тоне провозглашает цели, задачи, формы деятельности своего движения. Постановления этого манифеста начинались поистине королевской формулой: «Именем французского народа и Французской империи мы, генерал де Голль, глава свободных французов, постановляем…»

17 ноября 1940 года он отправляется в Англию. Пролетая в самолете над бескрайними просторами африканского континента и океана, де Голль думал: «Как бы ни были суровы факты, может быть, мне удастся совладать с ними, потому что я мог, по выражению Шатобриана, „вести за собой французов на крыльях мечты“».

Зимой 1940 года Лондон выглядел особенно мрачно, хотя воздушная «битва за Англию» и была выиграна. Тяжкие удары англичанам наносила теперь подводная война фашистов; страна всегда жила поставками сырья и продовольствия из-за моря. США не вступали в войну и свои товары и оружие поставляли Англии только за золото. Продовольственные нормы сокращались, немецкие бомбежки продолжались. Казалось бы, Черчиллю не до «Свободной Франции» с ее надменным руководителем.

Отношения между ними по-прежнему не улучшались. Вскоре после приезда де Голля возник новый острый конфликт.

Интеллидженс сервис неожиданно арестовала адмирала Мюзелье, обвинив его в связях с Виши. Знаменитая английская разведывательная организация, которая, по саркастическому замечанию де Голля, была для англичан «предметом страстного увлечения», конечно, не зря следила за людьми из аппарата «Свободной Франции». Вокруг нее суетилось немало проходимцев, действительно связанных с Виши. Но в данном случае лондонские шерлок-холмсы промахнулись. Де Голль добился освобождения адмирала Мюзелье и затем с ледяной снисходительностью принял извинения Черчилля и Идена.

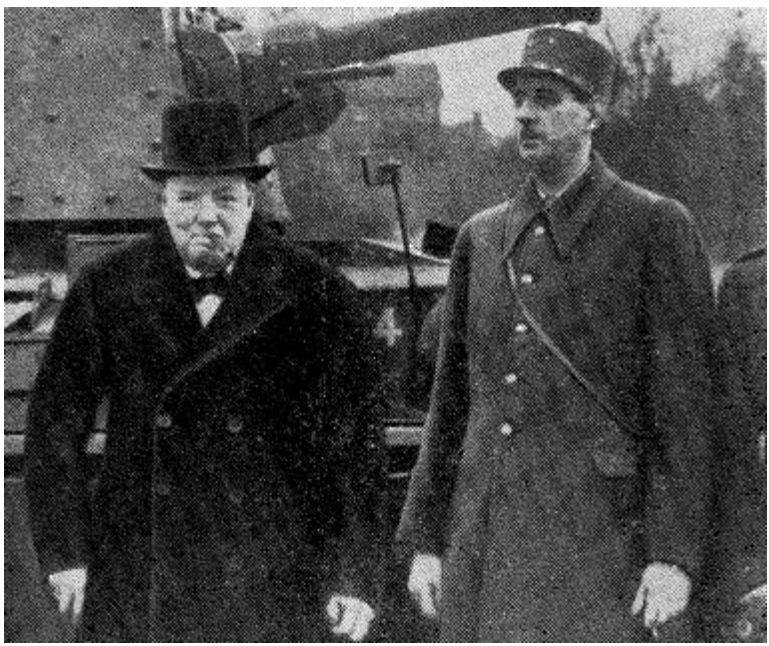
Генерал де Голль быстро ликвидировал также всякие мелкие дрязги в своем лондонском аппарате, возникшие за два с половиной месяца его отсутствия. Он немедленно пресек любые проявления мягкости и уступчивости по отношению к англичанам, то есть все то, что он называл «присущей французам склонностью уступать иностранцам и не ладить между собой».

Более того, он добился от «бульдога» (так звали Черчилля в окружении де Голля) новой серьезной уступки. 24 декабря 1940 года британский кабинет официально признал совет обороны империи, созданный без согласования с Черчиллем, крайне недовольным этим своеволием «Коннетабля».

Новое признание пришлось как нельзя более кстати, ибо в начале 1941 года де Голль почувствовал, что скоро ему придется не на шутку схватиться с англичанами на Востоке. После оккупации Греции фашизм явно протягивал свои щупальца к Ближнему Востоку. Гитлеровская агентура разжигала антианглийские настроения в Ираке, в начале февраля в Сирию прибыла специальная германская миссия. Де Голль решил, что настал момент, когда можно захватить французские подмандатные страны Сирию и Ливан. 14 марта 1941 года он летит на Восток. Некогда майор де Голль служил в этих местах и тогда он скептически смотрел на возможность сохранения Леванта под контролем Франции. Но переход от своеобразной оппозиции к не менее своеобразной власти изменил его взгляды. «Мысли, которые приходили мне в голову во время полета, — писал де Голль, — были просты и ясны». Чтобы укрепить свою власть, ему надо любой ценой расширять ее территориальную базу. Он мечтал также об увеличении своих вооруженных сил за счет присоединения войск Виши, сосредоточенных в Сирии и Ливане еще в начале 1940 года во время советско-финской войны для похода на Кавказ.

Сначала он приземлился в Хартуме и осмотрел соединения «Свободной Франции», принимавшие участие в боях с итальянцами: они могли скоро потребоваться к северу от Суэца. 1

апреля де Голль прибыл в Каир, но сразу убедился, что действовать еще рано, и тут же улетел в Браззавиль, внимательно наблюдая за Ближним Востоком. Вскоре он предложил англичанам предупредить неизбежное проникновение немцев в самое сердце этого важнейшего стратегического района путем установления в Леванте власти «Свободной Франции». Черчилль в Лондоне, а генерал Уэйвелл в Каире сами видели германскую опасность. Но эти соратники пресловутого Лоуренса помнили, как в 1920 году его вытеснил из Леванта француз Гуро. Почему бы, давая отпор гитлеровцам, не занять заодно и место Франции? Англичане ответили де Голлю, что его планы несвоевременны.

Шарль де Голль и Уинстон Черчилль

На другой день германские самолеты приземлились в Сирии. Дело принимало серьезный оборот. Гитлер подбирался к Суэцкому каналу. В Ираке вспыхнуло антибританское восстание, лидеры которого были связаны с немцами. Теперь нельзя было пренебрегать ничем, ни моральным влиянием «Свободной Франции», ни ее немногочисленными войсками. Вот почему Черчилль неожиданно предложил де Голлю поехать в Каир и заняться Левантом.

Де Голль был настолько растроган таким поворотом дела, что послал Черчиллю очень теплое письмо, причем на английском языке. Уникальный случай!

20 мая де Голль телеграфирует генералу Катру в Каир: «Надо

наступать на Дамаск даже с одним батальоном. Психологический эффект сделает остальное». Уж не забыл ли он жестокий урок Дакара? Нет, на этот раз англичане пойдут до конца. К тому же уклонение от операции равносильно отказу от Сирии и Ливана в пользу Англии. Чтобы не допустить этого, де Голль согласился с необходимостью сражения французов с французами, чего он всегда старался избежать любой ценой.

8 июня войска Великобритании и «Свободной Франции» начали наступление. Зная, что Англия не упустит возможности изобразить себя защитницей независимости арабов, де Голль намеревался объявить о стремлении Франции покончить с режимом мандата и предоставить Сирии и Ливану независимость. Как и следовало ожидать, англичане потребовали, чтобы подобная декларация была сделана от имени двух стран или, в крайнем случае, чтобы Англия была гарантом выполнения французского обещания. Игнорируя просьбу Черчилля, де Голль отверг эти претензии и опубликовал свою отдельную декларацию. Но это было только началом конфликта небывалой остроты.

После тяжелых боев с войсками Виши, в которых соединения «Свободной Франции» понесли большие потери, командующий вишистами генерал Денц обратился с просьбой о прекращении огня. Англичане вступили с ним в переговоры и, игнорируя «Свободную Францию», заключили конвенцию о перемирии в Сен-Жан д'Акре. Эта конвенция, подписанная 14 июля, в день французского национального праздника, означала полную передачу Сирии под власть Англии. Права «Свободной Франции» даже не упоминались. Английское командование обещало не препятствовать свободной эвакуации войск Виши из Леванта.

Взбешенный де Голль в самой категорической форме немедленно заявил англичанам, что он не признает перемирия в Сен-Жан д'Акре, и приказал генералу Катру взять в свои руки всю власть в Сирии и Ливане, не считаясь с каким бы то ни было сопротивлением с любой стороны, что вооруженные силы «Свободной Франции» больше не будут подчиняться английскому командованию. Итак, де Голль открыто пошел на риск военного столкновения с англичанами, лишь бы не уступить им французские «законные» владения.

Тогда Англия снова идет на видимость уступки и заключает с представителями де Голля дополнительное соглашение к конвенции о перемирии. Формально требования де Голля удовлетворены. Он отправляется в Дамаск и Бейрут, где его сторонники устраивают главе «Свободной Франции» торжественную встречу. А пока де Голль произносил речи, совещался с сирийскими политическими деятелями и строил

планы утверждения на Ближнем Востоке влияния «Свободной Франции», англичане не теряли времени. Дополнительного соглашения как будто и не существовало. Представителям де Голля по-прежнему не давали возможности установить контакт с личным составом войск Виши, чтобы вербовать их в армию «Свободной Франции». Англичане быстро оккупировали страну и, развивая бешеную деятельность, настраивали арабов против французского «колониального господства». Французские флаги спускались и вместо них поднимались британские. Перед лицом нового вероломства англичан де Голль отдает приказ своим войскам вооруженной силой защищать права Франции. Новая опасность разрыва с Англией и угроза военного столкновения с нею перепугали ближайших сотрудников де Голля. Разъясняя им свою позицию, де Голль писал: «Наше величие и сила заключаются единственно в нашей непримиримости во всем, что касается защиты прав Франции. Эта непримиримость будет нам нужна вплоть до самого Рейна».

Осторожные соратники де Голля просто не понимали ситуации. «Непримиримость» их лидера была великолепно рассчитанной игрой. Он учитывал, что Черчилль, ведя большую, трудную войну, совершенно не заинтересован в создании новых трудностей, что, сделав год назад ставку на де Голля, он уже стал пленником своего выбора и не может позволить себе роскошь просто отшвырнуть со своего пути взбунтовавшегося вассала. Его флирт с Виши осенью 1940 года кончился безрезультатно, ибо Виши предпочло ориентироваться исключительно на Гитлера. Надо же было иметь какой-то ключ к Франции, пусть даже и такой неудобный. К тому же в душе Черчилль понимал де Голля, он сам бывал непримирим в защите имперских интересов Британии. А уж если он раньше недооценил способности де Голля, то кто в этом виноват, кроме него самого?

В конечном счете Англия уступила, и де Голль утвердил на какое-то время свою власть в Сирии и Ливане. В последний момент ему даже удалось привлечь на свою сторону 6 тысяч солдат и 127 офицеров из войск генерала Денца. Но 25 тысяч человек отплыли во Францию в распоряжение Петэна. Твердость де Голля сыграла решающую роль в исходе ожесточенной франко-британской схватки, когда казалось, что врагом Франции является не Германия, а Англия. 1 сентября 1941 г. де Голль вернулся победителем в столицу побежденной им Англии…

Итак, прошел год с тех пор, как де Голль бросил в эфир свой призыв 18 июня. Он был тогда один и не имел ничего, кроме сознания своей особой миссии. Он вдохновлялся историей Франции, образами великих героев ее прошлого, голоса которых

он слышал, вернее создавал своим воображением, подобно голосам, вдохновлявшим Жанну д'Арк. Вот каким увидел его 19 июня 1940 года журналист Пьер Бурдан: «Человек далекой эпохи, черты которого с первого взгляда напоминают средневековый рисунок. Хочется видеть его в старинном шлеме… Его глаза отличаются тем, что не отражают ничего из происходящего вокруг него; их выражение не меняется в зависимости от поведения присутствующих или окружающей его атмосферы. Этот человек стремится сохранить независимость и не поддаться каким-либо чувствам. В его глазах горит что-то не от мира сего».

Но де Голль обладал кроме эмоциональных порывов и инстинкта в духе Бергсона очень трезвым умом, способностью холодного расчета и обоснованного предвидения. Несколько иной, более земной и реальный образ де Голля рисует известный журналист д'Астье де ла Вижери, встретившийся с генералом через год с небольшим: «Он еще выше ростом, чем это представляют. Его движения медленны и тяжелы, как и его нос. Маленькая голова с восковым лицом на нескладном теле. Самый привычный его жест — он поднимает руки, плотно прижимая локти к бокам. И тогда видны вялые, очень женственные кисти с хрупкими запястьями. На обращенных кверху ладонях эти руки как будто тщатся поднять целый мир абстрактных грузов… Он не любит людей, он любит лишь их историю, в особенности историю Франции, одну из глав которой он как будто мысленно пишет».

Пожалуй, он не столько мысленно писал, сколько творил историю на протяжении этого года, первого года его большой и необычной политической карьеры. Он сумел достичь многого, смог перенести неудачи и добиться успехов. И он почувствовал себя, наконец, в своей излюбленной стихии исторического действия как рыба в воде. Но в творимой им истории, наполненной звучными фразами о величии Франции, пока совсем не видно Франции реальной, которая влачила тогда жалкое существование под гнетом фашистской оккупации и унизительно тяжкого коллаборационизма Виши. Неужели де Голль рассчитывает обойтись без нее?

Сопротивление

22 июня 1941 года, ровно через год после образования «Свободной Франции», произошло событие, которое, по словам де Голля, открывало «перед Францией новые большие надежды». СССР, отражая нападение Гитлера, вступил в войну. Де Голль узнал об этом 23 июня, когда он прибыл в только что освобожденный от вишистов Дамаск. Он давно считал, что Советский Союз неизбежно будет втянут в войну. Поэтому он без промедления объявил о том, что, «поскольку русские ведут войну против немцев, мы безоговорочно вместе с ними». Именно в таком духе де Голль предписывал своим лондонским представителям отныне вести пропаганду «Свободной Франции». Одновременно он приказал заявить советскому послу от имени де Голля, что «французский народ поддерживает русский народ в борьбе против Германии. В связи с этим мы желали бы установить военное сотрудничество с Москвой».

Итак, де Голль без колебаний взял курс на союзнические отношения с СССР. Причем, сотрудничество с СССР устанавливалось быстрее и проще, чем с Англией и США. Ведь интересы СССР и Франции непосредственно нигде и ни в чем не вступали в противоречие. Союз с СССР приобретал национальный и демократический характер, тогда как союзные отношения с англосаксонскими державами не исключали империалистического соперничества.

Сближение с Москвой вполне соответствовало главному принципу политического мировоззрения де Голля, состоявшему в признании решающего, первостепенного значения национального фактора по сравнению с идеологическими и политическими различиями. Он видел, что общий враг угрожает существованию французской и русской наций, и перед этой угрозой отступают на второй план идеологические и социальные различия. Тесное сотрудничество с СССР де Голль считал прямым продолжением старой традиции франко-русского союза. По его мнению, этот союз приобрел еще большую жизненность и необходимость, чем в конце прошлого века. Характерно, что де Голль никогда не перестанет употреблять слово «Россия», имея в виду СССР. Поборник величия Франции, де Голль глубоко уважал величие «извечной Руси», в какой бы идеологической форме оно ни выражалось.

В отличие от большинства англосаксонских стратегов, генерал де Голль с самого начала верил в победу СССР и считал, что именно России предстоит внести решающий вклад в

достижение этой победы. В то время как в лагере западных держав Франция часто оказывалась изолированной, союз с СССР давал де Голлю жизненно необходимую опору для проведения независимой политики. Он писал, что присутствие России «в лагере союзников означало, с точки зрения сражающейся Франции, некоторый противовес по отношению к англосаксонским странам, и я имел в виду воспользоваться этим обстоятельством».

Однако в союзнической политике де Голля по отношению к СССР сказалась, естественно, и его неизменная классовая позиция. Те же предубеждения, которые обусловили, например, его отрицательное отношение к Народному фронту, его нежелание привлечь к сотрудничеству в движении «Свободная Франция» левые силы (вспомним, как был отвергнут Пьер Кот), проявились, естественно, в его политике по отношению к СССР. «Разумеется, — писал де Голль, — я не сомневался в том, что если Советы внесут основной вклад в достижение победы над врагом, то в результате в мире возникнут новые опасности. Нужно было постоянно иметь это в виду, даже сражаясь с русскими бок о бок. Но я считал, что, прежде чем философствовать, нужно завоевать право на жизнь, то есть победить, а участие России создавало возможности для победы».

Генерал де Голль энергично форсировал установление официальных отношений с СССР и добивался скорейшего признания Москвой его организации. Это имело огромное значение для дальнейшего укрепления позиций «Свободной Франции» в качестве единственного законного представителя Франции. Де Голль считал, что после вступления СССР в войну и установления с ним союза, а также в связи с распространением власти «Свободной Франции» на Сирию и Ливан и увеличением непосредственного участия французов в военных действиях в Африке наступил благоприятный момент для создания Французского национального комитета, чего он тщетно добивался год назад.

Когда по дипломатическим каналам вопрос о советском признании был согласован, де Голль издает 24 сентября 1941 год ордонанс № 16 об учреждении Французского национального комитета под своим председательством. Входившие в состав комитета комиссары наделялись функциями министров, и поэтому комитет фактически представлял собой правительство.

26 сентября 1941 года советский посол в Лондоне И. М. Майский вручил де Голлю письмо, в котором говорилось, что правительство СССР признает его «как руководителя всех свободных французов», что оно готово оказать им «всестороннюю

помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией» и обеспечить после победы «полное восстановление независимости и величия Франции». В ответном письме советскому послу генерал де Голль, выражая благодарность за признание, писал: «Со своей стороны, от имени свободных французов, я обязуюсь бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом». Этот обмен письмами был равносилен заключению своего рода союзного договора между Правительством СССР и Французским национальным комитетом. Характерно, что в советском письме не выдвигалось никаких оговорок, тогда как в аналогичном английском письме о признании от 26 сентября подчеркивалось, что правительство Великобритании не может аккредитовать при де Голле своего дипломатического представителя, поскольку это «означало бы признание вас главой суверенного государства».

27 сентября генерал де Голль направил телеграмму главе Советского правительства И. В. Сталину, в которой говорилось: «В момент, когда „Свободная Франция“ становится союзником Советской России в борьбе против общего врага, я позволю себе высказать вам мое восхищение непоколебимым сопротивлением русского народа, равно как мужеством и храбростью его армий и их полководцев. Бросив всю свою мощь против агрессора, СССР дал всем ныне угнетенным народам уверенность в своем освобождении. Я не сомневаюсь, что благодаря героизму советских армий победа увенчает усилия союзников и новые узы, созданные между русским и французским народами, явятся кардинальным элементом в перестройке мира».

Эта телеграмма де Голля, отправленная в момент быстрого продвижения немцев в глубь нашей страны и тяжелых неудач советских войск, явно отличалась от обычных протокольных посланий такого рода исключительно серьезным и даже торжественным тоном. В ней выражались надежды на большие исторические перспективы союза двух народов, не говоря уже о твердой вере де Голля в победу СССР.

Деголлевская дипломатия отныне все больше ориентируется на Советский Союз. Де Голль очень активно использует косвенную советскую поддержку в трудных отношениях с Англией. Об этом ярко свидетельствует характерный эпизод, связанный с военными действиями англичан против германо-итальянских войск в Ливии. Де Голль 7 октября 1941 года предложил Черчиллю и английскому командующему, на Востоке генералу Окинлеку две французские дивизии для участия в подготовлявшемся в Ливии наступлении. Однако 27 ноября британский генеральный штаб отверг предложение де Голля. Это

была сознательная политика отстранения французов от участия в крупных операциях с целью ограничения влияния «Свободной Франции».

9 декабря де Голль пригласил советского посла и сообщил ему о своем желании послать в распоряжение командования Красной Армии одну из двух своих дивизий, находившихся в Сирии. При этом де Голль не скрывал своего недовольства политикой Англии. Остановившись на неудачах англичан в Ливии, он сказал, что английское командование не разбирается в современной тактике войны механизированных соединений и что лишь теперь оно начинает изучать эту тактику. Де Голль заявил, что только СССР может победить Германию, а англичанам это не по силам. Он заверил при этом, что, исходя из политических и военных соображений, он предпочитает помогать Советскому Союзу, а не Англии.

Де Голль, получив благоприятный советский ответ, немедленно сообщил начальнику британского генерального штаба, что 2-я французская дивизия отправится 15 марта 1942 года на Кавказ, если ей не дадут сражаться в Ливии. В конце концов англичане попросили направить эту дивизию в Ливию.

Но, разумеется, главное значение для судьбы Франции имели титанические сражения, которые развертывались на советской территории; по сравнению с ними все, что происходило на Западе, выглядело несерьезно. Де Голль пишет в своих «Военных мемуарах»: «На стенах наших кабинетов висели карты, по которым мы следили за грандиозной битвой и наблюдали за развитием гигантских наступательных операций немцев… Но в декабре на подступах к Москве благодаря решительным действиям Жукова, которым благоприятствовала суровая и ранняя зима, захватчики были остановлены, а затем и отброшены. Ленинград не пал. Севастополь еще держался… Несмотря на блестящие победы в Польше, во Франции и на Балканах, „фюреру“ пришлось возвратиться к прежним стратегическим заблуждениям… Оправившись от первоначальной неожиданности, русские, действуя на огромных пространствах, заставили „фюрера“ дорого заплатить за эти ошибки».

Огромное впечатление произвел на генерала де Голля разгром немцев под Москвой. Будучи выдающимся военным специалистом, испытавшим на своем опыте военную мощь Германии, он сумел по достоинству оценить тогда все значение битвы под Москвой. Он посвятил этому 20 января 1942 года специальное выступление по радио. Написанное характерным для де Голля классическим стилем, в котором как бы звучит поступь истории, это блестящее выступление, произнесенное с искренним

чувством восхищения, является одним из самых ярчайших признаний величия подвига нашего народа в войне с Германией.

Генерал де Голль сказал:

«Нет ни одного честного француза, который не приветствовал бы победу России.

Германская армия, почти полностью брошенная начиная с июня 1941 года в наступление на всем протяжении этого гигантского фронта, оснащенная мощной техникой, рвущаяся в бой в погоне за новыми успехами, усиленная за счет сателлитов, связавших из честолюбия или страха свою судьбу с Германией, — эта армия отступает сейчас под ударами русских войск, подтачиваемая холодом, голодом и болезнями.

…В то время как мощь Германии и ее престиж поколеблены, солнце русской славы восходит к зениту. Весь мир убеждается в том, что этот 175-миллионный народ достоин называться великим, потому что он умеет сражаться, то есть превозмогать невзгоды и наносить ответные удары, потому что он сам поднялся, взял в свои Руки оружие, организовался для борьбы и потому что самые суровые испытания не поколебали его сплоченности.

Французский народ восторженно приветствует успехи и рост сил русского народа, ибо эти успехи приближают Францию к ее желанной цели — к свободе и отмщению. Смерть каждого убитого или замерзшего в России немецкого солдата, уничтожение на широких просторах под Ленинградом, Москвой или Севастополем каждого немецкого орудия, каждого самолета, каждого немецкого танка дают Франции дополнительную возможность вновь подняться и победить.

…Тот факт, что завтра Россия несомненно будет фигурировать в первом ряду победителей, дает Европе и всему миру гарантию равновесия, радоваться которому у Франции гораздо больше оснований, чем у любой другой державы.

К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории.

Вот почему сражающаяся Франция объединит свои возрожденные усилия с усилиями Советского Союза. Разумеется, подобное сотрудничество отнюдь не повредит борьбе, которую она ведет совместно с другими нашими союзниками. Как раз наоборот! Но в наступившем решающем году сражающаяся Франция на всех активных и пассивных участках боя этой войны с врагом докажет, что, несмотря на постигшее ее временно

несчастье, она является естественным союзником новой России…

Страдающая Франция вместе со страдающей Россией. Сражающаяся Франция вместе со сражающейся Россией. Повергнутая в отчаяние Франция вместе с Россией, сумевшей подняться из мрака бездны к солнцу величия».

Разумеется, следует учитывать все оттенки исторического фона, на котором звучала над порабощенной Европой эта речь, призванная, конечно, вселить надежду и побудить к борьбе. Усиленно подчеркивая союзнические отношения с Россией, де Голль не забывает о себе, как бы приобщая и «Свободную Францию» к славе советской победы. Его выступление явно предназначено было и произвести впечатление на западных союзников, которые откровенно третировали тогда де Голля. Превознося Россию, он вел своего рода психологическую войну против своих западных партнеров.

Весьма эмоциональный характер его выступления сочетается с реализмом четкой социальной позиции, не оставляющей никаких сомнений в отношении общей политической линии де Голля. Он говорит в своем выступлении 20 января 1942 года, что установление союза СССР и Франции вызовет яростное негодование «предателей и трусов, выдавших ее врагу».

«Эти люди, — говорил де Голль, — конечно, не преминут кричать, что победа на стороне России повлечет за собой в нашей стране социальное потрясение, которого они больше всего боятся. Французская нация презирает это очередное оскорбление. Она знает себя достаточно хорошо, чтобы понимать, что выбор ее собственного режима всегда будет только ее собственным делом».

Эти слова де Голля были направлены в первую очередь против вишистской пропаганды, которая теперь уже называла де Голля не только «британским агентом», но и «агентом Москвы». Вместе с тем он как бы дает гарантию французской буржуазии, что союз с СССР ни в какой мере не означает изменения его основной политической ориентации. Он хочет предупредить и тех во Франции, кто стремился к «социальным потрясениям», что он этого не допустит. Свои политические планы в отношении будущего Франции де Голль откровенно изложил 29 января 1942 года в беседе с советским послом в Лондоне. Они сводились к учреждению сильной исполнительной власти и корпоративного парламента. Посол И. Майский в своем донесении в Москву охарактеризовал политические тенденции де Голля как «модернизированный бонапартизм».

Но де Голль отлично понимал, что любой его политический идеал останется зыбкой мечтой без достижения победы над Германией и освобождения Франции, немыслимого без

Советского Союза. Отсюда и нужда в союзе с ним, особенно ценном для де Голля в условиях остракизма, которому его подвергали на Западе. В то время как Советский Союз признавал право де Голля и его комитета представлять Францию, государственный секретарь США Хэлл с презрением говорил о «так называемых свободных французах». США продолжали держать своего посла при Петэне. По мнению де Голля, они считали, что «Франция уже перестала быть великой державой». К тому же президент Рузвельт испытывал личную антипатию к де Голлю, с которым он, впрочем, еще не встречался. Отношение американцев к «Свободной Франции» не изменилось и после вступления США в войну в результате нападения японцев на Пирл-Харбор. Оно ясно обнаружилось тогда в связи с попыткой де Голля установить контроль над французскими островами Сен-Пьер и Микелон, расположенными у побережья Канады. 24 декабря 1941 года корабли «Свободной Франции» под командованием адмирала Мюзелье подошли к островам и легко установили там при поддержке населения власть «Свободной Франции». Это вызвало бурную реакцию США, которые уже думали отправить к островам свои военные корабли, чтобы изгнать деголлевцев. Но де Голль дал знать, что американцы/ будут встречены огнем. В итоге острого конфликта госдепартамент молча примирился с совершившимся фактом, но де Голль не мог ожидать от Вашингтона ничего хорошего. Вскоре последовал новый конфликт из-за французских владений на Тихом океане, где американцы пытались поощрять антидеголлевские выступления. Однако де Голлю все же ценой тяжких усилий удалось добиться признания Соединенными Штатами власти «Свободной Франции» над теми территориями, которые уже были освобождены от Виши. США пошли на это, ибо нуждались в их использовании для своих военных баз. Но франко-американские отношения оставляли желать много лучшего. Ни к одному из правительств стран антигитлеровской коалиции Белый дом не относился так плохо, как к де Голлю. В конце января 1942 года в беседе с советским послом Богомоловым де Голль говорил: «Я хочу освобождения Франции, чтобы возобновить войну с Германией, а мне предлагают освободить французские острова, чтобы они вышли из войны. Причиной такой политики США является тайный сговор США с Петэном, согласно которому Петэн обещает не давать флот и базы в Северной Африке немцам, а США обещают Петэну не пускать де Голля в Африку… Англия, как это известно, находится под влиянием США. Оба эти государства хотят сохранить сильную Германию против СССР и Франции. Я уверен, что когда англичане приблизятся к Тунису и я

попытаюсь войти в Тунис с французскими войсками, то на границе встречу американца с библией в руках, который скажет, что вход в Тунис запрещен для де Голля… Сейчас французский народ мало думает об англичанах и американцах — он смотрит на вас, на Советский Союз».

Ничего удивительного в этом не было, ибо на Советский Союз смотрел весь мир. Разные люди с разными чувствами, от восторженного восхищения до неистового озлобления, понимали, что на полях битвы в России решается судьба мировой цивилизации. Как правило, представители социальной среды и консервативных тенденций, характерных для де Голля, смотрели на Советский Союз с растущей тревогой. Все чувствовали, что после 22 июня 1941 года война не только стала другой, до конца справедливой, священной битвой народов за спасение человечества, но и одновременно приобретала объективно антибуржуазную социальную направленность. Далеко не все сделали из этого практические выводы. Более того, восхваляя «доблестные русские армии», многие из правого лагеря не очень стремились помогать Советскому Союзу и его сторонникам. Так, к примеру, делал Черчилль.

Надо отдать должное генералу де Голлю: вопреки всей своей натуре, взглядам и чувствам, «Коннетабль» сумел сделать серьезные выводы в связи с изменением характера войны. Он почувствовал, что может остаться в стороне от основного потока истории, если уподобится лондонским политическим деятелям-эмигрантам, которые, как бы подражая тонущему, не желающему принять руку помощи, упорно стояли на крайне антикоммунистической позиции. Он пошел на изменение политической окраски и социального состава своего движения. Правда, этот поворот дался ему нелегко, и он совершил его под давлением, притом временно и непоследовательно. А этот человек очень не любил уступать. С какой твердостью отстаивал он свою независимость перед Черчиллем! Вся его политическая природа всегда толкала де Голля вправо. Теперь он предпочел искать поддержку на другом фронте, снова обнаружив поразительное чувство реальности. Этот факт занимает в биографии де Голля не меньшее, а возможно, и большее значение, чем даже легендарный призыв 18 июня., Свой призыв де Голль адресовал не французскому народу, не демократическим массам. Он первым произнес слово «Сопротивление», но представлял его в виде воссоздания французской регулярной армии, которая воевала бы на стороне союзников. Но французский народ не собирался терпеливо сносить фашистскую оккупацию и режим Виши, пассивно ожидая прихода союзных

армий. Совершенно независимо от де Голля, даже не заметив его призыва, он вступил в тяжелую, жестокую борьбу против захватчиков, развернув настоящее Сопротивление на самой многострадальной французской земле. Получая все больше информации об этом движении, де Голль понял, что его лондонская организация окончательно превратится в оторванную от народа кучку эмигрантов, которую в момент освобождения никто и знать не захочет.

Де Голль почувствовал также, что без поддержки подлинного Сопротивления нельзя достичь главной цели, которую он перед собой поставил, то есть обеспечить присутствие Франции в лагере великих держав-победительниц. Руководители Англии и США, жаждавшие разделить наследство «больного человека Европы» — Франции, все чаще указывали де Голлю на совершенно непредставительный характер «Свободной Франции», оторванной от реальной Франции и подчиняющейся лишь одному не очень известному генералу.

Между тем генерал де Голль на протяжении первого года существования «Свободной Франции» почти не занимался движением Сопротивления на французской территории и не представлял себе, как можно объединиться с ним. Он признает в своих мемуарах: «Однако, укрепляя всеми средствами нашу заморскую базу, мы главным образом думали о метрополии. Что там делать? Как и с помощью каких средств? Не располагая никакими средствами для действий во Франции и даже не представляя себе, с какой стороны можно было подойти к этой проблеме, мы тем не менее были поглощены разработкой обширных планов, надеясь, что к нам присоединится вся страна… Но эта область подпольной борьбы была для всех нас совершенно незнакомой. Франция была абсолютно не подготовлена к тому положению, в котором она очутилась…

Короче говоря, в метрополии нам совершенно не на что было опереться в своих действиях».

Как это ни парадоксально, де Голль вместе со своей существовавшей уже год организацией оказался во Франции в еще более полном вакууме, чем та пустота, которую он почувствовал в Лондоне в июне 1940 года. В Англии, правда, нашлась такая база, как официальная британская поддержка. Но во Франции, которую так красноречиво представлял де Голль на международной арене, он не видел никакой опоры. И это в то время, когда уже возникло немало активных организаций Сопротивления!

Выступления против оккупантов начались с первых дней появления немцев во Франции. Страна была тогда разделена на

две зоны: северную, в которую входил и Париж, оккупированную немцами, и южную, со «столицей» в Виши, контролируемую режимом Петэна. В южной зоне, где центром движения Сопротивления служил Лион, еще летом 1940 года возникли группы, оформившиеся затем в организации «Комба», «Либерасьон», «Франтирер» и другие. В северной зоне условия были значительно более суровыми. Здесь приходилось иметь дело непосредственно с гестапо. Но и Сопротивление приобрело в этой зоне с самого начала особенно боевой характер. Оно концентрировалось тоже во многих организациях, таких как «Фрон насьональ», «Дефанс де ла Франс», «Либерасьон Нор», «Се де ла Резистанс», ОСМ и другие. В целом Сопротивление представляло, особенно вначале, очень сложную и пеструю картину множества групп, которые появлялись, потом исчезали, объединялись или раскалывались. Много было героических отрядов и групп, которые погибли, вообще не оставив никаких сведений о себе. Все они действовали в подполье и часто даже не знали о существовании друг друга. Здесь боролись и умирали люди разного социального происхождения, политических взглядов, профессий и возраста. Среди них можно было встретить рабочего и крестьянина, титулованного дворянина и священника, профессора и студента, домохозяйку и офицера. Сопротивление, подобно волшебному зеркалу, отразило все лучшее, смелое, благородное, что было во французской нации. Борцов Сопротивления объединяла в одно целое любовь к униженной родине и ненависть к захватчику. Больше всех среди них было рабочих. Известный писатель, единственный академик, участник Сопротивления, а в будущем большой поклонник де Голля, Франсуа Мориак писал: «Только рабочий класс в целом остался верен поруганной Франции».

Активное участие рабочих в Сопротивлении предопределило и роль в этом движении его политических партий, в первую очередь Коммунистической. Германская оккупация застигла компартию в тяжелый момент, она была в 1939 году запрещена, коммунистов преследовали, многие из них сидели в тюрьмах. Тем не менее именно коммунисты стали самой активной и боевой частью Сопротивления, его прочной основой, его душой и сердцем. Один из близких к де Голлю людей, полковник Реми, занимавшийся установлением связей «Свободной Франции» с организациями Сопротивления, уже после войны писал в своей «Книге доблести и страха»: «Французская коммунистическая партия в годы вражеской оккупации долгое время являлась единственной сплоченной политической организацией, обладавшей давно налаженным, отличным аппаратом, строгой

дисциплиной и, что самое главное, высоким моральным духом. Все эти преимущества позволили ей наносить серьезные удары по захватчику. Руководимая Центральным комитетом, недоступным для проникновения чуждых элементов и умело скрывавшимся от вражеских ищеек, Французская коммунистическая партия сыграла ведущую роль в организации отрядов франтиреров и партизан».

Что касается других партий, то более или менее активную роль играли социалисты, хотя среди них оказалось немало вишистов, а некоторые даже стали министрами Петэна. И все же социалистическая партия занимала видное место в Сопротивлении. Несколько социалистов были еще раньше в окружении де Голля, хотя и не на первых ролях. Старейшая партия радикалов, связавшая себя с мюнхенским довоенным курсом, а затем и с Виши, почти вся оказалась вне Сопротивления, за исключением отдельных лиц. Классические правые партии целиком были вишистскими, хотя на более поздних этапах их отдельные представители примкнули к Сопротивлению. Различные левые и католические группировки приняли активное участие в движении. Большую роль играли профсоюзы. В целом Сопротивление было крайне сложным явлением, внутри которого существовало множество политических, социальных и тактических противоречий.

Поэтому, когда де Голль в 1941 году решил вступить в прямой контакт с Сопротивлением, ему приходилось иметь дело с большим количеством организаций, ибо единого руководящего центра не было. Но это обстоятельство, порождавшее и организационные трудности, одновременно оказалось очень выгодным для тех, кто «сопротивлялся» в Лондоне. Это позволило де Голлю, стоявшему в стороне от внутренних разногласий Сопротивления, не замешанному в его противоречиях, выдвинуть претензию на руководящую роль. Сближение «Свободной Франции» и Сопротивления было нелегким делом. Полного единства никогда не было достигнуто. И до самого конца между ними существовала пропасть, через которую удалось перебросить лишь очень зыбкие мостики, сразу рухнувшие после освобождения. Причина этого состояла в глубочайших социальных и политических различиях движения де Голля и внутреннего Сопротивления.

Серьезные разногласия вызывали вопросы тактики. Де Голль полагал, что Сопротивление должно превратиться в сеть законспирированных отрядов, имеющих тайные склады оружия. Действовать они должны только по приказу фактического главнокомандующего Сопротивлением, роль которого, естественно, должна принадлежать генералу. В то время как

массы бойцов Сопротивления рвались в бой против немцев, де Голль хотел, чтобы они ожидали его приказа, который должен последовать перед вторжением союзных армий во Францию. Пока Сопротивлению следовало играть роль фактора, укрепляющего престиж Французского национального комитета во главе с де Голлем в качестве единственного представителя Франции, а в будущем — помочь ему установить в метрополии свою власть. Сопротивление, по словам де Голля, должно выступить «как одно целое в сочетании с действиями армий освобождения». Пока же оно должно быть в резерве. «Еще не наступил момент начинать открытые боевые действия в метрополии», — говорил де Голль.

Но организации Сопротивления не желали считаться с этой непонятной и странной для них тактикой и осенью 1941 года начали массовые нападения на оккупантов. Тогда, 23 октября 1941 года, де Голль выступил с речью по радио, которая озадачила и удивила бойцов Сопротивления. «Тот факт, — говорил де Голль, — что французы убивают немцев, является абсолютно нормальным и абсолютно оправданным. Если немцы не хотят, чтобы их убивали, им следует оставаться дома… Но существует тактика ведения войны. Войной должны руководить те, кому это поручено… В настоящее время мой приказ для оккупированной территории: немцев открыто не убивать! Он вызван единственным соображением: сейчас враг может совершенно беспрепятственно осуществлять массовые убийства наших пока безоружных борцов. Напротив, как только мы сможем перейти в наступление, будут отданы соответствующие приказы».

Этот приказ де Голля не был понят бойцами Сопротивления, которые считали его равносильным прекращению Сопротивления вообще, отказом от его главной, решающей, самой активной формы. Их возмутило то, что Сопротивлению предлагалось ограничиться сбором разведывательных данных под контролем полковника Пасси или Жака Сустеля (другого доверенного де Голля, будущего руководителя фашистской ОАС начала 60-х годов). Боевые организации Сопротивления не подчинились этому приказу, считая его капитулянтским, и он, таким образом, не способствовал росту авторитета де Голля в качестве вождя Сопротивления. Вместе с тем этот приказ породил тактику «аттантизма» — выжидания, серьезно тормозившую борьбу с фашизмом.

И все же де Голлю удается расширять связи с Сопротивлением. Его лидеры, несмотря на разногласия с де Голлем, понимали необходимость создания какого-то руководящего центра борьбы. Они остро нуждались в оружии, деньгах, а все это было у де Голля. Поэтому контакты с

Лондоном, несмотря на исключительные трудности, неуклонно развиваются. Ведь поездка в Лондон из Франции означала почти то же самое, что и переход через линию фронта. К тому же де Голлю постоянно мешала Интеллидженс сервис, создавшая сеть своей агентуры во Франции и вступавшая в прямую конкуренцию со «Свободной Францией».

Де Голлю особенно важно было заручиться поддержкой кого-либо из видных лидеров Сопротивления. Ведь люди, посылаемые им из Лондона, все эти бывшие кагуляры или члены «Аксьон франсэз», офицеры разведки и профессиональные шпионы, не вызывали симпатий у бойцов Сопротивления. Нужен был человек, который пользовался бы их уважением и одновременно склонный поддерживать линию де Голля. Такой человек нашелся, и он оказал генералу неоценимую услугу в решении проблемы внутреннего Сопротивления.

Это был 40-летний Жан Мулен, префект департамента Эр и Луар, которого немцы, заняв Шартр, немедленно арестовали, но затем скоро выпустили. После того как Виши отстранило его от должности префекта, он создал одну из подпольных организаций Сопротивления. Жан Мулен, видя раздробленность движения, почувствовал необходимость его объединения. В этом он заручился поддержкой других деятелей Сопротивления, таких, например, как руководитель «Комба» Френэ. Несмотря на свою молодость, Мулен имел немалый опыт политической деятельности. Он руководил кабинетом министра авиации Пьера Кота в правительстве Народного фронта, у него были связи в левых кругах, близких к коммунистам. Не случайно кагуляры из окружения Пасси относились к нему подозрительно. Тем не менее, как бывший префект, он импонировал де Голлю, ценившему доверенных лиц государства. В октябре 1941 года Мулен добрался до Лиссабона, а оттуда с трудом переправился в Лондон. На протяжении декабря 1941 года он часто и подолгу беседует с де Голлем, разъясняя ему, что же представляет собой Сопротивление. Со своей стороны де Голль добивался его поддержки; когда надо было, генерал умел быть обаятельным. В конце концов они договорились, и Мулен получил предписание де Голля осуществить «единство действий всех лиц, сопротивляющихся врагу и его пособникам». В январе 1942 года, прыгнув с парашютом с английского самолета, он возвратился во Францию. Мулен сумел объединить в южной зоне три наиболее крупные организации в Объединенное движение Сопротивления. Он был признан представителем де Голля большинством лидеров Сопротивления и создал генеральную делегацию де Голля во Франции. Хотя в Лондоне ее изображали в виде верховного

органа, возглавлявшего все Сопротивление, в действительности это было всего лишь своего рода посредническое бюро, занимавшееся распределением денег, оружия и т. п. Таким образом, Мулену удалось добиться взаимного «признания» Сопротивления и лондонских свободных французов. Это было уже большое достижение, опираясь на которое Мулен продолжал и дальше свои усилия по объединению Сопротивления.

В Лондон к де Голлю приезжают другие представители Сопротивления. В начале 1942 года его особенно интересуют социалисты. С ними де Голль хотел договориться, прежде чем установить связь с самой влиятельной силой Сопротивления — компартией. Так, в марте прибыл социалист Кристиан Пино, представитель профсоюзов и «Либерасьон Нор». Во время длительных переговоров Пино и де Голль пытались найти общую платформу. Но генерал говорил лишь о восстановлении величия Франции и осуждал одинаково энергично как Петэна, так и Третью республику. Последнее пугало социалистов, поскольку де Голль тем самым как бы отказывался бороться за восстановление после войны парламентской демократии. Он не хотел вначале и слышать о каких-либо проектах социальных реформ. Де Голль и Пино не смогли договориться, и социалистический лидер 28 апреля 1942 года уже садился в самолет, когда мотоциклист вручил ему текст обращения де Голля к Сопротивлению, в котором генерал не ставил на одну доску Виши и Третью республику, обещая восстановить демократические свободы и провести социальные реформы.

Среди представителей социалистической партии, приезжавших в Лондон, был и Андрэ Филипп. «Де Голль, — вспоминал он, — в течение трех часов читал мне лекцию о Государстве и Нации. Как только он замолчал, я сказал ему: генерал, я отделюсь от вас, как только будет выиграна война. Вы боретесь за восстановление национального величия. Я же выступаю за строительство социалистической и демократической Европы».

Такие речи без особого удовольствия де Голль слышит от представителей Сопротивления, с которыми он встречался. В мае 1942 года, выбравшись из Франции на подводной лодке, в Лондон приезжает д'Астье де ла Вижери, руководитель одной из крупных организаций Сопротивления «Либерасьон». Д'Астье — потомок аристократического рода, из которого вышли несколько министров внутренних дел при Наполеоне и Луи-Филиппе. Это бывший морской офицер, словом, человек своего круга. Но д'Астье все же инстинктивно почувствовал в тот момент народную сущность Сопротивления, неотделимого от левых,

демократических сил, от Коммунистической партии. Он тоже за социальные реформы, за демократизацию Франции. Сначала его несколько часов назойливо допрашивают офицеры британской контрразведки, потом французской. Наконец его приглашают на беседу с де Голлем. «С самого утра, — вспоминает д'Астье, — сначала в беседах с другими, а теперь с ним, я остро ощущаю атмосферу того непреодолимого недоверия, в котором я, словно в облаке из ваты, уже полтора года бьюсь во Франции; я вновь выкладываю доводы в защиту его и нашего общего дела. Как может он не верить? Он подозрителен, это понятно, потому что он слишком многое и многих презирает в мире. Но не доверять мне он не может, ибо я — тот французский муравей, который тащит свою соломинку для исторического здания…»

Да, никакое историческое дело невозможно осуществить, не опираясь на широкие массы, на Сопротивление, выражающее их надежды и чаяния. Де Голль видит необходимость поворота своей политической линии; он постепенно меняет характер своих выступлений, в которых появляются слова, довольно необычные для его лексикона. 1 апреля 1942 года он говорит: «Франция, преданная привилегированными группами и правящей верхушкой, совершает величайшую в своей истории революцию». 30 апреля де Голль заявляет: «Пример Сопротивления подают французские трудящиеся, которые поддерживают вопреки всему честь, славу и величие французского народа».

23 июня 1942 года в подпольных газетах Сопротивления публикуется манифест генерала де Голля, призванный сформулировать цели французского народа в войне. Здесь в общей форме содержится та программа, которая должна объединить де Голля и Сопротивление. В этом документе подтверждаются задачи, которые выдвигались им и раньше, то есть восстановление независимости и территориальной целостности Франции и т. п. Но кроме этого в манифест включены важные гарантии внутреннего устройства Франции после победы. Французам «должны быть возвращены все их внутренние демократические свободы. После того как враг будет изгнан из Франции, все мужчины и женщины нашей страны изберут Национальное собрание, которое само решит судьбы нашей страны». Де Голль говорит о необходимости упразднения «системы коалиций частных интересов, которая в нашей стране действовала против интересов нации», о достижении не только свободы для каждого, но и «социальной справедливости». Французский народ, заявляет он, «собирает свои силы для революции».

Вскоре, 27 июля 1942 года, в состав Французского комитета

национального освобождения включают социалиста Андрэ Филиппа, получающего пост комиссара внутренних дел. Отныне Пасси и его организация (БСРА) занимаются только военными проблемами Сопротивления, а его политические задачи передаются в ведение Филиппа, конечно, при его полном подчинении верховному руководству де Голля. Таким образом, усилия Жана Мулена по объединению Сопротивления дополняются изменениями наверху, в окружении генерала, в его фактическом правительстве.

Однако по-прежнему в стороне остается самая сильная и активная организация Сопротивления «Фрон Насьональ», в которой преобладают коммунисты. Они составляют основу наиболее боевых и действенных вооруженных сил Сопротивления. Зародыш военной организации, которую коммунисты начали создавать еще в конце 1940 года, уже превратился в подпольную армию «франтиреров и партизан» (ФТПФ).

Во имя освобождения Франции коммунисты требуют объединения всех национальных сил. Более того, ради интересов родины они учитывают и принимают притязание де Голля на руководство. В феврале 1942 года ее представители встречаются с полковником Реми и, как пишет де Голль в своих мемуарах, «поручили передать мне, что они готовы признать мое руководство и послать полномочного представителя в Лондон в мое распоряжение». Проходят месяцы, но это новое обращение остается без последствий. Де Голль все еще не решается преодолеть свои опасения, что коммунисты хотят «объединить все Сопротивление, чтобы превратить его, если окажется возможным, в орудие своих честолюбивых устремлений… оттеснить меня и самим очутиться у руководства».

Таким образом, после двух лет существования «Свободной Франции» для объединения Сопротивления сделан еще только первый шаг. Де Голль пока ограничивается сотрудничеством с социалистами и уклоняется от поддержки компартии.

Однако внутреннее Сопротивление являлось для де Голля не целью, а лишь средством решения первостепенной задачи укрепления позиций «Свободной Франции» в лагере великих держав. А в этом плане кроме колоссального приобретения, каким оказалось установление союзнических отношений с СССР, дела по-прежнему обстояли не блестяще. Вернувшись в Лондон в сентябре 1941 года после весьма болезненного утверждения власти «Свободной Франции» в Сирии и Ливане, де Голль столкнулся с ледяным отношением Черчилля. Британский премьер, переносивший обычно политические разногласия в сферу личных отношений, некоторое время даже отказывался

встречаться с де Голлем.

В Лондоне ему жилось не сладко. Казалось бы, страна, приютившая его и предоставившая средства для великого предприятия, должна была вызывать у него лишь чувство благодарности. В действительности происходило нечто противоположное. Де Голль быстро понял, что Лондон стал колыбелью «Свободной Франции» не из-за добрых чувств Черчилля, а из-за его циничного расчета. Не случайно, восхваляя британского политического деятеля в своих мемуарах, он не упускает ни одной возможности подчеркнуть, например, его «двусмысленные обещания и наигранные эмоции». Вообще, самые яркие страницы этих мемуаров посвящены язвительному описанию коварства и дьявольской изощренности британской дипломатии, не говоря уже об особенно раздражавшей его Интеллидженс сервис. Создается впечатление, что все английское начинает вызывать у де Голля антипатию. «В самом сердце Англии, которая была тверда и непоколебима, — вспоминал он, — нас окутывал ледяной холод». Однако намерение де Голля перевести свою штаб-квартиру в Браззавиль или в Бейрут не осуществилось, и он, вернувшись с Востока, безвыездно находился в Лондоне около десяти месяцев. Слишком во многом он зависел от англичан. Деньги, информация, средства связи, вооружение, даже возможности передвижения — все шло от них. К тому же отсюда легче было установить связи с метрополией, столь необходимые теперь, когда надо было опираться на внутреннее Сопротивление. По-прежнему он одиноко жил в отеле «Кон-нот», а субботы и воскресенья проводил с семьей, жившей сначала в Шропшире, а затем в другом пригороде — Беркхэмстеде, в 40 километрах от Лондона. Позже семья поселилась в Лондоне, в районе Хэмпстед. Собственно, их было трое, генерал, мадам де Толль и дочь Анна, ибо сын Филипп после поступления в морскую школу плавал и воевал на корвете «Розелис», а потом на торпедном катере «9в», где был помощником командира. Дочь Элизабет жила в католическом пансионе «Дам де Сион», готовясь к поступлению в Оксфорд.

Аппарат «Свободной Франции» давно уже переселился из небольшого помещения Стефенс-хауз в отель «Карлтон-гарденс», где сначала он занимал один этаж, потом все здание, а постепенно и оно оказалось тесным и многие бюро размещались в разных концах Лондона. К началу 1941 года гражданский аппарат «Свободной Франции» насчитывал 96 человек, военный — 280 офицеров и солдат, кроме 70 гражданских служащих. Де Голль не баловал своих сотрудников высокими окладами; в зависимости от ранга все получали от 15 до 30 фунтов стерлингов в месяц. С

осени 1941 года деятельность этого сравнительно небольшого аппарата начинает напоминать работу правительства. В зале с часами «Карлтон-гарденс» регулярно, не реже одного раза в неделю, происходят под председательством де Голля заседания Национального комитета, члены которого как бы выполняют роль министров. Но их функции чисто совещательные и исполнительные. И царствует, и управляет один генерал, его решения не подлежат критике. «Ни один из национальных комиссаров, — писал де Голль, — никогда не оспаривал моего окончательного решения… ответственность целиком лежала на мне. В борьбе за освобождение мне, бедняге, приходилось всегда в конечном счете отвечать за все».

Правда, однажды произошел бунт, который устроил адмирал Мюзелье, считавший, что политика де Голля угрожает дружбе с союзниками. Вернувшись в Лондон после занятия острова Сен-Пьер, он в марте 1942 года подал в отставку с поста комиссара военного и торгового флота. Но он хотел остаться командующим флотом «Свободной Франции». Английское правительство официально поддержало Мюзелье, и это окончательно взбесило де Голля. Он резко отклонил очередное английское вмешательство, пресек попытки Мюзелье поднять против де Голля офицеров флота, и участие адмирала в делах «Свободной Франции» прекратилось.

Между тем болезненные трения в отношениях с английским правительством происходят непрерывно. Весной 1942 года противоречия снова вспыхивают в Сирии и Ливане. Англичане упорно препятствуют попыткам де Голля установить свой контроль над Французским Сомали. А затем происходит событие, которое довело возмущение де Голля до крайности. В 3 часа ночи 5 мая 1942 года ему сообщили, что английские войска высадились на Мадагаскаре. Англичане не посоветовались предварительно с де Голлем, который сам предлагал в это время изгнать губернатора Виши с острова, превышавшего своим размером территорию Франции. Когда де Голль потребовал от Идена объяснений, то услышал в ответ туманное обещание обеспечить участие «Свободной Франции» в управлении Мадагаскаром. Де Голль направил тут же на остров своего представителя, но англичане помешали этой поездке и сохраняли на Мадагаскаре власть вишистского губернатора. Тогда, 6 мая, де Голль заявил английскому правительству, что он прекратит сотрудничество с Англией и США, если они посягнут на какую-либо часть французских владений.

Угроза подействовала, и 10 мая Черчилль пригласил де Голля и больше часа беседовал с ним. Британский премьер говорил о

своих дружеских чувствах к Франции, о своем желании видеть ее великой державой, об опасности захвата Мадагаскара японцами, что и потребовало немедленных действий. Но больше всего он ссылался на волю правительства США, не желавшего и слышать об участии де Голля в операции на Мадагаскаре. Де Голль отвечал, что он не может уступить, ибо то, что делается в отношении Французской империи, потом будет применяться в отношении самой Франции. Он выразил решимость ни в чем не уступать Соединенным Штатам и Рузвельту. «Ничего не форсируйте! — сказал Черчилль. — Смотрите, как я: то склоняюсь, то снова выпрямляюсь». «Вам это можно, — отвечал де Голль. — Ведь вы опираетесь на крепкое государство, сплоченную нацию, единую империю, сильные армии. А я! Что у меня есть? И все же, вы это знаете, я обязан заботиться об интересах и будущем Франции. Это слишком тяжелое бремя, и я слишком беден, чтобы позволить себе сгибаться…» Заканчивая беседу, Черчилль заверил де Голля, что он не будет мешать ему установить власть «Свободной Франции» в Сомали и на Мадагаскаре. «Можете рассчитывать на меня», — сказал Черчилль, прощаясь с генералом.

Весной 1942 года де Голль переименовал свое движение. Отныне оно называется «Сражающаяся Франция». Он сделал это, будучи убежден, что в 1942 году произойдут решающие, переломные события в ходе войны. Здесь он оказался прав. Но в какой мере его вооруженные силы, численностью в 70 тысяч человек, оправдывали название «сражающихся»? Данные об их относительных потерях говорят в пользу справедливости переименования. Потери авиации в два раза превысили численность действующего личного состава. На 3600 человек плавсостава военного флота пришлось 700 человек погибших. В море осталось больше четверти матросов французского торгового флота. Надо еще прибавить тогда неизвестные, но тяжелые жертвы внутреннего Сопротивления.

Однако эти потери были незаметными, ибо французы погибали в повседневных военных операциях, вроде конвоирования торговых судов или воздушного патрулирования. Де Голль мечтал об участии своих солдат в крупных сражениях, где они смогли бы прославиться. Вот почему он так добивался участия двух своих дивизий (по численности это были скорее не дивизии, а бригады) в военных действиях в Ливии. Когда англичане отказали ему в этом, он решил отправить их на советско-германский фронт. Однако это очень не понравилось англичанам, и они согласились допустить французов к боям в Ливии. Уступка объяснялась и тем, что германо-итальянские

войска под командованием генерала Роммеля готовились к большим наступательным операциям и на счету был каждый солдат. Еще в декабре 1941 года Черчилль сообщил де Голлю, что британское командование готово удовлетворить его желание. Английский премьер предложил даже самому де Голлю лично отправиться в Ливию: «Роммель — танковый генерал и вы — генерал танковых войск. Почему бы вам не померяться с ним силами?» Но у де Голля были задачи покрупнее и вообще он не оценил юмора Черчилля.

Две французские дивизии, насчитывавшие 12 тысяч человек, то есть одну пятую всех союзных сил, заняли позиции у Бир-Хашейма. 27 мая Роммель перешел в наступление, и произошло то, о чем де Голль давно мечтал: впервые с 1940 года французы и немцы вновь встретились в большом сражении. Французская дивизия генерала Кенига попала в тяжелое положение. 7 июня войска Роммеля полностью окружают ее в Бир-Хашейме. Французы оказывают бешеное сопротивление противнику. Лондонские газеты помещают сообщения под заголовками: «Героическая оборона французов». Де Голль с тревогой следит за ходом боев. Он знает, что его дивизии под угрозой полного уничтожения. Но 11 июня они с боями вырвались из кольца. Это был большой успех, который признают в своих воспоминаниях даже бывшие гитлеровские генералы. Де Голль был удовлетворен. «Пушки под Бир-Хашеймом, — писал он, — возвестили всему миру о начале возрождения Франции».

Двухлетняя годовщина призыва 18 июня была отмечена исключительно торжественно. 10 тысяч французов собрались в огромном зале «Альберт-холл», украшенном трехцветным полотнищем с Лотарингским крестом. Де Голль произнес большую, взволнованную речь, начинавшуюся словами Шамфора: «Рассудительные люди прозябали. Но по-настоящему жили только люди больших страстей». Он нарисовал картину двухлетнего периода поражений и побед свободных французов, которая служила как бы фоном для его собственного автопортрета. Разумеется, сказано было и о недавней победе «Сражающейся Франции»: «Когда луч возрождающейся славы озарил в Бир-Хашейме окровавленные головы ее солдат, мир признал Францию…»

Казалось, что это действительно так, ибо отношение Англии и США к де Голлю в начале лета 1942 года стало необычайно дружественным. 9 июля госдепартамент США вручил де Голлю меморандум, в котором говорилось о назначении американского представителя при Французском национальном комитете, о том, что США признают вклад генерала де Голля в поддержание духа

французских традиций и обещают военную помощь Французскому национальному комитету, «являющемуся символом французского Сопротивления». Конечно, этот довольно туманный меморандум не содержал четких формул признания. Даже английские заявления шли дальше, не говоря уже о документах СССР. Но, учитывая недавнее прошлое, это выглядело серьезным сдвигом. Что касается Англии, то спустя четыре дня была опубликована декларация о расширении франко-английского сотрудничества. 14 июля, в день французского национального праздника, на параде французских частей присутствовал генерал Эйзенхауэр, а Идеи в этот день заявил по радио: «Благодаря решению генерала де Голля Франция никогда не покидала поле битвы».

Американцы и особенно англичане не скупились на красивые фразы, но упорно продолжали считать де Голля лишь «символом», а не правительством или его основой, исключавшей другие варианты. «Сражающаяся Франция» остро нуждалась в том, чтобы признали ее исключительное право представлять Францию. Западные союзники, оправдывая наихудшие опасения де Голля, отказывались это сделать. Только Советский Союз протянул тогда свободным французам дружескую руку помощи. В коммюнике от 28 сентября 1942 года Советское правительство признало Французский национальный комитет «единственным органом, обладающим правом организовывать участие в войне французских граждан французских территорий и представлять их интересы».

Между тем летом 1942 года на Британских островах концентрировались американские войска, авиация, военный флот. Де Голль не получал никакой информации об этих военных приготовлениях. Стоило ему во время встреч с официальными представителями США и Англии завести речь на тему о будущих военных операциях, Как его собеседники немедленно переводили разговор на Другую тему, а де Голль мрачно замолкал. Неужели готовилось открытие второго фронта? Согласно обещаниям США и Англии, которые они дали Советскому Союзу, так должно было бы случиться. Что касается де Голля, то он был самым искренним сторонником второго фронта. В июле 1942 года он представил союзным правительствам свои соображения по этому поводу. Де Голль считал операцию вполне реальной, поскольку основные силы Гитлера были скованы в России. Поэтому, по его расчетам, для осуществления успешной высадки в Европе хватило бы 50 дивизий. Де Голль представил точные сведения о том, какие силы может выделить «Сражающаяся Франция» для участия в операции. В начале июля он даже на всякий случай отдал приказ

держать все французские силы в состоянии немедленной готовности.

Но он знал и о существовании другого плана, состоявшего в том, чтобы ограничиться высадкой в Северной Африке. «Я, естественно, — вспоминал он, — был за прямые наступательные операции в Европе, предпринятые из Великобритании. Никакая другая операция не могла решить дело. К тому же для Франции лучшим вариантом является тот, который может положить конец испытаниям оккупации и перенести борьбу на территорию метрополии».

Однако все больше признаков свидетельствовало о том, что США и Англия, руководствуясь какими-то тайными соображениями, явно не имевшими ничего общего с интересами скорейшего разгрома фашизма, готовятся к высадке в Северной Африке. От де Голля эти планы скрывали тщательнее, чем от Виши. Он терялся в догадках и негодовал, что его оставляют в неведении, тогда как речь шла в конце концов о высадке на территории французских колоний. Он видел также подозрительные маневры американских дипломатов. Роберт Мэрфи, представлявший США в Северной Африке, вел какую-то сложную игру, в которой исключалось участие де Голля. Все подтверждало подозрение, что США ведут дело если не к устранению де Голля, то, во всяком случае, к решению французских проблем без его участия. Высадка в Северной Африке означала, что освобождение Франции откладывается на долгое время и что вообще де Голль не будет иметь к этому отношения. Трудно было вообразить что-либо более неприятное для де Голля, которому невыносимо было сознавать, что его водят за нос. Свое унизительное положение он ощущал еще острее на фоне притворного доброжелательства, проявленного американцами и англичанами в июле. Находиться в самом центре подготовки больших событий, имеющих прямое отношение к Франции, и чувствовать себя полностью отстраненным от этой подготовки было для де Голля крайне мучительно. Поэтому 5 августа он летит на Ближний Восток и остается там до конца сентября, пытаясь противодействовать новым английским маневрам во французских колониях. Но как ни тяжела была обстановка в Лондоне, надо было туда возвращаться и, как вспоминает де Голль, «терпеть, находясь хоть и в дружеской, но чужой стране, где все стремятся к иным, своим целям, где говорят на другом языке и где я на каждом шагу ощущаю, как мало мы, с нашими скудными возможностями, значим в ведущейся крупной игре».

29 сентября на Даунинг-стрит происходит небывало резкое

объяснение с Черчиллем. Британский премьер с негодованием говорит о независимом поведении де Голля и отвергает его требования в отношении Сирии, Ливана, Мадагаскара. В ходе взаимного обмена резкостями де Голль заявляет, что он не допустит ущемления прав Франции. Черчилль взрывается и кричит: «Вы говорите, что вы — Франция! Вы — не Франция! Я не признаю вас Францией, не признаю, что в вашем лице имею дело с Францией!» Британский премьер разбушевался: «Франция! Где она? Я, конечно, признаю, что генерал де Голль и его последователи представляют собой значительную и уважаемую часть французского народа. Но, несомненно, можно и кроме них найти власть, представляющую не меньшую ценность». Де Голль прерывает его: «Если, по-вашему, я не являюсь представителем Франции, то почему же и по какому праву вы обсуждаете со мной вопросы, связанные с международными интересами Франции?»

Черчилль сурово молчит. Но этот «лейтенант Рузвельта» делает свое дело вместе с американцами, а де Голлю остается только ждать, когда поднимется занавес и начнется новый акт его драмы.

Алжир

Лондон, 7 ноября 1942 года… Советский посол при эмигрантских правительствах Богомолов давал прием в честь 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Находившийся в толпе гостей Ренэ Плевен, член Французского национального комитета, почувствовал, как знакомый чехословацкий министр взял его за локоть и прошептал ему на ухо: «Этой ночью…»

К берегам Алжира, Туниса и Марокко подходили в это время 200 военных и ПО транспортных судов, осуществляя операцию «Факел». 120 тысяч американских и английских солдат начали высадку на территории французских колоний.

Английское правительство ночью сообщило о десанте по телефону дежурившему в «Карлтон-гарденс» полковнику Бийоту. В 6 часов утра он явился к де Голлю. Генерал встретил его в пижаме и шлепанцах. Выслушав сообщение, он побледнел. «Надеюсь, — воскликнул де Голль, — что люди Виши сбросят их в море! Во Францию не вступают с помощью кражи со взломом!»

Де Голль знал, что операция должна состояться. Но он до последней минуты надеялся, что союзники все же в какой-то мере привлекут его к участию в ней, хотя бы предупредят заранее. Но его игнорировали в самой унизительной форме. Принимая утром Жака Сустеля, одного из самых близких своих сотрудников, он удрученно заметил: «Только бог знает, каковы будут последствия этих событий для Франции. Лучше нам не вмешиваться в них…»

Наступил один из самых трудных этапов жизни де Голля, почувствовавшего отсутствие почвы под ногами. Казалось, он снова в том же положении, как в июне 1940 года, когда, остро ощущая свое одиночество, свою затерянность в бурном океане событий, он со своим призывом 18 июня вызывал, по его собственным словам, «иронию, жалость и слезы». Но в то время де Голля вдохновляла и согревала надежда. И действительно, вопреки всему столь много было достигнуто. Сейчас же все рухнуло… Но, как известно, человек исключительной силы и таланта лучше всего проявляет себя в наихудшем положении. Горькие минуты возмущения судьбой сменились состоянием мужественной напряженности. Он не растерялся, не стал искать легких путей приспособленчества. Проявляя потрясающее хладнокровие и выдержку, он начинает сложнейшую политическую игру против таких опытных и сильных противников, как Рузвельт и Черчилль, и после десяти месяцев напряженной борьбы блестяще выигрывает партию. В отличие от

своих самоуверенных партнеров он продумывает заранее десять ходов вперед, улавливает малейшее дуновение в политической атмосфере и в конце концов побеждает. Начинается один из любопытнейших этапов биографии де Голля.

В полдень 8 ноября де Голля приглашают на Даунинг-стрит. Черчилль и Идеи встречают его изъявлением дружеских чувств, выражением симпатии и явным смущением. А де Голль уже обрел свою обычную форму ледяного спокойствия и демонстрирует этим классическим представителям британских добродетелей пресловутую английскую флегму во французском исполнении.

Черчилль объявляет, что американцы категорически потребовали отстранить де Голля. «Мы вынуждены пройти через это, — говорит Черчилль. — Однако вы можете быть уверены, что мы не отказываемся от наших соглашений с вами… Вы были с нами в самые трудные моменты войны. Теперь, когда горизонт начинает проясняться, мы не покинем вас».

Де Голль не без удовлетворения узнает, что тайное заигрывание американцев с вишистскими генералами не избавило их от необходимости сражаться. Идут тяжелые бои. 200-тысячная французская армия почти везде оказывает сопротивление. Он узнает, что американцы вывезли из Франции на подводной лодке генерала Жиро, старого знакомого де Голля, под началом которого он когда-то служил. Этот ограниченный генерал прославился лишь своим бегством из немецкого плена. Его держат сейчас наготове в штабе генерала Эйзенхауэра в Гибралтаре. Но в Алжире оказался адмирал Дарлан, одно из первых лиц в иерархии Виши.

Де Голль хладнокровно дает советы военного характера. Удивляется, что американцы не учли в своих планах первостепенную необходимость захвата Бизерты, мощной базы в Тунисе. Именно туда немцы могут бросить подкрепление, что, кстати, и случилось. Де Голль даже не упускает возможности дать британцам очередной урок независимой политики. «Вот чего я не понимаю, — говорит он, — как это вы, англичане, целиком и полностью передали в чужие руки предприятие, в успехе которого в первую очередь заинтересована Европа?» «Что бы там ни было, — заключает он, — самое главное сейчас — добиться прекращения боев. А там посмотрим».

В 8 часов вечера де Голль выступает по радио с обращением к французам Северной Африки, к солдатам и офицерам армии, к французскому населению, которое насчитывало здесь больше миллиона человек. Ни тени обиды, заносчивости, никакого следа недовольства его грубым отстранением. Все личные чувства отметены в сторону. Выступает политический деятель, для

которого превыше всего интересы борьбы с Гитлером, патриот, стоящий выше личных амбиций: «Поднимайтесь! Помогайте нашим союзникам! Присоединяйтесь к ним без всяких оговорок! Не думайте ни об именах, ни о формулах! За дело! Наступила великая минута. Наступил час благоразумия и мужества… Французы Северной Африки! С вашей помощью мы снова вступим в дело от одного конца Средиземного моря до другого, и победа, будет одержана благодаря Франции!»

А янки делают свое дело с большим размахом и с большим отсутствием политического чутья, упуская главное— антифашистский характер войны. Ради непосредственной выгоды делаются вещи, оставляющие впечатление беспринципности. Как раз 8 ноября Рузвельт откровенно изложил свою политику, принимая Андрэ Филиппа, члена Французского национального комитета, направленного в Вашингтон с целью преодоления упорного предубеждения президента против де Голля. Эмиссар «Сражающейся Франции» вручил письмо генерала, в котором он с красноречивой скромностью излагал свои безупречные намерения, опровергая подозрения в диктаторских замыслах. «После тяжелых лет оккупации, — пишет он, — абсурдно воображать, будто во Франции можно ввести и осуществлять личную власть». Так ли уж абсурдно? Во всяком случае, письмо будет оставлено без ответа. Андрэ Филиппа заставили целый месяц ждать приема у президента, и только на другой день после американской высадки в Северной Африке он был допущен в Овальный салон Белого дома.

Социалистический лидер, профессор права выступает адвокатом де Голля и убедительно обосновывает политические планы «Сражающейся Франции». Президент обрывает его: «Политически Франция для меня не существует до тех пор, пока выборы не выдвинут ее представителей…» «Но кто будет представлять Францию до выборов, кто организует их?» «Мы готовим группу политических и военных специалистов, которые обеспечат управление Францией в ожидании восстановления демократии…» «Господин президент, для французского народа иностранный оккупант всегда будет только оккупантом…» «Я, — отвечает Рузвельт, — не являюсь идеалистом вроде Вильсона, я интересуюсь прежде всего эффективностью, у меня достаточно проблем, которые надо решать. Мне подходят те, кто помогает их решать. Сегодня Дарлан дает мне Алжир, и я кричу: Да здравствует Дарлан! Если Квислинг дает мне Осло, я кричу: Да здравствует Квислинг!.. Пусть завтра Лаваль даст мне Париж, и я скажу: Да здравствует Лаваль!»

В точном соответствии с таким курсом американское

командование 11 ноября заключает соглашение с адмиралом Дарланом, признавая его Верховным комиссаром Северной Африки. К Дарлану присоединяются вишистские губернаторы разных частей Французской империи— Ногес, Шатель, Бержере, Буассон. Эти коллаборационисты и вишисты охотно идут на службу к американцам, видя, куда склоняется чаша весов. Генерал Жиро, который в своей наивности потребовал ни больше ни меньше, как пост верховного главнокомандующего войсками союзников (то есть и американцами!), оставлен в запасе. Впрочем, он поспешно присоединяется к Дарлану, получая командование французской армией в Африке. 15 ноября Дарлан объявил об установлении новой власти… от имени маршала Петэна!

А Гитлер оккупирует теперь всю Францию, в том числе и южную зону. В Тулоне гибнет огромный французский флот. Французы взрывают свои корабли, которые могли бы послужить освобождению Франции. Режим Петэна окончательно превращается в жалкую фикцию. А в это время союзники на глазах французов, ожидавших их как освободителей, отдают власть в Северной Африке вишистам! Американцы покровительствуют представителям самой отвратительной и продажной диктатуры, отвергая де Голля из-за его «диктаторских поползновений». Но де Голль имеет безупречную репутацию патриота, и в глазах французов его моральный авторитет растет. Рузвельт приобретает вишистов и… теряет Францию! Де Голль пишет в эти дни генералу Катру по поводу североафриканских событий: «Все это некрасиво. Я думаю, что через некоторое время все это будет низвергнуто и мы окажемся единственной чистоплотной и эффективной организацией…»

16 ноября публикуется коммюнике Французского национального комитета, в котором де Голль и его комитет решительно заявляют, что они не принимают никакого участия в переговорах, которые ведутся в Северной Африке с представителями Виши, и не берут на себя никакой ответственности за них. Если эти переговоры приведут к решениям, результатом которых будет закрепление режима Виши в Северной Африке, то эти решения не будут приняты «Сражающейся Францией». Это лаконичное коммюнике призвано было показать, что де Голль действует только в соответствии с волей и достоинством французского народа. И оно не могло не встретить благоприятного отношения со стороны принципиальных антифашистов и патриотов.

Отныне все яснее вырисовывается тактическая линия де Голля в новых условиях, когда под предлогом военной целесообразности США создали в Северной Африке некий

американизированный вариант вишистского режима, отказываясь по-прежнему признавать за де Голлем исключительное право представлять Францию. Черчилль пассивно поддерживает эту политику, но одновременно все время подтверждает свои обязательства по отношению к «Сражающейся Франции».

Де Голль стремится занять место вишистов в Северной Африке и побудить США признать Французский национальный комитет как единственного представителя Франции. Он добивается от Черчилля более активной защиты перед Вашингтоном прав «Сражающейся Франции». Для этого он бросает в игру два основных козыря, которые используются одновременно. Прежде всего де Голль еще выше поднимает в противовес утилитарно-примитивной американской политике знамя идеалов, во имя которых велась народами мировая война. Он опирается на ненависть к фашизму, не допускавшую каких-либо компромиссов с теми, кто связан с ним, вроде вишистов. Он резко расширяет свои связи с внутренним Сопротивлением, чтобы использовать положение номинального вождя этого движения для укрепления своих международных позиций, С другой стороны, он чутко улавливает и использует настроения буржуазии как во Франции, так и в англосаксонских странах. Настроения эти в конце 1942 года определялись событиями всемирного масштаба: происходило великое Сталинградское сражение, по сравнению с которым все североафриканские дела и политическая возня вокруг них выглядели не слишком солидно. Сталинград показал, что Советский Союз будет главным победителем в войне. Это неизбежно означало рост его авторитета, так же как и усиление влияния идеологически родственных ему сил, в первую очередь коммунистических партий. Среди буржуазии нарастало тревожное чувство опасности возможных послевоенных социальных изменений. Де Голль выдвигает тезис, согласно которому только он со своим зародышем правительства сможет спасти Францию от коммунизма, тогда как вишистские правители Северной Африки лишь усилят влияние Коммунистической партии.

Таким образом, тактически де Голль опирается на Сопротивление, на французский народ и его стремления, намереваясь в стратегическом плане использовать приобретенные таким образом позиции с целью предотвращения опасных для буржуазии социальных последствий победы СССР.

Вот как тонко проявилась эта трезво рассчитанная линия в беседе с Черчиллем 16 ноября 1942 года. Де Голль говорил о недальновидности и опасности использования вишистов в Северной Африке, о возможных катастрофических последствиях

такой кратковременной, может быть, и выгодной политики. «Теперь не XVIII век, — заявил он, — когда Фридрих подкупал придворных венского двора, чтобы захватить Силезию, не эпоха Возрождения, когда пользовались услугами полицейских стражников Милана или наемных убийц Флоренции. Но их еще никогда не делали правителями освобожденных народов. Мы ведем войну кровью и душой народов. Вот телеграммы, которые я получаю из Франции. Они показывают, что Франция находится в оцепенении. Подумайте о возможности неисчислимых последствий, если Франция придет к выводу, что освобождение. в том виде, как его понимают союзники, это Дарлан. Вы можете одержать военную победу, но морально вы проиграете, и будет только один победитель-Сталин».

Черчилль не стал возражать по существу, заметив, что происходящие события не предрешают будущего. Но де Голль знал, что страх перед коммунизмом — самое уязвимое место Черчилля, что, играя на этой струне, он не сфальшивит. С методической последовательностью, с новой, удвоенной энергией начинает де Голль осуществлять свой тактический план.

Необходимо было не только любой ценой сохранить единство «Сражающейся Франции», но и, насколько возможно, укрепить ее, расширить ее влияние всеми средствами. Правда, возможности у де Голля уменьшились. Теперь он не мог беспрепятственно пользоваться английским радио, которое попало под контроль американцев. Тем не менее «Сражающаяся Франция» не только устояла перед новой бурей, но и двигалась вперед. В конце 19–42 года под ее власть перешли острова Мадагаскар и Реюньон, затем Сомали. Войска «Сражающейся Франции» успешно действовали в Ливии, ими был взят Феццан, важный пункт, обеспечивающий связь между Тунисом и Экваториальной Африкой.

Де Голль особенно внимательно наблюдал за тем, что происходило в Северной Африке. Ему удалось направить туда свою миссию, но Дарлан выслал ее. Тем лучше, ибо ничто так не укрепляло авторитет де Голля, как его несходство с Дарланом. Скоро эта проблема, впрочем, разрешилась. 24 декабря 20-летний Фернан Боннье де ла Шапель застрелил адмирала. Неожиданное убийство, как считал де Голль, «отвечало железной логике событий». Убийцу в тот же день судили, приговорили к смерти и наутро казнили. Почему такая поспешность? Приговоренный до последней минуты твердил, что влиятельные лица вмешаются и предотвратят казнь. Никто не вмешался. Таинственная история, по поводу которой было много слухов. Одни называли де ла Шапеля роялистом, другие — голлистом…

Теперь Жиро назначили на странный пост «гражданского и

военного главнокомандующего». Де Голль немедленно телеграфирует ему и предлагает встречу, но Жиро уклоняется от нее. Однако переписка двух генералов продолжается, хотя они явно не понимают друг друга. 17 января происходит новая неожиданность. Черчилль срочно просит прибыть де Голля в Касабланку, где он устроит ему встречу с Жира Де Голль узнал, что там же находится и Рузвельт. Не идет ли речь о том, что США и Англия собираются устроить состязание между «своими» кандидатами? Де Голль решил, что это не только недостойная, но и опасная комедия, и ехать отказался.

Через два дня пришла новая телеграмма, содержавшая официальное приглашение Рузвельта и Черчилля прибыть на их встречу. Британский премьер буквально заклинал де Голля приехать, угрожая прекратить всякую поддержку «Сражающейся Франции». Де Голль с нарочитой медлительностью поехал, но уступать ни в чем не собирался. Он был недоволен всем: тем, что по прибытии ему не оказали воинских почестей, что везли его в машине с замазанными стеклами, чтобы не привлекать внимания населения, что разместили его в пригороде Касабланки Анфа, превращенном в опутанный колючей проволокой лагерь. Это показалось де Голлю оскорбительным.

Сначала де Голль встретился с Жиро. Этот генерал армии сообщил, что он «не желает заниматься политикой» и «никогда не слушает радио и не читает газет». Но он не имеет ничего против Виши, совершенно не понимает смысла Сопротивления и готов подчиняться американцам. Затем де Голль встречается с Черчиллем и от него узнает план «урегулирования» французской проблемы. Создается комитет, председателями которого будут генералы Жиро, де Голль и Жорж, а членами губернаторы-вишисты Ногес, Буассон, Бержере и Пейрутон. Последнего только что назначили генерал-губернатором Алжира. Это назначение вызвало повсюду бурю возмущения, ибо Пейрутон был министром внутренних дел Петэна и прославился жестоким обращением с патриотами. Задача проектируемого комитета — управление заморскими владениями Франции. Де Голль мгновенно понял смысл всей комбинации: «Сражающаяся Франция» растворяется в комитете, состоящем из вишистов, он сам автоматически теряет всякое право представлять Францию и его ставят на одну доску с Пейрутоном и прочими, а союзники несколько приукрашивают группу своих вишистских ставленников участием в ней патриота де Голля.

Но все это только внешняя сторона американских замыслов, направленных к далеким, но весьма соблазнительным целям. Не зря де Голль говорил, что «Соединенные Штаты вносят в великие

дела элементарные чувства и сложную политику». На поверхности наблюдались элементарные чувства: как можно скорее навести порядок в Северной Африке, чтобы обеспечить надежный тыл для дальнейших военных операций большого масштаба. И пусть это делает кто угодно, даже вишисты. Однако за этим скрывалась сложная политика. Американцы хотели создать временную федеральную систему управления Французской империей. Губернаторы отдельных территорий получали небывалую самостоятельность. Империя раздроблялась на отдельные куски, и некому было бы защищать ее целостность. И тогда, используя свою экономическую мощь и политическое влияние, США смогут контролировать гигантские территории с нетронутыми неисчерпаемыми ресурсами. И все это, естественно, под флагом движения к свободе и независимости колоний. То, что Черчилль делал прямо и грубо в странах Леванта, США хотели сделать более тонко в масштабах всей Французской колониальной империи. Де Голль с его обостренным чувством национальных, то есть в данном случае империалистических, интересов Франции сразу уловил глубокий смысл американской игры, прикрываемой бесцеремонной непосредственностью и наигранным простодушием этих будто бы беззаботных янки.

Генерал с презрением отверг проект, заявив, что он соответствует уровню «американских старших сержантов» и что о нем нельзя говорить всерьез. Затем состоялась встреча де Голля с Рузвельтом, во время которой президент пустил в ход все свое обаяние, а генерал сохранял мрачную неприступность. Де Голль писал, что Рузвельт, «подобно кинозвездам, недовольно хмурился, видя, что другие тоже могут играть роль. Рузвельт не особенно благосклонно взирал на мою особу, хотя прятал свои чувства под галантным обхождением патриция».

На другой день де Голля посетил Жиро. Этот простоватый солдафон уговаривал принять англо-американский проект и обещал, что де Голлю дадут чин генерала армии, «чтобы не нарушать равновесия». В ответ де Голль прочитал французскому генералу армии лекцию о Франции и ее национальных интересах. Затем явился Роберт Мэрфи, закулисный автор американской политики в Северной Африке; он пытался склонить де Голля к уступкам, утверждая, что в «Северной Африке на каждые сто человек приходится не больше десяти голлистов». Генерал запомнил это утверждение. Последовали новое, исключительно бурное объяснение с Черчиллем, новые встречи с Мэрфи и английским представителем Гарольдом Макмилланом, тоже пытавшимся давать наставления де Голлю. Потом генерала опять пригласили к Рузвельту. Президент попросил де Голля хотя бы

сфотографироваться вместе с ним, Черчиллем и Жиро. Это надо было для прессы, которая уже несколько месяцев яростно нападала на североафриканскую политику президента, Де Голль фотографироваться согласился. «А не пойдете ли вы на то, — обрадованно спросил президент, — чтобы пожать руку генералу Жиро в нашем присутствии и перед объективом фотоаппарата?» Де Голль ответил по английски: «I shall do that for you» — «Сделаю это для вас». Далее все четыре актера предстали перед толпой фоторепортеров и мило заулыбались…

Переговоры в Касабланке

Из Касабланки де Голль хотел отправиться в Ливию, чтобы посетить войска «Сражающейся Франции». Англичане демонстративно отказались предоставить ему самолет и предложили попутной машиной вернуться в Лондон. Там де Голль устроил пресс-конференцию и раскрыл провишистский смысл американской игры. Когда де Голль после этого все же решил лететь на Восток, англичане снова отказались дать ему самолет. Более того, в английских и американских газетах инспирируется шумная кампания против де Голля, резкой критике подвергаются его претензии, планы и поведение. На все лады газеты смакуют анекдот о том, что якобы во время первой встречи с Рузвельтом де Голль сравнил себя с Клемансо, а на второй заявил, что, пожалуй, его прототип — скорее Жанна д'Арк. Будто бы президент сказал де Голлю, что тот должен решить, на кого же из этих двух он в действительности похож, так как, конечно, он не может быть похож на обоих. Это была выдумка,

ибо в действительности де Голль, предлагая Жиро создать комитет, где председателем был бы он, а командующим армией — Жиро, употребил сравнение, чтобы «он (де Голль) был бы Клемансо, а Жиро — Фошем». Однако многие воспринимали анекдот за чистую монету (говорят, его пустил сам Рузвельт), ибо он очень напоминал тон и манеры генерала. Ведь в каждой шутке есть доля правды.

Однако де Голль ни на минуту не пожалел о своей непримиримости в Касабланке. Он теперь убедился, насколько слабы позиции Рузвельта и Черчилля с их вишистским комитетом, насколько они нуждаются в нем, де Голле. Действительно, отныне в секретной переписке между президентом и премьером речь постоянно заходит о «невесте», как они называли де Голля. Смеяться над ним, конечно, было можно, но обойтись без него уже нельзя. Де Голль хорошо помнил мысль Черчилля, высказанную им в порыве откровенности во время одного обильного завтрака еще в ноябре: «Что касается вас, то при всей трудности конъюнктуры ваше положение превосходно! Жиро политически не существует. Скоро пробьет час Дарлана… Не сталкивайтесь с американцами. Наберитесь терпения! Рано или поздно они придут к вам сами, потому что другой альтернативы нет». События развивались именно так, причем де Голль, не желая терпеливо ждать, умело форсировал их. Кроме того, он добился кое-чего конкретно. Теперь в Алжире будет его постоянный представитель генерал Катру. Из тюрем освобождают голлистов, устроивших 8 ноября неудачный путч в пользу де Голля. Возглавляемые Ренэ Капитаном, они развертывают активную деятельность. Отныне начинается борьба между голлизмом и жиродизмом, или, точнее, неовишизмом. Наиболее сообразительные люди из окружения Жиро, такие как Жан Л1оннэ, Ренэ Мейер, Кув де Мюрвиль, эти прямые представители крупного капитала, все больше склоняются к мысли о переходе в лагерь де Голля. Демонстрируя яростную непримиримость в Анфе, он вел хорошо рассчитанную политику, служившую лишь частью его лихорадочной деятельности.

С момента высадки союзников в Северной Африке де Голль резко активизировал контакты с внутренним Сопротивлением и теперь имел все больше и больше оснований говорить от имени Франции. Манифест о целях Сопротивления, который де Голль опубликовал в июне, создавал основу для реального сближения с Сопротивлением, в котором царил республиканский, демократический, даже революционный дух. Де Голль своими заявлениями успокоил организации Сопротивления в отношении своих политических целей. Если раньше он опасался слишком

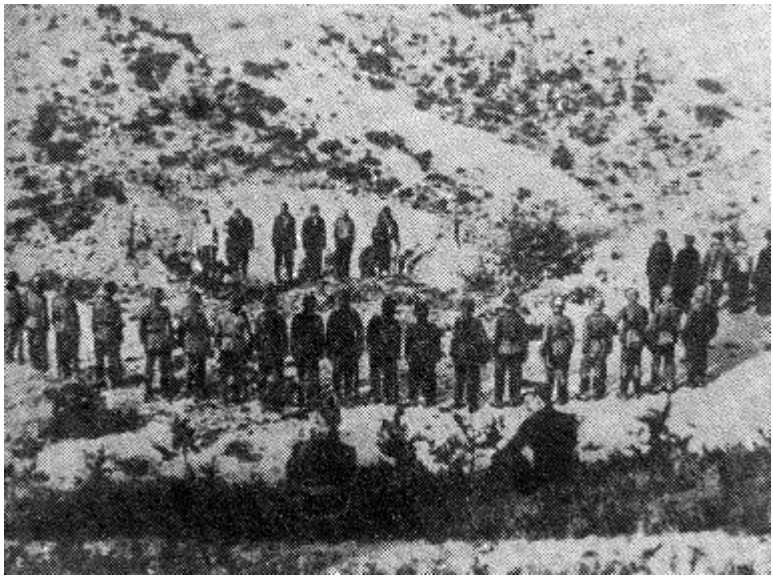
бурного роста борьбы в метрополии, то теперь он начинает поощрять ее, разумеется под своим контролем. Его представители создают на юге Франции «Армейскую организацию Сопротивления» из офицеров армии Виши. Он назначает генерала Делестрена командующим «тайной армией». Этот генерал, настоящий патриот, стремится к объединению с силами «франтиреров и партизан», руководимых коммунистами. В конце 1942 года де Голль поручает Жану Мулену создать Национальный совет Сопротивления (НСС). В него решено было включить представителей всех партий, в том числе тех правых довоенных партий, которые полностью поддерживали Виши, — «Демократического альянса» и «Республиканской федерации». Это делалось для того, чтобы ослабить роль компартии в НСС, которая неизбежно стала бы решающей в связи с реальным весом коммунистов в антифашистской борьбе. Наиболее знаменательным шагом де Голля после высадки союзников в Северной Африке явилось его решение установить, наконец, прямую связь с компартией, от чего он раньше упорно уклонялся. 25 ноября 1942 года происходит встреча полковника Реми с представителем Центрального комитета ФКН. По поручению де Голля Реми предлагает компартии направить своего представителя в Лондон. 8 января 1943 года член ЦК ФКП Фернан Гренье встречается на вокзале Монпарнас в Париже с полковником Реми. Они едут в приморский город Кемпер, где на торговом судне отправляются в море, пересаживаются затем на борт английского траулера и прибывают в Лондон. На другой день Фернан Гренье приезжает в «Карлтон-гарденс» и его принимает генерал де Голль. Гренье подробно рассказывает генералу о положении во Франции, о том, как остро нуждаются бойцы Сопротивления в оружии, деньгах… «Об этом будете говорить с Пасси, — прерывает де Голль и задает два вопроса; Ну, а что вы думаете о Жиро? Что будет после освобождения?» Гренье отвечает, что, по мнению компартии, надо покончить с двоевластием Лондон — Алжир и создать временное правительство во главе с де Голлем и Жиро. Что касается будущего, то народ Франции сам выберет и поставит у власти достойных людей.

«Стало быть, — говорит де Голль, — вы полагаете, что Франция будет коммунистической?» — «Ясно одно, господин генерал, — отвечает Гренье, — в списках расстрелянных… рядом с той или иной фамилией очень часто приходится видеть пометку „коммунист“. Все это фамилии металлургов, железнодорожников, учителей, а не промышленников и банкиров. Решающая роль, которая принадлежит сегодня рабочему классу, скажется и на

будущем Франции. Республика завтрашнего дня, по. нашему мнению, должна будет провести ряд глубоких социально-политических преобразований, но мы считаем, что патриоты, которые объединяются для освобождения страны, должны будут сохранить единство для переустройства Франции на новых началах. Впрочем, по правде говоря, сейчас мы куда больше озабочены происходящей борьбой, нежели проблемами будущего».

Но де Голль думал главным образом о будущем, особенно устанавливая сотрудничество с коммунистами. Выдвигая для давления на своих англосаксонских партнеров тезис о коммунистической опасности, он не просто действовал в духе привычного макиавеллизма; он и сам верил в реальность этой опасности. По мере приближения конца войны элемент антикоммунизма в его действиях непрерывно усиливается. Неискоренимый классовый инстинкт побуждает его всеми средствами сдерживать рост влияния компартии. Это сказывалось и на его отношении к Советскому Союзу, успехи которого усиливали привлекательность коммунистических идеалов. В январе 1942 года он воздавал должное советской победе под Москвой. Но спустя год он ни словом не обмолвился по поводу еще более блистательного успеха под Сталинградом.

Но если под Сталинградом решался вопрос о самом существовании Франции, то политическая судьба де Голля в начале 1943 года зависела от успехов движения Сопротивления на французской земле. Именно в это время к большой выгоде де Голля резко усиливается боевой характер Сопротивления. Режим Виши до конца обнажил свою предательскую сущность. Лаваль получил неограниченную власть, и полиция Виши теперь пыталась соперничать с гестапо в зверских расправах над патриотами Принудительная отправка на работу в Германию введенная с середины января, способствовала притоку добровольцев в отряды «франтиреров и партизан» маки «тайную армию». Теперь генерал де Голль уже не сдерживает пыл бойцов Сопротивления, напротив, он вдохновляет их. Вот с какими призывами выступает он в начале 1943 года: «Надо победить. Но чтобы победить, надо драться… Рабочие, вступайте в наши отряды; там вас обеспечат хлебом и оружием; берите в руки ружье! Устраивайте засады на бошей и на агентов, производящих реквизиции! Крестьяне, создавайте запасы для наших отрядов! Создавайте партизанские отряды!»

Расстрел оккупантами бойцов Сопротивления

Де Голль особенно нуждался сейчас в конкретных выступлениях за передачу ему власти в Северной Африке. И число таких требований росло. Еще в конце ноября 1942 года объединенные организации Сопротивления юга обратились к правительствам США и Англии: «Мы настоятельно просим, чтобы судьбы освобожденной Северной Африки были как можно скорее переданы в руки генерала де Голля». В начале 1943 года число таких требовании растет.

Де Голль особенно добивался, чтобы видные политические деятели выражали ему доверие как главе будущего временного правительства. С такими заявлениями выступают Леон Блюм, Жорж Мандель, Поль-Бонкур, около десятка известных парламентских деятелей. В апреле 1943 года председатель палаты депутатов Эдуард Эррио, находившийся в вишистской тюрьме, писал, что в лице де Голля он видит «единственного человека, способного объединить громадное большинство французов для восстановления Франции. На мой взгляд, генерал Жиро не обладает политическими качествами, он только военачальник».

15 мая Жан Мулен от имени Национального совета Сопротивления направил послание генералу де Голлю, в котором подтверждал, что все организации Сопротивления Франции требуют учреждения в Алжире временного правительства под председательством де Голля. 27 мая на своем первом заседании, состоявшемся в центре Парижа, на улице Фур, НСС подтвердил это требование. Создание Национального совета Сопротивления

резко укрепило позиции де Голля в политической дуэли с генералом Жиро, за которым стояли американцы. Не случайно по их настоянию публикация послания Жана Мулена была задержана англичанами. В этот момент серьезного изменения соотношения сил в пользу де Голля можно было ожидать всего. В течение нескольких дней де Голль предпочитает на всякий случай не появляться в «Карлтон-гарденс». Он хорошо знал, как самые респектабельные правительства умеют в нужный момент беспощадно убирать с дороги неугодных людей…

Одновременно сложная политическая игра идет в самой Северной Африке. Сохранение власти в руках вишистов становилось все более трудным. В начале марта Жиро пошел на полный разрыв с правительством Петэна и объявил недействительным все его законодательство. Жиро начал даже произносить политические речи «демократического» характера. Но это не спасало положения, которое становилось все более скандальным. Теперь уже все, даже американцы, считали единственным выходом включение де Голля в правящие органы Северной Африки, однако верховную власть они хотели оставить в руках Жиро. Де Голль 26 февраля выдвинул условия своего участия в формировании временной центральной власти, среди которых важнейшим было требование передачи реальной власти ему, де Голлю. Однако Жиро, принимая политические условия, не соглашался поступиться своим приоритетом. С другой стороны, американцы при поддержке англичан пустили в ход все средства давления на де Голля, чтобы побудить его согласиться на второстепенную роль. Но американские дипломаты и политики, вроде Роберта Мэрфи, еще плохо знали генерала; он был непреклонен. А движение в его поддержку росло внутри Сопротивления и в Северной Африке. Вашингтон все еще пытается игнорировать его. 8 мая 1943 года Рузвельт писал Черчиллю: «Поведение невесты становится все более невыносимым. Он создал в Алжире штаб своей ядовитой пропаганды, чтобы сеять раздор… Де Голль, может быть, и честный человек, но он одержим манией мессианского комплекса… Я не знаю, что с ним делать. Может быть, вы найдете возможным назначить его губернатором Мадагаскара?»

Высшее американское командование, препятствуя де Голлю взять власть в Северной Африке, ссылалось на недопустимость политических перемен, пока продолжаются военные действия. Но 11 мая германо-итальянские армии капитулировали, и этот довод отпал. Генерал Жиро, еще ранее отказавшись от своего приоритета, 17 мая обратился к де Голлю с просьбой «немедленно прибыть в Алжир для формирования французской

центральной власти».

Итак, путь в Алжир открыт. Но не западня ли это? Что ждет де Голля в Северной Африке?

Там генерал Жиро, пользующийся поддержкой всемогущих американцев и облеченный полнотой власти. У него армия, полиция, администрация, пресса, радио. Весь административный аппарат состоит из вишистов, не испытывающих симпатий к де Голлю.

Прибытие в Алжир, 30 мая 1943 г.

А у него там будет лишь десяток сотрудников и никакой власти, никакой возможности даже напечатать в газетах или передать по радио хоть одно слово без разрешения американских властей. Правда, в Алжире действуют верные голлисты, а за спиной де Голля поддержка внутреннего Сопротивления. Но его активных сторонников не так уж много, а Сопротивление далеко, за Средиземным морем. Конечно, у него моральное превосходство и неизменная вера в себя и свою миссию. Вот если бы к этому еще и несколько дивизий! Увы, их нет. Впереди туманная неизвестность. К тому же поездка в Алжир отрезает всякий путь к отступлению. Назад, в Лондон, возвращаться нельзя. Терпение союзников не безгранично, и они дают понять, что оно вот-вот лопнет. «Сражающаяся Франция» окружена в Лондоне слишком уж бдительным в последнее время наблюдением Интеллидженс сервис. В случае неудачи остается лишь бегство в Браззавиль, которое приведет к краху всего предприятия, начатого 18 июня 1940 года. Правда, можно пойти на компромисс, сделку, уступку

и удовольствоваться малым. Но такой выход де Голлю даже и в голову не приходит.

Он принимает решение лететь, и 30 мая его самолет пересекает Рубикон, роль которого играют воды Ла-Манша, Атлантики и Средиземного моря. В полдень под крылом самолета на берегу сверкающего голубизной моря показалось большое скопление множества белых зданий, залитых ослепительным солнцем, — город Алжир.

На другой день в лицее Фромантэн началось заседание, на котором решался вопрос о слиянии Французского национального комитета де Голля и «гражданского и военного командования» Жиро. Состав этого собрания уже оказался очень выгодным для де Голля. Вместе с ним было два члена его комитета — Андрэ Филипп и Ренэ Массигли, вместе с Жиро — генерал Жорж и уже известный Жан Моннэ, Но поскольку в заседаниях участвовал и генерал Катру, то соотношение голосов оказалось четыре к трем в пользу де Голля. Генерал сразу поставил вопрос о том, что командующий войсками должен подчиняться гражданской власти. Де Голль хотел заранее ограничить роль Жиро. Но тот запротестовал и его поддержал Дорж, а Моннэ склонялся к компромиссу. Де Голль потребовал также отстранить связанных с Виши губернаторов Марокко — Ногеса, Западной Африки — Буассона, Алжира — Пейрутона. Никаких решений не приняли.

На следующий день неожиданное событие изменяет ситуацию в пользу де Голля. Губернатор Алжира Пейрутон подает в отставку, причем направляет ее де Голлю, хотя тот и не пользуется еще официальной властью. Де Голль дает отставку, но взбешенный Жиро назначает префектом полиции адмирала Мюзелье, у которого старые счеты с де Голлем. В город вызываются войска, все важные пункты заняты жандармами. Создается атмосфера военного путча, призванная оказать нажим на де Голля. Однако он спокойно ждет 3 июня, когда собирается новое заседание семерки. Принимается решение создать Французский комитет национального освобождения во главе с де Голлем и Жиро. Катру, Филипп, Массигли, Жорж и Моннэ становятся его членами. Комитет наделяется функциями временного правительства, как этого и требовал ранее де Голль. Его цель — восстановить республику и уничтожить режим Петэна. Вишистские губернаторы должны уйти в отставку.

Итак, де Голль добился принятия своих важнейших требований, хотя Жиро является таким же председателем, как и де Голль. Но его позиции резко подорваны. Жан Моннэ поддерживает де Голля и трех его сторонников, на стороне Жиро только генерал Жорж. Теперь в комитете соотношение голосов

пять и два в пользу де Голля. Что же произошло? Почему Жиро потерял свои важнейшие позиции? Почему Жан Моннэ фактически перешел к де Голлю?

Дело в том, что все это происходило не изолированно от общей политической обстановки в Северной Африке. Кроме бесправного арабского населения, которого вообще ни о чем не спрашивали, здесь было много французских поселенцев, особенно в Алжире. Всего в странах Северной Африки их находилось до полутора миллионов. Но погоду делала буржуазная верхушка богатых землевладельцев, собственников промышленных, торговых, финансовых фирм, крупных чиновников колониальной администрации. Тесно связанная с буржуазией метрополии, эта политически активная и влиятельная элита придерживалась различных политических тенденций. Общим было стремление сохранить свои колониальные привилегии, связи с Францией, охранявшей их, и, конечно, предотвратить какие-либо серьезные социальные изменения. Сможет ли генерал Жиро выполнить эту задачу? Вот вопрос, волновавший в начале 1943 года североафриканскую французскую буржуазию. Опыт правительственной деятельности Жиро с его примитивным консерватизмом, игнорированием «политики» и слепым раболепием перед США оказался самым плачевным. Неопытный администратор, он сразу запутал все дела и показал неспособность эффективно защищать интересы буржуазии. Например, он затеял мобилизацию 300 тысяч человек для создания большой армии. Не говоря уже о том, что для этой массы людей не было снаряжения, мобилизация дезорганизовала и без того расстроенную экономическую жизнь. К тому же генерал Жиро носил несмываемое клеймо вишиста, не позволявшее приобрести прочное политическое влияние в обстановке неминуемого краха Виши. Его уступчивость по отношению к США сулила мало хорошего, ибо он не собирался защищать Северную Африку от американского экономического проникновения. В отличие от него, де Голль показал себя самым энергичным защитником французского колониализма. Его социальное происхождение и консервативные политические взгляды были известны. А связи с внутренним Сопротивлением могли лишь помочь ему противостоять осуществлению пылких революционных надежд рядовых участников антифашистской борьбы. Обстановка, таким образом, благоприятствовала де Голлю, а его соперник утрачивал политический кредит. Вот чем объяснялся переход на сторону де Голля такого известного представителя крупной буржуазии, как Жан Моннэ. Сразу отделаться от Жиро де Голлю мешали лишь союзники — США и

Англия. Это главнее препятствие, которое надо было преодолеть. И здесь все зависело от его политического искусства, основные методы которого он разработал еще много лет назад в своей книге «На острие шпаги». Настал час, когда требовались хитрость, скрытность, умение приобрести престиж и сохранить власть, без чего, как писал некогда де Голль, немыслимо существование человека действия…

Итак, 3 июня был учрежден «двуглавый» Французский комитет национального освобождения, в котором де Голль, формально занимая такой же пост, как и Жиро, получил фактически преимущественное положение. В заключение заседания генерал де Голль проникся такой симпатией к своему сопернику, что, как он вспоминает в мемуарах, «ото всей души обнял генерала Жиро». «Дружба» двух генералов настолько встревожила союзников, что они решили вмешаться. Оказывается, Черчилль и Идеи тайно прибыли в Алжир и жили здесь на «нелегальном» положении. Британский премьер пригласил де Голля и откровенно заявил, что он прибыл для того, чтобы принять меры, «если бы произошла какая-нибудь встряска, ну, скажем, если бы вы вдруг взяли да проглотили Жиро». После этой встречи генерал де Голль решил, что операцию по устранению Жиро надо ускорить, — чтобы не дать союзникам вмешаться…

На заседании комитета семи 5 июня речь шла о том, чтобы доизбрать остальных членов и распределить функции. Каждый из двух председателей предлагал свои кандидатуры. Де Голль, естественно, ввел в комитет испытанных деголлевцев, а Жиро, положившись на советы Жана Моннэ, выдвинул людей, которых он и в глаза не видел. В результате двое из них — Кув де Мюрвиль и Ренэ Мейер — оказались сторонниками де Голля. Он так подвел итог этого заседания: «Твердо зная, что большинство готово меня поддержать, я решил начать второй тур игры. Но прежде чем бросить кости, я их хорошенько встряхнул».

8 июня де Голль потребовал на новом заседании поручить Жиро лишь инспектирование войск под контролем комитета, что означало требование либо подчиниться, либо удалиться. Однако остальные члены комитета еще не решались убрать «главнокомандующего». Тогда де Голль заявил, что он не может больше участвовать в работе комитета, который ничего не в состоянии решить. Он уединился на своей вилле «Глициния», где и провел шесть дней. Но эти дни прошли отнюдь не без пользы. Во-первых, за это время должны были прибыть из Лондона новые члены комитета, присутствие которых обеспечило бы де Голля прочным большинством. Кроме того, генерала Жиро подвергли обработке представители французского военного командования,

влиятельные деятели местных буржуазных кругов, послушная им печать. Генерал Жиро уже совсем перестал понимать, кого же ему слушать. Дело в том, что американцы настаивали, чтобы он ни в коем случае не отказывался от поста одного из председателей комитета, что его уход ставит под угрозу осуществление крупных союзнических операций. Как раз в это время американский государственный секретарь Хэлл говорил, что «де Голлю американцы и англичане не доверяют. Переход власти к де Голлю означал бы с военной точки зрения большую угрозу коммуникационным линиям в Северной Африке, растянувшимся на 1400 миль… Американцы не хотят иметь в своем тылу чужих генералов». Президент Рузвельт писал Черчиллю в июне о де Голле, что настал момент «порвать с этой личностью, которая вредит военным усилиям союзников».

Поэтому когда де Голль, дождавшись приезда новых членов комитета, прервал свой бойкот и созвал заседание, теперь уже 14 комиссаров, Жиро снова решительно воспротивился смещению его с поста председателя и командующего французской армией. 19 июня де Голля пригласил генерал Эйзенхауэр и заявил ему, что Жиро должен остаться на месте, иначе США прекратят поставки оружия французам.

Де Голль как будто уступил, и теперь Жиро командовал французскими войсками в Северной Африке, а де Голль — всеми остальными. Но решение принципиальных вопросов находилось уже в ведении Комитета национального освобождения, в котором у де Голля было надежное большинство. 2 июля Жиро отбыл в Соединенные Штаты для переговоров о поставках американского оружия. Все 23 дня его отсутствия де Голль использовал для укрепления своей власти. Он создал эффективный аппарат, укомплектованный, конечно, голлистами. Национальный комитет работал четко, безоговорочно подчиняясь де Голлю. «Как ни разнообразны были мнения, последнее слово всегда оставалось за мной», — вспоминал де Голль.

А работа по устранению Жиро не прекращалась ни на минуту. Чтобы опровергнуть обвинения в диктаторских намерениях, де Голль торжественно заявил, что он будет представлять Францию только до окончания войны, а затем откажется от претензий на власть и не «будет выставлять своей кандидатуры». 14 июля по случаю национального праздника в Алжире организуется грандиозная манифестация. Толпа горячо приветствует де Голля. «Буря чувств, — писал он, — наглядно свидетельствовала об окончательном крушении всяческих интриг, которые в течение долгого времени кое-кто плел вокруг меня». Вдохновитель этих интриг Роберт Мэрфи находился рядом с де

Голлем на трибуне, и генерал, вспомнив его заявление в январе во время переговоров в Анфе, сказал американскому дипломату; «Это те самые десять процентов „голлистов“ по вашему алжирскому счету».

31 июля председательствование Комитетом национального освобождения передали одному де Голлю. Жиро некоторое время, правда, еще подписывал вместе с ним ордонансы, но это стало простой формальностью, а в ноябре Жиро вообще был выведен из комитета. Ровно два месяца потребовалось де Голлю, чтобы преодолеть сопротивление США и удалить Жиро, взяв в свои руки всю власть. Как замечает де Голль, «общее дело от этого только выиграло».

26 августа последовало официальное признание Французского комитета национального освобождения, хозяином которого уже стал де Голль, правительствами великих держав. Правда, формулы признания резко отличались. США считали комитет лишь «органом, управляющим теми французскими заморскими территориями, которые признают его власть». Великобритания пошла чуть-чуть дальше, ибо называла комитет «органом, способным обеспечить руководство французскими усилиями в войне». Что касается Советского Союза, то, как писал де Голль, «Москва проявила настоящую широту». СССР признал комитет в качестве представителя «государственных интересов Французской республики» и единственного «руководителя всех французских патриотов». Всего комитет признали тогда 26 государств.

Но поскольку формулы признания Французского комитета национального освобождения Соединенными Штатами и Англией были очень расплывчатыми, борьба де Голля за место Франции продолжалась. Он добивается отправки в Италию французского экспедиционного корпуса и участия в мирном урегулировании. Вскоре, по настоянию Советского Союза, французский представитель вошел в союзнический «Консультативный совет по вопросам Италии», который начал действовать в декабре. «Сражающаяся Франция» таким образом впервые выходит на дипломатическую арену. Но де Голль понимает, что от этого до признания Франции великой державой еще очень далеко. Франция не была приглашена на совещание «большой тройки» в Тегеране. Каким же образом достичь этой цели, на кого опереться? Ведь США открыто противодействовали ему. Рассчитывать можно было только на СССР. Осенью 1943 года в беседе с американским государственным секретарем Хэллом, направлявшимся в Москву через Алжир, де Голль сказал: «Мы очень рады за вас, что вы, в интересах своей страны, установите

непосредственный контакт с Советской Россией. Я со своей стороны тоже предполагаю когда-нибудь отправиться в Москву — в интересах Франции».

Борьба за международный престиж была немыслима без внутренней опоры. После вытеснения Жиро требовалось придать Французскому комитету национального освобождения максимально представительный характер. В начале ноября де Голль изменяет его состав. Теперь в него входят 16 человек, среди которых немало представителей разных организаций Сопротивления, прибывших из захваченной врагом Франции. Среди комиссаров несколько членов парламента из тех, кто не голосовал за передачу власти Петэну. Представлены партии радикалов, социалистов, христианских демократов, правых («умеренных»). Отдельные члены комитета связаны с деловыми кругами, с банками и промышленными фирмами. Здесь есть крупные собственники, такие как Жан Моннэ или Ренэ Мейер. Все они несли ответственность только перед генералом де Голлем. Сам он не несет ответственности ни перед кем и осуществляет, по его более поздним признаниям, диктаторскую власть.

Среди членов комитета не оказалось представителей Французской коммунистической партии, единственной партии, не запятнавшей себя сотрудничеством с врагом и развернувшей беспримерную героическую деятельность в рядах Сопротивления. В конце августа генерал де Голль сообщил о своем желании включить коммунистов в состав комитета. Однако он сам хотел выбирать подходящие кандидатуры. Это противоречило принципам компартии, члены которой могли войти в правительство только по решению ЦК партии. По этому поводу начинаются переговоры, которые затем де Голль прервал, заявив, что они ему «надоели». Он колебался также, какие отрасли правительственной деятельности доверить коммунистам, стремясь к тому, чтобы представители компартии заняли наименее важные, чисто технические посты.

Однако в конце концов генерал де Голль реорганизовал комитет, введя в него коммунистов. Необходимо было накануне высадки десанта во Франции показать, что все антигерманские группировки и партии поддерживают его правительство, во всяком случае надо было создать такую видимость…

4 апреля 1944 года два коммуниста вошли в комитет — Франсуа Бийу в качестве государственного комиссара и Фернан Гренье в качестве комиссара по делам авиации. Таким образом, впервые со времени своего основания в 1920 году компартия участвовала в правительстве. Это вызвало удовлетворение в массах бойцов Сопротивления и способствовало росту их доверия

к генералу де Голлю.

3 ноября 1943 года де Голль созывает в Алжире Временную консультативную ассамблею, некое подобие парламента. Испытывая с давних пор отвращение к парламентской демократии, он сделал все, чтобы ограничить ее права. Просто избежать создания ассамблеи он не мог, поскольку крайне нуждался в усилении представительного характера своей власти. Ассамблея должна была выработать рекомендации Комитету национального освобождения по вопросам ликвидации режима Виши и замены его новым государственным строем, выдвинуть проекты политических и социальных реформ, высказать свое мнение о формах помощи Сопротивлению, о внешнеполитических делах и т. п. Эти задачи сформулировал де Голль в своей речи в день торжественного открытия ассамблеи. Он изложил также свои политические планы, правда, в очень общей форме. Он сказал, что открытие ассамблеи «знаменует собой первый шаг по пути к возрождению французских представительных органов». Де Голль торжественно признал великую роль внутреннего Сопротивления, отметив, что оно «стало главным способом противодействия врагу».

Де Голль присутствовал примерно на 20 из 50 заседаний ассамблеи в Алжире, выступал с общими докладами или в прениях. И всегда он старался не поднимать острых вопросов, не возбуждать противоречий, всячески подчеркивая свою общность с Сопротивлением, превознося дух национального единства. Такой тон был естественным проявлением его стремления получить поддержку ассамблеи. Он нуждался в новых доказательствах того, что за ним идет Франция. И он это получил. Ассамблея одобрила его позицию в отношении союзников. Она признала тот факт, что возглавляемый де Голлем Комитет национального освобождения — это правительство Франции.

Все тогда испытывали естественное стремление к единству, и это смягчало противоречия и затушевывало разногласия. А их хватало, и проявлялись они в самых важных вопросах. Какой должна стать Франция после освобождения? Об этом очень много говорилось в алжирской ассамблее. Все считали, что режим Виши надо уничтожить. Но чем его заменить? Здесь мнения разделились. Люди традиционных буржуазных политических течений полагали, что надо просто восстановить систему Третьей республики. Предлагали даже созвать ту самую палату депутатов, которая проголосовала за Петэна. Она отменит это свое решение, и делу конец. Но представители основной массы бойцов Сопротивления мечтали о другом. Они хотели коренной демократизации республиканского строя, установления

народовластия. Суверенное однопалатное Национальное собрание должно решить судьбу Франции.

«Я не разделял этих взглядов, — вспоминает де Голль. — Для предстоящего восстановления страны я, наоборот, полагал необходимым режим действия и ответственности… Надо, чтобы глава государства по самой системе его избрания, по его правам и прерогативам мог выполнять обязанности арбитра нации… Но не время было устраивать дискуссии на эту тему. Я дал излиться потоку различных теорий…»

Именно в Алжире начинает проявляться то расхождение между де Голлем и Сопротивлением по вопросу организации власти в послевоенной Франции, которое скоро, уже в Париже, превратится в зияющую пропасть. Глубоко укоренившиеся индивидуализм и аристократизм выражались у него в презрении к плебейскому народовластию. «Совещаться — можно многим. Действовать надо одному» — это концентрированное выражение политической философии де Голля своим антидемократизмом решительно противоречило самой сущности Сопротивления. Между тем властвовать ему одному в той ситуации давали возможность — именно действия многих самоотверженных, героических и бескорыстных бойцов Сопротивления. Представители Сопротивления в консультативной ассамблее явно не хотели, чтобы такое положение сохранилось и после освобождения, Де Голль прекрасно понял это пока довольно сдержанное настроение. «Пожалуй, среди них не нашлось бы никого, — писал он, — кто не старался придумать способ устроить так, чтобы замена Виши другим режимом не принесла торжества де Голлю».

Велико было различие между стремлениями большинства делегатов ассамблеи и намерениями де Голля и по вопросу об ответственности сообщников врага, о справедливом возмездии для предателей. Люди Сопротивления, видевшие своими глазами преступления вишистов, особенно горячо требовали их наказания. Де Голль не разделял этих стремлений, считая, что наказать надо только узкую группу высших сановников Виши, он стремился сдерживать стремление к возмездию. Это объяснялось не только социальной общностью де Голля и Петэна, совпадением многих взглядов де Голля с теориями идеолога Виши Шарля Морраса. Снисходительность к преступлениям Виши диктовалась конкретными политическими потребностями. Как раз летом 1943 года начался массовый переход вишистов на сторону де Голля. Ведь теперь он воплощал в себе ту самую социальную охранительную тенденцию, которая породила Виши. К тому же свора весьма практичных коллаборационистов хотела быть в

лагере победителей. Де Голль не препятствовал этому «обращению в правильную веру» многих вишистов. Иначе ему пришлось бы обновить весь военный, административный и судебный аппарат. Например, почти весь командный состав французской армии и особенно флота в сущности был вишистским. Де Голль стремился установить во Франции порядок, а все «силы порядка» служили Виши. Присоединение множества людей, которые в свое время приняли капитуляцию и «национальную революцию» Петэна, влекло за собой изменение характера голлистского движения. Из «бунтарского» при зарождении око по мере приближения к своему торжеству превращалось в консервативное. Не удивительно, что среди буржуазии распространяются взгляды, согласно которым де Голль и Петэн якобы разными путями шли к одной цели и каждый по-своему защищал Францию.

Жан Мулен — председатель Национального совета Сопротивления

Большинство рекомендаций консультативной ассамблеи

носили довольно общий характер, поскольку выполняться они должны были в основном после освобождения Франции. Однако ее требования звучали категорически и настойчиво, когда речь заходила об оказании немедленной помощи Сопротивлению, остро нуждавшемуся в оружии. До начала 1943 года вооруженную борьбу с оккупантами вела в основном руководимая коммунистами организация «франтиреров и партизан» (ФПТФ). Но в 1943 году и другие группировки Сопротивления развернули боевые действия. Активизация внутреннего Сопротивления и создание его Национального совета были важной опорой политической деятельности генерала де Голля.

Однако к осени 1943 года дела Сопротивления начинают серьезно беспокоить его. В июне немцы арестовали командующего «тайной армией» генерала Делестрена. Вслед за ним был схвачен и погиб под пыткой, ничего не выдав председатель НСС Жан Мулен. Эти люди объединяли Сопротивление и одновременно проводили линию де Голля. После их гибели он направляет нескольких новых своих представителей, но все они один за другим попадают в лапы гестапо. Связь де Голля с Сопротивлением слабеет. Особенно тревожил его рост влияния компартии. Во главе комитета военных действий оказался коммунист Жуэнвиль. Командующим ФПТФ был также представитель компартии. В исполнительном бюро НСС решающим влиянием пользовались коммунисты.

Де Голль и раньше с подозрением относился к компартии. Его опасения особенно усилились после того, как в сентябре 1943 года силы Сопротивления освободили от врага остров Корсику. Конечно, здесь тоже боевое ядро состояло из коммунистов. Если бы они намеревались захватить власть, то легко могли сделать это. Но, будучи истинными патриотами, они думали прежде всего об освобождении родины. Коммунисты, вопреки подозрениям де Голля, не собирались ослаблять расколом общенациональную борьбу. И все же освобождение Корсики усилило предубеждения де Голля против компартии. Теперь рост Сопротивления не столько радовал, сколько тревожил его. Естественно, что ярые антикоммунисты Пасси и Сустель, занимавшиеся связями с внутренним Сопротивлением, думали больше всего не о снабжении его оружием, а о том, как бы ослабить влияние коммунистов.

В марте 1944 года де Голль попытался усилить контроль над Сопротивлением путем включения всех его боевых отрядов в так называемые Французские внутренние силы (ФФИ). Командование этими силами он поручил генералу Кенигу. Имея смутное представление о партизанской войне, генерал пытался

перестроить Сопротивление по образцу регулярной армии, сливая мелкие отряды в крупные соединения. Это привело к напрасной гибели крупных сил Сопротивления на плато Глиер, а затем у Веркора. Деятельность генерала Кенига, Пасси, Сустеля все же не могла обеспечить надежного контроля над Сопротивлением, которое превратилось в самостоятельную всенародную массовую войну против оккупантов.

Де Голль был убежден (или делал вид, что убежден), что коммунисты обязательно попытаются захватить власть в момент освобождения. Эту картину он постоянно рисовал перед американцами и влиятельными французами. Конечно, компартия не собиралась отказываться от своей конечной цели, от социалистической революции. Но достижение этой цели не рассматривалось руководством компартии в качестве ближайшей практической задачи. В тех условиях это было бы просто авантюрой.

Коммунисты, как и вся Франция, в том числе и голлисты, стремились к одному — к освобождению своей страны и разгрому фашизма. Деятельность компартии полностью соответствовала национальным интересам в самом широком их понимании. Коммунисты, как и другие партии Сопротивления, присоединились к программе НСС от 15 марта 1944 года, против которой не возражал и сам де Голль, хотя некоторые ее пункты вовсе не устраивали его, как, впрочем, и компартию, правда, это были разные пункты. Программа Национального совета Сопротивления предусматривала создание правительства во главе с де Голлем, обновление и демократизацию буржуазной республики, ограничение всевластия крупных монополий, разные социальные реформы. Она многим напоминала программу Народного фронта. Коммунисты совершенно искренне присоединились к ней, не думая ни о каких заговорах, в чем их обвинял де Голль. Очень сомнительно, чтобы в глубине души он верил в такую опасность.

Если кто и готовился взять власть в освобожденном Париже и во всей Франции, то это был, конечно, сам генерал де Голль. На протяжении многих месяцев в глубокой тайне готовил он план своего воцарения. Де Голль пишет в мемуарах о своей мечте, когда он «в озарении победы вдруг появится в Париже». И при этом действительным его соперником была не компартия, а правительство США. Конечно, он опасался влияния коммунистов, но в основном «угроза» коммунистического переворота была для него средством давления на союзников. Рузвельт по-прежнему и слышать не хотел о признании ФКНО в качестве правительства Франции. Более того, американцы собирались установить впредь

до проведения выборов власть «союзного военного правительства» (АМГОТ). Де Голль решил любой ценой опередить своих союзников. Он заранее назначил 17 региональных комиссаров, наделенных чрезвычайными полномочиями, генеральных секретарей министерств, префектов департаментов. Эти люди должны были заблаговременно прибыть нелегально в еще оккупированную Францию и ждать прихода союзных войск. В самый момент их вступления они занимают свои посты. Де Голль писал, что каждый из них «должен был держаться наготове, чтобы появиться на месте как бы из дыма сражения».

Но де Голль не знал основного: когда же начнется сражение. Несомненно, что второй фронт должен вот-вот открыться. Главное, что свидетельствует об этом, — победоносное продвижение Советской Армии. Ясно, что Советский Союз может и без помощи союзников разгромить Гитлера. Так что теперь-то им придется действовать. Но США и Англия тщательно скрывают от де Голля дату операции, точное место высадки и другие важные детали. Правда, 30 декабря Эйзенхауэр явился к де Голлю. Главнокомандующий союзников выразил сожаление по поводу прошлых размолвок, дал понять, что операция близка. Де Голль настоятельно просит его переправить в Англию одну французскую дивизию и высадить ее затем во Франции, ибо он не может прибыть в Париж без своих войск… Эйзенхауэр обещал ему это и заявил, что сам он лично не будет признавать во Франции никакой другой власти, кроме власти де Голля. Эта беседа обрадовала де Голля, но никаких изменений в политике Рузвельта не последовало. Напротив, все свидетельствовало, что в Белом доме по-прежнему не хотят признавать де Голля.

Рассчитывать на поддержку Англии тоже не приходилось. В начале 1944 года в отношениях с англичанами снова возникают неприятности. Интриги Спирса против французского присутствия в Леванте приобрели небывало откровенный характер, а де Голль оказывает им яростное сопротивление. Черчилль в присутствии одного из членов ФКНО заявляет: «Эх, если бы в июле сорокового года мне удалось вывезти из Франции Манделя!.. Когда, наконец, де Голль перестанет быть таким несносным и оставит свои каверзы?»

В начале 1944 года де Голль серьезно заболел. Вилла «Оливия», где де Голль жил с семьей, непроницаема для посторонних, и отсутствие генерала дает пищу слухам. Говорили даже, что де Голль умер. Ведь ему уже 54-й год, а жизнь его наполнена столькими переживаниями, конфликтами и постоянным нервным напряжением! Сколько проблем уже удалось решить де Голлю, а его положение все еще недостаточно

прочно. Напротив, оно становится в преддверии освобождения особенно зыбким. Напряженной работой, поездками в колонии, потом в Италию генерал заполняет свое время, отвлекаясь от гнетущих мыслей о происках англичан и американцев, об успехах коммунистов, о чрезмерной самостоятельности Внутреннего Сопротивления.

Тяжелое настроение де Голля часто прорывается в Раздраженных репликах. Он заявляет, например, комиссару по внутренним делам д'Астье: «Ваш Совет Сопротивления поступает, как ему вздумается. Надо его поставить на место…»

Его раздражение и недовольство проявляются особенно в той области, где принято при любых обстоятельствах сохранять сдержанность и невозмутимость, — в дипломатии. Генерал держит себя по отношению к союзникам столь заносчиво, что напуганы даже его верные сторонники. 27 марта 1944 года он заявляет в консультативной ассамблее, что Франция не нуждается в советах, идущих из-за границы, что она не будет считаться абсолютно ни с чем, кроме воли французской нации. Он впервые называет свой комитет «Временным правительством», хотя никакого официального изменения такого рода не было. Все выглядит так, будто Францию будут освобождать не американские и английские войска, а он сам, де Голль, во главе своих армий. Чем неувереннее он себя чувствует, тем более резко он утверждает свои права. Но газеты англосаксонских стран, с ехидством комментируя его заносчивость, констатируют наличие у него комплекса неполноценности. Он навязывает себя Франции, навязывает Соединенным Штатам. Вспоминают, что символ Франции — галльский петух.

К чему приводит эта политика пощечин? 21 апреля английские власти запрещают представителям де Голля пользоваться дипломатическим шифром. Эта мера принята только в отношении французов. Она не так уж страшна в практическом плане, но невероятно унизительна. Уж не подозревают ли французов в том, что они могут выдать врагу сведения о подготовке высадки? Взбешенный де Голль приказывает своим представителям прервать всякие отношения с союзниками. Он отказывается принимать послов Англии и США. Кризис дошел до высшей точки.

Но 23 апреля британский посол Дафф Купер просит передать де Голлю, что у него есть сообщение чрезвычайной важности. Генерал сменяет гнев на милость и принимает посла. Оказывается, английское правительство приглашает де Голля в Лондон для переговоров о признании комитета и об организации власти во Франции. Де Голль заявляет, что в признании он совсем

не заинтересован, а переговоры об управлении освобожденной Францией бессмысленно вести без участия американцев. Одновременно де Голль получает неофициальное уведомление, что Рузвельт хотел бы видеть его в Вашингтоне. Союзники как будто склоняются к уступкам, и де Голль решает ехать в Лондон. Но он не собирается возвращаться в Париж в обозах иностранных армий и издает ордонанс о преобразовании ФКНО во Временное правительство Французской республики, и не подумав, естественно, согласовать этот акт с Англией и США.

2 июня 1944 года де Голлю вдруг вручают телеграмму Черчилля: «Прошу вас приехать вместе с вашими коллегами как можно скорее и с соблюдением самой строгой тайны. Уверяю вас, что это в интересах Франции». Черчилль даже направил в распоряжение де Голля свой личный самолет «Йорк». Неужели политика твердости дала плоды и долгая борьба де Голля за утверждение своих прав идет к желанной развязке? 3 июня де Голль летит в Лондон, пытаясь угадать заранее, какой же еще сюрприз приготовили ему там союзники.

Освобождение

Утром 4 июня генерал де Голль прибыл в Англию. Уже на аэродроме ему вручили письмо Черчилля: «Добро пожаловать на эти берега! Мы находимся накануне величайших военных событий. Я был бы рад, если бы вы могли прибыть сюда для встречи со мною, в мой поезд, который находится поблизости от ставки генерала Эйзенхауэра».

Черчилль встретил де Голля в салон-вагоне специального поезда, стоявшего на запасной ветке в 40 километрах от Портсмута. Почему британский премьер обосновался в поезде? Уж не собирался ли он пересечь Ла-Манш в этом вагоне? Де Голлю эта затея показалась по меньшей мере оригинальной. Видимо, Черчилль, питавший слабость к историческим ассоциациям, думал о знаменитом вагоне в Компьенском лесу, в котором дважды подписывалась капитуляция. Но кто же должен капитулировать теперь? Может быть, де Голль? Но генерал, настроенный крайне решительно, приехал с намерением твердо отстаивать свои позиции. Он только что с возмущением узнал, что американцы уже напечатали специальные оккупационные деньги для Франции, что они подготовили на двухмесячных курсах людей, которые будут в качестве префектов управлять французскими городами…

Черчилль начал с красочного, вдохновенного рассказа о предстоящей гигантской операции по высадке в Нормандии. Казалось, что оживает тень предка Черчилля, знаменитого полководца герцога Мальборо. Затем он перешел к делу и предложил де Голлю подготовить соглашение об управлении Францией в период ее оккупации и отправиться с ним в Вашингтон, чтобы попытаться получить одобрение Рузвельта. «Он смягчится, — говорил Черчилль, — и в той или иной форме признает вашу администрацию».

«Почему вам кажется, — отвечал де Голль, — что я обязан просить Рузвельта утвердить мою кандидатуру, чтобы получить власть во Франции? Французское правительство существует. Мне в этом отношении нечего просить ни у Соединенных Штатов, ни у Англии. Это дело решенное. Впрочем, нужно отметить, что вашингтонское и лондонское правительства, как видно, склонны обойтись и без соглашения с нами. Я, например, только что узнал, что вопреки моим предупреждениям союзные войска и службы, приготовившиеся к высадке, везут с собой якобы французские деньги, изготовленные за границей, — деньги, которые правительство Французской республики ни в коем случае

признать не может… Я уже жду, что завтра генерал Эйзенхауэр, по указанию президента Соединенных Штатов и в согласии с вами, объявит, что он берет Францию под свою власть. Как же вы хотите, чтобы мы на такой основе вели с вами переговоры?»

Черчилль слушал де Голля с нараставшим гневом. Человек, которого он приютил в июне 1940 года, обязанный ему всем, позволяет себе говорить с ним столь высокомерно, намекая, как всегда, на неспособность Британии к самостоятельности. Нет, это слишком!

«Вы, кажется, хотите, — ответил злобно Черчилль, — чтобы мы, англичане, заняли позицию, отличную от позиции Соединенных Штатов?.. Скоро мы освободим Европу, но мы можем это сделать лишь потому, что рядом с нами сражаются американцы. Запомните же: всякий раз, как нам надо будет выбирать между Европой и морскими просторами, мы всегда выберем морские просторы. Всякий раз, как мне придется выбирать между вами и Рузвельтом, я всегда выберу Рузвельта».

И это говорил де Голлю человек, протянувший ему руку помощи в несчастном 1940 году, когда у де Голля не было ничего за душой, когда формально он был просто дезертиром с временным званием бригадного генерала. Сейчас, когда он столь многого достиг, от него отказываются. А он мечтал, что вторжение союзников на французскую территорию будет его триумфом! Но в политике часто не бывает ничего окончательно достигнутого, есть лишь бесконечное движение от одного этапа к другому. Значит, надо продолжать борьбу. Тем более что, в отличие от июня 1940 года, у него за спиной созданное им правительство, небольшая, но своя армия, хотя и ненадежная, но поддержка внутреннего Сопротивления. А завтра наконец у него под ногами будет французская земля…

Затем де Голль и Черчилль отправились в ставку генерала Эйзенхауэра, находившуюся в соседнем лесу в специально построенном легком бараке. Де Голль увидел на стене большую карту Франции, на которой стрелками были обозначены маршруты судов, самолетов, армий, сотен тысяч людей, собранных сейчас в Англии и готовых по первой команде двинуться к французским берегам. Де Голль вспомнил, как весной 1942 года он разработал и передал союзникам примерно такой же план. Эйзенхауэр подробно и ясно объяснил сущность предстоящей операции. Единственное, что оставалось неопределенным— день и час высадки. Пока погода не благоприятствовала ей. На море было слишком сильное волнение, опасное для мелких судов. Эйзенхауэр спросил де Голля, не отложить ли начало операции. Де Голль не советовал

этого делать.

Беседа уже заканчивалась, когда Эйзенхауэр протянул де Голлю листок с текстом проекта его обращения к народам Европы, с которым он выступит по радио в день высадки. Эйзенхауэр попросил де Голля ознакомиться с ним и высказать свои замечания, которые он учтет. Де Голль быстро прочитал текст и был поражен. Обращение к народам Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурга не содержало никаких политических моментов, поскольку все эти народы имели законные правительства, находившиеся в Англии. Совсем иначе звучало обращение к французскому народу. Ему предлагалось выполнять все приказы союзного командования, выступающего в качестве высшей власти, до тех пор пока французы сами не выберут своих представителей и свое правительство. О Временном французском правительстве во главе с де Голлем даже не упоминалось.

Подтверждались наихудшие опасения де Голля. «Хотя перед нами открывалась светлая перспектива битвы, — вспоминал он, — на нее уже легла черная тень коварства». Заявив Эйзенхауэру, что проект воззвания его совершенно не удовлетворяет, де Голль на другой день, 5 июня, направил главнокомандующему исправленный текст. Но ему сказали, что уже поздно, что воззвание напечатано в огромном количестве экземпляров и ночью будет разбрасываться с самолетов над территорией Франции.

В этот же день де Голлю сообщили, что 6 июня, в день высадки союзников на континенте, состоится специальная радиопередача, в которой с обращением к своим народам выступят норвежский король, голландская королева, герцогиня люксембургская и премьер-министр Бельгии. Затем генерал Эйзенхауэр прочитает свое обращение. После всех предлагалось выступить де Голлю с призывом к Франции. Генерал заявил, что он не желает участвовать в этом спектакле. Если он выступит после главнокомандующего, то тем самым создаст впечатление, что присоединяется к его воззванию, в то время как он с ним решительно не согласен. Де Голль заявил, что если он выступит, то только отдельно и в другое время.

В 2 часа ночи к де Голлю явился его представитель при английском правительстве, старый дипломат Пьер Вьено. Оказывается, Черчилль вызвал его и излил ему весь свой гнев по поводу упрямства и несговорчивости де Голля. Черчилль отбросил всякую сдержанность, его охватил неистовый гнев, и он не желал ничего слушать. Несчастный Вьено стал случайной жертвой бешеного негодования британского премьера. Де Голль снова послал Вьено к Черчиллю для объяснения своей позиции.

До 5 часов утра он ходил от Черчилля к де Голлю и от де Голля к Черчиллю. Рано утром 6 июня Черчилль написал де Голлю письмо, в котором заявил, что его терпение лопнуло и он требует, чтобы генерал покинул Британские острова… Письмо это не дошло до де Голля, ибо Идеи решил его сжечь. Вспышка бешеной ярости Черчилля прошла, и де Голлю предоставили возможность выступить отдельно, как он и требовал, в 6 часов вечера 6 июня 1944 года. Итак, ни бурный темперамент британского премьера, ни его положение сюзерена по отношению к де Голлю — ничто не могло сломить генерала. Быть может, один из двух столкнувшихся умов и характеров оказался сильнее? Пожалуй, просто дальновиднее. Ведь де Голль знал, что у Черчилля не было другого выхода. Кому еще он мог доверить установление порядка в столь беспокойной стране, как Франция?

Незадолго до 6 часов вечера генерал де Голль появился в вестибюле «Бич-хауза», главного здания Би-Би-Си. Здесь столпилось много народа, появились даже несколько американских генералов. О скандале между де Голлем и Черчиллем уже знали многие. Никого не замечая, бледный и напряженный, де Голль направлялся в студию. Вдруг к нему обратился Киркпатрик, один из ответственных сотрудников Би-Би-Си, с просьбой дать копию текста, который подлежал просмотру по соображениям военной и гражданской безопасности. Де Голль отказался Показать копию и заявил, что он должен выступить немедленно, ибо, по полученным им сообщениям, немцы могли выключить электричество в Париже. Тогда Киркпатрик сказал, что текст необходим для перевода и передачи на другие страны. Этот аргумент убедил де Голля, и он вытащил из кармана копию текста.

Между тем Киркпатрик быстро просмотрел текст и доложил Идену, беспокоившемуся по поводу этого выступления, что все в порядке, если не считать того, что де Голль вместо «временное французское правительство» говорит просто «французское правительство». Идеи задумался, затем, смеясь, заметил: «Ничего, уж это-то сэру Уинстону придется проглотить».

А генерал де Голль бросал в микрофон взволнованные, но твердые слова: «Началась решительная битва… Битва во Франции, конечно, будет битвой за Францию!.. Для сынов Франции, где бы они ни были и кем бы они ни были, простой и священный долг — разить врага всеми средствами, какими они располагают. Выполняйте в точности приказы французского правительства и руководителей, коих оно уполномочило давать распоряжения. Из-за туч, набухших нашей кровью и слезами, уже проглянуло солнце нашего величия!»

Французский народ услышал два противоречивых призыва. Главнокомандующий войсками союзников призвал его соблюдать спокойствие. Глава Временного правительства, наоборот, требовал разить врага всеми средствами. Эйзенхауэр призывал подчиняться только союзному командованию, а де Голль — только французскому правительству. Кроме того, в Лондоне де Голль заявлял, что деньги, напечатанные союзниками, фальшивые, и французское правительство их не признает. Де Голль решил, что французские офицеры связи не будут сопровождать штабы союзников, дабы не содействовать «узурпации».

Между тем гигантское сосредоточение техники позволило союзникам успешно провести высадку в Нормандии. Они закрепились на небольшом плацдарме, концентрируя здесь войска для продолжения наступления, благоприятные перспективы которого не вызывали сомнений. Ведь основные силы Германии безнадежно завязли на восточном фронте. Благодаря победам Советской Армии освобождение Франции началось успешно. Де Голль, естественно, стремился попасть на первый свободный клочок французской земли. Собственно, для этого он главным образом и прилетел в Лондон. Но если раньше де Голлю доступ во Францию преграждали Гитлер и Петэн, то теперь это делает… Черчилль! Он решительно возражает против появления генерала на освобожденном куске Нормандии.

14 июня 1944 г. На освобожденной земле

Наконец, после тягостных проволочек, тянувшихся целую неделю, британский кабинет дает свое согласие. На борту миноносца «Комбаттант» де Голль вместе с небольшой свитой сотрудников пересекает Ла-Манш. На рассвете 14 июня «Комбаттант» бросает якорь у французского берега. Де Голль переходит в амфибию и высаживается на перепаханном гусеницами танков песчаном пляже в 250 метрах от маленького нормандского порта Курсель. Командующий союзными силами на этом плацдарме генерал Монтгомери предоставляет в распоряжение де Голля несколько джипов. Де Голль тут же назначает прибывшего с ним Франсуа Куле комиссаром освобожденной территории Нормандии, а полковника Шевинье — начальником военного округа. Он приказывает им немедленно ехать в расположенный неподалеку городок Байе, подготовить там утверждение новой власти и встречу генерала с населением. Сам же он отправляется пока с кратким визитом к генералу Монтгомери. Затем происходит встреча с первым освобожденным французом. Им оказался худощавый деревенский кюре, который заявляет, что слышал выступления де Голля по радио и что он всегда помогал патриотам. Он просит разрешить пожать руку

генералу. «Господин кюре, — отвечает де Голль, вылезая из джипа, — я не только пожму вам руку, я обниму вас».

После объятий тронулись дальше и вдруг заметили двух жандармов на велосипедах, направляющихся им навстречу. Шарль де Голль остановил машину, а жандармы, заметив генеральские звезды, соскочили с велосипедов и взяли под козырек. «Друзья мои, — обратился он к ним, — я генерал де Голль и прошу вас оказать мне услугу. Я направляюсь в Байе. Не можете ли вы сделать крюк и предупредить там о моем прибытии. Мы задержимся здесь пятнадцать минут». Жандармы поспешно вскочили на велосипеды и, нажимая на педали, помчались выполнять поручение. Провожая их взглядом, де Голль произнес: «Ну вот, меня и признали». В лице кюре — церковь, а в лице жандармов — государство признали власть де Голля! Чего стоит против них какой-то Рузвельт, упорно отказывающий де Голлю в признании!

При въезде в город генерала встречают Франсуа Куле, городской мэр и члены муниципального совета. Де Голль выходит из машины и, окруженный толпой радостных мальчишек, идет пешком к центру города, отвечая на приветствия жителей. На площади Шато де Голль произносит речь перед собравшейся толпой. Местный епископ Пико (его де Голль принимает первым) освящает установление новой власти пением «Te Deum».

В здании супрефектуры происходит церемония передачи власти. Вишистский супрефект Роша заменяется срочно избранным на его место крупным местным землевладельцем Трибуле. Но вот беда, у нового супрефекта нет парадного мундира. Видя, что Роша одинакового роста с ним, Трибуле просит его одолжить свой мундир. Тот охотно соглашается, но вдруг, спохватившись, говорит, что ведь пуговицы на его мундире украшены «Франциской» — символ государства Виши… Итак, за исключением небольшой детали — пуговиц, власть коренным образом переменилась!

Посещение первых освобожденных территорий

Все происходившее 14 июня 1944 года в небольшом нормандском городке занесено, разумеется, в весьма романтизированной форме в анналы голлистской истории в качестве события исключительной важности. Сам де Голль в своих мемуарах, описывая первую встречу с освобожденной Францией, отмечает: «Доказательство получено: в метрополии, так же как и в империи, французский народ ясно показал, на кого он возлагает обязанность руководить им». Странное дело: обладая искусством утонченной иронии, генерал иногда вдруг совершенно утрачивал чувство юмора и меры…

Вернувшись 15 июня в Лондон, де Голль, удовлетворенный своей встречей с Францией, пишет любезное примирительное письмо Черчиллю. Тот немедленно откликается ответным письмом, в котором заверяет в своей дружбе и выражает надежду, что между де Голлем и Рузвельтом также установятся добрые отношения. Идеи сообщает де Голлю о своем желании разработать, наконец, вместе с Вьено соглашение по спорному вопросу о власти во Франции. 16 июня де Голль улетает в Алжир, а через десять дней отправляется в Италию, чтобы посетить

действующие там французские войска. В Риме де Голль был принят папой Пием XII. Ватикан до сих пор не признавал «Свободную Францию» и сохранял тесные отношения с Виши. Французская католическая церковь соответственно оказывала безоговорочную поддержку Петэну. В своих мемуарах де Голль описывает встречу с папой благоговейным тоном правоверного католика. Однако даже в этом описании, отдающем незабытыми уроками коллежа иезуитов, не скрывается вполне мирской смысл встречи с наместником престола Святого Петра. Де Голль добивается содействия Ватикана в привлечении французской церкви на сторону его правительства. Это тем более важно, что консультативная ассамблея в Алжире приняла решение о предоставлении избирательных прав женщинам, составляющим основную массу верующих.

Но главной целью поездки де Голля в Италию была проблема участия Франции в войне. Он убежден, что от этого прежде всего зависит получение Францией права голоса в решении вопросов послевоенного мира и завоевания ранга великой державы. В армии, флоте и авиации у де Голля было тогда 300 тысяч человек: цифра ничтожна по сравнению с многомиллионной численностью армий великих держав. Тем сильнее де Голль озабочен эффективным использованием своих ограниченных возможностей. Что касается Италии, то здесь дела шли хорошо. Французский экспедиционный корпус в составе трех дивизий под командованием генерала Жуэна добился немалых успехов. Французские войска, в частности, сыграли едва ли не решающую роль при взятии Рима и в других операциях. 18 июня де Голль получил телеграмму с острова Эльба, отправленную генералом Делаттром прямо из дома Наполеона; остров был только что занят французскими войсками. А с острова Эльба по Роне к Парижу прямой путь, некогда со славой пройденный императором.

Как раз об этом знаменитом маршруте и шла речь. Среди союзников не было согласия в том, куда двигаться после освобождения Италии. Черчилль упорно требовал наступления через Балканы в сторону стран Восточной Европы. Де Голль возражал против этих планов, указывая на сложность преодоления горных массивов, на неприспособленность американских механизированных армий к движению в горной местности. Он поддерживал американский план «Энвил», который предусматривал высадку на южном побережье Франции, занятие Марселя и Тулона и движение к Парижу. В результате французские войска смогли бы принять активное и широкое участие в освобождении Франции. Де Голль встречается в Италии

с представителями высшего командования США и Англии, выясняет их намерения, убеждает в целесообразности принятия американского плана «Энвил».

Сразу после возвращения из Италии де Голль направляется в Америку. Вопрос о его поездке в США возникал уже не раз. Американцы не возражали против визита генерала. Но приглашения каждый раз сопровождались разными оговорками, заранее предполагалось, что де Голль окажется в роли просителя. Но он считал, что у него слишком слабые позиции, чтобы позволить себе такую роскошь. Несколько раз поездки откладывались. Еще в декабре 1942 года де Голля вернули с дороги, когда он направлялся в аэропорт, сообщив ему, что поездка отменена. Однако в последнее время тон американцев явно изменился, и приглашение приобретало самый серьезный характер. Президент Рузвельт прислал де Голлю в Алжир свой личный самолет. В «Военных мемуарах» де Голль многократно подчеркивает, как упорно добивались американцы его приезда, что его «буквально упрашивали», «с усиленной настойчивостью» и т. д. Видимо, ему действительно очень хотелось встретиться с Рузвельтом, хотя предыдущая встреча в Касабланке в январе 1943 года не оставила у него особенно приятных впечатлений.

Накануне путешествия де Голль не скрывал своего удовлетворения. Один из самых близких и постоянных сотрудников де Голля уверяет, что он никогда не видел генерала в таком крайне необычном для него веселом настроении, как во время визита. Де Голль спешил с этой поездкой, ибо ему стало известно, что в августе на французской территории союзники начнут большое наступление и откроется дорога в Париж.

6 июля 1944 года улыбающийся Рузвельт встретил де Голля в Белом доме. После чая президент долго беседовал с генералом. В следующие два дня беседы продолжались. Вспоминая эти беседы, де Голль пишет, что «оптимизм — хорошее средство завоевать сердца, надо только обладать им», и подчеркивает, что Рузвельт несомненно им обладал. Однако очень сомнительно, чтобы он завоевал сердце де Голля. Рузвельт, беседуя с французским гостем, старался не затрагивать жгучих вопросов их отношений. Он предпочитал развивать свои грандиозные планы создания мирового порядка во главе с четырехчленной директорией — США, СССР, Англия и Китай, которая избавит мир от тревог, вовлечет Россию в сообщество западных наций, обеспечит мир и торжество демократии. В Азии и Африке возникнут независимые государства. Америка будет оказывать нуждающимся материальную помощь. А для защиты мира повсюду, например во французских колониях (бывших колониях!), будут созданы

американские военные базы. Эти мечты рождались на почве невиданного роста американского могущества.

Слушая вдохновенный рассказ о прекрасном будущем человечества, как его представлял Рузвельт, де Голль отдавал должное этому талантливому человеку. «Он рисует легкими, тонкими штрихами, рисует так хорошо, что трудно решительно возражать этому художнику, этому соблазнителю», — пишет де Голль. Но, слушая рассказ президента, он все же подумал: «Как это характерно для людей: идеализм прикрывает стремление к могуществу».

И де Голль решительно возражает Рузвельту, заявляя, что такой план угрожает Западу большими опасностями. Он прежде всего не может согласиться с идеей предоставления независимости народам колоний, ибо считает, что они должны оставаться в состоянии «ассоциации» с метрополиями. Если же освободительное движение направлять против колониальных держав, то, по мнению де Голля, это вызовет в неорганизованных массах ненависть к иностранцам и анархию, опасную для всего мира.

Особенно решительно де Голль выступает против исключения Франции из числа великих держав. Он выражает признательность за намерение США оказать материальную помощь. «Но ей надо также, — говорит де Голль, — чтобы восстановилась ее сила в сфере политики, вернулась ее вера в себя, а следовательно, и ее роль. Но разве это возможно, если ее держат вне великих, мировых решений, если она потеряет свои африканские и азиатские владения, если война будет завершена таким образом, что внушит ей психологию побежденных?»

Рузвельт проявлял понимание мыслей де Голля, он сиял радушием и доброжелательностью, выражал сочувствие Франции по поводу ее несчастий, но все с той же обаятельной улыбкой высказывал соображения, как будто случайно напоминавшие, например, его прежние мысли о «мессианском комплексе» де Голля: «Но кто же лучше самого французского народа может служить Франции? В этом уж никто его заменить не в состоянии».

Когда речь зашла о политическом будущем Франции и о судьбе ее политических деятелей, Рузвельт мимоходом заметил: «Вот теперь вы у нас в гостях, и вы видите, как приветливо вас встречает моя страна. Но усидите ли вы на своем месте, когда трагедия завершится?»

Де Голль почувствовал за любезностью, приветливостью президента, особенно за его радужными проектами благоустройства вселенной под эгидой США, жесткий и суровый политический курс, определяемый исключительно

американскими интересами. И он сделал для себя знаменательный вывод, который подтверждал его постоянную и твердую уверенность в приоритете национального фактора перед любыми идеями, теориями, лозунгами и принципами. «Слушая американского президента, — писал де Голль, — я окончательно убедился, что в деловых отношениях между двумя государствами логика и чувство значат очень мало в сравнении с реальной силой, что здесь ценится тот, кто может схватить и удержать захваченное; и если Франция хочет занять прежнее свое место, она должна рассчитывать только на себя».

Спустя некоторое время Рузвельт в частном письме так оценивал свою встречу с де Голлем и самого де Голля: «Я и де Голль лишь в общих чертах рассмотрели современные темы. Однако более подробно мы коснулись будущего Франции, ее колоний, обеспечения мира и т. д.

Когда речь идет о проблемах будущего, он кажется весьма „сговорчивым“, лишь бы с Францией обошлись как с мировой величиной. Он очень чувствителен ко всему, что касается престижа Франции».

Во время посещения Америки де Голль побывал в Нью-Йорке, съездил в Канаду, где посетил Монреаль и Оттаву, он встретился со множеством людей, присутствовал на многих церемониях, банкетах, приемах, митингах. Произнес немало речей. Везде он оказывался объектом симпатий к Франции, хотя многих удивляли далеко не типичная французская внешность и манеры генерала. Во всяком случае, повсюду он вызывал любопытство и интерес, ощущал себя в центре внимания толпы, что всегда порождало у него чувство подъема и удовлетворения.

13 июля он вернулся в Алжир и здесь получил то, что было главной целью поездки. Накануне правительство США опубликовало декларацию: «Соединенные Штаты признают, что Французский комитет национального освобождения имеет право осуществлять административное управление Францией». Хотя это и не было официальным признанием Временного правительства, устранялось одно из самых серьезных препятствий на пути к установлению его власти во Франции. Предметом забот оставалась, правда, сама Франция…

Под ударами войск союзников с фронта и нападения бесчисленных отрядов Сопротивления с тыла германская армия, яростно отбиваясь, покидала территорию страны. 18 августа союзники прорвали германский фронт в Нормандии и стремительно двинулись в глубь французской территории. Высадившиеся 15 августа на южном побережье Франции американские и французские войска также успешно

продвигались. Наступил момент, когда во Франции должна утвердиться новая власть, ибо режим Виши рушился вместе с вражеской оккупацией. Союзники уже признали право де Голля управлять, хотя бы временно, Францией. Примет ли она его власть? Вот в чем теперь заключался смысл событий. Заранее направленные во Францию де Голлем региональные комиссары, префекты именно в эти дни должны были приступить к выполнению своих задач. Но де Голля больше всего беспокоил Париж, ибо именно здесь должен решиться вопрос о том, кто будет управлять страной. Де Голль видел, что ни у кого во Франции нет шансов на успешное соперничество с ним. Его признали, наконец, союзники, его еще раньше признало Сопротивление. И все же он видел новые опасности на пути осуществления своих планов.

Первая из них была связана с попытками создать какой-то государственный строй путем комбинации режима Виши и остатков государственных институтов Третьей республики. Идею создания этого нелепого гибрида предпринял в последней отчаянной попытке спасти свое политическое существование глава правительства Виши Пьер Лаваль. Его затею поощряли одновременно, как это ни странно с первого взгляда, и немцы, и американцы. Однако участники этой сделки так и не смогли столковаться. К тому же было поздно, ибо к Парижу подходили американские войска, а внутри столицы начиналось всенародное восстание против оккупантов. Как бы то ни было, де Голль серьезно опасался маневров Лаваля. «Ведь если бы его попытка удалась, — писал он, — мне пришлось бы покориться».

Другая опасность, которую де Голль считал еще более серьезной, состояла в том, что коммунисты, руководившие массовыми организациями Сопротивления, намерены якобы захватить власть в Париже и создать там, как он писал, «своеобразную коммуну», «так называемую диктатуру пролетариата», «власть III Интернационала». Опасения де Голля были результатом сложного сочетания его чувств, взглядов и намерений, основанных частично на непонимании политики компартии, частично — на ее сознательном или бессознательном искажении. В действительности компартия не имела никаких авантюристических планов установления в момент освобождения Парижа «диктатуры пролетариата». Коммунисты понимали, что развязывание острого внутреннего конфликта на этом завершающем этапе борьбы против фашистской оккупации не помогло бы уничтожению фашизма, а это они считали первостепенной задачей. Непосредственные, практические намерения коммунистов не шли дальше выполнения программы

Национального сопротивления от 15 марта 1944 года. Они совпадали со стремлениями социалистов, левых радикалов и католиков, всей демократической массы бойцов Сопротивления. В конечном итоге речь шла о всенародном стремлении к созданию новой демократической и народной Франции, в которой были бы проведены прогрессивные социальные Реформы, была бы ограничена власть тех сил, которые привели страну к бедствиям войны и оккупации. Говоря 0 своем намерении противодействовать коммунистам, де Голль выступал за то, чтобы неизбежные реформы и изменения не затронули социальной сущности буржуазной системы и не помешали бы установить его личную власть, без которой он считал невозможным восстановление величия Франции. Вот смысл деятельности де Голля, к которой он решительно приступил, прилетев 20 августа из Алжира в Мопертюи, откуда он немедленно отправился в штаб союзного главнокомандующего генерала Эйзенхауэра. Встретивший де Голля генерал Кениг по пути рассказал ему о положении в Париже, откуда он получал донесения от уполномоченных де Голля Пароди и Шабан-Дельмаса. Стихийно дело там шло к восстанию. Компартия еще 18 августа предложила Национальному совету Сопротивления выступить с призывом к оружию. Но председатель НСС Жорж Бидо и Пароди считали восстание преждевременным и опасным. Они руководствовались установкой де Голля на то, что восстание должно начаться в момент вступления в Париж французской танковой дивизии генерала Леклерка, специально предназначенной для обеспечения в Париже «порядка». Словом, де Голль понял, что положение в столице очень сложное и требует скорейшего появления в городе надежных войск.

Генерал де Голль прибыл в ставку Эйзенхауэра в тревожном настроении, которое совсем не походило на оптимистическую атмосферу, дарившую в окружении главнокомандующего. Эйзенхауэр сообщил де Голлю об успешном продвижении американских и английских колонн. Но ни одна из них не шла на Париж, что сильно обеспокоило де Голля. Он заявил Эйзенхауэру, что его правительство прежде всего заинтересовано в судьбе Парижа, и поэтому он просит направить туда войска, и в первую очередь дивизию Леклерка. Эйзенхауэр ответил, что двигаться к Парижу еще рано, что сражение в столице приведет к серьезным разрушениям и к большим жертвам. Тогда де Голль прямо высказал свою тревогу по поводу возможности возникновения в Париже «всякого рода волнений». Эйзенхауэр обещал вскоре дать приказ о наступлении на Париж. Не очень удовлетворенный этим туманным обещанием, де Голль сказал, что, если Эйзенхауэр

будет медлить, он сам направит дивизию Леклерка к Парижу.

Настойчивость де Голля явно связана с тем, что его представителям в Париже Пароди и Шабан-Дельмасу не удалось предотвратить начало массового вооруженного выступления против оккупантов, вспыхнувшего 18 августа. Уже через сутки бойцы Сопротивления контролируют три четверти столицы. Пароди предпринимает неожиданный маневр. При посредничестве шведского консула Нордлинга он заключает перемирие с германским командующим в Париже генералом фон Хольтицем. Оказывается, немецкое командование тоже испытывало опасения за сохранение «порядка» во французской столице. Солидарность, напоминающая сотрудничество Тьера и Бисмарка во времена Коммуны. Утром 19 августа появился приказ, который от имени Временного правительства Франции требовал «прекратить огонь против оккупантов». Приказ был воспринят восставшими патриотами как какое-то странное недоразумение и фактически не выполнялся. Тем не менее перемирие внесло замешательство и на два дня задержало победоносное завершение восстания.

А де Голль, ни на минуту не забывающий об опасности «анархии» в Париже, снова настойчиво требует двинуть войска на Париж. На этот раз американский командующий отдает приказ французской танковой дивизии Леклерка идти к столице. 23 августа де Голль приезжает в Рамбуйе, городок в 30 километрах от Версаля, где встречается с Леклерком. Он утверждает план вступления дивизии в город и дает указание Леклерку установить свой командный пункт на Монпарнасском вокзале, где и ожидать его прибытия. В этот день де Голль внимательно прочитывает доставленные ему из Парижа газеты Сопротивления: «Юманите», «Комба», «Либерасьон», «Франтирер», «Фрон насьональ». Они все пронизаны боевым энтузиазмом, надеждами, верой в обновление Франции. Об их содержании говорит, например, эпиграф газеты «Комба»: «От Сопротивления к революции», или «Юманите»: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Стремление де Голля не допустить Сопротивление к власти и сразу положить конец революционным мечтам усиливается. В замке Рамбуйе де Голль разрабатывает план своего появления в столице, которое должно явиться воцарением твердого государственного порядка.

25 августа 1944 г. Париж, Монпарнасский вокзал

25 августа, в день вступления дивизии Леклерка в Париж, уже освобожденный народом, де Голль, шагая По террасе Рамбуйе, нетерпеливо ожидает ежечасных Донесений Леклерка. Получив наконец сообщение, что город контролируют французские войска и что фон Хольтиц готов капитулировать, де Голль садится в машину и направляется в столицу. Он тщательно продумал линию своего поведения в освобожденном Париже: «Моя роль заключается в том… чтобы немедленно показать всем лик государства». В 4 часа дня он приезжает на Монпарнасский вокзал, где царит неописуемый беспорядок. Солдаты смешались с бойцами внутренних сил, одетыми в живописные лохмотья, опаленные в бою. В стволах винтовок у многих цветы. Здесь немало радостных женщин, часто с оружием, но в легкомысленных, по мнению де Голля, платьях. Что за маскарад! Он предпочитает четкий солдатский строй регулярных войск.

В одном из залов ожидания под огромной доской —

указателем отправления поездов де Голля встречает генерал Леклерк, у которого тоже не очень парадный вид. Его первого де Голль поздравляет с победой, хотя этой чести больше заслуживает, пожалуй, стоящий рядом полковник Роль-Танги, командующий отрядами Сопротивления, которые самостоятельно освободили город, открыв путь дивизии Леклерка. Он протягивает де Голлю текст акта капитуляции фон Хольтица. Но что это за подпись? Роль-Танги? Выходит, что немцы сдались коммунисту! Де Голль тут же читает нотацию Леклерку: «Во-первых, это не точно. Во-вторых, в этой операции вы были офицером, старшим по чину, а следовательно, только вы и отвечаете за нее. И главное: требование, побудившее вас согласиться на такую редакцию текста, подсказано неприемлемой тенденцией». Де Голль показывает Леклерку прокламацию, выпущенную утром Национальным советом Сопротивления, в которой говорится о «французской нации», но ни словом не упомянуто о генерале де Голле…

Генералу сообщают, что в Ратуше его ждут члены Национального совета Сопротивления и Парижского комитета освобождения. В Ратуше? Там, где был штаб нескольких революций, где заседала Коммуна? Нет, де Голль и сопровождающие его люди на трех машинах под охраной броневика едут на улицу Сен-Доминик, в военное министерство. В 5 часов они приезжают туда, где в качестве заместителя министра в правительстве Рейно служил де Голль, откуда он поспешно уезжал 10 июня 1940 года вместе со своим шефом. Здесь ничего не изменилось, и события, которые потрясли мир, совершенно не коснулись почтенного здания. Во дворе взвод республиканской гвардии салютует, как обычно. Часовые, как и тогда, стоят у дверей. Вестибюль, лестница, картины, декоративные доспехи на своих старых местах. Ни один стул, ни один ковер, ни одна портьера не тронуты. Де Голль замечает, что телефон стоит на столе на том же самом месте, а рядом с кнопками звонков прежние фамилии. «Все на месте, — думает де Голль, — не хватает только Государства. И мне надлежит водворить его сюда. Потому-то я и здесь».

Де Голль принимает префекта полиции Люизе и своего гражданского представителя Пароди. Он разъясняет им стоящую перед ними главную проблему: восстановление общественного порядка и снабжения. И немедленно разобрать все эти баррикады, требует он.

Пароди напоминает генералу, что в Ратуше его ждут. Но де Голль сначала намерен провести смотр парижской полиции и отправляется в префектуру. Полицейские, правда, в последние

дни присоединились к восстанию. И все же их трудно отнести к героям Сопротивления. Генерал с сочувствием смотрит на «фликов», которые были «вынуждены служить при оккупантах». Полицейские дружным «ура» отвечают на речь генерала. И вот только теперь наконец генерал де Голль направляется в Ратушу.

Его встречают представители тех, кто освободил Париж, друзья десятков тысяч героев, погибших под пулями и пытками фашистов. Если «флики», которых только что приветствовал де Голль, подобострастно козыряли эсэсовским офицерам, то эти люди стреляли в них. Де Голля приветствует председатель Парижского комитета освобождения коммунист Жорж Марран. Де Голль вспоминал: «Я не вижу ни одного жеста, не слышу ни единого слова, которые выходили бы за рамки достойного. Какой замечательной получилась эта встреча, о которой мы так долго мечтали и за которую заплатили столькими усилиями, страданиями, смертями!»

Где же «анархия», которая мерещилась генералу? Здесь царит порядок, но порядок демократический, здесь благородный дух всенародного Сопротивления. Де Голлю предлагают выйти на балкон и перед собравшейся на Гревской площади огромной толпой провозгласить Республику, как некогда делали это Ламартин, Гамбетта. В 1871 году так была провозглашена Коммуна! Но этот традиционный акт многих революций вовсе не импонирует де Голлю. Вообще, слово «революция» исчезает из его лексикона, хотя не так давно в Лондоне и в Алжире он произносил его. Теперь же, в ответ на предложение провозгласить Республику, он заявляет: «Республика никогда не прекращала своего существования. Олицетворением ее были поочередно „Свободная Франция“, „Сражающаяся Франция“, Французский комитет национального освобождения. Режим Виши всегда был и остается нулем и фикцией. Сам я являюсь председателем кабинета министров Республики. Почему же я должен ее провозглашать?»

Тем самым де Голль твердо дает понять, что в лице его правительства законность уже существует и не может быть речи о создании чего-то иного. Де Голль лишь подходит к окну и жестом приветствует толпу. После этого он возвращается в военное министерство на улице Сен-Доминик. Надо подготовиться к завтрашнему дню. А завтра будет то, ради чего стоило жить! Согласно тщательно разработанному плану, завтра де Голль торжественно пройдет в окружении своих соратников от Триумфальной арки на площади Звезды (ныне площадь имени Шарля де Голля) до Собора Парижской богоматери и его, освободителя и спасителя родины, будет приветствовать народ

Парижа! Правда, многие высказывают сомнение в целесообразности этой помпезной церемонии; ведь немцы в 80 километрах от Парижа, они готовят ожесточенную бомбардировку, возможно, с применением ракет «Фау». Но де Голль убежден, что надо пойти на риск, ибо ему необходимо «принять на себя энтузиазм освобожденного Парижа» и получить высшую, по его мнению, санкцию на власть — «глас толпы».

Манифестация действительно обещала быть грандиозной, ибо искренняя радость парижан по случаю освобождения не нуждалась в особом поощрении. Хотя метро не работало, как и остальной транспорт, с утра к Елисейским полям устремились толпы пешеходов. В 3 часа дня в субботу 26 августа 1944 года генерал де Голль подъехал к Триумфальной арке, где его ждали члены правительства, Национального совета Сопротивления, генералы, префекты, командиры Сопротивления. Де Голль зажигает огонь на могиле Неизвестного солдата. Необычайно широкий проспект, обрамленный по обеим сторонам бульварами, заполнили десятки тысяч людей. На балконах, в окнах, на крышах, на фонарях, деревьях — всюду люди. Шум приветственных криков, пение «Марсельезы», гром оркестров создают звуковой фон. Де Голль пешком, в окружении своих ближайших соратников идет к площади Согласия, а оттуда к Собору Парижской богоматери. Обстановка необычайно волнующая и носит какой-то располагающий отпечаток человечности, поскольку здесь мало официальной парадности, обычного оцепления, скопления полиции. Де Голль, выделяясь высоким ростом, царит над своим окружением. Он спокоен и сдержан, но шагает размашистым шагом так, что его коротконогие спутники почти бегут. Время от времени он приветствует толпу поднятием рук. Не зря Когда-то в книге «На острие шпаги» он уделил так много места значению контактов вождя с массой на примере Гамилькара, Цезаря, Наполеона. Пожалуй, эта церемония, где стихийность, естественность чувств толпы гармонично сочетаются с рассчитанными действиями де Голля, представляет собой нечто редкостное даже в истории Франции, столь богатой живописными и величественными сценами.

26 августа 1944 г. Начало шествия по освобожденной столице

Но особенно интересны ощущения самого де Голля. Ведь эта манифестация едва ли не самый радостный, торжественный момент его жизни, триумф, о котором он мечтал, который он готовил и которого добился. Интересно также крайне своеобразное осознание им своей воли, своего отношения к нации, родине, Франции. Шарль де Голль пишет в «Военных мемуарах»: «Поскольку каждый из тех, кто находится сейчас здесь, в сердце своем хранит Шарля де Голля как прибежище от бед и символ надежды, надо, чтобы все эти люди увидели его — такого знакомого, родного человека, и национальное единство воссияет тогда еще более ярким светом…

И вот я иду, взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликование невозможно описать, иду сопровождаемый громом голосов, выкрикивающих мое имя, стараясь охватить взглядом каждую волну этого человеческого прилива, чтобы вобрать в себя все эти лица, то и дело поднимаю и опускаю руки,

отвечая на приветствия. Это минута, когда происходит чудо, когда пробуждается национальное сознание, когда Франция делает один из жестов, что озаряют своим светом нашу многовековую историю…

А я среди этой бури — я чувствую, что на меня возложена миссия, намного превышающая то, что я заслужил, — миссия быть орудием судьбы…

С каждом шагом, который я делаю, ступая по самым прославленным местам мира, мне кажется, что слава прошлого как бы присоединяется к славе сегодняшнего дня. Под Триумфальной аркой в нашу честь весело вспыхивает пламя. Перед нами открывается сияющий проспект, по которому победоносная армия шла двадцать пять лет назад. Клемансо, которому я отдаю честь, проходя мимо его памятника, кажется, готов сорваться со своего пьедестала и присоединиться к нам. Каштаны на Елисейских полях, о которых мечтал пленный Орленок и которые на протяжении стольких десятилетий были свидетелями удач и роста престижа французов, сейчас предстают радостными шеренгами перед взорами тысяч зрителей. Тюильри, свидетель величия страны при Двух императорах и двух королях, площадь Согласия и площадь Карусель, где разливался во всю ширь революционный энтузиазм и проходили смотры победоносных полков; улицы и мосты, которым выигранные битвы дали имена; на другом берегу Сены — Дворец инвалидов, сверкающий купол которого напоминает о великолепии короля-солнца, гробницы Тюренна, Наполеона, Фоша, Институт Франции, через который прошло столько блестящих умов, — все они благосклонно взирают на обтекающий их человеческий поток. Затем к празднику приобщается Лувр, через который прошла длинная вереница королей, создавших Францию; вот на своих постаментах статуи Жанны д'Арк и Генриха IV; вот дворец Людовика Святого (вчера как раз был его праздник) и, наконец, Собор Парижской богоматери, где молится Париж, и Ситэ — его колыбель. История, которой дышат эти камни и эти площади, словно улыбается нам».

Приведенный отрывок очень интересен, ибо в нем ярко отразились ум, характер, психология, словом, личность де Голля. Тот, кто скажет, что здесь много честолюбия и эгоизма, будет прав. Но не ошибется и тот, кто увидит здесь сознание высокой ответственности, радость служения своему идеалу, тому мистическому представлению о Франции, которую он некогда ощущал как сказочную принцессу и Мадонну старинных фресок. Он видит себя в центре на высоте исторического действия, но ощущает себя не его демиургом, хозяином, но в качестве орудия

судьбы и носителя особой миссии. Здесь громким эхом отдаются звуки, услышанные им еще в детские годы. Представим себе вновь десятилетнего мальчика, потрясенного ростановским «Орленком». Он вспомнил о нем сейчас! Нельзя забывать и юношу, оказавшегося во власти поэтического обаяния Шарля Пеги и Мориса Барреса; их поэзия звучит в его душе 26 августа 1944 года, спустя почти полвека. Но все происходящее лишь финал, торжественный заключительный аккорд реального исторического действия, в котором наш герой без всяких романтических иллюзий прибегал к расчету, хитрости, коварству, твердости и, главное, к своей дальновидности, творил дело, успех которого он праздновал ликующей душой! История Франции с ее блистательными взлетами и трагическими падениями, с юных лет вдохновлявшая Шарля де Голля, встречается здесь с ним лицом к лицу…

Политик поразительного реализма раскрывает вторую, романтическую сторону своей души, составляющую секрет его обаяния. Он, как талантливый артист, не просто успешно играет взятую им на себя роль, но и решает одновременно, выражаясь термином Станиславского, свою «сверхзадачу». Продолжая сравнение из той же области, надо подчеркнуть и то, что он играет не спектакль, созданный воображением драматурга, а драму реального человеческого существования; не на театральных подмостках, а на великой и грешной земле Франции, истерзанной врагом и обагренной кровью, озаренной вдруг светом радости освобождения. Пользуясь однажды брошенным самим де Голлем сравнением, можно сказать, что здесь, как в музыке Шопена, страдание порождает мечту!

Облаченные в пышную историческую символику мечты де Голля, однако, не столь могучи, чтобы оторвать его от земли. Он вовсе не витает в облаках и не впадает в экстаз. От самих исторических реминисценций де Голля отдает духом реставрации. Перед его мысленным взором предстают образы королей, «создавших Францию»; проходя по площади Согласия, он вспоминает не сцены революционной истории Парижа, а несчастных «короля и королеву», сложивших здесь свои головы на гильотине. В церемонии 26 августа совсем не похоже на случайность сочетание характерных деталей методически осуществляемого им политического плана. По левую руку де Голля во время шествия по Елисейским полям шагает Жозеф Ланьель, нормандский фабрикант, голосовавший за передачу власти Петэну, а затем «примкнувший» к Сопротивлению. Это классический тип консервативного, ограниченного буржуа. Слева от него Жорж Бидо, деятель католической партии, оказавшийся

после гибели Жана Мулена на посту председателя НСС, а потом двигавшийся только вправо, докатившийся спустя много лет до махрового фашизма. За спиной де Голля шагают генералы Жуэн и Кениг, типичные представители старой милитаристской касты. А где же герои Сопротивления, его мужественные и бесстрашные руководители, где вожди славного парижского восстания, сделавшего возможной нынешнюю великолепную церемонию? Их что-то не видно, ибо на переднем плане исторической драмы в постановке генерала де Голля не подобает находиться коммунистам, хотя именно они вели за собой самые боевые и многочисленные силы Сопротивления.

Около половины пятого де Голль вступает под своды Собора Парижской богоматери. К сожалению, монсеньор Сюар, кардинал-епископ, не встречает его. Дело в том, что четыре месяца назад он торжественно принимал здесь маршала Петэна. Поэтому бойцов Сопротивления Возмутило бы его появление, хотя, как писал де Голль, он «лично пренебрег бы этим». Затем звучит торжественная благодарственная молитва…

Де Голль, по его словам, был глубоко удовлетворен, ибо он получил «вотум народа» и его популярность, созданная лондонскими радиопередачами и усиленная его бескомпромиссной борьбой против союзников, за национальные интересы, отныне освящена «гласом толпы». Все описание событий 26 августа очень похоже на старинные хроники-повествования о коронациях французских королей. Он особенно подчеркивает, что все произошло без иностранцев и даже вопреки им, поскольку американское командование считало неуместной церемонию в условиях прифронтового города и запретило дивизии Леклерка терять время на эту затею. Де Голль пишет, что «лишь француженки и французы» участвовали в этом чисто национальном порыве, символом которого являлся он сам.

Правда, одна досадная деталь нарушает эту идиллическую картину. О ней де Голль не упоминает в своих мемуарах, но эту забывчивость восполняет генерал Эйзенхауэр в книге «Крестовый поход в Европе». 27 августа, то есть на другой день после манифестации, когда нация выразила де Голлю «безграничное» доверие, он почему-то счел необходимым обратиться к Эйзенхауэру с настоятельной просьбой: «Он просил меня „дать взаймы“ две американские дивизии, — пишет американский генерал, — которые, по его словам, он хочет использовать для демонстрации силы и укрепления своего положения… Картина того, как человек, который был символом борьбы за освобождение Франции, просит союзные войска удержать и подкрепить его позиции в самом сердце освобожденной столицы,

выглядела злой насмешкой…»

Но как бы то ни было, столица Франции освобождена. В отличие от многих европейских городов, она почти совсем не разрушена. Уцелели все, столь дорогие сердцу де Голля, памятники величия Франции. Более того, немцы, которые одно время пытались завоевать симпатии французов, покрыли позолотой статую Жанны д'Арк и даже привезли из Австрии и торжественно погребли во Дворце инвалидов прах сына Наполеона герцога Рейхштадтского, легендарного Орленка. По голодному Парижу ходила тогда острота: «Мы хотели мяса, а нам привезли костей…»

Действительно, еще не полностью освобожденная Франция ограблена врагом. Железные дороги не работают, немцы угнали больше половины вагонов и паровозов, взорвали тысячи мостов. Промышленность работает едва на треть своей довоенной мощности. Около двух миллионов молодых французов в плену или угнаны на работу в Германию. Общий хаос, транспортные затруднения вызвали голод. Правда, на черном рынке, в шикарных ресторанах есть все, но по фантастическим ценам, доступным лишь тем, кто нажился на войне. Всюду спекуляция, саботаж вишистов. Буржуазия отказывается от деловой активности. Она напугана Сопротивлением, глубоко демократичный и социальный характер которого внушает ей страх. Власть господствующего класса, опозоренного сотрудничеством с врагом, подорвана. Вся старая социальная структура расшатана, она вот-вот рухнет. Кто же спасет ее?

Эту миссию и берет на себя де Голль, ибо, искренне стремясь к восстановлению величия Франции, он не намерен создавать какую-то новую социальную базу этого величия. Его старая традиционная опора — буржуазный строй — казалась ему единственно пригодной для Франции, хотя подавляющее большинство французов в момент освобождения придерживалось другого мнения. И вот он начинает управлять освобожденной Францией, что, по его словам, «исключает существование какой-либо власти параллельно с моей». Центральной задачей, за решение которой он энергично берется, становится ликвидация любых тенденций к участию в управлении страной со стороны… Сопротивления. Того самого Сопротивления, которое было его надеждой, без которого он не сумел бы ни отделаться от Жиро, ни добиться признания от союзников, ни въехать в Париж в качестве освободителя страны.

Послевоенная история Франции начинается с тягостного, ошеломляющего оскорбления, нанесенного Сопротивлению. Человек, провозгласивший 18 июня 1940 года: «Пламя

французского Сопротивления не погасло и не погаснет» и благодаря этому вошедший в историю, начинает поспешно гасить священный огонь. Участники Сопротивления получают оглушительную пощечину от того, кто считался вождем Сопротивления. Презрев сентиментальные соображения, генерал де Голль ликвидирует Сопротивление.

28 августа 1944 года он вызывает к себе 20 главных руководителей парижских партизан и объявляет им, что силы ФФИ ликвидируются, что они должны сдать оружие, что бойцы Сопротивления будут включены в регулярную армию. Представителям НСС де Голль объявляет, что *«с* той минуты, как Париж вырван из рук противника, Национальный совет Сопротивления входит в славную летопись истории освобождения, но не имеет больше никаких оснований для существования в качестве действенного органа. Всю ответственность за дальнейшее примет на себя правительство».

Вслед за ликвидацией ФФИ 15 сентября были распущены народные трибуналы. 28 октября принято решение о роспуске и разоружении партизанской гвардии и милиции. Правда, Сопротивление продолжает существование в форме политических организаций: Национальный фронт, Движение за национальное освобождение (МЛН). Летом 1945 года в Париже был создан Национальный конгресс Сопротивления — Генеральные штаты французского возрождения. Эти организации, как и политические партии, ведут борьбу за осуществление программы НСС от 15 марта 1944 года. Но де Голль не только не поддерживает эту деятельность, он открыто выступает против нее, считая, что она подрывает единство нации и мощь государства — единственной основы национального возрождения. Де Голль рассматривает любые попытки оживления духа Сопротивления, любые политические требования его организаций и печати в качестве не только бесполезной, но и вредной оппозиции государству.

Закрепив свою власть в Париже, де Голль сразу же занялся провинцией. Примерно половина территории Франции была освобождена без помощи американских и английских войск. Французские внутренние силы, то есть Сопротивление, насчитывали осенью 1944 года полмиллиона человек. Они сами освободили кроме Парижа Марсель, Лион, Тулон, Тулузу, Монпелье, Лимож, Клермон-Ферран и много других городов. Естественно, что организации Сопротивления устанавливали свою власть в этих городах, ибо не могли же они оставить ее в руках вишистской администрации. При этом не обходилось, конечно, без крайностей и эксцессов, вызванных разными анархистскими и левоэкстремистскими элементами. Но де Голль

приписывал эти крайности всему Сопротивлению, и особенно коммунистам. Его консервативные взгляды, приверженность к традиционным устоям «порядка», его антиплебейский инстинкт — все это воздвигало стену непонимания и отчужденности между де Голлем и Сопротивлением. В действительности основная масса людей Сопротивления, особенно коммунисты, вовсе не стремилась к какой-то анархии. Именно поэтому они и согласились на передачу власти де Голлю, хотя и не одобряли многих его действий. Поэтому, в частности, де Голль и смог установить свою власть в Париже, а затем и в провинции. Парадоксально, но факт: Сопротивление, которое де Голль открыто начал третировать, все еще оставалось его опорой.

В течение двух месяцев после освобождения Парижа де Голль совершил серию поездок в провинцию. 14 сентября он прибыл в Лион и нашел положение здесь вполне нормальным. Затем он посетил Марсель, где обстановка произвела на него иное впечатление.

Но и в Марселе, как и везде, никто не помешал де Голлю установить власть префектов и командующих военными округами, хотя среди последних нередко фигурировали кадровые офицеры и генералы, служившие в войсках Виши. Из Марселя де Голль поехал в Тулон, а 16 сентября был в Тулузе. Здесь, как писал де Голль, коммунисты создали «нечто вроде Советской власти». Это было, конечно, не так, ибо иначе де Голлю вряд ли удалось бы отменить распоряжение об отстранении жандармов, вновь доверить им охрану порядка и назначить вызванного из Марокко генерала Колле командующим военным округом. Затем он посетил Бордо, Сет, Орлеан, везде укрепляя «власть государства». 25 сентября он был в Нанси, в Лотарингии, где, как он сам признал, «общественному порядку ничто не угрожало».

Во время своих поездок де Голль невольно приходил к выводу о необходимости проведения тех самых демократических и социальных преобразований, которых требовало Сопротивление. Он писал в связи с посещением своего родного города Лилля: «Чувства и размышления уже давно привели меня к убеждению, что освобождение страны должно сопровождаться глубокими социальными преобразованиями. Но в Лилле я понял, прочитав на лицах людей, абсолютную необходимость этого. Либо мы, сочтя это своим долгом, постараемся побыстрей и в заметной степени улучшить жизненные условия рабочих и урезать привилегии богачей, либо исстрадавшиеся трудящиеся массы поднимут волнения, в которых Франция может потерять все лучшее, что у нее осталось».

В этом де Голль убедился еще больше, посетив затем районы

угольной промышленности севера, затем Нормандию, Брие, Шампань. В течение нескольких недель де Голль объехал почти все крупнейшие центры страны. И везде он видел потрясенную социальную структуру, измученный войной народ и пылкие надежды на возрождение и обновление Франции. Однако главный вывод, Который он сделал, опять носил на себе печать его классовой позиции. Он, по его словам, понял, что «впереди долгие и суровые испытания, которыми не преминут воспользоваться в целях демагогии различные партии и коммунисты с их честолюбивыми замыслами».

В чем же выражались эти замыслы компартии, которая своей героической борьбой в Сопротивлении, своими жертвами приобрела в народе трагически прекрасное звание «партии расстрелянных»? Эта самая крупная партия, самая организованная, имевшая в момент освобождения под своим контролем сотни тысяч вооруженных партизан, стремилась только к завершению освобождения, к восстановлению экономики, к демократизации страны. Ее требования не выходили за рамки программы НСС от 15 марта 1944 года. И она действительно боролась за реализацию этой программы. Но никаких намерений установить власть она не имела, да и не могла иметь, ибо это было бы авантюрой.

Тогда почему же он постоянно подозревал коммунистов в вероломстве, приписывал им заговорщические намерения, честолюбивые притязания? Прежде всего, это диктовал глубокий антиреволюционный инстинкт де Голля, который дополнялся несомненным политическим расчетом. Разве можно было найти лучшее средство завоевать расположение и преданность буржуазии, в том числе мелкой буржуазии, составлявшей половину населения страны, чем позиция защитника ее интересов? Чтобы пользоваться неограниченной властью в условиях восстановления элементарных норм демократии, де Голль должен был выглядеть спасителем страны не только от внешнего врага — фашизма, не только от внешних соперников— США и Англии, но и от врага внутреннего. А если его не было, то его надо было выдумать. Поэтому и рождается миф о таинственных, но крайне опасных революционных замыслах компартии, о подготовке ею заговора с целью захвата власти и установления «диктатуры пролетариата». Активно используются, таким образом, классовые предубеждения широких масс мелкой буржуазии.

Надо учесть еще и то, что в своих «Военных мемуарах», написанных в 1950–1958 годах, де Голль явно преувеличивал свои антикоммунистические тенденции периода освобождения.

Мемуары были политическим документом, призванным снискать доверие господствующих сил, доказать способность вновь стать их спасителем. Этот расчет, кстати, как мы увидим в дальнейшем, в полной мере оправдался. А в то время, о котором идет речь, де Голль сотрудничал с компартией, хотя и в довольно ограниченных масштабах.

Это сотрудничество продолжалось и после изменений в составе Временного правительства, о которых было объявлено 9 сентября 1944 года. Коммунист Франсуа Бийу, который до этого был министром по делам оккупированных территорий, занимает пост министра здравоохранения. На посту министра авиации тоже по-прежнему находится представитель ФКП. Кроме коммунистов в правительство входят теперь три социалиста, четыре радикала, три «народных демократа» (католика). В нем участвуют также восемь членов довоенного парламента. Заместителем де Голля назначается бывший председатель сената Жюль Жанпене, голосовавший в свое время за Петэна. В правительстве немало банкиров, предпринимателей (Дьетельм, Леперк, Мейер). Словом, это очень пестрое по составу правительство с весьма противоречивым направлением. Хотя в него входят коммунисты, это отнюдь не правительство Народного фронта с общей программой. Вместо программы есть высшая, по-прежнему неограниченная власть генерала де Голля. Консультативная ассамблея, увеличившаяся вдвое, как и раньше, не может выносить решений, обязательных для правительства.

12 сентября, выступая во дворце Шайо перед восемью тысячами представителей организаций Сопротивления, органов государства, партий, профсоюзов, деловых кругов, де Голль в большой речи изложил свои планы. Он сказал, что его правительство будет управлять страной до тех пор, пока окончание войны, возвращение пленных и депортированных не позволят провести всеобщие выборы в Национальное собрание, которое решит дальнейшую судьбу страны. Многие намерения де Голля совпадали с программой НСС. Он обещал демократизацию, наказание предателей, конфискацию предприятий коллаборационистов, национализацию некоторых важнейших отраслей экономики, поддержание твердых цен, повышение Жизненного уровня. Он даже объявил о своем намерении «сделать так, чтобы частные интересы вынуждены были отступить перед общественными интересами, чтобы важнейшие ресурсы национального богатства осваивались и использовались ради всеобщего блага». Но де Голль Подчеркнул, что при этом правительство будет «поощрять во всех областях дух предпринимательства». Тем самым он дал понять, что не может

быть речи об изменении социального устройства страны.

Де Голль провозгласил своей важнейшей целью обеспечение величия Франции путем укрепления ее международных позиций, как можно более активного и широкого участия в войне, проведение внешнеполитического курса, который позволил бы Франции принимать участие в решении будущего Германии и всего мира.

Речь де Голля аудитория встретила бурными аплодисментами. «Однако, — писал де Голль, — „политики“, были ли это старые деятели или новые, выражали свое одобрение более или менее сдержанно. Чувствовалось, что с их стороны общее дело встретит всякие осложняющие задачу оговорки и действия». В своих предчувствиях генерал не ошибся.

«Спасение»

«Я спас дом и даже кое-какую мебель» — в таких словах генерал де Голль подвел итог своей деятельности во время войны и сразу после ее окончания. Третий том «Военных мемуаров» де Голля, в котором он рассказывает о событиях с конца 1944 и до начала 1946 года, называется «Спасение». Посмотрим, что же и как он спасал. Пожалуй, слово «спасение» в своем прямом смысле ближе всего к внешней политике де Голля. Многие считают, что именно в этой области он добился наибольших успехов. Внешняя политика действительно занимала первостепенное место в деятельности де Голля на посту главы Временного правительства. Что касается ее результатов, то охарактеризовать их одним словом невозможно. Бесспорно одно: и после освобождения Парижа де Голль продолжал вести упорную борьбу за укрепление престижа Франции, за ее интересы, за возвращение ей ранга великой державы. Пока до этого было еще очень далеко. Осенью 1944 года в Думбартон-Оксе представители четырех великих держав совещались по вопросу о создании будущей ООН. Франции на этом совещании не было. В Лондоне уже второй год заседала Европейская консультативная комиссия США, Англии и СССР и тоже без участия Франции. Главы трех великих держав почти непрерывно в это время вели между собой переговоры лично, путем переписки или по дипломатическим каналам. Францию о них, как правило, даже не информировали. Это было естественным следствием разгрома 1940 года. Де Голль, однако, не переставал жестоко терзаться из-за такой неполноценности Франции и для начала решил включиться каким-то образом в переговоры великих держав. Тем более что 23 октября возникла первоначальная реальная основа для этого: правительства СССР, США и Великобритании официально признали Временное правительство де Голля. Что касается Советского Союза, то в этом не было ничего особенно нового — и раньше Москва признавала фактически правительство де Голля. Иное дело Соединенные Штаты; они пошли на определенный отказ от своей прежней политики. Во всяком случае, де Голль с подчеркнутым равнодушием отнесся к «запоздалому» признанию, ибо это было еще очень далеко от того, к чему он стремился. 25 октября его спросили на пресс-конференции, что он думает о признании. Де Голль холодно ответил: «Французское правительство удовлетворено тем, что его соблаговолили назвать его собственным именем».

Внешнеполитические замыслы де Голля были весьма

обширны. Прежде всего надо решить проблему германской опасности, резко ослабив, а если удастся, раздробив на части Германию. А в перспективе он видел Францию в центре нового устройства Европы. «После ужасных страданий, пережитых ею на протяжении 30 лет, — писал де Голль, — и после огромных перемен, происшедших в мире, Европа могла бы обрести равновесие и мир только при условии объединения славян, германцев, галлов и латинян». Он стремился «к объединению Европы путем создания ассоциации ее народов, от Исландии до Стамбула и от Гибралтара до Урала». Здесь, как и всегда, внешнеполитические взгляды де Голля определяются историей и географией.

Но начинать надо было с малого. 30 октября де Голль пригласил в Париж Черчилля. Одновременно приглашение было послано и Рузвельту, но его не приняли. 10 ноября Черчилль вместе с Иденом приехал в Париж. Сразу же в кабинете де Голля на улице Сен-Доминик начались переговоры.

Де Голль прежде всего поставил вопрос о поставке вооружения французской армии. Ничего существенного англичане не обещали. Они уклонились и от конкретных разговоров по вопросу оккупации Германии, о будущем Рурской, Рейнской и Саарской областей, которые де Голль хотел отделить от Германии. Уклончивую позицию Черчилль занял и в отношении Сирии и Ливана, где франко-английские трения не прекращались. Зато Черчилль предложил немедленно начать переговоры о франко-английском союзе.

Де Голль в принципе сразу согласился, но завел речь о содержании этого союза. Он указал, что Франция и даже Англия выйдут из войны ослабленными, поэтому они должны действовать в тесном единстве при решении проблем завтрашнего дня. Это дало бы им возможность играть в этом деле решающую роль, учитывая соперничество Америки и России. Многие малые страны объединились бы вокруг франко-английского союза, чтобы противостоять двум гигантам. Только на такой основе, по мнению де Голля, франко-английский договор имел бы смысл. Но Черчилль сразу дал понять, что ради союза с Францией он ни в коем случае не пойдет на ослабление тесных связей с США. Снова прозвучал старый мотив «морских просторов». «Лучше убеждать сильнейших, чем идти против них», — сказал Черчилль. Действовать совместно с Францией он пока не хотел и предложил де Голлю подождать лучших времен. «А до тех пор, — заключил он, — предоставьте действовать мне». Переговоры окончились безрезультатно.

В Париже Черчилль присутствовал вместе с де Голлем на

Елисейских полях во время военного парада по случаю 28-й годовщины победоносного окончания первой мировой войны. Бравый вид французских солдат произвел на него хорошее впечатление. Толпа горячо приветствовала британского премьера, одетого в военную форму генерала авиации. Он приветливо отвечал своим знаменитым жестом, подымая два пальца в форме буквы «v» — знак победы. А де Голль во время особенно шумного восторга толпы насмешливо и зло прошептал на ухо стоявшему рядом своему министру: «Нет, вы послушайте! Идиоты! Они приветствуют эту каналью!»

…Ни в чем так болезненно и остро не ощущал де Голль свои неудачи, как в области внешней политики. Ведь это была сфера, которую он воспринимал особенно близко к сердцу. В конечном итоге все внутренние проблемы Франции сводились для него к вопросу о ее величии, то есть к ее международному влиянию и престижу. При решении любой проблемы он исходил из интересов укрепления международных позиций Франции. Как никто другой, он остро ощущал изоляцию Франции, особенно теперь, когда у него, наконец, появилась под ногами своя французская земля. Увы, это лишь усиливало ощущение неполноценности возглавляемой им Франции. Раньше ограниченность ресурсов Франции казалась естественной. Подразумевалось само собой, что освобождение французской территории сразу даст недостающую силу. Но пока появились лишь новые сложные проблемы, а слабость Франции, как никогда раньше, бросалась всем в глаза. Конечно, де Голль мог теперь выставить миллионную армию, но где взять для нее технику и вооружение? США и Англия отмахивались от просьб де Голля.

Экономическая разруха заставляла протягивать руку за помощью. Неустойчивым, неопределенным оставалось и внутриполитическое положение. США и Англия и не думали о возвращении Франции позиций великой державы. Оставалось ждать и надеяться на будущее. Но, как однажды заметил де Голль, «будущее длится долго». Человек действия, каким его нарисовал де Голль еще в книге «На острие шпаги», обречен, если он пассивен, если он бездействует.

В каком направлении действовать, где искать поддержки? История и география, постоянные наставники де Голля, в один голос подсказывали ему, что путь к возрождению величия Франции проходит через Москву. Но это означало, что снова надо искать поддержку в мире, чуждом ему по социальной природе. А ведь совсем недавно епископ Ренна, глава церкви в Бретани, монсеньор Рок прямо сказал ему, что католические прелаты обеспокоены его близостью к коммунистам. Всемогущие люди

делового мира тоже давали понять, что только беспощадной борьбой с коммунизмом он может приобрести их поддержку. Снова де Голль ощущал «дух Виши», видел неистребимую склонность людей из родной для него социальной среды поспешно жертвовать национальными интересами при малейшем намеке на угрозу их классовым позициям. Даже позорный крах Виши ничему их не научил. Значит, снова надо делать то, что по своему психологическому характеру походило на выбор, мужественно сделанный им 18 июня 1940 года. История подтвердила его правоту. Оправдает она его и впредь, когда докажет, что в Кремле можно найти опору для возрождения величия Франции. Так он решил.

Генерал де Голль пишет в мемуарах, что он надеялся «возобновить тем или иным способом франко-русскую солидарность, которая, сколько бы часто ее ни извращали и ни предавали, все же продолжала отвечать естественному порядку вещей как с точки зрения германской угрозы, так и в свете англосаксонских стремлений к гегемонии. Я даже подумывал о проекте пакта, в силу которого Франция и Россия обязались бы действовать сообща, если бы со временем Германия вновь стала нам угрожать. Конечно, эта угроза не могла бы появиться в скором будущем. Однако заключение франко-русского договора могло бы нам помочь сразу же начать участвовать в урегулировании европейских дел».

Но с самого начала де Голль решил, что не может быть и речи о какой-либо односторонней ориентации. Главное — сохранить полную независимость своей политики по отношению к любому партнеру, особенно если это партнер очень сильный. Генерал считал внешнеполитическую независимость более важным фактором политики величия, чем даже число дивизий, количество выплавлен-ной стали или сумма валютных запасов. Свою независимую ориентацию де Голль счел необходимым утвердить публично, выступая 22 ноября на заседании консультативной ассамблеи. Плодотворное единство Европы, сказал он, должно ориентироваться одновременно на три полюса: Москву, Лондон и Париж.

К этому времени вопрос о поездке в Москву был уже согласован по дипломатическим каналам. Советское правительство пошло навстречу пожеланиям де Голля и направило ему официальное приглашение. Более того, в начале ноября оно показало свое благожелательное отношение к Франции, настояв на включении ее представителя в Европейскую консультативную комиссию.

24 ноября де Голль в сопровождении министра иностранных

дел Бидо, генерала Жуэна, Палевского и Дежана вылетел в Советский Союз. После посадки в Каире и Тегеране 26 ноября он прибыл в Баку, где его официально встретили советские власти. Генералу были оказаны подобающие воинские почести. Принимая рапорт почетного караула и обходя его строй, де Голль пришел в восторг от вида советских солдат. За две недели пребывания в нашей стране де Голлю показали многое. Он видел трагическое величие развалин Сталинграда и прелесть прославленного русского балета, мощные промышленные предприятия и научные институты, необъятные русские просторы и сказочную архитектуру Кремля. Но самое сильное впечатление произвели на него солдаты. Он восторгался их выучкой, здоровьем, спокойным мужеством, тщательно описывая впоследствии облик подразделений, выставленных в почетный караул для встречи французского гостя. В его словах ощущается нечто вроде восхищенной зависти, когда он взволнованно заключает: «Да, это была она — вечная русская армия».

В его впечатлениях от посещения нашей страны, в суждениях и оценках, как всегда, проявились особенности его мировоззрения. Хотя он и признавал, что Октябрьская революция, Советская власть создали новую, Могущественную Россию, он воспринимал ее как извечную святую матушку Русь. В его представлении встречались вечная Франция и вечная Россия, вне идеологий и социальных различий. Конечно, такой подход был весьма далек от научного понимания ситуации. Но, отодвигая в тот момент противоположность общественно-политического строя этих стран, не облегчал ли он тем самым налаживание сотрудничества Франции и СССР?

2 декабря французская делегация прибыла поездом в Москву, и в тот же день де Голля принял Сталин. Генерал уже имел немалый опыт переговоров с крупными политическими деятелями, с такими как Черчилль или Рузвельт. Теперь он встретился с еще одним, притом наиболее своеобразным представителем великой тройки. Де Голль давно владел искусством крайне ответственного диалога. Он считал, что говорить надо как можно меньше и что молчание дает больше психологических преимуществ, чем многословие. Обычно де Голль давал партнеру возможность говорить, а сам высказывался очень скупо, в заранее рассчитанный момент, когда слова приобретают особый вес и значительность. Но в данном случае оказалось, что Сталин в еще большей степени обладает искусством непроницаемого молчания. Протокольные записи бесед свидетельствуют, что де Голль на этот раз говорил значительно больше своего собеседника.

«В течение приблизительно 15 часов, что длились в общей сложности мои переговоры со Сталиным, — писал де Голль, — я понял суть его политики, грандиозной и скрытной. Коммунист, одетый в маршальский мундир… он пытался сбить меня с толку. Но так сильны были обуревавшие его чувства, что они нередко прорывались наружу, не без какого-то мрачного очарования».

Уверенность де Голля в том, что он понял суть политики Сталина, не кажется, однако, столь уж бесспорной. Во всяком случае, он понял ее довольно своеобразно. Но он безусловно верно почувствовал и оценил, насколько твердо Сталин защищал государственные интересы Советского Союза.

На переговорах в Москве де Голль прежде всего поставил вопрос о заключении франко-советского договора. Мысли де Голля о пагубном последствии для Франции отсутствия союза с СССР, о том, что обе страны имеют общие интересы в Европе, встретили полное понимание Сталина. Собственно, даже проекты текстов договоров, которыми обменялись стороны, оказались очень похожими. В результате сам по себе вопрос о союзном договоре сразу был согласован. Однако в разгар переговоров Черчилль неожиданно направил телеграмму Сталину с предложением заключить трехсторонний договор о союзе между СССР, Англией и Францией. Де Голль сразу разгадал маневр своего британского друга, опасавшегося чрезмерной независимости Франции, и категорически отклонил предложение Черчилля. Сталин, который сначала не возражал против этого предложения, согласился с де Голлем.

Самую горячую заинтересованность французы проявили в вопросе о Германии: их стремления навсегда сделать невозможной германскую агрессию совпадали с намерениями советской стороны. Но обнаружились различия в методах. Советский Союз считал необходимым осуществить полную демилитаризацию Германии и до конца искоренить фашизм и милитаризм. Де Голль же настаивал главным образом на отделении от Германии Рура, Рейнской и Саарской областей, на передаче Франции левого берега Рейна и на превращении единого германского государства в федеральную систему отдельных небольших государств. Сталин, не вдаваясь в дискуссию по существу, заявил, что эти вопросы невозможно решить без участия США и Англии, и де Голлю пришлось с этим согласиться.

Камнем преткновения, однако, оказался вопрос о Польше. В это время существовало польское эмигрантское правительство в Лондоне, занимавшее антисоветскую позицию, и Польский комитет национального освобождения, созданный патриотами в

самой освобожденной Польше. Сталин предложил де Голлю признать этот комитет, чтобы тем самым способствовать созданию дружественной Советскому Союзу Польши. Поскольку советская сторона пошла навстречу Франции в вопросе о договоре, естественно было бы ожидать взаимного жеста доброй воли. Однако де Голль заявил, что он не может признать Люблинский комитет, ибо польское правительство должно быть создано только путем выборов после освобождения страны. Иначе говоря, де Голль занял в отношении Польши абсолютно такую же позицию, какую Рузвельт занимал в отношении него самого, отказывая ему в признании, что вызывало законное негодование де Голля. В результате подписание уже согласованного франко-советского договора оказалось под угрозой срыва.

А время шло. Наступило 9 декабря, на другой день французы должны были уезжать, а переговоры застряли на мертвой точке. В этот вечер Сталин устроил обед в честь де Голля. В своих мемуарах де Голль уделяет большое место этому обеду, рассказывая о 30 тостах, которые провозгласил Сталин. Но, несмотря на великолепный стол и радушие хозяев, настроение генерала де Голля было крайне тяжелым. Он упрямо не хотел идти на признание Польского комитета освобождения, а это делало невозможным подписание франко-советского пакта. Следовательно, он так и не приобретет опоры для проведения независимой политики, для возвращения Франции ранга великой державы. А как это скажется на его внутриполитическом положении? Одному из сотрудников французского посольства он мрачно признавался: «Это будет поражением для меня, и очень большим». Но в глубине души де Голль продолжал надеяться. Ведь Советский Союз тоже заинтересован в независимой и влиятельной Франции в качестве противовеса англосаксонским державам.

В полночь де Голль простился со Сталиным и вместе с Бидо уехал во французское посольство. В Кремле остались Морис Дежан и Роже Гарро. Они продолжали переговоры. Де Голль ждал в посольстве. Наконец, в два часа ночи явился Дежан и сообщил, что наметился компромисс: русские будут удовлетворены простым обменом представителями между Парижем и Люблином. В четыре часа утра де Голль вернулся в Кремль, и договор о союзе и взаимной помощи был торжественно подписан. Сталин предложил отпраздновать это, и мгновенно столы вновь были накрыты. Сталин поднял бокал за Францию. Де Голль писал в мемуарах, что Сталин сказал ему тогда: «Вы хорошо держались. В добрый час! Люблю иметь дело с человеком, который знает, чего хочет, даже если его взгляды не совпадают с моими». Де Голль

хотел пригласить Сталина во Францию: «Приедете ли вы повидать нас в Париже?» Сталин ответил: «Как это сделать? Ведь я уже стар. Скоро я умру».

…Франция восторженно приветствовала заключение франко-советского договора. Его горячо одобрили газеты всех направлений. Консультативная ассамблея единодушно расценила его как большой успех Франции. Де Голль выступил 21 декабря на заседании ассамблеи со специальной речью, в которой показал огромное значение договора. «Для Франции и России быть объединенными, — сказал он, — значит быть сильными, быть разъединенными— значит находиться в опасности. Действительно, это — непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла». Де Голль заявил, что роль Советского Союза в войне, его отношение к Франции «подняли на высшую ступень вековое чувство симпатии, которое мы, французы, всегда питали по отношению к русскому народу».

10 декабря 1944 г. Москва, подписание договора о союзе и взаимной помощи

Московский договор от 10 декабря 1944 года занял исключительно важное место в истории французской внешней политики. Французский специалист по внешней политике Альфред Гроссер так характеризовал политику де Голля в конце 1944 года: «Три основные причины привели к возобновлению союза с Москвой. В первую очередь страх перед Германией, шесть раз упомянутой в тексте договора, заключенного скорее с

Россией, чем с Советским Союзом, поскольку для генерала речь шла о классическом и традиционном союзе, подобном тому, который существовал между Третьей республикой и русским царем. Затем здесь сказалось стремление утвердить свою независимость по отношению к англо-американцам. Наконец, соображения внутренней политики. Что бы ни говорилось де Голлем в его мемуарах, невозможно не видеть, что договор с Москвой был средством сохранить единство Франции для ее восстановления».

Заключение московского договора укрепило авторитет де Голля. Он сам, не без оттенка некоторого удивления, отмечал «всеобщий радостный подъем» по этому поводу. Демократическая общественность Франции видела в договоре гораздо больше того, что связывал с ним де Голль. Если он считал его лишь возрождением старого франко-русского союза, то левые круги находили в нем возможность для серьезного изменения самого характера французской внешней политики, для превращения ее из орудия империалистических интересов в политику демократическую и прогрессивную. Исходя лишь из своих исторических концепций, де Голль фактически сделал больше того, что хотел сделать. Другой вопрос, что эти новые перспективы, открытые франко-советским договором, оказались потом перечеркнутыми антикоммунистическими тенденциями французских правящих кругов. Но и до того, как договор утратил из-за этого в значительной мере свою ценность, он дал Франции многое. В основном именно заключение союза с СССР обеспечило возвращение Франции прав великой державы. Это было достигнуто благодаря советской поддержке, с чем не могли не считаться и англосаксонские державы. Уже вскоре, на конференции глав трех великих держав в Ялте, для Франции решили выделить зону оккупации в Германии и включить ее в Союзный контрольный совет наравне с СССР, США и Англией. Кроме того, она получает одно из пяти мест постоянных членов Совета Безопасности ООН. На Потсдамской конференции летом 1945 года Францию включили вместе с тремя другими великими державами в Совет министров иностранных дел, который должен был решать проблемы мирного урегулирования. Такое сенсационное восстановление прав разгромленной страны с ее довольно незначительным участием в войне, и то на заключительном этапе, вызвало удивление. Очень характерен один эпизод во время подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Когда в зал, где состоялась эта историческая церемония, ввели представителей германской армии, то фельдмаршал Кейтель, увидев за столом

победителей французского генерала Делаттра, воскликнул: «Как? И французы тоже?»

Таким образом, возвращение Франции ранга великой державы, достигнутое в значительной мере благодаря франко-советскому договору, представляло собой не «кое-какую мебель», а нечто значительно большее. Поэтому, независимо от различных привходящих субъективных намерений де Голля, он привез из Москвы великолепный подарок Франции. Заключив договор с СССР, де Голль вновь служил делу национальных интересов франции. Он поднялся на уровень большого политического деятеля, способного интуитивно находить перспективные дипломатические решения.

Но, странное дело, тот же самый, так сказать «исторический» метод принятия решений с учетом исторического опыта и традиций подчас толкал де Голля к совершенно нереалистическим действиям во внешней политике. Так случилось с политикой де Голля в германском вопросе. Он потребовал отделения от Германии и присоединения к Франции территорий на левом берегу Рейна, чтобы обеспечить этим безопасность французских границ. Такое требование было явной копией политики «естественных границ», выдвинутых еще Генрихом IV и Ришелье. Между тем опыт войны, когда были форсированы все крупные реки Европы, за исключением Волги, показал, что при современной технике такой метод обеспечения французской безопасности давно устарел. Он представлялся особенно странным для человека, который накануне войны в книге «За профессиональную армию» столь глубоко и прозорливо раскрыл значение технического прогресса в военном деле. Собственно, даже более ранние его работы, в которых он справедливо указывал, что не оборонительные линии, а маневренные боевые действия обеспечат безопасность Франции, ставили под вопрос его политику в отношении Германии в момент окончания второй мировой войны.

Ради обеспечения безопасности Франции де Голль требовал также расчленения Германии, превращения ее в систему полунезависимых стран, ее «федерализации». Между тем в 1870 году Франция была разгромлена еще не единой, а раздробленной «федеральной» Германией. Наконец, его политика в германском вопросе отличалась отсутствием элементарного реализма, ибо он выступал сразу против всех трех остальных великих держав. Поэтому она и не имела шансов на успех.

Де Голль оказывал нажим на своих партнеров. Первая половина 1945 года отмечена мелкими дипломатическими скандалами, которые устраивал де Голль, явно переоценивая их

полезность. Например, он занял позу обиженного в связи с конференциями в Ялте и Потсдаме, куда его не пригласили, поскольку «клуб большой тройки» сложился еще ранее. Хотя решения обеих конференций содержали очень выигрышные для Франции моменты, де Голль каждый раз заявлял, что он не считает себя связанным этими решениями. Против присутствия де Голля в «клубе великих» выступал Рузвельт, на голову которого и обрушился гнев генерала. Когда американский президент возвращался из Крыма, он предложил де Голлю встречу в Алжире. В ответ де Голль заявил, что он «не сможет его принять», и отказался от встречи. Это вызвало серьезное недовольство во Франции. Что касается Рузвельта, то он, выступая в конгрессе, назвал де Голля «примадонной, которая из-за своего каприза кинозвезды пренебрегла полезной встречей».

Значительно более серьезные конфликты возникали в это время у де Голля, как всегда, с Черчиллем. Яблоком раздора по-прежнему служили Сирия и Ливан. Население этих стран начало вооруженную борьбу против французов, давно объявивших о независимости, но не уходивших с Ближнего Востока. В конфликт вмешались англичане. Черчилль предъявил де Голлю ультиматум, требуя прекращения военных действий и передачи контроля над этими странами Англии. Де Голль вынужден был подчиниться, но при этом заявил 4 июня британскому послу: «В настоящий момент, я это признаю, мы не в состоянии вести с вами войну. Но вы тяжко оскорбили Францию и предали Запад. Это не может быть забыто».

Между тем конфликты с США и Англией все больше противоречили основному направлению внешней политики Франции. Дело в том, что эта политика стала меняться под влиянием растущей экономической зависимости обнищавшей Франции от разбогатевших Соединенных Штатов. С 1942 года американцы начали поставлять Франции оружие. В феврале 1945 года было заключено соглашение о широкой помощи Франции по системе «ленд-лиза». В августе 1945 года де Голль едет в США просить очередную порцию помощи. Теперь его встречает новый президент Гарри Трумэн, который, по оценке де Голля, был «далек от широких идей идеализма, которые развивал его знаменитый предшественник». Бывший торговец, действительно, оказался крайне практичным. Он обещал де Голлю заем в 650 миллионов долларов, согласился не мешать восстановлению французского влияния в Индокитае, обещал кое-что в Германии. В дополнение ко всему он еще и подарил де Голлю отличный самолет ДС-4 (Рузвельт раньше подарил ему автомобиль) и наградил его орденом «За заслуги». Щедрость Трумэна,

объяснялась просто: он нуждался в поддержке де Голля для раскола антигитлеровской коалиции и подготовки «холодной войны». И де Голль склоняется к этому.

Еще не так давно он развивал идеи общеевропейского сотрудничества «от Гибралтара до Урала». Теперь он начинает выдвигать проект блока только западных европейских стран. Новая ориентация ясно проявилась уже 10 сентября 1945 года в интервью, которое де Голль дал корреспонденту «Тайме». Он говорил также о необходимости улучшения отношений с Англией. Таким образом, уже при де Голле появляются признаки превращения Франции из «звена между Востоком и Западом» в участницу зарождавшегося западного политического блока. Правда, в отличие от США, де Голль имел в виду блок западноевропейских стран под эгидой Франции. Де Голль называл свой проект «грандиозным». Однако, как он признавал с обидой, «французские политические деятели остаются равнодушными к нему». Дело в том, что «грандиозный» проект находился в явном несоответствии с крайне ограниченными силами и ресурсами Франции, уже начинавшей жить на американский счет.

Внешняя политика де Голля постепенно утрачивает цельность и ясность, которыми она обладала во время войны. Тогда у него была совершенно определенная задача— восстановление независимости и величия Франции. Сейчас же речь заходит о западном блоке с явно антисоветским содержанием. Франция ведет отчаянную борьбу за сохранение колоний, пытается получить некоторые германские территории, что побуждает ее искать поддержку США и Англии. В сочетании с тяжелым экономическим положением все это подрывает основы внешнеполитической независимости де Голля. Его политика вызывает недовольство внутри страны. В третьем томе «Военных мемуаров» де Голль пишет о том, что различные круги «начали отдаляться» от него, что его «глубоко встревожило это начало разногласий». При этом буржуазия проявляла тревогу по поводу «чрезмерной» независимости де Голля от США и Англии, а демократические круги — по поводу все более определенной ориентации только на западные державы. В результате к концу 1945 года внешняя политика де Голля уже не укрепляет, а ослабляет его и без того не очень прочные внутриполитические позиции.

Это был уникальный период французской истории. Сопротивление вылилось в невиданный с времен Коммуны революционный подъем. Трудящиеся, как и тогда, стали, по словам де Голля, одновременно «патриотами и мятежниками».

Партии рабочего класса, коммунисты и социалисты, пользовались поддержкой огромного числа французов. И тем не менее неограниченная, абсолютная личная власть оставалась в руках де Голля, человека крайне консервативных, даже, пожалуй, полумонархических убеждений. Это был очень странный «конкубинат». Причем левые и де Голль не просто сосуществовали, но даже сотрудничали. Сознательная политика компромисса со стороны коммунистов была явлением понятным и закономерным. Напротив, для генерала де Голля политика союза с левыми являлась делом незаурядным. Он опять проявлял здесь те качества, которые резко выделяли его личность из родственной ему социальной среды, хотя оставался прочно связанным с ней. Что же сблизило эти противоречивые классовые силы? Общей почвой, на которой произошло это сближение, служили, во-первых, патриотизм де Голля и патриотизм левых, прежде всего коммунистов, во-вторых, реализм политического мышления этих разнородных партнеров своеобразного брака по расчету.

Совместная жизнь мало подходящих друг другу «супругов» проходила в тяжких условиях голодной зимы 1944 года; в обстановке разрухи, хаоса, казалось, малейшая искра могла зажечь революционное пламя. Причем между ними не существовало какого-то формального соглашения с точными, конкретными обязательствами. В молчаливом сотрудничестве каждая из сторон подозрительно наблюдала за другой. С поразительным чутьем и ловкостью де Голль держался в социальных уступках на той грани, которая позволяла рассчитывать на лояльность левых, сохраняя одновременно в полной неприкосновенности основы буржуазного строя. Это неустойчивое балансирование продолжалось недолго, и когда де Голль перестал чувствовать эту грань, равновесие нарушилось. Но, прежде чем это случилось, многое во Франции изменилось.

Чтобы нация «не сбилась с правильного пути», де Голль взял социальную инициативу в свои руки, объявив своими собственными идеями слегка видоизмененные требования левых, закрепленные в программе Национального совета Сопротивления. Речь шла прежде всего о национализации. В декабре 1944 года генерал де Голль издает ордонанс о национализации угольных шахт департаментов Нор и Па-де-Кале. Затем национализируются крупнейшие автомобильные и авиационные предприятия, торговый флот, гражданская авиация, предприятия по переработке нефти и газа. Национализируются Французский банк, крупнейшие депозитные банки и страховые компании. При этом речь отнюдь не шла о нарушении священного принципа

частной собственности; владельцам без особого шума была гарантирована та или иная форма компенсации. Только заводы «Рено» перешли в руки государства без компенсации, поскольку их бывший владелец открыто сотрудничал с немцами. Впрочем, Луи Рено умер от разрыва сердца в 1944 году при одном слухе о предстоящей национализации.

При де Голле закладываются основы государственного управления национализированными отраслями и даже определенного регулирования экономикой в целом. Де Голль создал Верховный комиссариат «плана модернизации и оснащения». Он учредил в августе 1945 года Государственную высшую школу административных руководителей. Усилилось развитие технократии, то есть кадров высококвалифицированных администраторов, которые, в частности, сумели превратить национализацию в весьма выгодное дело для буржуазии. Таким образом, удовлетворяя требования программы НСС, де Голль одновременно создавал базу для послевоенного развития государственно-монополистического капитала, для сохранения и укрепления капиталистического строя.

Но де Голлю пришлось сделать немало реальных уступок требованиям трудящихся. Началось проведение реформы системы социального обеспечения, повышалась зарплата трудящимся. Однако цены росли гораздо быстрее. Промышленное производство увеличилось с сентября 1944 года по январь 1946 года примерно в два с Половиной раза, а невероятно низкий уровень жизни не Повышался. Французы получали по карточкам 1200 калорий в день. Рабочий класс самоотверженно трудился над восстановлением страны, а буржуазия стремилась лишь к сохранению своих привилегий. В этой ситуации Де Голль всегда в конечном счете оказывался на стороне привилегированных. Чтобы вывести страну из экономического упадка, кто-то должен был идти на жертвы.

И это всегда были трудящиеся, на положении которых болезненно отражалась непрерывная инфляция. Де Голль возражал даже против чисто капиталистических мероприятий по улучшению финансового положения страны. Характерен эпизод с отставкой радикала Мендес-Франса, занимавшего пост министра экономики. Он предложил провести денежную реформу такого типа, какие проводились во многих освобожденных странах, то есть обменять деньги в строго ограниченном количестве для каждого лица, блокировать банковские счета и т. п. Тем самым Мендес-Франс стремился задержать инфляцию, изъять у спекулянтов горы денег, нажитых во время войны, парализовать «черный рынок». Естественно, что эта реформа задевала интересы

тех, кто нажился во время оккупации. Реформу Мендес-Франса встретили в штыки министр финансов банкир Леперк, а затем сменивший его Плевен. В этом знаменательном споре де Голль не поддержал Мендес-Франса, и тот ушел в отставку. При этом генерал заявил ему: «Разве все специалисты не против вас?», на что Мендес-Франс ответил: «Я знал некоего полковника де Голля, против него были все специалисты до войны».

Да, перед войной на его долю выпала неблагодарная роль бунтаря-одиночки, выступившего против высшей военной касты. Может быть, теперь, когда его политика объективно помогает сохранению привилегий всей буржуазии, он уже не одинок? Но, по иронии судьбы, он снова в изоляции. Дело в том, что влияние и власть тех, кому его политика могла нравиться, резко ослабли. Возникла новая система политических партий, в которой консервативные, откровенно буржуазные течения играли пока весьма скромную роль. Они сейчас расплачивались за свой коллаборационизм и поддержку Виши. Де Голль с беспокойством видел усиление влияния именно тех политических партий, на поддержку которых он не мог рассчитывать.

Особенно усилилась компартия. Героическая борьба коммунистов с оккупантами принесла партии заслуженный авторитет. Число ее членов приблизилось к миллиону. Во всем, что касалось укрепления независимости Франции, ее экономического восстановления, компартия в момент окончания войны поддерживала генерала де Голля. Но она решительно отвергала все, что в его деятельности противоречило интересам рабочего класса и демократизации политической жизни.

Социалистическая партия тоже расширила свое влияние, хотя и далеко не в такой степени, как компартия. go время войны социалисты активно поддерживали де Голля, некоторые из них, например А. Филипп, были близкими сотрудниками генерала. Но, конечно, и этот союз носил временный характер. В 1945 году социалисты часто выступали вместе с коммунистами.

Третьей крупнейшей партией была основанная в конце 1944 года МРП — Народно-республиканское движение. Она возникла из слияния различных католических организаций, и ее лидером стал Жорж Бидо, министр иностранных дел де Голля. Хотя эта партия официально поддерживала программу НСС, она оказалась значительно правее остальных крупных партий. Собственно, она как бы заменила, по существу, довоенные правые партии. МРП объявила себя «партией верности де Голлю», но, стремясь к власти, к политическому влиянию, она не могла служить надежной опорой генерала на длительное время.

Наиболее близкой де Голлю оказалась возникшая в 1945 году

ЮДСР (Демократический и социалистический союз Сопротивления). В нее вошло много голлистов, в том числе ближайшие сотрудники генерала. Но эта маленькая партия не приобрела серьезного значения. Возродилась еще довоенная партия радикалов, хотя их влияние было в корне подорвано вишистской деятельностью многих ее лидеров. Радикалы выступали за восстановление системы Третьей республики и уже поэтому оказались в оппозиции к генералу. Были еще разные осколки довоенных правых. Среди них— группа независимых во главе с бывшим покровителем де Голля Полем Рейно. Но никакой более или менее крупной правой партии французской буржуазии сразу после войны создать не удалось.

Политические партии вообще никогда не внушали никакого доверия генералу де Голлю, а тогда — в особенности: «Я видел, — писал он, — как на горизонте сгущаются тучи, и понимал, что отныне мне придется действовать в сложной обстановке критики и оппозиции».

Признаки этого появились задолго до окончания войны. А 19 марта 1945 года к де Голлю явилась делегация от всех групп консультативной ассамблеи и потребовала, чтобы правительство считалось с ее мнением. Де Голль ответил, что власть принадлежит только ему и он будет осуществлять ее от имени Франции и нести ответственность только перед ней, вплоть до проведения всеобщих выборов, которые состоятся после войны. Но вскоре война закончилась, и надо было назначать выборы и решать вопрос о будущем устройстве страны. Де Голль не питал особых надежд на то, что выборы приведут к сохранению или укреплению его власти. Вместе с тем он не пытался сохранять свою неограниченную власть путем отказа от выборов и использования насилия. Он сам объяснял это так: «По всей видимости, мне было бы позволено продолжить существование своего рода монархии, установление которой я в свое время взял на себя и которая была затем подтверждена всеобщим согласием. Но французский народ является таким, каков он есть. Если он чего-то не пожелает, никто не заставит его изменить своей воли… Одна только армия могла бы снабдить меня средствами обеспечить спокойствие страны, подавив сопротивление непокорных. Но подобная военная тирания, установленная силой в мирное время, вскоре же стала бы выглядеть в глазах всех людей непростительной».

Поэтому генерал де Голль, как он и обещал, решил предоставить народу выразить «свою волю» всеобщим голосованием. Только таким образом он считал возможным осуществить свои замыслы, заключавшиеся отнюдь не в простом

намерении удержаться у власти. Для этого ему стоило лишь считаться в какой-то мере с правилами парламентской игры и традиционными политическими нравами. Нет, он хотел сохранить власть только при условии ликвидации этой игры и этих нравов, то есть путем резкого ограничения республиканской демократии. Он хотел увенчать свою карьеру созданием такого политического строя, который, по его мнению, в наибольшей степени способствовал бы борьбе за величие Франции. Он мечтал сконцентрировать все физические, интеллектуальные и моральные силы нации для достижения этого величия, то есть для усиления международного влияния Франции. Сделать Францию дисциплинированной, сплоченной вокруг одного идеала возвышения родины и нации, вдохновленной и руководимой одним достойным человеком, естественно, Шарлем де Голлем. Вот цель, которую он поставил перед собой. Де Голль взял многое от монархии, многое от республики, сохранил уважение к основным личным правам и свободам и создал модель, являющуюся, по его мнению, сочетанием всего лучшего, что дал богатый исторический опыт Франции. Правда, осмыслен этот опыт исключительно с личной точки зрения самого де Голля, и идеал государства скроен как раз По его мерке. Этот план государственного строя называли республикой президентского типа, монархической республикой, режимом личной власти и т. п. Ясно, во всяком случае, что он далек от народовластия, от подлинной демократии, требующей участия каждого в управлении обществом. Голлистский проект сильного государственного устройства крайне специфичен, и его функционирование полностью зависит от счастливого, почти исключительного случая, который дает власть человеку, действительно способному быть арбитром, что в классовом обществе практически невероятно; здесь все возможно, и произвол главы государства ничем не ограничен, кроме его собственной воли. Словом, этот проект де Голля предназначался исключительно для де Голля.

Чтобы провести его в жизнь, ему надо было теперь с помощью всенародного голосования предотвратить восстановление Третьей республики и создать Учредительное собрание с ограниченными функциями. Оно должно существовать короткий срок, в течение которого ему предстоит лишь одобрить проект конституции, не вмешиваясь в дела правительства. Референдум 21 октября, казалось, был явным успехом де Голля, однако в тот же день избиратели выбрали в Учредительное собрание 160 коммунистов, 142 социалиста, 30 членов ЮДСР, 152 — МРП, 29 радикалов и 66 разных правых. Все они, даже те, кто на референдуме призывал

отвечать так, как хотел де Голль, в той или иной степени отвергали конституционные планы де Голля. Они не считали также, что Учредительное собрание не должно вмешиваться в дела управления. Де Голль понял, что схватка между ним и партиями неизбежна и что он не может рассчитывать на эффективную поддержку. Поэтому де Голль решил, как он вспоминал, что ему «осталось выполнить еще один долг: уйти морально чистым с политической сцены».

Правда, Учредительное собрание оказывало ему исключительные почести. Оно единогласно избрало его вновь главой правительства, теперь уже не временного, и провозгласило, что «Шарль де Голль имеет большие заслуги перед родиной». Но Клемансо в свое время тоже Удостоился такой оценки, после чего его провалили на президентских выборах.

Когда де Голль приступил к формированию правительства, социалисты, радикалы и даже представители МРП начали высказывать всякие оговорки и ставить свои условия. Но особенно острый конфликт возник у де Голля с коммунистами. Поскольку они. оказались первой партией страны, то, естественно, потребовали хотя бы один из самых важных министерских портфелей: национальной обороны, иностранных дел, внутренних дел. Де Голль отказал, дав понять, что он не считает Коммунистическую партию достаточно «национальной» и «французской». Коммунисты возмутились. В самом деле, 75 тысяч их товарищей пали под пулями фашистов. Ни одна другая партия не сделала и половины того, что совершили коммунисты в борьбе за свободу родины.

Де Голль подает в отставку и, выступая по радио, пытается оправдать свою решимость не доверять компартии «ни один из трех рычагов, управляющих внешней политикой, то есть дипломатию, которая ее выражает, армию, которая поддерживает ее, и полицию, которая защищает ее».

Но этот кризис все же разрешился компромиссом. Де Голль понял, что уходить в отставку по такому поводу— значит грубо оскорбить четвертую часть французских избирателей, голосовавших за коммунистов. Этого он не мог себе позволить. В результате де Голль взял назад свою отставку, собрание подтвердило его полномочия и он составил кабинет из 5 коммунистов, 5 социалистов, 5 членов МРП и 6 деголлевцев. Поскольку представитель компартии стал министром вооружения, возглавив одно из двух военных ведомств, коммунисты получили половину одного запретного портфеля, заняв также посты заместителя премьер-министра, министра

здравоохранения, министра промышленности, министра труда. Вся эта история еще раз показала де Голлю, что управлять без парламента ему не удастся.

Нового конфликта не пришлось долго ждать. Он возник при обсуждении бюджета на 1946 год. Окончательное голосование ожидалось 1 января. И вдруг социалисты потребовали сократить военные расходы на 20 процентов. Оснований для этого было вполне достаточно. В то время как военные расходы предназначались для обеспечения политики «величия», голод и другие бедствия делали жизнь трудящихся все тяжелее. В октябре, перед выборами, отменили карточки, но сейчас их приходилось вводить снова и к тому же уменьшать нормы. Несомненно, что и коммунисты поддержали бы социалистов. Де Голль был особенно уязвлен тем, что за сокращение военного бюджета активно выступил Андрэ Филипп, один из его ближайших соратников героического лондонского периода «Свободной Франции». Правда, еще тогда лидер социалистов предупредил де Голля, что после войны их пути разойдутся. Но де Голль не помнил этого и воспринимал поведение Филиппа как личную измену.

Дело было даже не в бюджете, а в том, что снова пытались ограничить власть де Голля, да еще в самой близкой ему военной сфере. Выступая в собрании, де Голль подчеркивал именно эту сторону дела: «Собрание показало всем своим поведением, что оно предпочитает такой строй, при котором управляло бы оно. Эта система совершенно не совпадает со взглядами правительства по данному вопросу…» В своей речи де Голль мимоходом сказал: «Несомненно, в этом зале я говорю в последний раз». Одни этого не заметили, другие — не придали значения. А между тем, как он вспоминал, «когда вечером 1 января я покидал Бурбонский дворец, в голове у меня уже созрело твердое желание уйти. Оставалось лишь наметить точную дату для этого, не позволив, чтобы ее выбрал за меня кто-то другой».

Он решил уйти до конца месяца, ибо тогда должно было начаться обсуждение проекта конституции, от которого де Голль не ждал для себя ничего хорошего. Однако, чтобы еще раз собраться с мыслями, генерал впервые за семь лет берет отпуск и едет с женой и братом Пьером на юг в Антиб, на курорт Иден-Рок. Правда, накануне поездки он присутствовал на свадьбе своей дочери Элизабет, которая выходила замуж за офицера Алена де Буасье. Жених принадлежал к солидной буржуазной семье, находившейся в родственных связях с семьей Шнейдера, магната французской металлургической промышленности.

И вот на скалистом берегу холодного в это зимнее время

Средиземного моря, на расстоянии 400 километров от знаменитого места отставки — острова Эльбы, обдумывает он детали своего ухода. После восьми дней пребывания у моря, в понедельник 14 января де Голль возвращается в Париж. Но ему все же пришлось еще раз побывать в зале Бурбонского дворца. Через два дня в собрании выступает Эдуард Эррио с протестом против Решения правительства посмертно наградить солдат, погибших в боях против американцев 8-10 ноября 1942 го-Да. Эррио считает, что награждение неуместно, ибо они воевали в защиту Виши против союзников. Когда речь заходит о недавней войне, теме, которую де Голль считает для себя священной, он не может молчать. Генерал произносит язвительную отповедь Эррйо, доказывая, что смерть в бою — по приказу командиров, несущих политическую ответственность, независимо ни от каких факторов есть выполнение долга. Во всяком случае, она менее уязвима для критики, чем позиция политического деятеля, который накануне освобождения Парижа вел переговоры и переписывался с Лавалем. И де Голль добавил: «Что касается меня, то с 1940 года я обменивался с Виши не письмами, а пушечными залпами». В этом эпизодическом выступлении чувствуется обида, возмущение политиками, которые неизвестно что делали в критические дни, а теперь выживают его…

Январь 1946. На мысе Антиб

19 января 1946 года де Голль пригласил всех министров своего правительства явиться на следующий день утром, в воскресенье, к нему на улицу Сен-Доминик. И вот 20 января, одетый в военную форму, он входит в зал Рыцарских доспехов, где собрались министры. Де Голль пожимает им руки и, не

приглашая садиться, произносит несколько фраз: «Вернулся монопольный режим партий. Я его не одобряю. Но, если только не пойти на установление силой диктатуры, которой я не хочу и которая, несомненно, к хорошему не приведет, у меня нет средств помешать происходящему. Поэтому мне надо уйти. Сегодня же я пошлю письмо председателю Национального собрания, в котором извещу его об отставке правительства. Каждого из вас я искренне благодарю за оказанную мне помощь…»

Никто не удивился, не выразил сожаления, не стал просить генерала изменить свое решение. Все молчали. Де Голль простился с министрами и вышел. И тогда Морис Торез, Генеральный секретарь компартии и заместитель де Голля на посту премьера, заметил: «Вот уход, не лишенный величия!» Социалист Жюль Мок сказал: «Право, эта отставка — дело серьезное. Но нет худа без добра. Личность генерала подавляла Национальное собрание. Теперь оно получит возможность дышать свободнее». Заговорили министры от католической партии МРП Гэ и Тетжен: «Теперь на нас ложится тяжелая ответственность быть преемниками де Голля. Наше движение постарается быть достойным этой задачи». «Куда уж вам! — воскликнул Торез. — Если вы и с генералом-то ничего не умели делать, то что вы сумеете без него?» Так эта сцена была описана в мемуарах де Голля.

А генерал в тот же день переезжает из дома в Нейи, где он жил с семьей, и временно размещается в Марли, в пустовавшей резиденции премьер-министров. Он явно нервничает, то принимаясь раскладывать пасьянс, то бросая карты. Сразу появилась идея ехать в Коломбэ-ле-дез-Эглиз. Но после того, как там побывали немцы, все разорено, идет ремонт. Недавно кто-то приглашал его в Канаду, и он заявляет, что поедет туда. «Я буду ловить там рыбу, а вы будете жарить ее», — говорит он жене. На другой день, все еще оставаясь в Марли, он начинает волноваться и посылает офицера узнать, почему к нему никто не идет. Почему нет делегаций? Может быть, полиция выставила оцепление и народ не пускают? Оказывается, нет, никаких преград между ним и народом никто специально не создавал.

На третий день он пишет одному из близких: «Что касается моего ухода, то это лишь эпизод. Прежде чем делать выводы, подождите окончания дела». Неужели это маневр, рассчитанный на то, чтобы заставить просить его вернуться и тогда-то навязать свои условия? В газетах появляются соображения и намеки на то, что отставка генерала будет недолгой.

Но если был такой план, то почему генерал совершенно серьезно заверил председателя Национального собрания Венсана

Ориоля, что он не собирается выступать по радио с сообщением о своей отставке, хотя он мог свободно это сделать? Все эти странности в поведении генерала напоминают одно место из его книги «На острие шпаги», где он пишет о том, как тяжело переносить постоянное напряжение: «В этом можно найти истинные мотивы ухода с постов, которые трудно объяснить: внезапно человек, достигший успеха и популярности, сбрасывает бремя власти…»

Ведь де Голль при всей его внешней невозмутимости, холодном спокойствии, умении таить свои мысли нередко обнаруживал весьма живые слабости живого человека. Черчилль писал о нем: «У меня создалось впечатление, что под покровом своего невозмутимого и непроницаемого вида он скрывал неожиданную для него чувствительность. Это впечатление подтверждалось в процессе моих контактов с этим высоким флегматичным человеком».

Даже если отставка не была маневром, отношение к ней больно задело его. Возможно, он хотел стихийных знаков внимания в качестве признания своих заслуг. Но полное равнодушие? Этого де Голль не ожидал! Встречая в эти дни одного из немногочисленных посетителей, он вдруг бросил: «Здесь Лонгвуд…» Он вспомнил место последнего изгнания Наполеона? Странная ассоциация, напоминающая о смятенных чувствах, может быть, о растерянности. Прожив неделю в Марли, генерал с семьей вдруг решает съездить погостить к брату жены Жаку Вандру в его поместье Сенфонтен. Быстро собираются, и вот, уже садясь в машину, генерал извлекает из своих неисчерпаемых исторических познаний фразу, сказанную одним французским маршалом в момент отказа от безуспешного штурма крепости, и шутливо декламирует ее: «А сейчас вы увидите то, что является самым сложным в военном искусстве: отступление!»

Фарс

Так и не дождавшись ни одного признака волнения, ни одной демонстрации или митинга, не увидев никаких проявлений замешательства, генерал де Голль отправился в отремонтированную наконец собственную резиденцию «Буассери» в Коломбэ. За годы войны парк разросся. Аллея метров в двести, проходящая от ворот до дома, стала более тенистой. Чтобы облагородить этот несколько буржуазный двухэтажный дом, генерал велел пристроить к нему шестиугольную башню, возвышавшуюся теперь над черепичной крышей продолговатого здания своим невысоким конусом. Это немного напоминало замок. Внутри башни, в комнате с тремя окнами, его Кабинет. Когда генерал, сидя за письменным столом, поднимает взгляд, перед ним открывается широкая панорама полей, невысоких холмов, темнеющий вдали лес. «Галльский лес», — говорит он. И ничего, ни одной постройки, ни одного человека до самого горизонта. На лужайке около дома разбита большая, десять на семь метров, клумба в форме Лотарингского креста: память эпопеи, начавшейся в Лондоне 18 июня 1940 года. Это уже история, и Шарль де Голль с некоторой грустью приступает к работе над своими мемуарами. Впрочем, он охотно отвлекается, чтобы отвечать на письма. Де Голль любезно, старомодно, напыщенно благодарит каждого автора, приславшего свою книгу. Бывает, что письма преданных людей, преисполненных добрых намерений, его раздражают. Верный Мишле, министр вооруженных сил в его правительстве, оставшийся на этом посту и после ухода генерала, пишет по поводу все еще временного военного звания де Голля. Дело в том, что сейчас проходит «упорядочение», проверка и утверждение чинов, полученных во время войны. Ведь де Голль до сих пор не утвержден в звании бригадного генерала. Если он не пройдет процедуру «упорядочения», то останется просто полковником в отставке.

«Мой дорогой министр, — отвечает де Голль, — с 18 июня 1940 года, то есть с того дня, когда я вышел из армейских кадров, чтобы приступить к деятельности исключительного характера, развернулись события такого масштаба и смысла, что теперь уже невозможно „упорядочить“ это абсолютно беспрецедентное положение.

Нет совершенно никакой необходимости менять что бы то ни было в этом положении, продолжавшемся в течение пяти лет семи месяцев и трех дней великого испытания. Любое „административное решение“, принятое сегодня в этом

отношении, было бы странным и даже смешным.

Единственная мера, которая отвечает масштабу этих событий, состоит в том, чтобы оставить все в нынешнем состоянии. Когда-нибудь смерть урегулирует все трудности…»

Де Голль отказывается от всего: от военной медали, от награждения орденом Почетного легиона, от присвоения ему специального звания «генерала освобождения». Он бригадный генерал временного характера и носит по две звездочки на рукавах и на кепи, а на мундире — только Лотарингский крест.

Какое значение имеет все это для истории? В отличие от людей, не чувствовавших историю и своего участия в ней, он ощущает ее всегда. Она и здесь, где сходятся поля Шампани, Лотарингии, Бургундии, где небо видело столько славы и горя, где земля щедро удобрена кровью и трупами. Он видит следы римской дороги, проходившей от Лангра к Страсбургу. Недалеко Каталаунское поле, где галлы остановили Атиллу, и поля сражений императора. Здесь пути вторжений во Францию. На протяжении двух человеческих жизней их было семь. Поколения галлов, французов, мушкетеров короля, санкюлотов, строителей соборов и разрушителей монастырей прошли по этой земле, где сейчас не видно их следов. На месте Коломбэ-ле-дез-Эглиз в XIV веке стоял монастырь Святого Батиста. Рядом с ним спустя век построили вторую церковь. Отсюда и название деревни: «дез-Эглиз» — две церкви. Но монастырь разрушен, и осталась одна тесная и старая церковь, перестроенная в XVIII веке, куда он ходит по воскресеньям слушать мессу. Сколько поколений жили, страдали и умирали в этих местах, оставив перед его взором совершенно пустынный пейзаж,

Генерал опускает глаза на страницу любимого Шатобриана, писавшего в старости: «Подобно зрителю, сидящему в покинутом всеми зале, с пустующими ложами, при погасших свечах, я сейчас один во всем мире перед опущенным занавесом в молчании ночи…»

Среди жителем Коломбэ Шарль де Голль с супругой наблюдает за велогонками „Тур де Франс“

Гости в Коломбэ бывают не часто; ведь от Парижа около двухсот пятидесяти километров. Да и принимают у генерала невесело. Стол всегда скудный, особенно по пятницам. Бывает обычно пиво, но вино подается только в честь приглашенных. Генерал любит простые блюда, притом с капустой. Среди его приближенных ходила шутка: «Я был в Коломбэ, и меня угощали бараньим рагу с картошкой. Без баранины и без картошки». Бюджет семьи ограничен. Роскошную американскую машину, подарок Рузвельта, продали и купили маленькую французскую. Мадам де Голль получила водительские права и сама ездила в ближайшие городки за провизией.

Время от времени преданные люди, не страшась долгой езды, все же навещали генерала. Здесь бывали тогда Мишле, Валлон, Сустель, Мальро, Гишар, д'Астье и другие голлисты еще с лондонских времен. Д'Астье так описывал обстановку в Коломбэ: «Дом просторный. Сначала попадаешь в комнату, отделанную очень просто, по-деревенски. Во второй комнате — большой салон, обставленный в традиционном духе без всяких выдумок… Меблировка варьируется от стиля Людовика XV, подлинного или поддельного, до Наполеона III и английского стиля. Она попала

сюда в разное время; по наследству, как свадебные подарки, как вещи, купленные по случаю или по необходимости или завезенные из мест гарнизонной службы. Общая жизнь проходит в столовой или в малом салоне, где собираются после еды. Тон никогда не повышается: не бывает ни перебранок, ни смеха… Перед тем как вернуться в свою башню, куда не допускаются ни дети, ни его жена, ни гости, де Голль, поместившись своим длинным телом в вольтеровском кресле, посвящает четверть часа беседе…»

А затем удаляется в свою башню и, закрывшись там, читает, размышляет, молча созерцает пустынный горизонт и курит, курит очень много: три-четыре пачки сигарет в день. Нет, он не обрел спокойной жизни, хотя вслух и говорит, что в деревне он чувствует себя очень хорошо. Ему скучно, он возмущен, что его забыли, он недоволен всем. Лишь только речь заходит о политике, у него вырываются презрительные, злобные реплики: «Я не люблю социалистов, поскольку они не социалисты. Я не люблю МРП, поскольку они именно МРП. Я не люблю моих сторонников, поскольку они любят деньги…» Он находит, что только коммунисты сохраняют способность действовать. Но это-то его и возмущает, ибо коммунистов он особенно не любит, хотя и уважает их силу.

Несмотря на все свое отвращение к политической действительности, де Голль напряженно следит за события ми. Каждое утро он торопливо выходит навстречу шоферу, который покупает в Бар-сюр-Об газеты и привозит их в «Буассери». Он на ходу выхватывает их и читает, с едким сарказмом комментируя любое сообщение. Каждый день в 12 часов 59 минут с точностью автомата он выходит из своего кабинета и включает приемник. В это время передается политическая информация, которую генерал тут же оценивает, вернее, беспощадно клеймит: «В этой стране невозможно что-либо сделать… Французы возвращаются к своей блевотине… Франция плывет по течению… Она скатится на край пропасти».

Теперь уже совсем ясно проявляется трагедия генерала: питая, культивируя, лелея самую возвышенную идею абстрактной, вечной Франции, он все с большим презрением относится к реальным французам!

Тем более что они легко обходятся без де Голля. После его отставки без всяких затруднений формируется новое правительство из представителей компартии, социалистов, МРП. Его возглавил довольно бесцветный социалист Феликс Гуэн. Но он хотя бы примиряет кое-как противоречивые стремления своих очень разных министров. Партии теперь начинают играть

решающую роль, ибо уже нет де Голля, который подавлял их своим весом, авторитетом и презрением. Дела, правда, идут не блестяще, хотя и не хуже, чем при де Голле. Народ, конечно, голодает по-прежнему, а спекулянты и черный рынок процветают. Инфляция скачет вверх. И все же экономика медленно, со скрипом набирает силы. К примеру, угля в 1946 году добыли в четыре раза больше, чем в 1945. Коммунисты, возглавляющие экономические министерства, ведут энергичную битву за производство, вытаскивают страну из экономического маразма и преодолевают саботаж буржуазии. Рабочие терпеливо воздерживаются от забастовок. Ведь именно в это время проводятся особенно важные социальные реформы. И здесь уход де Голля многое упростил. В 1946 году зарплату увеличили примерно на четверть. Правда, обесценение денег быстро пожирает прибавку. Но, как бы там ни было, Франция без де Голля не погибла и не свалилась в пропасть.

Центральное место в политической жизни занимает все та же проблема будущего государственного устройства, разработка проекта конституции. Раньше на деятельность конституционной комиссии оказывал влияние де Голль. Теперь из проекта удаляются некоторые антидемократические положения. В нем провозглашаются экономические и социальные права трудящихся, подчеркивается светский характер государства. Полностью соблюдается принцип суверенитета Национального собрания. Конституция идет далеко вперед по сравнению с основным законом Третьей республики. Проект воплощает надежды бойцов Сопротивления. 5 мая 1946 года происходит референдум. МРП и другие правые, деголлевцы и церковь выступают против. В результате первая конституция проваливается: 10 450 тысяч избирателей против, 9280 тысяч — за. Теперь надо выбирать новое Учредительное собрание и составлять новый проект. 2 июня проходят выборы. Атмосфера тяжелая. Лидер социалистов Блюм съездил в США, где обещали щедрую помощь, если коммунисты уйдут из правительства. Результат: социалисты теряют четверть миллиона голосов и получают 112 мест, коммунисты выигрывают 200 тысяч и 146 мандатов. Укрепляется позиция МРП; католики получают дополнительно миллион голосов, 160 мест и имеют крупнейшую фракцию в палате. Правые остаются на прежних позициях. В целом происходит явный сдвиг вправо. Начинают готовить новый проект конституции.

Де Голль молчал во время референдума и выборов. В мае он даже с презрением отверг предложение премьера Гуэна принять участие в церемонии по случаю Дня Победы. Но теперь он решил

вмешаться. Успех МРП, партии, на которую он может рассчитывать больше, чем на другие, провал конституции на референдуме — все выглядит ободряюще. Тетжен, один из лидеров МРП, предостерегает его: «Выступая против конституции, вы уничтожаете шансы на ваше избрание президентом Республики». Это как раз его не волнует, ибо «они», то есть партии, отводят президенту смехотворную декоративную роль. Он отвечает: «Может быть, я буду побежден. Но на протяжении всей своей жизни я терпел поражения в начале, чтобы победить в конце. Вспомните мои военные теории или лучше мой призыв 18 июня 1940 года. Тогда вокруг меня не было почти никого. Но через четыре года я имел массы. И так, может быть, окажется и с конституцией».

16 июня 1946 года де Голль с шумом снова выходит на политическую сцену. Тщательно подготовлены декорации. Он выступает на митинге в Байе, в том самом маленьком нормандском городке, где он начал утверждать свою власть после высадки союзников. Все напоминает о «Свободной Франции». Присутствуют: адмирал д'Аржанлье, верховный комиссар Франции в Индокитае, генерал Жуэн, начальник генерального штаба, Гастон Палевский, бывший директор его кабинета, Морис Шуман, который обычно вел его радиопередачи из Лондона, его бывшие министры Ренэ Капитан и Жак Сустель. Собрана огромная аудитория со всей Франции. Толпа встречает его криками: «К власти! К власти!»

Де Голль предостерегает Учредительное собрание против составления нового проекта конституции по образцу первого. Он разъясняет идеальный проект для франции: широчайшие полномочия президента, максимальное ограничение власти двухпалатного парламента. Это его заветный план авторитарной республики президентского типа. Де Голль с негодованием отвергает подозрения в его диктаторских намерениях. Он красноречиво клеймит саму идею личной диктатуры, вступая в явное противоречие с существом собственных замыслов: «Несомненно, вначале диктатура кажется полезной. Среди энтузиазма одних и покорности других, в условиях навязываемого ею жестокого порядка, прикрываясь показным блеском и односторонней пропагандой, она вызывает поначалу динамизм, который контрастирует с предшествовавшей ей анархией. Но диктатура неизбежно переходит границы в своих предприятиях. По мере того как среди граждан проявляется раздражение против принуждений и тоска по свободе, диктатура вынуждена любой ценой давать им компенсацию в виде все расширяющихся достижений. Нация становится машиной,

которую хозяин заставляет работать со все возрастающей необузданной скоростью. Идет ли речь о внутренних или внешних замыслах, задачи, опасности, усилия постепенно переполняют всякую меру. На каждом шагу, внутри страны и за ее пределами, встают многочисленные препятствия. Наконец пружина лопается. Нация оказывается сломленной, упавшей еще более низко, чем до начала авантюры».

Естественно, что коммунисты и социалисты весьма отрицательно отнеслись к речи де Голля. Зато ее решительно одобрили правые. Что касается партии МРП, от которой особенно зависел исход борьбы вокруг конституции, то ее вожди выражали симпатию де Голлю, хотя к его проектам отнеслись весьма сдержанно. Между тем готовился новый проект конституции. Он стал менее демократичным, расширялись права президента, появилась вторая палата парламента — Совет Республики. Но основное прогрессивное содержание коммунистам все же удалось спасти. Де Голль осудил и новую конституцию, сказав, что она является родной сестрой первой. В результате он добился того, что трещины в его отношениях с МРП стали превращаться в разрыв; ведь католики поддерживали конституцию.

13 октября состоялся второй референдум, и на этот раз конституция была одобрена, правда, слабым большинством при многих воздержавшихся. Де Голль презрительно заметил, что конституцию одобрила только треть французов, другая треть ее отвергла, а еще треть — игнорировала. Тем не менее новый государственный строй родился, и началась история Четвертой республики.

Это — новое поражение де Голля, ибо избиратели его не послушались, а политические партии оказались гораздо сильнее. Что же делать дальше? Оставалось такое сомнительное средство борьбы, как «Союз голлистов», возникший с целью поддержки идей, изложенных им в Байе. В него вошли люди из разных партий, лично преданные де Голлю. Сначала генерал открыто поддержал этот союз, надеясь взять реванш на выборах. Но тут же почувствовал, что тем самым он отказывается от роли арбитра, воплощающего волю всей нации, и становится просто лидером партии, к тому же весьма слабой. Поэтому он больше не вмешивается в предвыборную борьбу, что было очень предусмотрительно. «Союз голлистов» получил на выборах 10 ноября 1946 года всего каких-то 330 тысяч голосов. Это пятое за год голосование снова принесло победу коммунистам. Они собрали 5,5 миллиона голосов и получили 182 места. Социалисты же опять проиграли и сохранили лишь 101 место. МРП потеряла полмиллиона голосов. Тогда-то и произошла окончательная ссора

де Голля с МРП. Накануне выборов стали известны отзывы генерала о лидерах МРП, которых он назвал «бездарными, но опасными». Затем католическая партия получила еще более меткую и уничтожающую оценку де Голля. Он сказал, что в этой партии «акулы сожрали апостолов». Однако главное, что поссорило генерала с этой крупнейшей некоммунистической партией, заключалось в паническом страхе, охватившем буржуазию из-за непрерывных успехов компартии. В борьбе с коммунистами требовалось объединение всех сил, а генерал оказался фактором раскола, опасность его прихода к власти толкала социалистов к сотрудничеству с коммунистами. Чтобы не оставлять вдвоем этих партнеров, очень опасных для буржуазии, когда они выступали вместе, в правительственной комбинации требовалось участие МРП. Поэтому трехпартийный блок сохранился, когда вступила в силу конституция Четвертой республики. После кратковременного пребывания у власти однопартийного правительства социалистов во главе с Леоном Блюмом в январе 1947 года формируется новое правительство трехпартийного блока во главе с Рамадье.

Но кроме коммунистов, социалистов, МРП теперь в правительство включаются радикалы и даже правые. Вообще чувствуется возрождение традиционных форм французского парламентаризма, который, по мнению де Голля, всегда был причиной всех несчастий Франции. Председателем Национального собрания выбирают Эдуарда Эррио, занимавшего этот же пост в последние годы Третьей республики. Все таким образом «нормализуется», что не оставляет места для деятельности де Голля, человека чрезвычайных обстоятельств, острого кризиса, большой угрозы. Но их как будто не ощущается, и генерал удаляется в Коломбэ. С 1 ноября 1946 года и по 30 марта 1947 года он не подает голоса и скучает, созерцая пустынные горизонты Шампани. Правда, навестившему его Александру Пароди он говорит нечто противоположное: «Я не скучаю никогда, если я один, сам с собой». В действительности бездействие, однообразие деревенской жизни угнетают его. Он подолгу сидит в сумерках на диване, обитом зеленым бархатом, перед горящим камином. Посетители советуют ему вернуться к политической деятельности, но он с досадой обрывает их: «Нет, я вас прошу предоставить мне удовольствие подбрасывать поленья в камин. Это все, что мне осталось». Ему 56 лет. Такой возраст, когда он полон сил и желания действовать. Однако он чувствует, что бесконечно ждать в этом возрасте уже нельзя. Конечно, в случае большого кризиса его позовут, но когда он наступит? Такая возможность казалась неопределенной, сомнительной и

даже невероятной. К тому же время стирает в памяти людей образ легендарного освободителя родины. Неужели никогда больше ему не придется испытать наслаждение «божественной игрой героя», в чем он с юных дней видел смысл жизни? Неужели не повторится суровое счастье борьбы, начатой 18 июня 1940 года? Он внимательно следит за жизнью Франции и всего мира. Инстинктивное стремление увидеть события, которые были бы достойны его участия, заставляет его драматизировать и без того довольно острую и сложную обстановку начала 1947 года. За рутиной парламентской жизни Франции он предчувствует наступление грозных событий. Французская колониальная империя, которую он с таким трудом собирал по кускам в годы войны, начинает шататься под ударами национально-освободительного движения. Вспыхивает восстание на Мадагаскаре. Начинается война в Индокитае. Все больше углубляется финансовый кризис. Это позволяет ему говорить, что «1947 год рискует стать годом финансового и колониального краха, подобно тому как 1940 год был годом военного и политического развала».

Он все время ищет аналогий с событиями 1940 года. Но ведь тогда главным было вторжение Германии, тогда Гитлер повергал всех в панику. Для де Голля, «хранителя национального суверенитета, великого стража независимости Франции», главное — это внешняя опасность! И она появляется, причем в воображении не только одного де Голля. Это было время развала антигитлеровской коалиции, ее раскола на противостоящие политические, а затем и военные блоки. Именно в первые месяцы 1947 года происходит гигантская вспышка антисоветской истерии. Как будто ожили времена 1919 года, когда на стенах Парижа красовались плакаты, изображавшие большевика с ножом в зубах. Миллионными тиражами издаются злобные антисоветские пасквили. Обострение отношений западных держав с СССР в сфере дипломатии сопровождается публикацией множества сообщений о неотвратимой и близкой «советской агрессии» против стран Западной Европы. Это зарождение «холодной войны» особенно болезненную остроту приобрело во Франции, где буржуазия и без того была напугана бурным ростом влияния Французской компартии.

Усиливается наплыв посетителей в Коломбэ. Это были спутники де Голля по лондонской эпопее, люди подпольной сети БСРА, созданной Пасси в годы войны, и теперь скучавшие без дела, представители консервативных кругов, действительно напуганные коммунизмом, просто проходимцы, способные сделать карьеру только под сенью высокой фигуры генерала,

противники первых проектов «европейского объединения», взывавшие к признанному заступнику независимости нации. Все они в один голос твердили, что страна вот-вот окажется под угрозой гибели, что никто не спасет ее, кроме де Голля. Ему рисовали тенденциозную картину состояния умов, возмущенных возрождением гнилого парламентаризма. Уже стали известны факты отвратительной коррупции. Преемник де Голля на посту премьера Феликс Гуэн оказался замешанным в спекуляции вином. Ясно, Францию надо спасать! Приближается буря, и на капитанском мостике должен стоять испытанный кормчий. Подобные семена падали на подготовленную почву; генерал сам жаждал действия.

Жан-Раймон Турну пишет в книге «Трагедия генерала»: «Мало-помалу уверенность охватывает де Голля: дорога к власти открыта. Вот что освободит его от болезненного состояния прикованности к прометеевой скале».

Так рождается печальной памяти эпопея РПФ — «Объединения французского народа». Чрезвычайно характерно, что де Голль в своих мемуарах посвящает ей одну крайне туманную фразу, в которой не упоминается даже название пресловутой организации. Франсуа Мориак, почтительный поклонник генерала, считавший его одинокой благородной фигурой, воплощавшей лучшие традиции французской нации, видевший в де Голле человека высокого ума, личного бескорыстия и великодушия, писал, что «РПФ было величайшей ошибкой де Голля».

Жан Лакутюр пишет, что «нельзя ничего понять в немыслимой авантюре РПФ, если отделить ее от климата той эпохи, обстановки разрыва между Востоком и Западом и рождения холодной войны… В политическом французском пейзаже ее оригинальностью была та театральная атмосфера, которую ей придал Андрэ Мальро. РПФ — это Шарль де Голль в постановке Андрэ Мальро».

Талантливый, но сумбурный романист, поклонник «революций», которые он обнаруживал в самых странных событиях, в 1944 году познакомился с де Голлем и произвел на него большое впечатление своей культурой, романтическим подходом к политике и пылкой преданностью генералу. Он считал Мальро «одним из самых крупных французских писателей». Де Голль приблизил его, сделал министром, и говорили, что Мальро оказывал на него такое же сильное влияние, как в свое время Эмиль Мейер. Именно Мальро придал всей затее с РПФ романтический облик «второй Свободной Франции», повторения призыва 18 июня, «нового Сопротивления»

и т. п. Часто вспоминаемая фраза о том, что великие события в истории повторяются дважды, первый раз как трагедия, а второй раз как фарс, в данном случае очень кстати. Это был именно фарс, нелепый и не достойный генерала.

В марте 1947 года де Голль принимает решение начать «второе Сопротивление». Решение последовало сразу после провозглашения известной «доктрины Трумэна», послужившей как бы официальным объявлением «холодной войны». 30 марта в Брюневале, в Нормандии, у подножия обрывистых скал, состоялась церемония, посвященная произведенной здесь десантной операции канадских и английских войск 27 февраля 1942 года. В присутствии английского и канадского послов и 50 тысяч французов де Голль произнес речь, воздав должное героизму иностранных солдат, разрушивших здесь немецкие радары, и бойцов Сопротивления, указавших им путь. Генерал де Голль закончил свою речь туманной фразой: «Настанет день, когда огромное большинство французов объединятся с Францией, отвергнут бесполезную игру и перестроят плохо построенный порядок, при котором нация теряет свой путь, а государство себя дискредитирует». И он назначил своей аудитории свидание в следующее воскресенье в Страсбурге.

Между тем в политических кругах уже несколько недель ходили слухи о возможности государственного переворота. Как только де Голль вернулся в Коломбэ, он узнал, что с минуты на минуту, несмотря на ночное время, должен прибыть глава правительства Поль Рамадье. Действительно, премьер вышел через потайную дверь из «Отель Матиньон», резиденции правительства, сел в машину, где шофером был директор его военного кабинета генерал Боннафэ, и помчался за 250 километров в Коломбэ.

Войдя в дом, он взволнованно начал просить де Голля не ставить под угрозу республиканский режим, который только и может привести Францию к возрождению. Он просил помочь этому, ибо Франция не может существовать без Республики. Де Голль холодно и строго ответил премьеру:

«Нынешняя конституция не обеспечивает величия Франции, единственной моей заботы и высшей цели моей жизни. Режим партий зловреден. Он препятствует проведению большой внешней политики и нарушает стабильность и внутреннее спокойствие». Затем генерал заговорил еще более грозным тоном: «Вы упрекаете меня в том, что я стал политическим вождем. Да, это верно, я политический вождь. Сопротивление было не только национальным, оно, господин председатель, является также политическим. Я продолжаю играть свою роль, представьте себе.

Я останусь предводителем нации. Не удивляйтесь, если я произнесу другие речи и выступлю по проблемам будущего родины. Не ждите от меня отречения. Это я восстановил Республику. Неужели вы думаете, что сейчас я хочу ее свергнуть?.. Я служу только Франции. Я всегда буду служить только Франции».

Рамадье, заканчивая свой отчет президенту Республики Ориолю о ночной поездке в Коломбэ, сказал: «Генерал предложил мне чашку кофе, но кофе оказался плохим. Он любезно проводил меня среди ночи до моего автомобиля и на прощание сказал мне: „Успокойте встревоженные умы. Я не буду играть роль Буланже“».

Генерал Буланже пытался еще в прошлом веке стать диктатором. Эта попытка кончилась плачевно, ибо, поверив слуху о его предстоящем аресте, Буланже бежал в Бельгию и вскоре застрелился на могиле своей умершей любовницы…

Венсан Ориоль, выслушав отчет Рамадье, заметил: «Ладно! Пусть он знает, что я не буду Гинденбургом!» Здесь речь шла о другой исторической аналогии. Президент Германии Гинденбург призвал в свое время к власти Гитлера…

Итак, де Голль объявил войну Четвертой республике. Ее правительство пока ограничилось лишением де Голля почетной охраны и распоряжением не транслировать его речи по радио, если они не носят официального характера. Между тем стены домов по всей Франции украсились огромными афишами, на которых де Голль был изображен на фоне карты Франции, призывавшими прибыть в Страсбург на празднование второй годовщины освобождения Эльзаса от немцев. Выбор места и повод для нового выступления де Голля — все подчеркивало далеко идущие замыслы. Страсбург со времен франко-прусской войны был символом французского национализма и борьбы за возвращение Эльзаса и Лотарингии. В январе 1945 года город был взят французскими войсками, но из-за наступления Рунштедта в Арденнах Эйзенхауэр решил его оставить. Де Голль воспротивился этому, к тому же контрнаступление немцев было сорвано гигантским наступлением Советской Армии на Восточном фронте. Об этом де Голль не вспомнил, выступая 7 апреля с большой речью с балкона городской ратуши. Он сказал, что, если возникнет новая угроза, Франция выступит вместе с Соединенными Штатами. Затем он изложил свои критические взгляды на конституцию и политику Четвертой республики и выдвинул подробную программу действий с целью общего спасения и глубокой реформы государства. Настал момент, сказал он, чтобы французы и француженки, огромное большинство нашего народа, организовались в объединение

французского народа, которое будет действовать в рамках закона. Пока еще было не совсем ясно, о чем шла речь, но в этот же день возник инициативный комитет.

14 апреля де Голль объявил о создании новой «надпартийной» партии: «Сегодня создано Объединение французского народа. Я взял на себя руководство этим объединением». Прояснялись и цели новой организации: уничтожение традиционной системы всевластия партий, создание сильного режима президентского типа на основе идей, изложенных де Голлем еще в Байе в прошлом году. Быстро начинает создаваться организация и ее аппарат. Все строилось по-военному, никаких выборов и голосований. Все руководители назначались де Голлем сверху. Генеральным секретарем организации стал Жак Сустель.

РПФ появилась в условиях массового недовольства положением в стране. Норма выдачи хлеба 1 мая сократилась с 300 до 250 граммов в день, а вскоре и до 200 граммов. Мелкая буржуазия была охвачена антикоммунистическим психозом. В мае уже 800 тысяч человек присоединились к организации, из них только в Париже— 100 тысяч. В доме № 5 на улице Сольферино обосновалось правление РПФ. Это был маленький мрачный отель с темными, плохо обставленными комнатами. На первом этаже устроили кабинет генерала и его адъютанта капитана Бонневаля. На втором этаже разместились разные службы. Заведовал этим штабом высокий, молчаливый, загадочно улыбающийся офицер Оливье Гишар.

Между тем генерал произносил одну речь за другой, раскрывая свои цели и намерения. Особенно характерна речь, с которой он выступил 27 июля в столице Бретани Ренне. Французских коммунистов де Голль объявил «сепаратистами». Деятельность партии, за которую голосовал каждый четвертый француз и которая неизменно и твердо отстаивала национальные интересы Франции, он изобразил как службу «интересам великой славянской державы». Он обвинил коммунистов в стремлении к диктатуре, в том, что они якобы лишь «используют» лозунги социальной справедливости и освобождения трудящихся, хотя в действительности хотят будто бы подчинить «нашу прекрасную страну» тоталитарному режиму, «при котором каждый француз уже не располагал бы больше ни своим телом, ни своей душой».

Затем генерал перешел к Советскому Союзу. Он напомнил о решающей роли Советской Армии в разгроме фашизма, о восхищении французов советскими победами, об установлении дружественных отношений с Москвой. Он вспомнил о своей поездке в Москву в декабре 1944 года и о заключенном там

союзном договоре. Однако сейчас, говорил, противореча себе и фактам, де Голль, Советская Россия внушает тревогу: «Блок, объединяющий 400 миллионов человек, граничит со Швецией, Турцией, Грецией, Италией. Его границы находятся от наших границ на расстоянии 500 километров, равном двум этапам велосипедных гонок по Франции… Такое положение вещей рано или поздно поставит под страшную угрозу свободу людей и независимость Франции».

Идеи, которые изложил де Голль в Ренне, будут в различных вариантах повторяться в других его речах, они лягут в основу пропаганды РПФ. Периодические издания РПФ «Этинсель» («Искра») и «Рассамблеман» («Объединение») превратят взгляды де Голля в лозунги и призывы, будут комбинировать из них какое-то подобие идеологической платформы. Но они остаются бездоказательными, примитивными, нелепыми вариациями стандартного антикоммунизма. Никаких доказательств существования угрозы советской агрессии не было и быть не могло. Попытки обосновать главный идеологический тезис РПФ не шли дальше фантастической аналогии между политикой СССР и политикой гитлеровской Германии. Так, в октябре 1947 года де Голль заявлял: «Я говорю: Франция в опасности! Нет ни одного здравомыслящего человека, который не видел бы появления на горизонте самых тревожных перспектив. Отразив дорогой ценой попытки Гитлера установить господство, мы с горечью видим, как другая держава стремится распространить свое господство над миром». И это говорилось о стране, которая совсем недавно спасла Францию от фашистского порабощения!

И здесь не приводится никаких доказательств реальности советской угрозы. Да их и быть не могло, если не считать, например, ссылок голлистского органа «Этинсель» на мифическое «завещание Петра Великого», якобы требовавшего от своих преемников безграничного расширения территории России. Перепечатывались также высказывания… Карла Маркса по поводу агрессивности русского царизма. А кроме этого — ничего.

Крайняя идейная нищета призывов РПФ, обращенных к массам, напоминает об одном любопытном диалоге, переданном человеком, близко знакомым с де Голлем. Однажды его товарищ по Сен-Сиру заметил: «Мух не приманивают уксусом». Де Голль ответил: «Что до меня, то я их приманиваю дерьмом…»

Происходит странный разрыв между мировоззрением де Голля и его деятельностью во главе РПФ. Еще в годы молодости он отвергал любые действия a priori, исходящие из какой-то заранее принятой установки. Теперь же отправным пунктом служил тезис, что коммунизм агрессивен. Всю жизнь де Голль

отвергал ценность каких-либо абсолютных доктрин, а ныне целиком воспринял доктрину органической агрессивности коммунизма. Казалось, де Голль совершенно забыл столь ценимые им всегда идеи Анри Бергсона, требовавшего действовать в зависимости от конкретных обстоятельств, а не абстрактных положений. В своей книге «На острие шпаги» де Голль писал: «Действия нужно предпринимать в зависимости от обстоятельств. Генерал, располагающий превосходной армией и тщательно построивший ее на поле боя, терпит, однако, поражение ввиду того, что он ничего не узнал о противнике».

Но в данном случае о «противнике», то есть об СССР, и не хотели ничего узнавать, ибо все заранее считалось известным. Во всей этой истории явно обнаруживался также отказ от свойственного де Голлю метода решения всех проблем с позиции примата национального фактора, стоящего, как он всегда считал, выше любых идеологических конструкций. Но теперь именно идеологическая схема антикоммунизма стала основой действий де Голля. При этом де Голль практически вел дело к тому, что Франция должна отказаться от самостоятельной национальной политики, ибо он присоединял ее к антикоммунистическому крестовому походу США. Это еще одно зияющее противоречие, на этот раз между постоянным национализмом де Голля и припадком слепого антикоммунизма.

В итоге реальная идеология РПФ сводилась просто к демагогии, то есть к эксплуатации страха перед вымышленной угрозой и к обещанию спасения от нее. Александр Верт, очень проницательный биограф де Голля, писал: «Наиболее непонятным при создании РПФ были мотивы, побудившие де Голля взяться за столь рискованное предприятие. Он не был прирожденным демагогом. В то же время в 1947 году создалось впечатление, что он решил вести себя как демагог и пойти на все демагогические трюки и уловки. Это тяжело было видеть людям, на которых в прошлом производило большое впечатление суровое достоинство де Голля».

Демагогические идеи облекались в соответствующую форму. Основным видом деятельности РПФ в массах служили гигантские митинги, на которых выступал де Голль. С невероятной энергией объезжал он из конца в конец всю Францию, притом не один раз, и произносил речи. Они обставлялись пышной бутафорией. Сооружались трибуны, устанавливалось множество огромных мачт, на которых развевались хоругви с Лотарингским крестом. Прожекторы, факелы, фейерверки ослепляли зрителей. Было и звуковое сопровождение, состоявшее из рева оркестров, барабанного боя, дружного скандирования лозунгов. Активисты

РПФ заранее собирали огромные толпы. Так, на митинге в Венсенне на ипподроме собралось 500 тысяч человек. Сначала устраивалось представление какой-нибудь героической пьесы, затем выступал хор с пением фольклорных песен. Наконец, после соответствующей подготовки в рассчитанный момент появлялся де Голль и начинал тоном пророка рисовать апокалиптические картины близкой войны. Все это выдумывал со своей фантазией сценариста Андрэ Мальро.

И затея имела успех, хотя довольно кратковременный. Все дело заключалось в психологии толпы, привыкшей за годы войны ассоциировать личность де Голля с борьбой за спасение родины. Потребовалось немало времени, чтобы понять подмену слов и явлений: де Голль был тот же, а борьба совсем иная, а родину просто и не требовалось спасать, особенно такими способами. Причем, пустив в ход пропагандистскую машину, нагнетавшую тревожные ощущения неминуемого страшного вторжения, помощники де Голля настолько увлеклись, что и сами оказались в плену собственной мистификации.

Сотрудники де Голля, которых прозвали «императорской гвардией», прежде всего полковник Реми и Жак Сустель, разработали, например, детальный план эвакуации из Франции генерала с семьей и штабом ближайших помощников в случае начала войны. В этот момент из Парижа в Коломбэ по телефону «40 — Шомон» предполагалось передать закодированную условную фразу. Немедленно специальная группа доставляла генерала и его свиту на аэродром Сен-Дизье, где его летчик времен войны майор Раймон всегда держал наготове самолет. Затем предстоял полет. Но куда? Англия в новых условиях казалась слишком близкой. В Швейцарию, где брат де Голля Ксавье был консулом? Но Швейцария наверняка окажется оккупированной. Намечалось лететь в Африку или Канаду. Оттуда должен был вскоре прозвучать новый призыв «18 июня». Де Голль скептически выслушивал все эти предложения, не высказывая ни одобрения, ни порицания. Однажды, читая очередной конфиденциальный доклад о новом обострении международной обстановки и о близком вторжении, де Голль заметил: «Сталин может, конечно, нанести удар. Франция будет быстро оккупирована и казаки дойдут до Атлантики… Но, спрашивается, почему Сталин до сих пор не бросил свои танки и парашютистов на Европу?..»

Работники секретных служб РПФ вошли в такой азарт, что на всякий случай привезли в «Буассери» пулемет, упакованный в деревянном ящике. Узнав об этом, генерал в отчаянии воздел руки к небу: «Это смешно!.. Уж дайте мне лучше танк! Прекратите

все это, я вас прошу!»

Но чем же все-таки оказалась РПФ в своей сущности, если отбросить пропагандистскую мишуру и претензии на роль всенародного объединения? Выяснилось, что РПФ вопреки рекламе надпартийности была партией, хотя и весьма своеобразной, которая объединяла в основном консервативные средние слои, крестьян, торговцев, городских мелких буржуа. Когда РПФ стала выступать на выборах, она получила поддержку избирателей, обычно голосовавших за правых. Самое любопытное, что истинную социальную природу РПФ раскрыло отношение к ней бывших вишистов. Они как будто только и ждали ее появления, чтобы включиться в политическую жизнь. Что их потянуло в это «новое Сопротивление»? Еще в самом начале, сразу после освобождения Парижа де Голль стал удивлять многих снисходительным отношением к недавним злейшим врагам. Он помиловал Петэна, приговоренного к смерти, требовал милосердия, мягкости к коллаборационистам. По сравнению с огромными жертвами гестапо и Виши число и мера наказаний оказались ничтожными. В маленькой Бельгии с населением в 8 миллионов человек посадили 50 тысяч предателей, во Франции с ее 40 миллионами — 39 тысяч. Что касается чистки административных органов, то почти никого не уволили. К тому же такие характерные особенности Виши, как антипарламентаризм, вражда к партиям, клерикализм, особый национализм в духе Морраса, очень походили на аналогичные тенденции РПФ. В результате коллаборационисты стали участниками «нового Сопротивления», возглавляемого к тому же самим де Голлем.

Основная политическая линия РПФ, направленная на замену парламентской демократии авторитарным режимом, в сочетании с остальными особенностями РПФ делала ее наследницей очень старых и хорошо известных традиций. Крупнейший социолог того времени Андрэ Зигфрид писал об РПФ: «При Четвертой республике роялизм, или, точнее говоря, бонапартизм, продолжает существовать уже не в форме правых партий, а в форме антипарламентаризма или авторитарных тенденций».

Говоря о социальной природе РПФ, нельзя пройти мимо еще одной характерной детали, начисто опровергающей заявление Мальро о том, что «РПФ — это люди метро». В эффектных речах де Голля трудно найти отзвук забот, волновавших тогда народ, заполнявший в часы пик станции парижского метрополитена. Он не касался вопросов цен, зарплаты, не выступал против спекулянтов, засилья монополий, хотя и призывал к «социальной справедливости». Если бы он поступал иначе, то вряд ли бы

крупные банки и монополии давали деньги на пропаганду РПФ.

Между тем осенью 1947 года от шумных пропагандистских выступлений РПФ переходит к прямой атаке на Четвертую республику. 25 августа было объявлено, что во всех избирательных округах на предстоящих муниципальных выборах выступят голлисты. Они развернули бешеную предвыборную агитацию и вскоре торжествовали победу: в городах с населением больше 10 тысяч человек кандидаты РПФ собрали до 40 процентов голосов! В Париже, например, в муниципальном совете коммунисты получили 25 мест, социалисты — 8, МРП — 5, а голлисты — 52 места. Председателем муниципального совета столицы стал брат генерала Пьер де Голль. Представители РПФ отобрали у социалистов посты мэров многих крупных городов: Бордо, Лилля, Ниццы, Шартра, Нанси, Мюлуза.

Другим очень знаменательным результатом выборов явился полный провал наступления РПФ против компартии. Коммунисты сохранили свои позиции и собрали 31 процент голосов. Успехи РПФ оказались достигнутыми за счет МРП, потерявшей две трети голосов, а также за счет радикалов. Такой исход борьбы имел не менее важное значение, чем победа РПФ. Выяснилось, что новая организация является не столь уж эффективным орудием борьбы с коммунизмом. Ведь старые партии в этом отношении кое-чего добились, удалив, например, в мае 1947 года коммунистов из правительства. А весь смысл событий в то время сводился к своеобразному соревнованию в борьбе с коммунистами между РПФ и остальными некоммунистическими партиями.

Во всяком случае, де Голль мог торжествовать победу. Беда заключалась в том, что это были муниципальные, а не парламентские выборы. Поэтому путь к власти оставался по-прежнему очень длинным. Что касается парламента, то еще в августе предпринимается попытка создать здесь голлистскую группу из представителей разных партий, которые вступили, так сказать, по совместительству в «Союз в защиту подлинной демократии». Но это «двоеженство», как его называли, дало только 40 депутатов. После муниципальных выборов де Голль предпринял новое наступление на парламент. Он заявил, что теперь правительство представляет лишь слабое меньшинство и поэтому необходимо обращение к стране путем проведения новых досрочных выборов, после которых следует провести коренную реформу конституции. Де Голль потребовал, чтобы, Национальное собрание большинством в две трети голосов приняло решение о своем роспуске и о новых выборах.

Этот ультиматум встретил решительное противодействие всех основных партий парламента. В свете недавних

муниципальных выборов лидеры социалистов, МРП, радикалов и правых поняли, что не коммунисты, а они сами в первую очередь станут жертвой де Голля и вынуждены будут уйти с политической арены. 28 октября в Национальном собрании разыгралась сцена «республиканского гнева», и требования де Голля были отвергнуты. Решающее значение имело то, что все это происходило в условиях грандиозного размаха забастовочного движения конца 1947 года, когда мощь рабочего класса и компартии проявилась самым наглядным образом. Если бы в это время началась конституционная перестройка, события могли бы еще более обостриться. Поэтому первый натиск де Голля на Четвертую республику потерпел неудачу. Тем самым предопределилась и судьба РПФ в целом. Все это носило слишком искусственный характер внезапного порыва, вспышки: для более длительного горения не хватало горючего материала. Основы для «Нового Сопротивления» не было, ибо не существовало реального врага, оккупанта, а советская «угроза», как становилось все яснее, оказалась мифом. Некоммунистические партии приступили к проведению политики «третьей силы»: против РПФ и против компартии. Андрэ Мальро говорил: «РПФ — это Сопротивление, третья сила — это Виши, а коммунизм — враг». Но французская буржуазия все больше склонялась к тому, что именно «третья сила» является наиболее эффективным и надежным средством борьбы против коммунизма, в отличие от слишком экстравагантной РПФ. Начинается выдвижение к власти радикалов и правых. Процесс реставрации довоенной парламентской системы из-за появления РПФ только усилился.

Весна 1948 года была высшей точкой подъема «Объединения французского народа». В апреле состоялся первый общенациональный съезд РПФ в Марселе. Докладчик Жак Сустель утверждал, что численность объединения составляет полтора миллиона человек. Закрытие съезда ознаменовалось живописной церемонией. В Старом порту на понтоне установили огромную трибуну. Гигантская толпа собралась на набережной. Де Голль произнес речь, в которой не было ничего нового. Он уже давно стал повторяться. Слишком беден оказался идеологический арсенал РПФ. Отныне начинается упадок, который очень сильно почувствовался в 1949 году. Численность объединения сократилась до 350 тысяч человек.

В 1948 году происходят выборы в Совет Республики. Успех РПФ оказался более чем скромным — 58 мандатов. Даже вместе с примыкающими до большинства в 161 человек было далеко. В марте 1949 года состоялись кантональные выборы, показавшие новое падение влияния РПФ, собравшей около 25 процентов

голосов.

Ничто так не ослабляет партию, как отсутствие успехов, особенно такую, которая возникает ради конкретной ближайшей задачи, как это было с РПФ. Начинаются внутренние раздоры, склоки, конфликты между парижским штабом и местными организациями. Все труднее становится устраивать огромные митинги, подыскивать помещения, добывать деньги. Огромная слабость РПФ заключалась еще и в том, что только один человек мог говорить с массами — сам де Голль. К РПФ примазывается множество авантюристов. Бывшие вишисты, кагуляры, члены довоенных фашистских лиг компрометируют объединение в глазах общественности. Для организации митингов приходилось привлекать «мускулистых молодчиков», поскольку рабочие часто устраивали по призыву компартии контрдемонстрации. Руководители РПФ создают военизированные отряды, перебрасываемые на машинах из города в город. В Гренобле дело дошло до применения огнестрельного оружия со стороны людей РПФ. Причем достоянием гласности стали такие факты, как использование в этом деле марсельских бандитов.

Де Голль не мог не видеть загнивания созданного им движения, на успех которого надеяться было уже трудно. Он с тревогой сознает, что вся эта затея подрывает престиж, приобретенный им в годы войны. Поль-Мари де ла Горе в биографии де Голля пишет: «Прошли времена, когда вопреки любой критике в его адрес он еще вызывал почти единодушное уважение. Как глава партии он принимал на себя теперь все удары и выдерживал все перипетии бесконечной борьбы без славы и без надежды на близкий успех. Если бы его возвращение к власти было обеспечено, то дурные впечатления стерлись бы и в этом случае он твердо надеялся вернуть потерянную чистоту и возвышенность своей личности. В противном случае история не замедлит вынести осуждение сомнительной эволюции или даже перерождению человека, бросившего призыв 18 июня 1940 года и воплощавшего освобождение страны. Нет сомнения, что, предчувствуя иногда поражение, де Голль заранее испытывал из-за этого самые горькие чувства».

Но отступать было рано, и де Голль с еще большей твердостью и энергией продолжает руководить РПФ. Ведь объединение еще не прошло главную проверку — парламентские выборы, предстоявшие в 1951 году. Тем более что происходили события, как бы подтверждавшие правильность линии РПФ. В 1950 году началась война в Корее, резко обострившая международную обстановку. Казалось, оправдываются мрачные пророчества генерала де Голля о неотвратимости большой войны.

В стране росло недовольство политикой часто сменявшихся кабинетов «третьей силы». На шее Франции тяжелым бременем висела война в Индокитае. Руководители Четвертой республики уже давно забыли о самостоятельной внешней политике. Еще никогда Франция не была так далека от «величия», к которому всегда мечтал привести ее де Голль. Она была теперь лишь «зоной коммуникаций» НАТО, а ее правители плелись в хвосте у госдепартамента США, не смея проявить малейшей самостоятельности из-за боязни потерять американскую «помощь». Политика в германском вопросе завершилась полным крахом: за Рейном возрождались силы недавнего смертельного врага. В конце 1950 года французское правительство, возглавлявшееся, кстати, соратником де Голля по Лондону Ренэ Плевеном, согласилось в принципе на ремилитаризацию Западной Германии. Все, что завоевывалось ценой отчаянных усилий в годы войны, когда де Голль дрался как лев с союзниками за права Франции, было пущено по ветру. В этих условиях прекращение деятельности РПФ представлялось де Голлю совершенно не оправданным.

Генерал с исключительной энергией пытается вновь разжечь первоначальный пыл «Объединения французского народа». Снова проводятся грандиозные митинги, развертывается пропагандистская шумиха. За 15 дней он произносит 30 речей. И снова устрашающий голос де Голля предсказывает Франции гибельную судьбу, если она не проголосует за РПФ.

Де Голль рассчитывает, что его кандидаты везде получат абсолютное большинство. Поэтому он даже пренебрегает заключением всяких предвыборных союзов. Он самоуверенно назначает своим сторонникам после победы «свидание на Елисейских полях». Один из его приближенных — Гастон Палевский обещает накануне выборов: «Парламентская группа РПФ будет самой многочисленной в собрании… Не откладывая, она сможет сформировать правительство общественного спасения, осью которого будет РПФ во главе с генералом де Голлем».

17 июня 1951 года происходит голосование. РПФ получает 4 миллиона голосов и 118 депутатских мандатов. Конечно, это немало по сравнению с другими некоммунистическими партиями. Социалисты получают 104 места, МРП — 85, радикалы — 94, правые — 98. Но полученный результат весьма далек от радужных надежд де Голля. Он сам называет его «ограниченным». По сравнению с 1947 годом РПФ понесла огромные потери. 118 мандатов, полученных РПФ, было совершенно недостаточно, чтобы не только сформировать правительство «общественного

спасения», но и влиять решающим образом на правительственное большинство. Значит, в отношении целей, выдвигавшихся де Голлем, это был полный провал.

И он приобретал особый смысл на фоне результатов, полученных Французской коммунистической партией.

С 1947 года на нее обрушивались многочисленные удары со всех сторон. Не только РПФ, но и все остальные партии вели яростную, исступленную кампанию против коммунистов. Вся мощь прессы, радио, все виды полицейского, административного, финансового давления были пущены в ход. Коммунистов объявляли «сепаратистами», «иностранной партией», «агентами Советов» и т. п. Вопреки всему партия французского рабочего класса устояла. Она получила на выборах больше 5 миллионов голосов и по этому важнейшему показателю сохранила положение первой партии страны. Оказалось, что партия «сепаратистов», «иностранных агентов» имеет более прочные корни в национальной почве, чем «Объединение французского народа». Факт страшный для де Голля.

Впрочем, он признает в беседе с одним журналистом, что, хотя число коммунистов во Франции не увеличивается, «коммунизм выигрывает в сплоченности, в весе. Возрастает его способность к действию. Коммунисты единственные решительные люди». Это своеобразное признание провала РПФ.

Перед генералом встала проблема дальнейшей тактики РПФ. Существовали две возможности: включиться в многопартийную жизнь, в комбинации правительственного большинства и получить вместе с другими партиями ненавистной «системы» кусочки власти или занимать непримиримую позицию и продолжать борьбу против Четвертой республики. Де Голль избрал второй путь. Парламентская фракция РПФ должна была стараться блокировать, подрывать действие парламентского механизма. «Надо, — говорил де Голль, — систематически свергать правительства. Это для нас единственное средство прийти к власти».

Но далеко не все депутаты парламентской группы РПФ стремились к уничтожению традиционного парламентаризма и многопартийности столь же рьяно, как сам шеф РПФ. Многие из них предпочитали парламентскую игру, открывавшую путь к министерским портфелям, к карьере. Это и привело к сенсационному дезертирству 27 депутатов РПФ, проголосовавших в марте 1952 года, вопреки мнению генерала де Голля, за правительство лидера правой партии «независимых» Антуана Пинэ. Измена группы голлистов носила тем более скандальный характер, что Пинэ в прошлом был членом государственного

совета Виши, а теперь проводил политику, решительно противоречившую требованиям де Голля. Генерал откликнулся горькими словами: «Я спасал Францию не для того, чтобы передать ее в руки Пинэ».

В апреле 1953 года РПФ терпит сокрушительное поражение на муниципальных выборах, собрав всего 10 процентов голосов. 6 мая 1953 года генерал де Голль признал поражение РПФ и предоставил его депутатам в парламенте свободу действий. Тем самым де Голль сделал наиболее достойный его имени жест за все время бесславной истории РПФ.

Хотя де Голль признавал необходимость скрытности, даже лицемерия в политике, он отличался порой на фоне всех остальных французских политических деятелей необычной честностью и откровенностью. Быть может, она была хорошо рассчитанной хитростью? Во всяком случае, его беседы, разговоры в момент краха РПФ обнаруживают чувство горечи, разочарования, обиды по отношению к тем из деятелей РПФ, которые, получив депутатские мандаты и думая только о своей карьере, готовы были действовать под любой политической вывеской. О них он с презрением говорил: «Буржуазная пыль рассеялась». Что касается его собственной судьбы, то генерал смотрел на нее пессимистически: «Это конец моих действий при современном режиме». Он говорил о смерти, о том, что его поймут спустя много лет. Вот одна из его мрачных сентенций тех дней: «Эра гигантов на какое-то время кончилась. Рузвельт ушел, Сталин умер, Черчилль готовится покинуть сцену, де Голль больше не у дел».

И все же его исключительная энергия, жизненная сила, беспокойный темперамент восставали против окончательного ухода на покой. В это время он дал большое интервью журналисту Жану-Раймону Турну, в котором высказал весьма пессимистическую оценку многих явлений, и особенно положения Франции. Однако закончил он оптимистической нотой, заговорив о будущем «внутреннем 18 июня 1940 года». «На этот раз, — сказал он, — это произойдет не в Лондоне… Если я должен повторить 18 июня, надо, чтобы я имел ядро способных людей вокруг меня». Да, это был в самом деле человек действия. И все же ему опять приходилось отправляться в свою деревню, в свою башню, причем, в отличие от 1946 года, его уход оказался далеко не столь почетным. Жан Лакутюр пишет: «На этот раз он вернулся не как герой, слишком великий для этих маленьких людей, но Как потерявший голос пророк, которого не услышали».

Пустыня

После краха РПФ в жизни де Голля начинается «переход через пустыню». Так голлисты называли этот период, продолжавшийся до мая 1958 года. Число сторонников генерала катастрофически сократилось, его авторитет упал. Он, правда, остается живым воплощением одного из самых драматических моментов французской истории. Но его влияние на политическую жизнь страны ослаблено авантюрой с РПФ. Де Голль как-то заметил, что «из всех влиянии самое сильное — это влияние успеха». А он потерпел поражение…

Жители Коломбэ часто замечали через просветы живой изгороди парка «Буассери» одинокую фигуру генерала. Опираясь на палку, он бродит между деревьями и кустами. По его словам, он сделал так 15 тысяч кругов. Нередко он садится в автомобиль, отправляется в соседний лес и подолгу гуляет там. Дома генерал убивает время, раскладывая пасьянс — по-французски значит «терпение». Теперь оно ему особенно необходимо и главным образом не в картах. Да и что ему могли сказать карты, если его постоянными собеседниками были сама Франция, сама История? «Я оказывался в вихре людей и событий, — писал де Голль, — но меня всегда тянуло к уединению. Теперь уединение стало моим другом. Да и какой другой друг может его заменить, когда встречаешься с Историей? Этот уголок Шампани такой тихий и спокойный…»

Человек широких интеллектуальных интересов, каким и был де Голль, уходит в излюбленный мир книг. Основную часть дня генерал проводит в кабинете, в своей башне, за письменным столом. Он много читает, снова обращаясь к Бергсону, Барресу, Пеги, Сен-Симону, Ларошфуко, Валери. Генерал всегда, даже когда он был по горло занят государственными делами, находил время для утоления своей постоянной духовной жажды. Он утверждал, что «истинная школа, дающая умение повелевать, — это общая культура». В основе побед Александра Македонского он видел дух Аристотеля, а в успехах Цезаря — культуру Цицерона. Перечитывая Шатобриана, оН всегда задумывался над его мыслью: «Действие, которое не опирается на знание, — это преступление». В самом деле, управлять — это значит предвидеть, но чтобы предвидеть, надо много знать… Де Голль обращается мыслью к своему недавнему прошлому, пытается рассмотреть туманные контуры будущего.

Особенно внимательно он следит за новыми трудами по истории второй мировой войны. Он читает сочинения германских

генералов, описывающих свои недавние походы и их плачевный конец. На его столе появляются самые неожиданные книги. Здесь учебники по садоводству, аэродинамике, по коневодству, книги об охоте и т. п. Он живо интересуется всеми литературными новинками, книгами, получившими премии по литературе. Явления экстравагантные, вроде «нового романа», не вызывают у него особого энтузиазма. Но зато ему нравятся романы Франсуазы Саган, которые он находит классическими по искусству сюжета, слова, полноты чувств. Он читает все произведения Жан-Поля Сартра. Генерал высоко оценивает творчество своего соратника Андрэ Мальро, а о статьях Франсуа Мориака говорит, что «они исторгают слезы из глаз». Интересно, не имел ли он в виду, например, такие высказывания Мориака о деятельности генерала во главе РПФ: «Я поддерживал де Голля, пока считал, что он может предотвратить присоединение Франции к той или другой стороне в „холодной войне“. Сейчас я в замешательстве, ибо де Голль, по-видимому, считает войну неизбежной. А Францию и мир могут спасти лишь такие люди, которые не считают войну неизбежной». Впрочем, именно теперь, после конца РПФ, все идет к восстановлению согласия между де Голлем и Франсуа Мориаком.

За один вечер де Голль проглатывает «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя. Его восхищает упорство героя. «А ведь старик, в сущности, это я и есть, — задумчиво говорит он. — Речь идет о том, чтобы я прибыл в порт до того, как акулы оставят мне одну большую обглоданную рыбью кость».

Вообще его жизнь в эти годы становится простой, более обычной. Это нормальная жизнь пожилого человека со всеми ее радостями и горестями. До 1940 года он был почти изолирован от этой жизни; кроме солдат, не видел народа, рамки военной службы ограничивали его жизненное пространство. Затем исключительная роль руководителя «Свободной Франции», главы Временного правительства, вождя РПФ создавала дистанцию, затруднявшую обычные связи с людьми, непосредственность в общении с ними. Теперь он ближе к обыкновенным человеческим нуждам, к своему дому, к своей семье, к соседям — жителям Коломбэ. «Коннетабль» как бы спустился с высокого пьедестала, на котором он возвышался как статуя. Раз в неделю он обычно ездил в Париж, где всегда останавливался в отеле «Лаперуз» в номере 11. На улице Сольферино сохранялся его секретариат, занимавшийся в это время ликвидацией дел РПФ. Оливье Гишар, неизменный «портье» этого отеля, устраивал встречи генерала с разными людьми. Но они становились все реже. Меняются кое-какие привычки 63-летнего де Голля. Так, он бросил курить, чем

очень гордился. Метод, с помощью которого он этого достиг, отражает одну из черт его характера. Де Голль всегда заранее создавал для себя необратимую ситуацию и в большом и в малом. Уговаривая бросить курить своего секретаря Гишара, который тоже хотел это сделать, но не знал как, генерал советовал: «Очень просто. Скажите своему начальству, своей жене, своему секретарю, что с завтрашнего дня вы не курите. Этого достаточно».

Да, его жизнь стала внешне намного спокойнее и безмятежнее, но по-прежнему в ней оставалось немало тяжких переживаний. На 20-м году жизни умерла его дочь Анна. Генерал всегда относился к ней с трогательной заботливостью, часами развлекал ее, доставал для нее копии мультипликационных фильмов Диснея. Взрослая девушка сохраняла сознание ребенка… Ее похоронили на кладбище в Коломбэ. Когда могилу засыпали землей, Шарль де Голль сказал жене: «Не плачьте, Ивонна, теперь наша дочь такая же, как другие…»

Вообще «переход через пустыню» оказался тяжелым делом. Раскаленный песок, в котором вязли ноги, мучительная жажда, обманчивые миражи на пути, которому не видно было конца, — все это приходилось испытывать де Голлю в тяжкой для него обстановке Четвертой республики. Крошечный оазис Коломбэ-ле-Эглиз оказался незащищенным от знойных ветров, дувших из мира политики. С каждым днем де Голль убеждался, что он вел свое сначала многочисленное, а потом быстро разбежавшееся войско совсем не в ту сторону, что опасность, на которую он указывал, оказалась несуществующей, а действительная угроза тем временем приобрела к 1953 году устрашающий характер.

Деятельность во главе РПФ де Голль связывал с надеждой на создание республиканской монархии в духе декларации в Байе. Но приобретение власти было лишь средством для борьбы за величие Франции, за ее международное возвышение. Однако патологический антикоммунизм РПФ способствовал на деле тому, что Франция оказалась отброшенной с дороги величия в толпу потерявших независимость западноевропейских сателлитов Соединенных Штатов. И теперь речь шла уже не о завоевании величия, а о защите существования Франции в качестве независимого государства. В то время как де Голль с увлечением размахивал пугалом мифической советской угрозы, росла реальная опасность, порожденная подчинением Парижа Вашингтону. Де Голль не мог не почувствовать в конце концов подлинный смысл событий. 10 марта 1954 года он откровенно говорил о том, в чем убедился еще годом ранее: «Русские не хотят войны. Это ясно как божий день. Впрочем, они никогда не хотели

войны. Если бы Россия в 1946, 1947, 1948 годах стремилась нас завоевать, она могла оккупировать Европу вплоть до Бреста так, что мы не успели бы и вздохнуть».

Одновременно де Голль бил тревогу и настойчиво повторял: «Отечество в опасности!» Он видел ее теперь в чудовищной затее, именовавшейся Европейским оборонительным сообществом. Де Голль называл его «военной вавилонской башней… головоломкой экспертов… смесью алхимиков, алгебраической комбинацией кабалистических формул» и т. п. А в результате, возмущался он, «перевооружают Германию и ликвидируют Францию!»

План Европейского оборонительного сообщества был подсказан Франции Вашингтоном. Он имел свою предысторию. Уже вскоре после ухода де Голля в отставку в январе 1946 года его преемники выступают с разными планами так называемого европейского объединения. Группу западноевропейских стран предполагалось объединить в одно сверхгосударство, речь шла о ликвидации исторически сложившихся наций и слиянии их и одну «европейскую» нацию с общим парламентов и правительством. Суть всей затеи сводилась к укреплению капиталистического строя и к ослаблению коммунистического движения в Западной Европе. В 1948 году возник зародыш «европейского» парламента — Страсбургская ассамблея, не получившая, правда, реальной власти.

В 1950 году возникает Объединение угля и стали шести стран, так называемой «малой Европы» — Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга. В области тяжелой промышленности и добычи угля начинается ликвидация таможенных границ. Де Голль с самого начала отрицательно отнесся к этим мероприятиям, поскольку речь шла об уничтожении того, что он считал необходимой, единственно возможной формой исторического существования народов, — национальных государств. Де Голль не скупился на презрительные отзывы об инициаторах европейских затей, во главе которых находились его бывшие министры Жорж Бидо и Жан Моннэ, а также лидер партии МРП Робер Шуман. Об этом человеке полунемецкого происхождения, бывшем вишисте, де Голль говорил, что если «ноги у него в Париже, то душа в Берлине».

Генерал давно уже испытывал чувство возмущения капитулянтской политикой Франции в германском вопросе. Многочисленные правительства Четвертой республики (портфель министра иностранных дел неизменно находился либо у Шумана, либо у Бидо) с поразительной легкостью отказывались от прав и возможностей, приобретенных в значительной мере благодаря де

Голлю в момент окончания войны. Давно забылись требования отделения Рура, левого берега Рейна и прочего. Лидеры Четвертой республики примирились с восстановлением мощи Западной Германии. Боннское государство требовало политического равноправия с Францией. Впрочем, Шуман и Бидо заходили в своих уступках Бонну дальше, чем Аденауэр в вымогательстве. Осенью 1950 года французские министры дошли до предела: под давлением Вашингтона они согласились в принципе с восстановлением вермахта в Западной Германии. Но предвидя возмущение французов, они попытались замаскировать безоговорочную капитуляцию невероятной махинацией, равнозначной национальному самоубийству. Родилась идея «европейской армии». В октябре 1950 года этот план выдвинул не кто иной, как Ренэ Плевен, бывший соратник де Голля по Лондону, ставший теперь премьер-министром. Предпринималась попытка совместить несовместимое: дать Западной Германии право вооружаться, но лишить ее возможности иметь самостоятельную армию со своим командованием и генеральным штабом. Укомплектованные немцами отдельные воинские части войдут в состав «европейской армии», то есть в объединенную армию шести стран. Франция, так же как Италия 0 страны Бенилюкса, расстается со своей армией. А вся «европейская армия» поступала в распоряжение НАТО, то есть передавалась в ведение американцев. Нетрудно представить отношение де Голля к этому проекту. Утверждая, что «Франция создана ударами меча», он всегда считал, что без армии нет Франции, что история франции — это история ее армии, без которой не может быть ни независимости, ни величия. Поэтому де Голль сначала даже не хотел верить, что вообще возможно серьезно говорить о таких немыслимых проектах, как «европейская армия», которую он называл «дурной шуткой». Но в этой шутке оказалось много беспощадной правды. В мае 1952 года Бидо подписал от имени Франции договор об учреждении Европейского оборонительного сообщества. Требовалась только его ратификация, и история самостоятельной французской армии прекращалась.

На одном из последних заседаний Национального совета РПФ де Голль в драматической форме диалога воспроизвел процесс рождения договора о ЕОС. Американцы сказали французам: «Германия должна вновь обрести свои силы. Она сольет их с вашими в безродном организме, который будет находиться в распоряжении американского командования и который по логике вещей станет инструментом германской военной политики. Итак, давайте вашу армию!» И в ответ они услышали: «Возьмите то, что тысячу лет было французской

армией, и похороните ее в этом чудовищном организме. Возьмите идею „европейской армии“, в которой наша (Собственная армия потеряет душу и тело!»

25 февраля 1953 года де Голль устроил в отеле «Континенталь» специальную пресс-конференцию по вопросу о ЕОС. «Ясно, — говорил он, — что этот договор в сочетании с нынешней американской политикой прямо ведет к военной и политической гегемонии рейха в Европе». И далее он напомнил об опыте войны, когда действия, обеспечившие Франции права победительницы, оказались возможными только потому, что де Голль располагал хотя и маленькой, но все же самостоятельной армией, которой он мог распоряжаться по-своему и даже вопреки желаниям США и Англии.

«Если бы во время последнего конфликта, — говорил Де Голль, — французское правительство войны и освобождения несло на себе бремя подобного режима (подобного договору о ЕОС) в коалиции, в которой оно участвовало, если бы оно не сохранило право и возможность располагать французскими войсками по своему усмотрению и не в состоянии было бы навязывать свою волю, то Кениг не был бы под Бир-Хашеймом, Жуэн не сыграл бы свою известную роль в Италии, Леклерк не взял бы Феццан и не был бы брошен, когда это потребовалось, на Париж, Делаттр не защитил бы Эльзас, не перешел бы через Рейн и Дунай, Лармина не ликвидировал бы очаги немцев на Атлантике, Дуаэн не сохранил бы Тенд и Бриг, экспедиционный корпус никогда не отправился бы в Индокитай. Я не буду указывать на другие военные эпизоды и на многочисленные большие политические трудности, возникавшие в наших отношениях с союзниками, которые мы смогли преодолеть только потому, что наши собственные силы, как бы ограниченны они ни были, принадлежали нам. Если бы было иначе, то правительство, установившееся во Франции после освобождения, представляло бы собой не что иное, как АМГОТ, то есть иностранное правительство. Плевен, Кей, Жакино, Бидо, Мейер, Ориоль, вы, кто участвовал в этих делах, кто был моими министрами, неужели вы забыли все это?»

Выступления де Голля против ЕОС вызвали большой резонанс. Дело в том, что план ремилитаризации Западной Германии и создания «европейской армии» натолкнулся во Франции на сильное противодействие политических сил очень широкого и разнообразного сочетания. Против ЕОС боролась компартия, защищая интересы Франции и мира в Европе. Значительная часть радикалов, социалистов, всех партий, кроме МРП (там были единичные выступления), отвергали договор о

ЕОС. В результате страна оказалась расколотой. В иной, хотя и очень видоизмененной, форме проявилось такое же разделение, как во время войны, когда возникло два враждебных центра притяжения: Виши и Сопротивление, фракция прогерманская и антигерманская. И де Голль сразу почувствовал, что РПФ в этих условиях не помогает ему, а мешает в борьбе против ЕОС. Одно дело его выступления в качестве лидера правой, антидемократической партии, теряющей к тому же остатки влияния, другое — выступления вождя Сопротивления, не связанного с какой-либо партией и действующего лишь с позиции защиты национальной независимости. В последнем случае его выступления приобретали больше веса и влияния, они не наталкивались уже на предубеждения противников РПФ. И эти соображения (наряду с провалами РПФ на выборах) послужили серьезным фактором, побудившим де Голля поспешить с заявлением о прекращении деятельности РПФ в мае 1953 года. Теперь он мог действовать свободнее, он уже не чувствовал себя отягощенным подмоченным «авторитетом» организации, которая лишь компрометировала его.

Объявляя о прекращении деятельности РПФ, де Голль одновременно предоставил свободу действий депутатам от этой партии. Между тем в Национальном собрании их было свыше ста, и от них серьезно зависела судьба договора, подлежащего ратификации. Однако в этом отношении они сохранили верность де Голлю, хотя в других вопросах действовали весьма свободно и давно уже участвовали в правительственных комбинациях. Поэтому в борьбе против ЕОС сохранялась в Национальном собрании, как и прежде, деголлевская фракция, на которую де Голль мог опираться.

После кончины РПФ генерал сделал некоторую паузу и выступил публично против «европейской армии» только 12 ноября 1953 года. Он повторил свои тезисы против ЕОС, угрожавшего лишить Францию армии и, следовательно, независимости, ослабить ее связи с колониями и открыть путь к германской гегемонии в Европе. Интересно, что в этом выступлении де Голль выдвинул альтернативу проекту ЕОС и другим идеям объединения шести стран в одно сверхгосударство. Вместо федерации, слияния шести стран, генерал предлагал конфедерацию, члены которой сохранили бы полностью свою независимость. Он осудил отношения между США и Западной Европой, назвав их системой протектората. Вновь прозвучали идеи независимой Европы, которые де Голль выдвигал в момент окончания войны. Особенно знаменательным в этом выступлении явилось напоминание о том, что Франция является союзником

Советского Союза. «Я не забываю, — говорил де Голль, — что Европа простирается от Гибралтара до Урала и, каким бы ни было мое мнение о некоторых режимах, я был в Москве, как в Лондоне и в Брюсселе… По моему мнению, участвовать в единой Европе может всякий, кто этого искренне хочет».

Борьба из-за ратификации договора о ЕОС становится все напряженнее. Подобно «делу Дрейфуса», проблема ратификации вызывает общенациональный кризис. Сторонники ЕОС усиливают давление на депутатов. Для этого разрабатываются дополнительные протоколы, якобы смягчающие пагубные для Франции последствия договора. США шантажируют Францию угрозой «мучительной переоценки» своей политики в Европе. Но вопреки всему в Национальном собрании складывается большинство, враждебное ратификации.

В начале 1954 года у власти — одно из самых реакционных и проамериканских правительств. Его возглавляет Жозеф Ланьель, краснолицый нормандский фабрикант, про которого говорили, что он «верит в бога, удачу и в получение американских займов». Некогда, вовремя парижского апофеоза де Голля 26 августа 1944 года, Ланьель шествовал рядом с генералом во время триумфального марша по Елисейским полям. Сейчас он, считаясь только с желаниями Вашингтона, готовит тайное соглашение об открытом участии США в индокитайской войне, которая обрушивает на Францию новые позорные поражения и тяжкие бедствия. Министр иностранных дел этого же правительства Жорж Бидо любой ценой пытается вырвать у французского парламента согласие на ратификацию договора о «европейской армии» и саботирует все попытки достижения мира в Индокитае. Весной Франция оказалась на пороге острейшего кризиса, вызванного политикой правительства Ланьеля и Бидо, которая в мае 1954 года завершилась их отставкой. На этот раз речь шла не об обычном правительственном кризисе, а о серьезном политическом сдвиге. Действительно, к власти приходит правительство радикала Мендес-Франса. Новый премьер пользуется вначале поддержкой в парламенте. За предоставление ему полномочий впервые с 1947 года голосуют коммунисты. Мендес-Франс быстро заключает мир в Индокитае и вносит в Национальное собрание вопрос о ратификации договора ЕОС. При этом он не выступает за ратификацию, занимая беспристрастную позицию. Наступает критический момент политической борьбы, продолжавшейся уже несколько лет. Решающее значение для ее исхода имело отрицательное отношение большинства французов к «европейской армии». Это отношение предопределяло в той или иной степени позицию всех

политических партий. С наибольшей последовательностью оно выражалось в деятельности коммунистов. Но огромное значение имела также отрицательная позиция де Голля. Стихийно образовалась широкая коалиция национальных сил, включавшая очень разнородные социальные элементы и напоминавшая во многом политическое лицо Сопротивления. Выступления де Голля против ЕОС несколько укрепили его авторитет, пошатнувшийся из-за деятельности РПФ. Они позволили ему поддержать свою репутацию твердого защитника национальных интересов.

30 августа 1954 года состоялось историческое заседание Национального собрания Франции, на котором договор о ЕОС был отвергнут. Крахом закончились многолетние попытки США навязать Франции гибельный для ее суверенитета план. Государственный секретарь США Даллес назвал события 30 августа 1954 года «трагедией». Для Франции они явились большой победой, на некоторое время как бы восстановившей престиж и независимость ее внешней политики.

Де Голль считал отклонение договора о ЕОС первым за восемь лет признаком здорового духа Франции, показателем отказа от политики американского сателлита, выражением всеобщей воли к защите национальной независимости. «Какой-то ветер пронесся над страной, побуждая людей поднимать выше головы», — говорил генерал де Голль.

Между тем время шло, а никаких признаков того, что заветная цель — ликвидация Четвертой республики и установление его сильной власти — теперь более достижима. Напротив, наследники РПФ, выступавшие под вывеской «социальных республиканцев», нисколько не расширили своего влияния. Кроме того, далеко не все из депутатов бывшей РПФ хранили верность своему шефу. Конечно, генерал де Голль продолжал пользоваться немалым авторитетом. Его посещали, с ним советовались такие крупные политические деятели, как Мендес-Франс или Эдгар Фор. Но что это могло дать, кроме некоторого морального признания его прошлых заслуг?

Главное, что удручало де Голля, заключалось в многочисленных признаках падения его влияния в массах. Как бы пытаясь пощупать пульс народа, он объявил, что впервые после 1945 года примет участие в торжественной церемонии у могилы Неизвестного солдата в День Победы. Об этом заранее сообщалось в газетах, и парижане приглашались на Елисейские поля. Но когда генерал прибыл к Триумфальной арке, он увидел, что народа собралось слишком мало, а восторг толпы оказался более чем умеренным. Генералу не удалось снова услышать «глас

толпы», которому он всегда придавал столь решающее значение. Народ безмолвствовал.

В одной из личных бесед генерал вскоре с горечью сказал: «После освобождения я пытался трижды спасти страну. И три раза я потерпел поражение. Я хотел дать Франции конституцию, в которой она нуждалась, и взял свой посох пилигрима. Но меня не стали слушать. Я создал. РПФ и надеялся с помощью этого объединения вновь взять в руки судьбу нации… Но объединение распалось в 1952 году. Это было второе поражение. Я задумал пойти к Триумфальной арке по случаю Дня Победы. Мне говорили, что парижский народ будет там, чтобы аплодировать мне. Я прибыл на площадь Звезды. Но народ не заполнил Елисейские поля. Это было третье поражение».

Генерал де Голль принимает решение встать в стороне от внутренней борьбы и занять тем самым одинокую позицию беспристрастия и превосходства. Пожалуй, это была еще одна попытка отделаться от одиозного наследия РПФ. 2 июля 1955 года он созывает пресс-конференцию.

«Прошло уже больше года, — говорит он журналистам, — как мы с вами не встречались. И все заставляет предвидеть, что пройдет еще много времени, прежде чем мы встретимся вновь. Дело в том, что я намерен не вмешиваться в то, что принято называть политической деятельностью».

Говоря о себе с позиции истории, он излагал нечто вроде политического завещания. Де Голль дал пессимистическую оценку положения в стране. Хотя и без хлесткой агрессивности времен РПФ, он осудил систему Четвертой республики, назвав ее «несостоятельной и поэтому отжившей». Однако он не отказывался полностью от надежд на будущее: «В своих глубинах страна проявляет жизненную силу. О наши берега разбиваются бури современного мира. Не пытаясь пока предсказывать, какой фактор или какое событие вызовет изменение режима, есть основание думать, что такое потрясение произойдет».

Затем генерал сделал критический обзор основных внешнеполитических проблем. Что касается внутренней политики, то де Голль подчеркнул, что его совершенно не интересуют предстоявшие в 1956 году выборы. Он закончил словами: «Я говорю вам до свидания… и, быть может, надолго».

«Последняя» пресс-конференция де Голля состоялась вскоре после выхода в свет первого тома его «Военных мемуаров». Второй том выйдет в 1956 году, третий — в 1959 году. Поскольку это наиболее крупное политическое и литературное произведение генерал создал в годы «перехода через пустыню», то уместно именно здесь дать ему краткую характеристику, хотя уже

приведенные многочисленные выдержки из этих мемуаров сами по себе не могли не составить у внимательного читателя определенного представления о них. Мемуары являются авто* портретом де Голля, они показывают его таким, каким он хотел бы выглядеть в глазах современников и потомков. Естественно поэтому, что они, как и любые мемуары, крайне субъективны. Но своеобразная интеллектуальная искренность де Голля, помимо воли автора, делает их, кроме того, и портретом, то есть реальным изображением автора таким, каким он был в действительности. «Военные мемуары» — это история определенного времени в том виде, как она представлялась де Голлю. Исторический характер сочинения подчеркивается обширными документальными приложениями к каждому тому. Но, как хорошо известно, точное воспроизведение документов далеко недостаточно для верного отражения эпохи. Важнее подбор этих документов. Характерно в этом смысле, что мемуары не содержат многих важнейших документов того времени. Там не найти, например, программы Национального совета Сопротивления, документов Французской коммунистической партии и многого другого.

Естественно, что и описание событий не могло не оказаться явно тенденциозным. Анализ и оценка этих событий вполне соответствуют особенностям мировоззрения автора. Он, конечно, просто игнорирует элементарные требования научного, социологического подхода, предпочитая всему собственную интуицию и личные взгляды, усвоенные с детства. Однако, как писал Лабрюейр, один из весьма ценимых де Голлем французских моралистов, «известная… ограниченность помогает иным людям идти по стезе мудрости».

Это верно как в отношении многих практических действий де Голля, так и в отношении его суждений о людях и явлениях. В мемуарах содержится множество интересных, оригинальных оценок, характеристик и мыслей. Они написаны с исключительной добросовестностью. В отличие от таких мемуаристов, как, например, Черчилль, де Голль не прибегал к помощи многочисленных литературных и научных сотрудников. Только Ренэ Тибодо, бывший участник «Свободной Франции», а затем чиновник министерства иностранных дел, помогал ему в подборе документов, дочь генерала Элизабет перепечатывала рукопись, а Жорж Помпиду вел переговоры с издательством «Плон». Де Голль тщательно писал и переписывал свою рукопись, подбирал материалы и терпеливо совершенствовал литературную форму мемуаров. Он стремился сделать их не только политическим, но и литературным произведением, что ему

вполне удалось.

Генеральный инспектор народного образования Франсуа, бывший шифровальщик де Голля, когда он командовал 4-й бронетанковой дивизией, посетив Коломбэ, заявил генералу: «Вы великий классический писатель». «О, это мне нелегко дается, — отвечал де Голль, — Это пытка. Смотрите, надо три листа черновиков, чтобы написать одну страницу. Моя дочь Элизабет печатает их на машинке, и я исправляю текст еще трижды… В сущности, я без конца переделываю. Поверьте мне, это страшная работа». В другой раз он сказал: «Если я имею нескромность считать себя писателем, то писать мне становится от этого еще труднее. Это длинная история… Иногда получается, а иногда нет… У меня всегда дело идет тяжело».

Де Голль не прекращал правку рукописи до последней возможности. При подготовке к печати первого тома мемуаров он 12 раз встречался с литературным редактором издательства «Плон». Перечисление заголовков, как правило, состоявших из одного слова, показывает тщательную работу, исключительное внимание к литературной форме и структуре, стремление к классически законченному оформлению произведения. Первый том «Военных мемуаров» называется «Призыв» и состоит из восьми глав: «По наклонной плоскости», «Падение», «Свободная Франция», «Африка», «Лондон», «Восток», «Союзники», «Сражающаяся Франция». Второй том «Единство» также имеет восемь глав: «Интермедия», «Трагедия», «Комедия», «Алжир», «Политика», «Дипломатия», «Сражение», «Париж». Третий том называется «Спасение» и имеет семь глав: «Освобождение», «Ранг», «Порядок», «Победа», «Раздор», «Разрыв», «Уход».

Во всех трех томах красной нитью проходит голлистская идея нации как абсолютной ценности и идея относительности, эфемерности всех политических теорий, идеологических систем и партийных страстей. Де Голль все решает исходя из «железного закона национальных интересов». В его представлении эти интересы совершенно не ассоциируются с интересами какой-либо социальной группы или класса, даже с конкретной судьбой людей, составляющих нацию в определенный исторический момент. Нация выступает в тысячелетнем прошлом и в будущем, соединяющихся в абстрактном единстве мистической веры в особый образ Франции, веры, которую испытывал де Голль и к которой он через собственную личность хотел приобщить других. Де Голль решительно отказывает кому бы то ни было в праве на подлинное понимание национальных интересов Франции, в особенности коммунистам, для которых национальные интересы совпадают с интересами всех французских трудящихся и

одновременно сочетаются с интернационализмом, то есть солидарностью с трудящимися всех стран. Мемуары де Голля наполнены несправедливыми, пропитанными классовым предубеждением, подозрительностью и недоверием оценками деятельности французских коммунистов. Правда, иногда де Голль все же признает заслуги коммунистов перед родиной, их силу и авторитет.

Чрезвычайно своеобразное место занимает в мемуарах и народ. О его конкретных нуждах, стремлениях сказано очень мало. Смысл его существования — обеспечение все того же величия Франции. Народ выступает в роли толпы, вдохновляемой и направляемой вождем, которому только и дано право понимать и выражать интересы нации. Де Голль уделяет очень много места описанию своих встреч с народом, который всегда испытывает «восторг», «неописуемую радость», «чудесный подъем» и т. п. Несомненно, что подобные события действительно происходили, например, 26 августа 1944 года в Париже. Но в мемуарах они выступают в качестве наиболее желательного метода общения народа и вождя, опирающегося таким образом на слепые, чисто эмоциональные настроения толпы, на психологический феномен массового экстаза.

Генерал де Голль нередко обращается к характеристике своей личной роли. Когда читатель «Военных мемуаров» впервые видит эти характеристики, они не могут Не производить странного впечатления своей по меньшей мере необычностью. Возникает мысль о болезненном тщеславии и самомнении. Вот как он описывает свою роль в период «Свободной Франции» в первом томе мемуаров: «Я воплощал для моих сподвижников судьбу нашего дела, для множества французов — надежду, для иностранцев — образ непокоренной Франции среди выпавших на ее долю испытаний, и все это обусловливало мое поведение и указывало мне путь, с которого я уже не мог сойти».

В действительности это лишь своеобразная манера выражения чувства, в котором нет шарлатанского тщеславия, обычного для множества политических деятелей. Де Голль стремился к славе, но не ради самой этой славы, а ради служения идеалу вечной Франции, который он носил в своем сердце.

Александр Верт справедливо писал: «Если де Голль и был глубоко убежден, что на него возложена особая миссия, он, по-видимому, получал очень мало удовольствия лично для себя от своих успехов, будучи совершенно лишен плебейского тщеславия какого-нибудь Муссолини, Гитлера или даже Наполеона».

Отсюда и ощущение трагизма при описании тех ситуаций, когда де Голлю не удавалось служить Франции так, как он хотел

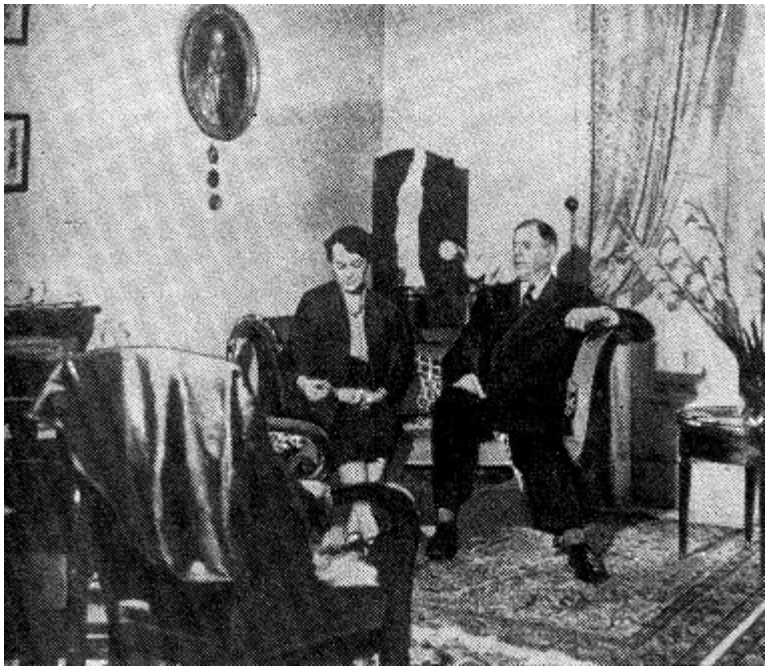
ей служить. Это в особенности относится к последним страницам третьего тома мемуаров, где рассказывается об обстоятельствах добровольной отставки де Голля в январе 1946 года. Ведь только в отдельные н непродолжительные периоды многолетней деятельности генерала возникали моменты полного доверия большинства французского народа к де Голлю, к его способности вести за собой Францию. Но гораздо более постоянным был разрыв между де Голлем и французами, разрыв, составлявший трагедию жизни этого необыкновенного человека.

Уход де Голля в январе 1946 года выглядит в мемуарах как финал великого дела, начатого 18 июня 1940 года, как заключительный акт неблагодарности к спасителю родины, как проявление ужасного непонимания его роли, как завершение его основной жизненной задачи. Поэтому де Голль отвлекается от людских дел и обращается к описанию своей одинокой жизни в Коломбэ, к окружающей его природе:

«Тишина наполняет мой дом. Сколько долгих часов я буду читать, писать, мечтать и ни одна иллюзия не подсластит испытываемую мною горечь.

Чем старше я делаюсь, тем ближе становится мне природа. Каждый год ее мудрость приносит мне утешение: весна и лето, осень и зима — это для меня словно четыре повторяющихся урока».

И далее следует изложение в духе романтического пантеизма, напоминающего Шатобриана, того, что говорят де Голлю времена года. Монолог природы в роли зимы начинается словами: «Неужели навсегда победила смерть? Нет! Под моей замерзшей землей в мрачных глубинах уже совершается глухая работа, я предчувствую чудесный возврат света и жизни». А потом де Голль возвращается к себе и заканчивает третий том «Военных мемуаров» такими словами: «Старый человек, уставший от испытаний, отстраненный от дел, чувствующий приближение вечного холода, но все-таки не перестающий ждать, когда во мраке блеснет луч надежды».

Шарль де Голль с супругой Ивонной де Голль в Коломбэ

Он не только не перестает ждать. Он не перестает бороться, уединившись в своей башне в Коломбэ. Мемуары Де Голля — совершенно определенный акт политической борьбы, притом весьма эффективный. Используется любой повод, чтобы осудить политиканство, традиционную партийную игру, парламентские махинации, то есть все, чем была характерна история Третьей республики и от повторения чего де Голль предостерегает послевоенную Францию. В этих пассажах совершенно явно отражается мнение де Голля о тогдашней системе Четвертой республики, хотя прямо он ее и не упоминает. Он скрупулезно рассказывает о всех перипетиях борьбы с союзниками во время войны, явно противопоставляя эти действия проамериканскому раболепию своих преемников. А главное, он доказывает между строк всех трех томов, что в бурю на капитанском мостике французского корабля должен находиться именно такой человек, как он, Шарль де Голль!

Но мемуары еще только пишутся, а до руля власти по-прежнему далека Ничто его не радует, даже восторженные отклики на первый том мемуаров со стороны таких уважаемых людей, как Франсуа Мориак. Ему нужны не похвалы, не дифирамбы, ему нужна власть, а единственный голос одобрения, который волнует ему душу, — это тот «глас толпы», в котором он ощущает призыв самой Франции. Но она молчит и занимается

своими долами. Остается говорить с богом, и генерал часто вспоминает его. Если речь заходит о будущем, он обязательно произносит: «Если бог продлит мои дни…» Когда вышел первый том «Военных мемуаров», то специально отпечатанные на лучшей бумаге 55 экземпляров с дарственной надписью автора были разосланы по особому списку, составленному де Голлем. Первым номером в списке числился папа Римский.

В Коломбэ наведывается адмирал д'Аржанлье, бывший командующий морскими силами «Свободной Франции». Адмирал возит с собой чемодан, в котором полное облачение священнослужителя, складной алтарь с соответствующими принадлежностями. Адмирал переодевается и входит в церковном облачении, превращаясь в отца Людовика. Стол в салоне покрывается белой скатертью, и на нем устанавливается алтарь. Генерал помогает адмиралу, в данном случае отцу Людовику, правильно разместить предметы культа, заменяя недостающего мальчика из церковного хора. Затем генерал и мадам де Голль смиренно опускаются на колени и начинается домашняя месса. Де Голля нередко видят под сводами многих храмов во время службы, начиная от бедной церкви в Коломбэ и до Собора Парижской богоматери. Правда, он выглядит рассеянным, смотрит по сторонам и, как говорили о нем, «считает мух».

Верит ли он в бога? Его официальное отношение к церкви проникнуто подчеркнутым почтением. Он образцово практикующий католик. И, однако, вопрос о религиозности де Голля почему-то часто задавали многие. Казалось, как может вообще возникнуть такой вопрос, если генерал ходит к мессе? «Увы, — пишет Турну, — кощунственные голлисты не верили в его искренность, и один из них без всякой почтительности не побоялся расхохотаться. Де Голль, по его мнению, не верит ни в бога, ни в черта. Он верит в добро и зло».

Есть и другие любопытные свидетельства. Жак Сустель, весьма близкий к генералу в период Лондона, рассказывал, как во время одной беседы на религиозные темы де Голль заявил: «Я не верю ни во что. Католическая религия служит частью политических структур франции». В другом случае генерал, беседуя с человеком из своего окружения, потерявшим веру, сказал: «Что касается меня, то, по многим соображениям, я являюсь верующим и практикующим…» И он добавил, что соображения эти «семейные, философские, исторические, географические и социальные».

Вдобавок ко всему, в характере и поведении генерала нельзя заметить и тени пресловутых христианских добродетелей вроде смирения, всепрощения, пассивного упования на промысел божий

и прочего. И если он во что-то действительно верил, то верил в себя.

Но с другой стороны, несколько раз видели, как он в грудные для него времена неожиданно один отправлялся в собор и, опустившись на колени, застывал в неподвижности. Что же его влекло сюда? Стремление на мгновение отвлечься от жизненных передряг? Привычка? Сила традиции? Влекущая магия торжественной ритуальной обстановки? Желание прикоснуться к символам вечности? По-видимому, в этом сказывалось такое же чувство, которое побуждает порой убежденного атеиста искать в трудную минуту успокоения в созерцании пустынного пейзажа, любимого уголка родного города или особо понятного и прекрасного произведения искусства. Во всяком случае, Франсуа Мориак писал: «Никому не известны отношения Шарля де Голля с богом».

Пожалуй, не более определенны были и отношения де Голля с Францией. После «прощальной» пресс-конференции в июле 1955 года поток посетителей в Коломбэ заметно ослабевает, да и генерал реже появляется в Париже на улице Сольферино. Наступили месяцы наиболее глубокого уединения де Голля, молча следившего за положением страны. Казалось, ничто не говорило о возможности его возвращения к власти. По данным института общественного мнения, лишь один француз из ста высказывался в конце 1955 года за создание правительства во главе с де Голлем. В январе нового, 1956 года состоялись выборы в парламент, окончившиеся полным разгромом «социальных республиканцев», наследников РПФ. Они потеряли свыше трех миллионов голосов, сотню депутатских мест и стали одной из самых незначительных группировок в Национальном собрании. Напротив, большого успеха добились коммунисты, социалисты и другие левые партии. При поддержке коммунистов создается правительство социалиста Ги Молле, существовавшее рекордный срок — более года! Неужели постоянные заявления де Голля о неустойчивости режима опровергнуты жизнью? В действительности этот режим все глубже погружался в трясину беспомощности. Ги Молле держался у власти только из-за того, что отрекся от своих предвыборных обещаний и шел на поводу самых реакционных, консервативных и авантюристических сил. Как раз в 1956 году Четвертая республика обнаружила невиданную беспомощность, и имя отшельника из Коломбэ все чаще мелькало в печати.

По данным опросов, к середине года уже не один, а восемь французов из ста высказываются за правительство де Голля, ибо бессилие «системы» стало вызывать широкое недовольство.

Война в Алжире, как раковая опухоль, начинает быстро разрушать организм Четвертой республики. Правительство Ги Молле признало независимость соседних стран, Туниса и Марокко, но что касается Алжира, то именно здесь оно завело в тупик французскую политику. Специфика алжирской проблемы, предопределявшая ее исключительную сложность, заключалась в том, что в Алжире кроме 9 миллионов коренного арабского населения издавна жили 1200 тысяч европейцев, в основном французов. Буржуазная верхушка этого европейского меньшинства состояла из отъявленных колонизаторов-расистов, отчаянно боровшихся против малейших уступок угнетенному коренному населению. Да и в самой метрополии привыкли смотреть на Алжир как на часть Франции, вроде Эльзаса и Лотарингии. В конце 1954 года, когда в Алжире возникла освободительная война, все французские политические партии, кроме коммунистов, выступили за вооруженное подавление повстанческого движения. Перед выборами Ги Молле обещал добиться мирного решения алжирской проблемы. Но возглавив правительство, он быстро капитулировал перед требованиями колонизаторов и пошел на расширение войны. Численность французской армии в Алжире приближалась теперь к полумиллиону, но боевые действия не давали и видимости успеха. Продолжение войны требовало колоссальных средств, людей, вооружения. Война вызывала острую внутреннюю борьбу, подрывала международные позиции страны.

Начиная с весны 1956 года в печати все чаще мелькают мысли о том, что алжирскую проблему, пожалуй, не удастся решить никому, кроме де Голля, что у него, несомненно, есть свой план решительных мер, которые выведут Францию из кризиса, становившегося все более невыносимым. Одновременно усиливаются требования реформы государства, резкого укрепления исполнительной власти, так чтобы она могла принимать решения и действовать. Крупнейшие французские юристы выступают с проектами государственной реформы, созвучными с теми идеями, которые всегда выдвигал де Голль.

В апреле 1956 года сразу очень много известных лиц явились к де Голлю на прием. В начале мая его посетил лидер партии радикалов Мендес-Франс, генерал-губернатор Алжира Лакост. Де Голль принимает всех, вплоть до Пьера Пужада, лидера неожиданно быстро возникшей группировки, объединявшей мелкую буржуазию, прежде всего мелких торговцев. Пужад выступал с самыми сногсшибательными лозунгами явно фашистского толка. Де Голль с презрением говорил об этой шумной группировке, которая на выборах 1956 года провела в

парламент сразу 50 своих депутатов: «В мое время лавочники голосовали за нотариусов, теперь нотариусы голосуют за лавочников». Но Пужада он встретил приветливо, как и других. Де Голль мало говорил сам, стараясь узнать от своих посетителей, что же происходит в стране…

А Франция задыхалась в атмосфере немыслимой путаницы, замешательства, вызванного противоречивыми и лживыми заявлениями и обещаниями соперничавших партий. И никто не мог уже обещать ничего определенного. Чувство безнадежности охватывало широкие круги общественности. Явным диссонансом с этим унылым хором прозвучало первое за долгое время публичное выступление де Голля на церемонии открытия памятника бойцам Сопротивления в Эне в июне 1956 года. Генерал, собеседники которого давно уже не слышали от него в частных разговорах ничего, кроме мрачных пророчеств и убийственно уничтожающих замечаний по адресу стоявших у власти политиков, словно преобразился. Он говорил, что Франция в прошлом выдержала и не такие испытания, что он верит в будущее своей страны. В августе генерал отправляется в большую поездку; он посещает Антильские острова и другие французские владения на Тихом океане. Всюду устраиваются торжественные встречи. И снова де Голль говорит о своей вере в будущее: «Франция вновь обретет свое величие, без которого она не может быть Францией».

В то время как мало-помалу де Голль становился символом надежды, незадачливое правительство Ги Молле влекло страну к пропасти. Этот бывший преподаватель английского языка, человек робкий, тщеславный и слабый, очутившись у власти, предпринял немыслимую авантюру. Воспользовавшись негодованием французской буржуазии национализацией в Египте Суэцкого канала, он решил открыть «второй фронт» алжирской войны. Ги Молле тайно договорился с израильским премьером Бен-Гурионом и премьер-министром Англии Иденом и 30 октября вместе с ними предпринял вооруженное нападение на Египет. Это была самая короткая в истории Франции война. Но она оказалась и самой позорной. 5 ноября французские войска вместе с англичанами высадились в Порт-Саиде, а уже 6 ноября агрессоры вынуждены были объявить о прекращении военных действий. Суровое предупреждение из Москвы, осуждение ООН, негодование мировой общественности и отказ Вашингтона открыто поддержать агрессоров привели к молниеносному, невиданному краху. Обстановка в Алжире стала еще хуже, ибо алжирские патриоты были воодушевлены поражением Франции в Суэце и удвоили свои усилия в войне.

Генерал де Голль внимательно следил за этими событиями, хотя и не делал никаких публичных заявлений. Он знал заранее о подготовке нападения на Египет; его держал в курсе дела один из генералов. В принципа он стоял за самую жесткую линию в отношении Египта. Однако в частных беседах он возмущался плохой подготовкой и организацией операции и особенно тем, что командование было целиком английским. Генерал с презрением говорил Алэну Савари, члену правительства Ги Молле: «Превратились в охвостье Израиля и британцев! Ждали англичан! Англичане всегда приходят слишком поздно!»

В результате суэцкой авантюры Ги Молле Франция стала получать нефти меньше на одну треть, чем ей было необходимо. Закрытие Суэцкого канала него бойкот, когда канал уже открыли, тоже очень дорого обошлись Франции. Инфляция бурно развивалась, а валютные запасы почти иссякли. Мрачную картину представляли собой французские города зимой, оказавшейся очень суровой. На улицах неподвижно застыли вереницы засыпанных снегом автомобилей, лишенных бензина. Резко возросли цены. Ги Молле нанес такой удар по системе Четвертой республики, от которого она уже не оправилась.

Генерал де Голль испытывал двойственные чувства. С одной стороны, он видел, что упадок «системы» резко ускорился, увеличивая его шансы. С другой стороны, он болезненно переживал новое поражение Франции, потерю ее важных позиций на Ближнем Востоке, невероятное унижение страны и ослабление ее авторитета в мире. К тому же осенью 1956 года генерал переносит тяжелую болезнь. «Своему худшему врагу я не пожелал бы испытать те страдания, которые пришлось перенести мне», — говорил он. Уже несколько лет у него ухудшалось зрение, и в ноябре ему сделали операцию снятия катаракты. Сильно похудевший, с глубоко запавшими глазами, прикрытыми большими темными очками, он выглядел очень постаревшим. «Я не хочу больше показываться публично», — говорил генерал редким посетителям, вытирая слезящиеся глаза.

Но он следит за событиями и неизменно появляется у радиоприемника, когда передаются последние известия. Его высказывания о политическом мире Парижа становятся все более резкими: «Кавардак… Паяцы… Они безнадежны… Марионетки… Весь режим гниет». Богатого лексикона генерала не хватает для выражения его чувств, и он прибегает к любопытному словотворчеству: «политиканы… политихамы… политикарлики…»

Но, как говорят, француз, хорошо знающий историю своей страны, не станет отчаиваться даже в горестные дни. А де Голль

не только хорошо знал историю; он умел ее делать и обладал терпением и выдержкой. В декабре 1956 года де Голль согласился посетить военную школу Сен-Сир, где учился почти полвека назад. Старого «сирара» пригласили возглавить торжественную церемонию передачи знамен от выпускников новому набору. Еще не оправившийся от болезни, 66-летний генерал мрачно наблюдает за парадным маршем курсантов школы. Когда-то и он стоял с винтовкой на плече в строю сен-сирцев и с гордостью носил точно такой же мундир. Но как изменилось все с тех пор! Знаменитая военная школа оказалась теперь в другом месте. Ее старинное здание под Парижем, в Сен-Сир-эколь, разрушено в 1944 году бомбами английской авиации, оставившей после себя руины. Теперь Сен-Сир находится далеко от столицы, в военном лагере Коткедан, в Бретани.

Изменилось, и отнюдь не к лучшему, положение самой французской армии. После освобождения Франции она непрерывно ведет грязные войны в Индокитае, затем в Алжире. Недавно ей пришлось испытать позор суэцкой авантюры. И всегда она терпит поражения. Ежегодного выпуска офицеров из Сен-Сира и других военных училищ не хватает, чтобы восполнить бесславные потери. Часть французской армии находится в Европе. Но здесь она подчинена Атлантическому союзу. Незадолго до выступления де Голля в Сен-Сире стало известно, что с начала 1957 года силами НАТО в Центральной Европе, в состав которых входили и французские войска, будет командовать бывший гитлеровский генерал Шпейдель! С тех далеких времен, когда молодой Шарль де Голль, вдохновленный военной романтикой де Виньи, Пеги, Барреса, мечтал о будущей великой славе французской армии, произошло очень много такого, что показалось бы ему тогда чудовищно нелепым кошмаром. Теперь это стало действительностью.

Но генерал скрепя сердце все же пытается вдохновить молодежь гордым сознанием принадлежности к кадровому офицерству, сознанием, которое он испытывал, когда был сен-сирцем и которое сохранил вопреки всему. «Вы выбрали военное ремесло, — говорит он в своей речи. — Оно потребует отказа от свободы, от денег, оно связано с тяжелыми испытаниями, с часами горечи, с годами тоски. Но в обмен за это оно дает вам высокое сознание зрелости, радостное чувство служения великому делу, высокую гордость, надежду на свершение великих дел и неизменно самую прекрасную мечту о славе, осененной знаменами».

По традиции и долгу старого военного он и должен говорить здесь примерно такие вещи. Но де Голль не собирается

ограничиваться этим и, презирая все каноны, резко напоминает о «маразме», который переживает франция. Он обрушивается на «систему», угрожающую самому существованию французской армии, которую, как он заявляет, «хотят утопить в атлантической и европейской интеграции». «Вы начинаете военную карьеру в мрачных обстоятельствах», — говорит он. Однако свою речь де Голль заканчивает выражением оптимистической веры в судьбу Франции: «Сен-сирцы, я говорю вам, что никогда не терял веры в будущее Франции». Вновь звучит мотив надежды, уверенности, который неизменно отличает его редкие тогда публичные выступления.

Но и на этот раз генерал ничего не сказал об Алжире, о том, что особенно волновало всех и что в первую очередь хотели от него услышать. В начале 1957 года стало совершенно ясно, что алжирская драма приближается к своему последнему акту. Бесконечное продолжение войны не устраивало никого. Но каким должен быть конец? Где и как искать выход из тупика? В ответ на эти вопросы можно было услышать множество разноречивых ответов, в которых отражались самые неожиданные и противоречивые стремления, интересы и иллюзии. С некоторой долей условности их можно разделить на три главных направления.

Крайняя колонизаторская тенденция ярче всего выражалась верхушкой европейского меньшинства в Алжире и находила поддержку в мелкобуржуазном населении метрополии. Представители этой тенденции упорно твердили, что «Алжир — это Франция», что необходимо путем самых крайних усилий подавить восстание, а затем осуществить «интеграцию» Алжира с Францией. План «интеграции» был противоречив и явно фантастичен.

Другое направление, на сторону которого склонялись постепенно все более широкие круги общественного мнения метрополии, отражало желание какого-либо компромисса, способного удовлетворить всех, начиная от сражавшихся за освобождение алжирцев до крайне правых колонизаторов.

Третья, наиболее реалистическая и дальновидная тенденция сводилась к признанию неизбежности и необходимости предоставления Алжиру независимости. В 1954 году, в момент самого начала войны в Алжире, никто, кроме коммунистов, и слышать об этом не хотел. Но теперь здравый смысл брал верх в умах растущего числа французов.

Но эти три основные тенденции, сталкиваясь и переплетаясь в сознании людей, выражались в немыслимо запутанном виде. Проблема Алжира горячо обсуждалась повсюду: в парламенте, на

съездах политических партий, на страницах газет, в частных беседах. Страстные споры вспыхивали в кругу семей или дружеских компаний, собиравшихся за бутылкой вина в каком-нибудь бистро. Ведь Франция осуществляла самое крупное в ее истории военное предприятие за пределами Европы. Война обходилась в четыре раза дороже злосчастной войны в Индокитае, а результаты ее уже сейчас оказались во много раз более пагубными. Выходов из положения предлагалось так много, что невозможно было найти ни одного. Подобно нравственному и политическому кризису старинного «дела Дрейфуса», алжирская драма волновала совесть и умы, бившиеся в поисках авторитетной, бесспорной истины. А тот, кого обычно называли «самым знаменитым французом», к кому инстинктивно обращались вопрошающие взоры множества людей, продолжал хранить молчание. В отличие от остальных политиков яростно отстаивавших свои планы решения алжирской проблемы, генерал де Голль публично не говорил о ней ни слова. Его многочисленные посетители просили его изложить стране свою точку зрения, но генерал решительно отказывался, заявляя, что «для этого еще не наступило время». Ему доказывали, что все благонамеренные люди Франции, то есть вся французская буржуазия, хотят знать его мнение. «Благонамеренные, — отвечал с презрением де Голль, — это подлецы. Они хотят, чтобы я говорил. Но что я могу сказать этим ограниченным буржуа, которые никогда ничего не понимали и которых перевешали бы в 1944 году, если бы не было де Голля?»

Оставалось только гадать о мыслях генерала или изучать его старые высказывания. На своей «прощальной» пресс-конференции в июле 1955 года он в довольно туманной и условной форме говорил о возможности «интеграции» Алжира с Францией, то есть использовал тот же термин, который служил лозунгом «ультра». Однако он много раз в частных беседах с разными людьми признавал неизбежность предоставления Алжиру независимости, считал, что Алжир, в сущности, уже потерян и что речь может идти только о том, чтобы после провозглашения независимости добиваться сохранения в этой части Северной Африки экономического и политического влияния Франции на основе соглашений с независимым алжирским государством. Но это были частные разговоры; они лишь давали пищу для многочисленных и противоречивых слухов по поводу намерений де Голля, которому приписывали самые невероятные замыслы.

Любопытно, что 12 сентября 1957 года кабинет генерала де Голля опубликовал следующее коммюнике: «Заявления, приписываемые иногда в прессе генералу де Голлю некоторыми

его посетителями после случайных и отрывочных бесед, связывают только тех, кто о них сообщает. Что касается генерала де Голля, то, в случае если он находит полезным сообщить общественности о своих мыслях, он делает это сам и публично. Это относится, в частности, к вопросу об Алжире».

В атмосфере странного недоумения по поводу намерений генерала он вдруг отправился в самый эпицентр драмы, сотрясавшей Францию болезненными конвульсиями, — в Алжир, в Сахару, где только что были обнаружены гигантские запасы нефти, столь необходимой Франции. Может быть, здесь он скажет что-то определенное? Но нет — встречи, разговоры и… никаких программных деклараций. Однако сам тон и характер его высказываний во время этой поездки крайне интересны с точки зрения последовавших затем событий. Генерал-губернатору Алжира Роберу Лакосту, социалисту, превратившемуся в самого ревностного защитника интересов ультраколонизаторов, он заявляет: «Алжирская проблема не может быть решена без де Голля». На другой день он добавляет: «Не забывайте, Лакост, что решение будет долгим и что оно связано со всем комплексом будущих проблем». Де Голль явно не хотел заранее связывать себе руки каким-либо определенным курсом в решении алжирской проблемы. По-прежнему это — последователь Бергсона, отвергающий заранее установленные принципы и склонный считаться только с конкретными обстоятельствами. И, конечно, именно сейчас, как никогда ранее, он знает цену молчанию, о котором он когда-то красноречиво писал, что это «блеск сильных и убежище слабых, целомудрие гордецов и гордость униженных, благоразумие мудрецов и разум глупцов».

Генерал явно не возражал против того, чтобы различные, подчас просто враждебные друг другу политические течения связывали с ним свои надежды. Неопределенность, скрытность, тайна, окружавшие подлинные намерения генерала, служили для него важнейшим тактическим средством подготовки возвращения к власти. И он с ледяной выдержкой проводил такую тактику, превращавшую его в объект всеобщих смутных надежд. В самом деле, если однажды, во времена «18 июня», де Голль совершил чудо, то почему он не может совершить его еще раз? Во всяком случае, лучше уж расхлебывать кашу под руководством самого де Голля, чем каких-то Ги Молле, Буржес-Монури, Гайяров, возглавлявших по очереди правительства, не пользовавшиеся никаким доверием общественности. К таким мыслям склонялось все больше французов, измученных алжирской войной.

Собственно, даже активные сторонники возвращения де Голля к власти, старые, преданные ему голлисты, не имели

ясного представления о планах своего шефа в алжирском вопросе. У них, как и у всех других политических партий, кроме коммунистов, не было никакой единой линии в решении алжирской проблемы.

Наиболее заметную тогда среди голлистов группу возглавлял Жак Сустель, который связывал с приходом к власти генерала надежду на сохранение «французского Алжира» и его интеграцию. В 1955 году, будучи алжирским генерал-губернатором, Сустель близко сошелся с влиятельными лидерами «ультра». Некогда он пользовался полным доверием де Голля. Однако его отношение к Сустелю стало довольно холодным из-за политиканства бывшего этнографа в конце существования РИФ. Тем не менее Сустель связывал с де Голлем все свои политические замыслы.

Другая группа голлистов, которую представлял молодой и энергичный политик из Бордо Жак Шабан-Дельмас, видела свою главную задачу в передаче власти де Голлю. Алжирскую войну они рассматривали в качестве подходящего повода для ликвидации Четвертой республики и учреждения нового режима в духе известных идей де Голля. Что касается решения алжирской проблемы, то они верили, что гений генерала найдет нужный путь.

Наконец, третья, довольно слабая группа голлистов состояла из людей, понимавших бессмысленность и опасность продолжения войны и надежд на сохранение Алжира в колониальной зависимости от Франции. Типичным представителем этой группы был Эдмон Мишле, считавший, что только престиж генерала может заставить страну согласиться на предоставление независимости Алжиру. Немало сторонников прихода де Голля к власти, таких как Андрэ Мальро или Франсуа Мориак, открыто возмущались продолжением войны и особенно ее варварскими методами.

Но никто из голлистов, каких бы взглядов он ни придерживался по алжирскому вопросу, не мог с уверенностью сказать, что именно он выражает точку зрения генерала. К тому же де Голль никогда этого и не позволил бы. Он вообще не считал нужным посвящать даже самых близких соратников в свои замыслы по такому сложному и щекотливому вопросу. Он лишь позволял им выступать в качестве его сторонников. И они довольствовались этим. Ведь без де Голля они в политическом отношении ничего собой не представляли. Только укрываясь за огромной тенью генерала, они могли рассчитывать на какое-то политическое будущее. Вообще отношения между де Голлем и его соратниками были совершенно не похожи на обычные взаимоотношения лидера политической партии и его ближайшего

окружения. Как правило, такой лидер находится в зависимости от него, он должен внимательно учитывать требования своих политических единомышленников. Совсем иначе держался де Голль. Он требовал от своих сподвижников безусловной личной преданности, не интересуясь их мнением. В этом смысле одинокое положение де Голля носило исключительный характер и отражало его стремление выступать не в качестве лидера политической партии, а в роли общенационального вождя, стоящего выше всех партий. Плачевный опыт РПФ многому научил генерала, в том числе и недоверию к своему подобострастному окружению. Он уже видел немало измен и отречений, только усиливших его презрительное отношение ко многим, очень многим людям, особенно к тем, кто слишком часто заверял его в своей верности. Поэтому в последние годы Четвертой республики у него неожиданно вырывались признания: «Мне гораздо легче с моими старыми врагами, чем с моими друзьями». Рассуждая однажды о своих политических перспективах, он вдруг заметил: «Возвращение к власти? Де Голль — да… но без голлистов».

Разумеется, многие из них чувствовали это. Но одни были преданы генералу не за страх, а за совесть и готовы были следовать за ним в любом направлении. Другие рассчитывали в будущем лишь на личную политическую карьеру. Но находились и такие, кто надеялся оказывать на де Голля, в случае установления его власти, свое влияние, особенно по алжирскому вопросу. «Я знаю, — говорил Мишель Дебрэ, — что генерал абсолютно не согласен со мной и Сустелем в алжирской политике. Но сейчас гораздо важнее положить конец режиму, который ведет Францию к краху. Я надеюсь, что потом мы убедим генерала в необходимости интеграции».

Пока же они делали все возможное, чтобы подготовить приход де Голля к власти, поскольку обстановка для этого становилась благоприятнее. Правительство Ги Молле за необычайно долгий срок своего существования совершило все мыслимые и немыслимые глупости, которые неумолимо влекли Четвертую республику к гибели. Лидер социалистов как будто специально добивался этого. Еще 30 ноября 1956 года де Голль сказал Жану Турну: «Если только эти глупцы не будут продолжать вести свою идиотскую политику, у меня мало шансов прийти к власти». Но они продолжали именно такую политику, и шансы де Голля увеличивались. Однако слишком длительное пребывание Ги Молле в «Отель Матиньон» не соответствовало стремлениям сторонников де Голля. Именно поэтому Жак Сустель активно способствовал падению кабинета Ги Молле в мае 1957 года.

Теперь голлисты начинают с невиданной решимостью открыто добиваться своей цели. Во время нового кризиса Национальный совет социальных республиканцев потребовал от депутатов парламента «перед угрозой катастрофы немедленно сформировать правительство общественного спасения, которое объединило бы представителей всех политических тенденций, подобранных в парламенте или вне его, под председательством лица, престиж и авторитет которого признан всеми французами».

Речь шла, естественно, о де Голле. Однако его час еще не пробил. Пока в пользу де Голля складывалось лишь настроение, но отнюдь не соотношение политических сил. 12 июня, после обычного дележа портфелей и разных сделок, формируется правительство правого радикала Буржес-Монури. В отличие от правительства Ги Молле, имевшего «социалистическую» окраску, это был вполне правый, реакционный и бездарный кабинет. Его политика во всех направлениях продолжала и углубляла порочную, слабую, колеблющуюся линию предыдущего правительства. Буржес-Монури продержался всего два с половиной месяца, из которых полтора пришлось на каникулы Национального собрания, что несколько продлило его пребывание у власти. Но уже 30 сентября, не без участия Жака Сустеля, он был свергнут и начался новый, 18-й правительственный кризис в истории Четвертой республики. Он продолжался 35 дней и оказался невиданно сложным и напряженным. Это было вскоре после полета первого советского спутника Земли, и газеты обошла крылатая фраза одного депутата: «Скоро гораздо легче будет попасть на Луну, чем сформировать во Франции правительство!»

Во время лихорадочных поисков кандидата на пост премьера его резиденция — «Отель Матиньон» — освещалась восковыми свечами. Весь Париж был погружен в темноту, не работало метро, остановились электропоезда. Страна была парализована не только правительственным кризисом, но и гигантскими забастовками. Если в

1956 году в забастовках участвовало 982 тысячи человек, то в 1957 году —2964 тысячи. Особенно широкий размах забастовки приобретают в октябре, в период правительственного кризиса. Это напоминало всем, что, как ни важна проблема Алжира, неизменным фактором жизни Франции является жестокая классовая борьба, что социальные проблемы все более властно требуют своего решения. С этим так или иначе должны были считаться все политические деятели.

Какова же была позиция де Голля, который, конечно, не мог не замечать столь крупного явления в жизни страны, как массовое

забастовочное движение в конце

1957 года? Несмотря на известные семейные связи, де Голль никогда не считал себя представителем буржуазии. Действительно, он не был банкиром или владельцем промышленного предприятия, никогда не имел акций какой-нибудь фирмы. Он владел лишь сравнительно небольшой чисто личной собственностью. Но тем не менее его позиция, продиктованная, как он был искренне убежден, заботой только о величии Франции, а отнюдь не о выгоде тех или иных капиталистических группировок, отвечала именно их интересам. По его глубокому убеждению, жизнь каждого француза имела смысл, если только она подчинена заботе об укреплении позиций Франции в мире. И он просто был не способен понять, как можно думать при этом о повседневных «мелких» материальных заботах.

«Французы, — говорил он одному из своих визитеров, — не имеют больше великих национальных стремлений. Они думают о своем жизненном уровне, что не является национальной задачей. А в это время есть страны, которые меньше думают о жизненном уровне, покоряя мир. Они завоюют его, даже не сражаясь». Примерно в это же время в другой беседе генерал сказал: «Что касается меня, то я не уподобляюсь этим технократам, которые твердят: Франция? Мы ее не знаем. Мы знаем только французов. Франция — это 45 миллионов потребителей». И он добавил в связи с вопросом о повышении жизненного уровня: «Это важно для французов. Но не для Франции…»

Итак, перефразируя известное крылатое выражение, можно сказать, что де Голль придерживался принципа: «Величие вместо масла». Такая позиция, конечно, не могла способствовать росту его популярности. Хорошо еще, что подобные принципы де Голль не выдвигал публично, излагая их только в узком кругу своих приближенных. Но, рано или поздно, они резко скажутся на его политической судьбе…

Между тем правительственный кризис продолжался. Новый кабинет пытались сформировать сначала Ги Молле, потом Р. Плевен, А. Пинэ, М. Шуман, снова Ги Молле… Только страх перед гигантским забастовочным движением заставил в конце концов представителей всех основных некоммунистических партий отодвинуть на второй план разделявшие их противоречия и сформировать правительство из представителей девяти партий во главе с Феликсом Гайяром, правым радикалом, близким сотрудником Рене Мейера и Жана Моннэ, которого называли воспитанником дома Ротшильда. Этот самый молодой из всех послевоенных премьеров (38 лет) возглавил комбинацию весьма старого стиля. В основных вопросах — Алжир и экономика —

Гайяр начал проводить еще более консервативную и авантюристическую политику. При Гайяре авторитет Четвертой республики упал необычайно низко. К прежним причинам всеобщего недовольства он лишь добавил новые, особенно в области внешней политики.

Если и раньше англосаксонские державы третировали Францию, то теперь они совершенно откровенно рассматривали ее в качестве второстепенной страны. Соединенные Штаты используют обострение отношений Франции с арабскими народами из-за войны в Алжире для укрепления собственных позиций в Северной Африке и на Ближнем Востоке. В ноябре 1957 года возник конфликт по поводу поставок оружия Тунису из США и Англии. Французские «ультра» яростно вопили, что это оружие попадает в Алжир, что Тунис, бывшая колония франции, переходит под американский контроль. Гайяр попытался заставить США и Англию отказаться от вмешательства в сферу французских интересов, но безрезультатно. Более того, катастрофическое финансовое положение Франции вынуждало его подчиняться указаниям Вашингтона. Ведь в конце 1957 года он добивался от США получения займа в 650 миллионов долларов. Ему пришлось за это согласиться с размещением на французской территории американских ракетных баз.

Однако внешнеполитические неудачи правительства Гайяра еще только начинались. Главные события развернулись после 8 февраля 1958 года. В этот день французская военная авиация произвела зверскую бомбардировку тунисской деревни Сакиет-Сиди-Юсеф, расположенной на границе с Алжиром. Налет был предпринят в качестве репрессии за поражение, которое нанесли неподалеку от этого места алжирские повстанцы французскому отряду. Чтобы отомстить за него, французское командование решило уничтожить тунисскую деревню, где якобы укрывались алжирцы. Бомбами и пулеметным огнем было убито 75 ни в чем не повинных тунисцев, среди них 21 ребенок. Никаких алжирцев в деревне не оказалось. Чудовищное преступление взволновало весь мир. Тунис разорвал дипломатические отношения с Францией и обратился в Совет Безопасности ООН. В это время на сцене появились с присущим им «великодушием» американцы. Они предложили (вместе с Англией) свои «добрые услуги» для урегулирования франко-тунисского конфликта. Эта миссия была поручена Роберту Мэрфи, о котором уже шла речь в связи с событиями в Алжире в 1943 году. Нетрудно представить реакцию французских колонизаторов на деятельность миссии «добрых услуг», которую истолковали как форму прямого вмешательства США в дела Франции. Сторонники де Голля не замедлили

воспользоваться новым кризисом. Один из голлистских лидеров — Мишель Дебрэ писал в своей газете «Курье де ла колер», что Гайяр способствует американским планам интернационализации алжирского вопроса, что уже разработан план установления «протектората НАТО над Алжиром».

15 апреля Национальное собрание, прервав свои каникулы, собралось для обсуждения политики правительства Гайяра. Алжир, Тунис и особенно «добрые Услуги» давали обильный обвинительный материал. Наступление на правительство возглавлял, как обычно, Жак Сустель. К этому времени он уже заключил союз с лидером «независимых» Рожэ Дюше, почетным председателем МРП Жоржем Бидо и правым радикалом Андрэ Морисом. Все они стремились взять власть, чтобы любой ценой бороться за сохранение «французского Алжира». А у Сустеля была, кроме того, и особая цель — возвращение к власти де Голля. Поднявшись на трибуну, он произнес резкую обвинительную речь против политики Гайяра. Сустель доказывал, что миссия «добрых услуг» является подготовкой к полной ликвидации всех французских позиций в Северной Африке. Он заявил, что за кулисами действуют американские нефтяные тресты, стремящиеся захватить нефть Сахары. «Я говорю от имени тех, кто решил больше не уступать, — гремел Сустель. — Франция дошла до предела уступок. Она должна, наконец, отвергнуть политику унижения и отречения». Дебаты закончились свержением кабинета Гайяра. Это было, по существу, последнее правительство Четвертой республики. Одновременно развернулись события, которые вошли в историю под названием «операции воскресения де Голля».

13 мая

Генерал привык довольно спокойно относиться к многочисленным правительственным кризисам. Он ограничивался лишь обычными сарказмами по поводу смены «марионеток» и «паяцев» в «театре теней», то есть в парламенте и правительстве. Иначе он реагировал на известие о падении кабинета Феликса Гайяра. Это событие он воспринял как начало окончательного крушения Четвертой республики. Де Голль увидел, наконец, на политическом светофоре зеленый свет, открывавший ему дорогу к власти.

Но не оказался ли генерал в плену иллюзий, что случалось с ним во времена РПФ? В самом деле, по данным опросов, лишь 13 из 100 французов высказывались в начале 1958 года за создание правительства де Голля. Что касается Национального собрания, то, по словам Алэна де Сериньи, одного из тех, кто призвал его к власти, «если бы после падения правительства Гайяра президент Республики предложил сформировать правительство генералу де Голлю, то он не получил бы, конечно, и 100 голосов». Генерал знал, что влияние его активных сторонников ничтожно. На кантональных выборах в апреле 1958 года «социальные республиканцы» собрали всего 3,5 процента голосов. И разве сам де Голль не высказывал в начале 1958 года весьма пессимистические прогнозы? В ответ на предсказания его близкого прихода к власти он говорил: «Утопия. У меня нет никаких легальных средств вернуться к власти. Партии никогда не согласятся выйти из рамок законности». Генерал сознавал, что господствующая политическая тенденция направлена влево. Это показали выборы 1956 года и еще больше подчеркнули последующие события. И действительно, объективная эволюция политической обстановки была именно такой.

Однако в апреле 1958 года генерал вопреки этим фактам испытывал уверенность в том, что приближается его час. Де Голль не признавал исторического детерминизма, считая, что человек действия способен изменить ход, казалось бы, неотвратимых событий. Еще в 1921 году капитан де Голль утверждал: «Историческая фатальность существует только для трусов». В то время он был заместителем профессора истории в Сен-Сире и в одной из своих лекций говорил: «Счастливый случай и смелость изменяли ход событий. История учит не фатализму; запомните этот урок. Бывают часы, когда воля нескольких людей разбивает детерминизм и открывает новые пути. Если вы переживаете зло происходящего и опасаетесь худшего, то вам скажут: „Таковы

законы истории. Этого требует эволюция“. И вам все научно докажут. Не соглашайтесь, господа, с такой ученой трусостью. Она представляет собой больше, чем глупость, она является преступлением против разума».

Нет, он не пойдет на «преступление» против разума и, столкнувшись с препятствиями, не откажется от действия. Он тщательно и прозорливо учитывает все обстоятельства и энергично действует, находя неожиданные, но реальные возможности. Политика есть искусство возможного, и де Голль владеет им в совершенстве, особенно в момент кризисной, даже катастрофической ситуации. Не зря его часто объявляли «человеком кризиса». В связи с событиями 13 мая 1958 года Жан-Раймон Турну называл де Голля «Наполеоном внутренней политики». В данном случае, пожалуй, столь обычное сравнение де Голля с Наполеоном особенно условно.

Еще более сомнительна конкретная аналогия между 18 брюмера Наполеона и 13 мая де Голля. Слишком уж различны исторические условия и обстоятельства, не говоря уже об огромной разнице в чисто человеческих качествах двух героев французской истории. 18 брюмера выглядит очень простой операцией по сравнению с гораздо более сложным и длительным процессом возвращения де Голля к власти в 1958 году. Деятельность де Голля в течение нескольких критических недель представляет собой шедевр политической стратегии и тактики. За всю свою карьеру де Голль не обнаруживал с такой ясностью качества политика и человека действия. Он проявил тонкое психологическое чутье, необыкновенную выдержку, понимание обстановки и людей, способность в нужный момент поставить все на карту и, главное, умение опираться на разнородные, противоречивые силы и течения. Нечего и говорить о том, что автор книги «На острие шпаги» пустил в ход все те неотъемлемые качества человека действия, о которых он когда-то откровенно и красноречиво писал: хитрость, скрытность, коварство. Речь дола о той самой «высокой политике», где нет морали, а есть только цель, успех или поражение, где хороши все средства.

К тому же, вновь выходя на политическую сцену в 1958 году, генерал был уже не тем непримиримым, надменным, резким человеком, как во время войны, когда он позволял себе яростные споры с самим Черчиллем, не тем бескомпромиссным воплощением презрения ко всем и вся, как в январе 1946 года, когда он ушел от власти, гневно хлопнув дверью. В те дни он нервно ходил большими шагами по своему кабинету на улице Сен-Доминик и, внезапно остановившись, воздел руки к небу и воскликнул: «В конце концов французы, видимо, нуждаются в

некотором периоде мерзостей!»

Конечно, и сейчас он сохранил все основные черты своего тяжелого характера. Но они значительно смягчились. Неудачи научили его кое-чему. Встретившийся летом 1958 года с де Голлем Гарольд Макмиллан, который часто имел дело с генералом в военные годы, сказал одному французскому министру: «Я нашел де Голля изменившимся и очень приветливым. С ним происходит тот же процесс, что и с Черчиллем, который во время войны был невозможен!»

Жан-Раймон Турну, близко и часто наблюдавший де Голля в эти критические недели, в книге «Секретные политические записи» пишет: «Действительно, де Голль изменился. Физически мало. Виски немного побелели, голос стал несколько надтреснутым. Френч или китель являют взору его значительно располневшую фигуру. Но все это вполне естественно. Больше поражает его новый стиль отношений с людьми, ярче выраженная, умеющая себя показать шутливость, более пленительное очарование, которое проявляется без колебаний. За исключением, конечно, оппортунизма, де Голль уже совершенно ничем не пренебрегает, если того требуют обстоятельства».

В последней фразе — ключ к пониманию тактики Де Голля в мае 1958 года, когда он действительно «ничем не пренебрегал». Генерал ставит на любую выгодную карту. Это уже не безобидный пасьянс, который раскладывал де Голль во времена «перехода через пустыню»; началась крупная игра ва-банк. Посмотрим на его карты.

Главную ставку генерал делал на вмешательство французской армии. Хотя еще в своей первой книге «Раздор в стане врага» де Голль осуждал попытки армии оказывать давление на государство, теперь, по иронии судьбы, именно с таким давлением связаны все его надежды. Состояние французской армии вполне их оправдывало. Если и раньше, когда де Голль только начинал свою военную карьеру, армия была оплотом антиреспубликанских сил, то сейчас она стала еще реакционнее. Страна шла влево, но армия двигалась в противоположном направлении. Ее постоянная глухая оппозиция республиканскому режиму таила мятежные намерения. Офицеры и генералы давно обвиняли правительства Четбертой республики, парламент и партии в том, что именно они виноваты в их бесконечных поражениях в колониях. Неудачи в Алжире крайне усилили и обострили эти настроения. Алжир, где находилось больше половины французской армии, стал очагом мятежа. Еще в начале 1957 года здесь предпринимается первая неудачная попытка военного переворота. Генерал Фор задумал арестовать

министра-резидента в Алжире Лакоста и его высших чиновников и заставить командующего генерала Салана возглавить мятеж, распространив его затем на территорию метрополии. Совершенно случайно заговор раскрыли. Но это не обескуражило заговорщиков, тем более что Фор отделался смехотворным наказанием в 30 суток ареста.

В январе 1957 года произошла так называемая «история с базукой». 16 января по окнам кабинета Салана был открыт огонь из базуки, то есть из противотанкового ружья. Самого генерала в кабинете не оказалось, но был убит его адъютант. Выяснилось, что Салана хотели убрать за недостаточную «решимость» в защите «французского Алжира». И снова заговорщики остались безнаказанными.

Между тем печать продолжала информировать об их деятельности. Сообщалось, что роль ударной силы предназначается парашютно-десантным соединениям генерала Массю, прославившимся зверствами в войне с алжирцами. Назывались десятки имен высокопоставленных военных и гражданских лиц, открыто занимавшихся подготовкой восстания, не встречавших при этом никаких препятствий со стороны правительства. После бомбардировки Сакиет-Сиди-Юсеф и отставки правительства Гайяра стало ясно, что мятеж военных может вспыхнуть с часу на час.

Истоки другого мятежного течения находились среди европейского населения Алжира. Его вдохновляли отъявленные шовинисты и расисты, магнаты алжирской экономики, такие как Анри Боржо, Алэн де Сериньи, Скьяффино и им подобные. Они оказывали финансовую поддержку многим организациям, выступившим за сохранение «французского Алжира» любой ценой. Эти «ультра», или «черноногие», мечтали заменить Четвертую республику «сильной властью», способной будто бы сохранить Алжир и другие колонии.

Наконец, в метрополии тоже существовали мелкие организации фашистского толка, объединявшие до 40 тысяч человек. Они производили немало шума, устраивая время от времени разные провокации. Так, в феврале 1958 года произошел взрыв в одном из туалетов Бурбонского дворца. Наиболее серьезное значение среди этих крайних антиреспубликанских сил метрополии имели организации бывших фронтовиков.

Таковы три основных течения мятежников, делившихся на множество соперничавших группок, объединяемых лишь слепым колониализмом, ненавистью к республиканской демократии, к левым силам, особенно к компартии. У них не было общей программы действий и тем более одного признанного вождя.

Главное же, им не хватало поддержки масс. Этим французское антиреспубликанское движение 1958 года отличалось от прежних фашистских движений в Италии и Германии, которые возглавляли Муссолини и Гитлер, а в остальном обнаруживалось немало сходства.

Уже одно это крайне затрудняло использование «ультра» де Голлем. Конечно, они тоже ненавидели систему Четвертой республики. Но кроме тяготения к авторитарной власти, что общего было у полуголовников «ультра» и у «Коннетабля»? Многое затрудняло их сближение. Большинство всей этой фашистской публики вообще не хотело прихода де Голля к власти. Ему не доверяли в связи с некоторыми делами его прошлого. Не могли простить ему сотрудничество с коммунистами во время войны и сразу после ее окончания, борьбу против Виши и фашизма, прогрессивные реформы, проведенные в 1944–1946 годах. Его считали слишком «левым» из-за того, что в годы войны он гораздо успешнее сотрудничал с СССР, чем с США и Англией. А главное состояло в Том, что де Голль отнюдь не солидаризировался публично с колонизаторскими лозунгами «ультра». Его реалистические высказывания частного характера так или иначе становились известными и внушали мятежникам тревогу.

Что касается военной части «ультра», то есть антиреспубликанской верхушки армии, способной придать заговору реальную силу, то она в своей массе также не была проголлистской. Кадровый офицерский состав французской армии издавна делился на две части: на колониальных офицеров и офицеров метрополии. Первые делали карьеру в колониях, другие видели смысл своего существования в защите территории самой Франции. Деятельность, жизнь, образ мыслей тех и других серьезно различались. Генерал де Голль с самого окончания Сен-Сира представлял ярко выраженный тип офицера метрополии. Его заботы всегда связаны с защитой границ Франции, с проблемами современной большой войны против сильного врага, против Германии. Колониальные дела почти не отразились в его военных произведениях. Кратковременная служба в Сирии и Ливане не изменила глубокого убеждения де Голля, что французская армия предназначена прежде всего для защиты метрополии. Правда, во время войны он яростно боролся против англичан и американцев за сохранение империи. Она была для него, однако, территориальной базой для восстановления независимости самой Франции. Военное и политическое мировоззрение де Голля резко отличалось от взглядов колониальных офицеров, считавших, что потеря колоний делает

беспредметным само их существование. Такая ультраколониалистская позиция не встречала понимания де Голля. У него было мало единомышленников в верхах военной касты. В свою очередь, она не доверяла де Голлю, ибо не получала от него никаких заверений, позволявших рассчитывать на него как на выразителя стремлений «ультра».

Конечно, если бы де Голль выступил с программой, отражавшей эти стремления, то они немедленно объединились бы вокруг него. Ведь у них не было ни одного авторитетного деятеля, способного соперничать с огромным влиянием де Голля. Многочисленные кандидаты в диктаторы, вроде генералов Шарьера, Шассена, гражданских «вождей» типа Мартеля, Пужада, Лефевра и прочих, по сравнению с де Голлем были полнейшими ничтожествами. Собственно, подобное сравнение вообще нелепо…

Сам генерал в глубине души глубоко презирал всю эту шайку фашистских горлопанов. И у него были веские основания остерегаться брать на себя роль лидера «ультра». Это неизбежно нанесло бы авторитету де Голля еще больший ущерб, чем история с РПФ, к тому же нисколько не приблизило бы его к власти, ибо реальная угроза фашизма могла вызвать сплочение всех республиканцев против крайне правых сил. В начале 1958 года де Голль говорил сенатору Дебю-Бриделю: «В случае катастрофы они возродят Народный фронт, включая даже МРП, во имя защиты Республики». «Ультра» своим авантюризмом и слепым колониализмом отпугивали даже основную часть буржуазии. В парламенте их поддерживала открыто только группа пужадистов и крайние сторонники «французского Алжира» из правых партий типа Дюше, Мориса, Бидо. Это подтверждал ход правительственного кризиса после отставки Гайяра. Сначала Бидо пытался создать правительство «национального единства» с участием Сустеля и Мориса. Однако Бидо не поддержала даже его собственная партия — МРП. Следующий кандидат в премьеры Плевен хотел сформировать правительство такого же ультраколониалистского типа, но в несколько смягченной форме. Однако Плевену не удалось получить поддержку социалистов, и 5 мая 1958 года он отказался от своей попытки. Таким образом, парламент не поддержал курс «ультра» на бесконечное затягивание и даже расширение алжирской войны.

В умах буржуазных политиков бродили какие-то новые веяния, порожденные крупнейшими политическими и экономическими изменениями в мире. Все более очевидной становилась неизбежность крушения колониальной системы в ее прежних формах и нелепость всех попыток сохранить Алжир под

господством Франции. Необходимость какого-то компромисса в Алжире представлялась все очевиднее, ибо перед французским капитализмом вставали новые задачи, решить которые было нельзя, не освободившись от пагубных экономических и политических последствий войны. Предстоящее открытие «общего рынка» требовало мобилизации всех возможностей для защиты от небывалого напора иностранной экономической конкуренции. Надо было привести в порядок финансовую систему, совершенно расстроенную инфляцией, вызванной бесконечными колониальными войнами, провести экономические мероприятия по укреплению конкурентоспособности французской промышленности. Чтобы решить эти задачи, крупный капитал теперь настойчиво добивался коренной реформы государственного строя. Как раз весной 1958 года происходило обсуждение реформы конституции. Парламентская демократия в форме Четвертой республики больше не устраивала крупный капитал. Но алжирская драма путала все карты. Как выйти из алжирского тупика? Компромисс затрудняло бешеное сопротивление «ультра». С другой стороны, их торжество и открытый фашизм пугали буржуазию не столько сами по себе, сколько из-за опасности возрождения Народного фронта, основой которого неизбежно стала бы крупнейшая партия страны — Коммунистическая. И в этих условиях мысли все чаще склонялись к третьему пути — к передаче власти де Голлю. Этот вариант казался уже неизбежным. В апреле в газете «Монд» появляется знаменательная статья профессора Мориса Дюверже, отражавшая эти настроения. В ней говорилось: «Считают, что нет и вопроса о том, придет к власти де Голль или нет; этот вопрос, по-видимому, решен. Подлинный вопрос заключается в том, когда начнет управлять второе правительство де Голля».

Дюверже не случайно дал своей статье заголовок в форме вопроса «Когда?» Действительно, ситуация казалась еще очень неясной. Даже явная склонность крупной буржуазии к установлению сильной власти отнюдь не означала ее безоговорочного решения в пользу генерала. Он представлял не только преимущества. Цельный характер, его разрыв в 1940 году с тем, что можно назвать классовой дисциплиной, — все это не могло не вызывать беспокойства. Сами его методы не внушали доверия.

Требовалось сильное воздействие, чтобы преодолеть эти сомнения. Естественно, что военно-колониальный мятеж в Алжире и мог произвести этот шок. Но дело в том, что многие военные и гражданские «ультра», готовившие мятеж, не были, как уже говорилось, сторонниками передачи власти де Голлю.

Поэтому важнейшей целью голлистов становится деятельность с целью поворота движения «ультра» в пользу де Голля. История 13 мая была прежде всего историей присоединения различных течений к предприятию, подготовленному голлистами.

Особенно важно было заручиться поддержкой армии. Еще в 1957 году, помимо старых связей, открылись новые возможности благодаря тому, что пост военного министра в правительстве Феликса Гайяра занял старый, верный сподвижник де Голля Жак Шабан-Дельмас.

Должность позволяла ему привлекать нужных людей, устанавливать с ними связи, непосредственно наблюдать за подготовкой к военному мятежу. В декабре 1957 года Шабан-Дельмас вызвал голлиста еще с времен войны, активиста РПФ, майора запаса Леона Дельбека. Он согласился снова надеть мундир и отправиться на год в Алжир со специальной миссией создания голлистского штаба под условным названием «Антенна». Дельбек разместился на одном из холмов Алжира в скромной вилле из четырех комнат, к которой вела длинная лестница. «Антенна» начинает эффективно действовать в начале 1958 года. Развертывается вербовка сторонников в гражданских и военных кругах. Очень скоро Дельбек вступает в контакт с видными военными, склоняя их на сторону де Голля. Ему удается завязать некоторые связи и с гражданскими «ультра» Алжира. Голлисты действуют и в армии метрополии. Устанавливаются связи с командованием семи из восьми военных округов. Обещают поддержку видные чины из штаба французских оккупационных войск в Западной Германии.

Что касается заговорщических организаций европейского населения в Алжире, то в привлечении их на сторону де Голля важнейшую роль играет Жак Сустель. Еще в 1955 году, когда Сустель был генерал-губернатором Алжира, он установил тесные связи с лидерами алжирских «ультра». Он создал во Франции «Союз обновления и спасения французского Алжира», а затем и филиал этого союза в Алжире. О том, как голлисты «привлекали» алжирских «ультра» к своему делу, свидетельствуют переговоры Жака Сустеля с крупным плантатором и судовладельцем Алэном Сериньи. 15 марта 1958 года Сериньи и Сустель встретились в Ницце в отеле «Рюль». «Ваша партия и вы сами, — заявил Сериньи, — требуете во что бы то ни стало прихода к власти генерала де Голля… Но уверены ли вы, что генерал де Голль придерживается таких же взглядов, как и мы, по вопросу об Алжире и его будущем?» Сустель обещал, что в ближайшие дни он встретится с генералом и попросит разъяснений. 28 марта Сериньи получил письмо Сустеля с изложением взглядов де

Голля. Это очень любопытный документ с точки зрения тактики генерала, который коснулся всего, но не обещал ничего конкретно. В письме говорилось: «К тому же он считает себя как бы отрешенным от активной деятельности и поэтому не хочет высказываться. К чему, — говорит он, — слова без действий?»

Сериньи удовлетворился, однако, таким туманным ответом, и находившиеся под его влиянием организации начали выступать за призыв де Голля к власти. Далеко не так просто обстояло дело с некоторыми другими алжирскими организациями «ультра», которые с подозрением относились к де Голлю. Во всяком случае, как в армии, так и среди алжирских сторонников «французского Алжира» благодаря энергичной деятельности немногочисленных голлистов и крайнему обострению всех внутренних и внешних проблем Франции к маю 1958 года произошел определенный сдвиг в пользу генерала.

Наиболее сложной и таинственной оставалась тактика самого де Голля. Даже верным сторонникам он не говорил ничего определенного о своих намерениях. Только в последние дни апреля он сказал некоторым из них, что ответит положительно, если «армия и народ» призовут его к власти. Правда, и тогда он сохранял сдержанность, предпочитая выслушивать собеседников. Эти диалоги проходили так, будто ему навязывают власть, а он высказывал скептицизм, недоверие, сомнения, прислушиваясь к опровержениям своих опасений. Вот, например, как проходила в те дни его беседа с Леоном Дельбеком:

«Мой генерал, я прибыл из Алжира и хочу вам сказать, что обстановка там обостряется. Алжир живет в состоянии непрерывного восстания. Все активизируются… Можем ли мы оставаться пассивными, мы, голлисты? И к тому же армия поднимается…

— Вы хотите сказать — некоторые элементы армии?

— Нет, мой генерал, вся армия волнуется… Множество военных требуют вашего возвращения к власти.

— Армия меня не любит… Участвует ли она в действиях, о которых вы мне говорите?

— Не вся армия, но некоторые военные руководители.

— Во всяком случае французы Алжира никогда не будут доверять де Голлю!

— Мой генерал, если все же события призовут к вашему арбитражу, решите ли вы прекратить вашу отставку и ваше молчание? Если в результате грозных обстоятельств армия, народ вас позовут, ответите ли вы „да“?

— Дельбек, я всегда имею обычай брать на себя ответственность».

Все теснее становится довольно двусмысленный союз де Голля с алжирскими «ультра». Интересно, что, в то время как он столь скупо говорил о своих намерениях с верными голлистами, он проявлял необычайную откровенность с их противниками. Знаменательная беседа состоялась у де Голля за два месяца до 13 мая с Андрэ Филиппом, его бывшим сотрудником по Лондону, затем министром, а в тот момент одним из видных лидеров социалистов. Позиция этой партии имела в надвигавшихся событиях ключевое значение. Социалисты выступали против «ультра», и большинство из них не хотели прихода к власти де Голля. Если бы социалисты отказались от политики раскола рабочего класса и действовали совместно с коммунистами, то история Франции и жизнь де Голля, видимо, стали бы иными. Вот почему генерал крайне любезно встретил Филиппа и говорил ему интереснейшие вещи. В ответ на беспокойство социалистического лидера по поводу тревожного развития событий в Алжире де Голль говорил: «Все это может закончиться только постепенным получением независимости Алжиром, если возможно, при ассоциации с Францией.

— Да, но я очень обеспокоен. Там готовится под прикрытием вашего имени военный мятеж в пользу „французского Алжира“. Учитывая то, что вы мне сказали, вы могли бы помешать использованию вашего имени.

— Если армия волнуется, — отвечал де Голль, — то все зависит от того, существует ли в Париже правительство или его там нет. Если правительство есть, оно будет управлять и армия подчинится. Армия восстает только тогда, когда она утрачивает свой естественный инстинкт подчинения. Если же правительства нет, армия возьмет власть в Алжире. Я же, увидев, что государства больше не существует, возьму власть в Париже, чтобы спасти Республику.

— Но вы никогда не сможете тогда высказаться за независимость Алжира. Вы будете заложником.

— Слушайте, Филипп, не будьте наивным. Вы же жили в Алжире, как и я. Вы их знаете. Они все горлопаны. Ну и пусть горланят! Что касается военных, то я спокойно подожду, пока их руководители не перегрызутся между собой. А с теми, кто останется, я сделаю, что захочу, с помощью продвижений и наград».

Такие, весьма любопытные в свете последующих событий соображения де Голль высказывал своим левым посетителям. С посланцами другого лагеря он говорил иначе. Поистине, надо было обладать очень хорошей памятью, чтобы не запутаться. 30 апреля, например, он принял Сустеля и в тот же день беседовал с

Эмманюэлем д'Астье. «Кому вы говорите правду, мой генерал? — воскликнул его гость. — Сустелю или мне?» Генерал де Голль предоставил будущему дать ответ на этот вопрос…

Между тем с начала мая 1958 года события приобретают стремительный характер и начинается агония Четвертой республики, продолжавшаяся целый месяц. Об этом во Франции написано и напечатано много объемистых книг, напоминающих детективные романы. Их авторы пытаются разобраться в событиях, приобретавших порой облик хаотической лавины. В бесчисленном и не особенно осмысленном сочетании действующих лиц, организаций, их действий и контрдействий, в сложном переплетении интересов и иллюзий, сознательных намерений и инстинктивных порывов, в путанице и замешательстве, в потоке дезинформации и лжи хотят раскрыть какую-то систему, какое-то единое направление. При этом чаще всего такое копание во французском политическом муравейнике не приводит к ясным результатам, поскольку в стороне остается тот определяющий все факт, что в основе «революции 13 мая» лежали крупные социально-экономические явления, что это был очередной этап классовой борьбы. Трудящиеся не склонны были защищать буржуазную Четвертую республику, а крупный капитал, воспользовавшись этим, добивался установления новых форм своего господства. Но в этой основной линии событий появилось нечто уникальное, встречающееся в истории не так уж часто: исключительная личность, обладающая исключительными качествами.

Огромная фигура генерала де Голля с неотразимым для масс авторитетом, с ореолом легендарной славы заслонила все остальное. Используя замешательство и кризис, вызванные алжирской войной, он повернул ход событий к установлению своей личной власти. А напуганная призраком Народного фронта буржуазия, преодолевая свои сомнения и запутавшись в пестром политическом калейдоскопе, предпочла передать ответственность за судьбу страны де Голлю. Ведь своим присутствием он уже во всяком случае гарантировал главное для буржуазии — социальную стабильность. В майских событиях 1958 года генерал де Голль, пожалуй, суетился меньше всех, хотя именно он, как никто другой, лучше чувствовал биение пульса страны и точно измерял ее политическую температуру. Попробуем коротко описать картину его действий, открывших новый этап его своеобразной политической судьбы.

Сигналом и поводом для непосредственных выступлений алжирских мятежников послужили известия о невозможности создать правительство, которое взялось бы осуществить

программу «ультра», и слухи о том, что в парламенте дело идет к формированию кабинета, склонного к переговорам с целью прекращения войны или, как говорили лидеры «ультра», к отказу от Алжира. Даже кандидатура Плевена вызывала их тревогу, поскольку он якобы тайно стремился к переговорам с повстанцами. 26 апреля в алжирской столице организуется (не без участия Дельбека) демонстрация нескольких тысяч сторонников «французского Алжира». Лагаярд, главарь молодежной фашистской организации, заявил в своей речи перед демонстрантами: «Если парламент не захочет нас понять, мы пойдем на все!»

В последующую неделю крупных событий как будто не происходит. Но это обманчивое впечатление. По Парижу между Елисейским дворцом, «Отель Матиньон» и Бурбонским дворцом снуют машины. Продолжаются напряженные переговоры о составе правительства Плевена.

В Алжире комитеты и группировки совещаются, спорят и придумывают разные планы. Возбуждение царит и среди командования армии в Алжире. Вовлеченные в подготовку заговора генералы и офицеры ждут вестей из Парижа и обсуждают свою будущую тактику. Впрочем, кое-какие действия с весьма определенной целью уже осуществляются.

Из метрополии в Алжир перебрасываются эскадрильи транспортных самолетов, предназначенных для перевозки парашютистов.

Генерал де Голль по-прежнему хранит молчание и ни в чем не изменяет порядка своих обычных занятий. Но его секретариат на улице Сольферино в Париже не Дремлет. Жак Фоккар, полковник Бонневаль и Оливье Гишар непрерывно поддерживают связь с генералом, информируя его о всех новостях. Между Парижем и Коломбэ уже установилось своего рода регулярное автомобильное сообщение. 29 апреля генерал принимает офицера парашютистов Люсьена Нейвирта, главного помощника Дельбека. На вопрос Нейвирта о том, как поступит де Голль в случае выступления армии в Алжире, генерал заявляет: «Я вам отвечу…» Но внешне в окружении де Голля все спокойно. Оливье Гишар вспоминал: «Мы боялись как чумы играть роль генерального штаба. Генерал не хотел этого».

4 мая выясняется, что Плевен сталкивается с новыми трудностями в формировании своего кабинета. И хотя торг из-за министерских портфелей еще продолжается, президент Республики Ренэ Коти 5 мая поручает своему военному секретарю генералу Ганевалю встретиться с сотрудниками де Голля и выяснить через них вопрос о том, какие условия он ставит для

своего возвращения к власти. Вскоре люди де Голля ответили, что генерал считает обычную процедуру формирования правительства совершенно неприемлемой для него. Он не собирался делать обязательные визиты президенту, председателям палат парламента и требовал чрезвычайной процедуры, при которой не будет обсуждения парламентом состава будущего правительства и его программы. И уж, конечно, генерал де Голль не собирался лично присутствовать на дебатах в Бурбонском дворце. Такой ответ отнюдь не был простым проявлением неприязни к парламенту; речь шла о том, чтобы оттянуть время и подождать, пока произойдут такие события, которые наверняка заставят депутатов голосовать за де Голля.

А эти события надвигались. После провала попыток Плевена президент 8 мая поручает формирование нового правительства лидеру МРП Пьеру Пфлимлену. Он предлагал вполне правую программу, отвечавшую новым устремлениям крупной буржуазии. В области внутренней политики — резкое укрепление исполнительной власти и чрезвычайные меры в экономике, а в Алжире — некоторая склонность к компромиссу. Он даже допускал возможность переговоров о мире. Это и вызвало взрыв ярости среди поборников «французского Алжира».

Алэн де Сериньи после переговоров с Сустелем и Дельбеком немедленно обращается к генерал-губернатору Лакосту, единомышленнику «ультра», предлагая ему отказаться уезжать из Алжира до тех пор, пока в Париже не будет создано правительство «общественного спасения». Сериньи обещает, что эти действия Лакоста получат публичное одобрение де Голля. Лакост сначала соглашается, но потом, 10 мая, тайно уезжает из Алжира. Правда, перед этим он поручает передать заговорщикам, чтобы они действовали как можно энергичнее.

Известие о формировании правительства Пфлимлена побудило к немедленным действиям и клику алжирских генералов. В ночь с 9 мая на 10 мая президент получил ультимативное письмо от генералов Салана, Аллара, *УКуо* и Массю. В нем говорилось: «Переживаемый страной кризис показал наличие глубоких разногласий между политическими партиями по алжирскому вопросу. Сообщения печати дают основание считать, что предполагается осуществить путем дипломатической процедуры, которая началась бы с переговоров о „прекращении огня“, отказ от Алжира… Вся французская армия, как один человек, будет глубоко оскорблена, если мы откажемся от этого национального достояния. Нельзя предугадать, что она предпримет в своем отчаянии».

Эта телеграмма означала не только выступление армии на

политическую сцену и попытку давления на государство, это была открытая угроза военного мятежа. Отметим, однако, что имя генерала де Голля в ней не упоминалось.

Главные события развернулись 13 мая. В этот день по призыву алжирского «Комитета бдительности», объединявшего представителей 17 фашистско-колонизаторских организаций, в городе Алжире должна была состояться всеобщая забастовка и демонстрация. А в этот же самый день в Париже депутаты парламента собрались для обсуждения вопроса об утверждении полномочий Пфлимлена на формирование правительства. Программа нового кандидата в премьеры вызвала резкую оппозицию как справа, так и слева. Предварительный подсчет показывал, что его провалят 20 голосами. В кулуарах голлисты и представители «ультра» вели обработку депутатов с этой целью. В 6 часов вечера голлисты и парижские «ультра» организовали демонстрацию, направлявшуюся от Триумфальной арки к Бурбонскому дворцу. Собралось всего несколько тысяч человек, и они сразу рассеялись, натолкнувшись на заслон полиции. На стенах зданий остались лишь сотни плакатов с надписью: «Призовите де Голля, и Франция вновь станет Францией!» Но парламент пока никак не реагировал на эти призывы. На случай провала Пфлимлена уже обсуждались неофициально планы создания правительства «национального единения», которое включало бы представителей всех некоммунистических партий, «от Ги Молле до Антуана Пинэ». Обстановка резко переменилась, когда депутатам объявили, что в Алжире только что произошел военно-фашистский мятеж…

А там в этот прекрасный солнечный день все магазины и учреждения после полудня закрываются. Центр города наполняют сторонники «ультра», собираясь вокруг памятника погибшим на бульваре Лаферьер. Туда же прибыли генералы Салан и Массю, чтобы возложить венок; ведь поводом для демонстрации была казнь трех французских солдат алжирскими повстанцами в ответ на расправу французов над несколькими алжирскими патриотами. Выполнив свою миссию, генералы уехали, а вскоре на цоколь памятника погибшим забрался Пьер Лагаярд. Этот главарь молодежной экстремистской организации, младший лейтенант запаса, был одет в форму парашютиста. Он громко призывал к захвату здания генерал-губернаторства. Несколько сотен «активистов» устремились за ним к площади Клемансо, которую обычно называли Форумом. Охранявший здание отряд республиканской безопасности, бросив несколько гранат со слезоточивым газом и не сделав ни одного выстрела, быстро отступил. Нападавшие ворвались в здание и начали погром. Из

окон выбрасывались папки с бумагами, в зале был разбит бюст Республики. Лагаярд потом рассказывал: «Мы орали во всю глотку, стараясь заставить себя выслушать. Никто не хотел брать на себя ответственность. Меня ругали все, поскольку во мне видели зачинщика, пока, наконец, не приехал генерал Массю… Он орал на всех — вы знаете, в каком тоне он разговаривает».

Действительно, окруженный своими парашютистами, одетый, как и они, в пятнистый комбинезон и красный берет, генерал закричал на Лагаярда: «Что здесь за бордель? Почему вы в военной форме?» Лагаярд отвечал, что он хотел объединить солдат и гражданских, создать «Комитет общественного спасения» и спасти Алжир. Между тем прибыл командующий генерал Салан, Дельбек и другие военные.

Начались шумные, бестолковые переговоры по поводу «Комитета общественного спасения». Узурпация названия, освященного историей Великой французской революции, в пользу ультраколонизаторов выглядела нелепым фарсом.

Однако споры мятежников имели весьма серьезный характер. Захватившие здание молодчики Лагаярда, все эти фашисты, пужадисты, монархисты, вишисты и прочие «ультра», не очень-то симпатизировали де Голлю. Военные колебались, как, например, Салан. А надежных голлистов, возглавлявшихся Дельбеком, было мало. Кто же возьмет верх? Пока «комитет» составили из представителей всех тенденций. Председателем стал генерал Массю. Еще мало кто знал, что этот любимец алжирских «ультра» в душе склоняется к голлистам. Во всяком случае, в первой телеграмме, посланной Массю в Париж, содержалось только требование создать правительство «общественного спасения». О де Голле ни слова! Но вот настал момент и для алжирских мятежников испытать, в свою очередь, нервный шок. В 3 часа ночи им стало известно, что Пфлимлен получил вотум доверия! Выходит, вся затея провалилась? Ведь мятежники добивались именно того, чтобы преградить ему путь к власти и открыть этот путь представителям «ультра». Заговорщиков охватила паника, послышались возгласы: «Мы погорели!» «Нас расстреляют!»

Вот тогда-то голлистам и представился подходящий случай напомнить мятежникам, что есть прекрасный выход из положения: прибегнуть к высокому авторитету генерала де Голля. Он спасет мятежников! За эту идею сразу ухватились, и в 5 часов утра в Париж полетела новая телеграмма за подписью Массю, одобренная всеми членами «Комитета общественного спасения»: «Комитет настоятельно просит генерала де Голля соблаговолить нарушить молчание и обратиться к стране с целью создания правительства „общественного спасения“, ибо только оно одно в

состоянии спасти Алжир от опасности быть покинутым Францией».

Но каковы будут результаты этого демарша и когда они станут известны? Генерал де Голль молчит, поведение правительства понять совершенно невозможно. С одной стороны, Пфлимлен осудил в парламенте мятежников. Только благодаря этому он и получил власть. 160 депутатов-коммунистов намеревались голосовать против нового реакционного кабинета, но, узнав о мятеже, они изменили свое решение. Политбюро ЦК ФКП так определило свою позицию: «Любые усилия правительства в защиту Республики, ее институтов и свобод могут рассчитывать на полную поддержку рабочего класса и народных масс».

Но осудив мятежников, отдав приказ о прекращении связи с Алжиром, об аресте сотни правых экстремистов, правительство Пфлимлена одновременно подтвердило полномочия генерала Салана осуществлять власть в Алжире. «Для нас главное, — говорил Пфлимлен, — это не закрыть перед генералами путь для возврата к законности».

В действительности самое главное для этого правительства заключалось в другом. Оно не хотело опереться в борьбе с фашизмом на рабочий класс, на компартию. Оно больше всего боялось тени Народного фронта.

А в Алжире весь день 14 мая прошел в замешательстве. Военные заявили, что они не мятежники и могут даже ликвидировать «Комитет общественного спасения», если он не будет подчиняться военным властям. Возник конфликт между военными и гражданскими «ультра». Что касается обращения к генералу де Голлю, то только в одной телеграмме правительству Салан требовал «призвать национального арбитра», но имя его не назвал. Более того, он заверял президента Коти в своей лояльности и в том, что он делает все для установления контроля над мятежом. Салан мучительно колебался вплоть до 15 мая, когда ему надо было выступить перед огромной толпой, снова собравшейся на Форуме. Он произнес короткую речь, закончив ее лозунгом: «Да здравствует французский Алжир!», и уже отодвинулся от микрофона. Но стоявший за его спиной Дельбек вдруг решительно задержал генерала, громко прошептав ему на ухо: «Кричите: Да здравствует де Голль!» Салан машинально повторил призыв, радио разнесло его, а толпа ответила бурной овацией. Бледный, дрожащий генерал сошел с балкона. Когда Салан уже вернулся в свой штаб, он все еще не мог успокоиться. В ответ на недоумение своего окружения, настроенного против де Голля, он пробормотал: «Я не кричал: „Да здравствует де

Голль!“… Как, они уверяют, что я это сказал?.. Ну, ладно! Тем хуже! Я согласен!»

…Как и в каждую среду, 14 мая генерал де Голль приезжает из Коломбэ в Париж и останавливается в отеле «Лаперуз». Правда, намеченные на этот день некоторые встречи отменяются. Но генерал все же принимает трех посетителей: бывшего министра Жоржа Боннэ, своего издателя Шарля Оренго, а также соратника по «Свободной Франции» Пьера Клостермана. Де Голль скептически высказывается в отношении шансов на возвращение к власти: партии объединятся против него. Оставшись один, генерал погружается в раздумье. В какой мере поколеблен режим? Когда следует ему выступить? Если сделать это слишком рано, то возникнет опасность его отождествления с мятежниками. Если сделать это слишком поздно, правительство и партии могут найти какой-то выход и события пройдут мимо него. В чем генерал сейчас особенно нуждается, так это в информации. Ведь он даже ничего не знает о телеграмме Массю, призывающей его к власти. Он хочет, чтобы его сотрудники Оливье Гишар и Жак Фоккар выяснили прежде всего два вопроса: каково положение голлистов в Алжире и каково отношение генералов к де Голлю?

Устанавливается связь с представителем Салана в Париже, и тот обещает ответить завтра. Через связных Дельбека пытаются выяснить обстановку в Алжире, особенно позицию военных. Дельбек сам еще не может сообщить ничего определенного. Он лишь просит де Голля выступить как можно скорее, ибо есть опасность сговора Салана с правительством. Де Голль долго сидит один и тщательно работает над каким-то документом. Затем он передает его своим секретарям. Вечером 14 мая генерал возвращается в Коломбэ. На другой день, 15 мая, он получает по телефону новые сведения: проясняется роль Салана, только что выступившего на митинге, все очевиднее полнейшая беспомощность и нерешительность правительства. В целом ситуация кажется более благоприятной, чем накануне. Генерал принимает решение. Во второй половине дня он звонит в Париж на улицу Сольферино и приказывает передать написанный им вчера документ главе правительства и представителям печати. Около 6 часов вечера 15 мая 1958 года информационные агентства и радио передают следующий текст заявления де Голля:

«Деградация государства неизбежно влечет за собой отчуждение союзных народов, волнения в действующей армии, раскол внутри нации, утерю независимости. Вот уже 12 лет, как Франция старается разрешить проблемы, непосильные для режима партий, и идет к катастрофе. Некогда в тяжелый для нее час страна доверилась мне, с тем чтобы я повел ее к спасению.

Сегодня, когда стране предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов принять на себя все полномочия Республики».

Генерал де Голль оставил в наследство историкам несметное количество разных заявлений и призывов. Но этот текст имеет особое значение. Прежде всего потому, что он является самым, так сказать, «голлистским». В нем исключительно ярко проявились стиль и методы генерала: краткость и скрытность. Без таинственности нет престижа, считал генерал, и 15 мая ничего не сказал о самом главном — об Алжире, даже не упомянув этого слова. Он не осудил мятеж, но и не присоединился к нему. Правда, своим заявлением он спас его от провала, дав ему реальную политическую перспективу. Ведь мятеж был ему пока еще очень нужен, чтобы держать правительство в страхе.

Ясно было одно: де Голль намерен взять власть. Он не выдвинул никакой конкретной программы, заменив ее возвышенной абстракцией «спасения» страны. Он никому ничего не обещает конкретно и в то же время обещает все и всем. Он не связывает себе заранее руки каким-либо планом. Он уверен в себе и самим таинственным тоном этой уверенности внушает веру в генерала де Голля. Он бьет не на разум, а на чувства, опирается не на политические склонности, а на психологию подчинения толпы таинственному обаянию вождя. Он выступает как сама судьба, провидение, ибо именно де Голль, как он напоминает об этом, уже однажды сотворил «чудо» национального спасения.

Генерал де Голль не хочет выступать в роли вождя мятежников, предпочитая законный путь к власти. Но политикам, партиям, парламенту, от которого все зависит, он не обещает ничего. Напротив, он вновь безоговорочно осуждает их «систему». Что это? Уж не отсутствие ли элементарного тактического расчета? Или случайность? Нет, генерал никогда и ничего не делал случайно. Пока ему надо лишь завязать диалог. Он знает, что люди из «Отель Матиньон» и Бурбонского дворца, которые сейчас мечутся в поисках выхода, всегда предпочитают уход от ответственности, и дает им возможность выпутаться из положения. Ведь он берет все на себя одного…

Пусть печать разочарованно пишет об отсутствии у него конкретных планов, пусть его обвиняют в диктаторских устремлениях, пусть алжирские «ультра» недовольны его молчанием об Алжире! Ведь все равно им нечего противопоставить ему, де Голлю. А иначе, как он сказал, катастрофа! И пусть поработает испуганное воображение…

При этом он великолепно учитывает, что есть единственная реальная альтернатива — объединение всех левых вместе с коммунистами. Но он безошибочно чувствует панический страх

перед этим выходом всей буржуазии, всех ее партий, и даже социалистов. Ведь не случайно к нему уже обращался президент Коти, не случайно Ги Молле в последние дни тайно встречался с его верным Гишаром в маленьком отеле напротив «Матиньон», с другой стороны улицы Варенн, в глубине двора, и выспрашивал о намерениях генерала.

И расчет оказался верным. Рыба клюнула на приманку. Уже на другой день поплавок ушел в воду, ибо не кто иной, как Ги Молле, занимавший теперь пост заместителя главы правительства, выступил в Национальном собрании и, подчеркнув свое, «большое уважение и большое восхищение» по отношению к генералу, просил его ответить на три вопроса: признает ли он правительство Пфлимлена в качестве единственного законного; осуждает ли он мятежные «комитеты общественного спасения»; будет ли он соблюдать конституционную процедуру в случае, если ему поручат сформировать правительство?

Генерал де Голль не отвечает на конкретные вопросы Ги Молле, ибо он намерен говорить со всей страной и о том, о чем он сам считает нужным сказать. Назначая пресс-конференцию на 19 мая, он не сомневается, что в предстоящие дни правительство еще нагляднее обнаружит свою беспомощность и нерешительность, а мятежники усилят свой нажим на Париж. Так и получилось, когда 19 мая после полудня в «Пале д'Орсэ», окруженном пятью тысячами полицейских, он впервые с июля 1955 года предстал перед взорами восьмисот журналистов. Его слова дышат уверенностью, благожелательностью, даже любезностью. И вообще он в великолепной форме, притом отнюдь не в военной. Генерал одет в штатский костюм.

«Я одинокий человек, — говорит де Голль, — который не смешивает себя ни с одной партией, ни с одной организацией… Я человек, который не принадлежит никому и принадлежит всем».

В этих словах сама суть тактики генерала. В соответствии со своей неизменной линией он хочет будто бы объединять нацию, а не раскалывать ее. В действительности, как всегда, он имеет опору среди самых разнородных сил. Что касается отсутствия «связей», то как же понять его многолетние отношения с голлистами, такими как Дельбек или Сустель? К тому же он вновь отказывается осудить мятежников, ссылаясь на пример правительства, которое даже наделило Салана официальными полномочиями. «Правительство, — говорит де Голль, — не осудило его. Почему же я, не являющийся правительством, должен это делать?» В самом деле, как он может осуждать его, если мятеж является его важнейшим орудием, которое может

пригодиться? В момент пресс-конференции он уже знал, что несколько офицеров-парашютистов прибыли из Алжира, чтобы подготовить перенесение операции в метрополию…

В ответ на опасения в отношении его диктаторских намерений генерал с великолепным негодованием восклицает:

«Неужели вы думаете, что в возрасте 67 лет я хочу начать карьеру диктатора?» Аргумент эффектный, но не очень убедительный; история свидетельствует, что с возрастом властолюбие часто возрастает.

Он напоминает, что после войны восстановил Республику, хотя мог навязать свою власть. Он аккуратно перечисляет прогрессивные реформы, которые он провел в то время. Разумеется, он не упоминает, что иного выхода у него просто не было в тех условиях.

Но, пожалуй, самый любопытный момент пресс-конференции наступил, когда изумленные журналисты увидели внезапное превращение сурового «Коннетабля» в типичного парламентского деятеля, с обычной хитростью и лестью обрабатывающего депутатов перед важным голосованием. Это произошло, когда он начал высказывать комплименты в адрес социалистов. Всем было известно, как он их презирал, но сейчас в их руках находился ключ к парламенту.

Он назвал социалиста Робера Лакоста, бывшего губернатора Алжира, «своим другом». Но верх любезности де Голль проявил по отношению к Ги Молле: «Я глубоко уважаю Ги Молле. Во время войны он боролся, рискуя всем, за Францию и за свободу. Он был моим соратником…» Вспоминая свое первое посещение Арраса, где Ги Молле был мэром, он упомянул, что тот был рядом с ним на балконе ратуши, когда он обращался к населению с речью. Всегда отличная память на этот раз подвела генерала. Ги Молле не был на балконе. Впрочем, в таком театральном контексте, где все придумано, эта забавная ошибка выглядела вполне логично.

Закончив пресс-конференцию, продолжавшуюся почти час, де Голль так и не высказался по самому важному, алжирскому вопросу. В заключение он заявил: «Я сказал все, что намерен был сказать. Сейчас я возвращаюсь в свою деревню и буду оставаться там в распоряжении страны».

Выступление 19 мая серьезно отличалось от краткого, сурового заявления 15 мая. Тогда он нанес жестокий удар кнутом политической кляче Четвертой республики, теперь же он пытается успокоить спотыкающееся, обессиленное животное с помощью ласковых слов. Генерал хотел смягчить, умаслить оппозицию слева, социалистов. Пока это не удается. Ги Молле все

еще никак не может уломать свою партию, совсем не расположенную к установлению власти де Голля. Но зато другой, правый фланг противника быстро переходит на сторону де Голля. Антуан Пинэ, лидер правой партии «независимых», решил открыто поддержать де Голля. Когда Ги Молле умолял его войти в правительство, чтобы создать «национальный союз» против мятежников и против де Голля, но главным образом против коммунистов, Пинэ ответил: «Нет, господин Ги Молле… От Парижа до Алжира существует один общий знаменатель: де Голль. Нужно обратиться к генералу… Либо он останется исторической личностью, либо вновь войдет в современность, чтобы вписать в историю новые страницы».

22 мая Антуан Пинэ едет в Коломбэ, предварительно встретившись с президентом Коти и премьером Пфлимленом: «Я скажу генералу все, что у меня на душе, даже если он выставит меня за дверь». Нет, де Голль встретил гостя очень любезно и беседовал с ним почти два часа. Обсуждается опять вопрос о форме передачи власти де Голлю. Он по-прежнему отказывается выполнять парламентские «обряды». Пинэ выясняет взгляды генерала по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики. Особенно его волнует Атлантический союз. Де Голль не против него, но не скрывает желания «навести в нем порядок». По всем вопросам генерал стремится рассеять опасения Пинэ, не поступаясь при этом своими намерениями. Лидер правых («самых тупых в мире», как говорил Ги Молле) вполне удовлетворен.

Он так передавал свои впечатления: «Я нашел не Людовика XIV, а очень приветливого, очень человечного человека, пекущегося об интересах нации. Это — великий человек, великий француз». Вернувшись в столицу, он сразу же направляется в «Отель Матиньон» и рассказывает Пфлимлену о своей беседе: по его мнению, нужно «вводить» де Голля. А генерал продолжает переговоры, уговоры, заверения, улыбки и не скупится па комплименты. В тот же день, 22 мая, он устанавливает связь с группой радикалов Мендес-Франса, которые еще больше социалистов опасались де Голля.

Но не пора ли ускорить события? И де Голль пускает в ход главные резервы — мятежных алжирских генералов. 23 мая он направляет теперь уже открыто, почти официально послание Салану, требуя от него отчета о событиях. Послание передается через начальника штаба армии генерала Лорийо. Следовательно, все будет известно правительству. Но это и требуется, чтобы склонить Париж побыстрее капитулировать перед Коломбэ.

24 мая замешательство, царившее в правительственных кругах, превращается в панику. Алжирские мятежники

захватывают по инициативе Сустеля остров Корсику. Руководят операцией известные голлисты. Среди них родственник де Голля по линии жены Анри Мэйо. Теперь слухи о возможной высадке в Париже парашютистов генерала Массю приобретают прочную почву. Но одновременно усиливаются антидеголлевские настроения в парламенте, особенно среди социалистов. 25 мая Ги Молле направляет письмо де Голлю, в котором говорится, что после событий на Корсике его возвращение к власти без осуждения мятежников приведет к тому, что «коммунисты окажутся единственными защитниками Республики и свободы». А это вызывает у него ужас. Вслед за тем другой лидер социалистов — Венсан Ориоль тоже пишет, что его партия может оказать генералу свою поддержку, только если он осудит мятежников. Де Голль отвечает уклончиво, подтверждая, что он будет действовать законно, а в алжирском мятеже он «никак не был замешан». Что касается Пфлимлена, то он все еще отказывается ехать на поклон в Коломбэ, чтобы предложить де Голлю власть, хотя, по существу, он уже согласился с этим и его тревожит лишь форма передачи своих полномочий. Ну что ж, генерал поможет ему выйти из затруднительного положения.

26 мая Пфлимлену передают письмо де Голля, указывающего, что встреча между ними необходима, что она должна быть секретной и состояться сегодня вечером. Если глава правительства откажется от нее, то генерал де Голль оставляет за собой право информировать об этом страну. Через несколько часов из «Отель Матиньон» в сопровождении мотоциклистов выезжает автомобиль главы правительства, роль которого исполняет один из сотрудников премьера. Одновременно через гараж бесшумно выходит другая, совсем незаметная машина и направляется в Сен-Клу. Дело в том, что по какой-то странной фантазии или случайности встреча состоялась в одном из зданий Сен-Клу, где некогда происходили самые драматические сцены наполеоновского переворота 18 брюмера. Правда, Бонапарт имел здесь 10 тысяч солдат, которых он и направил в дело, после того как был с позором изгнан из Совета пятисот, где его бессвязную речь не захотели слушать. Бонапарт разогнал депутатов с помощью штыков. У де Голля нет солдат, если не считать далеких алжирских парашютистов. А главное, времена ныне не те. Поэтому ему приходится вести значительно более тонкую игру, действуя с помощью слов, уговоров, двусмысленных маневров… Пфлимлен просит генерала осудить алжирский мятеж и захват Корсики, прежде чем начинать переговоры о власти. Де Голль отказывается. Переговоры закончились без всякого соглашения. В 5 часов утра 27 мая де Голль вернулся в Коломбэ. Прошло шесть

часов, и он начал диктовать по телефону в Париж своим секретарям текст нового заявления для печати: «Вчера я начал обычный процесс, необходимый для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны».

Можно представить себе изумление Пфлимлена, когда он читал эти слова! Секретная встреча совсем не походила на «обычные консультации». К тому же и окончилась она безрезультатно. Эмманюэль д'Астье писал по этому поводу: «Назвать лжецом Великого провидца у г-на Пфлимлена не хватало нахальства». Тем более что именно 27 мая правительство узнало по секретным каналам о предстоящем в этот день десанте алжирских парашютистов в столице. Некоторые министры считали, что новое выступление де Голля предотвратило такую угрозу. Ведь он предупреждал в своем заявлении, что любое нарушение общественного порядка, откуда бы оно ни последовало, могло бы иметь тяжелые последствия и что он не одобрил бы его. Де Голль призвал также вооруженные силы в Алжире подчиняться своему командованию, которому он выражал доверие и обещал поддерживать с ним связь.

Весь тщательно продуманный документ создавал впечатление, что де Голль предотвращает гражданскую войну, что кроме него никто не может спасти Францию от такого бедствия. С другой стороны, он как бы осуждал косвенно мятеж, выполняя тем самым условие, которое выдвигали лидеры нескольких политических партий. Теперь правительство Пфлимлена искало лишь Повода для отставки. Для этого 27 мая оно внесло на рассмотрение Национального собрания проект реформы конституции, который предусматривал резкое усиление исполнительной власти и ограничение прав парламента. Правительство рассчитывало, что, поскольку коммунисты осудили реформу, они проголосуют против и кабинет уйдет в отставку, очистив место де Голлю. Однако, разгадав смысл всей игры, коммунисты решили голосовать за проект.

«Мы не дадим вам алиби! — говорил с трибуны представитель компартии Жак Дюкло. — Франция будет знать, что ваш текст принят, а вы сбежали, чтобы уступить место узурпатору!»

Но правительство решило, что теперь ему не до престижа, и мечтало лишь избавиться от ответственности. Получив небывало прочное большинство, оно все же решило немедленно уйти. На последнем заседании кабинета Пфлимлен объяснил это так: «Посмотрим в лицо фактам: мы — это призрачное правительство… Не будем тратить слов попусту. Власти у нас

нет».

Казалось, дело идет к развязке, но в тот же день опять все усложняется. На заседании парламентской группы и руководства социалистической партии принимается такая резолюция: «Призванный мятежниками Алжира и Корсики генерал де Голль сообщил недавно, что приступил к тому, что он называет „обычным процессом“ с целью формирования правительства. Депутаты-социалисты заявляют, что… они ни в коем случае не поддержат кандидатуры генерала де Голля, которая по форме и условиям ее выдвижения является в любом толковании вызовом республиканской законности».

Выступая против передачи власти де Голлю, социалисты занимали позицию, сходную с линией коммунистов, которые давно уже предлагали совместные действия в защиту демократии. Эти две партии вместе с радикалами и другими левобуржуазными группировками могли бы составить реальное большинство в Национальном собрании. Это было бы фактически базой для возрождения Народного фронта. Реальность его появления подтвердилась на следующий день, 28 мая, когда по призыву левых партий в Париже состоялась огромная демонстрация против фашистского мятежа. Сотни тысяч людей прошли по улицам города, провозглашая демократические призывы. Особенно часто звучал лозунг: «Де Голля — в музей, парашютистов — на заводы!» И другие факты говорили о способности демократических сил противостоять заговорщикам. Только отчаянные махинации Ги Молле и ему подобных сорвали всеобщую забастовку. Трудящиеся вполне могли преградить путь мятежникам, даже если бы парашютисты действительно прилетели из Алжира. Реальная мощь заговорщиков в метрополии не соответствовала тому шуму, который они производили.

Утром 28 мая в Коломбэ прибыл заместитель Салана генерал Дюлак с несколькими офицерами, переодетыми в гражданское. Дюлак сообщил де Голлю, что в Алжире всем надоели увертки Национального собрания и там не хотят больше откладывать высадку парашютистов. Де Голль поинтересовался численностью войск, готовых для переворота в Париже. Дюлак ответил, что из Алжира прибудут два полка парашютистов и к ним примкнут несколько соединений, расположенных около столицы. Де Голль заметил, что этого недостаточно. В ответ на сообщение Дюлака, что в случае десанта за де Голлем будет послан в Коломбэ специальный вертолет, он сказал: «Я не могу вернуться в Париж на мятежном вертолете. Мое желание состоит в том, чтобы мне дали возможность спокойно завершить мою инвеституру. До

свидания, мой генерал!»

Сразу после отъезда разочарованного и недоумевающего алжирского посланца в Коломбэ приезжает другой гость, чтобы получить первое назначение на высокий пост в еще не существующем правительстве де Голля. Это был Жорж Помпиду, по образованию специалист-филолог, который с 1944 года работал в кабинете де Голля. После отставки генерала он стал его близким неофициальным сотрудником в РПФ. В последние годы он — генеральный директор банка Ротшильда. Де Голль предлагает ему перейти с этой службы на должность начальника его будущего кабинета. Помпиду отлично осведомлен о ходе дел в политических верхах Четвертой республики. Вместе с генералом он определяет состав будущего правительства, как будто вопрос о его создании уже решен. А он и в самом деле решен, ибо де Голль безошибочно чувствовал, что политические лидеры, еще стоящие формально у власти, пойдут на все, чтобы спасти главное — неприкосновенность социального строя. И любой намек на возможность объединения левых сил мог лишь усилить их нетерпение в передаче власти де Голлю.

События развивались именно таким образом. Лишь только уехал Помпиду, как из Парижа позвонил Оливье Гишар и сообщил, что президент Ренэ Коти принял рано утром отставку Пфлимлена и договорился с председателями обеих палат парламента об их тайной встрече с де Голлем для обсуждения условий передачи ему власти. Генерала просили быть к десяти часам вечера там же, где он ночью встречался с теперь уже бывшим главой правительства.

Второй раз генерал отправляется в Сен-Клу. Но там ему пришлось ждать больше часа. Если председатель сената Гастон Моннервиль сразу согласился ехать, то председателя Национального собрания Ле Трокера пришлось долго уговаривать. И при встрече с де Голлем этот социалист оказался крайне несговорчивым, решительно возражая, например, против требования генерала предоставить ему на два года чрезвычайные полномочия. Генерал не захотел уступать, договориться не удалось, и в три часа ночи он вернулся в Коломбэ.

Утром, в половине девятого, президент Коти вызвал к телефону адъютанта де Голля полковника Бонневаля (генерал еще спал) и сообщил ему, что он решил направить послание Национальному собранию, требующее инвеституры, то есть согласия на формирование правительства де Голля. Он просил также генерала прибыть в Елисейский дворец для личной встречи.

В Париже в это время Ги Молле и другие правые лидеры

социалистов добиваются отказа своих депутатов. от принятого 27 мая решения голосовать против де Голля. В конце концов это решение было отменено 77 голосами против 74. Характерно, что за отмененную резолюцию ранее проголосовало 117 против 3.

А де Голль снова в дороге. Он едет в Париж и в половине восьмого вечера входит в Елисейский дворец через калитку с авеню Мариньи. Несколько часов спустя публикуется сообщение о том, что правительство де Голля получит чрезвычайные полномочия, подготовит новую конституцию и представит ее на референдум. Но многие вопросы остаются еще нерешенными. Де Голль остается в Париже.

30 мая он принимает лидеров социалистов: Ги Молле, Ориоля, Дейксона. Он отвергает обвинения в стремлении к диктатуре, обещает сохранить принцип ответственности правительства перед парламентом и даже лично выступить с декларацией в Национальном собрании. Он уступает только в деталях, в мелочах, сохраняя свои позиции в главном. Теперь он уже уверен в успехе своего дела. В этот день Помпиду водворяется в отеле «Лаперуз» и приступает к своим обязанностям, получив на полгода отпуск в банке Ротшильда.

А в 3 часа дня в Бурбонском дворце открывается заседание Национального собрания и его председатель Ле Трокер без всякого энтузиазма зачитывает послание президента: «Итак, мы на пороге гражданской войны… я обратился к самому выдающемуся французу…» В заключение президент предупреждал, что если собрание проголосует против де Голля, то он уйдет в отставку.

31 мая де Голль по совету Помпиду принимает в отеле «Лаперуз» 26 депутатов — лидеров всех некоммунистических групп, чтобы рассеять их сомнения, преодолеть колебания. Он сдержанно любезен и снисходит до улыбки. В соседней комнате в это время Помпиду составляет список членов правительства, в которое решено включить представителей всех партий, обещавших голоса де Голлю.

В воскресенье 1 июня генерал де Голль впервые с января 1946 года появляется в зале заседаний Бурбон-ского дворца, который он презрительно называл «театром теней». Он усаживается на правительственной скамье, затем зачитывает составленную в крайне общей форме декларацию и сразу удаляется. Присутствовать на дебатах он, вопреки обычаю, так и не согласился.

Происходит голосование, результаты которого предрешены: 329 — за, 224 — против. Кроме коммунистов против голосуют около половины социалистов, левые радикалы во главе с Мендес-

Франсом, которого де Голль считал одним из самых способных политических деятелей. «Каковы бы ни были мои чувства к генералу де Голлю, — заявил он, — я не буду голосовать за его инвеституру. Я не признаю голосования под угрозой вооруженного мятежа и военного переворота. Решение, которое будет сейчас принято, не является свободным — оно продиктовано».

Генерал великодушно прикрывает этот очевидный факт совершенно невероятными в его устах любезностями по адресу депутатов, когда 2 июня он представляет на их одобрение закон о чрезвычайных полномочиях его правительства: «Если некоторые сомневаются, пусть они знают, какое для меня удовольствие и честь быть в этот вечер среди вас». А в связи с вопросом о новой конституции он заявляет: «В случае если результаты голосования, которое вы сейчас будете проводить, явятся свидетельством вашего согласия, тот, кто обращается к вам, будет этим гордиться всю жизнь».

«Париж стоит обедни!» — говорил Генрих IV, а де Голль, возвращаясь вечером в свой отель, бросит на ходу: «Я выиграл партию!»

Но и сознание долгожданной победы, которая сразу дала ему небывалые возможности для действия, не избавило его от склонности всему придавать мрачную, пессимистическую окраску. Теперь его угнетает собственная старость. «Я пришел с опозданием на десять лет… Если бы я мог рассчитывать на то, что у меня еще есть впереди десять лет…» Да, он не раз говорил, что нельзя брать на себя высшую ответственность в возрасте старше шестидесяти лет. А ему 67. Тем более поразительно, что именно теперь начинается новая полоса жизни генерала, когда он проявляет такую энергию, волю, целеустремленность, страсть к действию, что окружающие его значительно более молодые люди приходят в изумление. Он как бы подтверждает известную истину о том, что старость — это иллюзия молодости.

Расплата

Генерал де Голль превращается из деревенского жителя в хозяина «Отель Матиньон». Мадам де Голль спокойно налаживает простую, размеренную жизнь в комнатах второго этажа, обставленных мебелью во французском духе. Старое здание, где когда-то находилось посольство Австро-Венгрии, меняет свой прежний хмурый облик. Двор больше не служит стоянкой автомобилей, часовые каждый день одеты в парадную форму. В глубине прекрасного парка, где множество птиц, в музыкальном павильоне устраивается часовня. Может быть, теперь генерал отдохнет от напряжения последних недель, от бессонных ночей, от всех этих передряг, из которых он вышел победителем? Напротив, сейчас ему предстоит совершить то, в чем оказались бессильны все эти умудренные опытом, знаниями и хитростью многочисленные деятели наконец-то сокрушенной им «системы».

Впрочем, состав правительства, сформированного де Голлем, вызывает у многих изумление. Здесь фигурируют весьма знакомые лица: вице-премьерами, то есть заместителями де Голля, стали Ги Молле и Пьер Пфлимлен. Министерство финансов возглавил Антуан Пинэ. И так обстоит дело со всем кабинетом, в котором, как на Ноевом ковчеге во время потопа, представлены все разновидности «князей» Четвертой республики. Голлистов лишь трое: министр юстиции Мишель Дебрэ, министр по делам фронтовиков Эдмон Мишле, министр информации — Андрэ Мальро, при этом двое последних вовсе не принадлежат к тем, кто выражает чаяния алжирских мятежников.

Вот почему сообщение о составе правительства де Голля повергло их в недоумение и возмущение. Им трудно понять, что генерал должен расплачиваться за голоса, полученные 1 июня, и многое другое. Алэн де Сериньи писал в своей газете «Эко д'Альже»: «Никто из тех, кто проявил наибольшую веру в будущее французского Алжира, не сидел в воскресенье на правительственной скамье — ни Бидо, ни Сустель и никто из их товарищей по борьбе…»

4 июня 1958 г. Выступление на Форуме в Алжире

Де Голль, конечно, предвидел реакцию алжирских «ультра» и сразу направил генералу Салану телеграмму: «Буду у вас в среду. Ждите меня, соблюдая спокойствие и не теряя веры».

4 июня де Голль прилетает в Алжир. Толпы встречают его по всему пути следования от аэродрома. На Форуме перед огромным скоплением людей генерал поднимает руки и ждет, пока смолкнет, наконец, овация. Тогда он бросает первую фразу: «Я вас понял!» Снова шум и крики. И он произносит речь, где много слов о братстве, величии, великодушии Франции, но нет того, чего ждут от него стоящие рядом лидеры мятежа Салан, Сустель и другие, что одно только и может быть признаком «понимания»: «французский Алжир» и «интеграция». Правда, он как будто верит в пресловутое «алжирское чудо», в невероятную комедию франко-мусульманского «братания», которую организовали парашютисты генерала Массю. Де Голль заявляет, что отныне в Алжире «существует только одна категория жителей». Однако заветных

слов все же не слышно…

Главари мятежа едва скрывают свое возмущение тем, что в правительство де Голля не включен даже Сустель. Генерал, впрочем, улавливая все, бросает в беседе с ними, что скоро Сустель («мой друг Сустель», — уточняет он) получит достойное его высокое назначение. Пока же они отводят душу тем, что не дают сопровождавшим де Голля министру по делам Алжира социалисту Лежену и двум другим его коллегам появиться на балконе перед толпой вместе с генералом. Их внезапно запирают в соседней комнате.

Де Голль объезжает города Алжир, Константину, Бон, Оран, Мостаганем. На одном из митингов постоянные возгласы «Да здравствует Сустель!», наконец, выводят генерала из себя, и он кричит в микрофон: «Я прошу вас, замолчите, замолчите!» Военные руководители мятежа тревожно смотрят на генерала, но молчат и выжидают, подавленные его авторитетом и уверенностью в себе. Наконец, в Мостаганеме он единственный раз восклицает: «Да здравствует французский Алжир!» Уж не присоединился ли он к «ультра»? Нет, в Париже в ответ на недоумение своих сторонников слева он говорит: «Да, это вырвалось у меня. Но разве не говорят обычно: „французская Канада“, „французская Швейцария!“»

Одним своим появлением в Алжире де Голль все же решает самую неотложную задачу: потушить мятеж, не присоединяясь к программе «ультра». Но они уже чувствуют это, и 5 июня предупреждением звучит выступление Дельбека по алжирскому радио: «Единство за генералом де Голлем, но не любой ценой… Мы перешли Рубикон не для того, черт возьми, чтобы усесться на берегу с удочкой. Мы пойдем до конца в том, что мы начали 13 мая».

Пока же мятежные военные должны были довольствоваться орденами и новыми звездами на мундирах, которые де Голль бросил им щедрой рукой. Салан получил военную медаль — высший знак отличия, Массю — чин дивизионного генерала, Зеллер — должность начальника штаба армии и т. п. А Сустель 7 июля занял пост министра информации; лучше было держать этого неутомимого авантюриста под присмотром… В день Национального праздника 14 июля в Париж прибыли парашютисты и торжественным маршем прошли по Елисейским полям. Париж имел возможность воочию убедиться во всемогуществе де Голля: мятежные головорезы, которых в мае со страхом ожидали в столице, теперь походили на самых послушных солдат.

Что касается гражданских «ультра», то с ними генерал

церемонился еще меньше. Как только он вернулся в метрополию, алжирский «Комитет общественного спасения» принял наглую резолюцию с требованием запретить во Франции все политические партии. Де Голль немедленно реагировал на это телеграммой Салану: «По поводу досадного и несвоевременного инцидента, вызванного категорической резолюцией алжирского „Комитета общественного спасения“, я напоминаю вам, что этот комитет не имеет других прав, кроме как выражать под вашим контролем мнение своих членов».

Де Голль подчеркнуто отделял себя от алжирских «ультра» и одновременно показывал свой либерализм политическим партиям и вообще населению метрополии. Здесь находились его главные политические интересы. Для начала требовалось срочно стабилизировать экономику. В июне выпустили внутренний «золотой» заем, который быстро принес солидные средства. Буржуазия охотно приобретала облигации займа, выражая тем самым свое доверие де Голлю. Ведь ее прямой представитель, Антуан Пинэ, ведал теперь финансами. Вообще в новом правительстве оказалось необычайно много людей, связанных с банками и монополиями. Благоприятная реакция биржи, в свою очередь, не оставляла никаких сомнений относительно классовой природы новой власти. А эту власть следовало закрепить законом путем введения новой конституции.

Ее готовили необычайно быстро, по специально упрощенной процедуре, причем де Голль очень торопил комитеты, занимавшиеся этим делом. К середине августа проект был готов. Традиционный французский парламентаризм уходил в область истории. Во имя принципа «разделения властей» резко ограничивались права парламента и в меньшей степени правительства. Зато небывало широкими полномочиями наделялся президент. По статье 16 новой конституции президент мог, если он сочтет необходимым, взять на себя совершенно неограниченную власть. Все сразу догадались, кто станет президентом. Конечно, неустойчивость внутриполитического положения, зависимость от политических партий в утверждении нового строя и решении алжирской проблемы вынудили де Голля согласиться пока на сохранение некоторых элементов парламентаризма, например принципа ответственности правительства перед парламентом. Во всяком случае, конституция создавала исходный пункт для движения к небывалой персонализации политической власти. Конституция 1958 года оказалась лишь первым этапом создания институтов и методов управления Пятой республики. Многое зависело от того, как и кем применяется конституция. Пока де Голль соглашался на

определенный компромисс с партиями «системы».

В новой конституции мировоззрение де Голля, пронизанное духом истории, обращенное в прошлое, его инстинктивная склонность к монархической идее странным образом совпадали с новейшей тенденцией государственно-монополистического капитала к сильной власти. Одновременно конституция отвечала массовым антипарламентским настроениям, широко распространившимся в последние годы в обреченной на бессилие Четвертой республике.

Эклектичный характер нового конституционного документа послужил потом основой для поисков юристами прецедентов тех или иных его положений. Характер этих разных по времени и обстоятельствам прецедентов придавал конституции своеобразную целостность, которая выражалась в стремлении к максимальной независимости практических действий реальной власти от ее источника — всеобщего избирательного права. Конституционные взгляды де Голля, ярко отразившиеся, например, в 1946 году в речи в Байе, уже излагались. Интересны также проекты, которые разрабатывал во время войны Мишель Дебрэ, руководивший теперь составлением новой конституции. Именно тогда президента прямо называли «республиканским монархом», избираемым сроком на 12 лет. Такой срок был определен в соответствии со средним временем царствования в феодальной Франции. Словом, генерал создавал государство по своему вкусу, хотя оно и оказалось примерно таким, в каком остро нуждался французский крупный капитал.

Но вот текст конституции готов, и де Голль сразу же отправляется 20 августа в большую поездку по французской Черной Африке. Почему он туда поехал, хотя дел хватало и в Париже? Поездка в Алжир понятна; там был мятеж, тогда как Черная Африка оставалась еще относительно спокойной. Дело в том, что утверждение конституции и решение алжирской проблемы генерал тесно связывал с Африкой. Подобно тому как во время войны черный континент был территориальной базой «Свободной Франции», ныне он должен служить краеугольным камнем новой Франции «от Дюнкерка до Таманрассета». Новая конституция предусматривала создание огромного франко-африканского сообщества. Будущий президент Франции одновременно стал бы президентом такого сообщества..

Де Голля горячо встречали в африканских странах. Вспомнив о старой душевной ране, генерал сказал в столице Западной Африки: «Приехать в Дакар для меня всегда удовольствие, даже тогда, когда я сюда въезжаю без затруднений… Во время войны я так и не смог побывать в Дакаре!» Теплый прием, оказанный де

Голлю, объяснялся просто: африканцам хотелось видеть в нем освободителя. А он действительно говорил об их праве на независимость, которую они могут получить при голосовании на референдуме по новой конституции. Однако независимость, предупреждал де Голль, будет означать немедленный разрыв всех связей с Францией. Расчет де Голля был верен; только Гвинея решилась на такой шаг, и, казалось, план грандиозного федерального комплекса имеет большие перспективы. Все это связывалось с алжирской проблемой. «Именно для Алжира я создаю это сообщество», — говорил де Голль в Дакаре. Он рассчитывал, что алжирцы захотят, войти в сообщество и тем самым все благополучно разрешится. План был великолепен, если бы он имел какие-нибудь шансы на успех.

Но пока казалось, что все идет успешно. 28 сентября во Франции и ее заморских владениях состоялся конституционный референдум. Генерал говорил перед этим, что 70 процентов голосов «было бы успехом». За конституцию в метрополии проголосовало почти 80 процентов. «Я не из тех, кто жалуется, что голосов слишком много», — сказал де Голль. Еще бы, это его несомненная победа, объяснявшаяся сочетанием многих благоприятных факторов. Как ни странно, наименьшую роль играл сам текст конституции. Половина избирателей вообще не читала его. А наибольшее значение имела надежда многих французов, что де Голль так или иначе выведет страну из алжирского тупика. Правда, никто не представлял ясно (в том числе и сам де Голль), как он это сделает. Поэтому за конституцию голосовали одновременно сторонники «французского Алжира» и представители совершенно противоположных тенденций.

Сказалась главным образом старая вера в человека «18 июня». Голосовали за личность де Голля, а не за определенную политическую программу. Референдум оказался фактически плебисцитом. Известный социолог Раймон Арон писал: «Пятую республику породил осененный благодатью вождь». В связи с этим французские социологи определяли власть де Голля в качестве «харизматической», то есть «провиденциальной», основанной не на законах, программе или объективных социальных процессах, а на инстинктивной вере в его особые качества, на чувстве доверия и влечения к нему, на психологической реакции подчинения его таинственному обаянию. Разумеется, в такого рода «психоанализе» отражается какая-то доля истины, хотя не менее важное значение имело массовое недовольство плачевными итогами деятельности лидеров Четвертой республики.

Играли роль и другие реальные факторы, такие, например, как методы подготовки и проведения референдума. Де Голль не зря включил в правительство лидеров основных некоммунистических партий. Все они выступали за положительный ответ. Кроме коммунистов, только часть социалистов и радикалов отвергла новую конституцию. Что касается компартии, то она оказалась в довольно трудном положении. Массовый антипарламентаризм, страх перед гражданской войной и вера в де Голля захватили даже часть тех избирателей, которые обычно поддерживали компартию. Так или иначе, новый государственный строй был отныне узаконен, и де Голль мог вплотную заняться Алжиром. Здесь тоже проходил референдум, который дал 96 процентов положительных ответов.

«Технический успех», — скромно говорили организаторы голосования. Его проводили армия и «ультра», превратившие референдум в издевательскую комедию.

В октябре 1958 года начинается новый этап в алжирской политике де Голля. 23 октября генерал провел первую из своих пресс-конференций, которые станут отныне как бы постоянным институтом нового режима. Де Голль v предложил алжирским повстанцам заключить «мир храбрецов». Для этого они должны были использовать «белый флаг парламентеров». Иначе говоря, де Голль предложил им простую капитуляцию без всяких политических гарантий. Естественно, что Фронт национального освобождения (ФЛН) и только что образовавшееся Временное правительство Алжира отклонили такое предложение. Одновременно развернулась пропагандистская шумиха вокруг так называемого «плана Константины», то есть плана экономического развития Алжира. Кроме того, путем проведения в Алжире выборов в Национальное собрание де Голль рассчитывал на появление мусульманской политической «элиты», которая оказалась бы более приемлемым собеседником в решении алжирского вопроса, чем ФЛН. Однако выборы, опять происходившие под контролем «ультра», выдвинули исключительно депутатов — сторонников «интеграции», от которой генерал продолжал уклоняться. Практически из всех элементов алжирской политики реально осуществлялся только один: так называемое «умиротворение», то есть расширение военных действий, конца которых не предвиделось.

Однако нельзя сказать, что все застыло на мертвой точке. Нет, определенное движение происходило и оно имело существенное значение. Генерал постепенно добивался ослабления «ультра», их отделения от военных и изоляции. Еще в октябре он приказал всем военным выйти из «комитетов

общественного спасения». В ответ на это 16 октября «ультра» объявили забастовку в — Алжире. Но она не имела серьезного размаха, и влияние комитетов оказалось подорванным. Так де Голль постепенно расплачивался с теми, кто помог ему в мае прийти к власти. В ноябре он отозвал из Алжира генерала Салана, дав ему чисто декоративную должность генерального инспектора национальной обороны. Нескольких других генералов, участников майского мятежа, также отозвали в метрополию.

Де Голль старается отделить голлистов от наиболее яростных поборников «интеграции» Алжира с Францией. Он следил, чтобы на выборах в парламент они не слишком усилили свои позиции. Перед выборами Жак Сустель и другие бывшие руководители РПФ создали новую политическую партию. Генерал отказался от возрождения РПФ, помня свой печальный опыт. На этот раз он не только не захотел иметь с новой партией каких-либо формальных связей, но даже воспротивился участию своего брата Пьера де Голля в руководящем комитете новой партии голлистов. Генерал решительно пресек попытки Жака Сустеля связать новую партию «Союз в защиту новой республики» (ЮНР) с известными сторонниками «французского Алжира» Бидо, Морисом и Дюше. Конфликт с Сустелем возник и по вопросу о системе голосования на парламентских выборах. Генерал хотел, чтобы центристские партии и социалисты сохранили определенные позиции в качестве противовеса Сустелю и другим защитникам «интеграции».

23-30 ноября состоялись выборы. ЮНР получила 212 мест. Но старые партии вместе имели 251 мандат. Даже с депутатами от Алжира ЮНР не располагала большинством. Чтобы сохранить свободу рук, де Голль намеревался пока использовать остатки ненавистной «системы» партий. Новая избирательная система резко сократила представительство компартии. Хотя она собрала больше голосов, чем ЮНР, коммунисты получили только десять депутатских мест. Для избрания одного коммуниста требовалось 380 тысяч голосов, а члена ЮНР — 19 тысяч. Одна эта деталь достаточно ярко свидетельствовала о степени демократизма Пятой республики. Но де Голль отверг, однако, предложения вообще запретить компартию. В декабре он был избран президентом, получив 75,5 процента голосов выборщиков, 8 января 1959 года он официально занял свой пост и водворился в Елисейском дворце. На торжественной церемонии передачи полномочий бывший президент Ренэ Коти сказал: «Первый из французов становится первым во Франции».

Быстро формируется правительство во главе с основным

автором новой конституции Мишелем Дебрэ. По сравнению с недавними временами процедура создания кабинета резко упростилась. Де Голль хотел, чтобы лидер социалистов Ги Молле по-прежнему входил в правительство. Но Ги Молле не смог пойти на это из-за опасения окончательно расколоть свою партию. Слишком уж консервативной и правой оказалась социальная политика нового режима. Несколько месяцев назад де Голль собирался проводить «левую политику правыми методами». Но ничего левого никому пока обнаружить в его политике не удалось. Правительственную программу одобрили 453 депутата из 509. Против голосовали коммунисты и социалисты. Таким образом, высшие органы Пятой республики были созданы.

Однако в алжирской политике де Голля, вопреки ожиданиям, наступает пауза. Кроме усиления военных действий, ничего существенного не происходит. На пресс-конференции 25 марта 1959 года де Голль предупредил, что не следует ждать быстрого решения алжирского вопроса, что на это потребуется много времени. В течение первого года пребывания у власти де Голль убедился, что военные в Алжире блокируют любые реалистические меры. Даже в своем правительстве он наталкивался на глухое сопротивление, когда речь заходила о поисках новых решений. Сторонником «интеграции» оставался не только Жак Сустель, но и сам премьер-министр Мишель Дебрэ. А между тем Алжир тяжелой гирей висел на руках де Голля, не позволяя ему приступить к широкому проведению новой внешней политики, что всегда было для него самым главным.

Поэтому алжирские дела остаются предметом бесконечных размышлений де Голля. Речь шла не только о том, чтобы преодолеть сопротивление ультраколонизаторов. Генералу приходилось бороться и с самим собой, ибо ему предстояло решиться на отказ от того, что всегда считалось достоянием Франции, основой ее могущества. Правда, он уже давно вел разговоры о независимости Алжира. Но высказывания в частных беседах и ответственные решения — разные вещи. Он колеблется между реализмом и иллюзиями. «Самое трудное, — говорил он, — это переубедить самого себя». Однажды он сказал своим министрам по поводу осознания неизбежности деколонизации: «Это не так-то просто в моем возрасте и с моим опытом и воспитанием, но я принял такое решение… Нам придется делать трудное дело, и ничто в этом меня не радует». Де Голль решается и начинает первый крупный поворот в своей алжирской политике.

26 августа 1959 года он впервые поставил алжирский вопрос на обсуждение Совета министров. Как ни странно, до сих пор его касались только в связи с бюджетом, армией и т. п. К этому

времени уже выработался своеобразный стиль заседаний кабинета под председательством генерала. Как всегда, он подавляет министров, в том числе и премьера, своим авторитетом, властностью и откровенной бесцеремонностью. Министры для него только исполнители. Иногда они даже не знают повестки дня заседания, а о важных решениях узнают из газет. Хотя они несут коллективную ответственность за судьбу страны, им не позволено решать общие политические проблемы. Когда генерала раздражают неуместные, по его мнению, претензии на самостоятельность политических суждений, он заявляет: «Если вы хотите занять мое место…» Стоит кому-нибудь поднять второстепенный вопрос, как генерал прерывает: «Это входит в компетенцию министра…»

И вот 26 августа происходит, наконец, обсуждение самой жгучей политической проблемы. Собственно, это даже не обсуждение, ибо де Голль лишь молча выслушивал по очереди членов правительства. Мишель Дебрэ, выступивший первым, заявил, что не может быть и речи о создании алжирского государства и что политические, экономические и стратегические позиции Франции в Алжире надо сохранить. Жак Сустель еще более резко занял такую же позицию. Ее в смягченной форме поддержали многие члены кабинета. Только Андрэ Мальро, Эдмон Мишле, Поль Бакон выступили за признание алжирской самобытности. Наконец, высказались все, и генерал заключил: «Господа, я вас благодарю… При нынешнем положении дел надо двигаться вперед или умирать. Я выбрал движение вперед…»

16 сентября 1959 года де Голль выступает с речью, в которой торжественно признает право алжирского населения на самоопределение. Сами алжирцы примут решение о своей судьбе. Перед ними три пути. Первый — это отделение и полная независимость, означающие разрыв с Францией. В этом случае Алжир, по мнению генерала, ожидают хаос, нищета и, в конце концов, «воинственная коммунистическая диктатура». Франция же любыми средствами сохранит за собой сахарскую нефть и обеспечит перегруппировку населения, пожелавшего остаться французским. Это была явная угроза раздела страны. Второй путь — офранцуживание, означающее распространение на жителей Алжира всех прав и обязанностей французов. Де Голль давал понять, что этот путь (совпадающий с идеей «интеграции») он считает нереальным. Третий путь — ассоциация — представлялся ему самым желательным и рисовался так: «Правительство алжирцев, управляемое алжирцами, опирающимися на помощь Франции, в тесном союзе с нею в области экономики, образования, обороны, внешней политики».

Но генерал заявил, что ни один из этих вариантой самоопределения нельзя осуществить немедленно. Голосование о судьбе Алжира произойдет через четыре года после прекращения огня. В речи де Голля было много недомолвок и противоречий. Он не хотел признать руководителей восстания, то есть ФЛН и созданное им правительство, единственным представителем Алжира и отказывался от политических переговоров с ними, соглашаясь говорить только о прекращении огня.

Лидеры алжирского освободительного движения положительно оценили признание права на самоопределение, но потребовали политических переговоров. Они поручили вести переговоры нескольким лидерам ФЛН, которых еще в 1956 году захватили французы и держали в тюрьме во Франции. Однако де Голль отказался от этого, поскольку, сказал он, переговоры могут состояться только с теми, кто сражается. Но, как бы то ни было, возникла совершенно новая атмосфера вокруг алжирского вопроса. Во Франции и за рубежом подавляющее большинство откликов было положительным. Признание де Голлем права на самоопределение оказалось первой его акцией, в принципе одобренной Французской коммунистической партией.

Однако мужественное выступление де Голля привело в ярость французских ультраколонизаторов. Возмущение и одновременно замешательство охватили профашистские организации европейского населения в Алжире, офицеров и генералов армии, уже давно не скрывавших своего недовольства алжирской политикой де Голля. Жорж Бидо и другие лидеры «ультра» выступили с нападками на президента. Они объявили о создании «Объединения за французский Алжир».

Но 15 октября, когда алжирский вопрос обсуждался в Национальном собрании, сторонники «интеграции» потерпели сокрушительный провал: 441 голосом при 23 «против» собрание одобрило новый политический курс де Голля. Недовольство, вспыхнувшее в рядах партии ЮНР, привело к выходу из ее парламентской группы лишь восьми депутатов. Однако оппозиция вне стен Бурбонского дворца имела более серьезный характер. Об этом стало известно в тот же вечер, когда депутат партии ЮНР, один из активных деятелей событий 13 мая, Люсьен Нейвирт в заявлении для печати сообщил о заговоре «ультра» против правительства: «Необходимо срочно приготовиться. Возможно, драма произойдет завтра. Команды убийц перешли испанскую границу. Их жертвы уже намечены. Таким путем надеются ошеломить население, чтобы оно не вмешалось. Через 18 месяцев после мирной революции, не пролившей капли крови, может возникнуть внутренний братоубийственный конфликт».

Одновременно с этим паническим заявлением стало известно, что в центре Парижа стреляли в автомобиль левого деятеля Франсуа Миттерана. В столице ходили самые тревожные слухи. Однако заявление Нейвирта оказалось лишь отголоском уже провалившегося заговора. Предполагалось, что к моменту обсуждения алжирского вопроса состоятся мощные демонстрации европейского населения в Алжире, в Париже будет произведено несколько покушений, а группа депутатов — «ультра» навяжет парламенту резолюцию, осуждающую новую политику, что вынудило бы правительство Дебрэуйтив отставку. Ни один из пунктов этого плана осуществить не удалось. Главное, верхушка армии в Алжире еще колебалась. Но все же это был тревожный симптом. Между тем де Голля препятствия побуждали, как всегда, лишь к более энергичным действиям. На пресс-конференции 10 ноября он категорически подтвердил курс на самоопределение Алжира.

Сторонники «французского Алжира» также занимали более непримиримые позиции. Их враждебность к де Голлю усиливалась. Владелец одного из алжирских кабаков Ортиз в ноябре объединил мелкие профашистские организации в общий «Французский национальный фронт» (ФНФ). Его идейным вождем стал преемник Лагаярда Сгозини. ФНФ был тесно связан с «территориальными частями» — вооруженным ополчением европейского населения, насчитывавшим около 20 тысяч человек. Гражданские «ультра» сблизились с военными, особенно с генералом Массю. Развернулась подготовка нового мятежа, теперь уже против де Голля. На разных сборищах президента поносили последними словами и не скупились на угрозы. В декабре в Алжир отправился Бидо и, в свою очередь, нетерпеливо призывал к мятежу. Заговорщики собирались выступить весной, но события побудили их действовать раньше.

18 января одна западногерманская газета опубликовала сенсационное интервью генерала Массю. Герой мятежа 13 мая заявил, что армия «ошиблась» в де Голле и что в будущем она, возможно, откажется подчиняться президенту. Выражая широко распространенное в военных кругах мнение, Массю говорил: «Мы больше не понимаем его политики. Армия не могла ожидать такой позиции с его стороны».

Де Голль приказал немедленно вызвать Массю из Алжира и сместить его со всех постов. Вместе с Массю в Париж прилетел главнокомандующий генерал Шаль для участия в совещании по алжирскому вопросу в Елисейском дворце, назначенном на 22 января. На совещании Шаль предъявил де Голлю нечто вроде ультиматума. Он требовал прекратить «политические колебания»,

разрешить казни арестованных бойцов алжирского Сопротивления и другие карательные меры и т. п. Президент резко отклонил все претензии, потребовал руководствоваться курсом на самоопределение и вообще «здравым смыслом и реальностью».

Генерал Шаль просил также во избежание волнений разрешить Массю вернуться вместе с ним в Алжир. «Генерал Массю не вернется в Алжир», — твердо ответил де Голль. В тот же вечер командующий улетел обратно один. В алжирской столице царило возбуждение, вызванное мерами, принятыми против Массю. Когда «ультра» узнали, что их любимый генерал оставлен в Париже, негодование еще более усилилось. На 24 января назначили массовую демонстрацию. Шаль мог бы воспрепятствовать ее проведению, но не сделал этого, ибо считал демонстрацию полезной для давления на де Голля. Однако к вечеру 24 января после демонстрации события приобретают неожиданный оборот. Приехавший из Парижа депутат Лагаярд решил повторить свой «подвиг» 13 мая прошлого года. Во главе банды фашистских горлопанов он снова появляется в форме парашютиста и занимает одно из университетских зданий. Лагаярд призывает всех, кто готов пролить свою кровь за «французский Алжир», присоединиться к нему. Начинается постройка баррикад. Число мятежников растет. Отовсюду подходят вооруженные люди из отрядов территориальной обороны. Примеру Лагаярда следуют Ортиз и Сюзини. Последний провозглашает: «То, что Алжир сделал раньше, Алжир может переделать заново. На этот раз мы донесем нашу революцию до Парижа!»

К баррикадам приближаются цепи полицейских. Мятежники из-за укрытий начинают стрелять. Полиция отвечает. Итог: 22 убитых, около 200 раненых. Жертвы в основном среди полиции. Ей на помощь посылают парашютистов, но они отказываются стрелять и явно симпатизируют «активистам». Сквозь цепь парашютистов в мятежный лагерь свободно доставляется все — от продовольствия до оружия. Так началась «неделя баррикад» в Алжире.

А в Париже 25 января созывается заседание Совета министров. Появляется бледный, но сдержанный генерал де Голль. «Я обращаюсь к тем, кто не переносит морскую болезнь, — говорит он. — Возможно, они захотят покинуть корабль еще до наступления бури. Никого не принуждают оставаться в правительстве». Затем он Предоставляет слово министрам. Андрэ Мальро возмущен мятежом: «Мы имеем дело с наиболее серьезной атакой против возрождения Франции, проводимой с

момента возвращения к власти генерала де Голля». И он требует беспощадно подавить мятеж любыми средствами. Жак Сустель не менее решительно берет мятежников под защиту и полностью оправдывает их действия. Он считает причиной мятежа политику самоопределения Алжира. Сустель против применения силы к мятежникам и предлагает начать с ними переговоры…

Генерал де Голль берет слово последним и, не повышая тона, решительно клеймит алжирских мятежников, «глупых и преступных». Он констатирует бездействие военных. «Военные, — говорит он, — не хотят алжирской политики де Голля. Отсюда слабость командования». Он отвергает предложение воздержаться «от пролития крови», ибо армия и существует для того, чтобы проливать кровь, тем более что она уже пролилась. Он твердо заявляет: «Те, кто поднял оружие против государства, не могут быть оправданы… Государство не отступит, и установленная политика не может быть изменена. Предлагают контакты с бунтовщиками? Ни за что!.. Надо положить конец колебаниям ответственных лиц. Если Шаль не решится действовать, он будет заменен. Восстание будет подавлено. Я не откажусь от высшей ответственности, которой я облечен. Я ушел в 1946 году, ибо считал, что Франция могла обойтись без меня. Ныне Мне предстоит выполнить особую миссию».

В лихорадочные дни «недели баррикад» де Голль видит колебания, малодушие самых близких помощников, старых голлистов, занимавших ответственные посты, таких, например, как генеральный делегат в Алжире Делуврие и другие. На президента пытаются оказывать всевозможное давление, взывают к его гуманности. Старый однокашник де Голля по Сен-Сиру маршал Жуэн просит принять его. «Ты их не понимаешь, — говорит он де Голлю. — Ты не должен приказывать стрелять. Это безумие. Ты не знаешь Алжир… Они, как обычно, разойдутся, чтобы выпить анисовой водки…»

«Я защищаю государство, — отвечает президент. — . Я всегда утверждал, что Алжир сам решит вопрос о своем будущем. Я не могу допустить этого восстания. Я раздавлю его». Постепенно разговор становится все громче. Собеседники переходят на армейский жаргон, и сотрудники Елисейского дворца со страхом слышат раскаты генеральской брани, доносящиеся из президентского кабинета. Столь же громкие беседы происходят в эти дни с Дебрэ, с генералом Массю. В последнем случае адъютант даже вызвал охрану…

29 января в восемь часов вечера французы видят де Голля на экранах своих телевизоров. Президент говорит, что сегодня он в военной форме, дабы подчеркнуть тот факт, что он выступает не

только как глава государства, но и как генерал де Голль. Прежде всего он вновь подтверждает принцип самоопределения Алжира. Он осуждает мятежников, этих «лжецов и заговорщиков». Он обращается к армии и напоминает о ее долге и запрещает любому солдату «даже пассивно» объединяться с заговорщиками под страхом сурового наказания. Он требует от военных восстановить порядок любыми средствами. И он. высказывает лестные фразы в адрес армии, говорит о том, как он «уважает и любит» ее солдат, как он ценит их заслуги. Он заканчивает следующими словами: «В силу мандата, который дал мне народ, и национальной законности, которую я воплощаю двадцать лет, я прошу всех поддержать меня, что бы ни произошло».

Эта формула обращения де Голля к французам весьма знаменательна. И в этот критический момент он остается верен себе. Де Голль призывает не просто к борьбе против «ультра»; он требует поддержать именно его в этой борьбе. Это типично голлистский тактический прием, который он использует на всем протяжении своей политической деятельности. 18 июня 1940 года он также призывал в первую очередь объединиться вокруг него, а не просто вести борьбу с врагом. Не доверяя народу. он не хотел его самостоятельных действий. Всегда, во всех случаях народ должен полагаться на него, на де Голля. Но во время «недели баррикад», как, впрочем, и в 1940 году, демократические силы, еще не услышав призыва де Голля, самостоятельно вступили в борьбу. Если в 1940 году они развернули героическое внутреннее Сопротивление, то теперь они с небывалым размахом начали борьбу за мир в Алжире на основе самоопределения, борьбу против ультраколонизаторов. Компартия Франции, которая уже несколько лет настойчиво добивалась мира в Алжире, призвала трудящихся к отпору мятежникам. 28 января Политбюро компартии предложило всем демократическим партиям и организациям совместно выступить против фашистских мятежников. На предприятиях, в жилых кварталах возникают тысячи антифашистских комитетов. 1 февраля состоялась всеобщая часовая забастовка протеста против фашистских заговорщиков, в поддержку осуществления права самоопределения Алжира. В общенациональной забастовке участвовало 11 миллионов человек.

Опять наступает один из тех моментов, когда де Голль, столь далекий по своей натуре и убеждениям от народа, оказывается на одной стороне с народом, с реальной, подлинной Францией. Происходит то, что было в годы войны, освобождения или в борьбе против «европейской армии», когда генерал действительно воплощал Францию, ее национальные интересы. Принцип

самоопределения Алжира явился именно тем, что давно было необходимо для решения алжирской проблемы. Конечно, в понимании и особенно в применении этого принципа оставалось очень много различий. И все же общий знаменатель де Голль нашел благодаря своему политическому чутью и способности подниматься над предрассудками людей своей социальной среды. А этот его дар и делал де Голля бесценным человеком для хозяев Франции, для людей крупного капитала. Ведь алжирская война давно путала им карты…

Между тем в Алжире «активисты», засевшие за баррикадами, почувствовали себя изолированными сначала политически, а потом и физически. Парашютистов заменили солдатами-призывниками, и мятежный лагерь оказался в осаде. До его главарей дошел слух, что де Голль больше не желает откладывать выполнение приказа о штурме и уничтожении баррикад. И они поспешили разбежаться, благо власти преследовали только главных вожаков.

После ликвидации мятежа де Голль заменяет главнокомандующего Шаля генералом Крепеном, не связанным с алжирскими «ультра». Генералы Салан, Шаль, Жуо увольняются в отставку. Других, как Массю, переводят из Алжира. Наиболее отъявленных гражданских и военных «ультра» (Лагаярда, Сюзини, де Сериньи, Гарда и т. д.) решено арестовать и судить. Запрещаются организации алжирских «ультра», распускаются «территориальные части», закрываются некоторые газеты. 5 февраля Сустелю пришлось оставить пост государственного министра, а вскоре его исключили из партии ЮНР. В итоге всей истории с баррикадами произошел полный разрыв де Голля с «ультра».

Казалось, теперь настал момент для осуществления курса на самоопределение Алжира. Никогда, ни раньше, ни позже, популярность де Голля не была так велика. Социологические обследования свидетельствуют, что в феврале 1960 года 74 процента французов выражали удовлетворение деятельностью де Голля на посту президента. Сам генерал чувствовал это и еще больше укрепился в своей решимости осуществить принцип самоопределения. Но он продолжает думать, что с помощью его провозглашения все же удастся сохранить важнейшие позиции в Алжире. Он надеется как можно дольше удерживать Алжир от независимости. На его алжирскую политику влияет так много факторов, ему приходится считаться с таким числом сложных внутренних и внешних обстоятельств, что она представляется невероятно запутанной и сложной. Она движется по извилистому пути, порой внезапно останавливается, даже отступает назад, но

все же движется.

После бурного января 1960 года многое как будто прояснилось, но главным образом в том смысле, что яснее обнаружились трудности проведения политики самоопределения. Де Голль расстается с некоторыми из своих иллюзий, которые рассеиваются как дым у него на глазах. Надежда на то, что европейское население Алжира поддержит его политику, рухнула. Государство, созданное де Голлем, оказалось совсем не таким прочным и надежным инструментом его политики, как он рассчитывал. Во время «недели баррикад» он обнаружил, что повсюду, начиная от министров и кончая рядовыми полицейскими, саботируют выполнение его приказов. С другой стороны, левые, особенно компартия, которые, казалось, отстранены от воздействия на политику новой конституцией, обладают огромной силой. Конечно, можно было бы опираться на эту силу и подавить сопротивление «ультра» политике самоопределения. Однако левый, демократический лагерь, как всегда, внушает де Голлю если не больше, то во всяком случае не меньше опасений, чем «ультра». Поэтому он использует благоприятный момент ликвидации мятежа, чтобы добиться 3 февраля от парламента принятия закона, предоставляющего ему на год чрезвычайные полномочия, право издавать декреты-законы. Он хочет укрепить свои позиции, ибо чувствует, что буря еще только начинается, а качает уже так сильно, что порой даже он сам начинает испытывать приступы морской болезни…

Больше всего де Голля беспокоит армия, та самая, к которой всегда обращались его помыслы с далеких дней юности… Именно она угрожает его надеждам на возрождение величия Франции. В начале марта он летит в Алжир и отправляется в знаменитое «турне по офицерским столовкам». Несколько дней он объезжает французские боевые части. Это не обычные парадные встречи с застывшим по команде строем, когда разговор идет только с начальством. На этот раз генерал появляется на позициях, в казармах, в офицерских столовых, где его окружают толпой младшие офицеры. Он запросто беседует с ними и внимательно выслушивает их. Журналистам на этот раз не разрешили сопровождать де Голля и его слова предназначены не для газет. Но они все же попадают на страницы все знающей, все критикующей, все извращающей и часто многого не понимающей французской прессы. В самом деле, последние события, заявления самого генерала создали впечатление, что алжирская драма близка к завершению, что скоро воцарится мир. И в это время генерал объявляет офицерам, что впереди долгая война, что они должны завоевать победу, которая ускользает от них пятый год!

Да, он по-прежнему говорит о самоопределении, о том, что алжирцы сами решат свою судьбу. Но при этом он убежденно уверяет жадно слушающих его лейтенантов и капитанов: «Я не думаю, что алжирцы выберут независимость. Франция не должна уходить. Она имеет право быть в Алжире. Она здесь останется».

Печать, а затем и общественность Франции в недоумении и возмущении. К чему же действительно стремится де Голль? В своей книге «На острие шпаги» он когда-то писал: «Действуйте всегда в согласии со своими задними мыслями». И все пытаются разгадать эти мысли. Высказывают иногда ядовитые подозрения, что де Голлю не выгодно прекращение войны. Ведь ему дали власть ради того, чтобы он обеспечил мир. А если он это сделает, то, естественно, будет уже не нужен и снова ему придется уйти. Поэтому он в глубине души, возможно, вовсе не испытывает стремления к миру?

Конечно, в словах и действиях генерала всегда заключено немало двусмысленности и хитрости. Но подозревать его в столь вульгарной низости было бы несправедливо. Не сама по себе власть нужна ему, а возможность использовать ее для возвышения Франции под его, естественно, руководством. Для этого надо удалить из тела Франции алжирскую злокачественную опухоль. Чтобы провести эту операцию, требуется наркоз для армии, для интеллигенции, для буржуазии, для рабочих и т. п. Каждому свою дозу.

Де Голль знает, что ему придется идти на переговоры с ФЛН. А переговоры в его стиле требуют прочных позиций в виде военного превосходства французов над алжирской освободительной армией. Его могут добиться только эти офицеры. Но ведь не будут же они сражаться с алжирцами за независимость Алжира! Им надо поставить иную, французскую цель. Кроме того, можно ожидать новых заговоров и мятежей и надо предохранить армию от влияния взбесившихся «ультра». Вот, собственно, что привело де Голля в офицерские столовые.

Заявления, сделанные там де Голлем, не остаются без внимания алжирского Фронта национального освобождения. Его руководители обвиняют де Голля, что он «закрывает дверь к переговорам». Это верно, если бы одновременно генерал не искал пути к переговорам, правда, к таким, какие выгодны только ему. При всем своем реализме, он все еще надеется сохранить в Алжире как можно больше, дать взамен как можно меньше. По приказу де Голля идут поиски контактов с алжирцами по различным неофициальным каналам. Ему докладывают, что установлена связь с двумя видными офицерами алжирской армии, заинтересованными в переговорах. Де Голль решает вести

их лично и 10 июня тайно принимает этих офицеров в Елисейском дворце. Итоги беседы подают ему кое-какие надежды, однако вскоре оба эмиссара, вернувшись в Алжир, погибают при неясных обстоятельствах.

14 июня де Голль выступает с речью, в которой вновь подтверждает право Алжира на самоопределение и говорит, обращаясь к «руководителям восстания»: «Я заявляю им, что мы ждем их здесь, чтобы выработать с ними почетные условия прекращения боев, которые продолжаются, урегулировать положение армий, обеспечить судьбу бойцов». Здесь нет и намека на политические переговоры, но ФЛН все же соглашается направить своих представителей во Францию, и 25–29 июня в Мелене, в 40 километрах от Парижа, состоялись хотя и предварительные, но первые официальные франко-алжирские переговоры. Французы согласны говорить только о прекращении огня и больше ни о чем. Как будто алжирская освободительная армия потерпела поражение и капитулирует! Все попытки поднять политические вопросы безуспешны. В результате полный провал.

После этого проходит четыре месяца без каких-либо существенных сдвигов в алжирской политике де Голля. Война становится все более ожесточенной. Сторонники «французского Алжира», обрадованные провалом переговоров в Мелене, мобилизуют свои силы. В июне 1960 года их лидеры собрались в предместье Парижа Венсенне на «коллоквиум». Здесь знакомые лица: Бидо, Дельбек, Дюше, Лакост и прочие. Они подтверждают свою враждебность политике самоопределения и учреждают особый комитет. Алжирские «ультра», в свою очередь, создают новый «Фронт французского Алжира» с филиалом в метрополии. Фашиствующие военные группируются вокруг генерала в отставке Салана. Центром их деятельности становится Мадрид.

Одновременно все большее значение для эволюции алжирской проблемы приобретает движение за мир. Именно осенью 1960 года оно становится особенно массовым. Переговоры в Мелене породили надежды; их провал вызвал горькое разочарование и усилил решимость бороться против войны. Движение выражается в разных формах — от массовых, организованных действий трудящихся-коммунистов до таких крайних форм, как прямая помощь ФЛН. В сентябре происходит суд над 25 участниками «сети Жансона», которые непосредственно сотрудничали с алжирским освободительным движением. Тогда же публикуется «манифест 121», подписанный крупными деятелями культуры. Манифест оправдывал отказ от участия в войне вплоть до дезертирства. А число дезертиров в

последнее время заметно возросло. Против подписавших манифест возбуждается судебное преследование. Среди обвиняемых — всемирно известный философ и писатель Жан-Поль Сартр. Узнав об этом, де Голль говорит своим сотрудникам: «Возбуждать общественность — ремесло интеллигентов. Они в своей роли. Пусть они это делают. Не в первый раз такие люди доставляют хлопоты властям». И президент вспоминает Золя, Ролла-на, особенно Вольтера. И он неофициально просит судебные органы прекратить дело против Сартра,

Может быть, он не придает значения движению за мир в Алжире? Напротив, он поражен его размахом, и оно побуждает его напряженно обдумывать новые ходы в сложной алжирской игре. Именно тогда де Голль принимает решения, которые приведут через шестнадцать месяцев к окончанию войны…

В это время в речах де Голля обычной становится новая формула: «алжирский Алжир», вызывающая бешенство «ультра». А 5 сентября на очередной пресс-конференции он заявляет, что «единственный вопрос», который остается, это добиться того, чтобы «алжирский Алжир» остался в «ассоциации, в дружеском союзе» с Францией. Иначе говоря, цена самоопределения — сохранение в Алжире важнейших французских позиций и привилегий. Президент указывает также: «Со всех сторон говорят: де Голль может решить алжирскую проблему. Если он этого не сделает, то этого не сделает никто. Так пусть мне дадут возможность это сделать. Я не требую большего».

К кому же обращается генерал с этим требованием? К упорным сторонникам «французского Алжира»? Но они уже не в состоянии воспринимать какие-либо логические доводы. К левым силам? Но они своей борьбой за мир служат для него, по крайней мере, мощным противовесом «ультра». Речь идет о тех колеблющихся, которые все еще не могут окончательно согласиться с тем, что Алжир — это не Франция. А они есть повсюду: в армии, в парламенте, в государственном аппарате, даже в его правительстве. Любопытно, что он вынужден прибегать к весьма странным для него приемам, если не сказать уловкам.

4 ноября радио и телевидение передают его речь. А в ней содержится нечто весьма новое, хотя это всего лишь слова. Но слова всегда служат де Голлю важнейшим орудием политического действия. Он впервые произносит термин «Алжирская республика», которая «будет существовать однажды». Комментаторы расценивают это заявление как обещание формального признания де-факто Временного правительства Алжирской республики. Итак, новая сенсация, вызывающая удовлетворение одних и ярость других. Среди последних и его

премьер-министр Мишель Дебрэ, который бурно протестует: «Но ведь это абсолютно не соответствует тексту, который я читал!» С обезоруживающей искренностью генерал отвечает: «Это правда. Я не хотел говорить об Алжирской республике. Верно. Но я это сказал. В конце концов лучше сделать так, поскольку все равно это кончится именно так».

В ноябре 1960 года генерал приступает к подготовке новых акций в алжирской политике. Создается пост государственного министра по алжирским делам, подчиненного непосредственно президенту. На этот пост назначается Луи Жокс, соратник де Голля времен войны, опытный дипломат. Тем самым отстраняются от алжирских дел члены правительства, которые, несмотря на личную преданность генералу, все еще не могли отрешиться от своей слабости к «французскому Алжиру».

14 ноября де Голль объявил на заседании Совета министров свое решение вынести алжирский вопрос на референдум, который назначен на 8 января 1961 года. Намереваясь приступить, наконец, к более решительным действиям, он хочет заручиться новым выражением доверия Франции и заодно упрочить свои личные позиции.

Как раз в эти дни Шарлю де Голлю исполняется 70 лет. Он принимает поздравления с мрачным раздражением: «Вам приятно видеть меня постаревшим?» Но это не просто его обычный пессимистический тон в отношении самого себя. Генерал чувствует упадок своих сил и ухудшение здоровья. От него слышат: «Моя жизнь угасает». Он вспоминает прошлое, времена «Свободной Франции»: «То, что я делал в Лондоне, воодушевляло меня. А сейчас…» Де Голль пытается сохранить внешний облик «человека 18 июня» и, появляясь публично, не носит очков. Но он не видит черт собеседника, перед ним только тени. Примерно в это время он, принимая премьера Республики Конго аббата Юльбера Юлу, одетого в сутану, обратился к нему: «Мадам…» Генерал с горечью рассказывал об этом эпизоде, о том, как ему неприятно быть воплощением физического упадка. И тут же сила характера берет верх, и он заявляет: «В жизни человека, как и в жизни нации, бывают часы безнадежности. Но волевой человек не может поддаваться отчаянию».

События снова потребуют от него вскоре большой выдержки и самообладания. В начале декабря де Голль отправляется в поездку (на этот раз последнюю) по Алжиру. Он намеревался подготовить армию, администрацию к предстоящему самоопределению страны. Положение там оставалось напряженным, европейское население волновалось и присутствие президента должно было успокоить страсти. Разве не сумел он в

июне 1958 года одним своим появлением потушить мятеж? Тогда алжирские французы встречали его восторженными овациями. Сейчас те же самые люди готовили ему совсем другую встречу. В Алжир специально прибыли из Испании агенты генерала Салана, чтобы организовать демонстрацию, а если удастся, то и новый мятеж. Предлагали даже убить де Голля во время беспорядков, поставить у власти генерала Салана и тем самым обеспечить торжество дела «французского Алжира». Накануне приезда генерала объявляется всеобщая забастовка, «ультра» призывают население на демонстрации. В листовках, напечатанных специально для этого случая, говорилось: «Скажите „нет“ де Голлю!» или: «Настал решающий момент, завтра будет слишком поздно». 9 декабря. де Голля встретили огромные толпы. Вели они себя совершенно иначе, чем во время его прежних визитов. Европейцы выражали откровенную враждебность и выкрикивали лозунги: «Алжир французский!», «Спасите Алжир!» Но арабы, которые тоже вышли встречать генерала, кричали: «Да здравствует де Голль!», «Алжир алжирский!» Впервые коренные жители страны выражали открыто свои стремления.

Де Голль держался как обычно, то есть внешне очень хладнокровно, скрывая свое возмущение поведением соотечественников. Он часто входил прямо в толпу и пожимал людям руки, как будто не слыша враждебных криков французов. Обстановка была крайне напряженной. На другой день демонстрации возобновились. Мусульмане вышли на улицы с бело-зелеными флагами Алжирской республики и с лозунгами «Да здравствует ФЛН!» Начались столкновения, загремели выстрелы. «Активисты» нападали на мусульман, повсюду возникали уличные схватки. Парашютисты открывали огонь по толпам арабов. Сотни убитых, тысячи раненых остались на улицах. Де Голль на вертолете пролегал над Ораном и Алжиром и видел все. Он не терял присутствия духа и даже испытывал какое-то мрачное удовлетворение. Как могут люди после этого отвергать его политику самоопределения?

«Ультра» затеяли кровавые столкновения, чтобы парализовать политику здравого смысла. И снова они достигли противоположных результатов. Де Голль пришел к выводу, что недопустима дальнейшая оттяжка переговоров, но, конечно, на максимально выгодных для Франции условиях. В таком духе и проводился референдум в январе. Избирателям предлагалось одобрить не просто самоопределение, но и организацию местной власти в Алжире вплоть до его осуществления. Де Голль еще надеялся создать какую-то алжирскую власть, кроме ФЛН. Во всяком случае, это могло быть средством давления, вернее

шантажа ФЛН на предстоящих переговорах. На референдуме 75 процентов голосовавших ответили де Голлю «да». Хотя число голосов уменьшилось по сравнению с 1958 годом, он получил новое выражение доверия.

Между тем 15 января лидеры ФЛН дали знать через швейцарское правительство, что их люди готовы к предварительной секретной встрече с французским представителем, который имел бы личные полномочия де Голля. Генерал поручил это дело Жоржу Помпиду, в то время директору банка Ротшильда. Он взял в банке отпуск «для занятий зимним спортом» и 19 февраля отправился в Швейцарию, где в Люцерне встретился с алжирцами. Помпиду возвращался в Париж и снова уезжал «кататься на лыжах». 30 марта публикуется официальное коммюнике о том, что в Эвиане скоро начнутся официальные франко-алжирские переговоры. На другой день в маленьком пограничном курортном городке в Эвиане от взрыва пластиковой бомбы погиб его мэр Камилл Блан. По всей Франции начался «фестиваль» взрывов. Одна из бомб взорвалась в Бурбонском дворце.

Дело в том, что в той же Швейцарии в начале марта состоялся съезд военных и гражданских «ультра», учредивших «Секретную вооруженную организацию» (ОАС). Старый знак французских фашистов — Кельтский крест — стал ее символом. ОАС возглавил генерал Салан, избравший в качестве главного средства борьбы против мира в Алжире устройство многочисленных взрывов, что должно было ввергнуть Францию в панику, замешательство и политический хаос.

В то время как начало переговоров в Эвиане откладывалось из-за разных проволочек, 22 апреля Францию потрясло новое драматическое событие. Утром радио Алжира сообщило, что власть взяли в свои руки тайно прибывшие туда генералы Шаль, Жуо, Зеллер, к которым присоединился в тот же день прилетевший из Испании Салан. С помощью парашютистов иностранного легиона они захватили все ключевые здания алжирской столицы и арестовали представителей правительства. Шаль назначил себя главнокомандующим и объявил о своем «праве» распространить действия на метрополию. Хунта мятежных генералов захватила власть в Оране и Константине.

В одной из своих деклараций генералы заявляли, что «они отказываются от сдачи одной из провинций Франции (то есть Алжира), подобно тому как это сделал в Лондоне 18 июня 1940 года некий генерал с временным званием». Распоясавшиеся мятежники вели себя с типично уголовной наглостью. Арестовав трех находившихся в Алжире членов правительства, один из

полковников-парашютистов послал Дебрэ телеграмму: «Меняем трех министров на одну обезьяну».

А в Париже паника охватила «Отель Матиньон». Угроза высадки парашютистов повергла Дебрэ в состояние полной растерянности. Выступая по радио, он призвал население к отпору: «Как только послышатся сирены, отправляйтесь к аэродромам пешком или на автомобилях…» Сохраняя склонность к шутке в любых обстоятельствах, французы говорили: «А почему не на лошадях?»

Поведение генерала де Голля заметно отличалось от нерешительных, панических действий его министров. «Как они осмелились?» — воскликнул он, узнав о событиях в Алжире, и сразу взял курс на беспощадное подавление военного путча. Это было не так-то просто. Дело доходило до того, что приказы де Голля армии вообще не передавались по назначению. Ведь его начальник военной канцелярии генерал Бофор оказался прямым сообщником мятежников. Но де Голль не переоценивал шансы четырех генералов на успех авантюры. Он даже не изменил своего обычного распорядка дня. Де Голль хорошо знал людей, возглавивших путч, и был невысокого мнения об их смелости и способности действовать. В ответ на предупреждение, что генерал Шаль во главе парашютистов вот-вот будет в Париже, он отвечал: «Да, если бы это был Фидель Кастро. Но не Шаль». Де Голль иронически спрашивал напуганных министров в ночь на 24 апреля: «Ну как, они еще не высадились?» и добавлял: «Не хнычьте!» Он считал, что большинство армии не поддержит генералов. Действительно, за ними пошли только 15 тысяч парашютистов. Де Голль сначала даже не хотел выступать по радио. Но в 8 часов вечера 23 апреля он все же появился на экранах телевизоров, одетый в военную форму. Резко осудив мятеж, он заявил: «Во имя Франции я приказываю использовать все средства, я подчеркиваю— все средства, чтобы преградить дорогу этим людям… Я запрещаю любому французу, и прежде всего любому солдату, выполнять их приказы… Француженки, французы, помогите мне!» 24 апреля по призыву левых партий и профсоюзов состоялась всеобщая забастовка, в которой участвовало 12 миллионов человек. Рабочий класс был готов защищать Республику с оружием в руках. Но в ответ на предложения раздать оружие добровольцам генерал де Голль, возражая против этого, заявил: «Я не хочу быть заложником Всеобщей конфедерации труда, Коммунистической партии и Союза студентов». Как всегда, де Голль больше всего опасался левых. Даже когда он действовал в духе их требований и лозунгов, он ни на секунду не допускал возможности

объединиться с ними. Генерал был убежден, что служит не какому-либо классу, а Франции, государству, стоящему якобы над партиями. В связи с генеральским путчем он даже осуждал буржуазию, когда увидел, как буржуазный государственный аппарат сочувствует откровенно или тайно мятежникам: «Элита не служит больше государству. Почти все руководящие кадры нации против меня. Это предательство буржуазии». И он добавил: «В 1940 году я тоже был один… Все эти привилегированные, все эти буржуа, эти болтуны парижских салонов, недовольные, ворчливые, что они представляют собой в стране? Три процента? Пять процентов? Это пена на поверхности. Да, я говорю пена. Мне остается рассчитывать на глубины народной массы. В этих условиях народ скажет свое слово».

23 апреля 1961 г. Выступление по телевидению в связи с «мятежом генералов»

Политика де Голля в алжирском вопросе, подобно его деятельности времен второй мировой войны, в конечном счете действительно соответствовала стремлениям подавляющего большинства французского народа. Однако и в данном случае объективные закономерности классовой борьбы определяли

действия де Голля. Он использовал генеральский путч, чтобы еще больше укрепить свою личную власть, введя в действие пресловутую 16-ю статью конституции, предоставлявшую ему неограниченную власть. Против кого он собирался ее использовать? Генералы Шаль и Зеллер были арестованы, Салан и Жуо скрылись. Неважно, натиск правых позволил ему на всякий случай приобрести оружие и против левых.

Но война в Алжире по-прежнему терзала Францию, хотя де Голль вот уже три года был у власти. Надо было двигаться вперед. 20 мая 1961 года возобновляются франко-алжирские переговоры в Эвиане. Французская делегация пытается дать поменьше и получить побольше. Особенно настойчиво французы выступают за отделение от Алжира нефтеносной Сахары. Три недели переговоров проходят безрезультатно. 13 июня де Голль их прервал. 20 июля переговоры возобновляются в Легрене, но уже 28 июля снова прерываются.

Летом 1961 года алжирская политика де Голля, казалось, зашла в тупик. Одновременно он сталкивается с серьезными внутриполитическими трудностями. Возникает конфликт в парламенте из-за разногласий в области сельскохозяйственной политики. В самом правительстве зреет конфликт. Мишель Дебрэ требует отставки Эдмона Мишле, которого он называл представителем ФЛН в правительстве. Сам Дебрэ упорно требует твердой политики в Алжире. Именно он настаивает на создании какой-то «алжирской» власти в противовес ФЛН. Но попытки в этом направлении дают жалкие результаты. Де Голлю нелегко сотрудничать с Дебрэ. Правда, премьер уже десять раз просил отставки. Но генерал не хочет отпускать его. Пребывание во главе правительства сторонника «французского Алжира» служило де Голлю дополнительным средством успокоения тревог европейского населения Алжира и особенно армии. Осенью 1961 года наступает небывалый кризис еще совсем молодого государства де Голля. Забастовочное движение по сравнению с прежним годом усиливается в два раза. Огромные районы страны охвачены волнениями крестьян. Расширяет свою деятельность ОАС. С начала 1961 года до ноября в метрополии произошло 350 взрывов. Бандиты из ОАС особенно бесчинствуют в Алжире. Все идет плохо, и не случайно в октябре 1961 года резко падает курс акций на парижской бирже.

8 сентября происходит первое покушение на жизнь генерала де Голля. О том, что покушение возможно в любую минуту, знали все. Сугубо личный характер его власти и его политики превращал де Голля в главную мишень фашистов из ОАС. Но не только эта организация готовила убийство генерала. Через 10 лет

появятся в печати сведения о том, что существовала еще одна строго законспирированная организация высокопоставленных военных и гражданских деятелей, генералов, сенаторов, депутатов, многие из которых были раньше голлистами, но в 1961 году решили уничтожить де Голля. Это был так называемый «старый штаб армии». Он действовал значительно осторожнее ОАС, не связываясь открыто, в частности, с крикливыми сторонниками «французского Алжира». Именно эта организация подготовила самые опасные из всех 15 покушений на жизнь де Голля, в том числе первое из них. В 20 километрах от Парижа по дороге в Коломбэ около Пон-сюр-Сен на обочине лежала груда песка, в котором была спрятана бомба, содержавшая 45 килограммов взрывчатки. Около 10 часов вечера 8 сентября на дороге показались машина президента, машина охраны и два мотоциклиста. Автомобиль де Голля поравнялся с грудой песка, когда раздался взрыв и к небу взметнулся столб пламени. Но никто не пострадал. Обстоятельства дела широкой публике стали известны значительно позднее. Служба безопасности случайно узнала о подготовке покушения и обезвредила бомбу. Взорвалась только канистра с напалмом. Но почему бомба вообще не была изъята? Неизвестно. Высказывались догадки, что неудачное покушение каким-то образом могло оказаться полезным по политическим соображениям…

В конце сентября де Голль отказался от требования сохранить прямой, контроль над Сахарой. Возобновляются контакты с ФЛН. Но бандиты из ОАС до предела усиливают массовый террор. Общественность потрясена их безнаказанностью. Уж не опасается ли де Голль испортить с ними отношения? 8 февраля 1962 года в Париже происходит массовая демонстрация протеста. И здесь-то полиция проявила исключительное рвение. Во время разгона демонстрантов девять из них погибли. На следующий день два миллиона парижан объявляют забастовку. А 13 февраля похороны жертв полиции превратились в молчаливое, но грозное и трагическое выражение народного гнева. Затягивать и после этого франко-алжирские переговоры было немыслимо. Генерал де Голль часто нетерпеливо звонит в Эвиан Луи Жоксу, возглавлявшему французскую делегацию. Он требует скорейшего завершения переговоров: «Настаивайте только на основном, вы понимаете!»

18 марта 1962 года франко-алжирские соглашения о прекращении огня, об условиях передачи суверенитета, о дальнейших отношениях Франции и независимого Алжира были подписаны. На другой день война закончилась. 8 апреля во Франции состоялся референдум, в ходе которого 90 процентов

французских избирателей одобрили Эвианские соглашения. Генерал де Голль выполнил таким образом важнейшее обязательство перед своей страной.

Совет министров собрался для обсуждения соглашений с Алжиром. Андрэ Мальро торжественно приветствовал их и назвал подлинной победой. Премьер-министр Дебрэ резко возразил: «Прежде всего это победа над нами самими». Оба они, каждый по-своему, были правы.

Генерал де Голль в заключение заседания сказал: «Мы пытались сделать в Алжире все, что в человеческих возможностях. Эти соглашения представляют собой окончание длительного кризиса. Этот выход единственно возможный, и его надо принять. Он стал неизбежным, учитывая движение народов… Это почетный выход. Нет необходимости обсуждать, что было сделано и чего не было сделано. Люди есть люди, и они могут ошибаться. Необходимо было вывести Францию из положения, которое приносило ей только несчастье… Теперь мы должны повернуться к Европе. Эра организованных континентов сменяет колониальную эру».

Нет нужды разбирать подробно содержание Эвианских соглашений. Многое в них уже перечеркнуто последующими событиями. Главное, что мир был установлен. Мог ли де Голль достичь этого быстрее и лучше? На эту тему можно рассуждать до бесконечности. Во всяком случае, в истории распада колониальной системы империализма не было столь сложного, иногда, казалось, безвыходного положения, в которое попала Франция из-за Алжира. Ни одной бывшей колониальной державе не доводилось испытывать подобных внутренних конфликтов в связи с борьбой колониальных народов за освобождение. Собственно, ведь сам де Голль в эти же годы заключил соглашения о независимости со многими африканскими странами, и это не вызвало потрясения. Иное дело Алжир. Генералу де Голлю пришлось столкнуться здесь с исключительными трудностями. Был ли он вполне последователен в своей политике самоопределения Алжира? В связи с разными мнениями на этот счет сам де Голль откровенно говорил: «Я никогда не изменял своих взглядов на Алжир. Мое решение соответствовало национальным интересам. Я никогда не соглашался на интеграцию. С 13 мая 1958 года это было ясно. И я не изменил своей линии. Но, разумеется, я продвигался вперед по этапам. Политика — это искусство, основанное на реальностях».

Самоопределение Алжира оказалось тем более трудным делом, что де Голлю пришлось упорно преодолевать активное, а чаще всего пассивное, но очень массовое сопротивление людей

своего круга, близких ему по духу, происхождению. И потом ему приходилось отступать, что он очень не любил делать. Когда полковник Пасси, старый соратник де Голля по Лондону, стал выражать сожаления и сомнения по поводу отказа от Алжира, он ответил: «Я не мог действовать иначе. Когда я пришел в 1958 году, Алжир был уже потерян. Вы думаете, что мне это было приятно? Я страдал еще больше, чем вы».

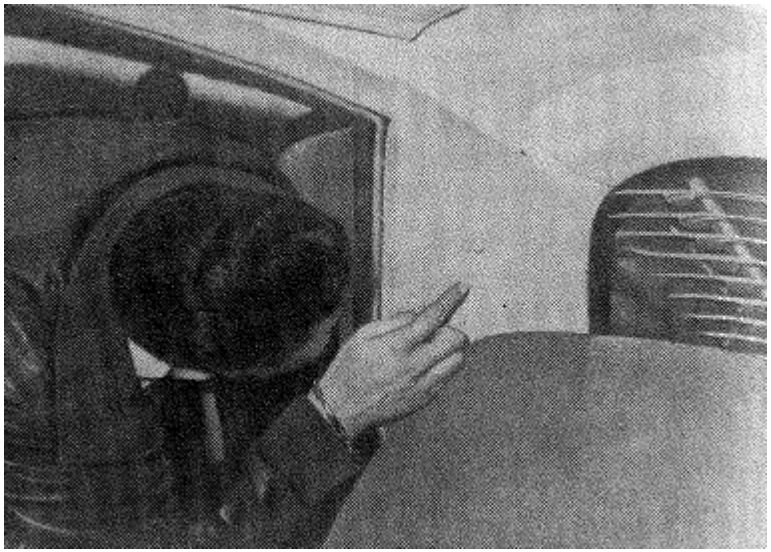
Независимо от политических симпатий или антипатий по отношению к де Голлю, нельзя не признать, что проведение в жизнь политики самоопределения Алжира потребовало от него упорства, искусного политического маневрирования и мужества. Позднее газета французских коммунистов «Юманите» отметит. «В решении алжирской проблемы генерал де Голль с наибольшим блеском проявил свой реализм и способности государственного деятеля».

Монарх

Впервые с 1939 года нигде больше не воюют за Францию и во имя Франции. Но в самой Франции не затухают ожесточенные распри. Вспоминают о Вандее времен контрреволюционного восстания и о ярости шуанов. Речь идет, естественно, об ОАС. В Алжире она пытается оставить арабам «выжженную землю» и вызывает у европейцев последние отчаянные конвульсии. Сотни тысяч французов в панике уезжают во Францию и оседают в южных департаментах. Эти озлобленные люди создают благотворную почву для деятельности ОАС и «Национального совета сопротивления» во главе с Жоржем Бидо. Предпринимаются новые попытки покушений на де Голля. Шуаны не успокаиваются. В листовках «ультра» говорится: «Сегодня или завтра вопреки всему предатель де Голль будет уничтожен как бешеная собака». Генерал хладнокровно относился к подобным угрозам и не очень охотно уступал требованиям службы безопасности: «Я делаю свою работу, а вы извольте заниматься вашей». Тем не менее в Коломбэ он теперь летает на вертолете, а его маршрут до аэродрома постоянно меняется.

Но в Елисейском дворце имеется осведомитель, который по телефону информирует 34-летнего полковника Бастьен-Тери о всех передвижениях президента. Этот фашист, считавший себя выразителем национальной воли, руководил по поручению «Старого штаба» неудачным покушением у Поисюр-Сен. Летом 1962 года в контакте с ОАС он готовит нападение на президента боевой: группы, вооруженной автоматическим оружием. Среди его соучастников весьма характерная публика: бывший сотрудник французской разведки, один лейтенант, участвовавший в военном путче в Алжире, парашютист-неудачник, бывший владелец крупной фермы в Алжире, Трое венгров, бежавших с родины в 1956 году. 22 августа они сидят в машинах с автоматами в руках у перекрестна в пригороде Парижа Пти-Кламар. В 8 часов вечера Появляется президентский эскорт. В переднем «Ситроене» на заднем сиденье генерал и мадам де Голль, рядом с шофером их зять полковник де Буасье. Огонь открывают сразу из нескольких автоматов. Одна пуля пробивает заднее стекло, другая — кузов машины, и куски обивки сыплются на голову президента. В машину де Голля попали шесть пуль из 150, выпущенных бандитами. Шофер (тот самый, что вел машину у Пон-сюр-Сен) жмет на газ, и два «Ситроена» на полной скорости уходят. Нападающие сначала их преследуют, но потом разъезжаются в разные стороны. В лагере Виллакубле генерал вылез из машины

и, стряхивая с пиджака осколки стекла, сказал: «Эти господа совсем не умеют стрелять». Потом он говорит своему зятю: «Я не прощу этим наглецам, что они стреляли в женщину».

Покушение в Пти-Кламаре. Пробитая пулями машина генерала

Бастьен-Тери окажется одним из немногих фашистов-террористов, который получит по заслугам: его расстреляют. Вообще же генерал де Голль боролся против ОАС без особого ожесточения. Он, кстати, никогда не был мстительным. Так, все четыре генерала, возглавившие путч в апреле 1961 года и оказавшиеся на скамье подсудимых, отделались тюремным заключением. Де Голль хотел спустить на тормозах все движение «ультра», чтобы решить свои главные задачи с наименьшим количеством помех.

Покушение в Пти-Кламаре послужило сигналом к началу нового этапа в деятельности генерала де Голля. Как раз в 1962 году стало совершенно ясно, что с момента прихода к власти в 1958 году де Голль имел жесткую программу по преобразованию Франции в духе своих взглядов. Он никогда не излагал ее детально, ограничиваясь общей формулой: возродить государство и величие Франции. Конкретные пункты этой программы он проводил в жизнь в соответствии с обстоятельствами, а не в заранее установленной по времени последовательности. Но эта программа у него была, и первый пункт — мир в Алжире — де Голль выполнил. Теперь он целеустремленно пойдет дальше.

Эдгар Фор, один из крупнейших политических деятелей послевоенной Франции и из немногих, пользовавшихся

уважением де Голля, писал: «Непредвиденный случай положил начало движению: покушение в Пти-Кламаре. Мы видим здесь пример взаимодействия двух элементов: запланированного и неожиданного… Генерал де Голль хотел, учитывая возможность своего исчезновения, не оставить незаконченным то, что он рассматривал в качестве своей фундаментальной задачи: создание структуры государства».

Но разве де Голль уже не создал государство на основе конституции 1958 года? Нет, это было лишь началом государственной постройки, которую он хотел соорудить для себя, а следовательно, и для Франции. То был временный компромисс, который генерал терпел, пока шла алжирская война. Конституция 1958 года, как ни ограничивала она права парламента, не давала де Голлю независимости от традиционных политических партий, и они все чаще путали его карты, выступая «самозванными». по его мнению, посредниками между ним и Францией. А он стремился отстранить их от этого диалога. Отсюда проведение референдумов, казавшихся со стороны подчас совершенно неоправданными практическими потребностями. Например, вопрос о самоопределении Алжира дважды выносился на референдум. Де Голль использовал их, для того чтобы партии не вмешивались в его отношения с избирателями. Чрезвычайные полномочия после «недели баррикад», введение в действие статьи 16 конституции в связи с генеральским мятежом — все Это тоже этапы упорного движения де Голля к его идеалу государственного строя, при котором президент выполнял бы функции абсолютного монарха. Генерал хотел создать особый, небывалый в истории Франции тип государства, в котором своеобразно сочетались бы элементы республики с безусловно монархической основой.

Сразу после референдума, утвердившего Эвианские соглашения, де Голль меняет премьер-министра. Дебрэ был полезен, пока его присутствие служило средством сдерживания недовольства сторонников «французского Алжира». Теперь все это уходило в историю. Но зато «неудобства» Дебрэ оставались. Преданный голлист, он не всегда понимал генерала и пытался безрезультатно оказывать на него влияние, превращаясь в досадную помеху. Де Голль не видел необходимости и дальше сохранять такое положение.

В апреле 1962 года президент выдвинул на пост премьера Жоржа Помпиду, который в критический период становления Пятой республики полгода служил начальником кабинета де Голля. Затем Помпиду вернулся к своим обязанностям генерального директора банка Ротшильда, не порывая, однако, личных связей с генералом. Почти никого президент не

удостаивал, например, такой чести, как посещение в 1960 году вместе с мадам де Голль квартиры Помпиду в качестве частного гостя! Именно ему де Голль доверил установление секретных контактов с ФЛН. И вот теперь бывший преподаватель-филолог, ныне финансовый деятель в частном банке, не связанный формально ни с какой политической партией, вообще мало известный общественности, был выдвинут на второй по значению государственный пост Республики.

В Национальном собрании правительственную декларацию Помпиду одобрили 259 депутатов. Между тем 8 января 1959 года за Дебрэ было подано 453 голоса. Такая разница объяснялась не столько личностью нового премьера, сколько изменением внутриполитического положения. Война в Алжире, которая сдерживала рост оппозиционных настроений, закончилась. Многие направления внутренней и внешней политики де Голля давно уже вызывали недовольство. Личная власть де Голля, с его пренебрежением к собственной конституции, порождала тревогу. А речь шла как раз о новом, коренном усилении этой власти. Сразу после прекращения войны Де Голль заговорил о необходимости изменения порядка выборов президента так, чтобы за него голосовали не 80 тысяч выборщиков, а все избиратели. Замена косвенных выборов прямыми, носившая внешне демократический оттенок, в действительности означала дальнейшую персонализацию режима. Сразу выяснилось, что эти планы столкнутся с сопротивлением политических партий. Поэтому де Голль колебался, и только покушение в Пти-Кламаре побудило его начать действовать.

Грохот выстрелов заглушил предостерегающие голоса противников конституционной реформы. Де Голль решил, что теперь политическая обстановка облегчает ее проведение. Новый референдум будет выражением возмущения народа попыткой убийства президента. Поскольку существует столь явная опасность исчезновения де Голля, то своевременно решить вопрос о выборе его преемника. Все это придаст референдуму драматический характер, когда главную роль сыграют чувства, в том числе еще не остывшая признательность де Голлю за прекращение войны. Генерал знал, что все партии, кроме ЮНР, восстанут против его намерений. Однако ожидать более благоприятных условий трудно и надо использовать эмоциональный шок, вызванный стрельбой в Пти-Кламаре.

Конечно, любой другой из французских политиков попытался бы оттянуть неизбежную схватку с партиями, попробовать укрепить свои позиции и постараться вообще избежать ее. Не таков был де Голль. Умея долго и терпеливо выжидать, он часто

предпочитал первым наносить удары. Вспомним его тактику времен борьбы за профессиональную армию. Он предлагал не отсиживаться за «линией Мажино», а нанести превентивный молниеносный удар бронетанковыми соединениями. В области политики он действовал теперь в таком же решительно наступательном духе.

«После алжирского дела, — говорил де Голль, — партии хотят меня прикончить… Ну что же, я первый перейду в наступление!» Намереваясь изменить метод избрания президента, генерал выбивал оружие из рук противника. Ведь подавляющее большинство из 80 тысяч выборщиков представляли все более враждебные ему политические партии. Были здесь и другие соображения, связанные, например, с тем, что среди выборщиков числилось только два процента женщин, тогда как среди избирателей — 57 процентов. А опыт показал, что именно женщины гораздо охотнее, чем мужчины, голосовали за де Голля как за олицетворение «порядка», «стабильности» и к тому же в их представлении безупречного католика.

Президент, избранный всеобщим голосованием, сразу возвысился бы над парламентом. Ведь каждый депутат представляет лишь небольшой избирательный округ, а он один будет представлять всю страну и окажется воплощением народного суверенитета. Де Голль говорил, что уже почти век республиканская Франция является «телом без головы». Такой головой и должен стать президент. В частных беседах, в отличие от официальных речей, он не скрывал монархическую сущность своих замыслов. «Роль президента, — говорил де Голль, — должна носить монархический характер». По его словам, «Франция нуждается в монархии, но не в наследственной, исходящей из божественного права, а в монархии избирательной. Я выполняю функции монарха во имя Франции». Генерал оказался в конце концов достойным сыном своего отца Анри де Голля, называвшего себя «тоскующим монархистом». Сын решил стать «торжествующим монархистом». Он действовал вопреки всем французским республиканским традициям, вопреки духу радикализма, критики, отрицания, пронизывающего французскую культуру. Он поступал в соответствии с иной традицией, отражавшей реакционный аспект этой культуры, вдохновляясь модернизированными идеями таких реакционеров, как Жозеф де Местр или Шарль Моррас. Он пытался навязать Франции середины XX века государственное устройство, осужденное жизнью еще в XVIII веке. Профессор права Морис Дюверже писал, что выборы президента всеобщим голосованием — «это то же самое, что коронование в Реймсе при старой монархии».

Через несколько дней после покушения в Пти-Кламаре де Голль сообщил о своем решении правительству, повергнув министров в тягостное состояние недоумения, растерянности и страха за судьбу Пятой республики. Хотя лишь один из министров потребовал отставки, почти все они пытались отговорить президента от опасной затеи. Премьер-министр Помпиду, его предшественник Дебрэ, Конституционный совет и его председатель Ноэль, министры, председатели обеих палат парламента, сотрудники канцелярии Елисейского дворца — все они с разной степенью настойчивости и твердости хотели удержать де Голля от фатального движения по наклонной плоскости. Нечего и говорить о политических партиях, которые встретили план президента небывало дружными криками негодования: «Плебисцит! Государственный переворот! Абсолютная монархия!» Буржуазные традиционные политические партии образовали так называемый «картель сторонников „нет“». Правда, эта картина «республиканского гнева» скрывала за собой отнюдь не преданность принципам демократии. Бывший президент Ренэ Коти, также осудивший де Голля, раскрыл смысл оппозиции буржуазных партий. Он указал, что возникает опасность создания коалиции всех республиканских сил, включая коммунистов. Снова все тот же неистребимый страх перед призраком Народного фронта.

И все же члены правительства далеко не единодушно благоприятно отнеслись к его проекту. Почти все они надеялись, что период стабильности и разрядки последует за потрясениями, вызванными войной в Алжире. Надежды эти оказались тщетными, ибо генерал де Голль был человеком, которого постоянно «терзали неукротимые демоны действия».

Видимо, эти «демоны» и принудили генерала, гордо утверждавшего в январе 1960 года, что он уже «двадцать лет воплощает законность», без всякого колебания нарушить конституцию. Вопреки основному закону, требующему обязательного утверждения пересмотра конституции Национальным собранием и Сенатом, де Голль поставил проект реформы сразу на референдум. В ответ на негодующие протесты он заявлял, что интересы Франции и государства важнее любого закона. Он презрительно обвинял защитников конституции в «юридическом фетишизме». Такая бесцеремонная позиция производила особенно шокирующее впечатление во Франции, которую не зря называют самой «юридической» страной в мире. Типично французское сознание пропитано духом законности, идущим от глубоко укоренившихся норм римского права и гражданского кодекса Наполеона. Основные законодательные

нормы обычно рассматриваются французами как некие извечные ценности. А де Голль презрительно говорил: «Мы знаем, чего стоят все эти конституции! У нас их было семнадцать за 150 лет, и природа вещей оказалась сильнее конституционных текстов».

3 октября Национальное собрание начинает обсуждать проект реформы. Наступление против нее возглавил Поль Рейно, тот самый, который когда-то поддерживал полковника де Голля в борьбе за танки, а теперь представлял правую партию «независимых». Лидеры всех других партий, за исключением ЮНР, осудили реформу и внесли резолюцию порицания. После давно не виданных по своему ожесточению дебатов на рассвете 5 октября резолюцию порицания одобрили 280 депутатов из 480. Впервые в истории Пятой республики правительство было свергнуто. На другой день Помпиду вручил де Голлю заявление об отставке кабинета, и президент решил распустить Национальное собрание. 28 октября предстояли референдум, а затем новые выборы.

Началась борьба за голоса. Де Голль несколько раз выступает по радио и телевидению. Его противники развертывают контрнаступление. У них немало убедительных аргументов и возможностей для борьбы. Из 12 парижских ежедневных политических газет только одна безоговорочно поддерживала де Голля, две были нейтральны, две другие высказывали оговорки, а семь остальных категорически выступали против реформы.

Перед голосованием де Голль говорил в своем ближайшем окружении, что если его поддержат меньше половины французов, то он уйдет в отставку: «Я не смог бы оставаться во главе государства, не смог бы принимать важнейшие решения». Он мечтал получить 70 процентов голосов. Но ответили «да» 62 процента участвовавших в голосовании, что составляло только 46 процентов избирателей. Референдум показал резкое ослабление влияния де Голля, хотя и принес ему формальный успех. «Мы столкнулись с более мощными силами, чем мы думали», — мрачно констатировал генерал. «Французы— бараны… — снова повторяет он слова, всегда сопровождавшие его политические неудачи. — Эта страна не способна подчиняться дисциплине». Однако, поразмыслив, он не ушел, хотя и был уязвлен до глубины души «неблагодарностью» французов.

Теперь его надежды связаны с выборами в новое Национальное собрание, намеченными на 18–25 ноября. Надо было упорно бороться в условиях, резко отличавшихся от тех, что были четыре года назад, когда его имя служило общим знаменателем для разных буржуазных политических течений. Теперь он оказался в положении, напоминавшем его роль во главе

РПФ. Де Голль сам подчеркнул это, впервые официально выступив в поддержку кандидатов партии ЮНР против всех остальных партий. 7 ноября он решительно осудил их, объявив представителями «частных интересов», противостоявших интересам нации. Он призвал избирателей голосовать за сторонников положительного ответа на недавнем референдуме, то есть за кандидатов ЮНР, открыто превращавшихся в официальных кандидатов правительства.

Итоги выборов оказались реваншем за референдум, показавший явный упадок его влияния. Голлистская партия ЮНР укрепила свои позиции в парламенте. Впервые в парламентской истории Франции возникло прочное однородное большинство. ЮНР вместо 165 мест получила 233. Кроме того, к этому большинству примкнули 35 «независимых». Все остальные партии имели только 197 мандатов. Но за этими цифрами скрывались и некоторые другие более существенные показатели. Дело в том, что ЮНР собрала только 40,5 процента голосов, а другие партии 44,7 процента. Если бы действовала справедливая пропорциональная система выборов, ЮНР имела бы всего 148 мандатов, а не 233. Успех голлистской партии был достигнут за счет перехода голосов от правой консервативной партии «независимых» и МРП, потерявших свыше 100 депутатских мест. Главное же заключалось в том, что ради победы ЮНР де Голлю пришлось принести в жертву немалую часть своего авторитета. После того как он открыто высказался в поддержку кандидатов ЮНР, ему гораздо труднее стало претендовать на роль выразителя общенациональной воли. Из арбитра он превратился в лидера одной из политических партий, к тому же партии правой и консервативной, ибо за ЮНР голосовали избиратели, обычно отдававшие свои голоса правым. Конечно, де Голль получил послушное большинство, какого никто не имел во Франции с времен «бесподобной палаты» Людовика XVIII. Но сама Франция, ее народ отходили от него. Он сумел выйти победителем из развязанного им самим кризиса, но было ясно, что это лишь отсрочка, полученная благодаря разброду в лагере оппозиции.

Выборы оказались для важнейших сил этой оппозиции явным движением вперед. Коммунистическая партия собрала свыше четырех миллионов голосов и превысила свои показатели 1958 года. Число ее депутатов увеличилось с 10 до 41. Улучшили свои позиции и социалисты. Особенно знаменательным явлением оказалось частичное единство действий социалистов и коммунистов во время второго тура выборов. А этот факт открывал весьма тревожные перспективы для голлистской монархо-республики.

Во всяком случае, генерал был удовлетворен итогами 1962 года и в новогоднем обращении к французам подчеркнул два важнейших достижения: мир в Алжире и укрепление государственных институтов. Правда, он все еще не считал их идеальными и продолжал добиваться усиления своей личной власти. Французские юристы утверждают, что Пятая республика имела фактически не одну, а три конституции: компромисс 1958 года, конституция 1962 года, о появлении которой только что рассказано, наконец, конституция, которая получила практическое воплощение после выступления де Голля 31 января 1964 года. Если в первых двух случаях проводился референдум, то в третьем генерал счел достаточным просто изложить свои взгляды на государство, отвечая на вопрос в ходе пресс-конференции. Де Голль говорил, что «конституция — это дух, институты, практика». А затем, как бы возлагая сам на себя корону абсолютного монарха, сказал: «Нужно признать, и это верно, что неделимая государственная власть полностью передана избранному народом президенту, и нет никакой иной власти, министерской, гражданской, военной, судебной, которая может быть делегирована или осуществлена помимо его воли».

Ограничение власти, роли и значения всех без исключения республиканских государственных учреждений де Голль оправдывал так: «Наши новые институты отвечают требованиям эпохи, природе французского народа и тому, чего он в действительности хочет».

А как же он узнавал о желаниях и стремлениях народа? Требования политических партий или профсоюзов он всегда отвергал с презрением. Они, по его мнению, не имели права претендовать на представительство каких-либо слоев населения. Еще меньше он считался с газетами. «На протяжении 25 лет, — говорил он, — большинство французских и иностранных газет непрерывно отказывало мне в поддержке». А раз так, то они не имели в его глазах никакого авторитета.

Всем обычным средствам связи с народом генерал предпочитал непосредственные контакты с толпой. Разумеется, «глас толпы» заслуживал его внимания, когда он был восторженным и одобрительным. Генерал де Голль регулярно совершал поездки в провинцию. За 10 лет после возвращения к власти он сделал 38 таких турне, побывав почти во всех французских департаментах, появляясь не только в крупных центрах, но и в маленьких деревнях. Он говорил, что это «единственное средство общения с живыми силами страны». Осенью 1965 года де Голль сказал, что за 6 лет он фактически виделся лицом к лицу с 15 миллионами французов, посетил 25

000 коммун, ответил на приветствия 400 муниципальных советников и 100 тысяч выборных лиц, произнес перед толпами 600 речей и «пожал бесчисленное количество рук». Вернувшись после одной из таких поездок в Елисейский дворец, он говорил: «Великолепно такое обновление в гуще жизни. Действительность — это именно крестьяне и крестьянки. Всегда забывают, что на десять французов приходится восемь провинциалов. Восемь французов из десяти живут спокойно, думая о своем труде и о своих простых радостях. Если один француз из десяти бегает как сумасшедший в метро и суетится весь день, это еще не основание, чтобы самому сходить с ума».

Как же проходило на практике это, по выражению де Голля, «омовение в толпе»? Какой характер имели его связи с народом, что конкретно получал от этого президент и что он давал своим согражданам? Презирая все предупреждения службы безопасности, опасавшейся убийц из ОАС, де Голль всюду выходил из машины и шел прямо в гущу толпы. Он протягивал всем руки, обнимал людей, позволял экзальтированным особам вешаться ему на шею. Множество фотографий запечатлели подобные сцены. «Пропустите ко мне детей, — говорил он. — Ведь позже они смогут говорить: „Я видел генерала де Голля!“» Все это несколько напоминало средневековый обычай прикосновения короля к больным и калекам для их чудесного исцеления. Поистине, добрый король встречался со своим добрым народом! Он охотно говорил с простыми людьми и слушал их сам. И эти беседы поразительны по уровню их банального смысла, по обилию гиперболизированных трюизмов.

Вот типичные отрывки из подобных разговоров де Голля, приводившиеся в газетах. В Дордони: «Я был здесь до 1914 года. Тогда здесь были мулы, козы, быки. Сегодня у вас автомобили, тракторы, коровы. Это значит, что мы на верном пути». На заводах Крезо он спросил рабочего, стоявшего у гигантского агрегата: «Это вы командуете всем этим?» И добавил: «Никогда я еще не видел ничего подобного». Приехав в город, известный производством кружев, он восклицал: «Да здравствует Кодри! Да здравствует Республика! Да здравствуют кружева!» В Фекане: «Я приветствую Фекан, морской порт, который хочет им остаться и останется». В Лионе: «Лион ныне более лионский, чем когда бы то ни было». В Анжере: «Ну как ваш скот? — Ничего, мой генерал, но дела идут не очень. — Очень хорошо, очень хорошо. А дороги? — Они очень плохи, мой генерал, деревня совсем изолирована. — Но вы на верном пути. Я вижу, что в вашей деревне много хороших детей». А вот еще один из подобных диалогов, опубликованных в журнале «Экспресс»: «Да, движение очень

сильное. Я это учитываю. А вода? Все ваши деревни имеют воду? Прекрасно. У вас есть источники? Я хочу сказать, хорошие источники? Хорошо. Это важно. Да. А электричество? У вас оно есть? Как с этим делом? Прекрасно… Вы используете электромоторы? Все больше и больше… Очень важно. А ваши профсоюзы? Хорошо… У вас их несколько? А не спорят ли они немного между собой? А… А ваши школы? Вы хотите их сохранить? Я это учту. Чтобы молодежь не уходила… Я знаю это. Вы сельские жители и у вас сельские заботы. У вас дети, много детей, чудесных детей, и вы хотели бы знать, кем они станут…»

Эти евангельские примитивы, этот обмен упрощенными до предела фразами принадлежат отнюдь не к анекдотам о де Голле, распространявшимся в несметном количестве. Он был сознательно убежден, что с народом следует говорить именно так. Однажды де Голль поучал одного своего министра: «Вы понимаете, надо говорить специальным языком. Таким, каким говорите с детьми: Франция будет Францией, Европа будет Европой». Он указывал на необходимость «ясных фраз, легко воспринимаемых толпой, собравшейся на площади». Своему министру внутренних дел де Голль сказал как-то: «Наверное, вам надоедает слышать от меня повторение одних и тех же фраз. Но что вы хотите? Люди ждут этого. Если бы я говорил другим языком, они были бы совершенно разочарованы».

Конечно, с точки зрения чистой дидактики в рассуждениях де Голля есть доля истины. Вопрос в другом, насколько это ему помогало чувствовать стремление народа, понимать социальные и политические тенденции? Ясно, что в «демократии рукопожатий» было что-то карикатурное, хотя было бы неверно подозревать генерала в мелком шарлатанстве и сознательном комедиантстве. Его поступки, слова диктовались искренним убеждением, что именно так он служит Франции, олицетворяет ее, выражает волю народа. Самоослепление, предопределенное социальной, кастовой ограниченностью, может быть замечено только с определенной дистанции. Сам он не мог понять, что «омовение в толпе» дает лишь фикцию близости к народу. А со стороны было ясно, как он далек от народа, что инстинктивно, врожденно он считает его толпой неразумных детей, не способных разобраться, в чем их интересы. Не зря ему приписывали фразу: «Когда я хочу знать, что думает Франция, я спрашиваю самого себя!»

Правда, в официальных выступлениях де Голль с возмущением опровергал подозрения в том, что единственный голос, к которому он прислушивается, это его собственный внутренний голос. На пресс-конференции 9 сентября 1965 года

генерал утверждал: «Явно ошибаются, когда говорят, что президент изолирован от всего и от всех и что, принимая решения, он прислушивается только к самому себе». И далее де Голль нарисовал живописную картину своей деятельности: «Глава государства созывал 302 раза Совет министров, 420 раз проводил межминистерские совещания в узком составе, 605 раз он принимал в своем кабинете премьер-министра, 78 раз — председателей палат парламента, около 2000 раз — членов правительства, более 100 раз — председателей или докладчиков парламентских комиссий или председателей групп, около 1500 раз — видных чиновников, экспертов, лидеров профсоюзов и все это кроме чтения писем, заметок, докладов, которые направляли ему те или иные ответственные лица, кроме изучения разных досье».

К этому надо прибавить множество обязанностей в области внешней политики, к которой де Голль относился особенно ревниво, бесконечные приемы послов, переговоры, частые поездки за границу, встречи высоких иностранных гостей и многое другое. За этот же срок, то есть до сентября 1965 года, де Голль 30 раз выступил по радио и телевидению, провел 12 пресс-конференций, произнес 31 речь. Конечно, любой государственный деятель в нашу эпоху выдерживает огромную физическую и нервную нагрузку. Но поскольку де Голль создал необычайно централизованную систему, при которой все сходилось к его личности, когда решал все только он, то нельзя не поражаться этой фантастической работоспособности человека, которому шел восьмой десяток и здоровье которого отнюдь не было железным. В дополнение к ухудшающемуся зрению он страдал и от других типично старческих болезней. В 1964 году ему сделали операцию предстательной железы. Уже через две недели он приступил к работе в обычном, хотя и размеренном, но все же напряженном ритме. Но было ли это разумно? Огромная государственная пирамида стояла вверх ногами, опираясь на вершину! Мог ли один человек объять необъятное и в нашу усложненную эпоху воспринять и переработать столь гигантскую массу информации? Это было немыслимо, и поэтому де Голль приобретал все более деформированное, фрагментарное представление об окружающей жизни. Свою старую, давно затвердевшую систему взглядов и представлений он просто накладывал на бурно менявшуюся действительность, важные стороны которой нередко ускользали от его взора. Судьба, в которую генерал так верил, принесла ему закономерные, но для него неожиданные и крайне неприятные сюрпризы. Именно так в 1965 году произошел давно назревший разрыв его «контракта с Францией», который он окончательно и

отчетливо осознает лишь через четыре года, незадолго до смерти-Года за два до предстоящих в конце 1965 года президентских выборов в политических кругах, на страницах печати началось обсуждение их перспектив. Выдвинет ли де Голль свою кандидатуру на второй семилетний срок? Накануне референдума 1962 года он давал понять, что не собирается этого делать. Но разве можно заранее предвидеть поступки генерала? Уже в начале 1964 года социалист Гастон Деффер выдвигает свою кандидатуру и начинает предвыборную кампанию. Вскоре сенатор-радикал Андрэ Корню тоже объявляет о своих притязаниях на пост президента. Печать сообщала, что премьер-министр Жорж Помпиду имел аналогичные планы на случай, если генерал решит уйти. В это время появляется книга М. Бромберже «Секретная судьба Жоржа Помпиду», рисующая его в образе «дофина».

Генерал де Голль хранит молчание, а в кругу близких часто жалуется на усталость. Передают слова мадам де Голль: «Настоящие друзья генерала должны посоветовать ему не выставлять своей кандидатуры». Но в последний момент де Голль принял решение. Помпиду говорил, что он сам узнал о намерении генерала лишь за несколько часов до его официального заявления о выдвижении кандидатуры. Генерал не считал свою миссию выполненной: ведь он только начал проводить внешнюю политику большого размаха и намерен многое сделать для укрепления авторитета, независимости и величия Франции.

Хотя кандидатуры Деффера и Корню отпали еще раньше, у генерала оказалось пять соперников. Это мелкий фабрикант Марсель Барбю с неопределенной программой «борца с бюрократизмом»; вполне буржуазный кандидат Пьер Марсиласи, отличавшийся главным образом своим ростом (201 см, на 9 см выше де Голля); Тиксье-Виньянкур, близкий по духу людям из бывшей ОАС. Более серьезное значение имела кандидатура Жана Леканюэ, председателя МРП, выступавшего за верность Атлантическому союзу и против независимой внешней политики де Голля. Он пользовался поддержкой влиятельных кругов буржуазии. Однако самым серьезным соперником оказался кандидат социалистов, коммунистов и других левых группировок Франсуа Миттеран. Он выступал с прогрессивной программой замены «личной власти республикой граждан».

Сначала де Голль не предвидел особенно ожесточенной борьбы на выборах. Начиная кампанию своим выступлением по радио 4 ноября, он даже не использовал полагавшегося ему как кандидату времени. Но его речь звучала достаточно категорически: «Пусть же искреннее и массовое голосование

граждан побудит меня остаться на моем посту, и тогда будущее новой республики, несомненно, обеспечено. В противном случае — и никто в этом не может сомневаться — оно сразу же рухнет, и Франция окажется ввергнутой — на этот раз без возможности спастись — в государственный хаос, еще более катастрофический, чем тот, который она испытывала раньше».

Еще до первого тура выборов генерал почувствовал, насколько опасным противником является Миттеран, и усилил свою активность. Он решил снова выступить по радио и телевидению. Но только после 5 декабря, после голосования в первом туре, избирательная кампания приобрела весь драматизм. Впервые де Голль не собрал большинства! За него было подано лишь 43,7 процента голосов. По сравнению с референдумом 1962 года он потерял 2,5 миллиона!

А Франсуа Миттеран собрал 32,2 процента. Объединение левых обнаружило поразительную эффективность. В 24 департаментах Миттеран шел впереди де Голля.

«Волна грусти охватила меня», — вспоминал генерал. Да, кажется, скоро он снова останется один против всех. Буржуазия опять не хочет идти за ним. Жан Шарло, знаток голлизма, отмечал: «В декабре 1965 года большинство французских деловых людей предпочитали де Голлю Пинэ или Леканюэ». А левые? Казалось, компартия надежно изолирована, а ее раскол с социалистами непреодолим. И вдруг выдвижение общей кандидатуры левых и массовое голосование за Миттерана! Народ, трудящиеся уходят от де Голля — вот самый главный, пока еще удивительный для него и для многих факт. А ведь до сих пор сохраняется чувство благодарности к де Голлю за ликвидацию алжирского кризиса, широкое одобрение встречает его независимая внешняя политика. Даже в этих условиях левые избиратели, раньше голосовавшие за де Голля, а их число доходило до трех миллионов, отвернулись от него. Несомненно, это начало конца.

Два дня размышлений потребовалось де Голлю, прежде чем он объявил, что остается кандидатом и во втором туре. Он уединяется и никого не принимает. Жан Турну так описывает эти дни: «В Елисейском дворце те, у кого есть уши, слышат шаги человека, меряющего вдоль и поперек свой кабинет или свои апартаменты. Президент Республики ходит. Уходит и возвращается, проделывает сотни шагов. Только его мрачные думы служат ему спутниками. Внешне дворец имеет самый спокойный облик. А внутри молчание для некоторых становится зловещим. По своей комнате ходит человек, испытывающий кризис. Терзаясь внутренней драмой, де Голль стоит перед

наиболее грозным с момента окончания войны в Алжире вопросом: был ли он прав или ошибся, добиваясь избрания на второй семилетний срок? Он уже сожалеет о своем решении. Но затем изменяет мнение: битва будет продолжаться до конца!»

Объявляется «всеобщая мобилизация» голлистов. Помпиду собирает депутатов правительственного большинства, инструктирует их, и они мчатся в свои избирательные округа. Им предписано: не булавочные уколы, а «тактика бульдозера». В бой брошены все резервы: даже писательница Франсуаза Саган агитирует за де Голля. Но возглавляет кампанию сам генерал, пуская в ход свое неизменное оружие: слово. Создается впечатление, что неудача в первом туре оживила, даже омолодила президента. От тактики хладнокровных угроз он начинает переходить к уговорам. «Республика, — говорит он накануне голосования, — имеет своего президента. Это я. Я не говорю, что я превосходен и что у меня нет моего возраста. Я вижу лучше всех необходимость иметь преемников и возможность их выбора для проведения той же линии». И он напоминает об успехах, которые были достигнуты им вместе с французским народом. «Вместе с вами я могу завтра дать новый импульс нашим делам. Поэтому я готов снова выполнять самые высшие обязанности в стране».

19 декабря во втором туре выборов выступают только два кандидата. Де Голль избран президентом большинством в 54,5 процента голосов. Для любого другого кандидата это было бы выдающимся достижением. Но не для де Голля, всегда претендовавшего на ясное, твердое большинство, на общенациональное доверие. Конечно, в США президентами становятся и с меньшим перевесом, но это не может служить утешением, ибо политические условия двух стран несопоставимы. Де Голль, всегда убежденный, что во Франции у него вообще не может быть соперников, поражен успехом своего главного конкурента: кандидат левых сил Миттеран получил 44,8 процента голосов.

Де Голль с болезненной остротой ощутил полупоражение, которое он потерпел на президентских выборах. Когда 21 февраля 1966 года он проводил свою первую после выборов пресс-конференцию, у журналистов, собравшихся в парадном зале Елисейского дворца, создалось общее для всех впечатление: «Это уже не тот де Голль, каким он был в 1958 году». Торжественная, помпезная обстановка проведения пресс-конференции осталась такой же, как и прежде. Де Голль, подгримированный и потому странно моложавый, появился под ослепительным светом прожекторов телевидения и фотовспышек на эстраде, сел в кресло

за небольшой стол с микрофонами и окинул суровым взглядом огромный, сверкающий позолотой и хрусталем люстр зал, с трудом вместивший около тысячи журналистов. По правую руку от него, но не на эстраде, а, как полагалось, значительно ниже, расселись все члены «королевского дома» во главе с премьер-министром. Как всегда, это была, по определению обозревателя «Монд» Вьянсон-Понтэ, «торжественная месса режима, величественная церемония, окруженная всей помпой праздничного дня с колокольным звоном!».

Но общий тон всего происходящего как-то изменился. Корреспондент «Юманите» Луи Люк писал на другой день: «Де Голль в отступлении; он менее надменный, значительно менее уверенный в себе, производящий впечатление усталости». Генерал подвел итог выборов, подчеркнув свой успех любопытным сравнением: он отметил, что полученные им в первом туре 45 процентов голосов — это больше, чем его сторонники собирали на парламентских выборах в 1951, 1956, 1958 и в 1962 годах. Но такое сравнение лишь подчеркивало упадок его влияния. Поэтому де Голль и не сделал более правомерного сравнения с голосованием 1958 года на референдуме, когда он получил 80 процентов. Кроме того, президент снова признавал себя не воплощением общенационального единства, а лишь лидером одной, правда крупной, правой партии. Невозможно было превратить поражение в победу даже с его исключительным мастерством тщательно рассчитанных и эффектных выступлений.

Во втором томе «Мемуаров надежды», для которого де Голль успел написать только две главы, он рассказал, как после 1962 года, «благословенного года расцвета, обновления Франции», он столкнулся с непониманием и враждой. «Но как я не понимал, — с горечью пишет де Голль, — что все спасительное для нации не может не встретить порицания общественности и не привести к потерям на выборах». А в своих последних частных беседах в конце 1969 и в начале 1970 года де Голль будет с грустью говорить о том, как во время выборов 1965 года он почувствовал «разрыв его контакта с Францией». Как всегда, он сказал «с Францией», а не с французами, и это симптоматично, ибо приближает к пониманию смысла его политических неудач.

В данном случае главной причиной оказалась его реакционная, консервативная экономическая и социальная политика, из-за которой де Голль все более ясно выступал перед французами не в качестве вождя нации, объединяющего ее и воплощающего ее высшие интересы, к чему он субъективно как будто стремился, а как представитель господствующего класса,

как выразитель диктатуры крупного капитала. Генерал де Голль презирал низменные аморальные побуждения буржуазии, вечную погоню за прибылью, примитивный меркантилизм, ее духовную ограниченность. На решающих этапах своей карьеры он закономерно оказывался одиноким, изолированным от родственного ему социального класса, не способного разделять идеи, побуждавшие его действовать во имя «вечных» интересов Франции. Но он все равно оставался человеком этого класса, хотя служил ему, действуя часто против его желаний и стремлений. Франсуа Мориак, находивший для де Голля место «среди героев и святых», создававших Францию, совершенно серьезно сближавший его роль с библейским образом Мессии, тем не менее сделал в своей книге о де Голле любопытные замечания о характере отношений генерала с буржуазией. «Этот человек, — писал Мориак, — безразличный к деньгам и презирающий деньги, приспособился к капиталистической системе, не испытывая никакого отвращения к тем, кто ее воплощает, он использовал их и заставлял служить себе».

В действительности капиталистическая система также использовала де Голля и заставляла его служить ей. Этот, по определению Франсуа Мориака, «генерал мор-расистской формации» вслед за Шарлем Моррасом всегда отдавал предпочтение политике перед экономикой, имевшей для него подчиненное, второстепенное значение. Правда, он пришел к власти в 1958 году с твердым намерением покончить с инфляцией, дефицитом платежного баланса, с использованием иностранной финансовой помощи, поскольку все это подрывало национальную независимость Франции, обрекая ее вместо величия на унижение. Конечно, подобно командиру полка, который следит, чтобы солдат хорошо кормили, ибо от этого зависит боеспособность полка, он отнюдь не был против повышения жизненного уровня французов и их материального процветания. Но для него это дело второстепенное и не может идти ни в какое сравнение с необходимостью обеспечить мощь государства. Только этим могут быть оправданы любые жертвы. Поэтому, когда он видел из автомобиля на дорогах Франции многочисленные лозунги, вроде «Гони монету, Шарль!», выражавшие требования городских и сельских тружеников, он не обращал на них внимания.

На пресс-конференции 21 февраля 1966 года генерал де Голль сказал: «Экономическая, финансовая и социальная ориентация французской политики никогда не изменялась с 1958 года». Так оно и было. С самого начала де Голль, оставив за собой «заповедные» или «зарезервированные области»: внешнюю

политику, Алжир, колонии и вооруженные силы, передал другие сферы государственного управления в ведение своих министров. Рассказывают, что однажды Дебрэ, будучи премьером, ворчливо сказал генералу: «Алжир — это вы. Цена на молоко — это я». Генерал выслушал его, а затем, не сказав ни слова, приказал повысить цену на молоко. Но это был исключительный случай. Обычно происходило иначе. «Интендантством» занимались «способные люди». Естественно, что в экономике самые «способные» это те, смысл жизни которых состоит в выколачивании прибыли. Не удивительно, что экономикой и финансами занимались люди из мира больших денег, промышленники и банкиры — Пинэ, Баумгартнер и другие им подобные. Вообще при де Голле небывало упростился доступ прямых представителей финансовой олигархии к власти. Раньше надо было добиваться депутатского мандата, затем проходить испытание парламентских дебатов, где левые депутаты не жаловали промышленников и банкиров. Новая государственная система устранила эти препятствия.

«Политика, проводимая с 1958 года и особенно с 1962 года, — писал бывший премьер Мендес-Франс, — заключалась в передаче рычагов управления, находившихся в руках государства и являющихся необходимыми рычагами планирования, в особенности основного — финансирования, в руки частных предпринимателей».

Все началось еще в сентябре 1958 года, когда де Голль создал для разработки своей экономической политики комитет специалистов во главе с Ж. Рюэффом, бывшим финансовым советником Пуанкарэ и Лаваля. В комитет вошли исключительно представители банков и трестов. Они подготовили серию правительственных указов, изданных в декабре 1958 года. Эти указы были направлены в соответствии с планами де Голля на укрепление экономической независимости Франции, ее позиций в конкурентной борьбе на мировых рынках. Появился новый, «тяжелый» франк, равный 100 старым франкам. Девальвация, то есть уменьшение стоимости франка по отношению к иностранной валюте, облегчила рост французского экспорта. Сокращался внешнеторговый дефицит, росли золотые запасы, которых в 1958 году практически вообще не было. В 1963 году они составили 4,5 миллиарда долларов. Франк стал одной из самых прочных валют. Промышленный подъем способствовал укреплению экономических позиций Франции. Промышленники получили множество привилегий, их доходы резко возросли. К моменту президентских выборов в декабре 1965 года производство увеличилось на 43 процента, экспорт — на 88 процентов.

Но какой ценой, за счет кого это было достигнуто? Отменили субсидии, которые сдерживали рост цен на предметы широкого потребления, повысили тарифы на газ, электричество, транспорт, почтовые услуги и т. п. Сокращались социальные пособия, пенсии. Отменялась система поддержания цен на продукты, поставляемые крестьянами. Повышались налоги. Словом, экономическая политика Пятой республики сводилась к тому, что за все платили бедные. Разрыв между высокими и самыми низкими доходами возрастал. Если в Швеции первые превышали вторые в 17 раз, то во Франции — в 74 раза. По росту цен Франция обгоняла США, ФРГ, Англию, Бельгию. Только Италия оставалась впереди. За десять лет Пятой республики цены увеличились на 40 процентов.

Особенно скандальное положение создалось в жилищном строительстве. При 15 миллионах остро нуждавшихся в жилье в год строилось не более 370 тысяч жилищ. Правда, только в Париже постоянно пустовало около 10 тысяч прекрасных квартир. Но они предназначались для богатых и стоили несметных денег. А чтобы получить дешевую муниципальную квартиру, надо было много лет ожидать очереди. Франция оставалась страной с самой высокой в Западной Европе стоимостью жизни. Ничего не делалось для борьбы со спекуляцией и злоупотреблениями буржуазии. Роскошь и нищета сосуществовали рядом во все более вопиющем контрасте. При этом промышленное производство росло, повышалась производительность труда, а значит, и эксплуатация, в то время как увеличение зарплаты с трудом компенсировало рост цен и инфляцию.

Экономическая политика, проводившаяся под лозунгами эффективности производства, рентабельности и конкурентоспособности, тяжело отражалась не только на положении живущих на зарплату рабочих и служащих. Быстрая концентрация производства разоряла массу мелких хозяев, особенно крестьян. Правительственные планы предусматривали ликвидацию 800 тысяч крестьянских хозяйств. Крестьянские волнения охватывают десятки департаментов. Баррикады из сельскохозяйственных машин останавливают движение по дорогам страны.

Де Голль в изображении одного из карикатуристов

Что касается рабочего класса, то он, после небольшой паузы в начале существования Пятой республики, активно вступает в борьбу против реакционной социальной политики нового режима. Летом 1959 года забастовочное движение возрастает во всех отраслях промышленности. В ответ правительство устами Мишеля Дебрэ провозглашает лозунг: «Власть не отступает», и занимает самую непримиримую позицию. Оно издает декрет о «реквизиции», то есть о принудительном возвращении бастующих на работу. Но профсоюзы прибегают к новым разнообразным формам борьбы. В 1961 году забастовочное движение увеличивается по сравнению с 1959 годом в три раза. Особенно оно усиливается в 1963 году. Всеобщая забастовка шахтеров вызвала еще небывалое по остроте испытание сил между рабочим классом и авторитарным режимом. Де Голль лично подписал декрет о «реквизиции». Шахтеры отказались подчиниться. Рабочие других отраслей промышленности забастовали в знак солидарности. Правительство отступает и идет на переговоры с профсоюзами. Весенний социальный конфликт 1963 года не случайно оказался моментом наибольшего падения авторитета де

Голля. В первый раз он прямо и непосредственно ввязался в классовую схватку и потерпел поражение. И в дальнейшем ему не раз придется отступать перед натиском рабочего класса. Именно в этой области де Голль сталкивается с наибольшими трудностями и терпит явные неудачи. В социальных делах этот реалист обнаруживает максимальную степень непонимания реальности. Классовая борьба представлялась ему явлением крайне опасным, но необъяснимым. Он говорил, что «концепция» классовой борьбы «противоречит тому, что особенно глубоко в его сознании», то есть принципу единства нации. Он не мог понять объективно неизбежного характера классовых конфликтов в буржуазном обществе. Поскольку именно рабочие были вынуждены, защищая свои права, выступать активной, нападающей стороной в социальных столкновениях, они в его глазах, естественно, оказывались виновниками нарушения единства нации и ее ослабления. И он закономерно всегда оказывался вопреки своим претензиям на роль беспристрастного арбитра на стороне буржуазии, ибо ведь она-то была за «порядок». Ему приходится непрерывно вмешиваться в экономическую и социальную политику, ибо ее результаты ставили под вопрос все начинания во внутренней и внешней политике. В 1963 году рост цен и инфляция вновь угрожают подорвать внешнеполитические позиции страны.

13 августа 1963 года в разгар отпускного сезона де Голль созывает заседание Совета министров. Он стучит кулаком по столу: «Правительство ничего не делает, чтобы помешать росту цен. Мы в разгаре инфляции. Великая страна не может существовать без стабильной валюты. Или мы спасем франк, или нас всех выкинут. Я даю вам пятнадцать дней для принятия решительных мер». В сентябре появился план так называемой «стабилизации»: правительство обещало не допускать роста цен, а профсоюзы должны были отказаться от требований повышения зарплаты. Таким образом рассчитывали задержать инфляцию. В интервью журналу «Пари-Матч» премьер-министр Помпиду, выражая точку зрения генерала, говорил в связи с этим планом: «Я лично не придерживаюсь того мнения, что главная задача нашего режима и всей деятельности, направляемой генералом де Голлем, заключается в том, чтобы принести всем французам материальное благоденствие. На мой взгляд, главная задача состоит в том, чтобы вернуть им достоинство». И он откровенно сказал далее, что каждый француз должен согласиться «на известное ограничение прогресса в своем личном благосостоянии». В результате план «стабилизации» привел к блокированию зарплаты, к новому ухудшению положения

трудящихся. И когда в декабре 1965 года прошли президентские выборы, все комментаторы, объясняя ослабление позиций президента, в один голос заявляли, что «самое большое поражение в избирательной кампании потерпел план стабилизации».

После президентских выборов экономическая и социальная политика де Голля направляется уже другим, несравненно более широким и важным государственным планом, охватывающим всю экономику. Собственно, сразу после войны Франция превратилась в капиталистическую страну с самым высоким уровнем планирования. До прихода к власти де Голля действовали уже три «плана модернизации и оснащения». Но они имели сравнительно ограниченный характер и представляли собой скорее программу ориентации, чем настоящий план. При де Голле положение меняется, и план, именуемый теперь «планом экономического и социального развития», становится основой всей экономической политики государства. Теперь его рассматривает и утверждает парламент. Четвертый план (1962–1965) генерал де Голль называл своим «пламенным долгом». И это действительно был план экономического развития, хотя в сущности его использовали для согласования политики государства и крупных монополий с целью усиления концентрации. Пятый план (1965–1970) шел еще дальше и обеспечивал абсолютное господство монополий в экономике, укрепление их позиций в борьбе с иностранной конкуренцией. Генеральный комиссар планирования Массэ говорил: «Конкурентоспособность — это первая цель, ибо она является ключом ко всему остальному. Пятый план будет планом усилий». Генерал де Голль, расхваливая в январе 1966 года этот план, говорил, что он «отвечает социальной справедливости, поскольку делает упор на политику доходов». На деле это свелось к тому, что доходы предпринимателей бесконтрольно и бурно росли, а «доходы» бедняков оказались под жестким контролем. Речь шла о сокращении потребления, блокировании зарплаты, о намеренном увеличении безработицы. Впрочем, сам де Голль в заключение дал понять, что социальная политика серьезно не изменится: «Природа не делает скачков, и молодое дерево растет без рывков. Так же происходит с новой Францией».

В душе генерал де Голль, вероятно, хотел бы сделать капитализм более справедливым и рациональным. Ведь по происхождению и воспитанию он был связан с буржуазией севера, издавна склонной к идеям социальных реформ с целью ослабления классовой борьбы. Но когда дело доходило до практических мер по улучшению положения трудящихся, де

Голль вставал перед вопросом: за счет чего это сделать? Он не допускал и мысли о сокращении, например, огромных ассигнований на осуществление программы атомного перевооружения и создания так называемой «ударной силы». Ведь политика величия превыше всего. Не могло быть речи, конечно, также и о том, чтобы коснуться прибылей крупной буржуазии. Жан Лакутюр пишет в своей биографии де Голля: «Если в излюбленных областях — стратегии, дипломатии, истории генерал столь склонен к действиям-вспышкам, воспламеняющим все, то в экономике он стремится избежать резких ударов, прикрыть все вуалью. Перед иностранцами он ведет себя как Ришелье, перед группами капиталистических интересов — как Мазарини».

Президентские выборы заставили, однако, де Голля серьезно задуматься о социальных реформах. Собственно, он и раньше немало говорил о них. В 1950 году, возглавляя РПФ, в своей речи в Булонском лесу он осудил классовую борьбу, происходившую «повсюду — в цехах, на полях, в канцеляриях, на улице». «Она, — сказал де Голль, — отравляет отношения между людьми, от нее безумеют государства, она нарушает единство наций, разжигает войны». В противовес этому он выдвинул старую, как сам капитализм, идею ассоциации труда и капитала, которая заменила бы классовую борьбу между рабочими и капиталистами их дружным сотрудничеством. В голлистском движении среди многих левых фракций появляется группа во главе с Луи Валлоном и Ренэ Капитаном, старыми соратниками генерала времен войны, которые выступают. за крупные социальные реформы. В 1959 году возникает «Демократический союз труда» (ЮДТ), сливающийся затем с основной голлистской партией ЮНР. По мнению Жана Шарло, Валлон и Капитан «остаются в голлистском движении, несмотря на природный консерватизм его членов, только из-за веры в революционные намерения генерала де Голля. Они ждут великой „социальной реформы“, которую генерал должен навязать своему большинству, как он некогда навязал ему независимость Алжира, опираясь в случае необходимости на народ с помощью референдума».

Практически «революционные» замыслы выразились в том, что в январе 1959 года появился декрет о введении «заинтересованности» на предприятиях, об участии рабочих в прибылях путем приобретения ими акций. Это было то, что в США именовалось «народным капитализмом», призванным ослабить борьбу рабочего класса за свои права. Реальные последствия декрета, с презрением отвергнутого профсоюзами, были ничтожны. В марте 1965 года лишь 202 предприятия

применяли систему «участия». На них было занято лишь 104 тысячи рабочих, то есть меньше одного процента всех трудящихся страны. Однако бурный рост недовольства рабочего класса реакционной политикой Пятой республики побудил голлистских реформаторов к новым действиям. В мае 1965 года при обсуждении в парламенте закона о налогах на компании Валлон вносит поправку о правах трудящихся на участие в прибылях, которая и была принята. Она не вызвала энтузиазма ни у профсоюзов, ни у предпринимателей. Однако после президентских выборов в декабре 1965 года де Голль в нескольких выступлениях проявил намерение придать планам «участия» рабочих широкий размах.

Но практически дело пока сводилось к созданию специальной комиссии, составленной в основном из предпринимателей, которая не спеша разрабатывала законодательные предложения, учитывающие исключительно интересы владельцев предприятий. «Исторический» план «участия» служил лишь предметом довольно вялой газетной полемики. Печать монополий относилась к нему с явным скептицизмом, а профсоюзы справедливо рассматривали его в качестве демагогии, призванной замаскировать все более реакционную и антинародную социальную политику. Непрерывные забастовки свидетельствовали о росте недовольства народа. Происходил явный политический сдвиг в пользу левой оппозиции.

В таких условиях 5-12 марта 1967 года происходили выборы. Учитывая неблагоприятную обстановку, де Голль накануне голосования открыто вмешался в избирательную кампанию, призвав голосовать за ЮНР. Это было новое грубое нарушение конституции, запрещавшей президенту выступать на стороне какой-либо одной партии. Вновь де Голль рисковал своим авторитетом и влиянием. Несмотря на это, ЮНР получила всего 38 процентов голосов. Это было новое поражение, учитывая, что в декабре 1965 года за де Голля в первом туре отдали голоса около 45 процентов избирателей.

Левые партии все вместе собрали на 1 миллион 300 тысяч голосов больше, чем голлисты. Отныне режим де Голля пользовался поддержкой явного меньшинства населения страны. Интересно, как де Голль сам оценил результаты выборов. На пресс-конференции 16 мая 1967 года он сказал: «Теоретически институты Республики не были целью этих выборов. Это не был национальный референдум, просто это было… 487 случаев местного соперничества, и тем не менее институты Республики были задеты». Итак, генерал все же признает главное, хотя и старается преуменьшить политическое значение выборов. Его

волнует будущее; ведь теперь у него нет надежного большинства в парламенте.

Но на пресс-конференции 16 мая де Голль очень мало и бегло говорил о внутриполитическом положении; в основном речь шла о внешней политике. Действительно, внешнеполитическая деятельность генерала как бы компенсирует провал экономической и социальной политики. Здесь его политическая смелость, инстинктивный реализм находят достойное воплощение.

Величие

«Все, что я делаю, — говорил де Голль, — служит величию Франции». Что же конкретно означало для него понятие величия? Формальное положение великой державы? Но еще в конце войны не без участия де Голля Франция получила наравне с СССР, США, Англией и Китаем постоянное место в Совете Безопасности ООН. Может быть, речь шла о реальном могуществе? Во Франции издавна принято считать, что великой державой является государство, способное в одиночку выдержать войну против любой другой великой державы. Мечтать об этом, особенно в атомную эпоху, было бы бессмысленно. Что представляла собой Франция по сравнению с такими гигантами, как СССР или США? Конечно, экономические позиции Франции после войны укрепились, ее удельный вес увеличился, закончился злосчастный демографический упадок и при де Голле население страны возросло до 50 миллионов человек. Франция имела теперь солидные запасы золота. Однако на фоне ресурсов двух мировых гигантов все это выглядело, впрочем, довольно миниатюрно. И де Голль с горечью воскликнул как-то в частной беседе: «О, если бы я был президентом Соединенных Штатов…»

О традиционном «пушечном величии», основанном на превосходстве в материальной силе, нечего было и думать. Генерал де Голль надеялся вернуть Франции величие, добившись преобладающего морального авторитета. «Чтобы пользоваться международным авторитетом, — говорил он, — нет необходимости быть огромной страной». Для этого, по его мнению, надо было прежде всего обладать полной, максимально возможной независимостью. Поскольку характер де Голля больше всего соответствует этой тенденции, внешняя политика Франции должна стать его личной политикой, направляемой его волей. Дух независимости, сила характера, всегда отличавшие его, должны служить величию Франции. «Характер, — говорил де Голль, — это прежде всего способность пренебрегать недовольством, возражениями своих союзников». Он хорошо знал, что среди современных ему политических деятелей западного мира в этом отношении у него нет соперников. «Только мы способны, — говорил генерал, — сказать „нет“ американскому протекторату. Ни немцы, ни итальянцы, ни бельгийцы, ни голландцы не скажут „нет“. Лишь мы одни можем это сделать, и в этом наш долг». Особенно мало стремления к независимости он усматривал у англичан. Он не забывал, что даже сам Черчилль советовал ему когда-то «сгибаться» перед американцами.

«Великобритания имеет слабых королей. Есть еще видимость, обычаи, королевские традиции, английские институты. Но все это в счет не идет. Руководители склонны к унизительному самобичеванию». Он саркастически говорил о наиболее крупных и авторитетных руководителях Западной Европы: «Что бы ни говорили о них и что бы они сами ни воображали, все эти почтенные люди думают только о своей карьере. Им в высшей степени наплевать на свои страны».

Что касается де Голля, то он ни в какой степени не мог, подобно им, наплевать на Францию. Увы, перед тем как де Голль пришел к власти, на Францию плевали другие, и она была, по его мнению, просто американским сателлитом. Решимость положить этому конец явилась смыслом внешней политики де Голля. Конечно, высокомерное презрение к слабохарактерным партнерам (высказываемое, разумеется, в узком кругу) вряд ли могло помочь его замыслам. Де Голль пускает в ход целый арсенал разнообразных дипломатических приемов — от лести до шантажа, от убеждения до угроз. Тонкий расчет, симуляция, выдержка, хладнокровие и, конечно, молчание, внезапно сменявшееся страстными патетическими заявлениями, — все это далеко не полный перечень практических приемов голлистской дипломатии. Генерал был мастером психологической игры. Но главное, что всегда скрывалось за внешне эмоциональными, облаченными в великолепную риторику внешнеполитическими декларациями де Голля, состояло в его глубочайшем политическом реализме. Это был макиавеллизм высшего класса. В политике неуместна сентиментальность, здесь совершенно необходим трезвый цинизм — этому он откровенно учил своих сотрудников. Генерал любил повторять слова Ницше о том, что государства— это «хладнокровные чудовища». Однажды на заседании правительства Кув де Мюрвиль заговорил о «государствах, дружественных Франции…» Де Голль немедленно прервал его: «Господин министр иностранных дел, государство, достойное этого имени, не имеет друзей!»

На первый взгляд эта фраза кажется по меньшей мере парадоксом. Но смысл становится понятным при ее сопоставлении с высказываниями де Голля времен войны: «Наши союзники являются также нашими противниками»; «Война — против наших врагов. Мир — против наших друзей»; «Союзники — это иностранцы. Завтра они могут стать врагами». Так де Голль доводил до конца важнейший для него принцип национальной независимости.

Взяв власть в свои руки, генерал де Голль начал борьбу за возрождение независимости Франции путем посте-пенного

движения к… предоставлению независимости Алжиру. Пока продолжалась война, внешняя политика де Голля неизбежно оставалась скованной ее прямыми и косвенными последствиями. Поэтому решение алжирской проблемы служило в первые годы Пятой республики, по существу, главным выражением его внешней политики. Только после Эвианских соглашений эта политика получает полный размах. Но все же и до 1962 года голлистская дипломатия во всех вопросах оказалась значительно активнее дипломатии Четвертой республики. Особенно важно, что намечались изменения ее некоторых важнейших принципов, хотя пока шли лишь поиски, зондирование, проверка методов, маневрирование, словом, становление внешней политики де Голля. В ней все яснее обнаруживаются те же самые особенности, что и в его политике в 1940–1946 годах. Собственно, в 1958 году он начал с того, к чему тщетно стремился во время войны, то есть с попытки попасть в закрытый «клуб великих».

24 сентября 1958 года де Голль направил президенту США Эйзенхауэру и британскому премьер-министру Мак-миллану секретный меморандум, в котором требовал, чтобы в Атлантическом союзе была создана система трехсторонних консультаций Франции, США и Великобритании для совместной разработки и принятия важнейших решений. Как раз незадолго до этого англосаксонские державы предприняли весьма рискованные действия на Ближнем Востоке и в Тайваньском проливе. Как обычно, с Францией не посоветовались. Генерал де Голль пишет в «Мемуарах надежды»: «Как я и ожидал, оба адресата, получившие мой меморандум, ответили уклончиво. Следовательно, у нас были все основания действовать».

В марте 1959 года генерал де Голль приказал вывести из-под командования Атлантического союза французский средиземноморский флот. Затем он запрещает американским войскам держать во Франции атомные бомбы и строить на французской территории установки для запуска ракет. Под французское командование вскоре возвращаются соединения противовоздушной обороны и устанавливается система контроля за полетами военных самолетов над территорией Франции. Вопреки прежним соглашениям де Голль отказывается передавать под командование НАТО французские соединения, возвращавшиеся из Северной Африки. Словом, происходило неуклонное сокращение участия Франции в НАТО. А ведь др прихода де Голля к власти все правительства Четвертой республики считали Атлантический союз абсолютной ценностью, основой всей внешней политики. Любые требования американцев, возглавлявших военный блок, выполнялись беспрекословно.

Нетрудно представить себе, о чем шла речь на переговорах де Голля с президентом Эйзенхауэром, прибывшим в Париж в начале сентября 1959 года. Два генерала, бывшие товарищи по оружию, не нашли общего языка, хотя вообще-то Эйзенхауэра встречали в Париже очень приветливо. Генерал де Голль говорил одному американцу: «Я испытываю горячие чувства дружбы к генералу Эйзенхауэру. Это благородный человек». Но затем де Голль вздохнул и добавил: «Люди могут иметь друзей. Но государственные деятели — никогда».

Вскоре после отъезда Эйзенхауэра, 16 сентября 1959 года, президент де Голль посетил Высшую военную школу. Там перед слушателями и преподавателями он изложил новую политику в области обороны страны. «Необходимо, — сказал де Голль, — чтобы оборона Франции была французской. Если такой нации, как наша, придется вести войну, это должна быть ее война; французские усилия должны быть ее собственными усилиями. Нашу оборону, безусловно, можно в случае необходимости координировать с обороной какой-нибудь другой страны, но мы должны осуществлять эту оборону в наших собственных интересах и по своему собственному усмотрению».

Речь де Голля по его распоряжению публикуется в информационном журнале военного министерства. И вот на заседание правительства в Елисейский дворец с этим журналом в руках является министр финансов Антуан Пинэ. Бывший вишист давно стал ярым поборником НАТО. Он убежден, что Франция погибнет без американского покровительства. Пинэ достает журнал и зачитывает на заседании речь де Голля. Затем он обращается к нему: «Господин президент! Если я вас правильно понял, вы осудили сам принцип НАТО… Наши союзники возмущены вашей речью… У нас нет средств для самостоятельной обороны».

Генерал, который председательствует на заседании, презрительно бросает: «Господин министр финансов интересуется проблемами внешней политики?» И он напоминает о своем прошлогоднем меморандуме, о мерах по восстановлению независимости французской национальной обороны. Де Голль подтверждает свою решимость продолжать такой курс. Пинэ пытается спорить, но де Голль не находит нужным отвечать по существу. Он встает и сухо произносит: «Спасибо, господин Пинэ. Господа, объявляю заседание закрытым». Генерал выходит, не пожав никому руки. Затем происходят объяснения. Де Голль говорит своему министру: «Я упрекаю вас не за то, что вы высказали свои мысли, а за то, что вы сделали это на Совете министров». Пинэ заявляет, что в этом он видит свой долг. Де

Голль напоминает, что безответственность времен Четвертой республики ушла в прошлое: «Я один определяю политику и один несу за это ответственность. Только мне принадлежит право принимать решения». В конечном итоге в январе 1960 года Пинэ получает отставку. Резко обнаруживается оппозиция основных буржуазных партий новой внешней политике Франции. «Независимые», МРП, радикалы, социалисты— все они не в состоянии представить себе никакой другой политики, кроме безропотного подчинения Вашингтону. Пока де Голль в какой-то мере вынужден считаться с этим. Ведь он еще нуждается в поддержке, чтобы решить алжирскую проблему.

Не менее серьезна в связи с этим же обстоятельством и позиция самого Вашингтона. Американская печать не перестает яростно клеймить «раскольнические» действия де Голля. В начале лета 1961 года в Париж приезжает президент Кеннеди. Американцу был оказан исключительно пышный прием. На официальных церемониях президент США и его супруга вели себя с чисто французской изысканностью и элегантностью. Генерал де Голль держался с американской простотой и суровостью «Коннетабля». Все выглядело великолепно. Версаль во время официального приема сверкал так, что этому позавидовал бы сам «король-солнце» Людовик XIV. Но тем более мрачной, угрюмой оказалась атмосфера на переговорах де Голля и Кеннеди. Президент США, уже встречавшийся с любезными и лояльными руководителями западноевропейских стран, приезжавшими в Вашингтон, с трудом находит нужный тон. В «Мемуарах надежды» де Голль так описывает встречу: «Теперь американцы вынуждены считаться с нашей независимостью и иметь дело непосредственно с нами. Но они тем не менее не могут представить себе, что их деятельность перестала быть решающей и что наша деятельность может идти в каком-либо ином направлении. Короче говоря, в каждом случае, когда Кеннеди мне предлагает какой-либо шаг, — это шаг, который должен быть сделан в порядке участия в его действиях. Я отвечаю, что Париж, безусловно, готов обсудить вопрос о согласованности действий с Вашингтоном, но все, что делает Франция, она делает как хозяйка своей политики и по собственному почину».

Два президента говорят не только о действиях Франции в НАТО. Теперь Париж и Вашингтон выступают раздельно по многим вопросам мировой политики. Франция публично осудила действия США в Конго, где под прикрытием ООН они грубо вмешались, чтобы устранить Лумумбу. Кеннеди предлагает де Голлю принять участие в этом деле, но встречает решительный отказ. Есть между ними и другие острые разногласия. Порвав

отношения с Кубой, США призвали Францию последовать их примеру. Однако Франция сохранила свое посольство в Гаване и отказалась ввести эмбарго на торговлю с Кубой. Но главный пункт разногласий — Вьетнам. Кеннеди сообщает де Голлю, что США готовятся к военной интервенции. Он хочет получить одобрение, но де Голль выливает на него ледяной душ осуждения новой авантюры. Он говорит Кеннеди: «Интервенция в этом районе приведет к тому, что вы безнадежно завязнете в этой бесконечной войне. После того как нация пробудилась, никакая иностранная власть, какими бы средствами она ни располагала, не имеет шансов на то, чтобы навязать там свою волю. Вы сами в этом убедитесь… Я вам предсказываю, что вы будете увязать шаг за шагом в бездонной военной и политической трясине, несмотря на все свои потери и расходы».

Эта суровая нотация, которую старый генерал прочитал молодому президенту в 1961 году, выглядит, впрочем, ласковым увещеванием на фоне его последующих публичных разоблачений американской авантюры во Вьетнаме, в которые де Голль вкладывал всю силу своего бичующего красноречия. Переговоры закончились, как это принято, опубликованием коммюнике, составленного из общих фраз, скрывавших тот факт, что два президента согласились лишь в том, чтобы и дальше не соглашаться. Действительно, франко-американские противоречия приобретут в будущем значительно большую остроту, несмотря на общность в главном — в принадлежности к лагерю империалистических стран. В разгар знаменитого Карибского кризиса, поставившего мир на грань войны, де Голль дал знать Кеннеди, что в этом случае Франция будет на стороне США. Как бы далеко ни заходил де Голль в проведении независимой политики, Франция в силу своей социальной природы оставалась скованной органическим классовым единством с США.

Возвратившись на родину, Джон Кеннеди 6 июня выступил по радио с сообщением о своей поездке в Европу. Он рассказал, в частности, о впечатлениях от встречи с де Голлем. «Я обнаружил, — говорил Кеннеди, — что генерал де Голль более заинтересован в том, чтобы мы откровенно изложили свою позицию, независимо от того, совпадает ли она с его собственной, чем в видимости нашего согласия с ним, когда на самом деле мы не согласны. Он прекрасно понимает истинный смысл союза. Ведь он в конце концов единственный из главных руководителей второй мировой войны, кто все еще занимает весьма ответственный пост. Его жизнь — пример необычайной целеустремленности. Это выдающийся человек, олицетворяющий новую мощь и историческое величие Франции… Генерал де Голль

не мог проявить большую сердечность, и я не мог питать больше доверия ни к одному человеку, а этот человек к тому же обладает сильным характером».

Джон Кеннеди не скрывал, таким образом, своих разногласий с де Голлем и косвенно признавал неудачу переговоров с ним. Но одновременно он высказывал весьма лестные слова в адрес генерала. Быть может, он рассчитывал сделать его более покладистым? Вряд ли. Кеннеди был слишком умным человеком, чтобы не понимать тщетность подобных уловок по отношению к де Голлю. Видимо, он действительно проникся к нему искренним уважением. В 1963 году, за 15 дней до своей гибели, Кеннеди в беседе с французским послом сказал: «Если бы я был президентом Французской республики, я поступал бы так же, как генерал де Голль!»

Что касается де Голля, то вначале он был очень предубежден против молодого американского президента и насмешливо называл его «завитым мальчиком». Вероятно, это шло еще с времен войны, когда де Голль не взлюбил отца Джона Кеннеди, занимавшего пост посла США в Лондоне. Де Голль говорил, что сын миллионера может быть только избалованным мальчишкой. Но уже после встречи летом 1961 года и особенно впоследствии он выражал совсем иное мнение и высоко оценивал Кеннеди. Как-то генерал сказал о его преемнике Джонсоне: «История еще сводится для него к кулуарным комбинациям. Кеннеди был человеком другого полета. Американская политика, видимо, скатится до уровня политиканства».

Базу для укрепления независимости Франции де Голль ищет в Западной Европе. Наследство, оставленное здесь Четвертой республикой, устраивало его еще меньше, чем жалкое положение Франции в НАТО. Французская внешняя политика ориентировалась раньше главным образом на различные формы «европейского объединения» шести стран: «общий рынок», Евратом, Объединение угля и стали. В свое время их предполагалось дополнить «европейской армией», против которой де Голль не без успеха боролся. Уже существовавшие организации содержали в себе наднациональные элементы, угрожавшие независимости Франции. Вынашивались планы политического сообщества, которое заменило бы самостоятельные национальные государства.

В этих условиях де Голль начинает бороться за превращение «европейских» организаций в нечто прямо противоположное: из опасного орудия лишения Франции ее независимости он мечтает сделать их основой укрепления ее могущества и влияния путем создания политического блока независимых стран под

французским руководством. Правда, ни одна из стран «шестерки» не проявляла никакой склонности поддерживать голлистский план «независимой европейской Европы». И все же де Голль решил попытаться превратить в своего союзника страну, которая, казалось, наименее всего подходила для этого, — Западную Германию. Он учитывал, что, хотя ФРГ в два раза экономически сильнее Франции, она остро нуждается в ее политической поддержке. Престарелый канцлер Аденауэр мучился кошмарами возможной ликвидации международной напряженности в результате соглашения западных держав с СССР. Советский Союз активно действовал в этом направлении, встречая растущую поддержку общественности западных стран. Даже отдаленная возможность заключения германского мирного договора, урегулирования проблемы Западного Берлина тревожила Аденауэра. Такое положение и натолкнуло де Голля на мысль сделать его союзником в борьбе за укрепление позиций Франции. Это была, пожалуй, наиболее странная и двусмысленная затея голлистской дипломатии.

14 сентября 1958 года в Коломбэ к де Голлю приехал канцлер Аденауэр. Три часа продолжалась беседа. Согласовали совместное заявление, в котором торжественно провозгласили окончание старинной вражды двух стран. Сотрудничество Франции и ФРГ, говорилось в заявлении, «является основой любого конструктивного дела в Европе». Встреча в Коломбэ произвела сенсацию. Ведь приход де Голля к власти вызвал в Западной Германии тревогу. Там помнили его намерения расчленить Германию после окончания войны, его борьбу против «европейской армии» и вообще его националистические убеждения. И вот опасный враг немцев оказался неожиданно другом! Выбор места придавал встрече какой-то интимный характер. Отсюда и пошла легенда о личной дружбе, об особом духовном родстве двух деятелей, о чувствах взаимного восхищения и т. п. Дело обстояло гораздо проще: де Голль и Аденауэр заключили негласную сделку: генерал обещал не допускать невыгодных для реваншистов ФРГ соглашений с СССР по германскому вопросу, Аденауэр взялся помогать де Голлю в борьбе за руководство Западной Европой.

Прошло два месяца, и де Голль уже поехал на Рейн с ответным визитом. Ему срочно потребовалась поддержка Аденауэра, чтобы провалить английский план «зоны свободной торговли», в которую собирались включить и шесть стран «общего рынка». Это ставило под угрозу идею превращения «шестерки» в политический блок под французским руководством. Аденауэр согласился выступить против Англии, а де Голль обещал

поддержать его в берлинском вопросе. Прошло еще три месяца, и 4 марта 1959 года последовала новая встреча, на этот раз во Франции, в Марли-ле-Руа. Аденауэр просил у де Голля поддержки в переговорах о советском предложении заключить германский мирный договор. Де Голль обещал помочь канцлеру и 25 марта на пресс-конференции решительно поддержал его тезисы. Но на этой же пресс-конференции он сделал сенсационное заявление, прозвучавшее в Бонне как гром с ясного неба. Единственный из руководителей западных держав, он совершенно ясно и четко высказался за неизменность всех границ Германии. Тем самым он отклонил главное требование реваншистской программы Аденауэра. «Неожиданное» для него поведение де Голля было вполне логичным. Генерал хотел показать своему западногерманскому «другу», насколько тот от него зависит. Кроме того, ему вовсе не улыбалась роль простого рупора Аденауэра. Он не хотел рисковать своим авторитетом и становиться в ряды самых ограниченных поборников «холодной войны». К тому же он никогда не забывал о Советском Союзе, и его политика уже тогда имела дальний прицел в восточном направлении.

Как ни возмущались в Бонне «вероломством» де Голля, приходилось скрепя сердце молчать. Летом 1959 года в Женеве собралось совещание министров иностранных дел четырех держав с участием СССР для обсуждения германского вопроса. Все свои надежды Аденауэр возлагал на французского представителя. И он не подвел: никаких решений принято не было. А в мае 1960 года генерал де Голль по существу поддержал политику «холодной войны» в истории срыва совещания на высшем уровне. Теперь де Голль решил, что наступил подходящий момент для реализации заветных планов создания на основе «малой Европы» независимого от США политического блока под эгидой Франции. В июле 1960 года Аденауэр и де Голль встречаются в Рамбуйе. Французский президент без обиняков изложил свой план политического объединения «Европы шести» в форме коалиции государств без всяких элементов наднациональности. Представители правительств будут регулярно собираться и решать совместно вопросы политики, экономики и обороны. План де Голля решительно противоречил всем замыслам поборников «европейского объединения», мечтавших об упразднении национальных государств и создании «сверхгосударства» в виде федерации. Напротив, де Голль говорил о конфедерации из независимых государств. Аденауэр пришел в ужас и умолял де Голля хотя бы не оглашать свои замыслы. Но именно так и поступил генерал,

изложив на пресс-конференции 5 сентября свой план. Последовала единодушно отрицательная реакция остальных участников «шестерки». Что касается Аденауэра, то он смог лишь помочь созвать совещание глав правительств шести стран.

Оно состоялось 10–11 февраля 1961 года в Париже. Председательствовал генерал де Голль, которому пришлось выслушивать ожесточенную критику его намерений. Это был провал, хотя голлистский план обсуждался в разных комиссиях вплоть до апреля 1962 года. Описывая в «Мемуарах надежды» эту неудачу, де Голль делает вывод: «Очевидно одно, пока западные страны Старого Света находятся в подчинении у Нового Света, Европа не может стать европейской… Если наши соседи отказались последовать за Францией в ее усилиях по созданию независимой европейской Европы, это произошло отчасти по той причине, что они опасались усиления нашей роли в такой Европе, но главным образом потому, что в условиях холодной войны они во всем отдают предпочтение своему желанию иметь американскую защиту». Так генерал де Голль непрерывно убеждался в том, что важнейшим препятствием на пути проведения политики укрепления национальной независимости является «холодная война».

Союз с Бонном не оправдал себя не только в отношении проблемы политического объединения Западной Европы, независимого от США. Де Голль не получил поддержки и в своих усилиях по преобразованию НАТО. Более того, западногерманские представители в органах блока открыто осуждали сокращение участия Франции в системе военной интеграции Атлантического союза. А при решении внешнеторговых вопросов в «общем рынке» ФРГ выступает главным противником Франции.

Де Голль относился к этому с сожалением, но пониманием. Разве не он говорил, что «государство, достойное этого имени, не имеет друзей»? Он видел причину неудачи в расхождении реальных национальных интересов, которые могут рано или поздно вступить в противоречие. К тому же в дипломатии, как и на войне, успех чаще приносит стратегия не прямых, а косвенных действий, не дающих сразу ощутимых результатов. Почему, потерпев неудачу в политическом объединении «шестерки», не попробовать осуществить это хотя бы в масштабе «двойки»? Союз с Бонном горячо поддерживали влиятельные круги французской буржуазии. Он ослаблял оппозицию внешней политике де Голля со стороны партий, одержимых манией «европеизма», вроде МРП. Наконец, основная масса французов, помня о трех опустошительных германских нашествиях, действительно хотела

реального примирения с немцами.

Де Голль не ослабляет, а резко усиливает политику «соблазнения» Бонна. В июле 1962 года с официальным государственным визитом в Париж приезжает канцлер Аденауэр. В отличие от прежних деловых приездов, на этот раз ему оказывают невероятно пышный прием. Де Голль награждает канцлера Большим крестом Почетного легиона и потоком лестных фраз. А после отъезда Аденауэра он приглашает преподавателя немецкого языка. Де Голль неплохо объяснялся на этом языке с юных лет. Но теперь он собирается публично выступить перед немцами и завоевать сердца жителей ФРГ галльским красноречием на их родном языке. В сентябре де Голль, в свою очередь, отправляется с официальным визитом за Рейн. Это путешествие стоит того, чтобы рассказать о нем подробнее.

4 сентября Аденауэр встречал французского президента на аэродроме в Бонне. Неожиданно для всех де Голль обнял изумленного старика и расцеловал его в обе щеки. Канцлер говорил потом: «Первый раз меня целует иностранный государственный деятель, да еще к тому же француз!» Действительно, в данном случае было от чего прийти в изумление…

Но это оказалось только началом. За пять дней генерал пересек Западную Германию с севера на юг и побывал в Гамбурге, Кёльне, Мюнхене, Штутгарте, в городах Рурской области. Повсюду он выступал перед огромными толпами с речами на немецком языке. Больше всего де Голль говорил о дружбе между французами и немцами, называя ее «одним из самых крупных явлений современной эпохи». Он явно льстил своим слушателям, повторяя, что они «великий народ». Генерал де Голль настойчиво давал понять, что дружба с Францией имеет для немцев особое, исключительное значение. В Кёльне, выступая перед 500-тысячной толпой, размахивавшей французскими флагами, он хлопал Аденауэра по плечу, говоря о том, какой он хороший немец. В своей обширной родословной де Голль разыскал даже одного отдаленного предка-немца, некоего Кольба, и настойчиво подчеркивал свое кровное родство с немецким народом. Чтобы понравиться слушателям, он говорил такое, что поражало многих. В военной школе в Гамбурге де Голль, бывший руководитель «Свободной Франции», заявил, что встреча с офицерами бундесвера доставляет ему «честь и радость», что немцы и французы всегда совершали великие дела только с участием военных. В стране, где так сильны милитаристские традиции, это не могло не понравиться, хотя многие, особенно за границей,

были весьма шокированы.

Исключительно торжественная обстановка выступлений генерала, его необычная для немцев манера речи, его низкий звучный, словно вибрирующий голос, величественные жесты — все это производило огромное впечатление на немецкую толпу. Английская журналистка Нора Белова писала, что, наблюдая поведение толпы в Мюнхене, корреспонденты говорили: «Таких взрывов энтузиазма мы не видели с времен Гитлера». Журнал «Дер Шпигель», отличавшийся антифранцузским и антиголлистским тоном, писал: «Де Голль прибыл в Германию президентом французов. Он возвращается императором Европы».

Это был странный, но эффектный спектакль. И самое поразительное, что это учитывал прежде всего сам исполнитель главной роли. Во время одной из восторженных встреч он тихо сказал сопровождавшему его сотруднику: «Энтузиазм и ненависть? Ерунда… Смотрите, как все это случайно и относительно». Одному из своих близких он потом признавался: «Я говорил немцам: вы великий народ. Но это неправда. Если бы немцы были великим народом, они не встречали бы меня таким образом».

Если вспомнить о советах, которые некогда давал де Голль человеку действия в книге «На острие шпаги», то смысл этого фарса становится яснее… Для чего же он понадобился? Вскоре после поездки боннское правительство получило проект документа, оформляющего союз Франции и ФРГ. Зарейнские гастроли были подготовкой нового дипломатического демарша де Голля. 22 января 1963 года в зале Мюрата Елисейского дворца состоялась, по выражению одного журналиста, «самая большая свадьба Европы». Был подписан договор о франко-западногерманском сотрудничестве. При этом канцлер Аденауэр получил еще один генеральский поцелуй.

Текст Елисейского договора носил сугубо технический характер. В нем лишь перечислялись формы сотрудничества, например периодичность встреч руководителей двух стран. Но ничего не говорилось о политических принципах и намерениях сторон. Любопытный симптом. Де Голль как-то сказал, что вообще «договоры имеют сезонный характер». В данном случае это оказалось именно так, ибо договор не дожил и до лета. В мае 1963 года при ратификации договора педантичные немцы вопреки всем правилам международного права добавили к тексту политическую преамбулу, в которой указали, что основой политики ФРГ является тесный союз с США, военная интеграция в НАТО, «наднациональная Европа», участие Англии в «общем рынке», то есть то, что отвергал де Голль.

2 июля 1963 года на обеде в Елисейском дворце де Голль сказал в беседе с группой депутатов: «Видите ли, договоры подобны девушкам и розам; и те и другие вянут. Если франко-германский договор не будет выполнен, то это не первый случай в истории».

После заключения договора отношения Франции и ФРГ быстро и резко ухудшаются. Это совпало с уходом в отставку 87-летнего Аденауэра и заменой его Эрхардом. Он был совершенно глух к величественным историческим реминисценциям де Голля о совместных судьбах галлов и германцев. Его больше волновали проблемы конкретные, вроде улучшения внешнеторгового баланса. Он, например, не мог простить де Голлю категорический отказ рассматривать вопрос об атомном вооружении ФРГ. По мере все большей внешнеполитической самостоятельности де Голля росли противоречия между Бонном и Парижем. ФРГ выступает как «атлантическая» страна, Франция — сугубо «европейская».

В 1963 году это обнаружилось с небывалой ясностью. Все началось с того, что Англия стала настойчиво добиваться приема в «общий рынок». Де Голль, конечно, не мог не думать о бывшем партнере Франции по «сердечному согласию». Почему бы в самом деле не заручиться поддержкой Лондона в борьбе за независимость от Вашингтона? Не без сожаления де Голль отбрасывал такую возможность. Он видел, что система «особых отношений» США и Англии сделала бывшую «владычицу морей» послушным орудием Вашингтона. Он хорошо помнил все, что пришлось ему испытать в годы войны, когда Черчилль неизменно выбирал в критических случаях «морские просторы», то есть становился на сторону США.

Неужели в конфликте с Вашингтоном генерал руководствовался только своими симпатиями и антипатиями, эмоциями, болезненным сознанием национального унижения? Конечно, в политике де Голль всегда выражал свои личные стремления. Однако проявления «тяжелого характера» генерала совпадали с объективными тенденциями мирового развития, с изменениями положения США и Западной Европы, которые он с поразительным чутьем улавливал и сознательно формулировал в духе своих широких исторических взглядов.

Как раз к началу 1963 года, когда генерал, освободив Францию от бремени алжирской войны, с открытым забралом вступил в схватку с англосаксонскими державами, обнаружились признаки крушения, казалось бы, непоколебимого влияния Вашингтона в западном мире. Подавляющее экономическое преобладание Соединенных Штатов уходило в прошлое.

Западноевропейские страны, обгоняя их в темпах промышленного производства, становились на ноги. Результатом, например, оказалось резкое (почти в два раза) сокращение некогда огромных золотых запасов США и рост этих запасов в подвалах западноевропейских банков. Монополии Западной Европы успешно конкурируют с заокеанскими партнерами. И в политике страны Западной Европы начали проявлять необычную пассивность и отсутствие энтузиазма в выполнении приказов Вашингтона, хотя, конечно, еще никто не смел говорить с ним, как де Голль.

Президент Кеннеди с присущей ему энергией и инициативой стремится удержать американскую гегемонию. Атлантическое экономическое сообщество путем снятия таможенных барьеров для американских товаров должно укрепить конкурентные позиции США в Западной Европе. Чтобы открыть путь к созданию этого сообщества, Англия заявляет о готовности вступить в «общий рынок». В Атлантическом блоке зависимость западноевропейских стран от США призван укрепить план «многосторонних ядерных сил» в составе флота из 25 кораблей разных стран со смешанным командованием, для которого американцы готовы дать ракеты «Поларис».

Это было наступление по всему фронту.

Однако оно быстро захлебнулось, ибо генерал де Голль нанес превентивные удары и отбросил новую атаку на независимость Западной Европы. Неужели одинокий «Коннетабль», которого не поддерживал активно никто из западноевропейских партнеров, сумел в одиночку это сделать? Случилось именно так, хотя генерал, олицетворяя Францию, опирался сознательно или инстинктивно на объективные изменения экономической, политической и стратегической роли всей Западной Европы. В одной из деклараций премьер-министра Жоржа Помпиду содержалась знаменательная формула о том, что «Франция в силу ее географии и истории предназначена играть роль Европы». По этому поводу известный французский специалист по внешней политике Альфред Гроссер писал: «Наиболее важный аспект европейской политики генерала де Голля состоит в том, что он проводит европейскую политику, ожидая, когда другие страны поймут, в чем она состоит». «Другие» не поддерживали его, и он, убежденно защищая их же интересы, действовал вопреки им. Вот как это происходило.

15-16 декабря 1962 года генерал де Голль принимал в Рамбуйе британского премьер-министра. Это был единственный момент, когда у генерала появилась надежда, что, возможно, удастся создать общий фронт Франции и Англии против

американской гегемонии. В самом деле, США только что объявили о прекращении производства ракеты «Скайболт», с помощью которой англичане надеялись иметь свои ядерные силы; у них не хватало средств доставки атомных бомб. За полгода до этого Франция взорвала свою первую атомную бомбу, на что де Голль откликнулся страстным возгласом: «Ура, за Францию!» Еще в 1960 году он выдвинул план создания французской «ударной силы», призванной обеспечить военную независимость Франции. При ограниченных французских ресурсах осуществление этого плана было крайне трудной, почти непосильной задачей. Но если бы Англия и Франция объединили свои усилия, дело приобрело бы совсем другой оборот. И тогда Западная Европа не нуждалась бы в пресловутой американской «защите». Де Голль говорил: «Во время переговоров в Рамбуйе я предложил Макмиллану совместно производить ракету, которая могла бы стать базой франко-британской ядерной силы и зародышем европейской силы».

Де Голль ожидал, что Макмиллан именно сейчас должен был бы пойти на это в интересах независимости своей страны и Западной Европы. Британский премьер как будто с пониманием отнесся к идее де Голля, но не давал окончательного ответа, ссылаясь на то, что 18 декабря ему предстоит встретиться на Багамских островах с президентом Кеннеди. Он просил де Голля лишь об одном: допустить Англию в «общий рынок». Генерал ответил, что это возможно только при условии согласия Англии с идеей «независимой европейской Европы». Подобно Франции, Англии следовало бы перейти к независимой внешней политике. «Однако, — говорил де Голль Макмиллану, — учитывая особые отношения, привязывающие вас к Америке, позволительно спросить, вступите ли вы в такую Европу и если вступите, то не для того ли, чтобы эта Европа интегрировалась и растворилась в некоем атлантизме».

Макмиллан в ответ говорил нечто туманное и уклончивое, настаивая лишь на допуске Англии в состав европейской «шестерки» без всяких гарантий с ее стороны. Существует несколько версий хода этих переговоров. По некоторым источникам, дело дошло до того, что Макмиллан, отчаявшись получить согласие генерала, заплакал… Де Голль с убийственным сарказмом по этому поводу цитировал слова из известной песни Эдит Пиаф: «Не плачьте, милорд!»

Из Франции Макмиллан полетел на Багамские острова, где Кеннеди предложил ему ракету «Поларис» при условии участия в «многосторонних ядерных силах», вызывавших у де Голля такое же отвращение, как некогда план «европейской армии».

Макмиллан принял все предложения американского президента и вместе с ним направил де Голлю приглашение присоединиться к англо-американскому соглашению. Узнав о капитуляции Англии, де Голль возмутился: «Макмиллан пересек Атлантический океан, чтобы броситься в объятия Кеннеди, которому он продал европейское первородство за чечевичную похлебку Поларисов!»

«Предательство» Макмиллана — повод для перехода к новому этапу внешней политики. Конец алжирской войны, успех референдума укрепили почву под ногами генерала. В своем окружении он говорил, что теперь будет действовать совершенно свободно и проводить «настоящую» политику. 14 января 1963 года — день рождения этой политики. На очередной, восьмой по счету, пресс-конференции де Голль хладнокровно бросает сразу две «бомбы», оглушившие его западных союзников.

Шестнадцать месяцев идут переговоры о вступлении Англии в «общий рынок». Пять из шести его участников в принципе уже согласны на это. Но де Голль объявляет, что Англия не будет членом «общего рынка», ибо это привело бы «к появлению колоссального атлантического сообщества, находящегося в зависимости и подчинении американцев». Вторая «бомба» касается «многосторонних ядерных сил». США приступили уже к их практической организации. Де Голль решительно отвергает этот план и заявляет, что Франция будет самостоятельно создавать независимые атомные ударные силы.

Буря негодования со всех сторон. Все партии внутри страны критикуют «заносчивость» де Голля. Все союзники по НАТО официально против, хотя некоторые в душе испытывают злорадное удовлетворение. Американская пресса обрушивается на де Голля с яростной критикой, обвиняя его во всем, вплоть до «старческого слабоумия».

Повсюду звучит зловещее слово «изоляция». Нашли чем смутить человека, давно убежденного в том, что одиночество — синоним величия! Да и когда в жизни он был не в изоляции? Такое положение для него совершенно естественно и отвечает сущности его характера. К тому же «изоляция» — это в основном плод перепуганного воображения «атлантических» политиков и журналистов. Разве «ударная сила» не сулит несметных барышей крупнейшим французским трестам? Например, Марсель Дассо, владелец авиационных заводов и нескольких газет, не случайно является пламенным голлистом. Многие из тех, кто связан с сельским хозяйством, с удовлетворением наблюдают, как генерал навязывает партнерам по «общему рынку» благоприятные для сбыта французских продуктов условия. Они сопротивляются, особенно Западная Германия. Но де Голль предъявляет

ультиматум: либо условия будут приняты, либо «общий рынок» перестанет существовать. Несколько лет идет эта борьба, в которой генерал проявляет исключительное упорство. Французам явно импонирует независимое поведение де Голля, хотя создание «ударной силы» и опустошает их карманы. Антиамериканизм соответствует традиционной для французов американофобии, их презрению к примитивной, хотя и богатой, цивилизации «амерлоков». Кстати, сам генерал в частных разговорах постоянно использует это жаргонное словечко, выражающее презрение к американцам. Независимый тон де Голля льстит чувству неистребимого франкоцентризма, таящемуся в сердцах многих французов.

В «Мемуарах надежды» де Голль пишет по поводу враждебной реакции на его политику независимости: «Но я не испытывал недостатка и в поддержке. Я чувствовал поддержку нашего народа, который, не страдая заносчивостью, требует, однако, чтобы Франция оставалась Францией… Я чувствовал, как навстречу мне открываются сердца людей».

Летом 1963 года де Голль выводит из-под командования НАТО атлантический французский флот. Под американским командованием остаются всего две французские дивизии вместо обусловленных некогда 14 и несколько авиационных соединений. Де Голль не упускает ни одного случая, чтобы критиковать политику США. По мере расширения их интервенции во Вьетнаме он все более резко критикует их за это, а в мае 1965 года отзывает французских представителей из СЕАТО, что означает фактически выход Франции из агрессивного блока в Юго-Восточной Азии. Он резко осуждает американское вмешательство в Доминиканской Республике. Он предпринимает крупные внешнеполитические акции, даже не предупредив Вашингтон. Так, в 1964 году де Голль объявляет об официальном признании Францией КНР. Когда в мае 1964 года начинается «раунд Кеннеди», то есть попытка снизить таможенные пошлины для американских товаров в Западной Европе, Франция выступает решительным противником этой затеи. По дипломатическим каналам, через высокопоставленных эмиссаров, в секретных письмах де Голлю предлагают уступки, угрожают, уговаривают. Он остается непреклонным. Но при этом президент неизменно подчеркивает чувства дружбы к американскому народу. 22 ноября 1963 года, в день своего рождения, де Голль узнает об убийстве Кеннеди. Он немедленно приказывает подготовить самолет для полета на похороны. ФБР и французская служба безопасности предупреждают, что в Америке беглые члены ОАС готовят на него покушение. Ему предлагают следовать в траурном кортеже

внутри автомобиля. Но генерал де Голль в военной форме идет за гробом в самом центре первого ряда толпы президентов, королей, министров. Он делает заявление: «Президент Кеннеди пал как солдат под огнем, выполняя свой долг на службе стране. От имени французского народа, постоянного друга американского народа, я отдаю должное его великому примеру и великой памяти о нем».

После траурной церемонии вдова покойного просит де Голля посетить ее в Белом доме. Беседа длится 15 минут. Жаклин Кеннеди берет один цветок из букета, поставленного в вазу перед самым полетом президента в Техас, и протягивает генералу.

В тот же вечер состоялась и встреча с Линдоном Джонсоном. Этот техасец еще в 1960 году познакомился с де Голлем и беседовал с ним. Он говорил тогда: «Мне рисовали де Голля холодным и чопорным человеком. Это не так. Он показался мне чрезвычайно сердечным, несколько напоминавшим барина в духе наших старых южан». С широкой улыбкой Джонсон добавил: «В тоже время я обнаружил у нас что-то общее — рост, например. У нас обоих метр девяносто два и, видимо, одинаковый взгляд на многие вещи…»

Во время беседы Джонсону пришлось убедиться, что одинакового роста мало, чтобы иметь с де Голлем общие взгляды. Происходит диалог глухих. В последующие месяцы генерал считал себя слишком занятым, чтобы согласиться на поездку в США для встречи с американским президентом, хотя нашел время для поездки в Мексику и посещения полдюжины стран Латинской Америки. Повсюду он размахивает знаменем независимости, встречая одобрение всех недовольных американским засильем.

Продолжается борьба вокруг плана «многосторонних ядерных сил». На переговорах по этому вопросу кресло Франции остается пустым. Выясняется, что ядерные силы НАТО — это, по существу, американо-западногерманские силы. Об этом прямо заявил 5 ноября 1964 года премьер-министр Франции Жорж Помпиду. Он называл их «разрушительными для Европы» и «провокационными». Можно спросить, заявил он, «не направлены ли они в конечном счете в той или иной мере против Франции?»

Генерал де Голль форсирует создание независимой французской «ударной силы». Осенью 1963 года, облачившись в огромный до самых пят белый халат атомщика, он лично осматривает ядерные заводы в Пьерлате. В конце этого года французские вооруженные силы получили 50-килотонные атомные бомбы, а с января 1964 года началось производство самолетов «Мираж-IV», предназначенных для доставки этих бомб к цели. «Ударные силы» для него — дипломатическое оружие. Но

«ударная сила» тяжелым бременем лежит на французской экономике. Чтобы довести до конца создание атомного оружия, проводятся все новые испытания (до 1966 года взорвано 9 бомб, де Голль лично присутствует при одном из взрывов). Отсюда зияющие противоречия внешней политики де Голля. Он отказывается присоединиться к Московскому договору о прекращении ядерных испытаний в трех сферах и продолжает заражать атмосферу радиацией, вызывая возмущение мировой общественности.

Это издержки «политики величия», которых накопилось уже немало. Де Голль упорно проводит ее, игнорируя обвинение Джонсона в «узком национализме». Действительно, узость взглядов — последнее, в чем можно подозревать генерала. На пресс-конференции 4 февраля 1965 года де Голль взрывает новую «бомбу». Он требует отказаться от использования доллара в международных расчетах и перейти к единому золотому стандарту. В самом деле, порядок, установившийся в те прошедшие времена, когда почти все золото было в Америке, устарел. Теперь в Европе желтого металла больше, чем в «Форт Нокс». Франция уже обратила часть своих долларовых запасов в золото. Если и другие страны Европы последуют этому примеру, Соединенным Штатам грозит банкротство. Американцы способны обменять на золото только небольшую часть зеленых бумажек, которые они распространяли по всему миру, перекладывая свои экономические трудности на плечи других. Инициатива де Голля смертельно опасна для США. Удар нанесен в самое больное место.

9 сентября 1965 года — новая пресс-конференция де Голля. Приближается введение в действие статей договора об «общем рынке», предусматривающих принцип наднациональности. Де Голль вновь отвергает его и заявляет, что ничто не может заставить Францию подчиняться воле других. Но «гвоздь» этой пресс-конференции — вопрос об Атлантическом союзе. «Мы будем оставаться, — говорит президент, — союзниками наших союзников; но по истечении срока действия обязательств, которые мы взяли на себя, то есть не позже 1969 года, прекратится наше подчиненное положение, называемое интеграцией, которая предусмотрена Организацией Североатлантического договора и которая передает нашу судьбу в чужие руки… Мы добьемся того, чтобы эта организация не лишала нас нашей свободы действий».

Взрыв негодования в американской прессе. Белый дом решил, однако, воздержаться от публичного скандала. Выступил бывший президент Эйзенхауэр и предложил успокоить де Голля путем

назначения его на пост верховного главнокомандующего силами НАТО! Но в целом создалось впечатление, что в США не верят в серьезность намерений де Голля. Неужели он осмелится посягнуть на святая святых капиталистического мира — Атлантический союз? Но генерал осмелился…

21 февраля 1966 года на очередной пресс-конференции он объявил, что Франция, желая восстановить суверенитет, решила выйти из военной организации НАТО, и потребовал удаления с французской земли баз, штабов и прочего, не находящегося под французским контролем. В ноте 14 странам — членам НАТО вскоре было объявлено о выводе из состава атлантических вооруженных сил всех французских соединений, об отзыве французов из штабов НАТО и об удалении с французской территории иностранных баз, аэродромов, складов и т. п. Франция предъявила США график эвакуации 29 баз с 33 тысячами солдат и офицеров. Вся операция должна завершиться к 1 апреля 1967 года. Военно-стратегическая структура НАТО, опиравшаяся главным образом на французскую территорию, рушилась. Нет нужды говорить о реакции на решение де Голля, в которой зубовный скрежет и вопли негодования скрывали растерянность и замешательство Вашингтона.

Генерал де Голль говорил, что операция в отношении НАТО — «это последняя важная битва моей жизни». Она, конечно, оказалась не последней, но зато весьма важной. Ее можно поставить в один ряд с борьбой де Голля за создание бронетанковой армии в 30-е годы, даже с подвигом 18 июня 1940 года, с борьбой против ЕОС, с прекращением алжирской войны, то есть с теми этапами биографии генерала, когда он решительно воплощал волю Франции, служил ее национальным интересам. Он снова проявил исключительные качества великого политического деятеля, способного идти к цели сквозь множество препятствий, преодолевая их с необычайным терпением и выдержкой. Против него были правительства всех атлантических стран, с которыми он не мог в силу своих классовых позиций порвать. Надо было совместить, казалось бы, несовместимые цели: выйти из системы интеграции НАТО и при этом не только не подорвать, но укрепить позиции капиталистической Франции. И он действовал один. Если де Голль и пытался приобрести поддержку Аденауэра и даже Макмиллана, то уж во всяком случае не просил ее. Он искусно создавал такую политическую ситуацию, при которой мог делать то, после чего другой буржуазный политик немедленно потерял бы власть. Ведь де Голль снова шел на конфликт со своим классом, с основной частью буржуазии Франции, которая молилась на Атлантический

союз как на божество, обеспечивающее сохранение классового господства. Но, как и всегда, он не отрекался от своего класса, а просто глубже, лучше, дальновиднее понимал смысл событий. Он встречал сопротивление всех традиционных политических партий, от «независимых» до социалистов. Ведь, кроме коммунистов, никто не ставил под сомнение НАТО, считая необходимым самое активное участие в этой организации. И он нанес тщательно рассчитанный удар в самый подходящий момент ослабления престижа и влияния США из-за войны во Вьетнаме, валютного кризиса, в момент растущей тенденции к поискам соглашений с Востоком.

Операция в НАТО была, однако, лишь частью политики величия. Эти и другие действия де Голля ограничивались рамками Атлантического блока или «малой Европы». Но он был политическим деятелем глобальных идей и мыслил в масштабах не стран, даже не континентов, а всего мира. «Франция, — говорил де Голль, — поскольку она является Францией, должна проводить в мировых делах мировую политику». Он понимал, что величие Франции может быть обеспечено только в связи с решением мировых проблем и с важнейшей из них — с проблемой отношений двух социальных систем. Правительства других западных держав, разумеется, действовали по-своему и по-разному в этом направлении. Чтобы опередить своих партнеров, де Голль и здесь проводит политику несравненно более широкого размаха. Тем более что он мог опираться на такой фактор, как особые исторические связи России и Франции, на свое стремление к независимости, на возросший в результате его усилий авторитет Франции. В «Мемуарах надежды» де Голль писал: «Я решил, что общее положение изменилось по сравнению с тем, каким оно было во время создания НАТО. Для всех стала очевидной невероятность версии о возможности похода с советской стороны для завоевания Запада… Однако, если не воюют, рано или поздно надо заключать мир… Для французов Советская Россия — великая страна, наш союзник в двух мировых войнах. Своей храбростью и своими бесчисленными жертвами она обеспечила окончательную победу, и без ее участия сегодня немыслимо обеспечение мира».

Эти мысли генерал в своих воспоминаниях относит еще к 1958 году. Уже тогда он выражал тенденции к сближению с Советским Союзом. Еще в 1960 году де Голль вел переговоры с советской правительственной делегацией в Париже, во время которых проявились взаимное стремление двух стран к сближению и общность взглядов по отдельным аспектам германской проблемы. Однако положительные результаты этой

встречи вскоре были ослаблены обострением напряженности из-за срыва совещания на высшем уровне, усиления разногласий в германском вопросе, из-за карибского кризиса.

Вопрос о сближении с Советским Союзом приобретает для де Голля все большую актуальность по мере усиления его независимых внешнеполитических тенденций. В 1964 году Франция и СССР заключают долгосрочное торговое соглашение, а в следующем году — соглашение о совместном внедрении системы цветного телевидения, а также соглашения о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии, о научно-техническом сотрудничестве, об изучении космического пространства. Состоялся обмен взаимными визитами министров иностранных дел Франции и СССР. А в 1966 году генерал де Голль по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства нанес в СССР официальный визит.

Этот крупнейший шаг де Голль не случайно сделал именно в 1966 году. Он считал, что теперь он имеет полное моральное право, укрепив позиции Франции, достойным образом решить задачу сближения с Советским, Союзом, поставленную им сразу после прихода к власти в 1958 году. Поездка де Голля рассматривалась им как новое важное проявление борьбы за величие Франции с помощью проведения независимой политики. Как ни значительны были его успехи в этой политике в рамках Западной Европы, в отношении НАТО и Соединенных Штатов, они еще не поднимались до уровня решения важнейшей мировой проблемы — разрядки международной напряженности. Без активного, широкого, самостоятельного участия в решении этой проблемы не могло быть и речи о мировой политике великой мировой державы, что было важнейшей целью де Голля. Он считал, что разрядка международной напряженности «является в первую очередь европейской проблемой», что из Европы должны предприниматься важнейшие действия в этом направлении. По мнению де Голля, «для этого дела Советский Союз и Франция избраны историей, самой их природой и волей их народов».

На Западе писали, что в Москве в 1966 году Шарль де Голль искал поддержки, которая защитила бы Францию в случае новой вспышки огня со стороны Рейна, а также против слишком тяжелого покровительства США. Возможно, что эти соображения играли определенную роль. Однако, в отличие от визита в Москву 1944 года, речь не шла о заключении военно-политического союзного договора; обстановка в Европе и в мире стала иной и выдвигала другие задачи. Тем не менее старинные Традиционные факторы франко-русского союза, вероятно, вдохновляли де Голля, для которого история всегда служила базой политических

решений. Новый поворот к Москве отражал, как всегда, доминирующее в мировоззрении де Голля убеждение в высшей ценности национального элемента по сравнению с идеологическими факторами. Поэтому для него восстановление независимости Франции совершенно естественно подразумевало отход от США и одновременно сближение с СССР при сохранении независимого положения Франции между двумя крупнейшими державами мира. Нельзя сказать, чтобы в «советской» политике де Голля не было некоторой доли иллюзий, связанных с теорией «конвергенции» двух социальных систем. Мечтая об объединении Европы «от Атлантики до Урала», он считал условием этого социальные и политические изменения в природе социалистических и капиталистических стран. Не случайно в одном из выступлений в Москве он говорил, что современные народы «подчиняются законам одной и той же механической и научной цивилизации». Однако в той же речи это сомнительное утверждение сопровождалось реалистическим подчеркиванием «очень различных режимов» в СССР и во Франции. Поскольку советские руководители исходили в переговорах с де Голлем именно из такой реалистической оценки положения вещей, это создавало деловую атмосферу, исключавшую идеологическую путаницу. Все понимали, что речь идет о межгосударственном сотрудничестве стран разного социального типа. Никаких недомолвок, неискренности, никакой игры в традиционном духе буржуазной дипломатии.

Генерал де Голль прилетел в Москву 20 июня 1966 года и находился в нашей стране до 1 июля. Он знал, что его, одного из руководителей антигитлеровской коалиции, хорошо встретят. Но действительность превзошла его ожидания, и генерал был искренне обрадован атмосферой встреч с советскими людьми. Советское правительство отвело в распоряжение генерала резиденцию в Кремле. Французский журнал «Пари-Матч» писал: «В 1966 году в первый раз после великого пожара Москвы в 1812 году трехцветный флаг развевается над Кремлем». Кстати, де Голль, говоря в Москве о традициях дружбы России и Франции, подчеркнул, что «никогда не было между ними никаких существенных претензий, даже во времена „Войны и мира“ или в эпоху Севастополя». Генерал часто по-своему трактовал историю…

С момента вылета из Парижа в Москву и до возвращения обратно де Голль пролетел 20 тысяч километров, из них 14 тысяч над территорией Советского Союза. В разных советских городах встречать генерала вышли 5 миллионов человек. Он 23 раза вступал в непосредственные стихийные контакты с советскими

людьми, произнес перед ними 20 речей. На протяжении 26 часов он вел переговоры с советскими руководителями.

«Он побил таким образом, — писал „Пари-Матч“, — все свои рекорды, поверг в изумление мир и возмутил наших друзей в Новом Свете». Что же возмутило на этот раз американцев, еще болезненно переживавших уход Франции из военной системы НАТО? Конечно, новое важное проявление независимости Франции, большая степень политического согласия руководителей двух стран и исключительно дружественная атмосфера во время визита де Голля. Надо отдать должное, генерал всеми силами способствовал этому с присущим его красноречием, широтой культуры и политическим искусством. 75-летний президент нашел время и терпение, чтобы перед поездкой специально заняться русским языком, и почти все речи заканчивал по-русски. С большим тактом, чувством меры и вкусом он умел для каждого случая найти особые слова. Так, прибыв в Ленинград, он сказал: «Я испытываю огромное удовлетворение и удовольствие от того, что нахожусь сегодня в Ленинграде. Это поистине исторический город: здесь впервые перед миром проявилось величие России. Здесь произошло величайшее событие вашей истории — ваша революция… Ленинград — это прекрасный город, который сумел сохранить и развить все то, что ему досталось от прошлого, и прибавить к нему все новое, что создано человечеством. Это город могучий и лучезарный». А в заключение де Голль продекламировал по-русски пушкинские строки: «Красуйся, град Петров, и стой неколебимо, как Россия!»

В Киеве он вспомнил дочь Ярослава Мудрого, которая стала французской королевой, и говорил о роли древнего города «в создании великой Руси». Волгоград он назвал «самым героическим из всех городов». В Новосибирске он восхищался научными и промышленными достижениями «таинственной и интересной, полной поэзии и романтики» Сибири. В Московском университете генерал проникновенно говорил о величии Ломоносова, об «универсальном характере научной истины», о том, что культура, наука, прогресс — это цель «нового союза» России и Франции. Чувствовалось, что де Голль доволен своей поездкой. Во время встречи с солдатами и офицерами гвардейской Таманской дивизии он сказал: «Я как будто бы помолодел на 20 лет».

1966 год, июнь. Встреча генерала де Голля с советскими людьми

В результате московских переговоров была подписана советско-французская декларация, открывшая новый важный этап в отношениях СССР и Франции, в борьбе за решение проблемы европейской безопасности и укрепление мира во всем мире. В беседах между генералом де Голлем и советскими руководителями, проходивших в атмосфере большой сердечности, речь шла прежде всего о проблемах Европы, которые решено было рассматривать в европейских рамках. Стороны согласились, что Советский Союз и Франция должны внести решающий вклад в налаживание плодотворного сотрудничества всей Европы, к которому они будут стремиться приобщить все европейские страны.

Обсуждались также другие конкретные международные проблемы. Полное совпадение взглядов обнаружилось по вопросу об американском вмешательстве во Вьетнаме. Проблема разоружения, роль ООН также рассматривались в духе согласия. Особенно широко и детально согласовывались советско-

французские отношения с точки зрения политики, экономики и культуры. По всем линиям утвердили программу расширения этих отношений. Решено было создать постоянную советско-французскую комиссию, проводить регулярные политические консультации. Стороны договорились установить линию прямой связи между Кремлем и Елисейским дворцом. В целом московские переговоры 1966 года явились фундаментальным вкладом в развитие франко-советского согласия.

После поездки де Голля в СССР началось непрерывное развитие и расширение франко-советских отношений. Речь шла не только о небывало активном сотрудничестве в экономике, культуре, науке. Более близкими становятся позиции двух стран по отношению к важнейшим, наиболее острым проблемам международных отношений. Все чаще СССР и Франция занимают в принципе аналогичные позиции. Так было, например, в связи с ближневосточным кризисом 1967 года или американской агрессией против Вьетнама. Особое значение имела политика двух стран в решении задачи смягчения международной напряженности. В последующие годы стало совершенно очевидно, что переговоры 1966 года в Москве оказались важной вехой не только в отношениях двух стран, но и в развитии всей международной обстановки. Именно 1966 год служит той датой, которая отмечает начало эпохи разрядки. Отношения СССР и Франции явились эталоном, примером отношений стран различных социальных систем в период разрядки. Такие положительные явления, как «восточная политика» Вилли Брандта, система договоров ФРГ со странами социализма, советско-американское согласие в кардинальных вопросах и многие другие события в международной жизни, несомненно, несли на себе явный отпечаток влияния советско-французского сотрудничества. Уже одним этим оно благотворно сказывалось на положении дел в мире, не говоря об осязаемом эффекте дипломатических акций двух стран в решении конкретных вопросов. Без их взаимодействия трудно было бы, например, добиться созыва и успеха Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Хельсинки.

Интересно, что значение советско-французской встречи 1966 года представлялось все более значительным с течением времени. События не только не заслоняли ее, но, напротив, придавали ей все больший смысл. Этому способствовало и то, что сменившие де Голля на посту президента Франции Жорж Помпиду и В. Жискар д'Эстэн продолжали в основном его политику. За время с 1966 по 1980 год состоялось десять встреч руководителей СССР и Франции. И каждая из них была продолжением и развитием того,

что было начато в 1966 году.

Уже не раз говорилось, что, несмотря на эмоциональность своей натуры, де Голль был далек от всяких сентиментальностей в политике и порой его реализм доходил до цинизма. Что же можно сказать в этом смысле о «советской» политике де Голля? Во всяком случае, презрительных высказываний такого характера, какие он делал в своем окружении после рекламной поездки в ФРГ, от де Голля никто не слышал. С уверенностью можно утверждать одно: сближение с СССР отвечало всему духу, существу его внешней политики и соответствовало, по его собственному глубокому убеждению, коренным интересам Франции отнюдь не краткосрочного, а постоянного характера. «Это визит вечной Франции вечной России», — говорил он. Он почти всегда заканчивал речи возгласом: «Да здравствует Россия!» Таким образом, искренние симпатии к нашей стране не вступали у него в противоречие с классовой позицией, с отрицательным отношением к коммунизму. Таково весьма сложное, противоречивое отношение де Голля к СССР. Естественно, он не забывал при этом своих интересов. Сближение с Советским Союзом укрепляло и внутриполитические позиции генерала. Не случайно он поехал в СССР незадолго до парламентских выборов марта 1967 года. Правда, кроме основной массы рядовых избирателей были в стране силы, которым поездка в Москву явно не нравилась. К ним принадлежали сторонники «атлантического» курса, вроде партии «Демократического центра», возглавляемой Леканюэ. Как раз эта группировка и потерпела поражение на выборах 1967 года. Что касается сторонников генерала де Голля, то все наблюдатели соглашались, что их неудачи на выборах объяснялись его консервативным социальным курсом, а успехи — независимой внешней политикой.

1966 год, июнь. Генерал де Голль на одном из советских заводов

Влиятельные круги господствующего класса Франции все более неодобрительно относились к этой политике. Усиливалась оппозиция «атлантических» партий особенно после разрыва с военной системой НАТО и поворота к СССР. Конкретным поводом для вспышки этого недовольства оказалась независимая позиция де Голля по отношению к войне Израиля против арабских стран в 1967 году.

Генерал уже давно критически относился к политике Израиля. Он сомневался в правомерности самого создания этого, по его мнению, искусственного государства. «Евреи, — говорил он, — которые до этого были разрознены, оставаясь тем, чем они всегда были, то есть народом избранным, уверенным в себе и властным, как только они объединятся на территории своего прежнего величия, могут превратить весьма трогательные пожелания, которые они высказывали в течение 19 веков, в жгучее, всесокрушающее стремление к экспансии». Он допускал, что Израиль мог бы сосуществовать с арабами, если бы он был миролюбивым государством. «Проявляя некоторую

скромность, — говорил де Голль, — евреи могли бы найти мирный модус вивенди со своими соседями». Но в 1956 году, напав на Египет во время суэцкого кризиса, открыто выступило «воинственное израильское государство, твердо решившее расшириться».

Де Голль осудил антинациональную политику военного союза с Израилем, проводимую последними правительствами Четвертой республики. В то время говорили, что «каждый израильтянин имеет две родины — свою и Францию». Влияние произраильских, сионистских кругов на политику правительств Ги Молле или Буржес-Монури было огромно и пагубно. Достаточно вспомнить участие Франции в безумной суэцкой авантюре.

Когда генерал взял власть, он начал постепенно, но твердо свертывать «дружбу» с Израилем. Прекратились некоторые особенно одиозные формы сотрудничества, например в области военной разведки.

Вместе с тем де Голль не раз предостерегал израильских руководителей об опасности агрессивных затей. Это соответствовало его курсу на расширение сотрудничества с арабскими странами, особенно с Алжиром, который де Голль настойчиво проводил после заключения Эвианских соглашений. Тем самым он защищал жизненные интересы Франции, ибо из арабских стран она получала почти всю необходимую ей нефть. Вообще политика в отношении стран «третьего мира» была предметом особых забот де Голля. Она, естественно, оставалась политикой неоколониализма. Однако де Голль проявлял значительно больше реализма, чем другие западные руководители. Отношения с «третьим миром» являлись для него важнейшей составной частью политики величия. Когда в сентябре 1966 года в Камбодже он резко осудил американскую войну во Вьетнаме и требовал ее прекращения, то знал, что такими заявлениями он укрепляет авторитет и влияние Франции в Азии и Африке. И действительно, ни один из политических деятелей Запада не смог приобрести в развивающихся странах такого влияния, как генерал де Голль.

Узнав, что Израиль напал на арабские страны, де Голль приказал прекратить всякие поставки оружия агрессору. Он был возмущен и напомнил, что 24 мая 1967 года говорил министру иностранных дел Израиля Эбану: Франция будет считать агрессором того, кто нападет первым. Но Израиль пренебрег предупреждением и совершил агрессию. Представитель Франции в ООН вместе с СССР и группой «неприсоединившихся» стран выступил с осуждением Тель-Авива. Де Голль на заседании

правительства указал на прямую связь американской войны во Вьетнаме с новым очагом агрессии.

Словно сговорившись, вся буржуазная пресса Франции и других западных стран обрушилась на де Голля с небывало резкой критикой. Сторонников «атлантического» курса особенно возмущало, что Франция выступала вместе с СССР. Известный реакционер А. Франсуа-Понсэ писал в «Фигаро»: «Франция, отделившись от Соединенных Штатов, Англии, Германии и от других испытанных друзей, не колеблясь присоединилась к Советскому Союзу… К несчастью, этот шаг последовал за многочисленными другими действиями, которые свидетельствуют о систематическом стремлении сблизиться с Советским Союзом». Журнал «Экспресс» сообщал: «Как ни странно, но голосование Франции в ООН на стороне Советского Союза больше потрясло приближенных сотрудников генерала де Голля, нежели его решение в 1965 году вывести Францию из НАТО». Журнал сообщил, что многие из французских министров испытывают горечь и в неофициальных беседах выражают ее, что видные деголлевцы не скрывают своего недовольства. Албэн Шаландой, Люсьен Нейвирт, Лео Амон говорили о «трещине». «Впервые, — заявили они, — подорвана вера в то, что в области внешней политики генерал всегда прав».

Для всей буржуазной прессы де Голль превратился в главную мишень. Отравленные стрелы летели в него со всех сторон. Если раньше его критиками справа были ярые антикоммунисты и поборники НАТО, то теперь заработала, кроме того, вся разветвленная по разным странам сеть всемирного сионизма. Во Франции защищали де Голля лишь немногочисленные, выходившие маленьким тиражом голлистские газеты. Положительно расценивала его действия печать компартии.

Действительно, за исключением таких отрицательных моментов, как отклонение Московского договора о запрещении ядерных испытаний, де Голль проводил смелую, прогрессивную национальную политику, отвечав-ную невозмутимость, генерал спокойно констатировал: его правые противники. Демонстративно сохраняя полную невозмутимость, генерал спокойно констатировал: «Против меня, как обычно, выступают буржуа, офицеры и дипломаты, а на моей стороне находятся лишь те, кто ездит в метро». В данном случае так оно и было.

В июле 1967 года генерал де Голль на крейсере «Кольбер» отправляется в Канаду, где в Монреале происходила Всемирная выставка. Он посетил Квебек, часть Канады, населенную 6 миллионами французов. Они устроили генералу восторженную встречу. Здесь существовало сильное движение за национальную

автономию. 24 июля де Голль произнес с балкона ратуши Монреаля речь перед огромной толпой французов. «Горячие чувства наполняют меня, — говорил генерал… — Да здравствует Квебек!.. Свободный Квебек!» Последние слова вызвали бурное волнение толпы, запевшей «Марсельезу». Монреальская «Газетт» писала: «Факт остается фактом, де Голль — легендарная фигура в своем роде, в Квебеке же его считают почти богом. Нет ни одного человека в мире, повторяем — ни одного, который смог бы произнести „Да здравствует свободный Квебек!“ и вызвать более глубокую эмоциональную реакцию, чем Шарль де Голль».

Однако не менее бурной оказалась повсюду на Западе, в том числе и во Франции, отрицательная реакция. Выступление де Голля за свободу Квебека объявили беспрецедентным вмешательством во внутренние дела Канады. Причем громче всех закричали те, кто не считал, например, вмешательством действия США во Вьетнаме, кто считал нормальным, что канадские французы до сих пор не избавились от остатков двухвекового гнета британцев. Особенно возмущались в США. Ведь де Голль давал понять, что французы Квебека должны защищать свои национальные права не столько от правительства Канады, сколько от Соединенных Штатов. Американские газеты писали об «очередном коварном голлистском заговоре, направленном на подрыв влияния США, на этот раз в Канаде». В дополнение ко всему при посещении Всемирной выставки де Голль больше часа провел в советском павильоне, назвав его «изумительным», тогда как английскому павильону он уделил лишь 15 минут, а американский просто игнорировал.

Правительство Канады официально осудило выступление де Голля. Тогда генерал отказался ехать в Оттаву, прервал свой визит и вернулся во Францию. А здесь на страницах газет бушевали антиголлистские страсти. Писали, что генерал «стареет», что он «не способен отвечать за свои слова», ведет себя «развязно», «возмутительно». Это еще не самые резкие эпитеты. Английское телевидение устроило оскорбительную передачу. Актер, загримированный под де Голля, изображал помешанного, произносящего речь с характерными для генерала интонациями и жестами, после чего два санитара скручивали ему руки и увозили в инвалидной коляске…

Даже в своем непосредственном окружении де Голль не встретил понимания. В это время президенту очень пригодилась его завидная способность презирать людей. Было совершенно ясно, что «освободительный поход де Голля на Квебек» служил лишь поводом для выражения недовольства влиятельных буржуазных кругов всем внешнеполитическим курсом де Голля.

Конечно, он оказал французскому крупному капиталу большие услуги. Разрешив внутренний кризис 1958 года, он помог ему избежать повторения в какой-либо форме Народного фронта. Он сумел выйти из алжирского тупика. Опираясь на свою сильную личную власть, он создал благоприятные условия для подготовки монополий к конкурентной борьбе на «общем рынке». Де Голль помог крупному капиталу ускорить процесс концентрации и укрепить свои позиции. Он успешно сдерживал до поры до времени недовольство трудящихся, выступавших против государственно-монополистической реакционной социальной политики. Непримиримая защита де Голлем национальных интересов длительное время устраивала крупный капитал.

Но постепенно положение изменяется. Теперь французским трестам уже тесно в национальных рамках, они хотят объединяться с иностранными трестами, осуществлять разделение труда уже не в рамках Франции или даже Западной Европы, а в масштабах всего мира. Французский капитал рвется на просторы «атлантической экономики». Наступает эпоха многонациональных корпораций, в которых французский капитал играл активную роль.

По мнению крупного капитала, «политика величия» устарела. К тому же она требовала огромных расходов и грозила обострением социальной обстановки в стране. Крупный капитал хотел дать понять де Голлю, что пора остановиться и вернуться в рамки более или менее нормальной, добропорядочной «атлантической» политики. Именно это пытались внушить де Голлю, подвергая разносу его внешнеполитическую деятельность в 1967 году. Но отступать он не собирался, ибо не принадлежал к тем ординарным буржуазным политикам, которые чутко улавливают желания своих настоящих хозяев и гибко приспосабливают к ним государственную политику.

27 ноября 1967 года на очередной пресс-конференции он снова решительно требует ликвидации устаревших привилегий доллара, осуждает агрессивную политику Израиля, снова бичует «отвратительную» войну США во Вьетнаме, выступает за освобождение Квебека, подтверждает незыблемость западных границ Польши, снова отвергает домогательства Лондона, рвущегося в «общий рынок».

Этот, как стали говорить тогда, «мятежник у власти» по-прежнему намерен вести Францию по пути независимости и величия.

Крушение

В мае 1968 года исполнялось десять лет пребывания де Голля у власти. За это время он преодолел немало трудностей, разрешил сложные проблемы, избежал серьезных опасностей. Были, правда, и неудачи, но генерал все же находил в конечном счете выход из всех критических ситуаций. Нельзя сказать, что в начале 1968 года внутриполитический горизонт представлялся де Голлю совершенно безоблачным. После парламентских выборов в марте 1967 года непрерывно укреплялись позиции левых сил. Коммунисты и другие левые постепенно преодолевали свои разногласия и двигались к единству. Напротив, росли противоречия в правительственном блоке. Группа «независимых» Жискар д'Эстэна переходит в оппозицию. Сама правительственная партия, которая теперь называлась «Союз демократов за Пятую республику», переживала внутреннее брожение и как бы отдалялась от генерала де Голля. Она была озабочена главным образом проблемой своего «последеголлевского» существования. «Исторические» голлисты, выступавшие под знаменем генерала, уступали место «молодым волкам» нового, отнюдь не героического голлизма. Новый политический голлизм выражал для них лишь стремление воспользоваться привилегиями правящей партии. И все же внутриполитическое положение не внушало де Голлю особой тревоги, и он чувствовал себя уверенно. Генерал гордился тем, что никогда еще с времен войны Франция не имела столь прочных позиций в мире. Его независимая внешняя политика обеспечивала ей устойчивое и почетное международное положение. Экономический потенциал Франции возрастал. Однако эта возросшая мощь из-за господства монополий превращалась в источник слабости государства из-за обострения классовых противоречий. Рабочие, все трудящиеся ничего не выигрывали от роста производительности своего труда, от достижений научно-технической революции. Они с трудом добивались в условиях новых, возросших потребностей лишь сохранения своего жизненного уровня. Зато монополии сказочно обогащались. Неизлечимая при капитализме социальная болезнь подтачивала устои того сильного государства, которое было идеалом де Голля. Он видел ее симптомы, пытался даже ставить диагноз. Но предлагаемое им лекарство походило на утопические иллюзии и состояло из робких и двусмысленных проектов «участия», не привлекавших никого, ни рабочих, ни предпринимателей. В новогоднем выступлении де Голль говорил: «Я с удовольствием приветствую 1968 год, поскольку благодаря

заинтересованности персонала в прибылях наступающий год открывает важный этап в движении к новому социальному порядку. Я имею в виду движение к прямому участию трудящихся в результатах, в капитале, в ответственности на наших французских предприятиях».

В 1967 году появляется серия новых экономических и социальных декретов. Они предписывали увеличить взносы трудящихся в кассы социального страхования, отменяли выборность их руководящих органов и расширяли участие в них предпринимателей. Одновременно издается очередной декрет о «заинтересованности рабочих в плодах развития предприятия». Эта новая попытка наладить сотрудничество классов касалась небольшой части трудящихся, всего 2 миллионов, которые в неопределенном будущем получили бы возможность пользоваться незначительной частью прибылей, ради чего им пришлось бы отказаться от борьбы за улучшение условий своего существования, например от требований увеличения зарплаты. Профсоюзы отвергли новый декрет об «участии». Вся затея носила настолько несерьезный, демагогический характер, что просто удивительно, почему де Голль связывал с ней все свои надежды на разрешение социальных проблем. Снова сказывалась его органическая неспособность понять смысл, природу классовой борьбы. Находясь в плену самых странных иллюзий, он совершенно не чувствовал до мая 1968 года приближения небывалого политического и морального потрясения созданного им государства.

Это относилось также к студенческому движению, оказавшемуся своеобразным детонатором майского взрыва 1968 года. Де Голль вообще считал, что, в отличие от довоенного времени, студентов больше не волнуют никакие политические проблемы. «Сегодня, — говорил он, — ничто не может возбудить студентов, кроме требований, касающихся университетских столовых». В действительности полумиллионная масса студентов породила сильное, хотя и весьма смутное, оппозиционное движение. Правительство готовило разные проекты реформы устаревшей системы университетского образования. Но они были столь же далеки от устранения причин университетского кризиса, как и план «участия» от реальных факторов обострения социального положения.

В бурных событиях мая 1968 года, положивших начало крушению политической карьеры и личной судьбы де Голля, обнаружился зияющий разрыв между размахом, смелостью его внешнеполитической деятельности и ограниченностью, слепотой его внутренней, особенно социальной, политики. Генерал как бы

потерял самого себя, проявив ослепление, растерянность, слабость — качества, столь необычные для него прежде. Все его личное влияние на массы оказалось безнадежно подорванным. 77-летний генерал увидит разрушение своей власти, исчезновение своего магического авторитета. Его легендарная способность находить выход из самых сложных, даже катастрофических положений странным образом пропадет, и ему придется испытать на себе справедливость собственного суждения, высказанного им во втором томе «Военных мемуаров»: «История в великие минуты терпит у кормила власти лишь тех людей, которые способны направлять ход событий».

…1 мая в Париже было относительно спокойно. Шел дождь. По традиции всюду продавали ландыши. Впервые за много лет состоялась без всяких инцидентов первомайская демонстрация трудящихся, организованная компартией и Всеобщей конфедерацией труда. Правда, продолжались митинги и столкновения на факультете социологии в парижском пригороде Нантерре, где 2 мая пришлось прекратить занятия и закрыть учебные помещения. 23-летний студент Даниель Кон-Бендит во главе небольшой группы приверженцев уже несколько месяцев вел анархистскую кампанию, разоблачая всех направо и налево и призывая к революции. Но в общем Франция оставалась спокойной. Генеральный секретарь правящей голлистской партии Робер Пужад говорил: «Все недавние опросы общественного мнения свидетельствуют о привязанности французов к Пятой республике, о большом престиже генерала де Голля в самых различных кругах общественности». Париж готовился стать городом мира, ибо 10 мая здесь начинались американо-вьетнамские переговоры. 2 мая премьер-министр Жорж Помпиду отправился с визитом в Иран и Афганистан. Президент де Голль готовился к поездке в Румынию.

1968 год, май. Париж, Латинский квартал

Но после закрытия факультета в Нантерре студенческие беспорядки переместились в сердце Парижа, в Латинский квартал, в древнюю Сорбонну. Здесь шли митинги, возникали столкновения враждебных студенческих группировок. Ректор обратился за помощью к властям, и впервые за много лет в аудитории вторглась полиция. Несколько часов продолжались схватки между 2 тысячами студентов и отрядами полицейских. Начались поджоги автомобилей; построили несколько баррикад. 596 студентов были задержаны полицией. Сорбонну объявили закрытой, и полицейские встали у всех входов, никого не впуская. Несколько студентов, швырявших камни в полицейских, предстали перед судом и получили по два месяца тюрьмы. Но на другой день студенческие демонстрации возобновились. Снова столкновения с полицией, 600 человек ранено, 460 арестовано. Демонстрации и столкновения продолжаются и 7 мая. Студенческие организации требуют вывести полицию из Латинского квартала, освободить осужденных студентов и открыть факультеты в Париже и Нантерре.

Генерал де Голль все еще не видит ничего особенно тревожного. «Ребячество… — говорит он. — Это всего лишь несколько плохих студентов, испугавшихся экзаменов».

В действительности дело обстояло сложнее. Студенчество — часть интеллигенции, всегда наиболее резко выражающая противоречия общественного развития. Конечно, в бунтарстве парижских студентов было много мальчишества, анекдотических эпизодов, хаоса и сумбура. Но в сущности студенчество выступало прежде всего в результате кризиса системы

французского высшего образования, построенной на принципах трехсотлетней давности. И дело не только в том, что сохранялись традиционные факультеты, а профессора носили средневековые мантии. Образование на естественных и технических факультетах сводилось к приобретению практических навыков высококвалифицированного рабочего в белом воротничке, на гуманитарных — к запоминанию бесчисленного количества фактов, теорий, взглядов, касающихся чего угодно, кроме реальной жизни. Студенты чувствовали, что их превращают в специализированных идиотов, предназначенных для выполнения строго определенной функции в политическом или экономическом механизме буржуазного общества. К тому же диплом достается ценой каторжного труда. Лекции продолжаются порой по десять часов в день. А половина студентов одновременно с учебой вынуждена еще и зарабатывать на жизнь. Далеко не все выдерживали такой тернистый путь к диплому. Во Франции заканчивали курс только четверть тех, кто начинал учебу. На некоторых факультетах диплом получал лишь один из десяти студентов. Любопытно, что зачинщиками повсюду выступали студенты гуманитарных факультетов, то есть те, кого больше всего начиняли идеями «западной цивилизации». В результате это привело к бурному отрицанию буржуазной идеологии, к тому «великому отказу» студенчества, который побудил лидеров Пятой республики говорить о «кризисе цивилизации» (А. Мальро), «духовном кризисе» (Э. Фор) и т. п. Интеллигентско-мелкобуржуазный характер основной массы студентов определил тот факт, что их господствующей идеологией стали разные течения так называемого гошизма, то есть левачества. Гошизм — это каша, в которой смешались элементы бланкизма, троцкизма, анархизма, утопизма, маоизма и многих других «измов». Идейный туман в головах студентов отражал переходную социальную природу французского студенчества.

Де Голль не желает и не может разобраться во всех этих тонкостях. 7 мая он заявляет группе депутатов: «Университет должен быть преобразован и модернизирован. Я в этом глубоко убежден. Но нельзя позволить его противникам обосноваться в Университете, а насилию — на улице». Генерала возмущают все новые факты нарушения студентами всегда священного для него «порядка». Драки, поджоги, баррикады — все выводит его из себя, и в гневе он заявляет своим министрам: «Это означает, что речь идет об испытании сил. Мы не потерпим такого положения. Порядок должен быть восстановлен прежде всего… Это дурные студенты не хотят вернуться к занятиям. Они издеваются над

возвращением к спокойствию и труду. Они стремятся к китайской культурной революции. Ни за что! Не может быть вопроса об уступках».

Министр просвещения Алэн Пейерфит и министр внутренних дел Кристиан Фуше растеряны, как и их чиновники. Они то выступают с обещаниями уступок, то начинают угрожать. Переговоры университетского начальства с представителями студентов не дают результатов. Замешательство и растерянность усиливаются.

Обстановка особенно накаляется к вечеру 10 мая. Переговоры оказались безуспешными. Студенты сооружают в районе площади Эдмона Ростана около 60 баррикад. Некоторые из них достигают двух метров высоты. Над баррикадами черные и красные флаги. Вокруг несколько тысяч полицейских ждут приказа, не вмешиваясь пока в суматоху, царящую за баррикадами. Среди студентов немало людей отнюдь не студенческого возраста и вида. Они со знанием дела подают советы. Студенты вооружены бутылками с горючей смесью и булыжниками. Вообще, все носит характер какого-то спектакля. Огнестрельного оружия у студентов нет, а для ликвидации баррикад достаточно нескольких бульдозеров. Полицейским приказано не стрелять. В их распоряжении газовые гранаты, дубинки и большие пластмассовые щиты для предохранения от булыжников. Фуше и Пейерфит не решаются ничего предпринимать. Генерал де Голль в 10 часов вечера лег спать, а будить его никто не осмеливается. Наконец, в 2 часа ночи отдается приказ ликвидировать баррикады и восстановить порядок. Загремели взрывы газовых гранат, запылали подожженные автомобили и здания. Ряды полицейских, прикрываясь щитами, наступают на баррикады. Начинается жестокое избиение студентов. Побоище продолжается пять часов. Итог: 367 раненых, из них 32 тяжело, 460 арестованных, 188 сожженных автомобилей. Студенты по призыву Кон-Бендита разбегаются.

Рано утром в Елисейский дворец являются «победители» — Пейерфит, Фуше, Жокс (заменявший премьера) и другие министры. Совещания продолжаются фактически весь день. Некоторые предлагают принять требования студентов. «Нет, нет и нет! — отвечает де Голль. — Перед мятежом не капитулируют. Государство не отступает». Между тем ВКТ и другие профсоюзные организации принимают решение провести 13 мая всеобщую 24-часовую забастовку протеста против репрессий властей. За этим решением — грозная тень многомиллионного рабочего класса Франции. События приобретают все более драматический характер.

Вечером 11 мая в Париж возвращается из поездки в Афганистан и Иран премьер-министр Жорж Помпиду. Он сразу созывает заседание правительства и предлагает начать новый курс, поскольку он лично еще не был связан с событиями. Премьер предлагает в понедельник, 13-го, открыть Сорбонну и удовлетворить требования студентов. Некоторые министры возражают, указывая, что это произведет впечатление слабости власти и воодушевит бунтующих студентов. Но генерал де Голль соглашается на отступление и возлагает ответственность за правительственную тактику на премьер-министра.

13 мая, как было решено ранее, начинается всеобщая забастовка и грандиозная демонстрация. Шествие от площади Республики до Данфер-Рошеро, в котором участвовало около миллиона трудящихся, поражает своим мощным размахом и организованностью. Демонстрация явилась выражением протеста против расправ над студентами. Однако лозунги демонстрантов придают ей новое, несравненно более важное политическое значение: «Десять лет — этого достаточно!», «Де Голля в архив!», «Де Голля в богадельню!», «Прощай, де Голль!». Демонстрация происходит в день десятилетия алжирского мятежа, который привел де Голля к власти. Многие несут иронический лозунг: «13 мая 1958-13 мая 1968. Счастливой годовщины, мой генерал!» Полиция не показывается на пути следования гигантских колонн. Впрочем, профсоюзы организуют свою службу порядка. Демонстрантам даны указания, достигнув площади Данфер-Рошеро, расходиться по домам. Но группы студентов призывают идти дальше и взять штурмом Елисейский дворец! Однако их небольшая кучка. Авантюризм гошистов вызывает подозрения. Волна симпатии к студентам начинает спадать. Наступает новый этап борьбы. Вопрос поставлен теперь уже не только о реформе Университета, но о несравненно более важном деле: о ликвидации авторитарного, антисоциального режима, о восстановлении демократии, об удовлетворении насущных нужд трудящихся. В этот же день многочисленные демонстрации состоялись и в других городах Франции.

Между тем рано утром 14 мая генерал, как было заранее намечено, должен отправиться с официальным визитом в Румынию. Накануне поздно вечером де Голль охвачен необычной для него нерешительностью. Министр внутренних дел Фуше советует отложить поездку, и он уже соглашается. Но приходят премьер-министр и министр иностранных дел и советуют ехать. Поскольку внешняя политика всегда стоит у де Голля на первом месте, он в конце концов летит в Румынию.

А события во Франции идут своим чередом. Полиция

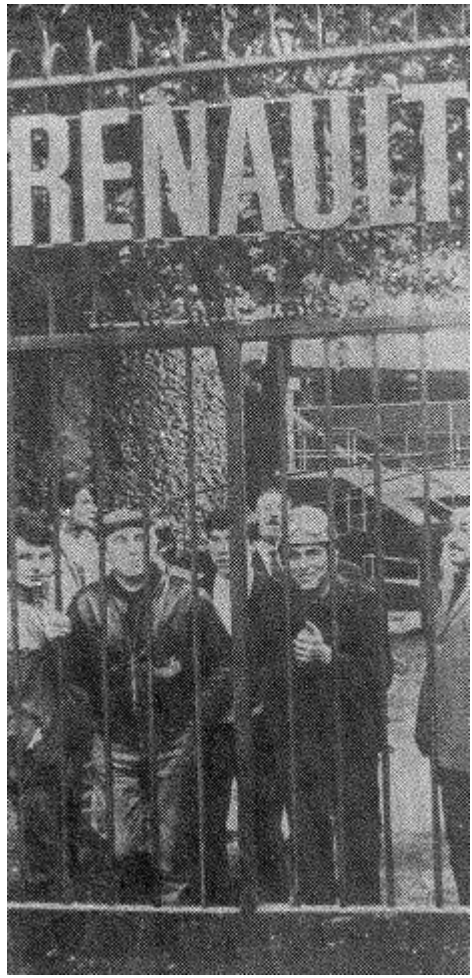
оставляет Сорбонну, и соперничающие группы гошистов обосновываются в аудиториях. Их не так уж много, несколько сотен. Но множество любопытных интеллигентов наводняют храм науки. Теперь здесь «критический» или «свободный» Университет. Провозглашается установление «студенческой власти». Что все это значит? О возобновлении занятий, естественно, нет и речи. День и ночь идут митинги. Ораторы сменяют друг друга. Одни призывают к анархии. «Ни бога, ни господина», — звучит старый лозунг бланкистов. Другие требуют полной сексуальной свободы. Разумеется, обсуждаются и университетские проблемы. Требуют отмены экзаменов, обязательных программ и курсов, увольнения всех старых профессоров. Часто поют «Интернационал», но еще чаще произносят антикоммунистические речи. В руках мелькают красные книжечки изречений Мао, распространяемые китайским посольством. Часто ссылаются на Троцкого. Все стены заклеены лозунгами и запачканы надписями: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!», «Запрещается запрещать!», «Воображение к власти!» Объявляется «непрерывная творческая революция». Все требуют полного преобразования общества. Но как это сделать и чем его заменить? Никто толком этого не знает. Затем захватывают находящийся неподалеку театр «Одеон». Пытаются вступить в контакт с бастующими рабочими, но те с подозрением относятся к анархистским и антикоммунистическим действиям гошистов. На заводы их не пускают.

А там царит иная, более серьезная атмосфера. Всеобщая забастовка, объявленная сначала на 24 часа, по истечении этого срока не только не прекратилась, но стала еще более всеохватывающей. При этом борьба трудящихся приобретает новые формы. Рабочие занимают предприятия. Это началось 14 мая занятием завода «Зюд авиасьон» около Нанта. Затем то же самое в последующие два дня произошло на огромном комплексе предприятий государственной автомобильной фирмы «Рено». Дело дошло до того, что бастующие чиновники заняли даже резиденцию Национального совета французских предпринимателей! Прекратилась работа всех видов общественного транспорта, связи, забастовали работники радио и телевидения. К 20 мая Франция была полностью парализована, число бастующих достигло 10 миллионов.

Рабочие на заводах также митинговали. Но там речи и характер требований были иными, чем в Сорбонне. Здесь реалистично требовали возможного: улучшения условий труда, более справедливой его оплаты. На заводах стены тоже заклеены плакатами и лозунгами. На «Рено», например, чаще всего встречались надписи: «40 часов», «60 лет», «1000 франков». В

первом случае речь шла о продолжительности рабочей недели, во втором — о пенсионном возрасте, в третьем — о минимальной зарплате. И, конечно, повсюду фигурировал де Голль. Ведь он страстно стремился к персонализации власти, к монархии республиканского стиля. Поэтому все без исключения пороки Пятой республики, вызвавшие взрыв недовольства, естественно связывались с личностью де Голля. Характерные знакомые черты де Голля, его жесты, генеральская форма и прочее фигурировали в карикатурном виде на плакатах как обвинение, предъявляемое ему французами. Личная власть на службе монополий закономерно вела его к личному краху. «Десть лет — этого довольно!» — кричали все стены Франции.

Де Голль продолжает свое заграничное путешествие в то самое время, как положение во Франции обостряется. Министры, которых он отучил действовать самостоятельно, не решаются предпринимать что-либо серьезное в его отсутствие. На нем одном держится все государство. Дебрэ, Фрэ, Фуше звонят генералу в Бухарест и просят его сократить пребывание за границей. Наконец, после долгого телефонного разговора с премьер-министром де Голль сокращает время пребывания в Румынии на 12 часов и в субботу 18 мая поздно вечером возвращается в Париж.

1968 год, май. Бастующие рабочие занимают заводы

Все члены правительства встречают его и сообщают о тревожных новостях. Генерал взбешен и обрушивается на них с потоком упреков и сарказмов: «Стоит де Голлю удалиться и все рушится!» — гневно бросает он. Но разве все начинало рушиться не в его присутствии? Затем, уже в Елисейском дворце, генерал решительно заявляет: «Надо остановить все это. Или они, или мы… Да — реформам, нет — бардаку!»

Совет министров под председательством де Голля долго решает, какие же шаги предпринять. Генерал бледен, он выглядит очень усталым и постаревшим, плечи опущены, и иногда становится заметно, как трясется его голова. Министры пространно высказывают свои взгляды на сложившуюся обстановку. Де Голль предлагает новый референдум, о котором он намерен сообщить стране в выступлении по радио и телевидению 24 мая. Некоторые министры предлагают провести

лучше досрочные парламентские выборы. Президент колеблется, но все же выбирает излюбленное средство — референдум.

24 мая де Голль появился на экранах телевизоров и произнес шестиминутную речь, пожалуй, самую бесцветную, вялую, бессодержательную из всех его многочисленных речей. Она совершенно не соответствовала масштабам событий.

Он признал, что «стране угрожает паралич», и сказал, что надо предотвратить опасность ее «вовлечения в результате гражданской войны в самые отвратительные и самые разорительные авантюры». Каким образом? Путем положительного голосования на референдуме за предоставление «государству, и прежде всего его главе, полномочий для того, чтобы обеспечить обновление». О характере этого обновления судить трудно, ибо генерал ограничился самыми общими формулами. «В случае если вы ответите „нет“, — предупреждал де Голль, — само собой разумеется, что я не буду больше долго выполнять свои функции».

Французы спрашивали: куда же исчез величественный, героический пафос его многих прежних выступлений, его решительность, твердость, уверенность в себе? Он как бы сразу потерял свое красноречие, убежденность, страстность. Нет, это уже не был прежний легендарный человек действия. Разочарование, недоумение, возмущение — такова реакция на речь де Голля. «Это Ватерлоо!» — говорили многие. Когда накануне своего выступления де Голль советовался с министрами, генерал Бийот говорил, что общественность ждет от его речи появления «великого де Голля». Речь должна убедить, что «мы разрушим все Бастилии консерватизма». Ничего подобного не случилось. Напротив, все газеты, кроме голлистской «Насьон», расценили речь де Голля как признание поражения, как проявление беспомощности. «Ничего нового» — такой лейтмотив всех откликов. В передовой статье газеты «Юманите» говорилось: «На этот раз чары разрушены и притом окончательно. Человек провидения трепещет на своем пьедестале. Десять лет пребывания у власти его изменили. Теперь это всего лишь обреченный политический деятель, который маневрирует, чтобы добиться отсрочки… Глава государства дал понять, что если результаты референдума будут неблагоприятными для него, то он откажется от государственной деятельности. Браво! Но к чему ждать? Нынешнее правительство ничего не представляет. Не нужно больше ждать. Нужно уйти. Так уходите, г-н генерал, пока еще не поздно!» Впрочем, сам генерал чувствует себя в какой-то прострации. Он сознает, что его выступление не оказало никакого влияния на события, которые развиваются в прежнем, опасном

направлении. В тот же день в Париже происходит новая грандиозная демонстрация и сотни тысяч людей идут с криками: «Народное правительство!», «Де Голля в отставку!» А ночью в Латинском квартале опять рвутся газовые гранаты, и снова сотни раненых и арестованных. Волнения вспыхивают непрерывно и в провинции.

Никогда в жизни де Голль еще не испытывал такого отчаяния от сознания своего бессилия. Все его прежние неудачи, все кризисы и испытания не повергали его в такое замешательство. Жан-Раймон Турну в книге «Май генерала», описывая детали событий тех дней, заключает: «Чувство горечи достигло у него крайней степени. Вся его особая французская гордость стремилась помешать тому, чтобы нация вновь стала „больным человеком“ Европы. И вот одним движением несколько бешеных из Нантерра сумели сделать то, в чем потерпели поражение специалисты психологической войны в 1958 году, создатели баррикад в 1960, бунтовщики 1961 и главари ОАС в 1962 году».

Даже в беседах с иностранными дипломатами, которых ему приходится принимать в эти тягостные для него дни, генерал неожиданно произносит странные, наводящие на размышления фразы: «Будущее не зависит от нас. Оно зависит от бога», «Ничто не может быть легким и простым в Париже…»

Сейчас генерал уверен в этом, как никогда раньше. До своего выступления 24 мая он рассчитывал, что идея референдума окажется выходом из тупика. Ведь всенародное движение, несмотря на его невероятный размах, имело роковую слабость: у него не было единого руководства. Главные оппозиционные силы — Французская коммунистическая партия и Федерация левых демократических сил, несмотря на все усилия коммунистов, так и не приняли ни общей политической программы, ни плана совместных действий. Поэтому никакой определенной альтернативы режиму Пятой республики не существовало. Не случайно 22 мая резолюция недоверия правительству не собрала в парламенте большинства. Раздробленная оппозиция совместно не могла ничего предложить Франции. Де Голль и надеялся, что референдум примут как единственный реальный выход из положения. Однако реакция оказалась столь отрицательной, что референдум сделался предметом насмешек и презрения. «Я ударил мимо цели», — говорил де Голль, отдавая себе отчет, что он сделал ошибочный, ложный ход и теперь оказался в собственной западне.

Потерпел неудачу и другой крупный тактический замысел: попытка вывести из боя главную силу противников режима — рабочий класс. Помпиду и предприниматели в течение 25 часов

вели переговоры с представителями профсоюзов. Они пошли на неслыханные уступки, согласившись на серьезное повышение заработной платы и другие льготы. Зарплата самых низкооплачиваемых повышалась на 35 процентов, а в среднем — на 15. Но рабочие хорошо знали по собственному печальному опыту, что любое соглашение с правительством и хозяевами— клочок бумаги, ибо они, как всегда, быстро сведут на нет свои уступки. На собраниях рабочих крупнейших предприятий проект соглашения был с презрением отвергнут, а забастовку решили продолжать. Итак, снова удар мимо цели!

Правда, разброд в левом лагере не только сохранялся, но как будто даже усиливался. 27 мая на стадионе Шарлети состоялся многотысячный митинг, организованный гошистами. Ораторы нападали не столько на де Голля, сколько на компартию и Всеобщую конфедерацию труда. Их объявили «основными антиреволюционными силами порядка во французском обществе», поскольку компартия не поддерживала авантюристические и провокационные призывы студенческих вожаков к восстанию. Она видела, что рост оппозиции режиму еще не означает революционной ситуации. Гошисты истерически призывали рабочих на баррикады. Но компартия трезво учитывала, что в условиях, когда армия не собиралась переходить на сторону народа, когда основная мелкобуржуазная масса французского населения совершенно не склонна была идти на крупные социалистические преобразования, восстание было бы безумием. Последующие события полностью подтвердили правильность линии коммунистов. Но гошистские горлопаны меньше всего думали об интересах рабочего класса. Объективно они играли провокационную роль, которой не замедлил воспользоваться режим Пятой республики. Вдобавок ко всему на раскольническом митинге в Шарлети появился известный лидер левых Мендес-Франс и поддержал антикоммунистическую кампанию мнимых революционеров из Нантерра и Сорбонны.

Но как ни утешителен для де Голля был этот раскол левых, события не давали ему передышки. На другой день, 28 мая, в отеле «Континенталь», где генерал некогда объявлял об уходе от политической деятельности, устроил пресс-конференцию его соперник на президентских выборах 1965 года, лидер федерации левых сил Франсуа Миттеран. Он заявил, что в связи с явной вероятностью ухода де Голля в результате референдума, а возможно и раньше, он предлагает создать временное правительство, которое «состояло бы из десяти членов, выбранных без дискриминации и отжившею „дозирования“, так, как это было сделано в 1944 году в иных условиях, сравнимых,

однако, с нынешним фактом исчезновения государства». Таким образом, речь шла об участии в правительстве коммунистов. Возглавить правительство должен Мендес-Франс, а себя Миттеран выдвигал кандидатом на пост президента. Хотя он выступил, не известив предварительно коммунистов, а Мендес-Франс включился в антикоммунистическую кампанию гошистов, коммунисты в целом положительно отнеслись к инициативе Миттерана. Но, в отличие от охваченных «революционными» иллюзиями гошистов, они трезво учитывали обстановку, рассматривая ситуацию не как действительно революционную, хотя и считали власть де Голля в корне подорванной.

Теперь кризис голлистской власти достиг наивысшей остроты. Государство, казалось, распадается и хаос охватывает сами правительственные учреждения. Хотя де Голль отозвался на выступления Миттерана и Мендес-Франса саркастической репликой: «забракованные политиканы», он не мог не помнить, что Миттеран на выборах 1965 года собрал десять с половиной миллионов голосов. В правительстве шептались, что «единственное решение — уход генерала», что он теперь в том же положении, в каком Ренэ Коти находился десять лет назад.

Де Голль, впрочем, и сам заговаривал с министрами о своем уходе: «Французы больше не хотят де Голля», — со вздохом произносил он. Ожидали, что положение прояснится на следующий день, 29 мая, на заседании Совета министров, назначенном на 10 часов утра. Однако за 45 минут до этого из Елисейского дворца Помпиду передали по поручению генерала, что заседание переносится на 15 часов 30 минут 30 мая, а де Голль отправляется в Коломбэ. Озадаченный премьер хочет встретиться с генералом, но тот сам звонит ему и сообщает об отъезде. Многих министров не успели предупредить, и они явились на заседание в Елисейский дворец, только здесь узнав, что президент неожиданно покинул столицу, что он забрал чемоданы с архивами… Общее недоумение и растерянность. Вспоминают о бегстве Людовика XVI в Варенн, об отъезде 18 марта 1871 года Тьера в Версаль… Уныние воцаряется среди депутатов правительственного большинства. «Увы, мы абсолютно уверены, что он уйдет», — говорит один из старых голлистов и добавляет: «Какая досада, что генерал не ушел в отставку в 1965 году! Ведь сегодня в третий раз признательная нация упросила бы отшельника вернуться…»

В 14 часов 30 минут премьер-министр принимает группу депутатов правительственного большинства. Он пересказывает слова генерала, услышанные им утром по телефону: «Я совершенно измучен, я не спал уже шесть ночей. Мне надо 24

часа спокойствия и отдыха, чтобы принять решение. Я отправляюсь в Коломбэ спать!» Затем премьер-министр говорит: «Теперь надо ждать решения генерала. Но в том душевном состоянии, в котором я видел его в последние дни, не исключен его уход». Между тем события не ждут. Именно в эти минуты в Париже по призыву ВКТ начинается новая демонстрация трудящихся. Около миллиона человек идут под лозунгами создания народного правительства демократического союза с участием коммунистов. В отличие от анархических воплей гошистов, это было реалистическое требование перед лицом полного краха режима. Оно выдвигалось в демократических рамках республиканской законности и не связывалось ни с какими замыслами насильственной революции. Более того, массовые организации трудящихся осуждали анархистские провокации гошистов так же, как и продиктованные страхом действия властей, уже готовых в панике развязать гражданскую войну. В столице были сосредоточены полицейские силы 65 департаментов (из 90). Привели в готовность многие воинские части, в том числе парашютные и танковые. Кроме того, лидеры голлистов лихорадочно и поспешно готовили демонстрацию в поддержку де Голля, намеченную на 30 мая.

Де Голль в мае 1968 года

В самый разгар всей этой суматохи поступает ошеломляющая новость: де Голль исчез! Вертолет, на котором он вылетел в Коломбэ, не прибыл туда вовремя!

«Генерал сошел с ума, — восклицает один из министров. — Мы попали в историческую драму». Все брошено на поиски пропавшего президента. Наконец, в 16 часов 29 мая военный министр сообщает Помпиду, что органы противовоздушной обороны напали на след генерала: его вертолет улетел в Западную Германию! Звонят в штаб французских оккупационных войск в Баден-Бадене генералу Массю. Он сообщает, что де Голль у него и все в порядке. В «Отель Матиньон» вздох облегчения. «Я пережил два часа ужасной тревоги», — говорил Жорж Помпиду. В G часов вечера де Голль позвонил ему уже из Коломбэ и сообщил, что завтра, 30 мая, он вернется в Париж и проведет намеченное заседание Совета министров.

Что же произошло? Чем объясняются эти странные поступки

генерала, оставившего столицу в самые критические дни майских событий?

Конечно, «Коннетабль» растерялся и испытывал острый моральный кризис. События ошеломили и захлестнули его. Позднее, в декабре 1969 года, в беседе с Андрэ Мальро он скажет: «В мае 1968 года все от меня ускользало. Я не мог больше рассчитывать на свое собственное правительство». Он действительно нуждался физически и морально в какой-то разрядке. Вспомним, какое потрясение он испытал в 1940 году в связи с. неудачей экспедиции в Дакар. А ведь тогда он был еще сравнительно молод. 28 лет не прошли для него бесследно, и де Голль состарился. А старость, как он сам говорил, это крушение. Если переводить буквально его выражение, «это кораблекрушение».

Когда он внезапно покинул Париж, у него не было никакого определенного плана действий. Многое свидетельствовало об импровизации, неожиданности поступков в ходе всей этой самой необычайной эскапады генерала. Он полетел в Баден-Баден не один, он забрал семью, туда был специально вызван его сын Филипп де Голль. Он взял с собой важнейшие бумаги и вещи. Когда же он вернулся из-за Рейна, то в Коломбэ с аэродрома он приехал в случайной полицейской машине. Следовательно, генерал действительно думал об уходе. Вообще в его характере всегда проявлялась органическая двусмысленность слов и действий. Он в принципе не считал нужным обязательно придерживаться заранее установленного плана. Вспомним его военную «доктрину обстоятельств», его глубокую склонность к Бергсону, его стремление поступать под влиянием интуиции, чутья, эмоций. Тем более в таких запутанных, неожиданных обстоятельствах. К тому же он всегда считал целесообразным вносить в свои действия элемент таинственности и загадочности. Все это сказалось, конечно, на поведении генерала в данном случае с особой силой.

В бесчисленных попытках анализа поведения генерала, которое считают одной из интересных загадок французской истории, уже предпринятых во Франции, содержится, конечно, множество гипотез относительно намерений де Голля. Пишут о его стремлении вызвать психологический шок даже среди собственных сторонников, начинавших колебаться, не говоря уже о всей буржуазии, которую генерал хотел оставить на момент перед пустотой. Свидание с Массю трактуется как стремление проверить надежность армии, припугнуть репутацией этого генерала, за которым уже когда-то маячила тень гражданской войны. Внезапный отъезд де Голля из Парижа связывают с

демонстрацией трудящихся, намеченной на 29 мая. Трудно сказать, действительно ли де Голль опасался, что демонстранты под влиянием гошистов пойдут штурмовать Елисейский дворец. Во всяком случае, его внезапный отъезд служил намеком на такую возможность. Ведь в истории Франции уже случалось, что ее правители покидали столицу при наступлении революции, чтобы затем отвоевать ее, действуя извне. Словом, надо было толкнуть Францию «порядка» с помощью страха к сплочению вокруг де Голля. К этому в конце концов и свелась тактика генерала.

30 мая в 14 часов 30 минут генерал вернулся в Елисейский дворец. Он предстал перед своими министрами твердым и решительным, по мнению многих, как бы помолодевшим. «Я принял решение. Я остаюсь», — заявил он на заседании, где обсуждался план дальнейших действий. Объявленный 24 мая де Голлем референдум решено отложить, а вместо него провести досрочные выборы в парламент. Ведь поражение на референдуме привело бы к уходу генерала, а поражение на выборах не помешало бы ему продолжать борьбу и дальше. Тем более что теперь он решил не допустить поражения.

В 16 часов 30 минут французы слышат выступление де Голля по радио. На этот раз его не видят одновременно на экранах телевизоров. Нет времени, чтобы выучить текст в 60 строчек, а он не хочет, особенно сегодня, демонстрировать свою слабеющую память, читая по бумажке. В отличие от неудачного выступления 24 мая, его голос звучит гораздо тверже. Генерал начинает серьезный, решающий бой. Он говорит: «Будучи носителем национальной и республиканской законности, я изучал в течение 24 часов все без исключения возможности, которые позволили бы мне поддержать ее. И я принял свое решение. При нынешних обстоятельствах я не покину своего поста. Я получил свой мандат от народа и я его выполню… Я распускаю сегодня Национальное собрание».

И далее следует безапелляционное объявление войны Французской компартии, «которая является тоталитарной организацией, даже если у нее уже имеются соперники». Он угрожает прибегнуть «к иным средствам», чем выборы. Он требует всюду организовать «гражданские действия», то есть создавать отряды по борьбе с левыми. Он провозглашает префектов «комиссарами Республики», наделенными всеми полномочиями в борьбе против «подрывной деятельности». Против кого и чего? Вот как он говорит о противнике: «Франции угрожает диктатура. Ее хотят заставить подчиниться власти, которая была бы введена в обстановке национального отчаяния, власти, которая,

разумеется, была бы прежде всего властью победителя, то есть тоталитарного коммунизма».

Итак, генерал де Голль вновь обрел способность к энергичному действию. Однако при этом он унизился до самой пошлой демагогии. Орган компартии газета «Юманите» констатировала: «Глава государства хитрит и лжет. Он лжет, когда обвиняет Коммунистическую партию в подготовке подрывной деятельности». Конечно, Пятая республика оказалась под угрозой. Эта действительно тоталитарная система личной власти могла быть заменена восстановленной и обновленной демократией. Но де Голль беззастенчиво поставил все с ног на голову. Как обычно, он не усматривал в этом ничего аморального. Его склонность к военному образу мышления, всегда допускавшему ложные маневры, — обман противника на войне, оправдывала использование их и в политике.

Через час после передачи по радио речи генерала он вышел на балкон Елисейского дворца. Де Голль молча прислушивался к шуму массовой демонстрации, организованной голлистами под лозунгами: «Да здравствует де Голль!», «Франция, на работу!» Стоявший рядом адъютант проговорил: «Мой генерал, какой это успех для вас!» Де Голль ответил: «Если бы речь шла только обо мне…»

В самом деле, достаточно было взглянуть на участников голлистской демонстрации, чтобы понять социальный смысл происходящего. Здесь преобладали люди среднего и пожилого возраста, респектабельные, хорошо одетые. Рабочих не было. Выделялись бывшие парашютисты, отставные военные, чиновники. «Кортеж петэновцев», — заметил один наблюдатель. На Елисейские поля вышла буржуазная Франция, жаждавшая порядка и твердой власти. «Успех» де Голля на этот раз не имел ничего общего с теми моментами его жизни, когда он олицетворял национальные интересы Франции. Теперь он объединяет крайнюю реакцию, в новых условиях воплощавшую дух Виши. Это не был де Голль «18 июня 1940 года», это был де Голль времен фарса РПФ. Сразу восстанавливается союз между ним и «ультра». Не случайно вскоре последует амнистия Салана и других деятелей ОАС, во Францию вернется Бидо, затем Сустель. Словно чувствуя личное крушение, опасность потери героического ореола общенационального вождя, генерал пытается преодолеть свой социальный консерватизм, прикрыть свои действия облагороженным обликом каких-то новых прогрессивных замыслов.

7 июня телевидение передает его обширное интервью с редактором консервативного еженедельника «Фигаро литерер»

Мишелем Друа. Генерал более пространно, чем 30 мая, излагает свою версию майских событий. Он говорит, что «действительно произошел взрыв… вопреки, а может быть, вследствие огромных успехов, достигнутых за десять лет мира, который был полностью восстановлен, и бесподобного международного положения».

Это поистине шедевр отсутствия логики и вопиющих противоречий. Взрыв произошел в результате… успехов!!! А может быть, «вопреки» им? Де Голль не проявляет ни малейшей склонности взять на себя хотя бы долю ответственности. Он словно забыл, что десять лет безраздельно управлял Францией, результатом чего оказалось, как он сам признал, «что в определенный момент возник вопрос, не соскользнет ли наша страна безвольно в пропасть, подобно тому как в немецкой легенде ребенок на руках своего отца предается Лесному царю и смерти».

Правда, 7 июня 1968 года на экранах телевизоров де Голль еще напоминал привычный облик человека исключительной судьбы. Знакомый французам стиль, образность речи, пафос. Известные приемы автора книги «На острие шпаги»: таинственность, загадочность, своеобразная облагороженная политическая расчетливость и хитрость…. Отсутствует главное, благодаря чему де Голль вошел в историю: нет больше ясной, возвышенной, национальной цели. Есть только стремление сохранить свой режим, притом любой ценой.

Впервые генерал так резко, небывало ясно обнаруживает свой разрыв с народом, который отверг его в бурные майские дни.

Понимая этот убийственный для него смысл событий, он все же пытается преодолеть свой трагический разрыв с Францией. Де Голль напоминает о своих прошлых делах, многие из которых были столь радикальными и прогрессивными. «Всякий раз, — говорит он, — когда я действовал в различных областях, я видел, как вокруг меня поднимается прилив непонимания, упреков, а порой и ярости. Это судьба».

Генерал явно хочет дать понять своим слушателям, что майское движение — это явление, аналогичное, например, мятежам «ультра» против его политики в Алжире. Но он не в состоянии указать настоящую причину нынешнего массового выступления против него. Он умалчивает о своей крайне реакционной социальной политике, о ликвидации важнейших элементов демократии в управлении страной. Игнорируя эти стороны своей деятельности, усилившие кризис всей системы французского капитализма и вызвавшие «красный май», он делает поистине акробатический прыжок мысли и объявляет себя… революционером!

На каком основании? Оказывается, он намерен провести «подлинную революцию» путем введения уже всем известного плана «участия». И при этом сам признает, что реальная власть повсюду, от государства в целом до любого предприятия, все равно останется у тех, кто ею располагает сейчас. «Совещаться — дело многих людей, а действовать — дело только одного человека», — повторяет он свой излюбленный тезис. Правда, на этот раз он осуждает не только коммунизм, но и капитализм: «Собственность, руководство, — говорит де Голль, — прибыль предприятий в условиях капиталистической системы принадлежат лишь капиталу. Поэтому те, кто не обладает им, находятся в своего рода состоянии отчуждения… Нет, капитализм, с точки зрения человека, не дает удовлетворительного решения».

Конечно, такое признание в устах старого генерала — это не шуточное дело. Это большая идеологическая уступка де Голля. Он говорит о кризисе «современной механической цивилизации», об отчуждении человека, о «подавлении и порабощении людей капитализмом». Да, майские события явно потрясли его и заставили на многое взглянуть иначе, чем прежде. Видно, не зря 29 мая де Голль провел шесть часов в вертолете, что всегда, как он говорил, позволяло ему, наблюдая сверху пейзажи родной Франции, яснее, свободнее размышлять о ее существовании.

И все же выводы генерала, его робкий, неясный план «участия» (хотя, выдвигая его, де Голль явно присваивал и выдавал за свои некоторые идеи левых) не соответствуют ни его справедливой констатации кризиса капитализма, ни масштабам майских событий. План «участия» как небо от земли далек от размаха и смелости многих прошлых замыслов и действий де Голля. Вспомним, например, как детально, глубоко, смело он некогда разрабатывал свой план «профессиональной армии»! А сейчас он ограничивается туманными, двусмысленными фразами, лишенными размаха и воображения. Он уподобляется врачу, пытающемуся лечить открытый перелом с помощью пластыря. И при этом генерал, как всегда, требует слепо доверять ему. Но как можно было верить обещанию допустить участие трудящихся в доходах и управлении предприятиями, если на протяжении десяти лет де Голль в основном занимался именно отстранением французов от всякого участия в политическом управлении страной?

Если генерал и питал надежду, что кто-то ему поверит, значит, он уже витал в облаках. Кстати, он сам, чтобы обрисовать создавшееся положение, рассказывает в своем интервью 7 июня о старинной картине, «изображавшей толпу, которую должны вести

в ад, в то время как бедный одинокий ангел указывал ей противоположное направление; из этой толпы все кулаки поднимались не против демонов, а против ангела». Он призывает вырваться из рук зловредных демонов и устремиться к ангелу, то есть к нему, де Голлю!

Впрочем, генерал еще не покинул грешную землю. В своем интервью он снова пугает слушателей призраком «тоталитарной диктатуры». Чтобы избежать ее, он требует, чтобы парламентские выборы 23–30 июня дали «хорошие» результаты, то есть результаты, выигрышные для правящей партии. И он предупреждает: «Если же, напротив, результаты будут плохими, тогда все погибло».

Так де Голль раздувает истерию страха, которая станет лейтмотивом избирательной кампании 1968 года. Голлисты никогда еще не действовали с такой яростной энергией. Но теперь они вели борьбу уже не за де Голля, а за собственное существование без него, хотя и продолжали еще использовать остатки обаяния его имени. Контрреволюционные силы успешно использовали майские баррикады с черными флагами, пробудившие инстинкт страха «среднего» француза, оставшегося в душе мелким буржуа. А гошисты, выражавшие в мае стихийные чувства протеста молодежи, теперь стали прямым орудием запугивания мелкобуржуазных обывателей призраком гражданской войны. Их новые выступления в июне часто организуются полицейскими агентами. В результате выборы дали результат, оказавшийся совершенно неожиданным для тех, кто считал майские события «революцией». Произошел резкий сдвиг вправо, левые серьезно отступили. Голлисты и их союзники собрали больше миллиона дополнительных голосов и приобрели небывалое большинство. Они выиграли 97 мест и имели теперь в Национальном собрании 358 мандатов из 485.

Все левые понесли существенные потери. Федерация левых сил потеряла 61 место. Число избирателей, голосовавших за компартию, сократилось с 22,5 процента до 20, а количество депутатских мест — с 72 до 33. «Компартии пришлось расплачиваться за баррикады, которых она не строила», — писала «Монд». Почему же после столь мощного выступления трудящихся против режима выборы окончились столь успешно для него? «Основной причиной сдвига в пользу голлистов, — отвечал Генеральный секретарь компартии Вальдек Роше, — была боязнь гражданской войны».

Но личные позиции де Голля нисколько не укрепились. Один из его министров сказал после выборов: «Партия выиграна, но с генералом покончено». Социальный строй удалось спасти, но это

только подчеркнуло тот факт, что именно при де Голле его вообще потребовалось спасать отчаянными средствами. Государство, возглавляемое де Голлем, обнаружило свою роковую слабость из-за того, что все традиционные предохранительные клапаны, то есть партии, парламент, министры, правительство, не действовали. Лишенные какой-либо самостоятельности, они не несли и ответственности.

Стало ясно, что любой политический кризис обрушивается не на какую-либо часть государственной системы, а на исключительное воплощение ее реальной власти — на президента. «Красный май» показал, что это ставит под вопрос само существование социального строя. Буржуазия почувствовала крайнюю опасность полной персонализации власти. На июньских выборах чрезвычайные обстоятельства еще побуждают ее в последний раз объединиться вокруг де Голля. Но после успеха широкие буржуазные круги отходят от него. Он уже не дает им ощущения надежности: он внушает страх. Особое личное влияние генерала на массы, которое так эффективно защищало французский капитализм щитом высших национальных интересов, было утрачено. Власть де Голля оказалась «изношенной». В довершение всего генерал начал осуждать капитализм и, выдвигая план «участия», посягал на священный принцип частной собственности. Давно копившееся недовольство буржуазии самостоятельностью действий генерала чувствуется с небывалой силой. Потеряв поддержку низов, де Голль бесповоротно утрачивал теперь и опору в верхах.

Восемь месяцев, разделявших июньские выборы и уход генерала, его французские биографы называют временем «отсрочки». В самом деле, это была отсрочка приговора, вынесенного в мае 1968 года.

В сужающемся кругу верных голлистов рассчитывали, что у генерала откроется «второе дыхание». Признаки этого как будто появляются. В июле де Голль назначает премьер-министром Кув де Мюрвиля вместо Жоржа Помпиду, переведенного, как сказал генерал, «в резерв республики». Но последует ли что-то новое в политике? Когда в августе была взорвана первая французская водородная бомба, спрашивали: может быть, подобно этому, произойдет взрыв энергии и у де Голля? Ожидали его 17-ю пресс-конференцию, назначенную на 9 сентября. Но очередная «торжественная месса» не принесла сенсации. Хотя генерал и сказал, что «голлизм является современным выражением порыва нашей страны, вновь активизированного ее стремлениями к блеску, силе, влиянию», сам он не проявил никакого «порыва»; генерал сообщил, что «участие», кроме применения его на уровне

предприятия, должно осуществляться на уровне всей страны путем преобразования сената в экономический и социальный орган, представляющий «группы интересов» от предпринимателей до профсоюзов, а на уровне областей — путем создания в них аналогичных органов. Эти туманные планы не вдохновили никого. Даже ревностный поборник «участия» Луи Валлон сказал, что это «шаг назад по сравнению с прежними декларациями».

Пресс-конференция разочаровала всех. «Констатация своей беспомощности», «Гора родила мышь» — такие формулы мелькали в газетах.

За все время «отсрочки» де Голль словно колеблется, сомневается, хотя неукоснительно, с прежней неутомимостью выполняет свои повседневные обязанности президента. В двух случаях перед Францией вновь предстает прежний решительный и властный генерал, не считающийся с препятствиями и принимающий самые крутые меры.

В ноябре разразился так называемый «денежный путч» буржуазии против де Голля. Предприниматели давно уже алчно использовали любые средства, чтобы компенсировать потери из-за повышения зарплаты, которого добились трудящиеся в мае. Наиболее эффективным средством оказалось обесценение франка, стабильность которого де Голль считал одним из главных своих достижений. Чтобы ничего не потерять самим, собственники стремятся сбывать франки и приобретать марки ФРГ. Более 800 миллионов долларов за несколько дней уплывают из Франции. Все говорят о неизбежности девальвации пресловутого тяжелого франка, этого любимого детища генерала, позволившего ему потрясти господство доллара. Но 24 ноября де Голль выступает по радио с заявлением, что франк не будет девальвирован, несмотря ни на что! Заявление вызывает недоумение и возмущение на финансовых биржах мира. Но де Голль добивается своего благодаря помощи… Бонна! И он требует жертв не у предпринимателей, конечно, но у трудящихся. Итак, десять лет власти де Голля привели к финансовому краху, как и при старом «режиме партий». Престижу де Голля нанесен новый непоправимый удар.

25 декабря израильская авиация совершает разбойничий налет на аэропорт в Бейруте, уничтожая стоявшие там гражданские самолеты. Генерал де Голль немедленно, не советуясь ни с кем, принимает решение о строжайшем эмбарго на поставку Израилю самолетов «Мираж», за которые Тель-Авив уже заплатил деньги. Недовольство произраильских кругов, всепроникающее влияние которых простирается даже на многих членов голлистского правительства, достигает небывалой силы. И

раньше независимый курс де Голля в ближневосточных делах вызывал их негодование. Теперь международный сионизм объявляет ему войну не на жизнь, а на смерть.

Об уходе де Голля говорят как о решенном деле.

1968 год завершается в мрачной атмосфере. В новогоднем выступлении де Голль напрасно призывает «похоронить дьяволов, которые терзали нас в истекшем году». Комментируя речь де Голля, «Монд» отмечала, что все жгучие проблемы остаются, что «триумф июньских выборов в действительности не вырвал корней майского кризиса». В различных политических кругах речь идет лишь о том, кто и как сменит де Голля. Впрочем, 18 января 1969 года Жорж Помпиду на пресс-конференции в Риме открыто говорит, что в случае ухода генерала он будет кандидатом в президенты. Через три дня следует заявление де Голля о том, что он намерен до конца срока, то есть до выборов 1972 года, оставаться на посту президента. Но так ли уж он тверд в этом намерении? Все свидетельствует об отсутствии у него такой уверенности. И чтобы обрести ее, де Голль решает провести новый референдум по вопросу об «участии», а конкретно о реорганизации сената и о новом региональном устройстве. Он хочет или получить подтверждение того, что страна его поддерживает, и тогда он останется и будет осуществлять серьезно свой план «участия» или уйдет… 2 февраля де Голль объявляет, что в апреле 1969 года состоится референдум. Некоторые из ближайших сотрудников де Голля считали референдум не нужным и думали, что реформу проще провести через парламент. Де Голль соглашается с этим, но не допускает и мысли об отказе от референдума. И он говорит, что если ему суждено уйти, то он уйдет как социальный реформатор, как человек обновления, а не как защитник отживших привилегий напуганной буржуазии. Ведь еще два года назад он говорил: «Мне надо уходить с достоинством. Я должен остаться безупречным образцом. Это надо для истории… Французам стоит только сказать об этом. Я не задержусь ни на один день. Я сам выберу момент. Но я уйду».

Де Голль мог бы оставаться у власти еще три года, до окончания срока своих полномочий. Но после мая 1968 года, подорвавшего основы его влияния, власти, авторитета, это был бы закат, прозябание, упадок. Ему пришлось бы уступать, лавировать, подчиняться. Конец его царствования закончился бы в обстановке растущей враждебности и презрения. Особенно он боялся последствий неотвратимой старости. Ведь именно умственным и физическим одряхлением он объяснял жалкую судьбу Петэна. Итак, надо было либо идти на унизительные

уступки перед многосторонней оппозицией с ее противоречивыми требованиями, либо уходить. Но де Голль выбрал третий путь. Он решил попытаться еще раз укрепить свое положение, получив поддержку Франции на референдуме, и в случае успеха действовать с прежней самостоятельностью и непреклонностью. Он пошел в наступление без уверенности в победе. Многочисленные опросы, бесспорные признаки указывали перспективу поражения. ЮДР, его собственная партия, очень вяло, неохотно вступила в кампанию нового референдума. Голлисты не видели смысла в этом ненужном испытании сил, которое могло только скомпрометировать успех июня 1968 года. Генерал, имя которого дало им все, теперь явно стал для них обузой.

Но даже в предвидении неминуемого поражения он вел кампанию так, будто был уверен в победе. Дважды генерал выступает по телевидению, энергично призывает отвечать «да», предупреждает о своем уходе в случае большинства «нет». А в это время из Елисейского дворца уже перевозят его личный архив на улицу Сольферино. За три дня до голосования он собственноручно написал два документа и вручил их начальнику своей канцелярии Бернару Трико, который должен был хранить их до получения особых распоряжений. 25 апреля де Голль отправляется в Коломбэ. 27 апреля в полдень он проголосовал в деревенской мэрии и стал ждать результатов референдума. Вечером начались телефонные звонки из Парижа. Все свидетельствовало о поражении, и, когда это окончательно выяснилось, генерал де Голль в 22 часа приказал по телефону Бернару Трико передать заготовленные документы премьер-министру. В письме на имя Кув де Мюрвиля де Голль благодарил его и всех министров за сотрудничество и прощался с ними. Текст второго документа в первом часу ночи был передан по радио: «Я прекращаю выполнение обязанностей президента Республики. Это решение вступает в силу сегодня в полдень».

Без всяких речей, прощальных церемоний, без возвращения в Париж этими двумя строчками генерал де Голль закончил свою политическую карьеру. «Согласитесь, — говорил де Голль одному из близких, — что это прекрасный выход, Прекрасный выход перед лицом истории, ибо я привлек внимание страны к „участию“, что является основным для будущего Франции. Это последняя услуга, которую я смог оказать Франции».

Только нескольких сотрудников аппарата бывшего президента в последующие дни допустили в «Буассери», где уединился генерал. Когда один из них — Жак Фоккар заговорил с ним о каких-то политических новостях, де Голль прервал его:

«Нет, это меня не касается. Об этом надо говорить не со мной…» Речь может идти только о кое-каких чисто технических вопросах, об устройстве судьбы бывших сотрудников, организации частного парижского бюро генерала. Он решает некоторые денежные вопросы. В 1946 году де Голль отказался от генеральской пенсии, сейчас он не желает также получать солидное содержание в качестве бывшего президента и жалованье члена Конституционного совета. Сотрудники генерала, естественно, не задают ему бестактных вопросов о его чувствах и настроении, а он сам непроницаемо холоден и спокоен. Все инстинктивно понимают значение того, что произошло. Один из тех, кто был принят в Коломбэ в первые дни, рассказывал друзьям о впечатлении, которое на него произвел де Голль: «Вы не можете представить себе, насколько это печально, спокойно и величественно. Но я не увидел человека, который готовится к смерти…»

У генерала есть планы на будущее, он сразу решил приступить к работе над мемуарами. 4 мая он просит подобрать ему документы для первой главы, касающейся его возвращения к власти в 1958 году. «Я буду теперь писать и этим, может быть, окажу очень большую услугу Франции».

Но так ли уж он спокоен в душе, как хочет это показать? Де Голль переживает мучительные дни, хотя он и предвидел ход событий. Его больше всего волнует, достаточно ли величия в его уходе? Что скажет история? Ведь в 1946 году он ушел по доброй воле. Формально его не отвергли в результате какого-то голосования. Иначе обстоит дело теперь. Его вынудили уйти не презираемые им партии, как тогда; против него голосовала Франция, 12 миллионов французов, больше половины голосовавших ответили «нет»! Он уязвлен неблагодарностью своих подданных, тем, что страна немедленно занялась, словно забыв его, напряженной борьбой из-за выборов нового президента. 10 мая публикуется сообщение, что генерал с супругой и адъютантом на военном самолете внезапно улетели в Ирландию. Там он поселился в уединенном месте во второразрядной гостинице, отказавшись от всяких связей с внешним миром. Его адъютант сказал журналистам, что генерал останется в Ирландии, пока во Франции не пройдут президентские выборы. Опираясь на палку, в темном пальто, заметно сгорбившись, генерал иногда совершает прогулки по песчаному побережью. Старый «король в изгнании…» Критически насмешливая оценка, полученная молодым капитаном де Голлем почти полвека назад, оказалась пророческой. Церемония по случаю очередной годовщины 18 июня 1940 года проходит без

участия «человека 18 июня». Так же будет в следующем, 1970 году, когда он отправится в свою последнюю заграничную, на этот раз частную поездку в Испанию. А в июне 1971 года он собирался побывать в Китае.

Де Голль ведет строго уединенную жизнь в Коломбэ. Он целиком погружен в прошлое, ибо он пишет «Мемуары надежды» и как бы заново переживает свою жизнь с 1958 года. Он предполагает написать три тома: «Обновление», «Усилие», «Завершение». Он полностью закончил первый том, который вышел в свет в октябре 1970 года. Написал две главы следующего, второго тома. «Мемуары надежды» своим стилем, характером напоминают «Военные мемуары». Генерал сохранил ясность мысли и свой литературный талант. Но в новых, незаконченных мемуарах все же не хватает романтического драматизма «Военных мемуаров», отразивших героический период жизни де Голля. Только главы, посвященные внешней политике, по-прежнему дышат устремленной вперед верой в величие Франции. В области внутренней политики де Голль оправдывает, естественно, все свои действия, о которых уже было рассказано. Своеобразная искренность мемуариста причудливо сочетается с крайней тенденциозностью. Это в большей степени человеческий, чем исторический документ…

Редкие посетители нарушают покой генерала. 11 декабря 1969 года это был Андрэ Мальро. Он увидел де Голля отдохнувшим от последних недель пребывания у власти, но настроенным грустно, меланхолично. Мальро думал, смотря на него: «Как он глубоко воплощает прошлое Франции! Образ без возраста, подобный виднеющемуся за его спиной лесу, покрытому снегом, с которым он теперь соединился». Четыре часа продолжался диалог этих двух интеллигентов и политиков, тесно связанных с 1944 года. Они понимают друг друга с полуслова и часто обмениваются полунамеками. Иногда генерал делает поразительные признания. Вот фрагменты высказываний генерала в ходе этого разговора, происходившего в зимних сумерках декабрьского дня: «Когда я ушел, то, возможно, в этом сказался возраст. Может быть. Но поймите, что у меня был контракт с Францией. Дела могли идти хорошо или плохо, но страна находилась со мной… Контракт был разорван. Я признаю это без горечи… Французы не имеют больше национальных устремлений. Они не хотят больше ничего делать ради Франции… То, что происходит сейчас, меня не касается. Это совсем не то, чего я хотел. Это нечто иное… С величием покончено».

1970 год, ноябрь. Коломбэ. Последний снимок де Голля

Что это? Горечь отстраненного и забытого человека? Сожаления о прошлом? Неудовлетворенность сделанным и сознание бессилия? Де Голль и Мальро говорят почти исключительно о прошлом, о смысле жизни и о смерти. Де Голль произносит фразу: «В конечном итоге выигрывает только смерть».

…В понедельник, 9 ноября 1970 года, Шарль де Голль поднялся, как обычно, рано. Через час, одетый в черный костюм, темный галстук, он спускается по деревянной лестнице и проходит в свой рабочий кабинет. Из окон башни он видит, как моросит мелкий дождь. Сегодня он решил заняться своей перепиской. За завтраком он почти ничего не говорит; молчалива, как всегда, и мадам де Голль. В доме свежо и сыро. Генерал возвращается в кабинет. В половине третьего приходит Ренэ Пио, крестьянин, арендующий у генерала землю. Де Голль приглашает его сесть в кресло слева от стола, угощает сигаретой. Он позвал соседа по случаю происходящего сейчас перезаключения арендных договоров. Генерал говорит, что он не хочет больше сдавать землю в аренду, но предлагает Пио по-прежнему возделывать ее и собирать урожай. Никакой оплаты не требуется, надо только следить за чистотой поля. «Да, мой генерал, —

отвечает Пио. — Я вам очень благодарен. Вы сделали мне подарок». Де Голль просит также поправить изгородь, он заметил, что она кое-где осела. Он интересуется, как дела у Пио с постройкой коровника. Потом он провожает гостя до самого двора, как он обычно провожал всех — министров, депутатов, генералов. Подняв голову к серому небу, де Голль говорит: «В этом году осень наступила как-то сразу». «И скоро придет зима», — добавляет Пио.

Де Голль садится за работу над мемуарами. Он приступает к описанию тревожных событий 1963 года. Потом генерал выходит прогуляться по парку, аллеи которого засыпаны опавшими листьями. В 5 часов, как принято в этом доме уже 30 лет, он приходит в библиотеку пить чай. Звонит по телефону в Париж и просит перепечатать одно письмо, привезти кое-какие материалы. Разговор кончается быстро, ибо генерал не любит телефон. Аппарат стоит в вестибюле, под лестницей. В кабинете телефона нет. Потом де Голль снова работает до половины седьмого, когда он гасит свети идет в библиотеку, расположенную рядом со столовой, где горничная Шарлотта уже накрывает стол к ужину. В углу стоит включенный телевизор. Генерал — усердный телезритель, он ждет сейчас передачи местных новостей, начинающейся в 7 часов. Усевшись в кресло за карточный стол, он берется, чтобы скоротать время, за раскладывание пасьянса. Вдруг карты выпадают у него из рук, он приподнимается и, судорожно схватившись руками за грудь, испускает хриплый крик: «О, как больно! Там, в спине…» Боль молниеносно поражает его как удар меча, он теряет сознание и валится, оседая набок. Колени его подгибаются, рука беспомощно хватается за кресло, очки падают на пол. Мадам де Голль зовет на помощь и кричит горничной: «Врача!» Та бежит к телефону. Время 19 часов 03 минуты.

Генерал говорил жене, как действовать в случае, если… Она помнит, как поступал он сам, когда умирала Анна. «Нужен матрас!» — кричит она, и Шарлотта быстро приносит матрас с постели одного из внуков генерала. Де Голля с трудом укладывают…

19 часов 08 минут. Шофер генерала Мару развязывает ему галстук, расстегивает воротничок. Мадам де Голль посылает его за священником, и он бежит к автомобилю. 19 часов 22 минуты. Молодой врач Ги Лашени и кюре Жожей появляются одновременно. Священника просят подождать, а врач бросается к больному. Симптомы ясны — разрыв аорты, смерть в таких случаях наступает менее чем за 30 минут. Врач делает все же укол морфия, но генерал уже ничего не чувствует. Теперь зовут

священника, и он становится на колени с другой стороны тела, торопливо доставая из сутаны требник и флакон со святым миром. Прерывающимся от волнения голосом он произносит слова последнего причастия: «Сын мой Шарль, этим святым миропомазанием Господь отпускает вам все грехи, которые вы совершили.

Аминь».

* * *

Жизнь де Голля противоречива и необычна. Такой же оказалась и его смерть. Не часто случается, чтобы кончина государственного деятеля, отошедшего от дел из-за явного политического поражения, вызвала столь широкий всемирный отклик. Но именно так и случилось, когда Шарль де Голль, не дожив 13 дней до своего 80-летия, завершил свой жизненный путь.

«Побольше солдат, побольше музыки», — говорил умирающий Черчилль, думая о своих похоронах. Генерал де Голль завещал, чтобы его похоронили на маленьком кладбище в Коломбэ без всяких публичных церемоний. Не должны присутствовать никакие высокопоставленные официальные лица, ни президент, ни премьер, ни министры, ни депутаты.

12 ноября 1970 года, в соответствии с волей генерала, он был погребен на кладбище в Коломбэ. Присутствовали только близкие родственники. Гроб, покрытый национальным флагом, из «Буассери» в церковь доставил бронетранспортер. Затем его несли десять юношей 18–20 лет, выделенных мэром из жителей Коломбэ. В почетном карауле стояли курсанты Сен-Сира.

Похороны Шарля де Голля в Коломбэ 12 ноября 1970 г

Но скромная траурная церемония в небольшом сельском поселке привлекла внимание и вызвала волнение необычайного масштаба. На погребальный звон в Коломбэ отозвались 50 тысяч церковных колоколов во всех городах и деревнях Франции. Общенациональный траур был искренним и всеобщим. Президент Республики Жорж Помпиду сказал, выступая по радио: «Франция овдовела…» «Его кончина не может оставить безразличным ни одного француза», — говорилось в заявлении Французской коммунистической партии.

В тот же день в Париже в Соборе Парижской богоматери происходила в присутствии представителей 84 государств траурная месса. Толпы народа стояли на улицах, шли с цветами к площади Звезды, где под Триумфальной аркой, воздвигнутой в честь побед Наполеона, находится могила Неизвестного солдата. Знаменитая площадь, символ славы Франции, была переименована в площадь Шарля де Голля. В Нью-Йорке в память о нем состоялось специальное заседание Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

Повсюду воздавали должное памяти генерала. В Москве французское посольство посетили руководители Коммунистической партии и Советского государства, многочисленные представители советской общественности. Советские руководители в телеграмме президенту Французской Республики писали:

«Имя генерала де Голля, одного из руководителей антигитлеровской коалиции, неразрывно связано для всех

советских людей с совместной борьбой Советского Союза и Франции в суровые годы второй мировой войны, с победой над фашистской тиранией. Выдающийся государственный деятель, пользовавшийся высоким международным авторитетом, генерал де Голль многое сделал для возрождения величия Франции на путях независимой внешнеполитической ориентации.

В Советском Союзе помнят и высоко ценят большой вклад, который внес генерал де Голль в дело развития отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Францией. Наши переговоры с генералом де Голлем во время его визита в Советский Союз в 1966 году открыли важный этап в истории советско-французских отношений, сыграли первостепенную роль в сближении Советского Союза и Франции на поприще разрядки напряженности, обеспечения европейской и международной безопасности, развития сотрудничества между всеми странами».

Шарль де Голль пользовался авторитетом во всем мире. Многие видели в его личности воплощение политического реализма, способности преодолевать классовые, антикоммунистические предубеждения во имя высших интересов Франции. В Советском Союзе уважали и ценили его как активного поборника традиционной дружбы наших двух стран. Для стран Азии, Африки и Латинской Америки де Голль был прежде всего человеком, положившим конец алжирской войне, осуждавшим агрессию США во Вьетнаме и Израиля на Ближнем Востоке. В развивающихся странах особенно живой отклик вызывала исключительная приверженность де Голля принципу национальной независимости. Для стран Западной Европы он воплощал сопротивление американской гегемонии и организацию независимого европейского сотрудничества. Хотя только Франция вышла под его влиянием из военной системы НАТО, это отразилось и на положении других западноевропейских стран. Вашингтону пришлось больше считаться с их независимостью. Наконец, для своих соотечественников де Голль был прежде всего олицетворением независимости и величия Франции в тот период ее истории, когда она, казалось, уже бесповоротно превратилась во второразрядную страну.

Все эти обстоятельства создавали де Голлю исключительный авторитет и популярность. Он был для мира на многих этапах своей жизни олицетворением Франции — великой страны, так щедро обогатившей мировую цивилизацию. Восхищение вызывали личные качества этого необыкновенного человека, его характер, мужество, твердость, культура, так же как его истинный дух независимости, любовь ко всему великому, вера в себя и в

свое дело.

Но, с другой стороны, Шарль де Голль совсем не был идеальным образцом всех человеческих добродетелей и безупречно прогрессивных убеждений. Он часто действовал как консервативный, реакционный политик, он служил объективно, каковы бы ни были его субъективные намерения, обреченному миру капитализма. Циничный и надменный, он презирал людей и, уверовав в свою непогрешимость, совершал непростительные ошибки. Об этом свидетельствуют многие факты, это бесспорно. Однако сам де Голль говорил: «Меня надо было брать или таким, каков я есть, или не брать совсем».

Именно с такой позиции и написана эта книга. Конечно, многое в долгой и сложной жизни де Голля, в его качествах человека и политика недостаточно ясно. Ведь он сам придавал своим словам и поступкам загадочность. Пожалуй, к нему в необычайно большей степени относится мысль известного французского историка Токвиля о том, что «судьба отдельных людей еще гораздо темнее судьбы народов».

К тому же существует так называемый «голлистский миф». Он возник из своеобразного представления де Голля о своей роли, из апологетических произведений таких его пылких поклонников, как Франсуа Мориак, а главным образом, из политических потребностей. Основное в «голлистском мифе» — подмена реальных явлений ложными политическими и социальными идеями, мистическими, иррациональными понятиями.

Естественно, автор этой книги не претендует на окончательный характер своих оценок различных эпизодов многогранной противоречивой жизни Шарля де Голля.

Ведь перед читателем первая книга о нем, написанная на русском языке. И ока создавалась по горячим, еще не остывшим следам деятельности генерала, от которой нас отделяет крайне короткая историческая дистанция.

Правда, безапелляционные суждения прозвучали бы более эффектно. Во Франции в них нет недостатка. К примеру, журнал «Пари-Матч» писал, что, «по мнению большинства французов, де Голль занял в истории место, сравнимое с местом Наполеона, и более значительное, чем роль Клемансо». Но ведь признание крайней относительности подобных исторических аналогий давно уже по справедливости вошло в поговорку… Несомненно, однако, что генерал де Голль по праву занял исключительное место среди государственных деятелей, выдвинутых Францией.

Выходные данные

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ МОЛЧАНОВ
ГЕНЕРАЛ ДЕ ГОЛЛЬ

РЕДАКТОР Г. М. КРЫЛОВА
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР В. В. СУРКОВ
ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР Н. П. МАМАЕВА
КОРРЕКТОРЫ Е. В. АРХИПОВА В. В. СОБОЛЕВА

ИБ № 450
Сдано в набор 30.08.79. Подписано в печать 28.12.79.
А12845. Формат 84Х108 1/32. Бумага гип. № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,46. Уч. изд. л. 28,29.
Тираж 74 000 экз. Заказ № 627.
Цена 1 р. 90 к. Изд. № 149-И/79.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва Б-53, Садовая Спасская, д. 20.
Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

notes

Примечания

1

В большинстве книг о де Голле, где приводится текст этого письма, сказано «за мои фалды». Однако Лакутюр, тщательно анализируя размашистый беглый почерк де Голля и некоторые другие обстоятельства, приходит к заключению, что надо читать «наши». Иначе, пишет он, можно сделать «весьма пессимистический вывод в отношении умственного состояния майора де Голля».